

Академик М. П. Алексеев
1896–1981

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

II

И. С. ТУРГЕНЕВ и МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА
(К 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева)

Москва — С.-Петербург
Альянс-Архео
2011

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.: СПб.: Альянс-Архео, 2011. Вып. 2. — 538 с.
ISBN 978-5-98874-057-5

Сборник включает материалы Международной юбилейной конференции «И. С. Тургенев и мировая литература» (Петербург, сентябрь 2008 г.), раскрывающие многообразные связи творчества писателя с миром западноевропейской культуры, от античности до таких новейших течений, как французский экзистенциализм. Особое место в сборнике уделено публикациям неизвестных ранее документов, связанных с биографией и творчеством Тургенева: это статья Тургенева о К. Ю. Давыдове и телеграмма к нему, письма к Тургеневу известного журналиста А. С. Суворина, переписка Марианны Виардо с Е. И. Бларамберг о последних днях писателя, слово пред панихидой по Тургеневу пресвященного Серафима (Л. М. Чичагова) и др. В разделе «Из истории отечественного тургеневедения» впервые публикуются письма к А. И. Батюто его коллег и статья ученого, переписка Л. В. Пумпянского с редакцией журнала «Литературный критик», черновики писем Л. Н. Назаровой к Б. К. Зайцеву. В разделе «Из семейного архива» продолжается публикация писем к Тургеневу матери писателя В. П. Тургеновой. Раздел «Материалы к Тургеновской энциклопедии» продолжает знакомить читателя с результатами готовящегося издания, призванного объединить усилия литературоведов, историков, краеведов и музейных работников. Издание предназначено для специалистов по истории русской литературы XIX века, а также для широкого круга читателей, интересующихся неизвестными страницами отечественной культуры.

Редакционная коллегия:

Л. А. Балькова, Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Ответственные редакторы:

Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Рецензент

А. Г. Гродецкая

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-04-16170д*

ISBN 978-5-98874-057-5

© Коллектив авторов, 2011
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН, 2011
© Российская национальная библиотека, 2011
(Письма В. П. Тургеновой к И. С. Тургеневу)

*Памяти академика
Михаила Павловича
АЛЕКСЕЕВА*

Настоящий сборник продолжает новую серию Тургеневских сборников, возобновленных в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.¹ Значительное место в сборнике занимают материалы Международной юбилейной конференции «И. С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России», посвященной 190-летию со дня рождения писателя, которая была проведена 17–26 сентября 2008 года в Петербурге, Москве и Орле усилиями Пушкинского Дома, Государственного литературного музея, Государственного музея А. С. Пушкина, Библиотеки-читальни И. С. Тургенева в Москве, Орловского государственного университета и Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева в Орле.² Материалы докладов, заслушанных на всех этапах конференции, к настоящему времени напечатаны в нескольких изданиях.³ Начальный этап конференции (в Петербурге) имел в заглавии тему «И. С. Тургенев и мировая литература». Частично доклады, прозвучавшие на конференции в Пушкинском Доме, были опубликованы в указанных изданиях, отдельно были изданы тезисы докладов.⁴

Посвящая сборник памяти главного редактора Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах и второго, дополненного издания в 30 томах академика Михаила Павловича Алексеева, организаторы конференции отдали должное огромным усилиям, предпринятым известным ученым по подготовке академического собрания, которое объединило десятки исследователей как нашей страны, так и зарубежья. Можно сказать, что М. П. Алексеевым была создана настоящая школа тургеноведов, продолживших его дело и после ухода ученого из жизни.⁵ В настоящем сборнике представлена переписка ученого с

¹ См.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1 / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. 622 с.

² Хронику конференции см.: *Ипатов С. А.* Международная научная конференция «И. С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России» // *РЛ*. 2010. № 3. С. 202–210.

³ См.: И. С. Тургенев: Вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы международной научной конференции, посв. 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Орел, 2008. Вып. 1. 184 с.; То же. Вып. 3. 244 с.; Тургеневские чтения. М., 2009. Вып. 4 / Сост. и ред. Е. Г. Петраш. 416 с.

⁴ См.: И. С. Тургенев: Вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Орел, 2008. Вып. 2: И. С. Тургенев и мировая литература. 84 с.

⁵ См.: *Назарова Л. Н.* М. П. Алексеев — главный редактор Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 53–59.

французскими славистами, подготовленная на основе материалов, хранящихся в фонде М. П. Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Учитывая вклад М. П. Алексеева в современную компаративистику, отдельное заседание конференции прошло под знаком XIII-х Алексеевских чтений. Здесь, кроме научных докладов, было зачитано письмо ученого 1942 года из эвакуации к его ученице Б. И. Шкловской, переданное в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Помимо материалов конференции, в сборнике представлены традиционный раздел «Публикации» и введенные в предыдущем выпуске разделы «Материалы к Тургеневской энциклопедии», «Из истории отечественного тургеневедения» и «Из семейного архива». В последнем разделе продолжена публикация писем матери писателя В. П. Тургеневой к сыну. Составители сборника сочли уместным отметить отдельными подразделами юбилейные даты, широко отмечавшиеся научной общественностью за истекшие два года, — 200-летний юбилей рождения Н. В. Гоголя (1809–1852), чье творчество ознаменовало целый период русской литературы, одним из самых блистательных представителей которого был И. С. Тургенев, 100-летие со дня кончины Полины Виардо (1821–1910), чье имя и судьба оказались неотделимы от имени и судьбы русского писателя, и 190-летие со дня рождения великого русского лирика А. А. Фета (1820–1892), дружба с которым была одной из ярких страниц жизни Тургенева.

Печатаемая выборочные статьи из готовящейся в настоящее время «Тургеневской энциклопедии», редакция рассчитывает на отклик со стороны читателей и на возможное привлечение новых авторов для участия в этом фундаментальном труде, в том числе и тех, кто располагает неизвестными материалами о жизни и творчестве И. С. Тургенева. Сказанное относится и к разделу «Из истории отечественного тургеневедения», который может быть пополнен документами из личных архивов потомков тех, кто трудился на благородном поприще отечественной науки. Дневниковые записи, переписка с коллегами, наброски и подготовительные материалы незавершенных трудов представляют интерес для тех, кто в настоящее время работает над тем, чтобы творчество Тургенева привлекало все больше почитателей во всем мире.

Ограниченный объем не позволил включить некоторые материалы в настоящий сборник, однако они будут включены в следующие выпуски нашего издания.

Редколлегия благодарит Отдел рукописей Российской национальной библиотеки и Отдел рукописных фондов Государственного Литературного музея (Москва) за предоставленные материалы для публикации, а также выражает особую благодарность сотрудникам Рукописного отдела, Литературного музея и Библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева, оказавшим неоценимую помощь в подготовке сборника к печати.

Н. В. Володина

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ в ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Одна из устойчивых характеристик личности И. С. Тургенева — представление о нем как о последовательном западнике, совпадающее с его собственной самооценкой: «Я бросился вниз головою в „немецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн — я все-таки очутился „западником“, и остался им навсегда».¹

Более универсальной категорией, объясняющей эту особенность мировосприятия писателя, является определение «европеец» — в широком смысле этого слова, — когда оно обозначает не конкретное географическое пространство, место жительства человека, но определенный образ мысли, духовный компонент личности, тип поведения. В. К. Кантор пишет о том, что русский европеец в чем-то «противоположен русскому западнику, обольщавшемуся мечтой о Европе, а потому и быстро впадавшему в уныние от реальных противоречий Западной Европы».² Очевидно, это объясняется, прежде всего, позицией «внеаходимости» (если иметь в виду точку зрения) западника по отношению к Европе. Европеец же чувствует себя внутри пространства европейской культуры, осознает, как писал И. В. Киреевский в свой «западнический» период, «участие в общей жизни просвещенного мира»,³ не утрачивая при этом собственной национальной идентичности. Отсюда — понятие русского европейца, которое приобрело в отечественной культуре и литературе значение одного из базовых национальных концептов. Тургенев пользуется им наряду с понятием «западник». Так, в письме к А. И. Герцену он замечает: «Я все-таки европеус — и люблю знамя, верую в знамя, под которое я стал с молодости».⁴ Евро-

¹ ПССИП(2). Соч. Т. 11. С. 8.

² Кантор В. Русский европеец как явление культуры. М., 2001. С. 7.

³ Киреевский И. В. Десятинадцатый век // Киреевский И. В. Избранные статьи / Составление, вступит. ст. и коммент. В. А. Котельникова. М., 1984. С. 76.

⁴ ПССИП(2). Письма. Т. 5. С. 131.

пеизм для Тургенева, как следует из контекста художественного творчества писателя, автобиографических, публицистических материалов, — это, прежде всего, признание гражданских, социальных прав человека, ценности его внутренней свободы; уважение к закону; образованность и умение трудиться.

Очевидно, подобная система взглядов начала формироваться в сознании Тургенева уже в период его первого знакомства с Западной Европой. Сам мотив его поездки туда — в Германию — был достаточно традиционен: многие русские юноши из дворянских семей продолжали учебу в немецких университетах. Одновременно с Тургеневым в Берлинском университете слушали лекции Н. В. Станкевич, Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин. Однако его отъезд за границу имел и другие хорошо известные причины: неприятие той провинциальной помещичьей среды, тех пороков русской общественной жизни, которые были наиболее очевидны именно здесь, — прежде всего, крепостного права, с его губительными социальными, нравственными и психологическими последствиями для сознания нации, атмосферы русской жизни в целом. В своих воспоминаниях Тургенев объясняет это следующим образом: «Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя „всех и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал...».⁵

Европа, особенно при взгляде на нее со стороны, являла пример иного общественного устройства и отношения к человеку. Тургенев не раз рисует ситуацию, когда поездка на Запад, общение с людьми, находящимися в другой социокультурной среде, формируют у русского человека взгляд на себя со стороны. В «Вешних водах» писатель изображает характерную реакцию европейцев на существование в России крепостного права. Главный герой повести, Санин, собираясь жениться и планируя свое будущее, принимает решение продать имение. Когда он обсуждает это с семьей невесты — итальянцами, живущими в Германии, мать Джеммы неожиданно спрашивает: «Вы говорите: продать имение. Но как же вы это сделаете? Вы, стало быть, и крестьян тоже продадите?».⁶ «Barbari! — проворчал Панталеоне, который, вслед за Эмилом, показался было у дверей, тряхнул тупеем и скрылся».⁷ Определение «варвары», разумеется, не имело для писателя национальной «закрепленности». Так, в одном из писем Тургенева периода франко-прусской войны оно появляется в связи с характеристикой имперского режима во Франции: «...я всей душой на стороне немцев. Это поистине война цивилизации с варварством <...>. С бонапартизмом *должно* быть покончено, чего бы это ни стоило, если обществен-

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 8.

⁶ Там же. Т. 8. С. 331.

⁷ Там же.

ная нравственность, свобода и самостоятельность Европы вообще намерены иметь будущее».⁸

Очевидно, можно быть европейцем, не выезжая из России, и оставаться «варваром», живя во Франции, Англии или Германии. В произведениях Тургенева появляются подобные (эпизодические) персонажи — носители мещанской психологии, меркантилизма, филистерства. Тем не менее, даже не идеализируя характер общественной жизни на Западе, можно убедиться в реальном влиянии на нее идей французских энциклопедистов, «Общественного договора», «Декларации прав человека и гражданина» и других основополагающих текстов европейской культуры. «Не отсутствие народных симпатий в душе и не надменное пренебрежение к строю русской жизни сделали Европу необходимостью для его существования, — писал П. В. Анненков в своих воспоминаниях о Тургеневе, — а то, что здесь обильнее текла умственная жизнь, поглощающая пустые стремления, что в Европе он чувствовал себя более простым, дельным, верным самому себе и более свободным от вздорных искушений, чем когда становился лицом к лицу с русской действительностью».⁹

Уже первый опыт непосредственного знакомства с Западной Европой, в сочетании с общекультурными представлениями о ней, оказался чрезвычайно полезен для писателя. Вернувшись из Германии и поступив на службу в Министерство внутренних дел (1842), Тургенев в качестве «вступительной» работы, предлагаемой молодым людям, письменно излагает «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Едва ли не главным пафосом этого сочинения является идея «законности и положительности в отношении» помещика и крестьянина, «законности в самой собственности».¹⁰ Взаимоотношения помещиков и крестьян Тургенев считал основным вопросом русской общественной жизни. Однако эти отношения «почти ничем не определены и большей частью зависят от прихоти владельцев»,¹¹ — утверждает автор «Нескольких замечаний...». Само «чувство гражданственности, законности» развито в крестьянах «весьма слабо».¹²

Сопоставляя положение земледельческого класса в России и в европейских странах, Тургенев говорит об очевидных преимуществах его на Западе. Именно поэтому он считает необходимым изучение быта, общественного в Германии — «стране учености, совестливого трудолюбия и истинно изумительной способности проникать во все тайны человеческого духа»,¹³ а также во Франции и в Англии. Итог его рассуждений выглядит следующим образом: «Мы народ не только европей-

⁸ Там же. *Письма*. Т. 10. С. 331–332. Подлинник по-нем.

⁹ Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 316.

¹⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 423.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 425.

¹³ Там же. С. 429.

ский; мы недаром поставлены посредниками между Востоком и Западом; недаром наши границы касаются древней Европы, Китая и Северной Америки, трех самых различных выражений общества. С другой стороны, сохрани нас бог впасть в слепое поклонение всему русскому потому только, что оно русское; сохрани нас бог от ограниченных и, скажу прямо, неблагодарных нападков на Запад, особенно на Германию, — тем более неблагодарных, что часто из Германии (хотя мои слова могут показаться странными) возвращаешься с большей верой в силу и будущность наших учреждений... Вернейший признак силы — знать свои недостатки, свои слабости <...>».¹⁴ Эта зрелая позиция достаточно еще молодого человека в дальнейшем будет лишь укрепляться. Ощущение постоянной связи со своей страной, отчетливое осознание собственной национальной принадлежности органично соединится в Тургеневе с толерантным, искренне заинтересованным и сочувственным отношением к другой культуре и ментальности.

Главным героям Тургенева, как правило, в той или иной мере свойственен европеизм. Прежде всего, он отличает людей, которые получили университетское образование в России — преимущественно гуманитарное, историческое, философское — и продолжили учебу в Европе, в основном, в Германии. Наиболее характерная фигура в этом плане — герой первого романа Тургенева Дмитрий Рудин. Выпускник Московского университета, он позднее «провел год в Гейдельберге и около года в Берлине».¹⁵ Рудин почти не рассказывает об этом периоде своей жизни, но его значение для героя очевидно. Саму атмосферу Берлинского университета можно представить по очерку Тургенева «Письма из Берлина», где он делится впечатлениями студенческой жизни: «В сороковом году с волнением ожидали Шеллинга, шикали с ожесточением на первой лекции Шталя, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины, с благоговением слушали Стеффенса <...>».¹⁶ Очевидно, нечто подобное пережил и Рудин, тем более что и в России, еще до поездки в Европу, он был увлечен, как и многие молодые люди 1830-х — 1840-х годов, немецкой философией.

Вернувшись из Германии, Рудин «был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир».¹⁷ Европейские впечатления Рудина, скорее всего, не ограничивались университетом. Он приехал на Запад, пройдя через уникальный опыт духовно-интеллектуального общения в московском студенческом кружке, где до утра могли говорить «о боге, о правде, о будущем человечества, о поэзии»¹⁸ и где формировался тот тип личности, который был predisposed к восприятию гуманистической идеологии. Гуманистическое миропонимание — основа личности и поведения Рудина. Он горя-

¹⁴ Там же. С. 430.

¹⁵ Там же. Т. 5. С. 229.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 291.

¹⁷ Там же. Т. 5. С. 249.

¹⁸ Там же. С. 257.

чо защищает необходимость «знания, науки и веры в нее», ибо наука — убежден Рудин — дает людям «веру в самих себя, в свои силы»;¹⁹ говорит о «позоре малодушия и лени, о необходимости делать дело»,²⁰ наконец, — о «достоинстве человека, о значении истинной свободы».²¹

Это не только «слова» (в чем уверен Лежнев), но и искренние убеждения, определяющие доминанту поведения Рудина и его отношения с людьми. Он хорошо образован, и его действительно увлекает научная, интеллектуальная деятельность, хотя статьи Рудина, как и небольшой опыт преподавания, скорее всего, носят дилетантский характер. Он остается, по сути, свободным человеком, выбирающим, где ему жить и чем заниматься.

Примеры непоследовательности конкретных его поступков очевидны, ибо именно их коснулась авторская ирония, но основа личности Рудина носит достаточно цельный характер. Как пишет В. М. Маркович, «Рудин, свободный от своих недостатков, не имел бы своих достоинств <...>».²² Наиболее уязвимым — для самого Рудина — является его тезис о «необходимости делать дело», ибо русские европейцы, признавая, в числе других западных ценностей, труд (в русском варианте чаще он обозначается как «дело»), предъявляли к нему особые требования. «Дело», о котором мечтали русские юноши, должно было быть общественно значимым и иметь не столько практическую, сколько духовную пользу, отвечая при этом внутренним запросам человека.

Рассказывая Лежневу о бесконечных попытках найти достойное применение своим силам и способностям, Рудин в качестве последней возможности, которую он использовал, называет решение «сделаться» «деловым человеком, практическим». Причем он предваряет эти слова попутным замечанием: «не смейся, пожалуйста».²³ Практический человек в его глазах — это «сниженная» форма деятельности, лишенная высокого смысла. И хотя подобное представление о труде является доминирующим для героев русской литературы этого и предшествующего периодов, в творчестве Тургенева позднее появятся персонажи, понимающие деятельность, условно говоря, в западном ее варианте.

В европеизме Рудина, безусловно, есть внутренняя ограниченность. «Подлинный европеизм, — пишет В. Кантор, — произрастает из своей культуры — но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ».²⁴ Однако, как замечает Тургенев устами Лежнева, Рудин «России не знает, и это точно боль-

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ Там же. С. 242.

²¹ Там же. С. 292.

²² Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева // Маркович В. М. Избранные работы. СПб., 2008. С. 125.

²³ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 314.

²⁴ Кантор В. Русский европеец как явление культуры. С. 6.

шое несчастье».²⁵ Действительно, Рудин словно «выключен» из ее жизни. Не случайно тема крепостного рабства — как главного проявления ограничения прав личности в его собственной стране — даже косвенно не возникает в его разговорах. Во время последней встречи с Лежневым, мучительно пытаясь отыскать ответ на вопрос, почему он так и не нашел своего места в жизни, Рудин, со свойственным ему аналитическим взглядом на вещи, приводит следующее объяснение: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудрено, брат, строить, когда и почвы-то под ногами нету <...>».²⁶ В этом, может быть, и состоит один из главных источников его трагической судьбы. О финале романа писали много, в том числе о символике этого финала — героической гибели Рудина как романтического героя. Возможно, здесь есть еще один символический план: Рудин погибает в Европе, на парижской баррикаде, во время июльской революции 1848 (выразительная деталь — его принимают за поляка). Таким образом, дорогие для него идеи свободы он защищает, ценой собственной жизни, именно на Западе и тем самым становится непосредственным участником европейской истории.

Знакомство с Европой, считал Тургенев, чрезвычайно полезно для русского человека. «...Никто из нас, — писал он, — не может сказать, каким образом и под каким видом западают в него и когда созревают в нем семена правды, добра, образованности. „Для этого нет необходимости покидать свою родину“, — возразят мне. Согласен: семена эти носят в каждом воздухе; но путешествие в чужой стране то же, что знакомство с чужим языком; это — обогащение внутреннего человека, а нашему брату не для чего прикидываться, что ему своего за глаза довольно. <...> Чужеземное влияние сбивает только того с дороги, кто и без того никуда не шел».²⁷

Стремление продолжить свое образование в Европе характерно для многих тургеневских героев, хотя автор и не дает развернутого описания этого периода их жизни на Западе. Федор Павлович Лаврецкий («Дворянское гнездо»), приехав в Париж и будучи уже далеко не в студенческом возрасте, отправляется в Сорбонну слушать лекции. Андрей Петрович Берсенева, один из героев романа «Накануне», будущий ученый, специалист в области истории и философии, уже после окончания Московского университета, как сообщает в эпилоге повествователь, обучается в Гейдельберге, Берлине и Париже. Характерно, что две его статьи, на которые обратила внимание «ученая публика», называются «О некоторых особенностях древнегерманского права в деле судебных наказаний» и «О значении городского начала в вопросе цивилизации».²⁸ Таким образом, именно западные ценности он стремится разъяснять образованному русскому читателю.

²⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 305.

²⁶ Там же. С. 312.

²⁷ Тургенев И. С. Из-за границы. Письмо первое // Там же. Т. 10. С. 306.

²⁸ Там же. Т. 6. С. 299.

Для человека искусства, начинающего скульптора Павла Яковлевича Шубина, истинной Меккой является Италия, куда стремились все русские художники. Из эпилога романа становится известно, что Шубин осуществил свою мечту: живет в Риме; «весь предался своему искусству и считается одним из самых замечательных и многообещающих молодых ваятелей». ²⁹ Тургенев, благодаря личному опыту, понимал, как важно, особенно человеку искусства, непосредственное общение с теми культурными ценностями, которые были созданы в Западной Европе. Рассказывая в письме к Т. Н. Грановскому о впечатлениях от поездки в Италию, он пишет: «Со мной случилось то же, что с бедным человеком, получившим огромное наследство: трудно и запутанно. Целый мир, мне не знакомый, мир художества — хлынул мне в душу <...> я начинал находить наслажденья в художестве, до тех пор мне неизвестные». ³⁰

Поездка в Европу помогает героям двух последних романов Тургенева в освоении другого рода деятельности. Григорий Михайлович Литвинов (роман «Дым») в течение четырех лет «добросовестно» изучает в Европе (в Германии, Бельгии, Англии) организацию сельского хозяйства, «агрономию и технологию», ³¹ чтобы затем использовать этот опыт уже в России. Ему оказывается интересно именно практическое дело, в отличие от традиционно приоритетных для русской интеллигенции занятий наукой и искусством. В то же время он отнюдь не дистанцируется от общественной жизни, общественной ситуации в стране. События романа приурочены к 1862 году, и отзвук того, что недавно произошло и происходит в России: крестьянская реформа, волнения в Польше, петербургские пожары, косвенное упоминание о романе Чернышевского «Что делать?» (Чернышевский был арестован в июле 1862 года, а события романа происходят в августе) и пр., — постоянно присутствует на страницах произведения.

Правда, в ответ на вопрос Губарева, каких он придерживается мнений, Литвинов отвечает: «Собственно у меня нет никаких политических убеждений». ³² Тем не менее писатель отдельными деталями (реакция Литвинова, хотя и крайне сдержанная, на позицию русской «военной аристократии», готовой отменить даже 19 февраля, его реплики в разговорах с Потугиним) дает возможность понять, что Литвинов — человек либеральных взглядов. Муж Ирины, генерал Ратмиров, заявляет даже, что «этот барин смотрит карбонарием». ³³

К этому же — новому для Тургенева — типу героя принадлежит Василий Федотович Соломин (роман «Новь»). Соломин, обучаясь механике и управлению заводом в Англии, затем успешно применяет свои знания в России, на фабрике купца Фалеева, которая при нем «была

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. *Письма*. Т. 1. С. 154.

³¹ Там же. *Соч.* Т. 7. С. 254.

³² Там же. С. 264.

³³ Там же. С. 340.

в полном расцветании и завалена работой».³⁴ Правда, как замечает автор, «не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было заметно нигде и ни в чем; напротив — всюду поражала небрежность, грязь, копоть <...>. Русская фабрика — как есть; не немецкая и не французская мануфактура».³⁵ Скорее всего, Соломин иначе организует ее жизнь уже на собственном заводе в Перми. Будучи еще управляющим, он стремится сделать более цивилизованной и благополучной жизнь рабочих: строит при фабрике школу и больницу. Г. П. Федотов видел в подобного рода деятельности специфическую особенность русских европейцев: «Почти всегда они уходили от политики, чтобы сохранить свои силы для единственно возможного дела».³⁶ Польский же литературовед Б. Оляшек считает, что появление подобных персонажей в позднем творчестве Тургенева позволяет рассматривать их как «русскую модель» позитивизма.³⁷

В то же время Соломин, как и Литвинов, по-своему «включен» в русскую общественную жизнь. Он сочувствует народникам — общему пафосу их деятельности, — даже помогает им, хотя сама идеология народничества оказывается ему чуждой: у Соломина иное представление о способах помощи народу и участия в его судьбе. Подчеркивая подлинную близость Соломина народной и национальной жизни, Тургенев отмечает его способность видеть эту жизнь со стороны, сопоставляя «свое» и «чужое». Характерно замечание героя: «В нашем... звании надо быть твердым. Англичане говорят: „Never say die“ <«Никогда не говори: все кончено». — *англ.*>. Хорошая поговорка. Лучше русской: „Пришла беда, растворяй ворота!“».³⁸ Частный пример лишний раз подтверждает понимание Соломиным глубинных основ национальной культуры.

Само внимание, интерес Тургенева к типу человека, который занят «практическим делом», не страдает от ощущения собственной ненужности и нереализованности своих сил, не «загублен» рефлексией и вместе с тем наделен всей полнотой чувств, развитым сознанием, определенными убеждениями, — скорее, исключение из общего правила, чем закономерность. Современный исследователь пишет: «Русская литература совершенно очевидно недолюбливает обыкновенного человека, занятого обыкновенным, мирным созидательным делом (не говоря уже о том, что так называемый „деловой“ человек <...> чаще всего получает аттестацию подлеца), предпочитая гамлетов и донкихотов, скитальцев и страдальцев, униженных и оскорбленных — иными словами,

³⁴ Там же. Т. 9. С. 222.

³⁵ Там же. С. 223.

³⁶ Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 179.

³⁷ Оляшек Барбара. Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы. Лодзь, 2005. С. 86.

³⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 332.

или аристократов духа, героев-максималистов и изгоев, или маленького, угнетенного, несчастного человека. Располагающийся между этими крайностями „средний“ человек, даже обладающий неоспоримыми достоинствами, так или иначе дискредитируется». ³⁹

Конечно, Берсенов, Шубин, Лаврецкий, Литвинов, Соломин — это разные типы персонажей, и потому их «европеизм» имеет не только содержательное, но и «функциональное» отличие. Как правило, он обозначен лишь пунктирно, в соответствии с одной из особенностей поэтики Тургенева — намеренным умолчанием автора о каких-то конкретных мотивах поведения человека, сторонах личности или эпизодах судьбы персонажа. В любом случае герои Тургенева, получившие опыт европейской жизни, не проходят через разочарование Западом, — может быть, не менее характерное для русской интеллигенции, чем «увлечение» им. При этом они отнюдь не становятся космополитами, понимая самобытность и уникальность собственной национальной культуры, и связи с Россией оказываются для них, благодаря приобретению «европейского опыта», даже более прочными. Такова была и позиция самого автора. «...Я никогда не признавал, — пишет Тургенев, — той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосведущие патриоты непременно хотят провести между Россией и Западной Европой, той Европой, с которой порода, язык, вера так тесно ее связывают. Не составляет ли наша, славянская раса — в глазах филолога, этнографа — одной из главных ветвей индо-германского племени? <...> Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой, — нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» ⁴⁰

Приобщение к ценностям европейской культуры — прежде всего, через знание литературы, искусства, науки, как следует из контекста творчества Тургенева, может быть свойственно и героям, которые не выезжали из России. Они знакомы как с европейской литературой и искусством, так и с наукой, причем, не только знаменитой немецкой философией, но также с точными и естественными науками, влияние которых оказывается особенно сильным в 1860-е годы. Не случайно Евгений Базаров («Отцы и дети») признает, что «немцы в этом наши учителя». ⁴¹

В такой ситуации особенно важной оказывается роль чтения: домашней библиотеки (ее описание часто возникает в произведениях Тургенева); книг, которые обсуждают в дружеском или студенческом

³⁹ *Ребель Г. М.* Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь, 2007. С. 110.

⁴⁰ *Тургенев И. С.* Литературные и житейские воспоминания // *ПССИП(2)*. Соч. Т. 11. С. 9.

⁴¹ Там же. Т. 7. С. 27.

кружке. Среди многочисленных имен европейских писателей, которые упоминает Тургенев в своих произведениях, он выделяет, как справедливо отмечают исследователи, Гёте, Шекспира и Шиллера, показывая, что опыт постижения их творчества — непереносимое условие формирования мыслящего человека. В то же время Тургенев убежден в том, что отношение к ним в России будет иным, чем в западном мире — в силу особого мировосприятия русских. Характерно в этом плане суждение писателя о знаменитой трагедии Гёте: «Мы не будем бессмысленно преклоняться пред „Фаустом“, потому что мы русские; но поймем и оценим великое творение Гёте, потому что мы европейцы...».⁴²

Действие повести «Фауст» происходит в далекой от столицы русской провинции, тем не менее «тургеневская усадьба, — согласимся с выводом В. Щукина, — предстает как носительница европейского, цивилизованного начала в русской культуре XVIII–XIX вв.».⁴³ В этом убеждают и работы исследователей, посвященные описанию родовой библиотеки самого Тургенева, где, например, эпоха европейского XVIII века представлена семью изданиями Вольтера на русском и французском языках (всего 57 томов), собранием сочинений Руссо и других знаменитых европейских писателей.⁴⁴

Для героев повести «Фауст» трагедия Гёте, ее совместное чтение, разговоры о ней становятся не только своего рода катализатором их чувств и отношений, но и импульсом для самопознания. «Мефистофель ее пугает не как чёрт, — говорит главный герой о Вере Николаевне, — а „как что-то такое, что в каждом человеке может быть“... Я начал было толковать ей, что это „что-то“ мы называем рефлексией; но она не поняла слова рефлексия в немецком смысле <...>».⁴⁵ Очевидно, рефлексия, наряду с другими свойствами сознания мыслящей личности столь симптоматичная для мировосприятия русской интеллигенции, роднит ее с подобным типом личности западного человека, делает характерной фигурой определенного времени и культуры.

С другой стороны, пребывание в Европе, куда отправляются многие герои произведений Тургенева, совсем необязательно делает их европейцами. Большинство из них — путешественники, для которых заграничная поездка — средство развлечения, отдыха, либо самоутверждения. Европа, с ее культурой, ее ценностями, обычаями и нравами людей, остается для них внутренне чужой. Делясь своими впечатлениями о путешествии по Европе, Тургенев в статье «Из-за границы» говорит о «поразившем» его явлении, которому он дает название «за-

⁴² Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко... // ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 220.

⁴³ Щукин В. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 279.

⁴⁴ См. об этом: Балькова Л. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005; Богданов Б. В. Библиотека в Спасском-Лутовинове // Тургеневский сборник. М., 2004. Вып. 2. С. 87–90.

⁴⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 112.

граничной скуки русских)». ⁴⁶ Объясняя причины этого феномена, Тургенев приходит к заключению, что многие русские за границей не пытаются понять народ, «среди которого странствуют». ⁴⁷ Что же касается знаменитых памятников культуры, то «многие из наших туристов», считает он, — «слишком мало подготовлены по этой части», а «без уразумения нет и полного наслажденья». ⁴⁸

Для поведения многих русских за границей характерна та внутренняя мотивировка поездки, которая возникает у героя повести «Ася»: «Я путешествовал без всякой цели, без плана <...>. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лон-лакея возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошел в дрезденском „Грюне Гевёлбе“». ⁴⁹ Подобная «бесцельность» путешествия по Европе свойственна также персонажам «Переписки», Дмитрию Санину из повести «Вешние воды», Борису Вязовнину («Два приятеля») и ряду других. Так, герой (повествователь) повести «Переписка» объясняет свое случайное знакомство в Германии с Алексеем Петровичем С. (письма которого он позднее публикует) тем, что ему «Дрезден начинал <...> надоедать» ⁵⁰ и от скуки он стал общаться со своим соседом по гостинице. Дмитрий Санин едет в Италию, решив перед поступлением на службу прожить за границей те несколько тысяч рублей, которые ему достались после смерти дальнего родственника. Сделав на обратном пути остановку в Германии, во Франкфурте, он посмотрел местные достопримечательности и «поскучал, как следует добропорядочному путешественнику», ⁵¹ — иронически замечает повествователь.

В то же время это достаточно образованные люди, знакомые с европейской культурой. В. М. Маркович рассматривает героя «Аси» как образ русского европейца, архетип которого можно увидеть в «Записках русского путешественника» Н. М. Карамзина. «Русский человек, вбравший в себя европейскую культуру, — отмечает исследователь, — не выглядел в „Письмах“ усердным, целеустремленным и зрелым тружеником. Напротив, герой Карамзина прежде всего молод и беспечен — такова необходимая писателю „литературная поза“». ⁵²

Вместе с тем этот архетип, сохраняя свое значение для русской литературы, утрачивает права доминирующего образа, начинает варьироваться, усложняться, становится все более исторически и социально детерминированным. В самих реальных поездках русской интеллигенции в Западную Европу, знакомстве с нею появляются все более

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 303–304.

⁴⁷ Там же. С. 304.

⁴⁸ Там же. С. 304–305.

⁴⁹ Там же. Т. 5. С. 149.

⁵⁰ Там же. С. 18.

⁵¹ Там же. Т. 8. С. 257.

⁵² Маркович В. М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Маркович В. М. Избранные работы. С. 264.

осознанные мотивировки. Характерно в этом смысле замечание П. В. Анненкова в письмах из-за границы, которые публиковались в «Отечественных записках» (1841–1843) и в «Современнике» (1847–1848): «Для меня, скромного жителя севера, странствующего для назидания своего <...>». ⁵³ Восприятие европейских стран автором писем складывается из нескольких составляющих: природы, облика городов, включая памятники архитектуры, характера общественной жизни, быта. Однако для Анненкова важны не только внешние проявления нового для него мира, но и внутренняя, в том числе духовная культура той или иной страны, открывающаяся ему в музеях, картинных галереях, театрах, университетах, литературе и журналистике, наконец, в религиозной жизни народа. Анненков явно настроен не только на узнавание, но и на понимание другой национальной ментальности и потому, будучи иностранцем, не испытывает почти неизбежного в этой ситуации «культурного шока».

Такого рода реакция на Западную Европу была достаточно характерна для русской интеллигенции, независимо от того, оказывался ли этим «путешественником» столь обеспеченный человек, как Павел Васильевич Анненков, или отправляющийся за границу в качестве домашнего учителя Федор Иванович Буслаев. Изображение Тургеневым русского путешественника, несомненно, соотносится и с опытом общения с подобными людьми, и с его собственными представлениями о русском европейце, заставляя быть — в определенном смысле — требовательным к своим героям.

Особый тип среди персонажей Тургенева представляют люди, как будто активно усваивающие признаки европейской культуры, но фактически лишь подражающие ей. Это отец Федора Павловича Лаврецкого, его жена, «русская парижанка» Варвара Павловна Лаврецкая, Владимир Паншин («Дворянское гнездо»); Павел Петрович Кирсанов («Отцы и дети») и др.

Иван Петрович Лаврецкий получил образование под руководством гувернера-француза, методу преподавания которого, как и его роль в жизни ученика, писатель оценивает откровенно иронично: «Бывший наставник Ивана Петровича, отставной аббат и энциклопедист, удовольствовался тем, что влил целиком в своего воспитанника всю премудрость XVIII века, и он так и ходил наполненный ею; она пребывала в нем, не смешавшись с его кровью, не проникнув в его душу, не сказавшись крепким убеждением...». ⁵⁴ Долгие годы, проведенные Иваном Петровичем за границей, оказались потрачены на развлечения и не изменили его внутреннего облика. Поэтому и женитьба на крепостной оказалась, прежде всего, вызовом отцу, а не искренним, благородным порывом.

⁵³ Анненков П. В. Парижские письма / Изд. подготовила И. Н. Конобеевская. М., 1983. С. 39 (Лит. памятники).

⁵⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 30–31.

Павел Петрович Кирсанов тоже несколько лет прожил в Европе, куда он отправился вслед за женщиной, в которую был безумно влюблен. Вернувшись в Россию и поселившись в деревне у брата, Павел Петрович в своем внешнем облике, манере поведения стремится быть европейцем: «вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус». ⁵⁵ При встрече с племянником он совершает «предварительно европейское „shake hands“», ⁵⁶ а затем три раза по-русски целуется с ним. Читал он «всё больше по-английски», ⁵⁷ в частности, ежедневную либеральную газету «Galignani», издававшуюся в Париже на английском языке. Павел Петрович с уважением говорит об английских аристократах, основную заслугу которых он видит в развитом чувстве собственного достоинства и в способности уважать права другого. Вместе с тем сам он мало способен к этим чувствам, активно не принимая в Базарове чуждый ему образ мыслей и поведение.

Павел Петрович пространно рассуждает о значении просвещения и цивилизации, но автор иронично оценивает образованность героя, как и его «цивилизационные» идеи. «Что касается до меня, — произносит Кирсанов в ответ на реплику Базарова о немецких ученых, — <...> я немцев, грешный человек, не жалею. О русских немцах я уже не упоминаю: известно, что это за птицы. Но и немецкие немцы мне не по нутру. Еще прежние туда-сюда; тогда у них были — ну, там Шиллер, что ли, Гётте... Брат вот им особенно благоприятствует... А теперь пошли всё какие-то химики да материалисты...». ⁵⁸ «Европеизм» Павла Петровича носит лишь внешний характер, не затрагивая глубинных основ его личности; точно так же, как серебряная пепельница в виде лаптя отнюдь не свидетельствует о демократизме его убеждений. Уже немолодым человеком Павел Петрович уезжает за границу, очевидно, намереваясь пробыть там какое-то время, ибо едет для поправления здоровья, но остается на жительство в Дрездене. При этом, поселившись в Европе, он, как замечает автор, «придерживается славянофильских воззрений». ⁵⁹

Декларирование симпатии к Западу еще не делает человека истинным европейцем, показывает Тургенев, особенно если эти симпатии граничат с пренебрежением к собственной стране. В этом плане заслуживает внимания герой романа «Дворянское гнездо» Владимир Паншин, характер изображения которого Тургенев приводит (в одной из своих статей) как пример «объективности» авторской позиции, к чему он всегда стремился. «Я — коренной, неисправимый западник, — замечает Тургенев, — и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в „Дворянском гнезде“) все комические и пошлые стороны западниче-

⁵⁵ Там же. Т. 7. С. 33.

⁵⁶ Там же. С. 19.

⁵⁷ Там же. С. 33.

⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁹ Там же. С. 186.

ства; я заставил славянофила Лаврецкого „разбить его на всех пунктах”». ⁶⁰

Писатель дает возможность Паншину почти декларативно изложить свои взгляды, за счет чего уже возникает своего рода эффект саморазоблачения героя: «Россия, — говорил он, — отстала от Европы; нужно подогнать ее. Уверяют, что мы молоды, — это вздор; да и притом у нас изобретательности нет; сам Х<омяко>в признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали. Следовательно, мы поневоле должны заимствовать у других. Мы больны, говорит Лермонтов, — я согласен с ним; но мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами <...>». ⁶¹ В устах чиновника-карьериста, который меньше всего озабочен судьбами своей страны, эти слова звучат почти цинично. Не случайно Лизу оскорбило «его презрение к России». ⁶² Такое же внутреннее презрение к России испытывает и жена Лаврецкого: «Все ее мысли, чувства вращались около Парижа. Паншин навел разговор на литературу; оказалось, что она, так же как и он, читала одни французские книжки <...>». ⁶³ Характерно, что это за круг чтения: «Жорж-Санд приводила ее в негодование, Бальзака она уважала, хоть он ее утомлял, в Сю и Скрибе видела великих сердецедцев, обожала Дюма и Феваля; в душе она им всем предпочитала Поль де Кока, но, разумеется, даже имени его не упомянула». ⁶⁴ Самая приятная для нее роль — это роль «настоящей, заграничной львицы». ⁶⁵

Даже учеба за границей не всегда определяет уровень образованности человека и его внутреннего развития. Так, в эпилоге романа «Отцы и дети» Тургенев иронически упоминает о том, что Кукшина «теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы». ⁶⁶ Кстати, и о русских студентах (физиках и химиках), обучающихся в этот период (1860-е годы) в известном немецком университете, писатель говорит скептически, поскольку сначала они удивляют немецких профессоров «своим трезвым взглядом на вещи», а впоследствии «удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью». ⁶⁷

Наиболее критическое изображение русских за границей возникает в романе «Дым». Уже в самом начале произведения Тургенев рисует обобщенный портрет русских, отдыхающих в Баден-Бадене, и подчеркнуто дистанцируется, как он замечает, от «наших любезных соотечественников и соотечественниц». ⁶⁸ Откровенно сатирически нарисо-

⁶⁰ Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания // Там же. Т. 11. С. 88.

⁶¹ Там же. Т. 6. С. 100–101.

⁶² Там же. С. 103.

⁶³ Там же. С. 132.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Т. 7. С. 187.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 250.

ван портрет высокопоставленных русских военных, отдыхающих в Баден-Бадене. Их консерватизм близок мракобесию (неприятие реформ, прежде всего крестьянской), а презрение к своему народу граничит едва ли не с презрением к собственной стране. При этом и Европа остается им внутренне абсолютно чуждой и непонятной.

В то же время именно среди персонажей романа «Дым» есть герой, которого писатель изображает убежденным, последовательным идеологом западничества, — Созонт Иванович Потугин. «Тургеневу удалось, — пишет Н. П. Генералова, — возродить в монологах „русского философа“ целую традицию русской мысли, ведущую свое начало, может быть, от Чаадаева».⁶⁹ Потугин развернуто излагает свои убеждения в разговоре с Литвиновым. Его монолог занимает, по сути, целую главу, и Тургенев как будто намеренно дает ему возможность высказаться, ибо подобный способ характеристики персонажа в целом не свойственен его художественной манере.

«...Я западник, — поясняет Потугин, — я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, — цивилизации <...>».⁷⁰ Тургенев сошлется на эти слова Потугина в статье «По поводу „Отцов и детей“», подчеркивая их близость своим убеждениям. Говоря об условиях подлинного творчества, писатель замечает: «...нужна правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям; нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание! „А! понимаем! видим, куда вы гнете! — воскликнут здесь, пожалуй, многие. — Потугинские идеи — ци-ви-ли-зация, prenez mon ours!“».⁷¹

Тем не менее уже современники упрекали Тургенева в том, что позиция Потугина остается непроясненной. Прочитав в этой связи Н. Н. Страхова: «Казалось бы, за эту смелую и открытую речь немедленно должно было последовать хотя какое-нибудь указание на предметы, перед которыми преклоняется Потугин. <...> Ничуть не бывало».⁷² Это был упрек и собственно эстетического, и идеологического характера. Действительно, Потугин не столько излагает некую позитивную программу, сколько заявляет — с позиции своих представлений о цивилизации — об ее отсутствии в собственной стране. Едва ли не главный порок русского национального сознания, имеющий социально-исторические истоки, Потугин видит в неразвитости чувства внутренней свободы, что обнаруживается уже у истоков формирования нации и существует как своего рода генетический код. «...Самый первый исторический поступок нашего племени — призвание себе

⁶⁹ Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 563.

⁷⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 275.

⁷¹ Там же. Т. 11. С. 94.

⁷² Страхов Н. Н. Дым // Страхов Н. Н. Литературная критика. Сб. ст. / Вступит. ст. и сост. Н. Н. Скатова, коммент. В. А. Котельникова. СПб., 2000. С. 230.

князей из-за моря, — говорит он, — есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждом из нас до сих пор <...>».⁷³ Ведущей при этом для Потугина оказывается не идея подавляющего влияния Запада, а готовность русских к порабощению. Естественно, что крепостное право он рассматривает в том же ряду событий национальной истории, причем, акцент сделан им не на крестьянстве, а на дворянстве.

«Правительство освободило нас, — рассуждает Потугин, — от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; нескоро мы от них отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин <...>».⁷⁴ Он имеет в виду не только область социальных отношений, но и сферу идей, ситуацию, когда «какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет». «...Теперь, например, — заключает Потугин, — мы все к естественным наукам в кабалу записались...».⁷⁵

Говоря о необходимости приобщения к достижениям европейской цивилизации, Потугин подразумевает не буквальное перенесение чужих идей на русскую почву, а творческое усвоение их. «Кто же вас заставляет перенимать зря? — возражает он Литвинову. — Ведь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вам пригодно: стало быть, вы соображаете, вы выбираете».⁷⁶ В качестве же общепринятых западных ценностей Потугин называет «свободу и порядок»⁷⁷ и рассматривает как достижения цивилизации «знание, искусство и право».⁷⁸ Закономерно, что литературная критика западной ориентации сочувственно восприняла этого героя. В самой художественной специфике этого персонажа: второстепенности его сюжетной роли, тезисном характере изложения его программной идеи, — П. В. Анненков увидел особый «художнический» «инстинкт»⁷⁹ автора романа.

Комментируя разговор Потугина с Литвиновым, Анненков уточняет, что Потугин «говорит не о той Европе, которой мы подражаем, а о той, которую мало видим и почти не знаем».⁸⁰ И, поясняя свою мысль, пишет: «Боже мой! Какая же это малоизвестная нам Европа, нам, исколесившим ее во всех направлениях и изучившим ее более своей родины? Да вот та самая, на которую автор романа только и указывает своим читателям через посредство Потугина. Отличие ее от видимой нами Европы состоит в том, что посреди множества отрицательных, часто возмутительных явлений своего быта, иногда под гнетом грубого

⁷³ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 274.

⁷⁴ Там же. С. 271.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 273.

⁷⁷ Там же. С. 275.

⁷⁸ Там же. С. 329.

⁷⁹ Анненков П. В. Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» // Анненков П. В. Критические очерки / Сост., подготовка текста, вступит. ст. и примеч. И. Н. Сухих. СПб., 2000. С. 330.

⁸⁰ Там же. С. 337.

давления материальной силы, еще далеко не устраненной ею, иногда в пылу национальных увлечений, подвигающих ее на вопиющие несправедливости, — она занята устройством человеческой личности, ближайшей среды, ее окружающей, и возвышением духовной природы человека вообще».⁸¹

Эта идея, действительно, была для русских европейцев главным завоеванием западной культуры. И все же Потугин, скорее, резонер — мы не видим его европеизма «в действии». Конечно, необходимо учитывать, что «жизнь европейского просвещения девятнадцатого века, — как писал И. В. Киреевский, — не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы».⁸² «Изменения и развития сей жизни, — уточняет философ, — отзывались у нас в образе мыслей некоторых людей образованных, отражались в некоторых оттенках нашей литературы, но далее не проникали».⁸³

И. С. Тургенев явно искал героя, который мог бы быть подлинно русским европейцем. Надо сказать, что это вообще был один из искомым идеалов личности, понять и воссоздать который стремились как русская литература, так и русская наука, религиозная философия, общественная мысль, и Тургенев художественно осмыслил эту важную тенденцию развития отечественной культуры.

---

⁸¹ Там же. С. 337–338.

⁸² Киреевский И. В. Девятнадцатый век. С. 70.

⁸³ Там же.

Л. А. Балыкова

ТУРГЕНЕВ и ШАРЛЬ НОДЬЕ: ДВЕ ПОВЕСТИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Исследователи не раз обращали внимание на диалогическую природу творчества И. С. Тургенева:¹ собеседование, диалог, полемика, перенесенные часто из живого общения автора с людьми его круга, вдохновленные публицистикой, научными трудами или художественными творениями, — все, что волновало писателя, шло в дело и способствовало выявлению его собственной позиции. М. М. Бахтин, говоря о языке романов Тургенева, заметил, что «в своей основной массе этот язык вовлечен, втянут в борьбу точек зрения, оценок и акцентов, вносимых в него героями, он заражен их противоборствующими интонациями и расслоениями».² Это размышление Бахтина, думается, в известной мере приложимо и к произведениям писателя иных жанров.

Функция «чужого слова»³ у Тургенева многообразна — оно в конечном счете раздвигает рамки художественного высказывания, предоставляя большие возможности для углубления интерпретации художественного произведения. Значительную роль играют у Тургенева отсылки к чужим текстам как в пространстве самого художественного дискурса, так и в тургеневской эстетике на определенном этапе ее развития. В этом смысле представляет интерес «встреча» Тургенева с французским романтиком Шарлем Нодье.

¹ См.: *Ладария М. Г.* Живые ключи дружбы. Сухуми, 1976; *Батюто А. И.* Достоевский и Тургенев в 1860–1870-е годы (Только ли «история вражды»?) // *РЛ*. 1979. № 1. С. 41–64; *Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. Л., 1987; *Генералова Н. П.* Еще одна книга из парижской библиотеки Тургенева в Пушкинском Доме // *РЛ*. 1987. № 2. С. 132–137.

² *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 130.

³ Эту тему, на наш взгляд, весьма успешно разрабатывает венгерская исследовательница Каталин Кроо: *Кроо К.* Интертекстуальная поэтика романа И. С. Тургенева «Рудин». СПб., 2008.

Имя Нодье, до сих пор не входившее в круг тургеневских персоналий, не случайно привлекло нас: в семье Тургеневых его весьма отличали. В книжном собрании писателя сохранилось пятитомное издание сочинений французского романтика — все тома имеют владельческий автограф В. П. Тургеневой. Знаменитый в свое время роман «Жан Сбогар» присутствует даже в двух экземплярах; в обоих — автографы матери писателя. На полях книг — многочисленные пометы, принадлежащие, как мы полагаем, Варваре Петровне и ее знаменитому сыну. Для первых характерно внимание к таким темам, как материнская любовь, гордыня, ревность, коварство. Вторые отличает интерес к форме высказывания, к стилю, к вопросам политики (рабство, тирания, коррупция), к положению художника.

Обращает на себя внимание публикация перевода повести Нодье «Серафина, или Первая любовь», помещенного в томе 49 (№ 1–4) лучшего журнала первой половины 1830-х годов «Московский телеграф», комплект которого сохранился в книжном собрании писателя. Именно на страницах данного тома имеются многочисленные пометы — подчеркивания, вопросительные, восклицательные знаки; порой оценочные высказывания на полях в большей степени характеризуют читателя, которого отличают пылкость чувств и склонность к философским созерцаниям. Как кажется, они принадлежат совсем молодому человеку. Полагаем, что читатель этот — Тургенев, хотя вопрос о принадлежности помет и маргиналий не так прост и требует особого рассмотрения.

Большая часть номеров журнала «Московский телеграф» из мемориальной библиотеки Тургенева изначально принадлежала В. Г. Белинскому⁴ и имеет характерный переплет и тиснение. Интересующий нас том имеет иное оформление, отличное от принятого Белинским (критик сам отсылал книги переплетчику и делал необходимые указания о характере переплета, тиснении и т. д.). Указание Л. Р. Ланского, обследовавшего библиотеку de visu, на то, что вся подборка «Московского телеграфа» принадлежала к собранию Белинского, на наш взгляд, нуждается в уточнении: здесь встречаются дублетные экземпляры, на одном из них имеется автограф молодого Тургенева, что является неопровержимым свидетельством чтения «Телеграфа» в семье Тургеневых в 1830-е годы.⁵

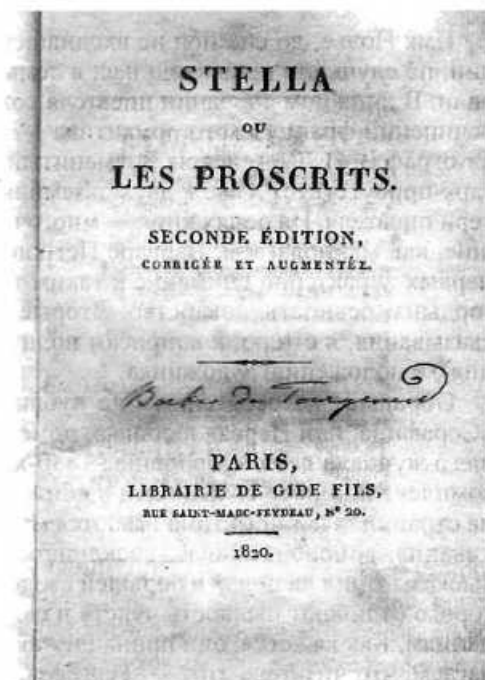
Характер помет, содержание отмеченных текстов, по нашему мнению, заставляют усомниться в принадлежности их критику. Именно читательские пометы в указанном томе позволяют говорить о том, что они принадлежат Тургеневу. Читатель — пылкий юноша, увлеченный романтическим слогом, вступающий в диалог с авторами. Так, на полях сочинения Мишле «Новые идеи о Всеобщей истории» рядом с рассуждением автора о том, что «в суровом мире Природа ничего не дает

⁴ Описание библиотеки В. Г. Белинского в составе книжного собрания И. С. Тургенева см.: Ланский Л. Библиотека Белинского // ЛН. Т. 55. С. 431–572.

⁵ Упоминание о чтении журнала в семье Тургеневых содержится в письме будущего писателя к дяде Н. Н. Тургеневу от 3, 4, 5, 6, 7 апреля н. ст. 1831 г.: «... в 8-м часов сию уж

Stella ! n'écraie-je en tne jettant à ses genoux
et je couvris ta main de pleurs.

Собрание сочинений Ш. Нодье на французском языке
Фронтиспис и титульный лист
(Музей Тургенева, Орел)

даром, она предписывает человеку труд, деятельность воли», он возражает историку: «А поле?». Увлеченность романтизмом сказывается в оценках «Да!», «Хорошо!». Например, на странице 34 маргиналией «хорошо» отмечен пассаж: «Зажгите слова мои огнем, и тогда я выжгу в душе другой чувства мои такими буквами, что он поймет их...». Весьма характерен для настроений юного Тургенева⁶ отклик (помета) на странице 73: «Если бы горела война, изумлявшая Европу в 1812-м году, если бы грудью своею ломил нашу Русь тогдашний великан, которому мечами вырубili народы могилу в утесах острова св. Елены — под заздравным кубком смерти можно было бы отдохнуть душою...». Не менее характерны пометка с восторженным упоминанием имен знаменитых артистов: «О Рафаэль, о Моцарт, о Шиллер!» или размышле-

я за столом классным, на моем месте, и оканчиваю письмо; на учительском сидит Николенка, ест шепталу и читает альманах; против меня Никанор читает „Телеграф“ <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 121). Свидетельства чтения журнала встречаются у Тургенева и позднее.

⁶ О патриотических настроениях юного Тургенева, отразившихся в круге его чтения, см.: Балькова Л. А. Периодические издания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева (1754–1825) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 36–37.

ния о материальном и духовном в повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» на страницах 76–77: «Кто исчислит меру воли человека, совлеченной всех цепей вещественных? Где мера и той божественной Вере, которая может двигать горы с их места, той дочери небесной Софии, сестры Любви и Надежды? Природа иероглиф, и все вещественное есть символ невещественного, все земное неземного, все вещественное духовного. Можем ли пренебречь этот мир, доступный духу человеческому?». Примеры можно продолжить — они свидетельствуют об искренней увлеченности читателя (мы считаем, что им был юный Тургенев) романтизмом, его философией и эстетикой.

Своего рода указателем, позволяющим судить об общественном и имущественном положении читателя, можно бы считать следующий, отмеченный восклицательным знаком отрывок из повести Полевого: «Дед мой жил, как богатый русский помещик, окруженный бесчисленной дворней, льстецами, прислужниками» (С. 69). Тургенев, происходивший из такой семьи, на опыте знал о подобных обычаях, слышал рассказы о барских причудах деда, пострадал от всякого рода «прислужников» и посвятил этой стороне русской жизни немало ярких страниц.

Полагаем, «знаком» чтения Тургеневым книжки журнала, на этот раз повести Нодье «Серафима, или Первая любовь», является расплывшаяся помета (восклицательный знак?) на полях текста, как будто подтверждающая заветные мысли читателя: «Ни одна из всех азбук, письменных и умственных, которые старался я разобрать, ни одна не внушала мне такой привязанности к себе, как азбука природы».⁷

Через много лет, работая над повестью «Первая любовь», Тургенев обратится к началу 1830-х годов, к тому времени, когда он сам пережил свой первый роман, к поре споров о романтизме и классицизме, не раз он упомянет в своем шедевре и журнал «Московский телеграф», он даже позаимствует имя одного из героев повести — графа Малевского — у участника «польской группы» редакции «Телеграфа» Федора Малевского.

Исследователи немало сделали для выяснения истории создания повести «Первая любовь», для изучения ее поэтики, ее места в творческом наследии писа-

Повесть Ш. Нодье «Серафима, или Первая любовь» в журнале «Московский телеграф». Первая страница

⁷ Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 3. С. 384.

«Московский телеграф» (1833. Ч. 49)
Фронтиспис и титульный лист
(Музей Тургенева, Орел)

теля.⁸ В данной работе мы решили обратиться к «чужим текстам» — образам, мотивам, сюжетным ходам, которые входят в контекст тургеневского шедевра. Речь идет об указанной выше публикации «Московского телеграфа», а именно о повести Ш. Нодье «Серафима, или Первая любовь».

Обе повести — Тургенева и Нодье — рассказывают читателю об открытии мира и себя в этом мире совсем молодым человеком, и рассказ этот окрашен во взволнованные, лирические тона. Недаром Флобер писал Тургеневу по прочтении его повести: «Все старые романтики (я один из них, который клал кинжал под голову), — все они должны быть признательны вам за этот маленький рассказ, который так много говорит об их юности».⁹ Среди «старых романтиков» Флобер, конечно, числил и Шарля Нодье, автора повести «Серафима, или Первая любовь», перевод которой был напечатан в «Московском телеграфе».

⁸ См.: Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М., 1919. С. 90; Чернов Н. М. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // ВЛ. 1973. № 9. С. 225–241; *Tourguéniev. Premier amour* / Trad. de Michel Rostislav Hofmann. Cronologie, préf., notes et arch. de l'œuvre par Peter Brang. P., 1974; Грюбель Райнер. Воспоминание и повторение. Две модели повествования на примере повестей «Первая любовь» Тургенева и «Вымысел» Гиппиус // Русская новелла. Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С. 171–195.

⁹ Цит. по: ИССул(2). Соч. Т. 6. С. 488.

Произведение Нодье, так же как повесть Тургенева, носит автобиографический характер: французский писатель передает эпизод времен Великой французской революции, когда отец четырнадцатилетнего Нодье возглавлял Революционный трибунал в Безансоне. Отметим, помимо названия, очевидные параллели в произведениях двух писателей: схожие черты имеют фабулы обеих повестей — у Тургенева, как у Нодье, герой, занятый подготовкой к дальнейшей учебе, попадает в новую обстановку, где его ожидают новые знакомства и первая любовь. Действие в обеих повестях происходит на лоне природы, вдали от суеты большого города; там герои почти полностью предоставлены себе и предаются любимым занятиям. Еще одна общая черта: оба героя полюбили девушку старше себя. Правда, в повести русского писателя эта возрастная дистанция более значительна и усугубляется соперничеством с отцом и окружением Зинаиды.

В известной мере схожим в повестях является и статус героинь: у Нодье Серафина вынуждена скрываться в провинции, в родовом замке — вся ее семья подверглась гонениям; влюбленный же в нее подросток принадлежит к лагерю республиканцев.

У Тургенева в ложном положении оказывается княжна Зинаида, чье происхождение и воспитание не соответствуют ее положению обедневшей дворянки: «Что за честь, коли нечего есть», — горько шутит ее мать.

Развязка обеих повестей тоже разительно схожа: обе героини умирают в финале, одна — от заразной болезни, другая — в родах.

Есть сходство и в композиционном оформлении произведений, в их обрамлении: рассказ ведется по прошествии лет, от лица постаревших героев (обоим около сорока). Оценивая минувшее, оба приходят к заключению, что первая любовь была главным, самым ярким событием в их жизни. Герой Нодье уверен: «Я ничего не потерял и ничего не приобрел с тех пор, и, если бы я умер тогда, моя жизнь осталась бы не менее полною. Жизнь полна, если человек любил». Ему вторит Владимир Петрович из «Первой любви» Тургенева: «И теперь <...> что у меня осталось более свежего, более дорогого, чем воспоминания о той быстро пролетевшей, утренней, весенней грозе?».¹⁰

Указанные параллели, думается, дают основание рассматривать повесть Нодье в качестве претекста «Первой любви» Тургенева. Темы, образы, характеры произведения «туманного романтика» (Стендаль) находят своеобразный отклик, приобретая в глубине и сложности у Тургенева. Прежде всего, это относится к образу главного героя.

Оба автора, и Нодье и Тургенев, ставят целью показать путь духовного становления подростка, его возмужания. В финале любовной истории к героям приходит некое прозрение о смысле происшедшего, о смысле жизни вообще. В сознании их для этого все как будто было подготовлено: оба склонны к созерцанию, обоих отличают любовь к

¹⁰ Там же. С. 363.

природе, серьезная начитанность. Правда, подросток у Нодье более склонен к философствованию, он — естествоиспытатель-систематик, в духе своего времени, он воспитан в традициях Просвещения. В круге его чтения — Лавуазье и Плутарх, Сенека и Монтень, Шекспир и Сервантес, Ариосто и Бернарден де Сен-Пьер.

Что касается тургеневского героя, то его любимые авторы — мятежные романтики: он читает «Разбойников» Шиллера, «Записки крестовых походов» С. Коттен, «Цыган» Пушкина и т. п. Перечисленные авторы вполне характеризуют умонастроение подростка и его время. Увлечение идеями Просвещения и экзальтация природы — у Нодье, пафос героического и необычайного — у Тургенева.

Герой Нодье увлечен энтомологией, сбором минералов. В его домике имеется своя лаборатория, маленький музей. Сачок, лупа, скальпель таксодермиста (он делает чучела птиц) — вот его инструменты, символизирующие поиск истины. Его коллекция позволяет ему создать своеобразную модель мира, где все есть часть природной материи. Даже глаза полюбившейся ему девушки он сравнивает с прозрачным голубым кристаллом — он будто пытается «встроить» чудо любви в понятную классификацию природных явлений.

Любовная линия в повести развивается в традициях сентиментализма: история протекает поначалу на фоне безмятежной природы, в гармонии с нею; даже порывы ревности и страсти принимают оттенок пасторальной идиллии.

Однако во второй главе (повесть состоит из двух глав) в истории любви начинают проступать романтические черты. Старинный замок предков Серафины, окруженный глубоким рвом с живущими там саламандрами, холм, на котором он расположен, с узкими тропами и таинственной «совиной норой», становятся свидетелями романтических приключений. История продолжается по законам романтического жанра: герой находится в постоянной тревоге за свою возлюбленную, ему приходится перескакивать через ужасный ров, скользить по опасной тропе с риском сломать себе шею. В стихах он благословляет любовное рабство, он мечтает о славе, чтобы освободить от преследований Серафину и ее близких. Он даже готов ради нее отречься от республиканских убеждений своей семьи.

Вольдемар в повести Тургенева — более поэт и психолог, нежели философ. Он весь во власти романтических образов и чувств. В его бедной на впечатления степенной и смиренной жизни так мало возвышенного, героического, что он с радостью отдается игре, придуманной Зинаидой. На протяжении почти всего повествования сталкиваются реальность и вымысел, жизнь и игра. И порою кажется, что жизнь как-то проигрывает, даже становится досадной помехой увлекательной игре. Достаточно вспомнить эпизод с котенком, которого Беловзоров принес Зинаиде — она почти сразу же утратила интерес к пушистому живому комочку.

Игра же в доме Зинаиды творится по законам обожаемых подростком рыцарских романов: здесь княжна (принцесса), ее верные подданные, ее паж, получающий в знак отличия алую розу. При «дворе» Зинаиды есть свой трубадур, есть и тайный возлюбленный. Каждый из подданных клянется в верности даме сердца и готов умереть за нее. Что сбывается почти буквально. Игра становится жизнью. В финале повести, когда уходит, «съеживается» любовь, к подростку приходит отрезвление, события приобретают реальные очертания.

Так в обеих повестях результатом истории любви становится перелом в характере и мироощущении героев. В этом, думается, перекликаются замыслы французского и русского писателей, сохраняя при этом неповторимый колорит места и времени.

Как было замечено, для героев Нодье и Тургенева история первой любви — это история постижения смысла жизни. На уровне образной системы прочерчивается своеобразная траектория духовного пути героев — ей соответствует и перемещение в физическом пространстве: у Нодье юный влюбленный, первоначально прикованный взором к земле, где он разыскивает редких насекомых и минералы, постепенно возводит очи горé, к холму, где живет возлюбленная, затем он карабкается вверх по склону горы во тьме и в тумане к замку своей Серафины (самое имя девушки означает небесную, божественную сущность). Особенно выразительно и символично его последнее восхождение. На расвете, среди густого тумана юноша достигает замка, вот он у заветных дверей, он видит свет наверху, входит и застаёт ужасную картину: две нищие старухи обряжают в саван его возлюбленную — свет освещает картину смерти. Герою открывается тайный смысл происходящего. Хотя в то время гильотина уже перестала пожирать свою жатву, Серафина была обречена: не нож гильотины, так смертельная болезнь стубила ее. Человек не властен над тайными силами, управляющими миром, он — хрупкая кукла в руках судьбы. Это прозрение фатальным образом сказалось на характере героя, который вначале пытался покончить счеты с жизнью, после чего меланхолическое расположение духа уже больше не покидало его. Градус его мироощущения резко снижается, тьма обступает его со всех сторон.

Владимир в повести Тургенева «движется» в противоположном направлении. В начале повествования он духовно пробуждается, ускоряется ритм его жизни, взор устремляется к небу, «принимая его сияющий свет и лазурь в разверстую душу». Потом этот свет и лазурь сосредоточиваются в глазах возлюбленной. Тургенев многократно переписывает, уточняет описание светлых сияющих глаз Зинаиды, которая становится божеством для героя. Потом он увидит эти глаза, этот свет совсем близко, лежа на земле после прыжка со стены. Вообще «свет» у Тургенева разнообразно сопровождает, комментирует историю первой любви: он льется с небес — то приветно, то враждебно — с молнией и громом, он отражается в глазах отца, который то улыбается светло, то уставляет на него холодный взгляд светлых глаз. В очах воз-

любленной отражаются разнообразные чувства — «как тени облаков в солнечный ветреный день». Любовная страсть отдаляет героя от неба: тогда он сравнивает себя с жуком, привязанным за ножку, кружащимся в замкнутом пространстве.

Смерть Зинаиды заставляет Володю мысленным взором спуститься во тьму могилы, вообразить эти возлюбленные глаза в тесном ящике — видение, от которого юноша пытается заслониться стихами любимого Пушкина:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть
И равнодушно ей внимал я <...>.¹¹

Так, трезво и почти грубо живое отталкивается от мертвого. Но рассказчик тут же спохватывается: истина, конечно же, не в этих строках, а в некой сублимации первой любви. В память о Зинаиде он присутствует при кончине бедной старушки, рядом с ней переживает ее смертный час. В миг поминальной молитвы эгоцентризм юности покидает его, а любовь предстает ему иным ликом — милосердия и всепрощения. Прозрение героя свидетельствует о его вступлении в новую «фазу» жизни — в эпоху ответственности и трезвения. Его путь от «небесного» к «земному» на самом деле знаменует его духовное восхождение.

Это очень тургеневский финал, в котором выразилось национальное своеобразие писателя.

Из сказанного можно сделать вывод, что повесть *Нодье* дает повод говорить о ее разнообразном имплицитном присутствии — сюжетном, композиционном, образно-символическом — в интертексте «Первой любви» Тургенева. Русский писатель как будто вступает в своеобразное соревнование со своим предтечей-романтиком. Он сумел показать богатый, сложный внутренний мир молодого человека в процессе становления, утверждения реалистического мироощущения, проникнутого сочувствием к человеку.

Представляется, что Тургенев уловил в повести *Нодье* и чисто художественную установку: показать смену эпох — в стиле, модели поведения, мирозерцании — от просветительской системы координат к романтизму. Этот путь прошел сам знаменитый библиотечарь Арсенала. Он до смерти уже не покинет почвы романтизма, в конце жизни переживает увлечение магией сновидений, фантастического.

Что касается автора «Первой любви», то и он, как известно, не сразу ступил на путь реализма. В повести ярко воссоздана эпоха романтизма с ее спорами о литературных течениях, свидетелем которых был он сам. Собственно, повесть в известном смысле есть спор о романтизме и реализме. Справедливый, на наш взгляд, вывод делает Р. Грюбель, рассматривая модель повествования в повести «Первая любовь»: «...повесть можно бы расшифровать как модель возникновения ее собствен-

¹¹ ПССУП(2). Соч. Т. 6. С. 363.

ной эстетики. Повествование создает не только самоизложение хронотопа личности рассказчика, но и хронотоп эстетики тургеневского повествования».¹² Романтизм, в конце концов, говоря словами доктора Лушина, представляется оранжереей, где приятно пахнет, да жить в ней нельзя. В рецензии на перевод «Фауста» М. Вронченко Тургенев, характеризуя эпоху мечтательного романтизма в жизни отдельной личности, писал: «...только тот из нас действительно заслуживает название человека, кто сумеет выйти из этого волшебного круга и пойти далее, вперед, к своей цели».¹³ Писатель не устал сопротивляться романтизму в разных его формах — романтизму-фальши, романтизму-фразе, «оранжерейному» романтизму. Но неистребимо жил в нем романтизм как сознание предназначения человека чему-то высшему.

---

¹² Грюбель Р. Указ. соч. С. 182.

¹³ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 202.

О. Б. Кафанова

ТУРГЕНЕВ и ФЛОБЕР: ТВОРЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ

История взаимоотношений И. С. Тургенева и Гюстава Флобера ярко представлена в эпистолярной, содержащем 235 писем (140 писем Флобера и 95 Тургенева) и запечатлевшем творческий диалог двух писателей на протяжении 17 лет, с 1863 по 1880 годы.

Пожалуй, это эпистолярное общение двух крупнейших художников XIX века, по объему и глубине обсуждения разных проблем, уступает только переписке Флобера с Жорж Санд, которую называют «самой прекрасной перепиской XIX века»¹ (она насчитывает 201 письмо Жорж Санд и 218 писем Флобера). Но взаимоотношения Флобера и Тургенева, отраженные в их письмах, замечательны и уникальны в том смысле, что представляют собой межкультурный диалог, диалог выдающихся художников разных национальных культур и литератур. Богатейший материал переписки включает различные дискурсы, перетекающие один в другой: биографический, критический, эстетический, философский, переводческий. Этот диалог развивался в самой интимной и одновременно публичной формах, поскольку разворачивался в статьях, посвященных друг другу, «открытых письмах», а также во время совместных обедов литераторов и их встреч в Париже, Круассе, имени Жорж Санд Ноане.

Изучение этих дискурсов плодотворно для уточнения поэтики, эстетики, мироконцепции каждого из великих участников диалога, потому что взгляд со стороны, изнутри другой культуры, да еще к тому же взгляд художника, высвечивает много неожиданно нового. Вместе с тем их анализ помогает понять тенденции развития европейской литературы второй половины XIX века.

---

¹ *Jacobs A. Préface // Gustave Flaubert — George Sand. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par Alphonse Jacobs. P., 1981. P. 7.*

И Флобер, и Тургенев ощущали взаимную потребность друг в друге. Круг тем, которых они касались, — чрезвычайно широк. Он включал бытовые подробности жизни, сведения о близких людях (не случайно Тургенев представил Флобера Полине Виардо, а Флобер включил «великого» Тургенева в число подписчиков на памятник своему другу Луи Буйле). В него входили и раздумья о процессе старения и путях противостояния ему (так называемый старческий или геронтологический дискурс), а также российский или немецкий дискурсы и т. д. Вместе с тем круг интересов таких значительных деятелей культуры, близко связанных друг с другом на протяжении почти двух десятков лет, не мог не включать вопросы, касающиеся путей развития искусства и литературы в целом, а также размышления о собственном творчестве.

Флобер познакомился с «москвичом» (*Moscove*, как он называл Тургенева) 28 февраля 1863 года на литературном обеде в кафе Маньи. С первого дня своего знакомства оба писателя прониклись искренней симпатией друг к другу и начали интенсивно обмениваться своими сочинениями. Тургенев, к тому времени хорошо знавший произведения Флобера (и считавший его роман «Госпожа Бовари» лучшим в современной французской литературе), имел то преимущество, что читал их в оригинале, в то время как Флобер знакомился с сочинениями своего русского друга по французским переводам. Поэтому из поля его зрения выпали лирика, драматургия и критика Тургенева.

После первой встречи русский писатель послал Флоберу свои «Nouvelles scènes de la vie russe», переведенные Делаво. К этому времени Флобер уже прочел «Mémoires d'un chasseur» («Записки охотника», 1854), «Муму», «Фауста» в «Revue des Deux Mondes» (1856) и «Асю», опубликованную под названием «Annouchka, souvenirs des bords du Rhin» («Аннушка, воспоминания с берегов Рейна», 1858). Но со дня личного знакомства Флобер принялся читать Тургенева систематически и в своей переписке выступил тонким критиком его произведений, особенно психологических повестей. Два его первых письма оказались наиболее насыщенными, как если бы он долго копил впечатления и рад был выплеснуть свое восхищение. «Давно уже вы являетесь для меня мэтром», — такими лестными для Тургенева словами начиналось первое письмо.² Флобер сразу понял значение «москвича», которого впоследствии в письмах к другим адресатам называл «скифом», «великим Тургеневым», «гигантом», «колоссом». Он верно подметил главные особенности поэтики своего нового друга: дар наблюдения, идущее от сердца утонченное изображение любви и природы, совершенство стиля и композиции, постоянную эмоциональную насыщенность рассказа.

² Gustave Flaubert — Ivan Tourguénev. Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky. P., 1989. P. 72. Перевод наш. — О. К.

Флобер сразу почувствовал богатство тургеневской словесной палитры. Уже в первом письме он замечал: «Но за что вас недостаточно еще хвалили, это за ваше сердце, за постоянную вашу взволнованность, за какую-то глубокую и затаенную чувствительность». Во втором письме он развил эту мысль: «Больше всего в вашем даровании меня восхищает *благородство*, качество наивысшее. Вы находите средство быть правдивым без банальности, чувствительным без жеманства, комичным без всякой пошлости. Не гоняясь за театральными эффектами, вы достигаете трагического эффекта законченностью композиции. Вы кажетесь мягкосердечным, но вы очень сильный человек. „Под одной шкурой соединяются лиса и лев“, — как говорит Монтень».³

Два писателя тотчас же обнаружили свое сходство: оба были кропотливыми наблюдателями живой реальности, тонкими стилистами, художниками в полном смысле слова. В письме от 16 марта 1863 года Флобер писал: «Меня восхищает ваша манера повествования, одновременно пылкая и сдержанная, ваше сочувствие к людям, которое распространяется и на малых сих и одухотворяет пейзаж. Видишь и предаешься мечтам. <...> ваши „Сцены из русской жизни“ вызывают у меня желание трястись в телеге среди заснеженных полей, под вой волков. От ваших произведений веет едким и нежным ароматом, чарующей грустью, которая проникает до глубины души».⁴

Этот импрессионистический анализ, свидетельствующий о способности к суггестивному восприятию, Флобер заключал восторженной похвалой писательской манере Тургенева, которая выражала суть его поэтики: «Как велико ваше искусство! Какое сочетание растроганности, иронии, наблюдательности и колорита! И как все это связано! Как умело вы подготавливаете свои эффекты! Какая уверенная рука! Оставаясь самобытным, ваше творчество вместе с тем *общезначимо*. Сколько я нашел у вас перечувствованного и пережитого мною самим!».⁵ Из контекста всего письма ясно, что Флобера поражало соединение типичного и глубоко индивидуального в прозе «москвича».

Но при всей восторженности Флобера по отношению к творчеству Тургенева в его критике, как верно подметил А. Звигильский, существовала явная избирательность. Он оставил без всякого внимания и комментария три из шести романов Тургенева, так же как и «Записки охотника»,⁶ несмотря на то, что Жорж Санд, высоко оценившая «Отцов и детей», «Рудина» и «Записки», побуждала и его высказать свое мнение. Но он никак не прореагировал и не прокомментировал свое молчание.

³ Гюстав Флобер о литературе, искусстве, писательском труде. Письма и статьи: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 22

⁶ Zviguilsky A. Avant-propos // Gustave Flaubert — Ivan Tourguénev. Correspondance. P. 14.

Прежде всего Флобер откликнулся на роман «Накануне», появившийся во французском переводе Делава под названием «Елена». Ему очень понравились образы главной героини, Шубина и других героев. «Читая вас, говоришь себе: „Я через это прошел”», — признавался он в письме от 24 марта 1863 года. В этом произведении Флобера привлек тонкий психологизм, то, что было узнаваемо, передавало пережитое им самим в юности. «Мне также кажется, что страницу 51 никто не прочувствует так, как я. Какая психологическая точность!» — удивлялся он.⁷ На указанной странице он имел в виду, по-видимому, описание внутреннего состояния юной героини, жаждущей любви и стыдящейся этого:

«Son cœur s'allumait et s'éteignait solitairement; elle se débattait, comme l'oiseau dans sa cage, et elle n'avait point de cage; personne ne la contraignait, personne ne la retenait, et elle s'agitait et s'épuisait pourtant. Quelquefois elle ne se comprenait pas et se craignait elle-même. Tout ce qui l'entourait lui paraissait inepte ou incompréhensible. Comment vivre sans amour? Mais qui aimer? se disait-elle; et elle s'épouvantait à cette pensée et aux sentiments qui l'inspiraient. A l'âge de dix-huit ans, elle fallait mourir d'une fièvre nerveuse; son organisme, naturellement sain, en fût profondément ébranlé, et elle se rétablissait lentement <...>».⁸

Но из всех тургеневских романов Флоберу, по-видимому, особенно нравился «Дым»; правда, письмо с анализом этого романа не сохранилось, но есть благодарность Тургенева за лестный отзыв. Кроме того, Флобер рекомендовал читать это произведение своим близким знакомым. Можно предположить, что другие романы были для него менее интересными, потому что отражали идеологию, социальные проблемы времени, а это претило эстетизму Флобера. Что касается «Дыма», то, несмотря на идеологичность, присущую и этому произведению, история любви Ирины и Литвинова выписана в духе любовных коллизий самого Флобера (а не в качестве главного элемента усадебного сюжета). Флобер даже позаимствовал символ дыма для своего «L'Education sentimentale», в котором описание дыма поезда играет ту же самую роль: обозначает эфемерное существование человека. Со своей стороны, Тургенев особенно ценил роман «L'Education sentimentale», напомиравший ему личную историю: платоническая любовь Фредерика Моро к мадам Арну походила на его нерасторжимую связь с Полиной Виардо.

Вместе с тем относительное равнодушие Флобера к романному творчеству «москвича» можно объяснить еще и тем, что эпическая манера Тургенева не вполне удовлетворяла «нормандца», привыкшего тщательно и объективно выписывать все детали материального характера.

⁷ Гюстав Флобер о литературе... С. 23.

⁸ *Tourguénief I. Nouvelles scènes de la vie russe. Eléna. Un premier amour / Traduction de H. Delaveau. P., 1863. P. 51.*

Наконец неожиданно Флобер очень высоко оценил «Новь», произведение не менее, а возможно, и более идеологичное, чем, например, «Отцы и дети». Может быть, это был акт моральной поддержки старого друга, роман которого не приняла русская критика. Однако можно также допустить, что именно Флобер понял произведение Тургенева как роман нового типа в его творчестве. Он заметил, что, отказавшись от усадебного сюжета, русский писатель очень тщательно, с эпическими подробностями изобразил новую социально-историческую ситуацию, ситуация, которая психологически была ему чужда и которую поэтому он особенно тщательно выписывал как сторонний наблюдатель. Во всяком случае, Флобер утверждал, что «безделица» Тургенева — «сущий шедевр». «Если это свидетельство упадка, как считают ваши соотечественники, — продолжайте „упадать“ и дальше, — остроумно замечал он в письме от 26 января 1877 года. — Как это своеобразно и хорошо построено! Ни одного лишнего слова! Какая подспудная сила! Вот это перо мастера! Я просто в восторге. Совершенно серьезно, без всякой лести, по-моему, это первоклассно!».⁹ Подобные дифирамбы роману продолжались и в следующем письме от 10 мая 1877 года.

Тургенев дорожил мнением «нормандца» и свою признательность выразил в поэтически-метафорической форме: «...я чувствую, что перед моей картиной остановился большой мастер, взглянул на нее и удовлетворенно кивнул головой», — писал он 14 (26) мая 1868 года в ответ на похвалу «Дыму».¹⁰

Флобер назвал и конкретные повести, которые его особенно тронули: «Яков Пасынков», «Три встречи», «Дневник лишнего человека». Разумеется, в ответном письме Тургенев признавался, как он горд и как «краснеет» от этих похвал.

Что касается «Первой любви», то в ней Флобер увидел историю, пережитую одним из своих близких друзей: «Все старые романтики (и я, спавший с кинжалом под головой), должны быть вам признательны за этот маленький рассказ, который так много говорит им об их юности». Большим достижением Тургенева Флобер считал создание женских образов, земных и одновременно возвышенных. «Какая зажигательная девушка эта Зиночка! — писал он. — Одно из ваших качеств — умение создавать женщин. Они идеальны и реальны в одно и то же время. Они обладают притягательной силой и окружены сиянием».¹¹ Позднее Флобер будет как о потрясении писать о своем восприятии «Несчастной» («Abandonnée»), об удивительном чувстве грусти от «Вешних вод».

Бурный отклик Флобера вызвал и сборник повестей, вышедший на французском языке в 1873 году под названием «Etranges histoires» («Странные истории»). Особенно ему понравились повести «Стук... стук... стук!...» (во французском переводе «Тос... тос... тос...») и «Не-

⁹ Гюстав Флобер о литературе... С. 189.

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 266. Подлинник по-франц.

¹¹ Гюстав Флобер о литературе... С. 23.

счастливая» («Abandonnée»). «Какой же вы великанище, — восхищался Флобер в письме от 31 мая 1873 года. — Не знаю других ваших творений, где бы вы высказали себя большим поэтом и психологом. Это чудо! Шедевр! И какое искусство! Какая тонкость исполнения за этой наружной свободой!».¹²

Со своей стороны, Тургенев искренне интересовался творческим процессом французского мэтра. Все созданное Флобером с конца 1860-х годов проходило на его глазах. Поскольку «нормандец» писал мучительно долго, шлифуя каждую фразу, он любил читать «москвичу» фрагменты своих произведений. Тургенев неизменно подбадривал сомневающегося Флобера. «Если весь ваш роман так же силен, как те его отрывки, которые вы мне читали — вы, по всей вероятности, создали шедевр — это говорю вам я», — писал Тургенев 12 (24) ноября 1868 года по поводу «L'Education sentimentale». В постскрипуме он, правда, добавил, что нужно найти другое название, находя нынешнее «неудачным».¹³

Флобер, как известно, оставил первоначальное название, но в целом очень дорожил этими «читками», о чем свидетельствуют многочисленные письма и записочки по поводу встреч ради чтения. Встречи, на которых предполагалось обсудить повести «Искушение святого Антония», «Иродиада», «Простое сердце» и особенно роман «Бувар и Пекюше», много раз откладывались в связи с обострениями болезни Тургенева или по причине его занятости, что приносило настоящие страдания Флоберу. Ему был очень интересен Тургенев-критик, но «Литературные и житейские воспоминания» так и не появились на французском языке. Тем не менее, узнав о работе над ними, «нормандец» выразил уверенность в их значительности: «Горю желанием познакомиться с вашей литературной критикой, ибо это — критика писателя, практика, что очень важно. Во всем, что пишут мои друзья, Сент-Бёв и Тэн, меня коробит то, что они недостаточно принимают в расчет Искусство, само произведение, композицию, стиль, короче то, что составляет Прекрасное. Во времена Лагарпа критик был грамматистом, ныне он историк, — вот и вся разница, — писал он 2 февраля 1869 года. — Вы столь пылки и незаурядны в своих чувствах, что и критика ваша окажется под стать вашим творениям, уверен в этом».¹⁴

Флобера явно не удовлетворял распространившийся позитивистский подход к эстетике и литературной критике, и Тургенев в устных беседах, по-видимому, давал столь необходимый и недостающий ему эстетический взгляд. Десятки писем свидетельствуют о его желании поскорее встретиться с «москвичом» и почитать фрагмент нового произведения. Яркое описание одной из подобных встреч Флобер дал в письме к Жорж Санд от 2 июля 1870 года: «Вчера провел чудесный день с Тургеневым, которому прочитал все написанные мною сто пят-

¹² Там же. С. 123.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 273. Подлинник по-франц.

¹⁴ Гюстав Флобер о литературе... С. 22.

надцать страниц „Святого Антония”. После сего я ему прочел еще чуть ли не половину „Последних песен”. Какой это слушатель! И какой критик! Он поразил меня глубиной и точностью суждений. Ах, если бы все те, кто берется судить о книгах, могли его послушать! Какой бы это был для них урок! Ничто не ускользает от него. Прослушав стихотворение в сто строк, он помнит, где в нем встретился слабый эпитет <...>. ¹⁵

С каждым годом эта потребность в дружеском общении, основанном на взаимопонимании и общности вкусов, возрастала. Произошло неожиданное: представитель чужой культуры стал для Флобера более «своим», чем его французские приятели (Золя, Доде, Гонкур и др.). Поразительное признание делает он в письме к Тургеневу от 10 июля 1878 года, приглашая его в свое имение: «Приедете ли вы ко мне этой осенью? Вы ведь несносны с вашими постоянными разговорами об отъезде. Если вам не удастся пробыть у меня меньше недели, можете и вовсе не приезжать! А между тем какой радостью для меня было бы видеть вас здесь, дорогой мой старик. Ведь зимой нам приходится видеться в малоблагоприятных условиях, то есть в присутствии других. Наши приятели — милые люди, но... словом, все они — не вы». ¹⁶

К концу 1870-х годов, когда Флобер утратил всех своих друзей юности, Тургенев стал самым близким ему человеком. Его письма с просьбой о приезде, особенно во время вынужденного «заточения» в Круасе из-за вывиха ноги, звучат как мольба:

«Никогда еще не было у меня такой потребности в ком-либо, как теперь в вас. Общество моего дорогого Тургенева благотворно действует на мое сердце, на ум и на нервы» (22 декабря 1878 г.); ¹⁷

«Работаю я как вол. Я должен буду прочитать вам три главы о Литературе, о Политике и о Любви!»; ¹⁸

«Сообщите же мне скорей, когда я буду иметь счастье обнять моего дорогого Тургенева <...> Устройте свои дела так, во-первых, чтобы побыть некоторое время под моим кровом, — ведь нам о стольком нужно поговорить! — и, во-вторых, я должен прочитать вам три главы» (9 апреля 1879 г.). ¹⁹

Так и не дождавшись Тургенева в назначенный день, Флобер пишет пронзительно-грустное письмо, глубоко растрогавшее «провинившегося»:

«Нет, бранить я вас не стану, но если бы вы только знали, до какого нервного состояния вы доводите меня, у вас были бы угрызения совести <...> Ваши объяснения кажутся мне смехотворными, дорогой друг. Я, например, полагаю, что юный Виардо прекрасно мог бы играть на

¹⁵ Там же. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 212. В русском переводе этого фрагмента дана калька с французского: «никто из них — не вы».

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ Там же. С. 220.

¹⁹ Там же. С. 233.

скрипке без вас и ваше присутствие не так уж ему необходимо», — горько сетует Флобер в письме от 27 апреля 1879 года. И вновь, уже не без колкости, объясняет, что ему не нужна шумная веселая компания французских литераторов, а нужен один Тургенев, единственный для него душевно близкий человек: «Неужели вы, дорогой мой старик, не поняли, что вся моя радость от свидания с вами была бы испорчена, если вы приехали бы вместе с другими. Нельзя же обнажать душу на людях, черт вас возьми! Впрочем, вы ведь любитель публичных увеселений, у вас, как видно, все пороки».²⁰

Тургенев был очень тронут этим проявлением искренней привязанности: 4 мая 1879 года он приехал в Круассе и пробыл у Флобера два дня. В последние годы их общения он стал особенно внимательным к своему французскому другу, который был вынужден отдать свое состояние племяннице. Время от времени он стремился порадовать его разными лакомствами (семга, шпроты, «шведская рыба») или дорогими подарками (шелковый халат), а также хлопотал о получении хорошо оплачиваемой должности библиотекаря. Тургенев понимал, что эстет и тонкий стилист Флобер менее всего может заработать на жизнь литературным трудом.

Другим способом поддержки Флобера, позднее творчество которого не имело успеха во Франции, Тургенев избрал сообщения (иногда весьма преувеличенные) о его международной известности. Укреплению этой известности во многом способствовал он сам.

Так, например, он спешил уведомить своего друга о хвалебной статье А. С. Суворина по поводу «L'Education sentimentale»,²¹ посылал ему немецкие отзывы (Ю. Шмидта и др.) на его сочинения²² и т. д.

Было бы, однако, ошибочным считать, что Тургенев руководствовался только человеческим участием. Флобер был ему нужен как критик и вдумчивый ценитель его произведений. «В наше время, — замечал Тургенев в письме от 14 (26) мая 1868 года, — нет художника — который в то же время не был бы критиком. В вас художник очень силен — и вы знаете, как я восхищаюсь им и как его люблю; но я также высокого мнения о вас как о критике и счастлив заслужить его одобрение».²³

Обмен впечатлениями по поводу конкретных произведений литературы незаметно перерастал в размышления о путях развития искусства, о предназначении художника, о философии жизни. Тургенев касался вопросов, которые подробно обсуждались в переписке Флобера с Жорж Санд. И его удручали низкий уровень массового вкуса, расцвет второсортной и третьесортной литературы во Франции Наполеона III, но он относился к этим явлениям спокойнее. Совершенно сходясь с Флобером в неприятии модных драматургов, мастеров «хорошо сде-

²⁰ Там же. С. 235–236.

²¹ ПССИП(2). Письма. Т. 10. С. 134.

²² Там же. С. 146.

²³ Там же. Т. 8. С. 265–266. Подлинник по-франц.

ланной пьесы», среди которых были А. Дюма-сын, Сарду, Вагри и даже Оффенбах, он полемизировал с ним по поводу их оценки.

Предметом специального исследования может стать критическая оценка обоими писателями творчества Э. Золя, А. Доде, входивших в постоянный круг общения Флобера и Тургенева.

В целом Флобер во многом способствовал упрочению литературной репутации Тургенева во Франции, его сближению с Жорж Санд, признанию в кругу молодых литераторов «новой школы» (Э. Золя, Ги де Мопассана, А. Доде). Тургенев, в свою очередь, много сделал для популяризации творчества Флобера в России.

Однако сходство мнений по многим проблемам не исключало более или менее явной полемики, особенно проявившейся со стороны Тургенева по отношению к циклу Флобера «Trois contes» («Три повести»).

Скепсис Флобера по поводу возможности существования человека парадоксальным образом соединялся у него с интересом к идеальным героическим явлениям, что побудило его обратиться к теме святости в повестях «La Légende de Saint Julien l'Hospitalier», «Un cœur simple» и «Hérodias» (1877). Экстраполируя поиск идеала на современность, он невольно вступил в полемику с Тургеневым, а именно с его рассказом «Живые мощи» (1874), хорошо известным во Франции в переводе на французский язык («Relique vivante»). Изображая свое представление о святости в конкретных героинях, Лукерья и Фелисите, оба писателя имели в виду один и тот же адресат — Жорж Санд. Тургенев, после того как она восторженной похвалой откликнулась на его произведение, очень сожалел, что под влиянием Л. Виардо снял свое посвящение писательнице. Флобер опоздал со своим посвящением, поскольку повесть «Un cœur simple» появилась уже после смерти Жорж Санд.

В представлении Тургенева категория святости — нечто высокое, свободное, героическое; это способность индивида достойно реализовать свое предназначение в универсальной ситуации существования. Такой же смысл писатель вложил позже в выражение «Жорж Санд — одна из наших святых» (статья-некролог).²⁴ Если тургеневская Лукерья несет в себе пафос оптимизма, жажду самопожертвования ради людей, то флюберовская Фелисите воплощает отказ от собственной индивидуальности, аскезу. Различие героинь обусловлено различной природой гуманизма двух авторов.

По-видимому, не столько цензурные условия, сколько несогласие с концепцией Флобера побудило Тургенева отказаться от первоначального плана перевести повесть на русский язык (что подтверждается и его иронической характеристикой героини).

Что касается переводов двух других повестей («Легенда о Святом Юлиане Милостивом», «Иродиада»), то, несмотря на бурную полемику по поводу их адекватности в 1930-е годы (в которой приняли участие М. Волошин, М. Клеман, М. Эйхенгольц, Н. Соболевский, Н. Сла-

²⁴ Там же. Соч. Т. 11. С. 192.

вятинский),²⁵ они, на наш взгляд, являются удачной попыткой Тургенева войти во внутренний мир и передать стиль одного из самых сложных европейских авторов. До сих пор эти переводческие опыты остаются интереснейшей страницей как русской рецепции Флобера, так и творческого развития самого Тургенева.

Тургенев был очень доволен своей работой. По поводу перевода «Легенды» он признавался 26 марта (10 апреля) 1877 года М. М. Стасюлевичу: «...я так старательно отчеканил эту вещь, что не желаю оставить ни одного пятнышка. Могу прибавить, что изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* — заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным. Что бы ни сказали читатели — я сам собой доволен и глажу себя по головке».²⁶

Одним из самых важных вопросов, возникших в переписке Флобера и Тургенева, стал вопрос о месте и роли читателя в процессе создания произведения искусства. Как большой художник должен реагировать на непонимание, глупость читателя — вопрос, очень мучивший Флобера. Что нужно противопоставить равнодушию публики, чтобы не опустить руки и все-таки продолжать писать? Эту проблему Флобер очень подробно и доверительно обсуждал с Жорж Санд (переписка с которой началась в том же году, что и с Тургеневым, а с 1872 года два параллельных диалога слились в единый полилог). Это была «большая» для Флобера тема, обсуждение которой он на протяжении нескольких лет вел одновременно с двумя своими друзьями. Жорж Санд очень просто и ясно объяснила свое понимание вопроса, мучившего Флобера: как преодолеть конфликт между писателем и читателем, или в более широком смысле — конфликт между художником и публикой. Для кого нужно писать? Для избранных десяти человек, которые вас поймут, по мнению Флобера? Жорж Санд знала другой ответ:

«Пишут для всех, для всех, кто нуждается в приобщении. Когда ты не понимаешь, ты смиряешься и начинаешь снова. Когда тебя понимают, ты радуешься и продолжаешь. В этом весь секрет наших упорных трудов и нашей любви к искусству. Что это было бы за искусство без сердец и умов, к которым его обращаешь? Оно уподобилось бы солнцу, которое не испускает лучей и не дает ничему жизни. <...> И если настоящее бесплодно и неблагодарно, если теряешь всякую активность, всякое доверие к публике, служа ей, насколько это в твоих силах, остается упование на будущее, которое поддерживает мужество и залечивает всякую рану, нанесенную себялюбием».²⁷

Флобер, казалось бы, был равнодушен к читательскому успеху своих произведений. Но когда процесс конфликта с публикой затянулся, он впал в настоящую депрессию. Он не мог простить равнодушия к сво-

²⁵ См.: Клеман М. И. С. Тургенев — переводчик Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 4. С. 133–149.

²⁶ ПССУП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 131.

²⁷ Gustave Flaubert — George Sand. Correspondance. P. 84. Перевод наш. — О. К.

ему роману «L'Education sentimentale». Тургенев подбадривал своего друга, но понимал, что настоящий художник не может долго жить без успеха, означающего понимание и признание его творческих открытий другими. Он очень надеялся на читательское признание «Искушения Святого Антония». 8 (20) февраля 1870 года Тургенев писал: «Да, конечно, к вам были несправедливы, но наступил час, когда надо собраться с силами и обрушить на голову читателей подлинный шедевр. Ваш „Антоний” может сыграть роль такого бульжника. Не мешкайте с этим: вот мой постоянный припев. <...> Если ваша книга увлечет хоть десяток людей сколько-нибудь стоящих — то и этого будет достаточно. Вы понимаете, я говорю это не для того, чтобы утешить вас, а для того, чтобы воодушевить».²⁸

Когда надежда на успех и этого произведения не оправдалась, Тургенев переложил ответственность за провал на недостаточно развитого читателя. В июньском письме 1874 года он замечал: «Решительно, „Антоний” не для широкой публики: обыкновенные читатели в ужасе от него отшатнулись — даже в России. Я не думал, что соотечественники мои такие жеманные. Тем хуже! Но „Антоний” — книга, которая будет жить — несмотря ни на что».²⁹

Но потеря связи с читателем может возникнуть и по вине самого художника. Тургенев понимал, что в своих экспериментах с объективным методом Флобер перестает учитывать не только вкусы массового читателя, но и элементарные законы восприятия. Это не могло не беспокоить русского писателя, с тревогой следившего за претворением замысла «Буvara и Пекюше». Своей тревогой он делился с И. Тэнном и Э. Золя. Пребывание Флобера в горах Швейцарии он советовал ему использовать для «того, чтобы придумать нечто захватывающее, жгучее, пламенное». В этом же июльском письме 1874 года Тургенев попытался робко скорректировать план последнего романа.³⁰

Флобер, как известно, задумал создать монументальное эпическое произведение, в котором сама композиция и подбор фактов должны были продемонстрировать как ограниченность отдельного заурядного человека, стремящегося к знанию, так и несовершенство самого знания, воплощенного в разных науках и искусствах, дающих противоречивые результаты. Тургенев советовал трактовать этот сюжет в духе Свифта или Вольтера, но Флобер упрямо настаивал на своем замысле серьезного и даже «устрашающего» произведения. Он умер, написав только первый из двух задуманных томов, и Тургенев считал, что этот роман убил его друга.

Таким образом, равнодушие художника к читателю — химера, и затянувшееся непонимание автора и публики чревато драматическими или даже трагическими последствиями.

²⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 318. Подлинник по-франц.

²⁹ Там же. Т. 13. С. 295. Подлинник по-франц.

³⁰ Там же. С. 311. Подлинник по-франц.

Но, пожалуй, главный вопрос, который обсуждали три художника, заключался в проблеме соотношения субъективного и объективного в искусстве. Как преодолеть разрыв между объективной, бесстрастной манерой повествования, свойственной Флоберу, и романтической субъективностью Жорж Санд? Санд выражала свое искреннее недоумение в письме к Флоберу в декабре 1866 года: «Ничего не вкладывать из своего сердца в то, что пишешь? Я совсем не понимаю, совсем ничего. <...> Разве можно отделить свой ум от сердца, разве это нечто отличное? Разве само ощущение может себя ограничить <...>. Наконец, не высказываться полностью в своем сочинении мне кажется так же невозможно, как плакать с помощью чего-то другого, нежели глаза, и думать с помощью чего-то другого, нежели мозг».³¹ Флобер пытался объяснить, что он неправильно выразился, что он имел в виду научность и безличность искусства, скрытность личности автора. Но непонимание осталось.

Ответ на этот вопрос дал своим творчеством Тургенев. Он примирил, казалось бы, непримиримое. Русский писатель продемонстрировал, что можно высказывать свое сочувствие (сердце) к изображаемому, чего так недоставало Санд в сочинениях Флобера, и в то же время оставаться на почве реальности и эстетизма, что так ценил Флобер. Одни и те же произведения Тургенева вызывали единодушный восторг обоих, они даже пользовались одинаковой лексикой для его выражения: глаголом *dévoier* (проглотить), эпитетами *charmant* (очаровательный), *beau* (прекрасный), *chef-d'œuvre*.

В творческой манере своего русского друга Флобер нашел то единство противоположностей, которые разделяли его с Жорж Санд, то есть гармонию между субъективным и объективным началами в искусстве. Стремясь к созданию предельно бесстрастных произведений, исключая авторскую оценку изображаемого и романтическую субъективность, Флобер неожиданно нашел в Тургеневе синтез правды жизни и лиризма, самого строгого реализма и поэзии. Русский писатель продемонстрировал, что можно оставаться на почве реальности и одновременно наполнять повествование разнообразной гаммой чувств от иронии и гротеска до возвышенного лиризма. Искренняя восторженность Флобера, а позднее и Жорж Санд по поводу творчества Тургенева наводит на мысль, что оно явилось для них обоих неким идеалом, примирившим их долгие споры.

---

³¹ Gustave Flaubert — George Sand. Correspondance. P. 107.

А. Звигильский

ИВАН ТУРГЕНЕВ в ПЕРЕПИСКЕ с ЛУИ ВИАРДО

Наконец началась публикация писем корреспондентов Тургенева. После публикации переписки Гюстава Флобера и Ивана Тургенева, вышедшей во Франции,¹ Англии, в Италии и в Испании (но не в России), можно приветствовать подготовленные Н. Жекулиным и покойной Н. Н. Мостовской письма одного из самых близких друзей Тургенева Павла Васильевича Анненкова: 348 писем, охватывающих период в 31 год.²

Со своей стороны, мы предприняли издание писем Луи Виардо, охватывающих период с 1844 по 1878 годы и насчитывающих 74 единицы (письма и записки), по большей части неопубликованные.³ Треть их была передана в составе фонда внучки Полины Виардо — Марсель Мопуаль в Парижскую Национальную библиотеку, другая треть в настоящее время принадлежит г-ну Оливье Ле Сену-Виардо, чей отец, Андре Ле Сен, предоставил мне в свое время фотокопии автографов писем Л. Виардо к Тургеневу. Что касается последней трети писем, их около тридцати, то они, кажется, по-прежнему находятся в архиве правнучки П. Виардо м-ль Мишель Болье, упорно не желающей их публикации.

Впрочем, письма могли быть уничтожены г-жой Виардо, как это было сделано ею в отношении собственных писем к Тургеневу, из которых сохранилось лишь двадцать. Поразительно, что из ответных писем

¹ Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance / Texte édité, prefacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 1989.

² Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

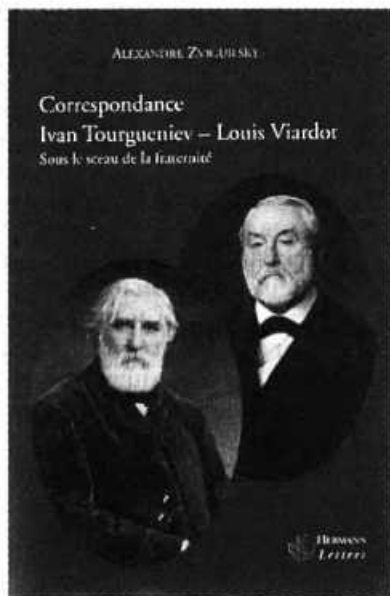
³ Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot: Sous le sceau de la fraternité / Texte édité, prefacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 2010. Издание выпущено к 200-летию со дня рождения Луи Виардо.

Тургенева к Луи Виардо уцелело тоже лишь двадцать, все они опубликованы. Эта цифра наводит на мысль, что г-жа Виардо приложила руку к исчезновению писем русского друга к своему мужу одновременно с письмами, адресованными Тургеневым к ней самой за период с 1875 по 1878 годы, поскольку именно за это время в их переписке существовал лакуна.

Если говорить о природе переписки Луи Виардо и Тургенева, то я без колебаний воспользуюсь определением, данным составителями и издателями писем П. В. Анненкова: «уникальная дружба с писателем». Разумеется, слово «дружба» в случае Луи Виардо имеет иную коннотацию: речь идет скорее о подлинно братских отношениях, о добровольном включении Ивана Сергеевича в собственную семью.

Луи Виардо уже через восемь месяцев после знакомства почувствовал, что эта дружба будет долгой:

«К 15 сентября <1844> мы возьмем курс на север, с одним только сожалением, что оставляем позади дорогих людей, но с уверенностью найти других, во главе которых стоите вы» (письмо из Вены от 12 июня 1844 г.).

Обложка книги «Переписка Ивана Тургенева и Луи Виардо: Под знаком братства» (Париж, 2010) с портретами Тургенева и Л. Виардо работы А. А. Харламова

Своеобразным, правда запоздалым эхом к этому звучит то же чувство, высказанное писателем, вынужденным покинуть Париж:

«Не могу выразить, сколь я был тронут всеми проявлениями дружбы, полученными за последние дни; не знаю, право, чем я их заслужил; но что я знаю, так это то, что, пока жив, буду хранить в сердце память о них» (письмо к Луи Виардо от 24 июня 1850 г.).

Луи был на 18 лет старше Тургенева, он мог бы быть его отцом или учителем. К сожалению, мы не располагаем фотографией, на которой они были бы вместе, Тургенев и Л. Виардо. Если бы Луи сопровождал своего друга на охоту в замок Шамбодуэн, близ Питивьё, к барону Урию де Гинцбургу в декабре 1879 года, возможно, он был бы изображен на картине Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, некогда выставленной в Эрмитаже, а ныне принадлежащей музею в Буживале.⁴

⁴ Об истории этой картины см.: Звигильский А. Неизвестный Тургенев (По материалам новых приобретений Музея Ивана Тургенева в Буживале) // И. С. Тургенев. Новые

Так или иначе, мы охотно представляем себе двух этих людей рядом, «с ружьем в руках», если воспользоваться выражением Тургенева из письма от 24 июня 1850 года. В портретах Луи Виардо и Тургенева, написанных в 1875 году А. Харламовым (их копии находятся в экспозиции музея в Буживале), посетители находят некоторое сходство, возможно, намеренно изображенное художником. Не об этом ли «родстве», о котором мы говорим, шутливо писал и сам Тургенев Людвигу Пичу в 1880 году:

«Все больны, кроме восьмидесятилетнего Луи Виардо, крепкого, как скала: когда он прогуливается со мной, меня принимают за его отца».

Семья, как и родина, не соотносилась для Тургенева — и еще больше для четы Виардо — с понятиями, принятыми и устоявшимися в нашем обществе. Мы уверены, что глубокое вхождение Тургенева в семью, которая не была его собственной, не было бы возможным без постоянного присутствия и поддержки Луи Виардо. Если Тургенев пожелал жить в семье Виардо, то только потому что его к этому постоянно призывал Луи: поездки в Россию, необходимые для наблюдения за управлением имениями и в особенности для творческой работы, рассматривались им как ссылка. Русский писатель чувствовал себя дома в Европе, под моральной защитой своей новой семьи. В конце жизни он, хотя и безуспешно, будет уверять близких ему людей, особенно своего старого друга Якова Полонского, в том, что у него два гнезда — одно в Спасском, а другое в Буживале.

Идея виллы и шале возникла в 1862 году у Луи Виардо. В самом деле, Виардо хотел, чтобы его друг был рядом, когда он задумал уехать из Франции в Германию. Как человек практический и здорового ума, он представлял себе эту совместную жизнь так: вилла для семьи и поблизости от нее шале для своего названного брата. Так они и проживут счастливо в Баден-Бадене до самого начала франко-прусской войны в 1870 году. Идея обретет новую жизнь, когда, воссоединившись на этот раз в Буживале в одном и том же поместье, трое друзей, ставших родственниками, станут жить «своей семьей» на вилле и в шале в «Ясенях». И здесь снова как приобретение собственности, так и обустройство совместной жизни целиком легли на плечи Луи Виардо.

Более того. Именно он, отец Клоди, еще до постройки шале Тургенева, мечтает об обустройстве там ателье для занятий живописью молодой женщины (письмо к Тургеневу от 18 июля 1874 года). Около пятнадцати писем Виардо к Тургеневу за 1874–1876 годы, столь подробно описывающих работы, за которыми он наблюдал в «Ясенях», не дают нам возможности определить реальную стоимость поместья и еще менее представить, каким образом распределялись расходы на его приобретение и проводимые работы. Здесь также кроется загадка этой истории.

исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1 / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. С. 236–237.

Луи Виардо рассматривает и формирует эту семейную ячейку оригинальным способом. Увеличиваясь в числе, она в конечном счете превратится в общество и в ту форму управления, о какой мечтал в своей «Утопии» Томас Мор. Общество без денег, чье счастье будет обеспечено правительством. И совсем не случайно, что именно в этот переломный момент своей жизни в ноябре 1875 года Тургенев пишет в Сен-Жермен-ан-Лэ, близ Буживаля, в гостинице «Павильон Генриха IV» рассказ «Чась», символический памфлет против власти денег.

Это микрообщество, по внешнему виду коммунистическое, задуманное двумя мужчинами, на деле не столь совершенно, как можно подумать, но прекрасно с точки зрения человеческих ценностей. Переписка Тургенева свидетельствует о его щедрости на протяжении всей жизни, о постоянной заботе о несчастных. Не так обстоят дела в частной переписке Луи Виардо. Конечно, акты благотворительности не нуждаются в том, чтобы быть записанными или сообщенными в письме. Но жизненный идеал обоих может быть все же расценен как буржуазный. Их общая страсть к охоте всегда побуждала их к приобретению лесистых территорий. Тургенев арендует охотничьи угодья в Луар-и-Шер, чтобы предаться любимому занятию, когда навещает свою дочь Полинетту, ставшую г-жой Брюэр. Что до Виардо, то и он, признавший в 1852 году, что страсть убивать животных увеличивает несчастья этого мира, одновременно считал, что охота является превосходным занятием. И 24 года спустя он безошибочно определит преимущества, которые извлекал Тургенев из своего пожизненного дохода, позволявшего ему «удовлетворять все свои пристрастия и капризы, картины, лошади, охоту, книги, хорошие обеды у Маньи» и т. д. Одним словом, идею счастья, где царят деньги и где другого не находится места.

Тем не менее Виардо остается примером скромности и в некоторых случаях демонстрирует это. Так, на первый взгляд непоследовательно, он, подписывавший переводы, выполненные Тургеневым, анонимно публикует философский труд, который в течение десяти лет выдержит шесть изданий, — «Апология неверующего» (1867). Тургенев упрекнет старого друга в излишней скромности.

В своей книге Виардо проповедует высокие моральные ценности и приверженность гуманизму. Это теоретический трактат, следование которому, как можно предположить, ограничивается культом дружбы. Что уже весьма значительно.

Указанное исповедание веры в рации датируется началом Третьей республики, но этот труд Виардо никогда не переиздавался и остается неизвестным читателю, как, впрочем, практически все остальные его сочинения. Тургеневеды найдут здесь много пищи для размышлений. В своих комментариях к переписке Тургенева и Луи Виардо мы указали на некоторые переключки с тургеневскими «Стихотворениями в прозе». Два человека, жившие всегда бок о бок, повторяю, примерно так, как они обобществили свои доходы, один, черпая из бумажника

Полина Виардо
Портрет работы А. А. Харламова (1875)

другого, другой — пользуясь гостеприимством первого, обобществили и свои идеи, одновременно схожие и различные.

Г-жа Виардо воспитывала Полинетту Тургеневу, как свою собственную дочь Луизу, которая была того же возраста; она учила ее музыке, рисованию и иностранным языкам. Странно видеть, что именно Луи Виардо занимается материальными и финансовыми вопросами, держа нередко отсутствующего Тургенева в курсе расходов по содержанию девочки, оплаты ее платьев и уроков. Забота этого человека о девочке, которую он называл Полиной Ивановной, потом о подростке и девушке была безграничной. Он предавался своим заботам от всего сердца и со-

общал об этом отцу в юмористическом тоне, не отделяя Полинетту от собственных детей:

«Дети, чьей матерью я являюсь» (1857); «С детьми все, слава Богу, в порядке. Они держат меня на привязи; но они также и мое единственное общество» (1858); «я возвращаюсь к своим обязанностям няньки милых детей» (1860).

Именно Виардо, имевший связи в высших кругах, будет наводить справки о нравственных качествах будущего претендента на руку Полинетты. Облигации железных дорог, за курсом которых следит с расчетом на будущее в ноябре 1858 года Луи Виардо, составят, благодаря его умелому управлению, приданое девушки, которой тогда было всего 16 лет.

Виардо интересовался также братом Тургенева Николаем Сергеевичем, с которым был едва знаком, но которого несколько раз настойчиво приглашал в «Ясени», обещая комнату для проживания. Напрасные хлопоты: в конце концов Луи заметил, что Николай очень похож на его собственного брата Леона, вычеркнутого им из завещания, в то время как Иван Сергеевич был включен туда в качестве наследника после же-

ны и детей. Параллельно этому Тургенев составил завещание в пользу Луи и Полины Виардо, лишив наследства Полинетту. Со своей стороны Тургенев выделил в приданое второй дочери Полины Виардо Клоди 100 тысяч франков. И перед смертью просил Полину, ставшую его единственной наследницей, выделить ренту в 10 тысяч франков каждому из своих внуков.

Все это подводит к главному вопросу, к загадке, которая волнует биографов Тургенева: была ли связь между ним и Полиной Виардо на протяжении 40 лет совместной жизни?

Этот сюжет казался подозрительным и французской полиции. Вот что можно прочесть в рапорте префектуры парижской полиции, помещенном 10 января 1877 года:

«Господин Тургенев несколько лет проживает в доме 50 по улице Дуэ в том же помещении, что и господин Виардо. Он регулярно обедает у них, имеет в своем распоряжении двух слуг и считается состоятельным.

Г-жа Виардо одна проживает обычно в доме на улице Дуэ вместе с господином Тургеневым.

Господин Виардо, который, кажется, состоит в холодных отношениях со своей женой, почти постоянно проживает с сыном в своем имении в Буживале, где занимается литературным трудом.

По случаю праздников он приезжает в Париж на несколько дней, но скорее отдавая дань привычке, чем для того чтобы провести праздник в кругу семьи.

Причины, по которым он признает проживание в своем доме господина Тургенева, совершенно неизвестны; несмотря на слухи, что его жена является любовницей последнего и что она причастна к состоянию, которым он пользуется, г. Виардо поддерживает с ним самые лучшие отношения; никто по соседству не знает, что там происходит и дело не идет дальше предположений о характере отношений между этими тремя персонами».

У нас нет возможности подтвердить эти утверждения, хотя и говорят, что дыма без огня не бывает. А вот что нам доподлинно известно, так это то, что Луи и Тургенев сделали общими не только финансовые дела, но и повседневные занятия и хлопоты, заботясь о здоровье и хорошем самочувствии друг друга; взаимные услуги носят семейный характер — семьи, состоящей из трех человек, не родных по крови, но решивших жить вместе во Франции как сестра и братья. Совершенно очевидно, что здесь лежит объяснение разгадки, тайны тройственных отношений, давших повод для множества легенд: отрекшегося от родины Тургенева, ветреной и обольстительной певицы, обманутого и довольного мужа.

Что касается переписки двух эрудитов-гуманистов Тургенева и Луи Виардо, то в центре ее находятся интеллектуальные интересы: литература, искусство, философия, политика. Виардо за свои труды по истории испанских арабов был избран почетным членом Королевской Ака-

демии Испании и членом Королевской исторической Академии Мадрида. Тургенев, как известно, был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук 29 декабря 1860 (10 января 1861) года, без сомнения, за вклад в дело освобождения крестьян от крепостной зависимости. Именно старший брат, начиная с 1850 года, подталкивает младшего следовать своему «призванию» и приложить все силы для того, чтобы положить конец позорному институту рабства. «Записки охотника» (1852) Тургенева, столь близкие «Охотничьим воспоминаниям» (1846) Луи Виардо, скрывают за заглавием социальные цели автора. В письме от 19 января 1848 года Виардо предлагает другу совместную работу над повестью из русской жизни. Но если литературное сотворчество в этом случае не состоялось, то советы Луи Виардо могли принести свои плоды, побудив русского друга к действиям. За три года до обнародования указа Александра II Тургенев покажет пример своим сородичам-аристократам, державшимся за старинные привилегии, и освободит собственных крепостных крестьян.

Виардо был той же породы, что и П. В. Анненков, обладавший «энциклопедически панорамным пером». Без колебаний, его можно назвать «учителем» Тургенева в нескольких областях. Прежде всего, в испанском языке. Виардо давал Тургеневу уроки испанского, писал ему по-испански (полагая таким образом обмануть бдительность цензуры), когда советовал бежать из Спасской ссылки через Турцию (!). Свои письма он наполняет цитатами из «Дон-Кихота» и испанскими пословицами. Известно, что перевод шедевра Сервантеса был делом его жизни. На наш взгляд, ему не была чуждой своеобразная интерпретация героя Сервантеса, которому Тургенев в своем философском эссе «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) отдал прекрасную роль: человека действия, увлекающего человечество вперед, в противовес шекспировскому герою, замкнувшемуся в своем скептицизме. К тому же Тургенев намеревался сам перевести роман Сервантеса на русский язык. Этот замысел не был осуществлен, однако писатель перевел обширное предисловие Луи Виардо к его переводу «Дон-Кихота» и предложил его Стасюлевичу.

Виардо не остался в долгу: не зная русского языка, он интересовался русскими обычаями, искусством, литературой и даже языком. В одном из своих писем он цитирует русскую поговорку «Плюю трижды через левое плечо», что свидетельствует о несомненно близких и длительных отношениях с Тургеневым. С февраля 1846 года он напоминает Тургеневу, что было бы хорошо перевести «Бедных людей» Достоевского. Он указывает Тургеневу на статью М. Бакунина во французской газете «La Réforme» (от 27 января 1845 года). Впервые во Франции он упоминает о некрологе Гоголя, написанном Тургеневым. Напрасно мы стали бы искать сделавшего это в газете «Le Siècle» (от 2 апреля 1852 года) Огюста Жюльена, потому что на самом деле это был почти дословный перевод письма Тургенева к Полине Виардо. Наконец, он под своим именем публикует перевод на французский язык повести

А. С. Пушкина «Дубровский», что не было, кажется, замечено до сих пор («L'Illustration», 2, 16 августа, 6, 20 и 27 сентября 1862 года). В том же году он подписывает вместе с Тургеневым перевод драматических произведений Пушкина, в то время как тургеневские переводы из Гоголя и Лермонтова были подписаны только именем Л. Виардо. Было ли это вызвано опасениями русского писателя попасть под надзор русской полиции? Вот загадка, которая раскрывается по мере того, как проникаешь в тайну дружбы этих людей, решившихся жить одним домом.

Для Тургенева Виардо был авторитетом в области искусств. Он давал ему советы по приобретению полотен голландских мастеров и художников Барбизонской школы. Переписка дает множество примеров того, как формировалась коллекция картин русского писателя. Оба приятеля однажды купили по картине в жанре «ню», которые принадлежали кисти разных, ныне забытых художников — Бланшара и Ранвье («Куртизанка» и «Нимфа Эхо»). Любопытно, как в письмах они сравнивают двух обнаженных дам.

Тургенев, хотя нигде не упоминает об этом, без сомнения, читал серию книг Луи Виардо «Музеи Европы» («Musées d'Europe») и сборник его статей «Испания и изящные искусства» («Espagne et Beaux-Arts») (1866). Статья из этого сборника «Беседа об искусствах» внесла, на наш взгляд, определенный вклад в создание образа Потугина в романе «Дым» (1867). Обоих друзей отличало чувство меры: вот почему оба они верили в цивилизацию. Искусство, литература были для них великолепным противоядием против войны и фактором мира. «Науки и искусства объединяют людей, в то время как другие соображения лишь разъединяют их», — писал Гёте в 1812 году.

В заключение напомним о расставании этих двух людей, которое произошло 1 мая 1883 года в их доме на улице Дуэ. Сообщение об этом событии было напечатано в газете «Le Temps».

Готовились спустить Тургенева на тюфяках с верхнего этажа, чтобы в экипаже перевезти его из Парижа в Буживаль. Виардо, заслышав шум наверху, захотел выдвинуть кровать на лестничную площадку. Здесь оба смогли обменяться последним объятием. Перефразируя приветствие гладиаторов Цезарю, Виардо сказал: «Идущие на смерть приветствуют друг друга!».

Их дружба продлилась до самой смерти.

Т. М. Кривина

ДИСКУССИЯ О ТУРГЕНЕВЕ
В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В своей статье 1896 года Генри Джеймс заметил: «Пожалуй, вряд ли найдется другой иноземный писатель, который столь же естественно, как Тургенев, занял бы должное место в „Библиотеке английских писателей“ <...>» (имелась в виду «Библиотека лучших образцов мировой литературы»).¹ Однако отношение к нашему земляку в Британии рубежа веков (как, впрочем, и в других европейских странах того времени, да и в России) было отнюдь не таким однозначным. Безусловная репутация первого русского писателя, каковой Тургенев обладал в этой стране в 70-х — 80-х годах XIX века, была поколеблена все более возрастающим интересом к творчеству его великих современников — Толстого и Достоевского, а несколько позднее (с середины 20-х годов XX века) — Чехова. Принципиальным оппонентам Тургенева пытались возражать его верные сторонники. Можно говорить о своего рода дискуссии, возникшей вокруг имени автора «Записок охотника» в начале прошлого века в английских литературных кругах.² Порой полемика

¹ Джеймс Г. Иван Тургенев (1818–1883) // Генри Джеймс. Женский портрет / Изд. подготовили Л. Е. Полякова, М. А. Шерешевская. М., 1984. С. 524 (Лит. памятники).

² Об истории восприятия творчества И. С. Тургенева и других русских классиков в Великобритании написано немало. Назовем некоторые из наиболее значимых трудов англоязычных и российских исследователей: *Gettmann R. A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941; Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. L., 1956; Waddington P. Turgenev and England. L., 1982; Waddington P. Ivan Turgenev and Britain. Oxford, 1995; Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника» // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 207–267; Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977; Левин Ю. Д. Новейшая англо-американская литература о Тургеневе (1945–1964) // ЛН. Т. 76. С. 505–540; Шерешевская М. А., Литаверина М. Г. Чехов в английской критике и литературоведении // ЛН. Т. 100. Кн. 1. С. 406–453; Жантиева Д. Эстетические взгляды английских писателей кон-*

оказывалась открытой — например, у Беннета и Гарнета с Берингом или у Клаттон-Брока с Гарнетом, чаще — безадресной, но сам факт ее существования отрицать не приходится.

В названный период в среде британских литературных критиков обозначилась тенденция возвеличивания знаменитых соотечественников Тургенева за счет дискредитации прежнего кумира. Особенно резко подобная позиция обозначилась в работах Мориса Беринга (1874–1945) — в его статье «Толстой и Тургенев»³ и в книге «Вехи русской литературы», в которую помимо материала статьи он включил главу «Место Тургенева в мировой литературе» (оригинальное ее название — «The Place of Tourgeniev»).

Не без влияния трудов французского и немецкого литературоведов Э. Омана (1859–1942)⁴ и А. Брюкнера (1856–1939),⁵ на которые он прямо ссылается, Беринг фактически лишил Тургенева значительной роли в истории мировой литературы. Он утверждал, что, хотя Тургенев был великим художником и признанным «поэтом в прозе», он не достиг абсолютной истины в изображении человека, так как «его мировосприятие слабее и ограниченнее, нежели у Толстого; понимание жизни холодно и поверхностно в сравнении с Достоевским. Характеры, созданные им, выглядят искусственными на фоне характеров Достоевского и похожи на карикатуры рядом с толстовскими».⁶ С точки зрения Беринга, тургеневские герои принадлежат к книжному миру и даже самый яркий из них, Базаров, в сравнении с нигилистами Достоевского лишен жизненной правдивости. По мнению автора «Вех русской литературы», Тургенев не может быть признан великим представителем России, в отличие от двух его соотечественников, сумевших лучше отразить определенный этап в истории страны.

Позднее в книге «Очерки по истории русской литературы» Беринг все же назвал «Отцов и детей» шедевром. Теперь он более определенно заявил, что автор этого романа займет место классика в мировой культуре благодаря своему поэтическому дару, находящему воплощение в «совершенной чистоте рисунка, безупречном чувстве гармонии, в идеальном соотношении мысли и художественного слова».⁷ Но и в «Очер-

---

цах XIX — начала XX века и русская классическая литература // Их истории литературных связей XX века. М., 1962. С. 198–242. Известный филолог Д. Г. Жантисева, автор этой объемной работы, писала, в частности, и о дискуссии, возникшей вокруг имени Тургенева. В настоящей статье мы обращаемся в отдельных случаях к тому же литературному материалу, но расходимся с уважаемым исследователем в интерпретации ряда писательских позиций. Кроме того, в статье используются публикации различного рода, не рассмотренные ранее отечественными литературоведами.

³ *Baring M. Tolstoy and Tourgeniev // Quarterly Review. 1909. July.*

⁴ *Haumant E. Ivan Tourguénief: la vie et l'œuvre. P., 1906.*

⁵ *Brückner A. Literary History of Russia. L., 1906* (английский перевод книги «Geschichte der russischen Literatur», вышедшей впервые в Лейпциге в 1905 г.).

⁶ *Baring M. Landmarks in English Literature. L., 1910. P. 99.* На русский язык книга была переведена в 1913 г.

⁷ *Baring M. An Outline of Russian Literature. N. Y.; L., 1914–1915. P. 167.*

ках» Беринг возвысил Толстого и Достоевского над Тургеневым, с его точки зрения — автором устаревшим, отобразившим ушедшую в прошлое эпоху.

Морис Беринг не был выразителем некоей единой «английской» точки зрения на русскую литературу: достаточно вспомнить, что глава «Место Тургенева в мировой литературе» была откликом на высказывания рассерженных почитателей творчества Тургенева, недовольных статьей «Толстой и Тургенев». Однако его позиция оказалась достаточно типичной для британской литературной критики тех лет.

В 1912 году в журнале «*Russian Review*» («Русское обозрение») — печатном органе Ливерпульского университета — была помещена статья Невилла Форбса (1883–1929) «Тургенев». В целом она отличалась доброжелательным тоном: ее автор достаточно тонко прокомментировал философское содержание тургеневских произведений. Однако и он не преминул заметить, что романы Тургенева не так глубоки и универсальны, как романы его великих соотечественников, а сам писатель не такой тонкий психолог, как Достоевский, и не такой потрясающий реалист, как Толстой, хотя, безусловно, остается непревзойденным мастером слова.⁸

Через четыре года Чарльз Сароли (1870–1952) в одной из глав своего историко-литературного труда «Европейский долг России» признал в Тургеневе талант психолога и наблюдателя, создавшего определенный тип героя (человека с «параличом воли»), характерного для российской действительности. Однако для Сароли Тургенев оставался «хроникером» своего времени (как и для Беринга), обладавшим ограниченным горизонтом. Он отказывал создателю Базарова и Рудина в трагедийной глубине Достоевского, вдохновенности Гоголя, пророческом даре Толстого. Впрочем, Сароли все же посчитал Тургенева совершенным стилистом, автором, обладавшим чувством меры и точного словесного выражения.⁹

Весьма резко высказал свое суждение о Тургеневе известный в свое время в Англии литературный критик А. Клаттон-Брок (1868–1924), недоброжелательно откликнувшийся на книгу почитателя тургеневского творчества Э. Гарнета. Клаттон-Брок воспринял автора «Отцов и детей» как писателя искусственного, старомодного (в этом он перекликался с Берингом и Форбсом), не способного создать индивидуализированные характеры. Сохраняя западническую традицию сопоставления русских классиков, Клаттон-Брок утверждал, что все русские писатели XIX века «более далеки от конкретного читателя, чем английские авторы», но самым удаленным от читательской публики представлялся ему именно Тургенев. Если для Толстого и Достоевского творчество, по мнению критика, было естественным процессом, то для

⁸ *Forbes N. Turgenev // Russian Review. L., 1912. Vol. I. N 3. P. 137–138.*

⁹ *Sarolea Ch. The Great Russian Triumvirate // Sarolea Ch. Europe's Debt to Russia. L., 1916. P. 109–110.*

Тургенева — оно являлось «чем-то вроде ритуала».¹⁰ Философская концепция Тургенева казалась британскому исследователю слишком мрачной, лишаящей героев его романа возможности выбора и ответственности за свою судьбу. Тем не менее, называя романы Тургенева «изысканно пустыми» («exquisitely empty»), он признавал, что тургеневская проза сродни поэзии и музыке, и в этом писатель по-своему уникален.

Неизвестный рецензент первой объемной биографии Тургенева, написанной американским исследователем А. Ярмолинским и вышедшей в свет в Англии в 1926 году, утверждал, что Тургенев — при всех своих писательских достоинствах — не видел тех потенциальных благородных возможностей человека, которые открылись Толстому, Достоевскому, Чехову.¹¹ Э. Карр (1892–1982), автор статьи о взаимоотношениях Тургенева и Толстого, вспомнил, что Толстой уснул над «Отцами и детьми». При этом критик сделал весьма рискованный вывод, согласно которому последующие поколения читателей подтвердили толстовскую оценку тургеневской прозы как «усыпляющей».¹² Обе журнальные статьи не предлагали глубокого анализа творчества русского писателя, но они демонстрировали некий сложившийся к концу 20-х годов стереотип в подходе к наследию наших классиков.

Примечательно, что и самые явные почитатели таланта Тургенева, защищая его от нападок критиков, объективно понимали, что их кумир потерял свою былую славу. Общеизвестно, что Джон Голсуорси любил Тургенева, испытал на себе его влияние, обращался к русскому классику и к его героям в ряде статей, посвященных проблемам писательского мастерства. Однако в 1924 году в эссе «Силуэты шести писателей» он с горечью заметил, что после знакомства англичан с произведениями Достоевского Тургенев утратил былое влияние в этой стране. А еще раньше, в 1910 году, в письме к Эдварду Гарнету, комментируя книгу Беринга «Вехи русской литературы», Голсуорси писал: «Интересно то, что он <Беринг. — Т. К.> говорит о русской оценке творчества Тургенева, но это, безусловно, мода, хотя я согласен с тем, что Толстой и Достоевский достигают такого уровня, на который Тургенев даже не посягает».¹³

Любопытно проследить эволюцию отношения к Тургеневу другого его почитателя — Арнольда Беннета (1867–1931). Еще в 1899 году в статье, написанной по случаю выхода в свет 15-томного собрания сочинений Тургенева в переводе Констанса Гарнет, Беннет утверждал, что русский писатель завоевывает в Европе внимание литературных критиков, а не читающей публики. Английский автор уже тогда понимал,

¹⁰ Clutton-Brock A. Turgenyev // Clutton-Brock A. Essays on Books. L., 1928. P. 160 (первое издание — 1920 г.).

¹¹ Avrahm Yarmolinsky. Turgenyev: the Man, His Art and His Age // The Times Literary Supplement. 1927. March 3.

¹² Carr E. Two Russians // Fortnightly Review. L., 1929. Dec. 2.

¹³ Letters from John Galsworthy (1900–1932) / Ed. by E. Garnett. N. Y., 1934. P. 177.

что более важное место в сознании его соотечественников занимает Толстой, но для него самого Тургенев все равно оставался непревзойденным мастером слова — лучшим из лучших. В 1910 году Беннет вступил в полемику с Берингом. В статье «Тургенев и Достоевский» он очень высоко оценивал художественное мастерство Тургенева и утверждал, что Достоевскому «не дано сотворить спокойную, изысканную в своей мягкости красоту» «Дворянского гнезда» и «Накануне».¹⁴ Однако через семнадцать лет ситуация изменилась, и в эссе «Двенадцать лучших романов» Беннет поместил романы Тургенева на седьмое-восьмое-девятое места после произведений Достоевского и Толстого. Теперь он утверждал: «Тургенев не воздействует на меня так сильно, как Достоевский и Толстой, но он, несомненно, более совершенный художник, чем оба его современника».¹⁵

Никто из писавших о Тургеневе не отрицал того, что он мастер художественного слова, «поэт в прозе», превосходящий в этом отношении своих великих современников. В британской писательской среде эта точка зрения, пожалуй, была инициирована Оскаром Уайльдом. В статье 1887 года, посвященной роману Достоевского «Униженные и оскорбленные», английский писатель отдавал предпочтение Достоевскому как автору, сумевшему постичь «глубочайшие тайны человеческой психологии». Однако при этом он замечал: «Из трех великих романистов нашего времени Тургенев, безусловно, самый рафинированный художник. Он обладает редкой способностью отбирать наиболее важное — до мельчайших деталей, что и определяет существо стиля. Обращаясь к самым жгучим моментам бытия, он на нескольких страницах совершенной прозы умеет показать эмоции и настроения многих жизней».¹⁶ В устах «апостола красоты» подобное высказывание являлось наивысшей похвалой собрату по перу.

Позднее, в 1919 году, Джордж Мур (1852–1933) более явно возвысил Тургенева, изысканного стилиста, над Толстым, с его точки зрения — писателем морализаторского толка. По его мнению (несправедливому по отношению к автору «Войны и мира»), произведения таких писателей, как Толстой, быстро забываются, а тургеневские творения лучше воспринимаются на расстоянии, ибо их создатель умеет воздействовать на читателя не прямолинейной назидательностью, а посредством красоты. Для Мура Тургенев был творцом прекрасного.¹⁷

¹⁴ Bennett A. Turgenev and Dostoyevsky // Bennett Arnold. The Author's Craft and Other Critical Writings. Lincoln, 1968. P. 115.

¹⁵ Bennett A. The Twelve Finest Novels // Ibid. P. 252.

¹⁶ Wilde O. Russian Novelists // Wilde O. The Complete Works. N. Y. Vol. 12. P. 369–370. Первоначально — рецензия на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», которая была опубликована в «Pall-Mall Gazette» в мае 1887 г.

¹⁷ Moore G. Turgenev and Tolstoy // Russian Literature and Modern Fiction. Chicago; L., 1965. P. 34–35. Работа Дж. Мура «Тургенев и Толстой» — глава книги «Открытые признания» («Avowals»).

Отношение к Тургеневу как к совершенному художнику само по себе, без сомнения, было справедливым. Однако, как мы видим, на проблемно-содержательном уровне произведения других русских классиков воспринимались британскими читателями более живо и охотно. Конечно, были в этом плане исключения.

Ричард Кёрл (1883–1968), автор статьи «Тургенев и жизненная иллюзия», помещенной в одном из номеров «Fortnightly Review» («Двухнедельного обозрения») за 1910 год, прежде всего рассматривал философское содержание прозы Тургенева. Он был уверен в том, что способность к тонкому постижению красоты не помешала писателю быть глубоким мыслителем. Сравнивая великих современников, Кёрл обходился без оценочного комментария, когда замечал, что из трех русских классиков Тургенев один остается без всяких иллюзий в своих взглядах на любовь, политику и другие сферы человеческого бытия, при искреннем сочувствии к человеку и его идеалам.¹⁸

Одним из литературных критиков, особенно серьезно воспринимавших проблематику тургеневского творчества, был Янко Лаврин (1897–1958). Он посвятил писателю главу книги «Труды по европейской литературе», вышедшей в Лондоне в 1929 году.¹⁹ Исследователь видит гармоничное единство содержания и формы в творческих исканиях Тургенева и последовательно ведет нас к выводу: эпоха, получившая отражение в произведениях писателя, ушла в прошлое, но его искусство будет жить и он навсегда останется классиком мирового значения. Лаврин утверждал: это произойдет, несмотря на то что в сравнении с энергетикой Толстого и Достоевского творческая манера Тургенева *может показаться* несколько вялой (*anaemic*) (курсив наш. — Т. К.). Таким образом, литературовед сместил акценты в ставшем для британцев привычным сопоставлении трех авторов.

Тонкой ценительницей тургеневской прозы оказалась Вирджиния Вулф (1882–1941). Она с восторгом отзывалась о русских классиках — Толстом, Достоевском, Тургеневе, Чехове. В каждом из этих авторов она увидела свои достоинства и, в отличие от некоторых своих соотечественников, не отдавала предпочтение кому-либо из них. В дневниковой записи от 16 августа 1933 года Вулф заметила, что, читая Тургенева, она задумывается над проблемами формы.²⁰ Но внимание к форме не помешало писательнице достаточно глубоко постичь подтекстовое содержание тургеневской прозы. Пожалуй, никто из западных читателей нашего автора не сумел так точно показать суть его «суггестивного» метода, характер его «тайного психологизма».

Вулф посвятила Тургеневу несколько работ. В декабре 1921 года в литературном приложении к «Times» появилась ее рецензия на сборник рассказов писателя, вышедший в Англии. В апреле 1927 года в еже-

¹⁸ Curle R. H. P. Tourgeneff and the Life-Illusion // Fortnightly Review. 1910. N 522. June. P. 1085.

¹⁹ Lavrin J. Studies in European Literature. L., 1929.

²⁰ Woolf V. The Diary. L., 1982. Vol. 4: 1931–1935.

недельнике «The Nation and Athenæum» («Нация и Атенеум») был помещен отзыв Вулф об упомянутой ранее книге А. Ярмолинского. Обе статьи свидетельствовали о достаточно глубоком понимании тургеневского текста со стороны английского автора.²¹ Самой объемной работой Вулф о Тургеневе стало ее эссе «Романы Тургенева», написанное в 1933 году. Анализируя поэтику тургеневской прозы, писательница обращает внимание на содержательную глубину тургеневских произведений, на их удивительную внутреннюю гармонию, обусловленную органичным сочетанием объективности автора с умением выразить собственную позицию. Завершая эссе, Вулф замечает, что романы Тургенева принадлежат новому времени: «...они не ограничены пристрастными эмоциями, а потому не стали явлением локального, преходящего значения. Человек, говорящий в них, не громогласный пророк, а прорицатель, стремящийся многое понять».²²

Едва ли не единственным исследователем, попытавшимся более последовательно проанализировать социально-философское содержание романов Тургенева, был Э. Гарнет (1868–1937), выпустивший в 1917 году первую английскую книгу о творчестве писателя. Он составил ее из предисловий к переводам, сделанным его женой в 1890-х годах. Гарнет скорректировал кое-что в своих прежних текстах и добавил к ним вступительную статью, которая была реакцией на позицию Беринга и другие неприязненные суждения о его любимом авторе. Основным достоинством Тургенева Гарнет считал умение гениально отразить ведущие тенденции определенной эпохи, пропустить их через личностное восприятие своих героев, освещенное индивидуальным видением. Английский критик делал акцент на теме России в тургеневских романах и утверждал, что свою родину писатель видел такой, какой она была в реальности, и показал ее более объективно и достоверно, чем его современники. Гарнет полагал, что тургеневские романы не только не потеряли своей актуальности, но были пророческими.²³ Конечно, автор книги понимал, что для англичан начала XX века конкретные социально-политические проблемы России, получившие отражение в произведениях Тургенева, есть нечто незнакомое. Однако литературный критик пытался пробиться через это непонимание, объясняя читателям общечеловеческий, общефилософский смысл тургеневской прозы.

Таким образом, в первые десятилетия прошлого века произведения Тургенева получили доброжелательный отклик со стороны его читателей и среди написанных о русском писателе работ были весьма достойные по степени корректности литературоведческого анализа. Однако в целом интерес к Тургеневу в Великобритании не был значи-

---

²¹ Woolf V. 1) A Glance at Turgenev; 2) A Giant with Very Small Thumbs // Woolf V. Books and Portraits. L., 1977.

²² Woolf V. The Novels of Turgenev // Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays. Moscow, 1982. P. 250.

²³ Garnett E. Turgenev. L., 1917. P. 8–9.

тельным. Это тем более удивительно, что духовная атмосфера, сложившаяся в стране в предвоенные, военные, послевоенные годы была во многом созвучной настроениям, уловленным автором «Рудина» и «Нови». Это было время утраты иллюзий, время «потерянного поколения». Бернард Шоу весьма точно назвал некогда великую империю «домом, где разбиваются сердца». У драматурга возникла потребность в поисках русских аналогий с той ситуацией, в которой оказалась культурная британская элита той поры: недаром своей известной пьесе он дал подзаголовок «фантазия в русском стиле на английские темы».

Между прочим, английский критик В. Притчет (1900–1997) в своей статье «Герой нашего времени?» увидел в «Рудине» тему, близкую английской литературе 20-х — 30-х годов XX века.²⁴ С этой точкой зрения можно согласиться, если вспомнить романы Голсуорси, Олдингтона, Во, Хаксли и других английских авторов, написанные в первые десятилетия прошлого века. В них получили отражение и пустынное существование молодого поколения, и отчужденное состояние творческой личности, и «шутовской хоровод» так называемой научно-художественной элиты, и кризисное положение Англии в целом и пр. Лондонский туман (символ, к которому прибегает Голсуорси в «Современной комедии») был сродни российскому «дыму»... Но узнавания не произошло.

Еще в 1899 году А. Беннет заметил, что Тургенев — слишком рафинированный художник для нового времени. Позднее причину неуспеха русского автора у британцев Джон Голсуорси объяснил в том же ключе: «Для новой эпохи Тургенев слишком уравновешен и поэтичен».²⁵ Дж. Мур и В. Вулф обратили внимание на суггестивный характер его прозы. Тургеневский текст избегает однозначного определения. Этим, очевидно, объясняется то, что путь к подлинному пониманию тургеневского наследия не только на Западе, но и в России был долгим, сложным и вряд ли можно говорить о том, что он пройден до конца.

Вспомним афористические высказывания парадоксалиста Оскара Уайльда из предисловия к «Портрету Дориана Грея»: «Если произведение искусства вызывает споры, — значит, в нем есть что-то новое, сложное и значительное. Пусть критики расходятся во мнении, художник остается верен себе».

²⁴ Pritchett V. S. A Hero of Our Time? // London Mercury. 1937. XXXIV. N 214.

²⁵ Голсуорси Дж. Силуэты шести писателей // Голсуорси Дж. Собр. соч.: В 16 т. М., 1962. Т. 16. С. 399.

М. С. Рыбина

**ПОЭТИКА «ОСТАНОВЛЕННОГО МГНОВЕНИЯ»
в «ГАСПАРЕ ИЗ ТЬМЫ» А. БЕРТРАНА
и в «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» ТУРГЕНЕВА**

Изучение промежуточных жанровых образований, к которым относят и «стихотворения в прозе», является актуальной проблемой литературоведения. И если сам факт их существования не вызывает сомнений, то вопрос о природе этого явления, его специфике и структурообразующих принципах не решен окончательно.

Определение жанровой доминанты «стихотворения в прозе» остается дискуссионным, и ни один из признаков, за исключением, пожалуй, объема, не является общепризнанным. Однако малый объем произведения может рассматриваться лишь как вторичный критерий. Подводя итог исследованиям жанра «*poème en prose*» во французской литературе XIX–XX веков, В. И. Пинковский отмечает, что «накопленные пристальным и пронизательным наблюдением частности не отливаются в генерализирующую идею, а когда некое формульное обобщение все же возникает, оно оказывается уязвимым».¹ На недостаточность критерия объема в разграничении «стихотворений в прозе» и прозаических миниатюр другой природы (притча, анекдот, микрорассказ и другие) указывает В. И. Тюпа.² По мнению литературоведа, доминантные признаки жанра проявляются в сосредоточенности на ментальном событии и в субъектно-речевой организации текста: «Это событие состоит в открывении такой нетривиальной точки зрения, которая выявляет глубинную сущность созерцаемой жизни в обыденном ее фрагменте».³

¹ Пинковский В. И. *Poème en prose*. Поэтика жанра. Магадан, 2004. С. 9.

² Тюпа В. И. Стихотворение в прозе: Проблема жанровой идентичности // Филологический журнал. М., 2007. С. 49–57.

³ Тюпа В. И. Стихотворение в прозе // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М., 2008. С. 235.

Как известно, кристаллизация жанра «стихотворения в прозе» происходит во Франции и связана с именами Алоизиуса Бертрана и Шарля Бодлера, в русской литературе у истоков этого феномена стоял И. С. Тургенев.

Новаторство «стихотворений в прозе», стремление понять, насколько прозаическая речь способна передать лирическое событие, определили характер авторской рефлексии А. Бертрана и Тургенева. Романтическая идея синтеза искусств находит выражение в стремлении Бертрана «живописать словами». В первом авторском предисловии «таинственный» персонаж Гаспар отправляется на поиски философского камня, с помощью которого можно было бы «перевести» на язык прозы линии и краски полотен великих мастеров: «Ce manuscrit <...> vous dira combien d'instruments ont essayés mes lèvres avant d'arriver à celui qui rend la note pure et expressive, combien de pinceaux j'ai usés sur la toile avant d'y voir naître la vague aurore du clair-obscur. Là sont consignés divers procédés nouveaux peut-être d'harmonie et de couleur, seul résultat et seule récompense qu'eussent obtenus mes élucubrations...».⁴

В предисловии предпринималась попытка, пусть и в метафорической форме, обосновать принципы «новой прозы», экспериментальный характер которой вполне осознавался автором. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к издателю, в котором Бертран настаивал на выделении абзацев пробелами: «Редактор заметит, что каждая пьеса разделена на четыре, пять, шесть, а то и семь абзацев или куплетов. Следует употребить между этими куплетами пробелы, как если бы это были стихотворные строфы».⁵

Традиционно считается, что Тургенев не хотел публиковать «слишком личные» миниатюры «Senilia». Тем не менее в «Стихотворениях в прозе» нашли отражение, на наш взгляд, размышления автора о своеобразии этого жанра, на что указывает, например, обращение «К читателю». Через призму отношений «автор — текст» раскрывается содержание тургеневского стихотворения в прозе «Кубок»: «Непритворна моя грусть, мне действительно тяжело жить, горестны и безотрадны мои чувства. И между тем я стараюсь придать им блеск и красоту, я ищу образов и сравнений; я округляю мою речь, тешусь звоном и созвучием слов».⁶ Ключевая метафора-заглавие «Кубок» предполагает проекцию как на весь цикл «Senilia», служа своеобразным ключом к раскрытию его литературной техники, так и на данный конкретный текст,

⁴ Bertrand A. Gaspard de la nuit: fantaisie à la manière de Callot et de Rembrandt. P., 1965. P. 36. Далее ссылки на это издание: Bertrand (1965), с указанием страниц. «Эта рукопись <...> расскажет Вам, скольких инструментов коснулись мои губы, прежде чем найти тот единственный, что издает чистый и выразительный звук, сколько кистей я использовал, прежде чем увидел на полотне рождение смутного отблеска светотени. Там заключены, быть может, новые принципы гармонии и цвета, единственный результат моих „ученых изысканий“ и единственная за них награда. Здесь и далее перевод наш. — М. Р.

⁵ Bertrand A. Gaspard de la nuit: fantaisie à la manière de Callot et de Rembrandt. P., 1980. P. 301.

⁶ ПССуП(2). Соч. Т. 10. С. 178. Курсив наш. — М. Р.

ведь он тоже вмещает «образы» и «сравнения», является воплощением «блеска» и «красивости». Заметим, что Тургенев упоминает здесь характерные свойства речевой ткани «стихотворения в прозе»: доминирование кольцевой композиции, ритмичность и фонические эффекты.

Лирическая сверхконцентрация на одном мгновении (эффект «остановившегося времени») находит выражение в парафразах картин «малых голландцев» А. Бертрана («Гарлем», «Лейденский школяр», «Алхимик», «Сборы на шабаш») и в живописно-скульптурных образах Тургенева («Нимфы», «Череп», «Стой!» и другие).

Приведем в качестве иллюстрации два «стихотворения в прозе», в которых эффект «стоп-кадра» предшествует моменту озарения и напрямую связан с живописным «прототекстом». Образный ряд миниатюры «Череп» Тургенева восходит к распространенному в барочной живописи сюжету «пляски смерти». Осознание подлинной реальности наступает для повествователя в тот миг, когда он «выпадает» из происходящего, наделяется «вневременной» точкой зрения: «И вдруг — словно по магию волшебного жезла — со всех голов и со всех лиц слетела тонкая шелуха кожи и мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарябили синеватым оловом обнаженные десны и скулы. С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти десны и скулы, как поворачивались, лоснясь при свете ламп и свечей, эти шишковатые, костяные шары и как вертелись в них другие, меньшие шары — шары обесмысленных глаз».⁷

Подобное явление возникает во многих бертрановских миниатюрах, в частности в «Лейденском школяре»: «Ne dirait-on pas, à voir la mine allongée du maître, trembler ses doigts décharnés découplant les pièces d'or, d'un voleur pris sur le fait et contraint, le pistolet sur la gorge, de rendre à Dieu ce qu'il a gagné avec le diable?».⁸ В оригинальном тексте представлена инфинитивная конструкция, которая позволяет отказать от временной «привязки», неизбежной в случае использования личных глагольных форм. В сочетании с неопределенно-личным «on dirait» («скажут») она демонстрирует выход на атемпоральный план, при этом герои оказываются «зафиксированными» в рамках картины, вполне традиционной для голландской жанровой живописи.

Тяготение к изобразительности в ущерб фабульности характеризует большинство миниатюр «Гаспара из тьмы». Сюжет «стихотворения в прозе» представляет собой цепь относительно автономных «кадров», смена которых обусловлена изменением точки зрения лирического субъекта («Каменщик», «Сон», «Лунный свет» и др.).

В миниатюре «Алхимик» кольцевая композиция актуализирует семантику «круга». Герой произведения оказывается в кольце неизменно повторяющихся бесполезных усилий, тщетных надежд, что подчеркну-

⁷ Там же. С. 143. Курсив наш. — М. Р.

⁸ «Разве не скажут, глядя на вытянутое лицо мастера, перебирающего дрожащими пальцами золотые монеты, что это вор, пойманный с поличным и вынужденный возвратить Богу то, что он отнял с помощью дьявола?» (Bertrand (1965). P. 50).

то двукратным употреблением анафорического повтора «rien encoге» («пока ничего»)⁹ в инициальном и финальном абзацах.

Заглавие и ряд узнаваемых деталей позволяют увидеть в «стихотворении в прозе» парафраз картины Д. Тенирса «Мастерская алхимика». Бертран воссоздает момент «прозрения» героя, алхимика-суфлера,¹⁰ после трех дней и ночей бесплодных поисков. Однако ирония оказывается двойной, направленной и на героя, и на самого лирического субъекта, если учесть, что «Гаспар из тьмы» — это книга, в которой поиски «философского камня» представляют собой метафору поэтического творчества и отражают авторскую рефлексия по поводу создания нового жанра.

Эллипсис «rien encoге», обычно используемый в кратких ответах, резко вводит читателя в коммуникативную ситуацию, репрезентируя встречную реплику на отсутствующий в тексте вопрос. Ведущим становится «слово» героя, что подтверждается и употреблением аналитического перфекта (*passé composé*), закрепленного во французском литературном языке XIX века за речью персонажей. Глаголы первого и последнего абзацев маркируют временные полюса миниатюры прошлое/будущее (*ai-je feuilleté / je feuilletterai*). Однако линейность движения времени — иллюзия, обусловленная ограниченным видением героя. С позиции лирического субъекта время замкнуто в кольцо полных и частичных повторов, связанных с темпоральной конструкцией «trois jours et trois nuits» («три дня и три ночи»). Обращение к магической символике числа «три» в сочетании с бинарной оппозицией день — ночь, с одной стороны, задает ритм маятника, а с другой — указывает на иллюзорность движения, рисуя своего рода «бег по кругу». Таким образом, прошлое и будущее нивелируются в «застывшем мгновении».

Неразделенность-неслиянность «автора» и «героя» становится особенно очевидной, если соотнести миниатюру с композиционной установкой «Гаспара из тьмы», где в роли алхимика предстает сам «автор» произведения.

Типологически сходное построение обнаруживается и в цикле «Senilia» Тургенева. «Фаустианская» ситуация реализуется в «Стихотворениях в прозе» в нарративе воспоминания («Нимфы», «Стой!», «Как хороши, как свежи были розы...» и др.), особенности которого проявляются в пересечении разновременных планов в одной точке и возникновении «парадокса времени» (мгновение вечности / вечность мгновения). Рассмотрим этот случай подробнее на примере миниатюры «Нимфы». Нарративный дискурс подразумевает наличие фабулы, которая может быть представлена следующим образом: воспоминание о легенде (весть о смерти Пана, произнесенная сначала «таинственным» голосом, а затем повторенная кормчим) — дублирование легенды с обратным знаком действия (весть о воскресении Пана, произнесенная

⁹ *Bertrand (1965)*. P. 58.

¹⁰ *Бертран А.* Гаспар из тьмы: фантазии в манере Рембрандта и Калло. М., 1981. С. 315.

нарратором) — появление нимф — превращение античных богинь в статуи — исчезновение нимф, растворившихся или ставших туманом.

Любопытно отметить отличие зачинов «стихотворения в прозе» и вставной легенды, указывающее на их разную жанровую природу. В легенде место и время действия обозначены достаточно определенно («...в первый век по рождестве Христове, один греческий корабль плыл по Эгейскому морю. Час был полуденный...»¹¹), что соответствует стратегии «классической» прозы. Напротив, в миниатюре проявляется ориентация на «общее»: хронотоп лишен конкретики и должен «достраиваться» в воображении читателя («Я стоял перед цепью красивых гор <...>»¹²). Можно предположить, что пространственное положение нарратора совпадает с местом действия легенды, но отделено от «события» временной дистанцией. Возвращение в темпоральный план повествования изображается как проявление некой внешней воли: «Мне вспомнилось это сказание... и странная мысль посетила меня».¹³ Эта «пассивность» субъекта речи внешне сближает его с персонажем легенды, который действовал по велению извне. Но лирический субъект становится соперником «таинственного голоса» (Бога) как раз в той сфере (воскресение из мертвых), которая считается прерогативой христианских святых. Церковный крест, появляющийся в финале миниатюры, становится символом неизбежности законов Времени, знаком конца античной эпохи: «Этот крест увидела богиня. Я услышал за собою неровный, длинный вздох, подобный трепетанию лопнувшей струны, — и когда я обернулся снова, уже от нимф не осталось следа...».¹⁴

Лирическая сверхконцентрация возникает в момент произнесения заклинания: «Воскрес! Воскрес Великий Пан!», которое снимает временную дистанцию и позволяет «исправить» легенду. Закономерно появление в этом контексте «настоящего постоянного», маркирующего эффект атемпоральности: «Впереди несется богиня. Она выше и прекраснее всех, — колчан за плечами, в руках лук, на поднятых кудрях серебристый серп луны... Диана, это — ты?».¹⁵

Это трагически-обреченное «минутное» торжество памяти над Временем воплощается у Тургенева в живописно-скульптурных образах, в неких устойчивых формулах искусства: «Я видел, как лицо внезапно онемевшей богини покрылось смертельной бледностью; я видел, как опустились и повисли ее руки, как окаменели ноги, как невыразимый ужас разверз ее уста, расширил глаза, устремленные вдаль...».¹⁶ Размышления о «мгновенности красоты» и «бессмертии мгновения» часто

¹¹ ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 158.

¹² Там же.

¹³ Там же. Курсив наш. — М. Р.

¹⁴ Там же. С. 160. Курсив наш. — М. Р.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Курсив наш. — М. Р.

связаны в творчестве Тургенева с фаустианским мотивом (поэма «Андрей», повести «Фауст» и «Довольно», «Стихотворения в прозе»).

Реминисценция из последнего монолога Фауста Гёте, ставшая заглавием тургеневского стихотворения в прозе «Стой!», образует анафорический повтор в инициальном и финальном абзацах. Это своего рода культурный код, призванный расширить ассоциативное поле миниатюры. Сюжетная ситуация «заклинания времени» троекратно повторяется: сначала в известных словах Гёте, репрезентированных заглавием, затем в обращении лирического субъекта: «Стой! Какую я теперь тебя вижу — останься навсегда такою в моей памяти!»,¹⁷ и, наконец, в жесте героини, стремящейся удержать ускользающую красоту. Как утверждает И. В. Фоменко: «Формирование смыслов авторского текста и есть главная функция цитаты».¹⁸

В миниатюре «Стой!» героиня, воплощающая идею творческого порыва, вдохновения, из творца сама превращается в творение. В ее образе подчеркнуты детали живописной и скульптурной техники: глаза *«не блестят и не сверкают — они меркнут, отягощенные счастьем»*, *«торжествующие»*, *«изнеможенные»* руки, *«свет <...> разлился по всем твоим членам, по малейшим складкам твоей одежды»*, *«на твоём, как мрамор, побледневшем челе»*, *«отблеск твоей вечности»*.¹⁹ Сюжетная ситуация Пигмалиона получает обратное развертывание: «живая» женщина превращается в античную статую. Не случайно появление в этом контексте традиционных поэтических формул, примет «высокого стиля»: вдохновенный, блаженное сознание, простирать руки, ласковое дуновение, лобзание, чело и др. Особо следует отметить игру созвучиями (аллитерацию и ассонансы), например *сверкают / меркнут, торжествующие / изнеможенные* и другие. Система внутренних рифм создается практически регулярным чередованием слов с одинаковыми клаузулами: *сознанием / дуновеньем, лобзание / мгновение*, *в это мгновение / в это мгновенье / это твое мгновение*. Среди них выделяются клаузулы, расположенные в сильной позиции, ритмически связывающие первый и последний абзацы миниатюры: *моей памяти / твоей вечности*.

В «стихотворении в прозе» «Стой!», как и в миниатюре А. Бертрана, возникает лирический пуант (В. И. Тюпа), который сопровождается на темпоральном уровне эффектом остановленного мгновения: «Вот она — открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно, бессмертие! Другого бессмертия нет — и не надо. В это мгновение ты бессмертна».²⁰ Однако метаморфозы со временем на этом не заканчиваются. Преодолев «магическое заклинание» искусства, время словно движется вспять: «Оно пройдет — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебе за дело! В это мгновенье — ты стала выше,

¹⁷ Там же. С. 170.

¹⁸ Фоменко И. В. Введение в практическую поэтику. Тверь, 2003. С. 95.

¹⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 170–171. Курсив наш. — М. Р.

²⁰ Там же. С. 170.

ты стала вне всего преходящего, временного. Это *твое* мгновение не кончится никогда».²¹

Конститутивным свойством жанра «стихотворения в прозе», позволяющим выявить его отличие от других форм малой прозы, является субъектная организация прозаической миниатюры. Субъект речи в «стихотворении в прозе» существенно отличается от повествователя и рассказчика эпических жанров. Сосредоточенность на одном событии, мгновении «озарения», определяет особенности поэтики, а именно: тяготение к общему, символизацию деталей, доминирование кольцевой композиционной модели и ритмико-интонационную структуру, основанную на системе повторов.

---

²¹ Там же. С. 171.

Е. В. Проц

ТУРГЕНЕВ и АКТЕРЫ ФРАНЦУЗСКИХ БУЛЬВАРОВ

Иван Сергеевич Тургенев был и оставался человеком театра с юности и до конца своих дней. Сначала он служил ему как драматург, позднее как тонкий и проницательный критик и зритель. Его размышления о театральной практике большей частью в россыпях — в его письмах. Эта статья посвящена ранним впечатлениям Тургенева о немецком драматическом театре и более всего искусству актеров театров парижских бульваров.

Когда в 1838 году Тургенев в первый раз самостоятельно отправился за границу, его матушка, следя за каждым шагом сына, дабы не дать ему оступиться, посылала в письмах житейские советы. Два из них касаются непосредственно его театральных увлечений: «Не затейся знакомство свести с актрисами в Берлине»;¹ «Старайся быть как другие. Не ори в театрах, как ты хвастаешь».² И жестко предупреждала Ивана: «Хотя ты и далеко заехал, но!.. все еще нить твоей жизни пока в моих руках — т. е. деньги».³

Вырвавшийся на свободу сын не только отдавал время науке, обзавелся новыми знакомыми, но и уделял много внимания театру. Вслед за Н. В. Станкевичем он также мог сказать об этом времени: «...наша жизнь разделена между университетом и театром».⁴

Почти через двадцать лет театральные впечатления Тургенева отожделись воспоминаниями его героя Павла Александровича Б. в повести

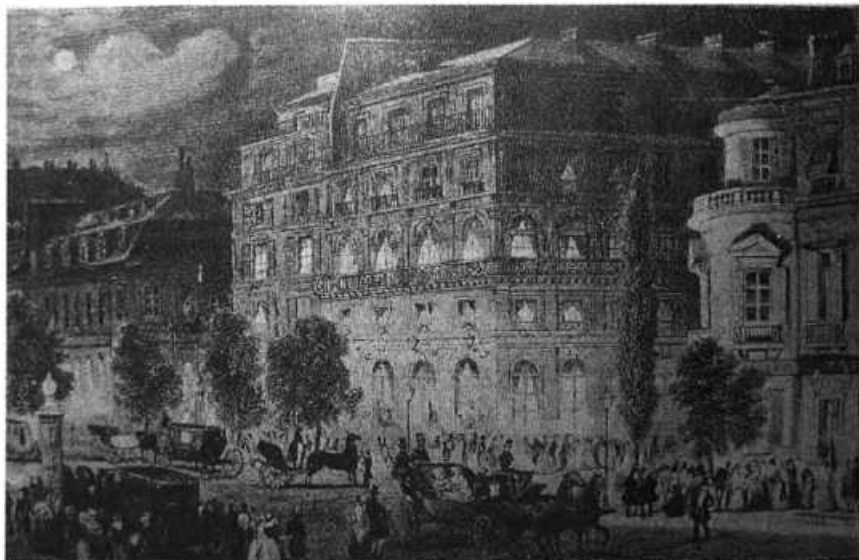
---

¹ Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Часть I / Подготовка текста В. А. Лукиной, коммент. С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 570. Письма В. П. Тургеневой, не вошедшие в эту публикацию, цитируются по копиям, хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: РНБ. Ф. 795 (И. С. Тургенев). № 99.

² РНБ. Ф. 795 (И. С. Тургенев). № 99. Л. 13. Письмо сохранилось только в копии.

³ Там же. Л. 84.

⁴ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914. С. 546. Письмо к Л. А. Бакуниной от 4 (16) декабря 1837 г.

Ночной Париж. Бульвары
Литография. 1830-е гг.

«Фауст», когда тот в библиотеке имения берет в руки томик Гёте: «Я вспомнил всё: и Берлин, и студенческое время, и фрейлейн Клару Штих, и Зейдельманна в роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла и всё и вся...».⁵ Эти театральные воспоминания как бы предвосхищают в повести «Фауст» ту драму, которая разыграется в усадьбе глубинной России.

Карл Зейдельманн — знаменитый актер, который, пожалуй, первым из немецких артистов привел Тургенева в восхищение исполнением роли Мефистофеля. Он играл его в гротесковой манере. Его герой был диким, грубым, ироничным насмешником. В нем, как свидетельствовали современники, было много и от персонажа старинных легенд. Этот артист, подобно М. С. Щепкину, а потом А. Е. Мартынову в России, разрушал своим искусством «ложновеличавую» декламационную манеру существования на сцене. Это было чрезвычайно созвучно взглядам Тургенева на театр.

Через десять лет в Париже произошло приобщение писателя к театральной жизни французских бульваров. В это время он влюблен в актрису — Полину Виардо (как выяснится, это привязанность на всю жизнь). Наверное, он не особенно сдерживал себя на спектаклях — атмосфера и публика к этому располагали, недовольство же матери отражалось плачевно на его денежных делах: одолевали долги. Но он не унывал, делил свою жизнь, почти как в Берлине, между театром и уже не университетом, а самостоятельными занятиями: работал над расска-

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 94.

зами из «Записок охотника», комедиями «Нахлебник» и «Холостяк», изучал испанский язык, читал и восхищался драмами Кальдерона, переводил «Манон Леско» на испанский язык. В нем была поразительная уверенность художника в своем призвании, а невзгоды лишь закаляли его характер.

Именно в это время он погрузился в полную разнообразия жизнь бульварных театров Парижа. Их тогда было великое множество наряду с двумя официальными театрами: Комеди Франсез, что был организован по приказу Людовика XIV в 1680 году, своеобразный оплот классицизма, сохранивший свои традиции и по сей день, а также Одеон, возникший в 1782 году. При Наполеоне он получил название «Театр императрицы», а при Реставрации декретом от 2 декабря

Театр Амбигю-Комик
Гравюра. 1831 г.

1819 года был введен в число привилегированных театров. Тургенев еще застал старое кольцо парижских бульваров — Бомарше, Тампль, Сен-Мартен, Монмартр и другие, неразрывно связанные с историей французского театра. Каких только театров не было на парижских бульварах: Водевиль, Варьете, Жимназ, Фоли-Драматики, Фюнамбюль, Амбигю-Комик, Порт Сен-Мартен и другие.

У парижан был прекрасный выбор между классицистическими трагедиями, пантомимой, мелодрамами, комедиями, фарсами, водевилями. У Оноре Домье есть великолепная литография «Бульвар Тампль в полночь», на которой два потока зрителей: слева — потрясенные драматизмом, справа — еще не отошедшие от смеха, смотревшие то ли водевиль, то ли забавную пантомиму. И если первые мрачны и отчужденны, то вторые необычайно оживлены, вспоминая особенно смешные сцены. Эти театры были крайне важны для парижанина, который, как писал русский путешественник В. М. Строев в конце 1830-х годов, «откажет себе в самом необходимом <...> и на последние деньги купит себе билет, чтобы похлопать или посвистать. <...> Театр <...> не шутка, а необходимая потребность, дополнение к жизни».⁶

Насущным дополнением к жизни в Париже стал театр и для Тургенева. В письмах 1847–1848 годов он своеобразный театральный обозреватель. Его письма к Полине Виардо не только о музыкальных собы-

⁶ Цит. по: *Финкельштейн Е. Л.* Фредерик-Леметр. Л., 1968. С. 17 (Сер. «Жизнь в искусстве»).

Театр Водевиль в 1832 г.

Гравюра

Театр Фюнамбюль

Гравюра А. Берту по рисунку А. Тестара

тиях Парижа: операх, концертах, — но и о драматическом театре, в частности, об актерах парижских бульваров. В это время в Париже — П. В. Анненков, «прелестный мальчик, который столь же тонок умом, сколь толст телом»,⁷ как аттестует его Тургенев в письме к П. Виардо. Анненков продолжал работать над своими «Парижскими письмами» для «Современника». Они вместе бывали в театрах. В одно и то же время в Жимназ и в Варьете смотрели комедии Ж.-Ф.-А. Байара и Ш.-А.-Э.-Э. де Бьевилия «Жером-каменщик» и Э. Скриба и М. Массона «Дидье, честный человек».

Анненков обстоятельно разбирал оба драматических опуса с одной и той же ситуацией: человек, «который неожиданно получил ларец с деньгами, ему не принадлежащими, и колеблется между тяжелыми обстоятельствами, повелевающими удержать ларчик, и *честностью*, предписывающей расстаться с ним».⁸ И откровенно иронизировал над замыслом драматургов: «Подобные идеи, в старое время, приходили одному г. Коцебу; теперь стали они приходиться двум писателям зараз; значит, идеи размножаются!».⁹ Отдавая первенство мастерству Скриба перед Байаром, он все же заключал, что обе пьесы «страдают одним и тем же недостатком: главное действующее лицо в них — ларчик с золотом!».¹⁰ И делал неутешительный для авторов вывод: «... авторы, как ни стараются сделать своих героев образцами добродетелей, никак не успевают. Нельзя же быть в одно время Робером Макером и Цинцинатом!».¹¹ При этом Анненков упоминает о соперничестве театров Жимназ и Варьете, стремившихся первыми представить пьесы зрителям, о соревновании актеров Луи-Базиля Фервиля и Юг-Дезире-Мари Буффе, отдавая «пальму первенства Фервилю»: «...как ни уважаю я труд, верный расчет и мастерство, качества, несомненно принадлежащие Буффе, но в деле искусства люблю, чтоб артист, наподобие Картуша, украл у меня одобрение прежде, чем я успел бы очнуться. На этот раз точно такую штуку сыграл со мною Фервиль».¹²

Буффе в роли Гранде
в «Дочери скупого»
(Театр Варьете)

⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 374. Подлинник по-франц.

⁸ Анненков П. В. Парижские письма / Изд. подготовила И. Н. Конобеевская. М., 1983. С. 161 (Лит. памятники).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 162.

Тургенев, в отличие от своего друга, не был связан обязательствами перед читателями журнала, да он и не придавал в данном случае особого значения драматургии. Он прекрасно знал, что огромный спрос на нее, в связи с появлением все новых и новых театров бульваров, не способствовал ее высокой художественности. В свое время он с печалью наблюдал, как и в России ремесленные поделки буквально заполонили театральные подмостки. В этой ситуации писатель более полагался на талант актеров, на их умение своим даром преображать банальность и вторичность пьес.

Поэтому в письме к Полине Виардо он особо не останавливался на недостатках пьесы, а говорил о мастерстве актеров, вступивших в соревнование на подмостках Жимназ и Варьете. Тургенев лишь мельком заметил, говоря о пьесе Скриба, что «тема пьесы не нова, но ловко обработана... Фервиль вызывал восхищение правдивостью, благородством и силой чувства. Между прочим, говорят, что совершенно тождественная пьеса давалась вчера вечером <...>. Роль Фервиля в ней исполнял Буффе. <...> Буффе, без сомнения, более Мендельсон, чем Фервиль, — но Фервиль, может быть, более Россини, чем он».¹³

Так писал Тургенев, еще не видя Буффе в пьесе Байара в театре Варьете, но, очевидно, будучи знаком с его манерой игры по другим спектаклям. Его сравнение актера с Мендельсоном не в пользу Буффе. Узнав о смерти композитора, он в том же письме писал П. Виардо: «Итак, Мендельсон умер. <...> Я почти не знаю его; судя по тому, что я из него слышал, я вполне готов глубоко его уважать, — любить же... это дело другое. Прекрасные вещи создаются только талантом в соединении с инстинктом; головою и сердцем... Смею думать, что у Мендельсона голова преобладает».¹⁴ Позднее, после увиденного спектакля с участием Буффе, Тургенев утвердился в своем предположении: «Ну что ж! Я остаюсь при своем мнении. Я предпочитаю Фервиля. <...> Буффе — *ist auch ein Combinationstalent* <тоже поверхностный талант. — нем.>, как говорят немцы».¹⁵

Действительно, Буффе был незаурядным актером, но, как писал о нем анонимный критик, игра его была «истинна, аккуратна, совестлива, без малейшего произвола; у него все комбинированно, рассчитано, выучено, выглажено, все до малейшей подробности, и вместе с тем незаметно ни малейшего усилия или натяжки. Только не надобно смотреть Буффе два раза кряду в одной и той же роли, потому что в таком случае сильно бросается в глаза однообразие в малейших мельчайших мелочных подробностях игры его».¹⁶

Подобное головное актерское искусство было чуждо Тургеневу, он отдавал предпочтение игре Фервиля, в которой были дерзость, глубина и сердечность. Отсюда и сравнение игры Фервиля с музыкой

¹³ ПСССП(2). Письма. Т. 1. С. 367. Подлинник по-франц.

¹⁴ Там же. С. 366. Подлинник по-франц.

¹⁵ Там же. С. 369. Подлинник по-франц.

¹⁶ Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. Кн. 4. С. 185 (Раздел «Смесь»).

Дж. Россини. Подобно композитору, в музыке которого, как и в работах актера, соседствовали буффонада и лирика, драматизм и веселье, эта артистическая дерзость Фервиля, его импровизационный талант были предпочтительней для Тургенева, нежели выверенный и затверженный рисунок в ролях Буффэ.

Столь же дорого ему впечатление от искусства другого актера. «Верне доставил мне большое наслаждение в старой пьесе „Отец де-бютантки“, — писал он Полине Виардо 26 ноября (8 декабря) 1847 года. — Все французские актеры в существе своем реалисты, но нет ни одного, кто был бы так тонко, так, как сказал бы немец, „клупоко“ реален, как Верне. Он одновременно удовлетворяет и чувство и ум зрителя: он восхищает знатока, он заставляет и смеяться, и улыбаться. Как жаль, что он стареет! Вот человек, умеющий творить!».¹⁷

Тургенев видел Шарля Верне уже на излете артистической карьеры. Его путь начался в маленьком театре Капуцинок вместе с блистательной Виржини Дежазе, любимицей зрителей бульваров. Позднее Верне перешел в Варьете, где постепенно стал настоящим премьером. Роль добряка Гаспара в водевиле «Отец де-бютантки» Байара и Теолона была одной из вершин его творчества. В свое время Д. Т. Ленский даже не перевел, а блистательно переписал этот водевиль на русский лад. Так появился на Александринской сцене водевиль «Лев Гурыч Синичкин», в котором главную роль хлопотуна Синичкина исполнил любимый актер Тургенева А. Е. Мартынов. Увидев его в этой роли, один из французских актеров, присутствовавших на спектакле Александринки, пришел в небывалый восторг: «O grand Vernet!». Возможно, и Тургенев, видя на сцене Мартынова, вспоминал французского артиста.

Партнером Верне в Варьете был не менее популярный актер бульваров Жак-Шарль Одри, необычайно талантливый комик. Вдвоем с Верне они доводили зрителей до такого состояния, что те просто умирали от смеха.

Имя Одри не упоминается в письмах Тургенева этого времени, но то, что он видел Одри на сцене, несомненно. Весь Париж знал Одри не только как актера, но и как автора куплетов, каламбуров, сатирических стихов. Возможно, он был автором переходившей из рук в руки «Жан-

Ж.-Ш. Одри

¹⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 373. Подлинник по-франц.

Театр Порт Сен-Мартен
Гравюра. 1831 г.

дармской поэмы». Недаром в поздней пьесе «Робер Макэр» начальник жандармов Роже кричал: «Комедиант, фарсер пустил слух, что у всех жандармов насморк. Если я когда-нибудь сцапаю этого господина Одри во время каких-нибудь беспорядков, уж я ему состряпаю дельце!».¹⁸

Одри запомнился писателю не только буйным буффонным комизмом, но и своеобразной внешностью: нос Одри напоминал по форме пробку от графина. В 1857 году в письме к Анненкову, рассуждая о поэмах Н. П. Огарева, Тургенев писал: «Двадцать, тридцать стихов сряду чистейшей воды с крупницей задушевного сахара... Эдак нельзя, — и тут же неожиданно он вспоминал Одри. — <...> у него какой-то прерабавный юмор; вдруг из среды ноющих и хныкающих звуков à la Bellini <в роде Беллини. — франц.> — высунется вздернутый нос à la Odry <в роде Одри. — франц.>... Однако, как я выражаюсь: нос из звуков...».¹⁹

Тургенев вспомнил об актере в романе «Дворянское гнездо», описывая парижские театральные впечатления Варвары Павловны в 1836 году: «Она приходила в восторг от итальянской музыки и смеялась над развалинами Одри <...>».²⁰ Вот так французский комедиант Одри —

¹⁸ Цит. по: *Финкельштейн Е. Л.* Фредерик-Леметр. С. 48.

¹⁹ *ПСС:СП(2). Письма*, Т. 3. С. 179. Письмо от 3 (15) января 1857 г.

²⁰ Там же. *Соч.* Т. 6. С. 51.

Робер Макэр — биржевой игрок
Литография О. Домье. 1837 г.

ему во время действия романа пятьдесят с небольшим, а в глазах Варвары Павловны он уже комическая «развалина» — благодаря писателю навсегда остался частицей артистической панорамы Парижа на страницах одного из самых выдающихся романов XIX века.

Настоящим потрясением для Тургенева стал один из театральных вечеров в театре Порт Сен-Мартен, когда он увидел спектакль «Робер Макэр» с блистательным Фредериком-Леметром в главной роли. Он писал П. Виардо 20 апреля (2 мая) 1848 года: «Третьего дня вечером я ходил смотреть Фредерика Леметра в

„Робере Макере“. Эта пьеса написана плохо и вообще отвратительна, но Фредерик — самый сильный актер, какого я знаю. Он в роли Робера Макера страшен. Это еще один Прометей, но самый чудовищный из всех. Какая дерзость, какая бесстыдная наглость, какая циническая самоуверенность, какой вызов всему и какое презрение ко всему! <...> Честное слово, последний уличный мальчишка, словно художник, наслаждается талантом Фредерика, а роль его находит отвратительной. Но какая гнетущая правда, какое вдохновение! Я умолкаю, ибо знаю, что вы не любите Фредерика. Но, видите ли, нравственное чувство и чувство прекрасного — это две шишки, которые не имеют ничего общего между собой. Счастлив тот, кто наделен ими обеими».²¹

Робер Макэр был сыгран Фредериком-Леметром впервые еще 2 июля 1823 года в театре Амбигю-Комик в мелодраме Б. Антье, Ж. Сент-Амана и Полианта «Постоялый двор Адре». Авторы создали свой мелодраматический

Робер Макэр — основатель
акционерного общества
Литография О. Домье. 1836 г.

²¹ Там же. *Письма*. Т. 1. С. 392. Подлинник по-франц.

Фредерик-Леметр в «Постоялом дворе Адре»
По литографии Жиро

опус по привычным лекалам. Беглые каторжники Робер Макэр и Бертран попали на постоялый двор в городке Адре, где все готовились к свадьбе. Друзья убили отца невесты, похитив 12 тысяч франков. Жандармы преследовали каторжников и в конце концов арестовали их. До этого подозрение в совершении преступления падало на нищенку Мари. Ее оправдали, и она оказалась не кем иной, как женой Макэра, а приемный сын хозяина постоялого двора Шарль — их сыном. Шарль пытался помочь обретенному отцу бежать. Сообщник Макэра Бертран, узнав о том, что приятель решил спастись один, свалив на него убийство, смертельно ранил Макэра, который раскаялся перед смертью в преступлении. Бертрана задержали жандармы.

Российский биограф Фредерика-Леметра Е. Л. Финкельштейн довольно подробно проследила, как менялась благодаря актеру сущность обыденной и привычной мелодрамы. Он сумел преобразить банальность ее сюжета, создав незаурядный образ злодея Робера Макэра. Рядом с денди парижского дна Макэром был Бертран (актер Фирмен), который, преодолевая страх, следовал за своим другом и наставником, слепо в него веря.

Фредерик с Фирменом вошли в заговор и, скрывая замысел, репетировали отдельно, а на общих репетициях лишь подавали реплики. Так было даже на генеральной репети-

Фредерик-Леметр

Театр Фоли-Драматик
Литография. 1830-е гг.

ции. Комедийное и эксцентрическое решение ролей произошло только на спектакле. В герое Фредерика были необычайная грация и циничное хладнокровие, которым нелепо и смехотворно подражал Бертран. Это создавало необычайный комический эффект, тем более сильный, что остальные актеры находились в плену слезливой патетики мелодрамы. Такое сочетание привело к необычному успеху спектакля: вместо рыданий и слез он заставил зрителей захлебываться от смеха.

Авторы «Постоялого двора Адре» рассчитывали на совершенно иной эффект. Но дерзостный талант Фредерика заставил их смириться, тем более что спектакль триумфально прошел восемьдесят пять раз. Цензура все же спохватилась: как же, бандиты потешались над жандармами, и представление закрыли, признав пьесу «безнравственной». Но герою Фредерика предстояла долгая сценическая жизнь.

В 1834 году на сцене появилось продолжение — пьеса «Робер Макэр» тех же авторов, в которой оживший герой появлялся вновь и вместе с Бертраном становился «столпом общества, финансистом», организовавшим «Общество страхования против воровства», обирающим до нитки доверчивых акционеров. Вор, шулер, мошенник, он становился уважаемым членом общества. В конце концов он терпел крах, его разоблачали, но Макэр благополучно удирает с Бертраном на воздушном шаре в иные страны, чтобы продолжать свою деятельность.

Премьера «Робера Макэра» состоялась 14 июня 1834 года в маленьком театрике Фоли-Драматик. Билеты были нарасхват. Макэр

Фредерика в спектакле обладал гораздо большим блеском, размахом, остроумием и цинизмом, нежели прежний бандит с большой дороги.

В представлении соединилась карнавальная буффонада с острым, беспощадным обличением, полным озорного зубоскальства, и с глубоким реализмом в раскрытии важных сторон общественной жизни. И хотя спектакль запретили в 1835 году, Робер Макэр продолжал жить в бесчисленных пьесах других авторов, пародиях, куплетах, в блестящих литографиях Оноре Домье.

Робер Макэр и его последователи
Гравюра на дереве О. Домье

Робер Макэр-адвокат
Гравюра на дереве О. Домье

Через тринадцать лет он вновь вернулся на сцену уже ко времени грядущей революции 1848 года. Тургенев, возможно, видел в один вечер две пьесы «Постоялый двор Адре» и «Робер Макэр». Его потрясла удивительная мощь таланта Фредерика, который высветил самую низменную суть человеческого характера. Писатель совершенно справедливо называл пьесу плохой, но «Робер Макэр» — это классика, созданная более театром, нежели литературой. Текст — лишь канва, которую силой своего импровизационного артистического дара Фредерик-Леметр расшивал причудливо, смело и вдохновенно. Ни один спектакль не был похож на другой — его можно было смотреть бесконечно, находя свежее и неожиданное бла-

годаря тому новому, что привносил в него актер.

Увиденное в чем-то было близко взглядам Тургенева. Несколько ранее, в конце декабря 1847 года, размышляя в письме к Полине Виардо о «Поклонении кресту» Кальдерона и признавая величие этого драматического поэта-католика, он не принимает идею смирения перед волей богов: «...я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего

Воскресающий Макэр
Гравюра на дереве О. Домье. 1842 г.

ума, а не от благодати». ²² Вот уж кто не жаждал спасения, а был сродни Сатане в человеческом облике, так это герой Фредерика-Леметра.

Тургенев, конечно, был наделен и нравственным чувством — оно было, несомненно, возмущено бесстыдной наглостью и цинизмом героя Фредерика, с какими он отвергал все истинные человеческие ценности, но в то же время писатель восхищался высоким искусством, с каким актер воссоздал образ Робера Макэра.

Но Полина Виардо не любила Фредерика, не принимала искусство, как ей казалось, ярмарочного шута, вечного насмешника, возмутителя спокойствия, разрушителя всяческих канонов. Тургенева же Фредерик-Леметр восхищал своим актерским талантом преобразовать совершенно банальный драматургический материал в театральное чудо.

Писатель следил за творчеством Леметра. К сожалению, мы пока знаем лишь один отклик Тургенева о его работе, относящийся к 1864 году, — в пьесе «Граф де Соль» А. Плавье. Это было трудное время для артиста. После триумфов на разных сценических площадках театров французских бульваров в драмах А. Дюма «Антони» и «Кин, или Гений беспутства», В. Гюго «Рюи Блаз», Ф. Пиа «Парижский тряпичник», в обессмертившей его имя пьесе «Робер Макэр» он все реже выступал на подмостках и даже подумывал о том, чтобы навсегда оставить театр. Но, получив приглашение от дирекции театра Амбигю-Комик, Леметр продолжил свою сценическую карьеру. «Радости, волнения, даже горести, которые приносит театр, — писал он, — делают его для вас еще дороже. После успеха „Графа де Соль“ я обнаружил, что все мои превосходные намерения исчезли при первых аплодисментах. Искусство вновь заявило о своих правах». ²³ Тургенев писал П. Виардо: «Позавчера мы с Поме ходили в Амбигю смотреть Фредерика Леметра в „Графе де Соль“. Этот старый, совершенно облезлый лев все еще способен подчас издавать мощный рык». ²⁴ Позднее, отказываясь выслать Юлиану Шмидту фотографию Г. Флобера — она у него была единственная, — Тургенев писал о Флобере: «Должно быть, в молодости он был очень красив. Теперь он толст, совершенно лыс, лицо красное. У него много сходства с Фредериком Леметром — знаменитым артистом. Есть ли у вас его карточка?». ²⁵ Узнав о смерти Фредерика-Леметра, писатель заметил в письме к П. В. Анненкову: «Он да Мартынов — самые гениальные актеры, которых я видывал». ²⁶

В театральных заметках Тургенева в письмах к П. Виардо заметен его интерес к актерам театров парижских бульваров не только частный и зрительский, но и профессиональный как драматурга. Наблюдая и вживаясь в атмосферу театральной жизни Парижа, Тургенев одновременно начал воплощать свои взгляды на развитие современного рус-

²² ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 377. Подлинник по-франц.

²³ Цит. по: Финкельштейн Е. Л. Фредерик-Леметр. С. 234.

²⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 186. Подлинник по-франц.

²⁵ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 284.

²⁶ Там же. Т. 11. С. 200. Письмо от 16 (28) января 1876 г.

ского театра в комедиях «Нахлебник» и «Холостяк», написанных прежде всего в расчете на выдающийся талант М. С. Щепкина. Тургенев видел в актере идеального исполнителя своих замыслов, а приобщение к практике западного театра укрепило в нем осознание решающего значения актеров в современном театре. С той поры Тургенев всегда искал артистов для воплощения своих драматургических произведений, отводя себе как автору второстепенную роль, а весь успех отдавал актерам.

С. Л. Жидкова

**ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
ИЗ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТУРГЕНЕВА
В РОМАНЕ «НОВЬ»**

Как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, Тургенев на протяжении всей его жизни привлекал XVIII век: его люди, его быт, его литература. Работая над комментариями к Описанию мемориальной библиотеки писателя, мы получили возможность конкретизировать эту тему. В данной работе мы ограничились тремя именами популярнейших авторов XVIII века, сочинения которых дали материал для творчества Тургенева, — Лафатером, Флорианом и Нелединским-Мелецким.

I

Значительную роль в обретении Тургеневым только ему присущей манеры создания типических характеров, как нам кажется, сыграло знаменитое сочинение Лафатера.

Швейцарский писатель и религиозный деятель Иоганн Каспар Лафатер родился в 1741 году в Цюрихе. В 1772–1778 годах Лафатер издал книгу «*Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe*» («Физиогномические фрагменты для поощрения человекопознания и человеколюбия») с огромным количеством рисунков-силуэтов. В своих «фрагментах» Лафатер анализировал лица великих людей разных времен (Декарта, Сократа, Рафаэля и других) и лица своих современников по их портретам, устанавливая будто бы существующую реальную связь между внешностью человека и его характером. Так, например, острый контур лица и губ, по Лафатеру, указывает на воинственность человека, а выпяченная нижняя губа отличает скупцов и сластолюбцев.

В России сочинением и личностью Лафатера заинтересовались еще в конце XVIII века. В 1782 году будущий российский император Павел,

И.-К. Лафатер

путешествовавший по Европе под именем Князя Северного, сделал крюк в несколько сот километров, чтобы посетить Лафатера и задать ему несколько вопросов. В 1789 году Лафатера посетил состоявший с ним в переписке Н. М. Карамзин. Как известно, о беседах с Лафатером он подробно рассказал в «Письмах русского путешественника». Увлечение Лафатером продолжалось и в XIX веке, хотя в повести «Дубровский» (1833) Пушкин уже не без иронии писал: «Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недомыслия руководствуясь лафатерскими догадками, и почти всегда безошибочно».¹ О «последователях Лафатера»

упомянул Аполлон Григорьев в повести «Один из многих» (1846), о «лафатерских профилях» — Герцен в «Былом и думах» (1862).

В начале XIX века «Физиогномика» была переведена на русский язык, и русские могли познакомиться с книгой Лафатера и в оригинале, и в переводе.² Сведения о Лафатере Тургенев мог получить и в журналах той поры. В мемориальной библиотеке писателя сохранился журнал «Вестник Европы» с публикациями о Лафатере: биографический очерк «Лафатер» в переводе с немецкого, выполненном В. А. Жуковским,³ «Последние дни Лафатеровой жизни» в сокращенном переводе с немецкого Н. М. Карамзина,⁴ — а также журнал «Московский

¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 6. С. 265.

² Новейший полный и любопытный способ, как узнавать каждого человека свойства, нравы и участь по его сложению, или Опытный физиогном и хиромантик славного Лафатера, прославившегося в сей науке... СПб., 1808. Издание переиздавалось в 1809 и 1817 гг. В 1828 г. в Москве вышел также «Лафатер (дамский), или Искусство узнавать свойства женщин по физиогномии».

³ ВЕ. 1808. Ч. 38. Март. № 5. С. 23–33. «Важнейшее произведение ума его, — заключал биограф Лафатера, — которым прославился он у чужестранцев и по которому имеет неоспоримое право называться участником в распространении человеческих знаний, есть без сомнения „Физиогномические опыты“ <...> оно есть плод великого множества остроумных, философических и необыкновенных наблюдений, которые нередко изумляют своей справедливостию» (Там же. С. 28–29).

⁴ Там же. 1802. Ч. 2. Март. № 6. С. 95–115. Сокращенный перевод работы: *Nebe A. Johann Kaspar Lavater. Ueber ihn und Seine Schriften. Mit Erinnerungen aus meiner Reise in die Schweiz im Sommer 1800 in Beziehung auf Lavater und seine letzten Tage.* Leipzig, 1801. См. об этом: Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. СПб., 1991. Вып. 17. С. 255. В пятом номере журнала, как видно из составленной О. Б. Кафановой «Библиографии», появился еще один перевод Карамзина о Лафатере: Сравнение Дидерота с Лафатером (Из Journal de Paris) // ВЕ. 1802. Ч. 2. Март. № 5. С. 39–41 (Там же. С. 254).

ADDITION M.

Dans ce profil-ci il y a beaucoup plus de douceur, de bonté, d'amical, d'homagieux. Il n'y a pas la charité de précéder, mais on y trouve d'autant plus de vérité & d'ignobilité. Ce caractère a moins de préventions, mais il s'en fait un bon emploi de ses facultés; il par le même son ferde d'origine; plus riche. Des fronts accablés de la force d'abandonner jamais en son caractère; & lorsque la bouche exprime un air de bonté que celle-ci, elle est intelligible d'un regard ouvert & levé. Avec une petite physionomie on est à l'abri des offenses & des outrages. Une naïveté harmonique dans les traits est une vraie grâce contre tous les mauvais.

ADDITION B.

Le front, dans être commun, ne veut pas le nez, & par conséquent ces deux parties se font pas homogènes. La dernière annonce un homme qui pense avec beaucoup de facilité, mais je ne retrouve pas le même degré d'expansion dans le bas du front, & moins encore dans l'intervalle qui reste entre l'œil & le front. D'autres l'aiment roide & gêné de l'ensemble contraste avec l'œil & la bouche, & surtout avec le nez. Si l'on compare le front, cette physionomie indique un caractère doux & tranquille.

«Лафатеровские профили»

Из французского перевода книги Лафатера
«Essai sur la physiognomonie, destinée à faire connoître
l'homme et à le faire aimer»
(1781–1803)

телеграф», в одном из номеров которого был помещен портрет Гёте с характеристикой, данной Гёте Лафатером (пер. Жуковского): «Гёте... вот человек, которого смело называю великим! Как приятно его рассматривать, когда, оживленный огнем своего гения, он устремляется в высоту полетом быстрым; или когда, спокойный в душе, разливается вокруг себя ясную тишину и безмятежное веселие! Всё открыто пронзающему его глазу. В минуту постигает он дальнейшие следствия. <...> Говоря, он повелевает: одним словом возвеличивает тебя или обращает в ничто. При нем суетное самолюбие унижено, а скромное достоинство блистает».⁵

По-видимому, именно эту характеристику имел в виду Тургенев, когда в статье «Фауст, трагедия, соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко...», писал о Гёте: «Стоит прочесть в „Физиогномике“ Лафатера восторженные строки, подписанные под его портретом...».⁶ По нашему убеждению, в библиотеке Тургенева имелось и отдельное издание книги Лафатера. Тургенев, придававший большое значение портретным характеристикам своих героев, по воспоминаниям Буквы (И. Ф. Василевского), «имел терпение проштудировать всего Лафатера».⁷

Вероятно, не без влияния Лафатера Тургенев и семья Виардо затеяли в 1856 году «игру в портреты», которой увлекались более двадцати лет. 25 октября (6 ноября) 1856 года Тургенев писал В. П. Боткину:

⁵ Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 5. С. 96.

⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 1. С. 204.

⁷ Литературный вестник. Изд. Русского библиологического общества. 1903. Т. 6. Кн. 6. С. 162.

«...я рисовал пять или шесть профилей, какие только мне приходили — не скажу в голову — в перо; и каждый писал под каждым профилем, что он о нем думал. Выходили вещи презабавные <...>. Я сохранил все эти очерки — и некоторыми из них (т. е. некоторыми характеристиками) воспользуюсь для будущих повестей».⁸

Как было уже замечено, портретный набросок и его описание, сделанные Тургеневым в октябре 1856 года, в какой-то степени предвосхищают образ Лемма в романе «Дворянское гнездо». «Старый артист (музыкант или живописец), всегда терпевший полную неудачу во всем, что бы ни предпринимал, сломленный, разоренный, с помутившимся разумом, почти безумный; он почти совсем не спит, живет в ужасающей нищете. Природа одарила его воображением, способностями, талантом — но все пошло к чёрту, и теперь это совершенная развалина, еще не опомнившаяся и растерянная, но уже совершенно опустошенная. Он умрет в больнице — он достоин жалости, потому что, не будь судьба так ужасающе жестока к нему, он мог бы стать чем-нибудь».⁹ Если когда-нибудь отыщутся формулярные списки героев романа «Дворянское гнездо», в них вполне можно будет обнаружить процитированные строки.

Имя Лафатера упоминается в последнем романе писателя «Новь», где, характеризуя быт XVIII века, Тургенев подмечает типическую деталь того времени: «И действительно: XVIII век встретил гостей уже в передней, в виде низеньких синеньких ширмочек, оклеенных вырезанными черными силуэтками напудренных дам и кавалеров. С легкой руки Лафатера силуэттки были в большой моде в России в 80-х годах прошлого столетия».¹⁰ Как видим, здесь уже описание отстраненное, с налетом легкой иронии. Герои Тургенева — «осколки XVIII века» — Фимушка и Фомушка Субочевы навсегда уходят в прошлое вместе с приметами своего века, как, впрочем, ушло в прошлое увлечение Тургенева Лафатером.

Не могла пройти мимо внимания Тургенева и вышедшая на французском языке «Биография Лафатера» Эрмини Шаванн («Essai sur la vie de Jean-Gaspard Lavater»), обзор которой был помещен в июльской книжке журнала «Отечественные записки» за 1844 год. Впоследствии, при работе над романом «Новь», ему могли вспомниться следующие строки из нее: «Лафатер не всегда угадывал так удачно. Иногда он делал большие промахи и раз принял профиль какого-то злодея за профиль знаменитого Гердера».¹¹ Так же и Нежданов ошибается в отношении Фитюева.¹²

⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 134.

⁹ ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 469. № 23. Подлинник по-франц.

¹⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 242.

¹¹ ОЗ. 1844. Т. 25. № 7. Отд. VII (Иностранная литература). С. 44. Можно вспомнить также примечание Карамзина к упоминавшемуся уже переводу статьи о Лафатере: «Всякий из нас в некотором смысле физиогномист. Все мы говорим: умное, глупое, доброе лицо! Но физиогномика никогда не будет верною наукою, основанною на правилах. Лафа-

II

Не менее популярны среди русской читающей публики на рубеже XVIII–XIX веков были сочинения французского писателя Жана-Пьера-Клори де Флориана (1755–1794). Он был автором басен, пьес, стихотворных романов, пасторальных повестей. Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, в юности переводивший Флориана, в 1800 году познакомился с офицерами Семеновского полка братьями Пешуровыми. В составе их маленькой библиотеки, вспоминал он, не было «ни одной военной, ни одной русской книги»: «все легкое, розовое, амурное», в том числе «полное собрание сочинений Флориана». Далее Вигель не без яда заметил, что французской литературой подобного рода были созданы «Измайловы и Шаликовы с их отвратительной чувствительностью».¹³ Не избежали увлечения Флорианом и родные Тургенева. В его мемориальной библиотеке находится «Т. II, содержащий Театр и различные стихотворения и литературные произведения» из женева издания Флориана 1787 года, а также 2-й, 3-й, 4-й и 7-й тома из парижского издания Флориана 1805 года.

Ж.-П.-К. де Флориан

Русские журналы были наводнены переводами, переделками и подражаниями из Флориана. Так, в журнале «Патриот» (имевшемся в библиотеке Тургенева) были опубликованы «Дитя и финик (Подражание Флориану)», «Персидский царь (Флорианова басня)»;¹⁴ «Руфь, или Награжденная добродетель. Драматическое действие, извлеченное из Священного Писания для молодых людей» с пояснением — «Фло-

тер тысячу раз сам обманывался. При мне были в Цюрихе два человека, которых он хвалил чрезмерно: после открылось, что они лицемеры и шалуны. Останемся при темном чувстве! будем физиогномистами для себя, но всегда готовыми признавать ошибки свои!» (ВЕ. 1802. Ч. 2. Март. № 6. С. 108).

¹² Ср. у Тургенева: «Другой мужик — звали его Фитюевым — просто в тупик его поставил. Лицо у этого мужика было необычайно энергическое, чуть не разбойничье... <...> И что же? Фитюев оказался бобылем; у него мир отобрал землю, потому что он — человек здоровый и даже сильный — не мог работать. „Не могу! — всхлипывал Фитюев сам, с глубоким, внутренним стоном, и протяжно вздыхал. — Не могу я работать! Убейте меня! А то я на себя руки наложу!“ И кончал тем, что просил милостыньки — грошика на хлебушко... А лицо — как у Ринальдо Ринальдини!» (ПССуП(2). Соч. Т. 9. С. 214).

¹³ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. Кн. 1. С. 139, 140.

¹⁴ Патриот. 1804. Т. 4. С. 284–286; 376–377.

рианова эклога, под именем Руфь, подала мысль написать пизсу сего имени».¹⁵

В повести «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор» автор (издатель «Патриота» В. В. Измайлов) писал: «Русская поселенка, может быть, <...> милее все Флориановых Эстелл, представляла картину, достойную кисти новых Теокритов и Геснеров».¹⁶ Пастушеские повести Флориана — «Эстелла» и «Галатей», навеянные идиллиями Геснера, пользовались особенным успехом. Читателям следующих поколений они казались устаревшими, слишком условными и приторными. Вот и Тургенев, отвечая на письмо Полины Виардо, в котором она сообщала о предложении Луи Виардо перевести рассказы из «Записок охотника» на французский язык (которые Виардо, видимо, сравнивал с сочинениями Флориана), 30 декабря 1847 (11 января 1848 года) писал, что его рассказы «написаны в жанре, диаметрально противоположном повестям Флориана».¹⁷ Тургенев, вероятно, имел в виду отсутствие в повестях Флориана деталей быта, социально-психологических характеристик персонажей, надуманность конфликтов, отсутствие исторических обобщений. Л. Виардо не сумел тогда отличить сентиментальной манеры Флориана от реалистических картин Тургенева, исполненных поэзии и жизни. Правда, следует напомнить, что Л. Виардо русского языка не знал.

Прошло тридцать лет. Тургенев, работая над романом «Новь», любовно воссоздает быт людей XVIII века — Фомушки и Фимушки Субочевых, тщательно выписывая каждую деталь. Созданию колорита времени способствует и упоминание о круге чтения героев: журналов «Зеркало света» и «Приятное и полезное препровождение времени» — эти издания сохранились в мемориальной библиотеке Тургенева. Вероятно, в процессе работы над эпизодом Тургенев просматривал эти журналы. В 10-й, 12-й, 14-й и 15-й частях журнала «Приятное и полезное препровождение времени» за 1797 год была опубликована повесть Флориана «Галатей» в переводе Александра Ханенко. Герои повести, пастухи и пастушки, бродят со своими овцами по лугам и рощам, рвут цветы, плетут венки, играют на арфе, распевают песни, устраивают свадьбы, где новобрачным дарят корзины плодов и голубков... Над могилой, где вырезана надпись: «Здесь покоится прах доброго сына», — пастушка Галатей декламирует чувствительное стихотворение, которое начинается так:

Из пастухов в деревне нашей
Лизид был боле всех влюблен;
Луиза для него всех краше
Луизой всем он предпочтен!
Он ищет, чтоб на ней жениться,

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 87.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 106.

¹⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 383. Подлинник по-франц.

ŒUVRES
DE
M. DE FLORIAN.

NOUVELLE EDITION,

Orné de figures et augmenté de la Vie de
l'Auteur, de GUILLAUME TELL, et autres
ouvrages inédits.

TOME SEPTIÈME.

FABLES ET PIÈCES DIVERSES.

JD

A PARIS,

DE L'IMPRIMERIE DE F. DUPART, LIBRAIRE.
M. DCCC.V.

Собрание сочинений Флориана на французском языке (Т. 7)
Фронтиспис и титульный лист
(Музей Тургенева, Орел)

Отец дает ему ответ:
Пускай богатством с ней сравнится!
Иль для него Луизы нет...¹⁸

В стареньком альбоме, переплетенном в красный сафьян с золотой каймой, который периодически просматривали Фимушка и Фомушка, находились стихи, озаглавленные «Тирсис», возможно представляющие собой стилизацию стихотворных пасторалей XVIII века:

Покой вселенной управляет,
Роса с приятностью блестит,
Природу нежит, прохлаждает,
Ей нову жизнь собой дарит!

Один Тирсис с душой унылой
Страдает, мучится, грустит...
Когда с ним нет Анеты милой —
Его ничто не веселит!¹⁹

Особое внимание обратим на 2-ю строфу, где, как видим, сохранен размер и стиль Флориана (в переводе Ханенко), сохранена сюжетная линия. Правда, Тургенев заменяет имя Лизид именем другого пастуха

¹⁸ Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 15. С. 130.

¹⁹ ППСЦП(2). Соч. Т. 9. С. 240.

из «Галатеи» — Тирсис, а имя Луиза — на Анета. Стилизация Тургенева имеет цель представить дворянина галантного века, при этом она носит легкий пародийный оттенок.

III

Вполне представляет свое время и творчество поэта XVIII века Ю. А. Нелединского-Мелецкого, также пользовавшегося популярностью в России. Стихотворения Нелединского-Мелецкого в большом количестве представлены в периодических изданиях, сохранившихся в библиотеке Тургенева. Сам писатель хорошо знал его творчество.

Нелединский-Мелецкий родился в 1752 году в родовитой дворянской семье. Раннее сиротство (в 2 года он лишился матери и воспитывался у бабушек) пробудило у впечатлительного ребенка меланхолию и чувствительность, которые стали характерной чертой его творчества. При этом Нелединский-Мелецкий сделал успешную карьеру, снискал дружбу императрицы Марии Федоровны и благоволение Павла I. Следующие слова Павла довольно ярко характеризуют образ поэта: «...всегда быстрая и также для всех приятная маленькая синичка с заливным колокольчиком».²⁰

Нелединский-Мелецкий отдал дань почти всем поэтическим жанрам своего времени — переводам (из Ж. Лафонтена, Ж.-Ф. Лагарпа, К.-Ж. Дора, П.-А.-Д. Метастазियो), басням, одам, эпиграммам, но современники особенно ценили его как поэта-песенника. Г. Р. Державин ставил его первым в ряду «лучших песен сочинителей», К. Н. Батюшков считал, что его «вдохновенные страстью песни», наравне со стихотворениями других поэтов его времени, «приближались к желанному совершенству».²¹ В стихотворном послании, обращенном к Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, И. И. Дмитриев писал:

Кто с тобою не восстонет,
Нежный пламенный певец?
Ах, твой глас и камень тронет,
У тебя лишь ключ сердец.

В 1796 году И. И. Дмитриев издал «Карманный песенник», имевший оглушительный успех, в который были включены 14 песен Нелединского-Мелецкого.²²

²⁰ Карамзин и поэты его времени. И. Дмитриев, М. Милонов, Ю. Нелединский-Мелецкий, В. Пушкин. Л., 1938. С. 328.

²¹ Батюшков К. Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык... // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. С. 13–14 (Лит. памятники).

²² См.: Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен: В 3 ч. М., 1796.

В некрологической статье, помещенной в журнале «Московский телеграф» (журнал сохранился в мемориальной библиотеке Тургенева), анонимный автор писал: «Юлий Александрович Нелединский-Мелецкий, незабвенный поэт прошлого века <...> Кто не знает его песен и романсов? Их не поют уже теперь; но в юности нашей проза Карамзина, басни и сказки Дмитриева и песни Нелединского были первыми уроками в словесности, конечно, каждого из нас. Его песни: „Полно, сизенький, кружиться...“, „Волга, реченька глубока...“, „Наконец твои обманы...“ (из *Метагастия*), „На то ль, чтобы печали...“ и другие были так же всем известны, как ныне „Черная шаль“ Пушкина и „Мой друг, хранитель — Ангел мой...“ Жуковского».²³

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

Рассказывая об одном из своих приятелей, М. А. Дмитриев писал, что «он всячески раздражал свою чувствительность и гальванизировал ее, вздыхая на лугу и проливая слезы, когда я играл на шестиструнной гитаре „Выду я на реченьку“ или „На то ль, чтобы печали“».²⁴

Известный ученый Ф. И. Буслаев на склоне лет вспоминал, как его мать, любившая музыку, отыскивала в старом песеннике «бывшие тогда в моде романсы»: «У нее был хороший голос и музыкальный слух, и она любила за рукодельем сопровождать свою работу пением. Мне доставляет удовольствие припомнить теперь некоторые из ее любимых песенок: „Среди долины ровныя...“, „Взвейся выше, понесися, бело-грудый голубок...“, „Стонет сизый голубочек, стонет он и день и ночь...“, „На то ль, чтобы печали в любви нам находить...“».²⁵ Примечательно, что во всех трех приведенных фрагментах упоминается романс «На то ль, чтобы печали...». Полный текст его напечатан в «Санкт-Петербургском журнале» (также находящемся в мемориальной библиотеке Тургенева).

ПЕСНЯ

На то ль, чтобы печали
В любви нам находить,
Нам боги сердце дали
Способное любить?

²³ Московский телеграф. 1829. Ч. 25. Февраль. № 4. С. 553.

²⁴ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни М., 1998. С. 159.

²⁵ Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 2003. С. 85–86.

Одно лишь чувство страсти,
Без бед, без злой напасти
На свете есть ли где? —
Нигде, нигде, нигде.
С ним горести жестоки
Везде, везде, везде.

Любил ли кто в вселенной
И мук не испытал!
Какой, какой влюбленный
Не плакал, не вздыхал?

Минута утешенья
Год лютого мученья,
А часто и навек
Беда, беда, беда.
О жалкое творенье
Влюбленный человек!

Всё сердцу грусть, мученье,
Отрады ни на час;
Невольник в заключенье
Спокойнее сто раз.

Коль страстно сердце в горе,
Как лодка гибнет в море,
На что ж оно дано? —
На зло, на зло, на зло.
Возьмите ж, боги, сердце
Назад, назад, назад.

К...²⁶

Стихотворение подписано инициальной буквой «К...». В доступных нам библиографических справочниках обнаружить расшифровку этого псевдонима не удалось, и лишь процитированная выше статья из «Московского телеграфа» позволила установить автора стихотворения — Нелединского-Мелецкого.

Обратимся вновь к эпизоду с Фимушкой и Фомушкой в романе Тургенева «Новь». Кульминационный момент этой главы (XIX) — пение «переклитков» под «клавесин». Фимушка и Фомушка пели на старинный лад и выбрали уже известный нам романс «На то ль, чтобы печали...». «В одном углу гостиной оказалось крошечное фортепиано <...>. Снандулия села за этот „клавесин“, взяла несколько аккордов... <...> старички немедленно запели:

На то ль, чтобы печали, —

начал Фомушка, —

²⁶ Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. П. Пниним. 1798. Ч. 2. С. 134–135.

В любви нам находить,
Нам боги сердце дали,
Способное любить?

Одно лишь чувство страсти, —

отвечала Фимушка, —

Без бед, без злой напасти
На свете есть ли где?

Нигде, нигде, нигде! —

подхватил Фомушка,

Нигде, нигде, нигде! —

повторила Фимушка.

С ним горести жестоки
Везде, везде, везде! —

пропели они вдвоем,

Везде, везде, везде! —

протянул один Фомушка.

— Bravo! — закричал Паклин. — Это первый куплет; а второй?

— Изволь, — отвечал Фомушка, — только, Снандулия Самсоновна, что же трель? После моего стишка нужна трель.

— Извольте, — отвечала Снандулия, — будет вам трель.

Фомушка опять начал:

Любил ли кто в вселенной
И мук не испытал?
Какой, какой влюбленный
Не плакал, не вздыхал?

А тут Фимушка:

Так сердце странно в горе,
Как лодка гибнет в море...
На что ж оно дано?

На зло, на зло, на зло! —

воскликнул Фомушка — и подождал, чтобы дать время Снандулии пустить трель.

Снандулия пустила ее.

На зло, на зло, на зло! —

повторила Фимушка. А там оба вместе:

Возьмите, боги, сердце
Назад, назад, назад!
Назад, назад, назад!

И всё опять заключилось трелью». ²⁷

Оба академических издания Тургенева указывают, что источник текста романса не установлен, но теперь мы имеем возможность сравнить текст Нелединского-Мелецкого и текст, приведенный Тургеневым в романе «Новь». Во-первых, писатель выпустил 4-ю и 5-ю строфы стихотворения Нелединского-Мелецкого, а во-вторых, в последней строфе изменил первый стих.

У Нелединского-Мелецкого:

Коль страстно сердце в горе,
Как лодка гибнет в море,
На что ж оно дано?
На зло, на зло, на зло!

У Тургенева:

Так сердце странно в горе,
Как лодка гибнет в море,
На что ж оно дано?
На зло, на зло, на зло!

Последнее разночтение могло произойти оттого, что Тургенев писал по памяти, не справляясь с источником. Не исключена и банальная опечатка, которой писатель не заметил. В тексте песенника 1816 года эта строчка приводится уже в третьем варианте: «Так страстно сердце в горе». ²⁸ Надо надеяться, что когда-нибудь найдется старинный песенник, в котором будет не только текст, но и ноты этого романса. Тогда будет возможность услышать и нам романс таким, каким его слушал Тургенев и его старшие современники.

---

²⁷ ПССуП(2). Соч. Т. 9. С. 245–246.

²⁸ См.: Избранный песенник для прекрасных девушек и любезных женщин, содержащий собрание лучших русских песен разных сочинителей.... В 2 ч. М., 1816. Ч. 1. С. 85.

С. А. Ипатова

**ТУРГЕНЕВ и ТОМАС ДЕ КВИНСИ
(К ВОПРОСУ о КОМПОЗИЦИИ «ПРИЗРАКОВ»)**

В кругу установленных многочисленных и разнообразных источников, предопределивших появление повести «Призраки» и повлиявших на формирование ее философского содержания, — Светоний, Марк Аврелий, Паскаль, Вольтер, Гофман, Шопенгауэр, Гёте, Гоголь, Герцен. Попытки прокомментировать «Призраки» произведениями этих авторов правомерны и не противоречат друг другу, несмотря на разность их философских систем, которые в образной форме подверглись в повести художественному осмыслению и развитию. Особого внимания заслуживает обойденное исследователями имя английского писателя, философа, эссеиста и литературного критика Томаса Де Квинси (Thomas De Quincey; 1785–1859).

По мнению А. И. Батюто, «присутствие» Герцена в «Призраках» не исключает античных источников, «так как многообразие конкретных социально-политических, философско-исторических, литературно-эстетических и иных предпосылок — обычное явление в истории создания выдающихся произведений», а мастерское сочетание и использование их в «Призраках» и «Довольно» «как нельзя лучше подчеркивает характерную тенденцию» Тургенева в этих произведениях — «вынести единовременный приговор и современности и весьма далекому историческому прошлому, поставить между ними по существу знак равенства».¹ Присущие Тургеневу многообразие и множественность предпосылок в осуществлении конкретных образов или определенных штрихов в них не раз отмечались исследователями.

Справедливое утверждение Батюто должно быть дополнено ценным наблюдением А. Б. Муратова, согласно которому философский пессимизм писателя, отразившийся в «Призраках» и «Довольно», содержал в своей основе мысль о трагичности и предопределенности че-

¹ *Батюто А. И.* Тургенев — романист / Отв. ред. Г. А. Бялый. Л., 1972. С. 142.

ловеческого существования, обусловленных не только социальными законами, но и законами, лежащими за пределами эмпирических наблюдений, трагизм человеческой судьбы зависит также от «всеобщего», «космического», Неведомого, не поддающегося анализу.²

Неотвратимость и неизбежность смерти, бесследного ничтожества человека, то есть мгновенности его жизни, схожей, по выражению Вольтера, цитируемого Тургеневым в письме к брату, с жизнью «минутных мотыльков»,³ — исходная точка пессимизма писателя. И для того, чтобы постигнуть мир, себя и свое предназначение, мало одного рационального, необходимо выйти за его пределы, перешагнуть грань обыденного, будничного, то есть войти в «измененное состояние сознания».

Позволим себе предположить, что чтение публичной исповеди Де Квинси о его пагубном влечении к опиуму, стимулирующему творческое воображение, оказало влияние на создание фантазии «Призраки» (1864) и на выбор ее формы — сложной композиции, которая произвела на многих критиков впечатление непродуманного, хаотического нагромождения бесцельных картин и образов, дав, по предсказанию Ф. М. Достоевского, «выход всякому изумлению».⁴

«Не „фантазией“ следовало бы назвать вашу статью, а „Элегией“, — писал Тургеневу 25 сентября (7 октября) 1863 года П. В. Анненков, первый читатель повести. — Нет никакого сомнения, что в теперешнее время никто не даст себе труда уразуметь этого *автобиографического* очерка. Вряд ли даже найдет признание достойное и поэтическая его сторона, которая так меня „старого грешника“ умилила в нем, а чтоб распознать тут историю художнической души с собственной своей творческой силой — и не ждите. Будьте уверены, что фантазия — покажется всем странностию <...>».⁵ «Что касается до фантазии, — заметил Тургенев в ответном письме от 28 сентября (10 октября), — то я даже дрогнул, прочтя слово „автобиография“, и невольно подумал, что когда у доброго легавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился чашу».⁶

Итак, «Призраки» были задуманы и реализованы в жанре исповеди художника, самого Тургенева, истории его «художнической души»,

² См.: Муратов А. Б. Тургенев — новеллист (1870–1880-е годы). Л., 1985. С. 70–72.

³ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 238.

⁴ Достоевский. Т. 28. Кн. 2. С. 61. Письмо от 23 декабря 1863 г. Надо заметить, что в целом впечатление от чтения повести у Достоевского было восторженным. Он отмечал «превосходную» форму «Призраков» и сравнивал их с музыкой: «...это тот же язык, но высказывающий то, что сознание еще не одолело». Повесть, изначально предназначавшаяся для катковского «Русского вестника», в результате продолжительного конфликта с редактором (1856–1857) писалась для журнала братьев Достоевских «Время», после закрытия которого была опубликована в «Эпохе» (см.: Эпоха. 1864. № 1–2. Январь–февраль. С. 1–31). О перипетиях написания повести см. пресамбулу Е. И. Кийко: ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 471–476.

⁵ Анненков. Письма. Кн. 1. С. 141.

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 211.

спрятанной автором за чередой картинок-видений, создававших ощущение «разорванности», немотивированной фрагментарности сюжетной цепи. В «Призраках», по мнению А. А. Андреевой, пронизательно озаглавившей свою статью 1904 года «„Призраки“ как исповедь Ив. С. Тургенева», поэт «проверяет себя и свои чувства на отдельных картинах мировой жизни и жизни человечества. Если мы ближе всмотримся в эти картины и вдумаемся в их последовательность, мы найдем и самую основу пессимизма нашего поэта <...>. И мы увидим тут не только картину личной души Тургенева, но и психологический момент, переживаемый целым поколением и не в одной только России».⁷

Развивая в своей статье мысль, что, только установив «внутреннюю связь картин — символических видений поэта», возможно «прочитать» повесть, Андреева приходит к правомерному выводу, что смысловой связующей нитью заданного ряда картинок-видений является проверка на «невыносимость» для «свободной, развитой личности, для ее творческой души всякого насилия», как от «власти природы», так и от «власти человека»; душа поэта содрогается «перед призраками и государственной власти, и народного самовластия не менее чем перед призраками смерти, которую несут в себе морская бездна и всемогущее нечто, преследующее Эллис»; все, что уничтожает индивидуальность, ее силу и значимость, — «глубоко ненавистно чуткой натуре поэта», а все, что дает свободу чувствам, возвышает и одухотворяет эту личность и усиливает ее жизнеспособность — красота природы, искусства и любовь женщины, — является для писателя «символом высшего счастья на земле».⁸

В своем символическом истолковании исследователь, к сожалению, никак не касается механизма создания театра сновидений, беспрепятственных путешествий поэта по времени и пространству, воспроизведений, почти реконструкции исторического прошлого, воссоздания забытого непрочной человеческой памятью, проникновения творческого дара в недоступные обыденному сознанию тайны бытия — пути художественного воображения к истине. Возможно, при создании «Призраков» Тургенев использовал некоторые приемы странной английской повести о «любителе опиума».

Имя Де Квинси упоминается Тургеневым в письмах 1856 года, из содержания которых очевидно, что писатель был восторженным читателем самого знаменитого его произведения — повести «Confessions of an English Opium-Eater, being an Extract from the Life of a Scholar»⁹ («Исповедь английского любителя опиума: История из жизни ученого»), публиковавшейся в Англии анонимно (псевд. «Opium-Eater») вплоть до 1856 года, когда автор наконец обнародовал свое имя, и возымевшей тотчас по выходе оглушительный успех не только в Англии, но и в Европе. Именно это английское издание 1856 года, значительно расши-

⁷ ВЕ. 1904. № 9 (Сентябрь). С. 6–7.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ London Magazine. 1821. N 9–12; отдельное издание вышло в 1822 г.

ренное и дополненное, читал Тургенев и сразу же по прочтении рекомендовал книгу А. И. Герцену. 24 ноября (6 декабря) 1856 года он писал: «Но вот что прочти непременно: „The Confessions of an Opium-eater”. Прочти и скажи мне — такое же ли впечатление произведет эта книжечка на тебя, как на меня. Я ее прочел *два раза* сряду — *à la lettre*».

На следующий день Тургенев сообщал В. П. Боткину: «...прочел я в последнее время — „The Confessions of an English Opium-eater” — удивительная штука! Я ничего подобного не встречал». 25 (13) декабря 1856 года Герцен ответил Тургеневу: «...я тотчас приобрел „Opium-eater’a”. Да, это превосходная книга — De Quinsy еще жив и теперь, должно быть, опиум пить здорово (тоже и коньяк). <...> Так искренно, так откровенно не умеет писать ни один француз — и смело. Словом, за это знакомство я тебе благодарен». С тем же восторгом об «Исповеди» Герцен писал позже в письме к А. А. Серно-Соловьевичу от 26 (14) декабря 1863 года: «Мы долго думали с Огар<евым>, что вам рекомендовать для перевода с английск<ого>. Пока что найдем, посылаю „Opium-eater’a” De Quin<с>еу. В нем страницы, писанные с той откровенностью и мужественной отвагой, к которой француз не способен — по тщеславию, а немец — по грязной Plumpheit <неуклюжести. — нем.>».¹¹

Новаторство Де Квинси заключалось в том, что в его книге впервые был показан ужас, вызванный не внешними иррациональными силами, как это представляла готическая проза. Произошла смена форм ужасного. Вероятно, именно это качество поэтики «Confessions» не только вызвало восторженный отзыв Тургенева, но и оставило заметный след в его творчестве. Влияние повести, безусловно, имело место в таких произведениях Тургенева, помимо «Призраков», как «Довольно» (1865), «История лейтенанта Ергунова» (1868), «Песнь торжествующей любви» (1881) и др.

В основу публичной исповеди Де Квинси был положен автобиографический рассказ о пагубном влечении автора к опиуму, о наслаждениях «искусственного рая», ключи от которого держит «мудрый» опиум; о последующих страданиях от зелья, разрушающего психическое здоровье, и о мучительной победе над пагубной страстью. Сюжетное повествование — реальные тяжкие жизненные испытания юноши и его опыт употребления опиума как средства уйти в другую реальность, где все испытанное ранее образно трансформируется, — сопровождалось тонким, скрупулезным душевным анализом состояния опиумного опьянения. Нравственную цель своей книги Де Квинси видел в ее поучительности и в собственном оправдании: к опиуму его влекли не только чувственные наслаждения, благодаря действию опиума обреталась творческая способность созерцания фантастических видений, придававших невыносимой будничной реальности сокровенный смысл; опи-

¹⁰ ПССИП(2). Письма. Т. 3. С. 151, 153.

¹¹ Герцен. Т. 26. С. 60; Т. 27. Кн. 1. С. 393.

ум позволял «достигнуть „зашифрованную“ (любимое словечко писателя) тайну бытия и отражающего его искусства».¹²

Первый русский перевод «Исповеди», весьма отличающийся от подлинника, был опубликован в 1834 году под именем Ч.-Р. Метьюрена.¹³ Не исключено, что Тургенев, хотя он нигде и не упоминает это издание, мог знать не только его, но и предшествовавшее ему краткое изложение содержания «Исповеди», опубликованное Н. А. Полевым дважды: в 1827, а затем в 1829 году как анонимное произведение. Журнал «Московский телеграф», в котором было опубликовано изложение 1827 года, имеется в мемориальной библиотеке Тургенева, хранящейся в музее писателя в Орле.¹⁴ Оба русских изложения, предшествовавшие отдельному изданию 1834 года, безусловно, подготовили читательский интерес к английской повести в России. В предисловии к изложению 1827 года отмечено, что эта «небольшая книжка», изданная в Лондоне, «наделала много шума, и была в один год *три раза* напечатана: так раскупали ее. Медики и ученые люди читали и спорили, светские люди читали ее как роман с величайшим любопытством», ибо эта исповедь «представляла читателям такую игру дикой фантазии, какую едва ли найдем в самых восточных романах, самых мистических книгах».¹⁵

---

¹² Дьяконова Н. Я. Томас Де Квинси — повествователь, эссеист, критик (1785–1859) // Де Квинси Т. Исповедь англичанина, любителя опиума / Изд. подгот. Н. Я. Дьяконова, С. Л. Сухарев, Г. В. Яковлева. М., 2000. С. 346 (Лит. памятники).

¹³ Вслед за Л. П. Гроссманом в исследовательской литературе неоднократно высказывалась ничем не подкрепленная гипотеза, что в русском издании 1834 г. именно Н. И. Греч как издатель «из спекулятивных целей» назвал автором «Исповеди» Метьюрена. Это предположение едва ли правомерно, как и утверждение целого ряда исследователей, что авторство Метьюрину было приписано анонимным русским переводчиком повести (см.: Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М., 1925. С. 32–33. См. также: ПССУП(2). Письма. Т. 3. С. 505, коммент. А. И. Батюто; *Sergj A. Gogol's Opium: Genesis and meaning of the Piskarev-sujet in «Nevskij prospekt»* // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Bd 39. S. 176). По точному наблюдению М. П. Алексеева, авторство «Confessions» было приписано Метьюрину во Франции уже в романе О. де Бальзака «Тридцатилетняя женщина» (1831–1834): в беседе Жюли д'Эглманс с ее подругой Луизой идет речь об «Исповеди» как о произведении Метьюрена (Алексеев М. П. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» // Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец. Л., 1976. С. 671–672 (Лит. памятники). См. также: Бальзак О. де. Тридцатилетняя женщина // Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 2. С. 154). По мнению французской исследовательницы Ф. Морё, Бальзак относил «Confessions» к важнейшим произведениям эпохи и испытал влияние Де Квинси в «Шагреневой коже» и в отрывке «Опиум» (1830). См.: *Moreux F. Thomas De Quincey: La vie. L'homme. L'œuvre*. P., 1964. P. 572–580. См. также превосходную статью, заслуживающую быть переведенной на русский язык: *Astre G. A. H. de Balzac et «L'Anglais mangeur d'opium»* // *Revue de littérature comparée*. P., 1935. P. 755–772. Здесь высказано предположение, что Бальзак испытал влияние Де Квинси и в других произведениях 1830-х гг. («Миссимиλλα Дони», «Серафита», «Прощенный Мельмот»).

¹⁴ За это ценное указание благодарю Л. А. Балькову.

¹⁵ Удивительное действие на воображение, производимое опиумом // Московский телеграф. 1827. Ч. 16. № 14. С. 25–37; то же в сб.: Повести и литературные отрывки, изданные Николаем Полевым: В 6 ч. М., 1829. Ч. 1. С. 279–298 (на титульном листе: 1830).

Русское издание было сразу же замечено критикой. Восторженная рецензия появилась в «Северной пчеле»: «Исповедь англичанина при появлении своем в Лондоне наделала много шума. Она раскрывала такую повесть, невероятную и странную, она описывала видения такие фантастические и не всякому воображению доступные, что все с нетерпением желали знать имя автора. „Исповедь“ приписывали всем известным английским литераторам поочередно». ¹⁶ Анонимной краткой рецензией откликнулась «Библиотека для чтения», заявившая, что автор повести — «изобретатель и предтеча „неистой“ словесности»: «ужас был его изящное и он, с бесчеловечным хладнокровием, любил раскрывать глубочайшие тайны сердца, которые для того именно и сделаны тайнами, чтобы люди не рассуждали о них вслух для собственно-го блага». «Исповедь» Метьюрина, добавлял рецензент, «всегда казалась нам книгою жестокою и бесполезною, как она ни умна и ни любопытна: подобные сочинения более способны внушить дурную мысль уму непорочному, скорее могут возродить в сердце желание узнать на опыте вещь описываемую, чем утратить воображение, уже подчиненное пагубным привычкам». ¹⁷ Отметим, что издание 1834 года было в библиотеке Пушкина, ¹⁸ вероятно в библиотеке В. Ф. Одоевского, несомненно Гоголя, а также Достоевского, в 1838 году рекомендовавшего его Д. В. Григоровичу. ¹⁹ Английское издание 1856 года было среди книг Тургенева, Герцена, Огарева.

«Confessions» — первое произведение уже зрелого Де Квинси, друга и достойного соперника Вордсворта, Кольриджа, Саути. Его обширное творчество, составляющее 15 томов (1864), снискало особую популярность у читателей. Влияние Де Квинси, по мнению исследователей, испытали на себе многие писатели. Популярность автора, «любителя

В предисловии отмечено, что русское извлечение является переводом публикации из женеваского журнала «Bibliothèque universelle» (С. 279–280).

¹⁶ В. В. В. <Мроев В. М.> Новые книги // Северная пчела. 1834. 13 ноября. № 258. С. 1029.

¹⁷ БдЧ. 1834. Т. 7. С. 22 (Литературная летопись). Для иллюстрации этой мысли можно привести рассказ А. Конан Дойля «Человек с рассеченной губой»: «Айза Уитни научился курить опий. <...> прочитав книгу де Куинси, в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он из нелепой прихоти начал подмешивать опий к табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель» (Дойль А. Конан. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 378).

¹⁸ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 63.

¹⁹ «Первые литературные сочинения, читанные мной на русском языке, — вспоминал Григорович о периоде обучения в Инженерном училище, — были сообщены мне Достоевским; это были: „Кот Мур“ Гофмана и „Исповедь англичанина, принимавшего опиум“ Маторена — книга мрачного содержания и весьма ценная тогда Достоевским». См.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Приложения из «Воспоминаний В. А. Панаева». М., 1987. С. 47 (Серия литературных мемуаров). Подробнее о влиянии Де Квинси на Достоевского см.: Ипатов С. А. Достоевский и повесть Томаса Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (К теме «мечтательства») // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 178–197.

опиума», почти сразу же вышла за пределы Англии. Почитателем и переводчиком «Confessions» стал будущий автор «Исповеди сына века» («La Confession d'un enfant du siècle»; 1836), 17-летний А. де Мюссе, в 1828 году анонимно опубликовавший во Франции свой весьма отличный от подлинника перевод-пересказ с многочисленными купюрами и обширными вставками собственного сочинения.²⁰ Позже интерпретатором и популяризатором повести выступит Ш. Бодлер: вторая половина «Искусственного рая» («Искушения и муки любителя опиума»; 1860) является также вольным переложением повести, которую он в восхищении уподобляет фантастическому гобелену.²¹ Не исключено, что Тургеневу было знакомо это переложение Бодлера.

Конкретные заимствования из Де Квинси в «Призраках» впервые были подмечены П. Уоддингтоном, предположившим, что Тургенев «открыл» для себя этого писателя, будучи в Англии в 1856 году. Возможно, так и было в действительности, но не следует исключать популярности русского перевода и вероятного знакомства с ним писателя ранее 1856 года. По мнению исследователя, глава XIII (окрестности Рима) была навеяна схожим видением у Де Квинси; на образ Эллис и характер его влечения в повествование «Призраков» повлиял образ Анны из «Confessions», но исследователь здесь же оговаривает, что Эллис обладает другим характером и функция ее в произведении другая.²²

Полагаем, что в немалой степени на тургеневскую повесть повлияли и «Серафита» Бальзака (которого, в свою очередь, вдохновлял Де Квинси), и «Фея Хлебных Крошек» Ш. Нодье, где летающая Фея, возлюбленная главного героя, живущего в двоemiрии, — то ли демоническая злая старуха-колдунья, то ли молодая красавица Билкис, она же легендарная царица Савская. Согласно Нодье, истинное совершенствование рода людского возможно не за счет приращения знаний: люди, общаясь с непостижимым, должны перейти из мыслящих существ в существа понимающие. Из круга литературных источников «Призраков» нельзя исключить также и статью Нодье «О некоторых явлениях, связанных со сном», в которой понятие «сон» употребляется как синоним «фантазии» или «поэзии». Много писалось о влиянии на Тургене-

²⁰ См.: <Musset A. de>. L'Anglais mangeur d'opium / Trad. de l'anglais par A. D. M. P., 1828. Если версия с авторством Метьюрина была признана ошибочной еще в XIX в., то более устойчивым оказалось заблуждение, разделяемое вплоть до последнего времени рядом отечественных исследователей, о принадлежности обширных вставных фрагментов в русском издании 1834 г. анонимному русскому переводчику, в то время как авторство их принадлежит Мюссе (см.: Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 49).

²¹ См. Бодлер Ш. Искусственный рай // Бодлер Ш. Искусственный рай; Готье Т. Клуб любителей гашиша. М., 1997 (пер. В. М. Осадченко). Здесь же помещены «Заметки к лекциям, прочитанным Шарлем Бодлером в 1864 году в Брюсселе» и некролог Де Квинси, написанный Бодлером (С. 171).

²² См.: Waddington P. Turgenev and England. <L.>, 1980. P. 107–108.

ва в связи с Эллис и Гоголя («Вий», «Страшная месть»), и Одоевского («Саламандра», «Сильфида».²³

Но одна тема в «Призраках» могла быть почерпнута только из повести Де Квинси. В главке XVIII читаем: «Эллис накинула мне на голову конец своего длинного висячего рукава. Меня тотчас охватила какая-то белая мгла с снотворным запахом мака. Всё исчезло разом: всякий свет, всякий звук — и самое почти сознание. Одно ощущение жизни осталось — и это не было неприятно. Внезапно мгла исчезла: Эллис сняла рукав с моей головы <...>. Я увидел Париж».²⁴ И далее, при смене этой картины, «пелена» падает на глаза героя, и он «забывается», затем пелена «рассеялась» с тем, чтобы представить его взору новую картину-видение — Швецингенский сад в Германии (главка XX).

Конечно, Тургенев не был опиоманом, по крайней мере до болезни в конце жизни, когда из-за невыносимых болей ему были прописаны морфий и опиум. Свои ощущения, вызванные «запахом мака», писатель мастерски заимствует из Де Квинси, детально описывающего душевное состояние опиомана: приняв опиум, он шел в Оперу, особенно если пела его любимая певица Джозефина Грассини. «Гармония музыки богатой тканью развивает передо мной события моей жизни, и я слышу в ней не простое эхо минувшего, но чувствую самое минувшее со всей живостью впечатлений настоящей минуты; она вызывает их не усилием памяти и не действием неясной фантазии, но силою непонятого очарования воскрешает случаи давно забытые и, облекая величием, пробуждает страсти давно уснувшие».²⁵ Соотнесение «Призраков» и «Confessions» возможно и в смысловом плане: реализация фантазий с зыбкостью границ между сном и явью, где опиум становится средством актуализации подсознательного. Точкой соприкосновения может быть не только «опиумная» тема, но и связанная с ней тема романтического «мечтательства».

Остановимся на композиции «Призраков». История повести, пишет Н. К. Пиксанов, «длинная, трудная и странная история», создавалась она с 1855 по 1864 годы «трудным творческим процессом, в непрерывных колебаниях авторских замыслов и решений». Судьба этого маленького произведения была тоже необычайной: «... оно ссорило Тургенева с редакторами, не удовлетворило современных критиков, дало материал для злых пародий и самого автора доводило до решения уничтожить свое создание».²⁶

²³ См., напр.: Орлов А. «Призраки» Тургенева (Одоевский — Гоголь — Тургенев) // Родной язык в школе. Научно-педагогические сборники / Под ред. А. М. Лебедева и др. 2-е изд. М., 1927. Кн. 1. С. 46–75.

²⁴ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 210.

²⁵ Де Квинси Т. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. 2-е изд., испр. СПб., 2004. С. 62–63. Далее ссылки на это издание: Де Квинси, с указанием страницы.

²⁶ Пиксанов Н. К. История «Призраков» // Тургенев и его время. М.; Пг., 1923. Сб. 1 / Под ред. Н. Л. Бродского. С. 164.

Замысел повести возник у Тургенева не позднее 1855 года. Форма объединения ряда картин определилась не сразу. Литератор М. В. Авдеев в письме к Тургеневу от 14 (26) сентября 1869 года просит писателя принять участие в задуманном им журнале и дать «ряд небольших статей»: «Вы говорили мне о задуманной Вами картинной галерее <...> впрочем и это было бы хорошо, только я боюсь, что Вы, написав одну или две картины, которые выйдут длиннее, чем вы думаете — поленитесь продолжать».²⁷ Трудно сказать, о каком замысле мог говорить Тургенев в 1869 году. Публикатор писем Авдеева к Тургеневу Е. И. Кийко справедливо соотносит это сообщение со свидетельством А. В. Половцева.

Согласно воспоминаниям Половцева, летом 1876 года Тургенев признавался ему: «„Призраки“ произошли случайно. У меня набрался ряд картин, эскизов, пейзажей. Сперва я хотел сделать картинную галерею, по которой проходит художник, рассматривая отдельные картины, но выходило сухо. Поэтому я выбрал ту форму, в которой и появились „Призраки“».²⁸ Не менее интересное признание Тургенева содержится в письме к Ю. Шмидту от 6 (18) октября 1868 года, в котором он благодарит критика за статью о нем и не без иронии добавляет: «...никто еще так метко и пронизательно не говорил обо мне <...>. Я многое узнал о самом себе, на многое у меня внезапно открылись глаза, так, например, на мое отношение к Эллис, которую я сам считал только случайным фантастическим образом».²⁹

Ю. Шмидт в своей статье «Iwan Turgenjew» писал, вполне в русле сложившейся традиции, что Эллис — «муза писателя», показывающая ему мир с высоты птичьего полета.³⁰ Напомним, что первая журнальная публикация «Призраков» была снабжена «извинительным предисловием», в котором говорилось о роли «ряда картин»: «Всякое настоящее произведение искусства должно говорить само за себя, стоять на своих ногах — а потому не нуждается в предварительных объяснениях и толкованиях. Не имея убеждения, что „Призраки“ принадлежат к подобного рода произведениям, я решаюсь просить читателя, который, быть может, вправе ожидать от меня что-нибудь посерьезнее, не искать в предлагаемой фантазии никакой аллегии или скрытого значения, а просто видеть в ней ряд картин, связанных между собою довольно поверхностно».³¹

Из приведенных свидетельств становится очевидно, что главной задачей для Тургенева было дать «ряд картин», для связи которых в еди-

²⁷ Письма к И. С. Тургеневу. М. В. Авдеев // *ТСб*. Вып. 1. С. 428; см. также С. 429 (коммент. Е. И. Кийко).

²⁸ Половцев А. В. Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Царь-колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь*. М., 1887. С. 77. Первая публ.: *НВр*. 1883. 5 (17) октября. № 2731.

²⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 68.

³⁰ Цит. по: *Летопись (1867–1870)*. С. 198.

³¹ Цит. по: *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 476.

ное целое необходимо было подыскать обрамление. Изначально сюжет строился как рассматривание художником полотен картинной галереи. Велико искушение предположить, что картины — те или иные пейзажи, жанровые или батальные сюжеты — должны были ожить прихотливой волей художника, вовлекая его в драматургию картинного действия.³² Однако, признаваясь, что «выходило сухо», Тургенев отказывается от такой организации сюжета и останавливается на приеме полета с бесплотным, фантастическим существом. Такое осложнение приема было введено, как справедливо полагал Пиксанов, «в интересах занимательности»: Тургенев «замысловато переплетает историю этого сказочного призрака» с теми картинами, «какие ему хочется показать читателю», но история Эллис «легко отделяется, как оболочка, от основного ядра», что создает ощущение надуманности «сюжета-рамки».

Если бы Эллис, и здесь нельзя не согласиться с исследователем, была музой поэта (а такая интерпретация присутствует в большинстве исследований, посвященных «Призракам», создавая перекокс центра тяжести произведения с «картин» — ядра замысла — на второстепенное), то мы бы имели отсутствующую в повести простоту приема, как если бы действительно в «Призраках» «муза являлась водителем поэты, как, скажем, Беатриче для Вергилия у Данте». Таким образом, в Эллис нет символического значения, «это условная фантастика, имеющая служебное назначение».³³

Трудно переоценить это заключение ученого, правомерно переносящего исследовательское внимание с образа Эллис на основное ядро — «ряд картин», заданных Тургеневым в определенной последовательности. Дальнейший анализ, посвященный, в основном, истории текста, приводит исследователя к выводу, что «внешняя фабула надуманна и искусственна, что в подборе картин есть известная случайность, что связь между ними не всегда ясна и логизована, — это чутко угадывалось и самим автором <...> и читателями-критиками». Неясно, к примеру, значение полета над немецким Швецингенским садом, потом над Шварцвальдом. Описание *Isola Bella*, по мнению Пиксанова, хоть и «воспроизводит впечатления Тургенева от поездки на Лаго-Маджоре в 1840 году», однако «трудно вмещается» в «явно пессимистическую тему». Наконец, полеты с Эллис ученый сближает с переживанием самого Тургенева, испытанным во сне и описанным в письме к Полине Виардо от 1 (13) августа 1849 года. «Конечно, — заключает Пикса-

³² Любопытно в связи с этим неожиданное сообщение Пиксанова, со ссылкой на письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 6 (18) января 1857 г., что сюжет с художником в картинной галерее, вероятно, разрабатывался в замысле «Инфузория» — одним из ранних упоминаний писателя о «Призраках». Тургенев, в передаче Пиксанова, пишет: «Инфузория — повесть прескверная. Я было думал преблагополучно сжечь ее». Остается загадкой, что цитирует Пиксанов, так как ни в этом письме (*ЛССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 184–185), ни в других, о замысле с таким названием не упоминается (см.: *Пиксанов Н. К. История «Призраков»*. С. 186).

³³ *Пиксанов Н. К. История «Призраков»*. С. 166–167.

нов, — многие „картины” в „Призраках” аллегоричны, вернее — символичны. Таковы и видение Стеньки Разина, и Цезарь с его легионами, и парижские бульвары, и Понтийские болота, и буря у берегов Уайта». Композиционная «нестройность и асимметричность» повести, не вполне отвечающие содержанию, сказались и в «Довольно»; только в «Стихотворениях в прозе» была «найдена форма, адекватная содержанию». ³⁴ Вывод ученого, при всей ценности его анализа, нуждается в корректировке.

Следует привести еще одно свидетельство, имеющее косвенное отношение к композиции «Призраков». В письме к В. В. Стасову из Парижа от 23 октября (4 ноября) 1874 года Тургенев спрашивал: «...напечатан ли „Гашиш” Кутузова или еще существует только в рукописи. Очень бы хотелось мне его прочесть. Сюжет мне нравится — отличная рама для разнообразных картин». ³⁵ В поэме А. А. Голенищева-Кутузова «Гашиш», ³⁶ сюжет которой был подсказан автору Стасовым, описываются видения, вызванные употреблением гашиша. Большой, бездомный нищий попадает в восточную кофейню, где, «вздыхнув гашиша дым отрядный», забывает горе, болезни, печаль и оказывается в пыльном гареме, где тайно наслаждается любовью с одной из жен эмира.

Картина рая сменяется видением мрачной и холодной темницы с пытками, жадой и голодом. Однако вскоре герой чувствует, что «крылья растут за плечами, / Орлиные крылья! <...> И мчусь я в пространстве, обвитый грозой, / Любуюсь с неба далекой землею». Любитель гашиша видит степной мираж, караван верблюдов и своего отца, но видение вскоре исчезает и над ним, лежащим на песке, начинает кружить орел в ожидании его смерти. Неожиданно это видение сменяется следующим: степь дрогнула, раздалось бряцанье оружия, бедняк берет коня и оружие и спешит с всадниками на «великую брань», но вдруг раздается «рев и плеск» и перед ним предстает ужасающая картина: «...целое море, щетинясь, как зверь, / Объемля всю землю от края до края, / Мильонами волн и дымясь, и сверкая, / Бежало, как войско на приступ, ко мне. <...> И видел я праздник подводных духов. <...> И видел и глубь океана, и рыб»; и уродливые карлы старались его, висящего над бездной, схватить за ноги. «И слышал я стоны народов земных <...> все гибло в кипящих пучинах морских. <...> Но черная туча на небе взвилась, / Как призрак, махая краями одежды; / И скрылися звезды, и месяц погас — / Последняя искра последней надежды». Далее является карающий Аллах и следует ужасающее апокалиптическое видение, за которым наступает блаженная картина рая, сменяющаяся пробуждением в грязной кофейне. Финал поэмы: «Алла могуч — гашиша дым / Для счастья нищих создан им!».

³⁴ Там же. С. 184–185, 192.

³⁵ ПССИП(2). Письма. Т. 13. С. 207, 467 (коммент.). См. также: Стасов В. В. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним // Северный вестник. 1888. № 10. Отд. 1. С. 169.

³⁶ Впервые поэма в стихах «Гашиш (Рассказ туркестанца)» А. А. Голенищева-Кутузова была опубликована: Дело. 1875. № 5. С. 90–104.

Для нашей темы высказывание Тургенева ценно тем, что фиксирует особое внимание писателя к организации сюжета: «картины» — череда сменяющихся разнообразных наркотических введений, — имеющие общую раму (воздействие гашиша), представлялись Тургеневу оптимальным решением. Прочитав поэму, Тургенев высказал мнение, которое можно расценить как автокомментарий и к «Призракам», и к будущей «Песни торжествующей любви». 25 июля (6 августа) 1875 года он благодарит Стасова за присланную поэму Голенищева-Кутузова и дает ей оценку: «Вещица недурная — но только. Неприятно действует (особенно в таком сюжете!) скудость воображения и красок. Перенес ты меня на Восток, да еще опьянелый — так удивляй и кружи меня до самозабвения — а тут ты с усилием выдавливаешь из себя какие-то бледноватые капельки. Описание моря недурно — и то не стоит двух тютчевских стихов:

„Болезненно-яркий (сон) — волшеббно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой...”

И того особенного, сонно-фантастического, нет следа в этой поэмке». ³⁷ Позже, 24 августа (5 сентября) 1875 года, отвечая на письмо Стасова (неизв.), Тургенев вновь возвращается к этой теме, вспоминая разговор с ним, вероятно, о произведении Т. Готье «Клуб любителей гашиша» и о поэме Голенищева-Кутузова: «Теофило Готье я *никакой* важности не придаю как поэту; но ведь и г-н Кутузов не претендует на этот титул; а как виртуоз языка (в этом только смысле я говорил) — французы считают его первым; а ведь в этом вопросе они лучшие судьи». ³⁸

Итак, повесть состоит из 25 картин, описанных в 25 главках, многие из них, именно картины-видения — реминисценции личных впечатлений, переживаний и воспоминаний Тургенева. Так, описание острова Уайт (IX), Понтийских болот (XII), окрестностей Рима (XIII), Лаго-Маджоре (XIV), Швецингенского сада в Германии (XX), Петербурга (XXII) имеют под собой личные впечатления автора, бывавшего в этих местах. После полетов герой всякий раз возвращается в свою усадьбу, воспроизводящую Спасское-Лутовиново (IV, X); восстание Степана Разина (XVI) имеет своим источником семейное предание; изображение Парижа и буржуазной империи Наполеона III (XIX), как установила А. А. Андреева, совпадает с мыслями и ощущениями самого Тургенева из его писем. ³⁹

³⁷ ПССУП(2). Письма. Т. 14. С. 124.

³⁸ Там же. С. 134. См. также предыдущее письмо Тургенева к Стасову от 16 (28) августа, где сравниваются образные и языковые достоинства Т. Готье и Голенищева-Кутузова не в пользу последнего (Там же. С. 132). Напомним, что влияние Де Квинси присутствует в этом произведении Готье, на что указывалось современными исследователями (см. об этом: Дьяконова Н. Я. Томас Де Квинси — повествователь // *Де Квинси*. С. 19).

³⁹ См.: Андреева А. «Призраки» как исповедь Ив. С. Тургенева. С. 16–17.

Едва ли можно считать правомерным утверждение Пиксанова о композиционной «нестройности и асимметричности» вставных эпизодов, равно как и утверждения других исследователей: о «беспорядочности и небрежности» в их расположении, где «все свалено в кучу» (С. А. Венгеров), о «бесвязности и разнохарактерности» картин (М. А. Антонович) и т. п. Мы вправе предположить, что в самой якобы нестройности и небрежности композиции сказалось влияние на Тургенева своеобразного повествования Де Квинси, открывшего, по мнению исследователей, особый вид изящной словесности — «взволнованной», «неистойвой» прозы, насыщенной снами, видениями и фантазиями, в поэтике которой непременно сочетаются архитектурные, музыкальные и «морские» образы, описания величественного и низменного, светлого и темного. При этом темное превалирует: за великолепными, возвышенными и ошеломляющими видениями следуют мучительные ужасы и кошмары, грандиозность пространства и беспредельность времени сменяются болезненной, замкнутой реальностью, что соответствует действительным ощущениям опиомана.

Тургенев, читавший Де Квинси в подлиннике, не мог не почувствовать ритмический рисунок его прозы и не попытаться его передать в своей «фантазии». Приведем, к примеру, картину-видение в XXIII главке, разбив текст на ритмические фрагменты: «Леса, кусты, поля, овраги, реки — / изредка деревни, церкви — / и опять поля, и леса, и кусты, и овраги... / Грустно стало мне и как-то равнодушно скучно»⁴⁰ — размеренный, плавный ритм. Или: «Сама земля, эта плоская поверхность, / которая расстилалась подо мною; / весь земной шар с его населением, мгновенным, / немощным, подавленным нуждою <...>»⁴¹ — элегический ритм. Следующий эпизод: «Это сила шла; та сила, которой нет сопротивления, / которой всё подвластно, которая без зрения, / без образа, без смысла — всё видит, всё знает, / и как хищная птица выбирает / свои жертвы, / как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом...»⁴² — прерывистый, взволнованный ритм с усложненным дыханием.

Количество примеров можно увеличить, но и этих достаточно, чтобы почувствовать ритмический рисунок тургеневской прозы, создающий необходимый писателю эффект. Какую бы связь или бессвязность не усматривали критики и исследователи «Призраков» в компоновке картин-видений, важно не то, будет ли Петербург предшествовать или следовать за Парижем, а то, что имеющаяся организация этих эпизодов ритмически соответствует подъемам и спадам (в прямом и переносном смысле), возвышенному и низменному, ужасу и восхищению.

В повести Де Квинси за историческими и архитектурными грезами (обширные готические залы, города и дворцы, вершины которых теря-

⁴⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 216.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 217.

лись в облаках) следовали «необъятные пространства» воды, как бы «вымощенные бесчисленным множеством лиц», обращенных к небу, одни плакали, «другие были в отчаянии и ярости, поднимались тысячами, мириадами, в виде пирамид, поколениями, веками» душа его «вздыхалась с волнами океана». ⁴³ Действие опиума «продолжало мечту, которая без того исчезла бы как тень»; «ужасная действительность, неизбежность смерти и невозвратной потери минувшего мирилась с мечтами и надеждами на лучшее дней грядущих», это было равновесие, подобное птице, «которая парит с такой быстротой, что кажется повисшей неподвижно в вышине. Вечное движение! Вечный покой!». ⁴⁴

В своих жутких видениях повествователь видит античный Рим, эпоху Карла I, древнюю Азию времен Изиды и Осириса; живого, его зарывают «в глубину вечных пирамид», птицы, змеи и крокодилы терзают его, и наконец, он видит апокалиптическую битву, «в которой должна решиться участь всего человечества». ⁴⁵ Из всего этого Де Квинси делает вывод: «забыть невозможно для человека», сокрытые от совести и взоров «таинственные начертания души» извлекаются из небытия, когда сознание прорывается в «мир иной», чтобы постичь его и утраченное состояние души. ⁴⁶

И, наконец, последнее. Как отметил П. Уоддингтон, не вдаваясь в детали, глава XIII (окрестности Рима) тургеневской «фантазии» была навеяна схожим видением у Де Квинси: «Внезапно раздалось рукоплескания и ужасные слова *Consul romanus* поражали мой слух», являлись центурионы и начальники «легионов римских». ⁴⁷ Сравним у Тургенева: римская армия надвигалась, напряжение росло и вдруг «трепет пробежал кругом, как будто отхлынули и расступились какие-то громадные волны... „Caesar, Caesar venit!“ <...> и голова бледная, строгая», с «опущенными веками», стала «медленно выдвигаться из-за развалины...». ⁴⁸ Комментируя картину у Тургенева видением из Де Квинси, следует иметь в виду и личные впечатления Тургенева, реальный эпизод, произошедший в феврале 1840 года и описанный им в воспоминаниях о Н. В. Станкевиче: «Раз, возвращаясь уже вечером в открытой коляске из Альбано, — поравнялись мы с высокой развалиной, обросшей плющом, мне почему-то вздумалось вдруг закричать громким голосом: „*Divus Caius Julius Caesar*” — в развалине эхо отозвалось будто стоном». ⁴⁹

Итак, к обширному кругу литературных источников, повлиявших на создание «Призраков», следует добавить повесть Томаса Де Квинси «Confessions of an English Opium-Eater, being an Extract from the Life of a Scholar».

⁴³ Де Квинси. С. 95–96.

⁴⁴ Там же. С. 66–67.

⁴⁵ Там же. С. 94, 96–98.

⁴⁶ Там же. С. 92–93.

⁴⁷ Там же. С. 94.

⁴⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 203.

⁴⁹ Там же. Т. 5. С. 363.

Е. Г. Петраш

ПРЕДЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Среди самых крупных философских умов XIX века в России на Западе чаще всего выделяли писателей — Достоевского и Толстого, без конца возвращаясь к их вымышленным повествованиям как к неисчерпаемому интеллектуальному источнику. Ни Толстой, ни Достоевский, как известно, не имели философской подготовки, чего не скажешь о Тургеневе, который изучал философию в Петербургском университете, затем в Берлине и впоследствии в России сдал экзамены на степень магистра философии. Но, изучив многие философские системы, он осознал, что «...мы <Белинский и Тургенев. — Е. П.> нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер...».¹

Тем не менее «философия сыграла огромную централизующую роль в творчестве Тургенева»: ² в литературно-критических статьях, в художественных произведениях он вкладывал философские размышления в уста вымышленных лиц, которые имели что-то от него самого, хотя ему и не были тождественны. Они, эти персонажи, дополняли либо опровергали разные способы понимания мира и разные способы жизни в нем.

Безупречно образованного, тонко чувствующего Тургенева можно отнести к такому типу художника, который «мыслит образами». Его лирический по преимуществу склад ума очень часто сосредотачивается на «вечных загадках» жизни и смерти, исподволь проверяя ими все самое обыденно-повседневное, что случается в существовании отдельной, частной, неповторимой личности.

Этим своим качеством — любовью к философским размышлениям и художественному слову — он напоминает французских мыслителей,

¹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 27.

² *Батюто А. Тургенев — романист.* Л., 1972. С. 39.

у которых расстояние между философией и литературой во все века было куда короче, чем в других культурах. От такой манеры философствования не отказались и в XX веке.

Французские экзистенциалисты, отбросив непреложность общеобязательных, строгих научных выводов, сочли необходимым обратиться к вещам, событиям, поступкам, людским судьбам как таковым, не сводимым к каким-то моделям. Их интересовало чрезвычайно бытийное (экзистенциальное), неповторимое, смертное человеческое существование.³

Будучи студентами философских факультетов, Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. де Бовуар поняли, что «надо писать романы», чтобы «быть философом».⁴ Их современник Морис Мерло-Понти, единственный из экзистенциалистов, не испытавший себя в писательстве, тоже заявлял, что «подлинная философия заново учится смотреть на мир, и в этом смысле рассказ может открыть нам его с большей „глубиной“, чем целый философский трактат».⁵ Постепенно французские экзистенциалисты пришли к выводу, что та самая философия, которая некогда с такой снисходительностью растолковывала сочинителям, что к чему в жизни, как им следовало бы писать, вдруг сама отправляется к ним на выучку. И оказалось, что такое совмещение слова и мысли придало художественной повествовательной ткани особое качество. Их писательская деятельность возникла, по словам Сартра, из «насушной потребности вынести на подмостки ситуации, которые проливают свет на основные грани человеческого удела на земле».⁶

Объяснить тягу экзистенциалистов к писательской деятельности можно желанием философов приблизиться к человеку, стать понятнее современникам, облечь свои новые философские идеи в новую форму.

³ См.: Против современной буржуазной этики. Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Журавков, А. Г. Мысливченко. М., 1965; Современный экзистенциализм. Критические очерки. М., 1966; *Сэв Л.* Современная французская философия. Исторический очерк от 1789 г. до наших дней. М., 1968; *Кузнецов В. Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969; *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. 1970. № 12; 1971. № 1; *Ойзерман Т. И.* Главные философские направления (Теоретический анализ историко-философского процесса). М., 1971; *Ярошевский Т.* Личность и общество (Проблемы личности в современной философии — марксизм, экзистенциализм, структурализм, христианский персонализм). М., 1973; *Баталов Э. Я.* Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М., 1973; *Киссель М. А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л., 1976; *Тавризян Г. М.* Проблема человека во французском экзистенциализме. М., 1977.

Философские идеи Сартра рассматривались и на примере его литературно-драматургических работ. См.: *Бачелис Т.* Интеллектуальные драмы // Современная зарубежная драма. М., 1962; *Евнина Е. М.* Современный французский роман. 1940–1960. М., 1962; *Великовский С.* Путь Сартра-драматурга // Сартр Ж.-П. Пьесы. М., 1967; *Гальцова Е. Д.* Философская проза и драматургия Жана Поля Сартра // Сартр Ж.-П. Тошнота. Рассказы. Пьесы. Слова. М., 2003 (далее ссылки на это издание: *Сартр*, с указанием страницы).

⁴ *Camus A.* Carnets I (Mai 1935 — février 1942). P., 1962. P. 23.

⁵ *Merlo-Ponty M.* La Phénoménologie de la perception. P., 1945. P. XVI.

⁶ *Sartre J.-P.* Forgers of Myths // Playwrights on Playwriting. N. Y., 1961. P. 169.

«Экзистенциализм — это реакция философии человека против философии идей и философии вещей, — писал Э. Мунье, основатель французского персонализма, причислявший свое учение к экзистенциальным философиям. — Не столько существование во всем его богатстве, сколько существование человека есть первая проблема философии».⁷

Так бунт «детей против отцов» (экзистенциалистов против университетских философов) привел к радикальному изменению проблематики французской философии, превратив ее преимущественно в «философию человека». Новое поколение философов сосредоточило внимание на изучении специфического рода бытия, каким именуется «человеческая реальность»: существование человека в предметном мире, который сопротивляется воле человека, и среди других людей, которые отличаются от данного индивида и противостоят ему.⁸

«Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения <...>»

*Из письма Тургенева к П. Вюардо
от 7 (19) декабря 1847 г.*⁹

Изучением специфического рода бытия, каким является «человеческая реальность», занимался, как нам представляется, в своих произведениях и Тургенев. В особенности в его позднем творчестве появляются размышления о человеческой жизни как о существовании случайном и даже абсурдном, такие мысли, естественно, порождали и чувство «пессимизма». Экзистенциалистскому восприятию действительности также присуще чувство «трагизма жизни», так как экзистенциалисты переживали мучительность существования, воспринимая его случайным и абсурдным.¹⁰

Исследованием корней «пессимизма» Тургенева занимались и занимаются многие тургеноведы, примеряя всевозможные философские системы к идеям писателя. Будучи вне контекста споров со специалистами на эту тему, возьмем на себя смелость согласиться с И. И. Векслером, который предположил, что «глубочайший философский пессимизм», ярко проявившийся, в частности, в образе Базарова, — «это пессимизм самого Тургенева».¹¹ Самостоятельность философской мысли Тургенева подтверждается и другими тургеноведами. Например, по мнению А. И. Батюто, «Тургенев никогда не был последовательным приверженцем той или иной философской системы».¹² А. Са-

⁷ Mounier E. Introduction aux existentialismes. P., 1946. P. 8.

⁸ Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P., 1943.

⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 377. Подлинник по-франц.

¹⁰ Это выражение ввел в моду испанский философ Мигель де Унамуно.

¹¹ Векслер И. И. И. С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. Л., 1934. С. 31.

¹² Батюто А. Тургенев — романист. С. 49.

лим пишет, что «у него <Тургенева. — Е. П.> была гибкая, широкая и по-своему исчерпывающая система философских воззрений».¹³ Следовательно, Тургенев мог осознавать значение экзистенциальных идей и размышлять о них в своем творчестве, тем самым оказываясь в ряду тех, кто был предшественником философов-экзистенциалистов.

Сопоставление некоторых философских идей Тургенева с философскими идеями экзистенциалистов позволяет предположить, что источником пессимизма как русского писателя, так и французских философов является религиозный скептицизм. Отношение к религии Тургенева достаточно внимательно изучено отечественными тургеноведами,¹⁴ да и сам писатель вполне откровенно высказывался на эту тему. Но стоит напомнить, что только создание таких романов, как «Накануне», «Отцы и дети», дало его автору полное раскрепощение, освободило его от иллюзий христианского мирозерцания. Ведь не случайно Тургенев не привел Базарова к примирению с богом. Вспомним ту сцену в романе «Отцы и дети», когда, понимая, что он умирает, отнюдь не деликатный Базаров, не желая обидеть отца, просившего его исполнить долг христианина перед смертью, деликатно оставляет ему надежду на то, что он выполнит его просьбу. Однако в романе нет и намека на смирение главного героя, и в бессознательном состоянии «помертвелое лицо» Базарова выражало если не протест, то «содрогание ужаса»: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице».¹⁵

Эта сцена из романа наводит на мысль о неверии самого писателя, но безапелляционность суждения в случае с Тургеневым опасна. Известно, что писатель глубоко уважал и понимал людей верующих, много размышлял о вере, но был достаточно пессимистично настроен относительно своей личной веры. Письмо к Е. Е. Ламберт, написанное им в том же 1861 году, что и роман «Отцы и дети», является одним из красноречивых примеров такого рода размышлений: «Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды».¹⁶

Такая двойственность Тургенева в вопросах веры напоминает сартровское отношение к религии. Главная особенность атеизма Сартра заключается в том, что и он, по сути, оставляет открытым вопрос о существовании или несуществовании бога: «Экзистенциализм — это не такой атеизм, который тратит все свои силы на то, чтобы доказать, что

¹³ Салим А. Тургенев — художник, мыслитель. М., 1983. С. 16.

¹⁴ См. работы М. К. Азадовского, А. И. Батюто, Г. А. Бялого, И. А. Винниковой, М. О. Гершензона, В. М. Марковича, А. Б. Муратова и других.

¹⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 185.

¹⁶ Там же. Письма. Т. 4. С. 382. Письмо от 15 (27) ноября 1861 г.

бога не существует. Наоборот, он заявляет, что если бы бог и существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование бога, — просто не в этом суть». ¹⁷ Разъясняя, в чем суть экзистенциалистского атеизма, Сартр пишет, что бог, даже если существует, не может быть творцом бытия и оказывать какое-либо воздействие на бытие. Этот свой тезис он стремится, по его словам, «продублировать» в художественном произведении.

В частности, пьеса «Мухи» (1943) как раз построена на конфликте между богом-творцом и обособившимся от него творением. Орест, главный персонаж пьесы «Мухи», говорит богу, угрожающему ему всевозможными карами: «Пусть разверзнется земля! Пусть выносят мне приговор утесы и цветы вянут на моем пути: всей вселенной мало, чтобы осудить меня. Ты — царь богов, Юпитер, ты царь камней и звезд, царь морских волн. Но ты, Юпитер, не царь над людьми». ¹⁸

Отвергая понятие бога-творца, Сартр отвергает и мысль о том, что бытие может быть создано каким-то другим бытием (на этот раз не божественным), потому что тогда пришлось бы ставить вопрос о происхождении этого второго создающего бытия, а второе бытие, следовательно, может быть создано третьим, и так — до бесконечности. Сомнение в существовании бога-творца тянет за собой мысль и о «случайности бытия». Сартр попробовал ее выразить в «Легенде об Истине» — поэме, опубликованной в 1931 году в журнале «Бифюр». Но вскоре мысль о «случайности бытия» преобразуется в концепцию об абсурдности существования.

Художественно-философским воплощением «случайности бытия» стал роман Сартра «Тошнота» (1938). Именно ощущение случайности привело героя романа к открытию «существования», одного из тезисов философии экзистенциализма. ¹⁹

Главный герой романа — Антуан Рокантен — внезапно начинает ощущать болезненные состояния, которые сопровождаются тошнотой. Анализируя свои ощущения, Рокантен приходит к выводу, что речь идет не о каком-то телесном недуге, а о некоем кризисе его сознания. Постепенно он замечает, что все окружающие его вещи, от дверной ручки и до случайно поднятой гальки на берегу моря, находятся вне его и чужды ему. Вскоре Рокантен поймет, что такое «существование». Это произойдет однажды, когда он сидел в парке на скамье. Под ней «в землю уходил корень каштана. Но я уже не помнил, что это корень. Слова исчезли, а с ними и смысл вещей, их назначение <...> Я сидел, ссутулившись, опустив голову, наедине с этой темной, узловатой массой в ее первозданном виде, которая пугала меня». ²⁰ И тогда Антуан осознает, что именно корень каштана, его плоть, это и есть существование. С это-

¹⁷ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. М., 1953. С. 29.

¹⁸ Сартр. С. 454.

¹⁹ Sartre J.-P. L'Imagination. P. 1936. P. 1; Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P. 32–34.

²⁰ Сартр. С. 160–161.

го момента все предметы стали ему мешать, вещи стали «мозолить» глаза. Их существование привело его к мысли о том, что он «лишний» для этого мира: «Я смутно думал о том, что надо бы покончить счеты с жизнью, чтобы истребить хотя бы одно из этих никчемных существований. Но смерть моя тоже была бы лишней. <...> я был лишним во веки веков».²¹

Это чуждое бытие окружающего мира становится причиной неприятных ощущений для героя вплоть до того, что он отказывается от любой деятельности, в частности, от намерения написать давно задуманную книгу о маркизе Роллебоне, французском авантюристе XVIII века, ради работы над которой он приехал в этот маленький городок Бювиль. Но чем больше Рокантен изучает материалы о Роллебоне, тем меньше он понимает его поступки. Роллебон оказывается чуждым ему, как и весь вещный мир. Причину отчужденности Рокантен видит в случайности своего бытия. В дневнике он записывает: «...существование не является необходимостью. Существовать — это значит Быть Здесь, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно Наткнуться, но в них нет Закономерности. Полагаю, некоторые люди это поняли. Но они попытались преодолеть эту случайность, избреть существо необходимое и самодовлеющее. Но ни одно необходимое существо не может помочь объяснить существование: случайность — это не нечто кажущееся, не видимость, которую можно рассеять; это нечто абсолютное, а стало быть, некая совершенная беспричинность. Беспричинно все — этот парк, этот город и я сам. Когда это до тебя доходит, тебя начинает мутить, и все плывет <...> вот что такое Тошнота <...>».²² Так, постепенно Рокантен находит «ключ» к своей собственной жизни, к своей тошноте.

Герою Сартра мучительно такое существование. Он предпочел бы стать вещью, но он понимает, что это невозможно: ему мешает процесс мышления, который существует в человеке независимо от его воли. Анализируя, Рокантен начинает понимать значение мышления человека: именно мысль порождает и возобновляет существование, и именно она отчуждает его от самого себя. В дневниковых записках Рокантена нетрудно увидеть набросок экзистенциального мировосприятия: случайность и абсурдность действительности, существование как переживание этой случайности, а отсюда и мучительности существования.

О «случайности бытия» размышляет и Тургенев. Быть может, стилистические особенности его прозы воспринимаются несколько иначе, чем повествовательная ткань «Тошноты», но мысли, которые он высказывает в своем творчестве, явно перекликаются с сартровскими. Вот он пишет П. Виардо в 1848 году: «Жизнь — эта красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности!!! — это единственное мгнове-

²¹ Там же. С. 163.

²² Там же. С. 165–166.

ние <...>»,²³ или Е. Е. Ламберт в 1862 году: «Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету <...>». ²⁴ В «Поездке в Полесье» (1857) рассуждения тургеневского героя о «случайности» человека, его «ничтожности» в сравнении с могущественной и безучастной природой звучат и вовсе по-экзистенциалистски: «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; <...> он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни <...>». ²⁵

Эти немногочисленные примеры обнаруживают сходство мысли и даже лексики в рассуждениях Тургенева и Сартра: «существо единого дня» Тургенева — это тот, кто у Сартра «появился из неоткуда и уйдет в никуда». Герою Тургенева трудно переносить «холодный» взгляд Изиды; галка, корень каштана, сады — все, относящееся к природе, вызывает чувство страха и тошноты у Рокантена; одиночество и свою случайность в этом мире ощущают герои обоих писателей.

Задумывается о случайности существования и нигилист Базаров. Правда, еще совсем недавно он не допускал вопросов о смысле собственной жизни, считая это пустым философствованием. Но после посещения Одинцовой, он, пожалуй, впервые задается вопросом, кто он и откуда. И вот он уже рассуждает как философ: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...». ²⁶ Базаров, как Рокантен, мучительно переживает случайность и абсурдность своего появления в мире, свою ненужность этому миру. А вскоре ему, как и Рокантену, придется признать, что «экзистенция не необходимость» тогда, когда и Базаров ощутит себя «существом единого дня». Порез пальца стал причиной его скоропостижной смерти. ²⁷ Так человек сильный, большого ума и воли сокрушен в один момент.

Эта смерть поражает, она не соответствует такому персонажу, как Базаров: ведь он всегда полагал, что имел особые права на существование. Но надо отдать должное мужеству героя, который в последнем разговоре с Одинцовой честно признается, что смерть — единствен-

²³ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 390. Подлинник по-франц.

²⁴ Там же. Т. 5. С. 128.

²⁵ Там же. Соч. Т. 5. С. 130.

²⁶ Там же. Т. 7. С. 119.

²⁷ Проблема случайности и абсурдности человеческого бытия тесно связана и с темой смерти, к которой Тургенев беспрестанно возвращается в своем творчестве; квинт-эссенцией раздумий по поводу приближающейся смерти являются его «Стихотворения в прозе»: «Старуха», «Старик», «Конец света (Сон)», «Собака», «Что я буду думать?..» и другие.

ный противник, перед которым ему приходится пасовать: «Эх, Анна Сергеевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попал под колесо. <...> Старая шутка смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу...». ²⁸ И далее: «Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а еще топорщится. И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта — как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет... Всё равно: вилять хвостом не стану». ²⁹ Именно скоропостижность смерти убеждает Базарова в абсурдности жизни. Ему становится очевидно, что даже такому «гиганту», как он, невозможно ответить на конечные вопросы человеческого бытия, даже его нигилизм отступил, не справившись с такой задачей: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!». ³⁰

Тургенев не способен решить проблему смерти. Она была для писателя «глухонемой», «слепорожденной силой», абсолютно равнодушной к человеку. В повести «Довольно», которую Тургенев написал вскоре после появления в печати «Отцов и детей», можно прочитать следующие строки: «Истина — не полная истина — о той и помину быть не может, но даже та малость, которая нам доступна, замыкает тотчас нам уста, связывает нам руки, сводит нас „на нет“. Тогда одно остается человеку, чтобы устоять на ногах и не разрушиться в прах, не погрязнуть в тине самозабвения... самопрезрения: спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! — и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества <...>». ³¹ Последним желанием Базарова было «умереть прилично». Он также сказал: «И довольно! <...> — как и герой упомянутой выше повести. — Теперь... темнота...». ³²

Рокантен Сартра вторит Базарову Тургенева. Только он знает наверняка, что не существует ни прошлого, ни настоящего, «не существует ни Юности, ни Зрелости, ни Старости, ни Смерти...», «все на свете является только тем, чем оно кажется, а За Ним... ничего», да и сам он давно «живой мертвец». ³³ Сартр-философ, создатель Рокантена, проявляя меньше эмоций, чем его герой, но больше чувства реальности, признает «фактичность», т. е. случайность появления человека в мире и подчеркивает, что эта случайность абсолютна. Рождение не менее случайно для человека, чем смерть, утверждает он и при этом заявляет: «Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что мы умрем». ³⁴

²⁸ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 182.

²⁹ Там же С. 183.

³⁰ Там же. С. 178.

³¹ Там же. С. 226.

³² Там же. С. 183.

³³ Сартр. С. 153, 126, 194.

³⁴ Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P. 125.

Остро ощущающий свою потерянную в мире, Рокантен испытывает и духовный кризис. Это состояние можно было бы объяснить бесцельным, бесплодным бытием героя Сартра, жизнь которого не приносит радости ни ему, ни другим, ни в ком не вызывает сочувствия. Как рантье он выключен из практического действия, и поэтому ему чужды все социальные сословия, у него нет никаких привязанностей. Его болезненное внимание к мельчайшим движениям своего сознания возникает также не на социальной почве. «Тошнота» породила не только новые взаимоотношения с деревьями, парками, морским берегом, она поставила его в новые отношения с людьми, выработала новый взгляд на них.

Его поведенческая линия по отношению к Другим (термин философии экзистенциализма) опирается скорее на метафизические принципы. Он осознал, что из всех людей лишь он один раскрыл смысл существования. Он знает, что жизнь ему дана «ради Ничего», что нет «в моей жизни больше никакого смысла». Все это знает он — Один. Все остальные, живущие не только в Бювиле, но и на всей земле, не догадываются об этом.³⁵ В глубине души он презирает людей, так как они легкомысленны, лицемерны, самодовольны, легковесны: они не задумываются над смыслом жизни. Все это порождает в Рокантене отчуждение: он глубоко чувствует свое безысходное одиночество и в то же время свою особость, он начинает отвергать гуманистические абстракции и, наконец, понимает, что он — «антигуманист».

Базаров, как и Рокантен, — социальный «бобыль» (термин В. М. Марковича), для него также трудно найти родственную социальную среду, вероятно, она где-то существует, но она не показана в романе Тургенева. О Петербурге, коллегах по учебе ничего не известно: Базаров нередко говорит от первого лица множественного числа, но кто эти «мы»? В этом «мы» трудно признать Аркадия Кирсанова, а уж тем более Ситникова или Кукушину. Базаров никогда не думает об этих людях, в общении с ними нуждается мало. Если к Аркадию он относится снисходительно, то к другим, скорее всего, пренебрежительно. Тем не менее оба персонажа достаточно активны. Они много трудятся. Рокантен «оправдывает свое существование» тем, что работает над созданием романа. Эта идея — написать роман — представляется ему реальным занятием. Цель тургеневского героя более амбициозна: его задачей является переделка мира. Он вынашивает в себе некий глобальный проект, ни с кем не обсуждая его детали. В спорах со старшим Кирсановым он явно на что-то намекает, не раскрывая при этом своих задач. Но реальным его занятием является препарирование лягушек, и это противоречие вызывает иронию Павла Петровича.

Базаров, как и Рокантен, отчужден от общества и совершенно одинок: его не понимают и даже побаиваются родители, семейство Кирсановых, в чем-то даже Аркадий. Базаров, как и Рокантен, знает се-

³⁵ Сартр. С. 195–197.

бе цену. Оба они иногда с презрением, чаще свысока смотрят на окружающих их людей (в разговорах с Кирсановыми Базаров ведет себя дерзко, отвечает на вопросы нехотя, с иронией; отношение к родителям более терпеливое, но натужное, их любовь и забота тяготят его), понимая свое превосходство. Базаров честно признается Аркадию, что ему нет никакого дела до счастья других, что он не знает человека, перед которым бы он мог спасовать. «Самолюбие и гордость» Базарова, считает В. Я. Линков, носят «метафизический» характер: «Негативное отношение к окружающему социальному миру, в котором нет ничего, что бы заслуживало не только благоговения и восхищения, но даже простого одобрения, и питает гордость „нигилиста”». Все отрицать, ни перед чем не преклоняться — это и означает чувствовать свое превосходство и тем самым приобщаться к всеобщему».³⁶

Базаров (к этой категории людей отнесем и Рокантена) как новоявленный человек ощущает необходимость творить *ex nihilo*³⁷ если не сам мир, то, во всяком случае, какие-то основы соприкосновения с ним, поминутно воссоздавая «из ничего» новые взаимоотношения с миром. Помимо вещей в этом мире существуют и Другие, добавим, люди. Каковы же взаимоотношения наших героев с Другими?

Напомним, что Рокантену чужды все люди, да он и не стремится к сближению с ними. Другой для него, как и для его создателя Сартра, враждебен его Я. Базаров, как Рокантен, ощутив абсурдность бытия, осознает свое место в универсуме, который противостоит ему. Отсюда и его нигилистическая позиция по отношению к Другим, что дает возможность выглядеть Базарову вполне экзистенциальным персонажем.

Чтобы прояснить философский тезис экзистенциализма «Я и Другие», обратимся к пьесе Сартра «За закрытыми дверями» (1945), действие которой происходит в аду, куда один за другим попадают мужчина по имени Гарсен и две женщины. Гарсен в первый момент удивлен: ад представляет собой помещение, напоминающее ему меблированную комнату дешевой гостиницы. В ней нет атрибутов ада: жаровни, колья и т. д. Но трое персонажей, будучи заперты в одной комнате, вскоре станут испытывать мучительное состояние. Оказывается, в этом повинен взгляд Другого, который создает чувство зависимости. Именно во взгляде Другого происходит объективизация Я, что дает этому Я возможность судить о себе самом и самого себя. Именно это порождает конфликтную ситуацию в пьесе, что позволяет Гарсену в итоге признаться: «Нет нужды в жаровне, ад — это другие».³⁸

В интервью журналу «Экспресс» (11–17 октября 1965 г.) Сартр пояснял свою формулу «Ад — это Другие», которую, как он считал, все-

³⁶ Линков В. Я. Тургенев — писатель социального реализма // Тургеневские чтения. М., 2006. Вып. 2. С. 21.

³⁷ Напомним, что для экзистенциалистов первым теоретическим постулатом является идея разрушения «вселенной объектов» и обретение «вновь», в противовес ей, истинных «вещей» в их неискаженном виде.

³⁸ Сартр. С. 536.

гда недопонимали: «Я хотел сказать, что если отношения с другим запутаны и порочны, то другой может быть только адом... Другие же, по сути дела, являются тем, что есть самого важного в нас самих, для нашего собственного познания нас самих».³⁹

Из этих пояснений становится понятным, почему жизнь в доме Кирсановых привела Базарова к дуэли с Павлом Петровичем, почему жизнь в родном доме была для него тягостной и скучной, а пребывание в доме Одинцовой вскоре породило тревогу и раздражение в его душе. Непроходимая грань между Базаровым и Другими очевидна и из его разговора с Аркадием. В XXI главе Базаров рассуждает о ничтожестве личности перед вечностью и беспредельностью вселенной: «Позволь тебе заметить, — вставляет Аркадий, — то, что ты говоришь, применяется вообще ко всем людям...». «Ты прав, — подхватывает Базаров. — Я хотел сказать, что они вот, мои родители то есть, заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве <...> а я... я чувствую только скуку да злость».⁴⁰ Это рассуждение напоминает рокантеновские суждения о толстокожих людях, которые не догадываются о бренности существования (хотелось бы только отметить, что француз Рокантен выглядит намного деликатнее своего русского коллеги по отчуждению). Философские размышления Базарова приводят его к такому же холодному отчаянию, какое испытывал Рокантен. Видимо, это и поддерживает в них чувство непревзойденного превосходства.

Известно, что любовь — испытанное средство спасения героев от метафизического «невроза». И Тургенев, и Сартр предлагают своим героям проверить его на себе. В цитируемой выше XXI главе Базаров, как и подобает экзистенциальному герою, подвергает сомнению любые чувства, любовь он воспринимает как чувство неподлинное, лживое и сразу же принимается за его разоблачение. В частности, рассуждая о любви, он принимает сам любовный акт, но не условности, которыми обрамляют это чувство. Только любовный акт, по его мнению, имеет полное право на существование, ибо это потребность физиологическая, не обусловленная никаким «культурным» концептом.

Рокантен, как и Базаров, к физиологии относится также с большим уважением (как и ко всем физиологическим позывам, например, тошноте), но в отличие от русского нигилиста он не прочь любить и быть любимым. Но испытал ли Рокантен истинную любовь, сказать сложно. Во всяком случае, он был чрезвычайно привязан к своей возлюбленной Анни. Молодые люди расстались, видимо, по ее желанию. И только спустя много лет Рокантен, уже испытавший «тошноту», задумывает встречу с Анни, надеясь на то, что любовь поможет ему вновь обрести смысл жизни. Но его бывшая возлюбленная воспринимает мир точно так же, как и Рокантен. Она его уверяет, что испытала «тошноту» еще до разлуки с ним, и поэтому она уже давно живет, окруженная только

³⁹ Contat M., Rybulka M. Les écrits de Sartre. P., 1970. P. 101.

⁴⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 119.

умершими страстями, понимая, что это ее удел. Анни дает понять Рокантену, что в нем она больше не нуждается.

Базаров как истинный нигилист, изначально отвергая чувство любви между мужчиной и женщиной, считал, что его могла увлечь только физическая красота женщины. Он рассуждает о красоте, исходя из естественнонаучных представлений о ней. Однако встреча с Одинцовой изменила его отношение и к красоте, и к любви. Он влюбился с первого взгляда, его чувство обострилось при посещении Одинцовой, но он был сдержан, понимал неоднозначность ситуации, в которую попал. Что же Одинцова? Базаров — новый человек в ее окружении, и ей хочется добиться его внимания и, может быть, даже большего — преклонения перед ней. Именно ее настойчивое желание добиться от Базарова большего проявления чувств к ней приводит к конфликту между ними. Он возникает тогда, когда они остаются наедине и ведут беседу на щекотливую для обоих любовную тему. Выяснение отношений приводит к эмоциональному взрыву: Базаров, испытывая страсть, стал задыхаться, его страсть была «тяжелой и злобной», он стал дерзок и — даже «привлек ее к себе на грудь». Одинцова умела лучше владеть собой, она покинула Базарова только после разговора и потом «всё ходила взад и вперед по своей комнате, <...> останавливаясь то перед окном, то перед зеркалом»; вспоминала его «зверское лицо». Потом «она увидела себя в зеркале; ее назад закинута голова с таинственной улыбкой на полузакрытых, полураскрытых глазах и губах <...>». Смотря в зеркало, Анна Сергеевна испытала «различные смутные чувства»: «...она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие».⁴¹

Обратим внимание на роль взглядов, которыми обмениваются герои, о них упоминает автор и в вечернем разговоре, и в разговоре на следующее утро,⁴² и как смотрит на себя Одинцова в зеркало (важная деталь: зеркало — это тот же взгляд).

Если бы Одинцова мыслила как философ-экзистенциалист, то она рассуждала бы, вероятно, следующим образом: «будучи свободным бытием, я не могу спокойно и безропотно относиться к отчуждению моей свободы Другим». Безусловно, в этой ситуации Другой — это Базаров. Именно он мог посягнуть на ее свободу, что было невыносимо для нее.

Эти сцены в романе «Отцы и дети» очень напоминают теоретические выкладки Сартра в «Бытие и ничто», в главе «Конкретные отношения с Другим». В соответствии с феноменологическим методом Сартр ищет в человеческом сознании такую его «позицию», которая непосредственно свидетельствовала бы о существовании Другого. В этой связи он обращает внимание на такие эмоциональные «пози-

⁴¹ Там же. С. 98–99.

⁴² Там же. С. 96–100.

ции», как стыд, гордость, страх. Этим эмоциям человек не испытывает перед неодушевленными вещами. Они возможны только при существовании других людей. Стыд, поясняет Сартр, возникает тогда, когда Другой знает меня, а это знание выражается во взгляде Другого (вспомним о переживаниях Одинцовой и о стыде, который она испытывала, разглядывая себя после разговора с Базаровым). Раскрытию значения этого взгляда посвящены десятки страниц в его трактате. Взгляд Другого, пишет Сартр, может быть устремлен не только на меня, но и на мир, но мой взгляд также создает мир, мой мир. Когда появляется взгляд Другого, то он разрушает мой мир, дезинтегрирует его, придает ему новое единство. Своим взглядом Другой «крадет» у меня мой мир. Другой при этом посягает не только на находящиеся передо мной вещи, но и на меня самого. Согласно Сартру, возникает острый конфликт между моим взглядом и взглядом Другого. Что-то похожее произошло между Базаровым и Одинцовой.

В этой же главе Сартр разъясняет, что одновременное бытие в качестве субъекта и объекта является божественным бытием. Поскольку у человека есть желание испытать такое бытие, это означает, что человек всегда стремится стать богом. И, конечно же, это желание проявляется прежде всего в любви. Базаров оказался не в состоянии «добиться толку» в любви, но и «отвернуться» не смог. Нигилистические суждения Базарова потерпели крах: он влюбляется в Одинцову той самой любовью, которую совсем недавно отвергал. Значит, божественное бытие ему не удастся испытать, зато Одинцова приближается к сартровскому пониманию «божественной» любви: «По-моему, или всё, или ничего. Жизнь за жизнь. Взял мою, отдай свою, и тогда уже без сожаления и без возврата. А то лучше и не надо».⁴³ Такое понимание любви требует, с одной стороны, признания собственной личности, но, с другой — способности отречения от нее. Другое дело, что Одинцова не способна к такой любви. «Собственно, ей ничего не хотелось <...>», — констатирует автор.⁴⁴

Согласно Сартру, во взаимоотношениях между Базаровым и Одинцовой конфликт возник потому, что Базаров волею или неволею требовал от Анны Сергеевны не только любви: у него должно было возникнуть желание ассимилировать и ее свободу. Базаров испытал мучительную зависимость (несвободу) от чувств, реакций, поступков Другого. Он поминутно ощущал, как любой взгляд, улыбка, слово Анны Сергеевны совершали переворот в его душе. Отсюда и выросла та «злоба», которая бросилась в глаза Одинцовой. Эта злоба рождается из-за бессилия, уязвимости, связанности тургеневского героя. Собственно говоря, именно с этого момента Базаров теряет душевный покой, уверенность в своих делах и идеалах и, конечно, свободу. С другой стороны, если следовать рассуждениям французского философа, Одинцо-

⁴³ Там же. С. 93.

⁴⁴ Там же. С. 84.

ва тоже хотела бы, чтобы ее любили, но не по принуждению, ее сознание должно было остаться незатронутым в своей свободе. А читатель знает, что характер Анны Сергеевны был «свободный и довольно решительный».⁴⁵

В книге «Бытие и Ничто» Сартр постоянно говорит о понятии свобода, поясняя, что свобода может быть только в конкретной «ситуации», а, в свою очередь, понятие «ситуации» может быть реализовано только через свободу. Разрабатывая новую эстетику для театра, философ обосновывает и необходимость «исследовать ситуации, наиболее общезначимые для человеческого опыта, т. е. с которыми большинство людей хоть раз да встречается в своей жизни».⁴⁶ Сартровский термин «человек в ситуации» четко формулируется в книге «Бытие и Ничто»: находясь во власти повседневных забот, человек должен постоянно превосходить ту или иную ситуацию, отрицая имеющуюся и создавая новую. И при этом не забывать об окружении чуждых ему вещей.

С момента создания книги «Бытие и ничто» вся философия Сартра концентрируется вокруг проблемы понимания человеческого бытия как сознательной, свободной и преобразующей деятельности. Эта философская установка Сартра, как нам кажется, могла бы быть близка Тургеневу, так как «события» (ситуации) в его романах — «главный элемент, что делает жизнь героев осмысленной».⁴⁷ Этих ситуаций в романе «Отцы и дети» достаточно много, они прекрасно известны. Одна из них — это любовь Базарова к Одинцовой.

До встречи с Одинцовой Базаров был абсолютно свободным человеком: в науке, философии, по отношению к авторитетам, принятым нормам поведения, национальным традициям. Его ум противился любым заданным предпосылкам и окончательным решениям. Это неотъемлемое свойство его мышления. Поэтому он не склонен, отвергая старые теории, доверяться новым. Он хочет сохранить свободу и живой контакт с реальностью. Базаров уверен, что только свободный человек может полновластно распоряжаться своими помыслами, чувствами и стремлениями. Не удивительно, что Базаров не признает никакой законодательной силы, стоящей над ним и имеющей право определять его жизненную цель. Это такой тип героя, который формирует новый тип культуры, при этом оставаясь свободным по отношению к ней.

Что же произошло с его свободой, когда он влюбляется в Одинцову? Создается впечатление, что он ее потерял. Так можно считать, если позабыть об огромном, несовместимом с обычными мерками самолюбия героя Тургенева (Павел Петрович обвиняет Базарова «в гордости почти сатанинской»), Аркадий отмечает «всю бездонную пропасть база-

⁴⁵ Там же. С. 73.

⁴⁶ Сартр. С. 15.

⁴⁷ Лихов В. Я. Тургенев — писатель социального реализма. С. 16.

ровского самолюбия»). Высокое мнение о себе дает ему возможность чувствовать такое превосходство, которое означает право требовать и ненавидеть. Требования его почти что беспредельны, и этот непримиримый максимализм восстанавливает его же против собственных чувств, желаний, поступков. Если для Павла Петровича любовная драма может стать источником самоуважения, то для Базарова такая же драма — полное унижение, позорная слабость. От столкновения с реальностью категоричность требований в конечном итоге возрастает, и Базаров, преодолевая одну из «ситуаций» (в данном случае любовную), предложенную автором романа, оказывается, пользуясь терминологией Сартра, «осужденным на свободу».

Уточняя понятие свободы, Сартр пишет в «Бытии и Ничто»: «формула „быть свободным” не означает достигать того, что хотя́т», но означает «определяться к хотению (в широком смысле „выбирать”) самому».⁴⁸ По мнению Сартра, лишь вульгарное понимание свободы отождествляет ее со способностью достигать намеченные цели. Если рассматривать понятие «свободы» в аспекте отношений между целью и результатом действия, то можно выделить три различных значения: во-первых, свобода означает способность выбора своих целей; во-вторых, она означает способность действовать ради достижения этих целей; в-третьих — способность человека достигать поставленные цели. Только совокупность этих аспектов, считает Сартр, позволяет говорить о человеческой свободе как реальности.

Отвлекаясь от теоретических выкладок и возвращаясь к конкретным текстам — «Тошноте» Сартра и «Отцам и детям» Тургенева, — можно предположить, что преодоление «любовной ситуации» оказалось трагичным как для Рокантена, так и для Базарова. После встречи с Анни Рокантен возвращается в Бювиль с чувством бесконечного одиночества: «Мое прошлое умерло. <...> Анни вернулась только для того, чтобы отнять у меня всякую надежду. Я один на этой белой, окаймленной садами улице. Один — и свободен. Но эта свобода слегка напоминает смерть».⁴⁹ У Базарова, после возвращения в дом родителей, остается только одна перспектива, несмотря на то, что способность действовать он не утратил, — одиночество, полная свобода в поисках совершенства и, в конце концов, реальная, а не метафизическая, как у Рокантена, смерть от нелепой случайности.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что свобода любого героя художественного произведения в известной степени иллюзорна, однако в рамках общей художественной иллюзии возможен разговор об иллюзии подлинной и мнимой свободы. В нашумевшей некогда критической статье «Г-н Франсуа Мориак и свобода» (1939) Сартр писал: «Вы хотите, чтобы ваши персонажи жили? Так сделайте их свободными. Важно не определять и, тем более, не объяснять (в романе даже самый

⁴⁸ Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P. 563.

⁴⁹ Сартр. С. 194.

лучший психологический анализ пахнет смертью!), а всего лишь показывать непредвиденные страсти и действия». ⁵⁰

В случае с Рокантемом надо признать, что его «тошнота» обусловлена целостностью философского тезиса Сартра. Его герой уникален среди рантье по своему ощущению экзистенции, однако «тошнота» нашла Рокантена, так как он есть плод философской рефлексии. Герой Тургенева, несмотря на свой нигилизм, выглядит отнюдь не философской абстракцией, но полнокровным персонажем, склонным к рефлексии. В этом значительность Тургенева-художника: самые глубокие размышления о человеке и бытии ему всегда удавалось облечь в высокохудожественную образную форму.

---

⁵⁰ Sartre J.-P. Situations. P., 1964. T. 1: Essais critiques. P. 37.

Г. М. Ребель

ЖАНРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТУРГЕНЕВСКОГО РОМАНА

Существует устойчивое мнение, что Тургенев вообще не писал романов, а то, что мы привычно квалифицируем таким образом, на самом деле — повести (Б. М. Эйхенбаум) или жанровый гибрид повесть-роман (А. Г. Цейтлин). Хотя в свое время эта проблема была достаточно подробно рассмотрена А. И. Батюто, который справедливо указывал на «весьма принципиальные жанровые различия между тургеневским романом и его повестью»,¹ по сей день не прекращаются разногласия по поводу определения жанрового статуса тургеневских произведений и существует даже убеждение, что в творчестве Тургенева и Достоевского явлены «два антагонистических жанра — психологическая повесть, поэтика которой определялась хронотопом усадьбы, и роман, поэтическая организация которого была преломлением хронотопа трущобы».²

«Неразбериха», похоже, была задана самим писателем, который (в частности, в многочисленных письмах к коллегам-литераторам) называл свои крупные произведения то повестями, то романами. Иногда же он прямо утверждал, например в письме к Паулю Гейзе от 21 марта (2 апреля) 1874 года: «...с Вами происходит то же, что и со мной: мы оба пишем не романы, а только удлиненные повести».³

Не исключено, что тургеневская готовность признать «неполноценность», *эскизность* собственных романов, проявившаяся в письмах к И. А. Гончарову, в немалой степени повлияла на некоторые литературно-критические оценки его творчества. Так, В. Г. Одинокоев пишет о «жанровой форме романа-эскиза» у Тургенева и с одобрением отмечает наметившуюся в позднем творчестве тенденцию преобразования, полагая, что «эпичность тургеневской концепции жизни в „Нови” была

¹ Батюто А. И. Тургенев — романист. Л., 1972. С. 242.

² Щукин В. Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 5: XIX век. С. 574.

³ ПССыП(2). Письма. Т. 13. С. 265. Подлинник по-франц.

одним из важнейших завоеваний писателя, опровергавшим его пресловутый европеизм в области художественной формы романа».⁴ Между тем «пресловутый европеизм» способствовал созданию таких шедевров, как «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», а ставшая якобы важнейшим завоеванием писателя эпичность дала добротный, конечно, но отнюдь не самый совершенный и впечатляющий художественный результат. Однако этот очевидный факт исследователем игнорируется, а к роману Тургенева прилагаются внешние, «чужие» (заимствованные из творчества Л. Толстого), но воспринятые как общеобязательные, непреложные романские критерии. Л. В. Пумпянский, с которым, по-видимому, В. Г. Одинокоев и полемизирует, не называя его, напротив, видел достоинство Тургенева именно в том, за что Одинокоев его порицает: «Роман есть не вид эпоса <...>. В романе нет <...> автономных единиц, не организованных притяжением одной общей цели; эта цель подчиняет себе роман от первой до последней страницы. Величайшим мастером такого романа в русской литературе (а вместе с Флобером и в европейской литературе) XIX века является И. С. Тургенев».⁵ Вместе с тем цельность, о которой говорит Л. В. Пумпянский, в еще большей степени, чем роману, присуща повести, рассказу и не может быть единственным критерием для определения романа.

Жанровую идентификацию романов Тургенева существенно облегчает то, что, как совершенно справедливо отметил А. В. Чичерин, в самом творчестве писателя «очень отчетливы противопоставления очерка, рассказа, повести и романа»,⁶ то есть внутри единой художественной системы явственно обозначены границы, осуществлена жанровая дифференциация, более того — даже можно проследить, как из одной жанровой формы прорастает другая, а именно — в «Рудине» буквально на глазах у читателя происходит «строение» (Чичерин) романа, строение как процесс, разворачивающийся по ходу повествования. И дело тут, конечно, не в наращивании физического объема текста и не только в предмете изображения. А. И. Батюто полагает, что «ни в одной повести Тургенева нет таких ярких и крупных типов — выразителей общественного самосознания, — какими являются центральные герои его романов»,⁷ однако для подтверждения этого отнюдь не бесспорного тезиса ему приходится в двух последних случаях («Дым» и «Новь») выдвинуть на первый план героев второго и третьего ряда —

⁴ Одинокоев В. Г. Художественная системность русского классического романа. Проблемы и суждения. М., 1976. С. 44, 31.

⁵ Пумпянский Л. В. «Отцы и дети». Историко-литературный очерк // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чулаков; Сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М., 2000. С. 425–426.

⁶ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. М., 1980. С. 49.

⁷ Батюто А. И. Тургенев — романист. С. 251.

Потугина и Соломина. Дело и в предмете, и в изменении способа и объема изображения.

Для повести характерно единство точки зрения — как правило, субъективно окрашенной (большинство повестей Тургенева написано от первого лица), в романе же мы видим мир не только сквозь объективную авторскую призму, но и глазами разных героев, в разных ракурсах, что и создает дополнительный объем, широту и достоверность образа. Наглядно, даже нарочито, так что читатель не может не заметить прием (поскольку он не только не скрыт, но лежит на поверхности), это сделано в первом тургеневском романе — «Рудине», где слову заглавного героя противостоит едва ли не более весомое слово о нем его оппонента (Лежнева). Между ними активно посредничает — до поры до времени в пользу последнего — повествователь, а к этому трио активно подключаются другие разнонаправленные оценки-голоса, так что субъектная структура «Рудина» являет собой наглядную иллюстрацию к идеям М. М. Бахтина о разноречивости, многоголосости как жанрообразующем принципе романа.⁸

Рудин предстает перед нами на пересечении устремленных на него взглядов, в отражении множества «зеркал», и с самого начала, с момента появления, фиксируется неоднозначность его личности и характера. Появляется он *вместо другого*, в облике его сочетаются зрелость и подростковость, речи его блещут красноречием, и в то же время им недостает живых красок и юмора. В доме Ласунской он занимает двусмысленное положение советчика, советам которого не следуют. Двоится и отношение к нему новых знакомых: полному приятию, восхищению и даже поклонению одних противостоит категорическая неприязнь тех, кого он успел задеть и раздражить своим присутствием.

На протяжении условной первой части (главы I–XI) Рудин выступает своеобразным «наглядным пособием» к разоблачительным характеристикам, которые ему щедро выдаются Лежневым, и к дискредитирующим замечаниям повествователя, рассыпанным по всему тексту. Правда, первую порцию лежневских разоблачений (в частности, рассказа о забытой Рудиным и умершей в бедности и одиночестве матери) справедливо и тонко подвергает сомнению простодушная, но очень неглупая Александра Павловна Липина: «Знаете ли, что можно жизнь самого лучшего человека изобразить в таких красках — и ничего не прибавляя, заметьте, — что всякий ужаснется! Ведь это тоже своего рода клевета!»⁹ Но на мгновение усомнившийся в справедливости своих обвинений («...кто знает! — может быть, он с тех пор успел измениться — может быть, я несправедлив к нему»)¹⁰ Лежнев после дополнительного пристального взглядывания в старого приятеля не только бо-

⁸ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 76.

⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 246.

¹⁰ Там же.

лее пространно изображает его «политической натурой»,¹¹ холодным позером, любителем и мастером «каждое движение жизни, и своей и чужой, прищипливать словом, как бабочку булавкой»,¹² но и очень точно предсказывает дальнейшее развитие событий: «Дело в том, что слова Рудина так и остаются словами и никогда не станут поступком — а между тем эти самые слова могут смутить, погубить молодое сердце».¹³ Именно так все и произойдет в отношениях Рудина с Натальей Ласунской.

В. М. Маркович пишет о том, что комментарии Лежнева «диалогичны не только по форме <...>, но и по существу», ибо «предполагают возможность иной оценки, предвосхищают ее и напряженно ей противостоят»,¹⁴ однако в рамках первой части точка зрения Лежнева доминирует, не получая никакого отпора, кроме абстрактно-гуманных предположений Александры Михайловны, более того, она подтверждается и повествователем, и поведением самого главного героя, и той «проповедью», которую он выслушивает при расставании с юной Натальей. Рудин действует точно по заданной схеме и целиком выполняет «обязательную программу»: доводя ситуацию до полной ясности — добившись от девушки признания в любви и выражения готовности следовать за ним («прищиплив словом» молодое чувство), он отступает, отступается и не только предлагает Наталье покориться воле матери, но и самому себе не может сказать определенно, хотел ли он другой развязки, любил ли он Наталью всерьез или, как безнадежный и сугубый теоретик-рефлектор, всего лишь с ее помощью уяснял «самому себе трагическое значение любви».¹⁵ Он даже в самый час свидания не знает, чего хочет, чем оно должно закончиться, — так же как не знает этого изумленный решительностью Аси, сбежавшей с забуксовавшего на его нелепых отговорах свидания, господин Н. Н.

И дело тут не в том, что «психологический комментарий автора почти всегда оказывается неполным <...>, так что неповторимая истина конкретного переживания остается за рамками объяснения».¹⁶ Дело в том, что это тот случай, когда *единственной, неповторимой истины просто не существует*. На сей раз повествователь как раз выступает активным комментатором и разными способами, с разных сторон тщательно «препарирует» героя. Он уличает Рудина в неспособности дать самому себе отчет в происходящем: «Рудин, умный, проницательный Рудин, не в состоянии был сказать наверняка, любит ли он Наталью, страдает ли он, будет ли страдать, расставшись с нею»; задается вопросом о причинах столь непоследовательного поведения: «Зачем же, не

¹¹ Там же. С. 257.

¹² Там же. С. 260.

¹³ Там же. С. 252.

¹⁴ Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982. С. 114.

¹⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 250.

¹⁶ Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. С. 116.

прикидываясь даже Ловласом, — эту справедливость отдать ему следует, — сбил он с толку бедную девушку? Отчего ожидал ее с тайным трепетом?»; ставит герою диагноз: «На это один ответ: никто так легко не увлекается, как бесстрастные люди»,¹⁷ и диагноз этот, в сущности, повторяет приговор, вынесенный Лежневым: «...он холоден, как лед»;¹⁸ с помощью Натальиной горничной ловит его на позерстве — увидев «картинно стоявшего на плотине Рудина», она говорит: «...только напрасно они этак на юру стоят — сошли бы в лощину»,¹⁹ — и в то же время сообщает читателю, что герой, так эффектно смотревшийся извне, «втайне смущался духом»; обнажает беспомощное, но честное простодушие его реакции на категорическое неприятие Ласунской каких бы то ни было отношений между ним и дочерью; показывает его растерянность перед напором предъявляемых Натальей обвинений, его огорчение и стыд — и все это, между прочим, свидетельствует не о холодности героя, а скорее о недостатке горячности и об отсутствии безоглядной любви: «Она права; она стоит не такой любви, какую я к ней чувствовал... Чувствовал?... — спросил он самого себя. — Разве я уже больше не чувствую любви?». ²⁰

Есть в русской литературе едва ли не буквальное интонационно-психологическое повторение этого рудинского признания — «Диалог Гамлета с совестью» Марины Цветаевой:

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, — но сна и там нет!
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

— Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч...

— Меньше

Все ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.

— Но я ее —
любил??

Этот аукнувшийся через десятилетия в рамках гамлетовского типологического дискурса вопрос чрезвычайно знаменателен. Психологический анализ не может здесь «рассеять недоумение читателя» не только потому, что «останавливается на пороге главных тайн индиви-

¹⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 278.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Там же. С. 278.

²⁰ Там же. С. 283.

дуальности героя»,²¹ как это, например, было в случае Лизы Калитиной, но и потому, что эта индивидуальность не поддается аналитическому *прищипливанию*, к которому так любил прибегать сам Рудин. «Неоконченное существо»,²² каким представлен герой тургеневского романа, не измеряется фиксирующими некую одномоментную определенность приемами психологического аналитизма, вернее, самый этот аналитизм здесь возможен только в такой — *вопрошающей* (изнутри героя к самому себе и извне к нему) — форме.

С точки зрения Л. Я. Гинзбург, герой Тургенева непонятен вне реального исторического контекста, которым порожден. Вслед за Л. В. Пумпянским она полагает, что «Тургенев в своих романах действительно хотел создать „беспримесную“, устойчивую модель исторического характера», и рассматривает Рудина исключительно в свете первоначальной лежневской характеристики, с одной стороны сужая до нее образ, а с другой — настаивая на его неконвенциональности, непрозрачности вне указанных рамок. «Что, например, получится, если из обличающей лежневской характеристики Рудина извлечь набор „общечеловеческих“ свойств? <...> Умный, пустой, холодный, деспот, фразер, позер, бесцеремонный в денежных делах и т. д. Но все это не адекватно Рудину. Не похоже. В контексте романа этот подбор свойств не складывается в образ — без ориентации на Бакунина, на кружки и умственную жизнь 30-х годов, на людей 40-х годов. Изображенные Лежневым свойства Рудина — это особые свойства, по самой своей фактуре исторические. Его слабохарактерность и нерешительность — это *рефлексия*, исследованная Белинским; его фразерство — не вообще фразерство, но те *ходули* и *фраза*, с которыми враждовал Станкевич; его деспотизм порожден формами кружкового общения». И далее следует знаменательный вывод: «Свойства Рудина не существуют вне его исторической функции русского кружкового идеолога 30-х годов».²³

Но если это так, если свойства Рудина не существуют вне его конкретно-исторической функции и вне реальной жизненной обстановки, его породившей, то роман Тургенева «Рудин» мертв как художественное произведение и ничего не может сказать читателям, пребывающим в неведении относительно соответствующего исторического контекста и его персоналий. Между тем П. В. Анненков, одним из первых указавший на то, что в «Рудине» «является <...> почти историческое лицо» (обратим внимание на это «почти»), формулирует свойства этого лица таким образом, что оно, при всей своей характерности для определенной эпохи, обретает расширительный, общенациональный, общечеловеческий смысл: наделенное «смело-отрицательным, пропагандирующим характером», оно «является как несостоятельная личность в делах общежития, в столкновениях рефлектирующей своей природы с реаль-

²¹ Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. С. 119.

²² ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 294.

²³ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1971. С. 309, 310–311.

ным домашним событием».²⁴ Тут мы и черты Чацкого при желании распознаем, и Бельтова угадаем, не говоря уже о собственно тургеневских прототипах образа Рудина, а в общем типичного русского Гамлета — *тургеневского* Гамлета — увидим «абстрактную русскую натуру, устранившуюся и пассивную перед явлениями, им же и вызванными на свет».²⁵

Преувеличивая социально-историческую конкретику образа Рудина и сводя его исключительно к этой конкретике (то же сделано будет с Базаровым, о чем речь впереди), Л. Я. Гинзбург совершенно очевидно игнорирует романический многомерный способ подачи героя, которого мы видим отнюдь не только глазами «кружковца» Лежнева. Более того, она почему-то вообще сбрасывает со счетов то, о чем тот же Лежнев говорит в двух последних эпизодах романа, когда он, по сути дела, опровергает, вернее, переосмысливает собственные оценки.

Как уже говорилось выше, образ Рудина двойится с самого начала, но до определенного момента это двойение между внешними (публичными) предьявлениями и не соответствующей им внутренней сущностью. Такая подача героя достигает своей кульминации в развязке любовной истории, в классической ситуации на rendez-vous. Гамлетовский вопрос у Тургенева становится вопросом о состоятельности на любовном свидании, а сам Гамлет-Рудин предстает рефлектёром, слова которого «так и остаются словами»²⁶ — *слова, слова, слова...* Таков смысловой итог условной первой части романа, которая, завершись повествование на этом месте, действительно осталась бы повестью с романическим потенциалом, заданным сюжетно не реализованной многомерностью подачи героя, и с драматургической интенцией, обусловленной диалогической интенсивностью и сценической «постановочностью» многих эпизодов. В этом смысле прав был В. С. Баевский, писавший о том, что «„Рудин“, стоящий на рубеже „старой“ и „новой“ манеры, является своего рода энциклопедией жанров Тургенева».²⁷

Однако далее в романе происходит незаметный внешне, но очень существенный повествовательный сдвиг. Во-первых, герой перехватывает инициативу и на все разоблачения (которые тоже имеют свою кульминацию — «проповедь» глубоко разочарованной в своем избраннике девушки) отвечает горькими признаниями в прощальном письме к Наталье, где, с одной стороны, подтверждается чужой приговор, с другой — этот приговор смягчается и разворачивается в сторону углубления, ибо под несовпадением фразы и сути обнаруживается внутреннее, сущностное, осознанное и тяжело переживаемое самим героем противоречие. Во-вторых, автор словно спохватывается и дает задний ход. В сущности, художественная задача выполнена, герой

²⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 392.

²⁵ Там же.

²⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 252.

²⁷ Баевский В. С. «Рудин» И. С. Тургенева: К вопросу о жанре // ВЛ. 1958. № 2. С. 138.

в полной мере оправдал сюжетные ожидания и *повесть* на этом должна была бы закончиться, как закончилась «поражением» на rendez-vous история господина Н. Н. («Ася»). Но Тургенев на сей раз пишет не повесть, а *удлиненную повесть*, то есть роман. И хотя и не очень ловко структурно — швы вывернуты наружу, пропорции не соблюдены, — он ломает заданную было логику предъявления героя и, прибегнув к помощи безотказного сюжетного двигателя — дискретно данного течения времени (перескочив через два года, а потом, в эпилоге, еще через несколько лет), выбирается из рамок любовной истории, расширяет и углубляет картину, вписывает героя в хронотоп дороги, нескончаемого скитальческого пути, и вновь сводит его с Лежневым, который из главного обвинителя Рудина превращается в его пылкого защитника.

Сначала (в XII-й главе) Лежнев дезавуирует свои обвинения заочно, ссылаясь на ревность как на их мотив (что ни в коей мере не просматривалось, не подготовлено было в «основном» сюжете) и объясняя слабости Рудина внешними относительно героя, объективными обстоятельствами. А в эпилоге, уже при личной встрече с Рудиным, он смотрит на потускневшего внешне, но не изменившегося по существу приятеля молодых лет совершенно другими, нежели ранее, глазами и дает противоположную интерпретацию его личности и судьбы, в которой слабость оборачивается силой «странного человека», жертвовавшего во имя верности идеалу своими личными выгодами и никогда не пускавшего корней «в недобрую почву, как она жирна ни была».²⁸ При этом кардинально меняется и повествовательская стратегия: повествование обретает сочувственно-симпатизирующий герою характер. «Слова, всё слова! дел не было!» — напоминает сам Рудин свою гамлетовскую тему. «Да; но доброе слово — тоже дело»,²⁹ — понимает и признает теперь Лежнев, и финальный аккорд — гибель Рудина на баррикадах — своеобразная авторская дань герою, оказавшемуся способным подтвердить делом, сдержать собственное слово о себе: «Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду...».³⁰ В итоге возникает еще одна, новая двойственность: это уже не расхождение между поведением и внутренней сущностью героя, не только глубинная его личностная противоречивость, но и несовпадение субъективной устремленности к идеалу и объективной невозможности ее реализовать, неготовности почвы, на которую падают семена, что и делает героя одновременно Гамлетом и Дон-Кихотом, соотносит его судьбу с судьбой Вечного Жида.

Еще раз подчеркнем: короткий сюжетный «довесок» к основному повествованию, в котором нет Рудина, но есть разговоры о нем по прошествии двух лет после главных событий (XII глава), вкуче с эпилогом, действие которого происходит несколько лет спустя и где Рудин опять

²⁸ ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 320.

²⁹ Там же. С. 319.

³⁰ Там же. С. 293.

появляется, не закругляют-договаривают заданные темы, а, вопреки привычной сюжетной логике, переворачивают их трактовку, оспаривают не только частную лежневскую точку зрения, но и ту авторскую концепцию, в свете которой подавался герой в основном повествовании. Убедительно показав эффектно философствующего героя-идеалиста и образно-сюжетно продемонстрировав его жизненное фиаско, автор словно сам спотыкается об эту линейную, однонаправленную доказательность, в которой господствует заданность, тенденция, а значит — полуправда, если не ложь, и в ущерб художественной стройности, но во имя художественной правды там, где следовало поставить точку, вдруг заводит речь с другого конца. Если первые одиннадцать глав — это аргументы против героя, то двенадцатая глава и эпилог — это аргументы в его пользу, контраргументы, не перекрывающие все обвинения (в частности, печальную историю забвения героем собственной матери), но уничтожающие однозначность и безапелляционность ранее вынесенного приговора.

Конструктивная двойственность (несовершенство, недорешенность) романной структуры, при всей ее видимой, кажущейся простоте и строгости, оказывается своеобразным эстетическим аналогом «неоконченного существа»,³¹ которому роман посвящен, и с этой точки зрения эстетически оправдана. Именно в «Рудине» впервые была предъявлена собственно *тургеневская романная формула*, которую Л. В. Пумпянский очень точно определил как «роман лица».³² И при всей важности решения вопроса «об историческом значении героя»³³ вопрос о его *личностной* значимости и ценности в конечном счете важнее, ибо именно это делает роман бессмертным, именно это выводит его на общечеловеческий простор. *Личность героя во всей ее сложности, противоречивости и полноте, в разных ее проявлениях, с разных точек зрения поданная, не только на rendez-vous (это удел повести), но в разных ситуациях и положениях испытанная, — вот что является главным предметом изображения в тургеневском романе.* А поскольку эта личность укоренена во времени и в определенном смысле действительно является исторической, то ее драма всегда сопряжена с идеологической проблематикой.

По поводу «Вешних вод» Тургенев писал: «Моя повесть <...> едва ли понравится: это пространственно рассказанная история о любви, в которой нет никакого ни социального, ни политического, ни современного намека».³⁴ Однако даже если эти намеки в повести есть, они остаются не более чем намеками. В повести не может быть сюжетно выраженного идеологического напряжения. *Идеологическая полеми-*

³¹ Там же. С. 294.

³² Пумпянский Л. В. Романы Тургенева и роман «Накануне». Историко-литературный очерк // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 383.

³³ Бялый Г. А. Русский реализм: От Тургенева к Чехову. Л., 1990. С. 91. Ранее об этом писали Л. В. Пумпянский, Л. Я. Гинзбург.

³⁴ ИССУИ(2). Письма. Т. 11. С. 185.

ка — жанровый атрибут романа, так как она предполагает развернутый диалог, спроецированный на соответствующий социальный фон, что разрушительно для центростремительной компактности, необходимо присущей повести. «Длитель споры», как выражался Чацкий, невозможно в рамках малой формы, нужен нерегламентированный сюжетный простор, который предоставляет только роман. В «Рудине» этот простор создается, как уже показано, отчасти даже за счет художественной целостности, когда автору приходится к основному сюжету сделать контрастирующие с ним пристройки, чтобы придать полемическую полноту и устойчивость заданной теме.

Еще несколько отличительных романических черт. В повести в центре внимания эпизод из жизни героя (например, «история о любви»), в романе — сам герой. В повести все центрировано вокруг главного эпизода, главного сюжетного задания: Гагин интересуется рассказчика, а вместе с ним и автора исключительно постольку, поскольку он участвует в истории любви Аси и Н. Н. и отражает-объясняет характер и поведение Н. Н., у Гагина нет собственного художественного пространства, собственной линии. Роману свойственна «композиционная разветвленность». ³⁵ Уже в «Рудине» мы наблюдаем, как свое сюжетное пространство словно по ходу дела завоевывают выполнявший поначалу исключительно резонерские функции Лежнев и, в меньшей мере, соперник Рудина Волынцев; в последующих тургеневских романах сюжетное разветвление станет явственнее и число персонажей, существующих не только для главного героя, но и для самих себя, существенно возрастет.

Если сюжетное движение «Рудина» можно сравнить со строго заданным течением канала, русло которого ближе к устью резко перенаправлено в перпендикулярную ранее проложенной линии сторону, то сюжет «Дворянского гнезда» течет вольно и прихотливо, как речка, которая сама по себе, без стороннего усилия и воздействия движется меж естественных берегов. Разумеется, это тоже движение по плану, оно тщательно продумано и выверено в каждом своем повороте-изгибе, но при этом так организовано и воссоздано, что читатель не чувствует направляющей авторской воли — показалось же И. А. Гончарову, что организующего начала здесь вообще нет, не менее интересен с этой точки зрения и отзыв М. Е. Салтыкова: «Я давно не был так потрясен, но чем именно — не могу дать себе отчета». ³⁶

Даже «реальный критик» Н. А. Добролюбов, целенаправленно использовавший литературное произведение для извлечения из него социально полезных выводов, по поводу «Дворянского гнезда», вопреки обыкновению, по собственному признанию, не смог дать отчета, вернее не решился это сделать, а всего лишь «указал и прошел мимо», оговорившись, правда, что «Лаврецкий принадлежит к тому роду типов,

³⁵ Чичерин А. В. Ритм образа. С. 50.

³⁶ Щедрин. Т. 18. Кн. 1. С. 124.

на которые мы смотрим с усмешкой», но усмехнуться в данном случае не смог, а признался, что «над таким положением поневоле задумаешься горько и тяжело», и не стал ввязываться в полемику по поводу связанного с образом главного героя «огромного отдела понятий, направляющих нашей жизнью», а просто разделил «единодушное, восторженное участие всей читающей русской публики». ³⁷ То же произойдет и с Достоевским, который, при всей своей нелюбви к Тургеневу, будет вновь и вновь оглядываться на этот роман как на недосыгаемый образец художественного совершенства. *Здесь все гармония, все диво*, здесь господствует та самая *соразмерность*, которую Тургенев отмечал как достоинство поэзии Гюгчева, ³⁸ здесь тоже всё, даже картины неприглядных нравов и быта, дышит поэзией.

При этом по своему общественно-политическому наполнению «Дворянское гнездо» едва ли не более острая вещь, чем «Рудин». Если «люди рудинского закала», как полагал Добролюбов, к моменту написания следующего тургеневского романа потеряли «значительную долю своего прежнего кредита» и в новой ситуации «Рудиним просто делать нечего», ³⁹ то Лаврецкий, при всей своей личной принадлежности к уходящему в прошлое социально-эстетическому миру дворянских гнезд, во-первых, олицетворяет стоящую перед выбором Россию, которая, с одной стороны, по инерции (или, иначе, по исторической традиции) тяготеет к стабильности-тишине-сну-«байбачеству», а с другой — поневоле вовлекается в перемены, которые оказываются для нее очень болезненны. Во-вторых, и это закономерно связано с первым, вернувшийся после странствий на родину герой тяготеет к «умеренному» славянофильству, и автор сталкивает его со страстным идеалистом рудинского типа Михалевичем и холодным западником-государственником Паншиным, относительно которых Лаврецкому необходимо более внятно идеологически и лично самоопределиваться, а эта коллизия не утратила своей актуальности и по прошествии полутора веков.

Авторские симпатии безусловно отданы признающему народную правду и готовому к «смирению перед нею», жаждающему «пахать землю <...>, и стараться как можно лучше ее пахать» ⁴⁰ герою, ибо его выбор не умозритель, а оплачен личным опытом страданий и скитаний. Примечательно, что именно в «тургеневском цикле» статей Аполлона Григорьева, в его размышлениях о Лаврецком, как отмечает Б. Ф. Егоров, «появляется зародыш будущего „почвенничества“, идеологии, которую Григорьев станет подробно развивать вместе с Достоевским два года спустя <...>». ⁴¹ Но сам спор о путях развития России между представителями разных идеологических течений не разрешен в романе,

³⁷ Добролюбов Н. А. Избранные статьи. М., 1978. С. 179–180.

³⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 524.

³⁹ Добролюбов Н. А. Избранные статьи. С. 177.

⁴⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 102.

⁴¹ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. М., 2000. С. 169 (ЖЗЛ).

так как в самой жизни он, в сущности, еще только набирал остроту, и Тургенев вновь и вновь будет возвращаться к этой проблеме в «Накануне», «Отцах и детях», «Дыме», «Нови».

Тем самым роман не только попадает в тон и в дух современности, но и устремлен в будущее и при этом через пространную, разноликую историю рода Лаврецких глубоко укоренен в прошлом, которое никуда не ушло, которое живо и определяет настоящее, ибо Лаврецкий не только подпитывается и укрепляется воспоминаниями — отнюдь не идиллическими, между прочим, воспоминаниями, — но и незаметно для самого себя поддерживает складывавшуюся веками структуру отношений: в то время как он *сидит* с трубкой табаку и чашкой холодного чаю у окна, белоголовый старик Антон, «которому уже стукнуло лет за восемьдесят», *стоит* у двери и, «заложив назад руки», ведет «свои неторопливые рассказы о стародавних временах». ⁴² И личная драма Лаврецкого и Лизы незримо, но прочными нитями связана с устоями мира, в котором они возвращены и к которому принадлежат.

Тема любви получает в этом романе совершенно удивительное по своей поэтической силе и выразительности решение. С одной стороны, трогательный романтический дуэт Лаврецкого и Лизы сопровождается нарастающей параллельно ему и в неразрывной связи с ним темой старого музыканта Лемма, который, при виде рождающегося на его глазах чувства, стряхивает с себя бремя застарелого горя, болезней, неудач и, вдохновленный чужим, но не чуждым ему счастьем, создает гениальную музыку — гимн торжествующей любви, но за этим минутным торжеством следует крушение всех надежд — и как отражение и следствие его — угасание, творческая смерть так и не реализовавшего свой гений композитора. С другой стороны, в пронзительную мелодию любви, еще в момент ее зарождения перебиваемую дилетантскими музыкальными упражнениями Паншина, чудовищным по своей «невинной» пошлости диссонансом вторгается лукавая и веселая «шансонетка» Варвары Павловны, и сложный, драматический и пронзительно лиричный дуэт чистых и высоких душ вытесняется простеньким, фальшивым и бойким дуэтом дилетантов-имитаторов, а мелодия Лаврецкого и Лизы растекается двумя отдельными трагическими темами.

Личное и общественное в этом романе тесно, глубинно связаны, переплетены: Варвара Павловна увозит Лаврецкого с родины и собою олицетворяет чуждое ему, легковесное начало. Но соблазнился этим началом, повлекся к нему и за ним он сам — по неопытности, простоудию, наивности, так или иначе, совладать с ним, перебороть и усвоить, присвоить его, сделать своим он не сумел. Лиза для Лаврецкого — воплощение национального мира и национального духа, но и она ускользает от него, и ее суровый, тяжкий, в том числе и для нее самой, выбор ему чужд и непонятен, но вот тут-то ему и приходится продемонстрировать на деле свою готовность смириться перед народной

⁴² ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 65.

правдой, одну из ипостасей которой предъявляет Лиза. Однако это смирение, как и исполнение взятых на себя обязательств — «он сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; он, насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян»,⁴³ — не только не сделали его счастливым, но и не дали удовлетворения, ощущения правильно прожитой жизни, которое будет, например, у Николая Петровича Кирсанова.

В романе «Дворянское гнездо» перед читателем проходит настоящий парад разнообразных лиц, которые действительно прежде всего и главным образом являют собой социально-исторические типы и типичностью своей во многом исчерпываются, но главный герой *опять*, как в «Рудине», *перерастает* свою социальную роль и оказывается не столько средним человеком, как обычно оценивают и характеризуют Лаврецкого,⁴⁴ сколько человеком *посредине*, на пересечении разных взглядов, оценок, обращенных к нему запросов, человеком, пребывающим в состоянии необходимости выбора и оставляющим за собой право не только на этот выбор, но и на выход в экзистенциальную, не детерминированную никакими внешними обстоятельствами сферу. Если Рудин обретает эту срединность, нерешенность, обеспечивающую и утверждающую его *личностную безотносительную ценность и свободу* благодаря сюжетному слову и сюжетным пристройкам, изменяющим логику раскрытия характера, то Лаврецкий с самого начала романа *лично больше любых аттестаций и собственных внешних поступков-проявлений*.

Характерна в этом плане сцена в начале романа. Марья Дмитриевна Калитина, по простодушной примитивности собственной природы, пытается Лаврецкому навязать приличествующую ему, с ее точки зрения, роль страдальца. Эти попытки категорически пресекаются довольно резким по тону ответным вопросом, здорова ли она сама, и охлаждающим предположением, что ей не по себе. Обиженная Марья Дмитриевна свое недовольство отказом собеседника подтвердить ее ожидания выражает про себя «нецеремонно», но весьма показательно: «...видно, тебе, мой батюшка, всё как с гуся вода; иной бы с горя исчах, а тебя еще разнесло». И повествователь подтверждает: «Лаврецкий действительно не походил на жертву рока»,⁴⁵ — о чем свидетельствует портрет героя, который представляет его красавцем, богатырем и только легкими, скользящими деталями намекает на душевное состояние, которое далее будет приоткрываться деликатно и постепенно. Категорическое неприятие героем каких бы то ни было сторонних квалификационных заключений на свой счет всецело поддерживается автором, соответственно выстраивающим художественную стратегию, которая утверждает

⁴³ Там же. С. 157.

⁴⁴ См., например: *Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века.* С. 148–149.

⁴⁵ *ЛССуП(2). Соч.* Т. 6. С. 26.

ет личностную ценность и свободу героя и ограждает его от любой попытки объективации, *прищипливания*, исчерпания. В случае Рудина это было достигнуто за счет столкновения разных, в том числе взаимоопровергающих оценок. В «Дворянском гнезде» психологическая составляющая образов главных героев в немалой степени погружена в подтекст: Лаврецкому и еще более Лизе оставлена непроницаемая для вторжений извне область интимных переживаний. С одной стороны, это делает их образы более поэтичными, с другой, несмотря на поэтический ореол, которым они окружены, усиливает их жизнеподobie: мы знаем о Лаврецком и Лизе много, но не более того, что даже при самом тесном общении нам дано знать о *других*.

Многоплановость и многозначность подачи героя, личность которого является главным предметом изображения, широта и многоуровневость охвата действительности (семейный, социальный, общественно-политический, идеологический, экзистенциальный ее срезы), многогеройность и многолинейность при доминировании главного героя и главной линии, идейная насыщенность, острота постановки проблем и свободное по времени романного действия их обсуждение — вот свойства тургеневского романа, принципиально отличающие его от повести.

А. В. Успенская

ТУРГЕНЕВ И АНТИЧНОСТЬ

В последнее десятилетие можно отметить явно возросший интерес к связям русской классической литературы с античностью. Творчество И. С. Тургенева не является исключением, о чем свидетельствуют фундаментальное исследование Н. Жекулина,¹ последние работы Г. Кнабе, М. Альбрехта и других исследователей.² Тем не менее представляется, что пока нет целостной картины античных рецепций у Тургенева, даже отмеченные исследователями факты в ряде случаев еще нуждаются в дополнительной интерпретации.

Немаловажное значение имеет вопрос об оценке уровня знаний Тургенева в области древних языков — и, соответственно, греческой и латинской литературы. В статье Н. Жекулина высказано предположение, что эти знания были «недостаточны», так как Тургенев брал в университетские годы дополнительные домашние уроки.³ Однако стоит учесть, что уже при поступлении в университет абитуриент должен был продемонстрировать достаточно высокий уровень подготовки: на экзамене, как правило, приходилось переводить Гомера.

¹ Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!»: Turgenev and the Ancient Classical World // Russian Text (19th century) and Antiquity / Русский текст (19 век) и античность / Ed. K. Kroó, P. Torop. Budapest; Tartu, 2008. P. 169–206.

² Knaбе Г. Тургенев, античное наследие и истина либерализма // ВЛ. 2005. № 1. С. 84–110; Albrecht M. von. Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst // Literatur als Brücke. Studien zur Rezeptionsgeschichte und Komparatistik. Hildesheim, 2003. S. 163–191; Кузнецов В. А. Горацианский текст Тургенева (К проблеме риторических моделей в реалистической словесной культуре) // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 165–181; Аюпов С. М. Архаический подтекст романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев в контексте мировой культуры. Орел, 2003. С. 46–50; Кроо К. Пигмалион Овидия в межтекстовом прочтении повести И. С. Тургенева «Вешние воды» (О поэтической функции визуального изображения) // Studia Russica. 2004. Т. 21. С. 107–122; Жиликова Э. М. Тургенев и Гораций // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии. Томск, 1997. С. 153–167.

³ Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!». P. 174.

Университетские занятия по греческому языку (лекции, перевод и комментирование авторов) проводились на латыни. Следует признать, что дополнительное изучение не только Гомера, Софокла и Аристофана, но и латинских авторов, Горация и Тацита, имело целью не подняться до некоего общего уровня, а серьезно углубить знания: Тургенев готовился к профессиональной деятельности филолога. Из воспоминаний «воспитанницы» матери Тургенева — Варвары Житовой мы видим, что домашние уроки греческого (Тургенев с преподавателем читали «Лягушек» Аристофана) проходили на большом эмоциональном подъеме, Тургенев после занятий выбегал, хватал ребенка на руки, бегал с ней по дому, шуточно учил «лягушачьему греческому» — распевать хор из «Лягушек».⁴ Заметим, что увлечение Аристофаном Тургенев сохранил на всю жизнь. Братья Гонкуры упоминали об обеде с участием Тургенева, где тот шумно высказывал свое восхищение Аристофаном — «этим отцом смеха, самой способностью вызывать смех, которую он ставит очень высоко и которым, по его мнению, обладают лишь два-три человека в мире».⁵

Известно, что магистерский экзамен по греческой и римской филологии Тургенев сдавал на латыни. В доказательство «недостаточности» знаний исследователи приводят цитату из самого Тургенева о его берлинской жизни 1838–1841 годов: «...на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо. И я был не из худших кандидатов».⁶ Но и эту цитату не следует понимать буквально, она свидетельствует скорее о требовательности к себе: грамматикой древних языков даже специалисты-классики занимаются всю жизнь. Блестящий филолог-классик А. И. Доватур наставлял студентов: «Никогда, никогда не говорите, что *знаете* латынь и греческий!».

Не до конца прояснена и роль античных штудий в формировании мировоззрения Тургенева. Его учителями были Х.-Ф. Грефе, позже Федор Карлович Фрайтаг, дома он брал уроки у Христофора Фридриха (Федора Андреевича) Вальтера. Видимо, еще только предстоит оценить значение знакомства с ordinary профессором Санкт-Петербургского университета Христианом Фридрихом — или, как его звали в России, — Федором Богдановичем Грефе (приехал из Лейпцига в 1810 г., умер в 1851 г.). Это был блестящий филолог, комментатор античных текстов. В сорок с небольшим лет стал академиком, изучал санскрит, занимался сравнительной грамматикой древних языков. Прирожденный педагог, он резко выделялся на фоне обычной университетской профессуры. В авторитарном обществе и университетское обучение часто строилось на жестко-иерархическом принципе. Поэт и прекрасный переводчик древнегреческих эпиграмм Владимир Пече-

⁴ Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961. С. 28.

⁵ Гонкур Эдмон и Жюль де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные статьи: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 152.

⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 8. См., напр.: Žekulin N. G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!». Р. 175.

рин, также ученик Грефе, поступивший в университет на четыре года раньше, вспоминал в книге «Замогильные записки»: «...никакое самостоятельное развитие не было возможно. В преподавании не было ничего *серьезного*: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло. Студенты заучивали тетрадки профессора, да и сам профессор преподавал по тетрадкам, им же зазубренным во время оно».⁷ Но о Грефе и он, и другие студенты вспоминали, что его лекции были шире, нежели просто изучение греческих авторов. В каком-то смысле это были уроки духовной свободы. Темные места обсуждались коллективно, при комментировании студентам широко предоставлялось право слова, их приучали высказывать собственное мнение, и даже если это мнение было совершенно ошибочным, Грефе деликатно произносил: «*Nos res se speciosum est, tamen...*» («Это само по себе благовидно, однако...»), — и далее следовала убедительная, но корректная критика.⁸ Грефе читал и комментировал со студентами трагедии Софокла «Антигона», «Царь Эдип», «Аякс», речи Демосфена и латинских авторов — Горация, Цицерона.

Любопытно сравнить судьбы этих двух учеников Грефе — Печерина и Тургенева.⁹ Оба до поры до времени серьезно увлечены классикой, мечтают о профессиональной преподавательской работе в университете, много занимаются дополнительно, проходят курс обучения в Германии. Затем — под влиянием суровой российской действительности начинается угасание интереса к чистой классической филологии, сквозь призму античности оба пытаются оценить современность. У Печерина это проявилось в поэме «Торжество смерти», наполненной античными образами — и идеями яростного западничества: «Как сладостно Россию ненавидеть / И жадно ждать ее уничтожения». У Печерина появилось ощущение «духоты», «отсутствия воздуха» и полной невозможности существования в России, что привело его в 1836 году к отъезду за границу. Риском предположить, что и у Тургенева, возможно, именно погружение в античный мир укрепило неприятие современной действительности, ненависть к тирании, способствовало формированию западнических устремлений. Важно и то, что оба ученика Грефе, столь сильно увлеченные античностью, в какой-то момент ощущают невозможность жить в России.

Не менее интересной представляется позиция Тургенева в споре о значении классических языков в школьном образовании. В конце 1860-х — начале 1870-х годов, в период введения реформы Толстого

⁷ Печерин В. С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников) / Под ред. И. А. Федосова. М., 1989. С. 166.

⁸ Там же. С. 165–166.

⁹ О Печерине как одном из возможных прототипов главного героя романа Тургенева «Дым» Потугина, имя которого первоначально было Сократ, см.: Генералова Н. П. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 335–338.

и Деянова, писатель много размышлял на эту тему. Как справедливо отметила Н. П. Генералова, он вел споры об этом с А. А. Фетом, что отразилось в фетовской публицистике: «Две статьи о значении древних языков в нашем воспитании», где Фет полемизирует именно с Тургеневым.¹⁰ Либерализм Тургенева, присущее ему чувство справедливости приводили его к выводу: новые законы (об обязательном преподавании латыни и греческого в гимназиях) — несправедливы, подавляя одно направление в пользу другого, нужна «честная игра».

Примечательно то, что, классик по образованию и западник по убеждениям, Тургенев отказывается видеть панацею от российских бед в широком изучении классического наследия, того фундамента культуры, который указывает на бесспорное родство России с Европой. В то же время Фет, критически относившийся к воззрениям западников, особо подчеркивает настоятельную необходимость в получении каждым российским культурным человеком широкого, гуманитарного, *европейского* образования, в основе которого должно лежать изучение античной культуры, — только тогда он приобретет широту взгляда, тот универсализм, который необходим российскому общественному деятелю эпохи реформ. Тургенев же отказывается верить в отдельную благодетельную роль — «*Alleinseligmacherei*» — даже классицизма.

В современной литературе о Тургеневе существует мнение, что наследие античной культуры, при всей его значительности, для Тургенева, как и для других писателей послепушкинской эпохи, уже не ощущалось современным, не имело никакого отношения к настоящей и будущей судьбе России — и обращения его персонажей к античным образам характеризовали их как «отставных». В частности, речь старика Базарова, наполненная античными отсылками, как считает, например, Г. Кнабе, — осмыслена в ироническом ключе.¹¹ Исследователь полагает, что Тургенев солидарен с Евгением Базаровым в мягко-ироническом отношении к отцу: обилие возвышенных античных ассоциаций и имен в речи Василия Базарова — знак того, что это персонаж трогательный, но отживший свое, ненужный, как и его латынь.

Но не стоит упускать из виду, что обилие греко-латинских историко-мифологических образов подчеркивает и усиливает связь образов стариков Базаровых с героями «Старосветских помещиков». Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна оказываются у Гоголя не просто обитателями трогательного поместья, но жителями маленького золотого века, где вечно цветет и плодоносит сад, где не иссякают еда и питье, где есть лекарства от всех болезней. У стариков Базаровых также есть идиллический сад и огород с лекарственными травами. Другая, параллельная смысловая линия возводит старосветских помещиков к Филе-

¹⁰ Генералова Н. П. Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. А. Фета // *РЛ*. 2006. № 1. С. 274–276.

¹¹ Кнабе Г. Тургенев, античное наследие и истина либерализма. С. 90.

мону и Бавкиде, персонажам высокого античного мира, за доброту и чистосердечие вознагражденным богами.

Литература нового времени, используя этот античный миф, уже и раньше обостряла заложенный в нем конфликтный потенциал: золотой век посреди всеобщего железного века, идиллия в неидиллическом пространстве неосуществимы, столкновение двух типов бытия может обернуться трагедией. В «Фаусте» Гёте этот конфликт действительно разрешается трагически: кроткие Филемон и Бавкида сожжены со своим домиком, так как они оказываются на пути прогресса, и вина Фауста, объективно не желавшего им зла, неотменима. Одержимый «современными» вопросами, стремящийся разрушить старый мир во имя блага человечества, Базаров причиняет своим «старосветским помещикам» боль, разрушает их мирок. Таким образом, внимательное рассмотрение античных образов позволяет открыть новые смысловые пласты повествования.

Весьма важным, хотя и наименее изученным является вопрос об элементах античной трагедии, присутствующих в романах Тургенева. Если под этим углом зрения проследить внутреннюю динамику романов 1850-х — начала 1860-х годов — от «Рудина» к «Отцам и детям», — становится очевидна их взаимосвязь, позволяющая говорить о некоей целостности. И в этой романной тетралогии обозначен переход от поисков положительного героя-деятели, необходимого России в эпоху реформ, к изображению «героя» в античном, трагическом смысле. От драматического конфликта личности и окружающей среды (тот тип повествования, который современники писателя называли социальной повестью) Тургенев приходит к универсализации проблематики, приводя к столкновению мир — и человеческое «я», исполненное запредельных, возвышенных, но нереализуемых в пределах человеческой судьбы устремлений.

Трагический герой — Базаров — скроен по рецептам героического мифа. Подобно им он ставит глобальные цели — полное, безоговорочное разрушение старого мира. Он абсолютный нигилист и не признает над собой никаких авторитетов. Исследователи уже отмечали, что нигилизм Базарова носит столь всеобщий, тотальный характер, что тургеневский герой напоминает не столько реального нигилиста начала 1860-х годов, сколько пушкинского или лермонтовского демона.¹²

При создании высокого, трагедийно-героического образа Базарова Тургенев использует систему древних, архетипических мифологем: герой мистическим образом связан с деревьями, при этом он — как особое дерево — противостоит лесу (в беседе с Анной Сергеевной Одинцовой он говорит, что люди для него — это березовый лес, где бесполезно изучать отдельное дерево). Мифологический герой подоб-

¹² См. об этом: *Маркович В. М.* Между эпосом и традицией (О художественной структуре романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо») // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 49–76.

ного плана, разрушив старый мир до основания, сажает мировое древо, создавая мир новый. В этом плане не случайно, что Базаров — медик по образованию — учит Кирсановых сажать деревья (в частности, серебристые ели); во сне перед дуэлью он сражается с Павлом Петровичем, который представляется ему лесом; несмотря на то, что для него «природа — не храм а мастерская», он чуть ли не с нежностью вспоминает знакомую с детства осинку на краю ямы, трагически отождествляя себя с нею.

Влияние античной трагедии на романы Тургенева, в частности — на роман «Дворянское гнездо», было замечено исследователями: действительно, судьба высокого, практически безупречного героя, над которым тяготеет неумолимый рок, родовая вина дворянского сословия, демонстрирует связи с «Царем Эдипом» Софокла. «Отцы и дети» по своему глубинному содержанию — трагедия одинокого, сверхчеловеческого героя. Но есть и еще один семантический уровень прочтения. Тургенев действует подобно Гоголю, опрокидывавшему в зал комедию, — и тогда «Ревизор» становится трагедией уже не героев, а зрителей, которые должны в финале застыть, подобно героям пьесы, ужаснуться самим себе, очиститься и воскреснуть. Так и в романе Тургенева — трагедия героя провоцирует следующий круг идей. Тургенев показывает, как тихое «горацианское» счастье Николая Петровича, выстроенное на материале деревенских писем занявшегося фермерством А. А. Фета, достигнуто. Однако картины идиллической жизни на ферме Кирсановых не отменяют более глубокой, универсальной проблематики. Россия нуждается не в частичном улучшении, не в возвращении к истокам, а во всестороннем обновлении. Ей необходим не просто положительный «герой времени» — герой-деятель, реформатор, но герой в высшем смысле этого слова — и его поиски ведутся на протяжении четырех романов. В четвертом романе такой герой найден, он напоминает одновременно и Гамлета, и Дон-Кихота, и несгибаемых героев античной трагедии. И все же герой, казалось бы способный принести обновление миру, трагически одинок. Подобно античным героям, он дерзает на запредельное и его поединок с миром обречен; в то же время сам он связан с темной, хтонической бездной,¹³ испытывает влияние сил хаоса и жаждет лишь разрушать, но не созидать. И это трагедия не только героя, но и России, и вовлеченными в эту трагическую ситуацию становятся не только персонажи Тургенева, но и его читатели.

---

¹³ «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и всё-таки обреченная на погибель <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 59. Письмо к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.).

В. А. Лукина

КОМУ «ЖАЛ» БАШМАК ГОГОЛЯ?¹

Будучи современником Гоголя, неоднократно встречаясь с ним на протяжении 1830-х — начала 1850-х годов, Тургенев в ряде статей, писем и очерков оставил нам яркий образ одного из величайших русских писателей XIX столетия. Восхищение мастерством Гоголя, тонкое понимание его особенного юмора, чрезвычайно высокая оценка его роли и места не только в истории русской литературы, но и вообще в русской истории (достаточно вспомнить сравнение Гоголя с Петром Великим, одним из любимых исторических персонажей писателя²) соседствуют

¹ Ряд положений статьи был озвучен в виде доклада на коллоквиуме «Le rire de Gogol, le rire de Tourguéniev», приуроченном к 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя и прошедшем в Париже в апреле 2009 г. В сокращенном виде опубликован: http://www.tourgueniev.fr/actes_du_colloquegt.pdf.

² См., напр., в письме к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) — 4 (16) марта 1852 г.: «Для нас он был не просто писатель; он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого» (*ИССУП(2). Письма*. Т. 2. С. 122. Подлинник по-франц.). Почти два года спустя, уже после возвращения из Спасской ссылки, он конкретизирует эту мысль в разговоре с П. А. Васильчиковым, записавшим с его слов в дневнике: «Тургенев выразил, мне кажется, довольно верную мысль, именно ту, что Гоголь есть произведение в некотором отношении Петра I; потому что самые характеры, которые жи-

у Тургенева с рядом признаний, позволяющих говорить о серьезных противоречиях между двумя писателями по многим вопросам. Возможно, наиболее концентрированно суть их можно выразить в виде вопроса: в чем видел Тургенев «противовесие гоголевскому направлению», о необходимости которого он писал В. П. Боткину 17 (29) июня 1855 года? «...Я первый знаю, où le soulier de Gogol blesse <где жмет башмак Гоголя. — франц.>», — признавался Тургенев в том же письме.³ Так почему же «башмак Гоголя» был тесен Тургеневу?

Приступая в конце 1860-х годов к написанию своих воспоминаний, которые должны были охватить «четверть века» его литературной деятельности, Тургенев, как видно из сохранившегося плана, изначально предполагал посвятить отдельную главу Гоголю.⁴ Очерк, получивший в окончательной редакции заглавие «Гоголь» с подзаголовком «Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин», был предположительно задуман в конце 1868 года, однако о хронологии и истории работы над ним известно сравнительно мало. В письмах к друзьям и знакомым писатель неоднократно признавался, с каким трудом продвигались его «Воспоминания» в целом, — и очерк о Гоголе, по всей видимости, не был исключением.

Это подтверждает и обильная правка чернового автографа, свидетельствующая о большом значении, которое Тургенев придавал месту Гоголя в контексте всего замысла, и о тщательности работы писателя над портретом Гоголя, о стремлении максимально точно и достоверно передать свои впечатления от встреч с человеком, сыгравшим значительную роль в его собственной литературной судьбе. Не случайно имя Гоголя появляется практически во всех очерках, составлявших первоначально цикл «Литературных и житейских воспоминаний», начиная с «Литературного вечера у П. А. Плетнева», «Воспоминаний о Белинском» и заканчивая «Поездкой в Альбано и Фраскати». И действительно, прежде всего следует признать, что именно Гоголь оказал решающее воздействие на жизнь и творчество начинающего писателя.

Драматично, хотя и не без доли комизма закончилось первое «свидание с Гоголем», относящееся ко времени обучения Тургенева в Петербургском университете, где Гоголь читал курс лекций по древней и средневековой истории. Сам Тургенев в воспоминаниях лишь мельком упоминает об этом эпизоде своей биографии, сосредоточив основное внимание на том разительном контрасте, который представлял про-

---

вут в его повестях, могут только быть произведением того насильственного перелома, который Петр I произвел в России, потому что, может быть, гоголевское направление в литературе есть бессознательно противодействие всему дурному, принесенному без сомнения благодетельною реформою Петра» (см.: Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853–1854 гг. / Публ. Л. М. Долотовой // ЛН. Т. 76. С. 350. Запись от 30 декабря 1853 г.).

³ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 34.

⁴ О творческой истории очерка о Гоголе см. преамбулу Л. Н. Назаровой: Там же. Соч. Т. 11. С. 354–357, а также вступительную статью ко всему циклу: Там же. С. 322–323.

фессор истории «Гоголь-Яновский» «с писателем Гоголем, уже известным нам как автор „Вечеров на хуторе близ Диканьки”». ⁵ Между тем, как замечает В. А. Громов, именно экзамен по истории средних веков стал причиной того, что Тургенев вышел в 1836 году из университета в звании действительного студента, а не кандидата и вынужден был в течение следующего года продолжить посещение лекций, а затем повторно «подвергнуться испытанию» для получения кандидатской степени. ⁶ Тургенев рисует Гоголя с юмором, почти с гоголевским комизмом, подмечая нелепые черты своего «учителя», который, кажется, мало чему смог научить своих слушателей.

Нет сомнения, что именно Тургенев выступит в середине 1840-х годов в качестве инициатора перевода произведений Гоголя на французский язык с целью распространения их в Европе и фактически осуществит перевод большей части повестей, вошедших в сборник «Nouvelles russes de Nicolas Gogol», вышедший в Париже в 1845 году (с обозначением имени Луи Виардо на титульном листе как переводчика). ⁷ Появление этой книги, выдержавшей в дальнейшем несколько переизданий, имело широкий резонанс не только в русском, но и во французском обществе (а впоследствии и в других европейских странах, знакомившихся с творчеством Гоголя по удачному французскому переводу). Значение «Русских повестей Николая Гоголя» очень точно сформулировал Белинский, отметив, что благодаря этому переводу «талант Гоголя получил европейскую известность». ⁸ И хотя на самом деле до «европейской известности» Гоголю было далеко (скорее Тургенев стал первым известным русским писателем в Европе), важно отметить, что стремление молодого писателя выдвинуть Гоголя в первый ряд русских писателей целиком совпадало со стремлением Белинского, ставшего главным «пропагандистом» Гоголя в России.

Нельзя не согласиться с М. П. Алексеевым, впервые обратившим внимание на то, что перевод повестей Гоголя имел немалое значение в истории творческого развития самого Тургенева, в значительной сте-

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 67.

⁶ Громов В. А. Гоголь и Тургенев // Т Сб. Вып. 5. С. 354.

⁷ Новые сведения об этом эпизоде творческого сотрудничества Тургенева и Луи Виардо см.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 84–89.

⁸ См.: Белинский В. Г. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Белинский. Т. 9. С. 567. Еще ранее Белинский горячо приветствовал появление французского перевода пяти повестей Гоголя в небольшой статье «Перевод сочинений Гоголя на французский язык», появившейся в декабрьском номере «Отечественных записок» за 1845 г. В ней он дал высокую оценку самому переводу и с удовлетворением констатировал, что «повести Гоголя с честью выдержали перевод на язык народа, столь чуждого нашим коренным национальным обычаям и понятиям, и сохранили свой отпечаток таланта и оригинальности» (Там же. С. 369). Здесь же, опираясь, очевидно, на сведения, полученные от Тургенева, он сообщал о «необыкновенном успехе», который этот перевод имел во Франции. В дальнейшем на страницах «Отечественных записок» Белинский еще не раз вернется к «Русским повестям Николая Гоголя», вступив, в частности, в острую печатную полемику с Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем.

пени подготовив переход «от лирической поэзии к прозаической поэзии». «Труд над переводом Гоголя, — отмечал ученый в своей фундаментальной статье „Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе“, — привлек внимание Тургенева к языку Гоголя, подчеркнул специфику его речевых конструкций, ввел во все тайны его стилистического мастерства. <...> существенно, что вопросы о „переводимости“ гоголевского текста на иностранные языки, о национальных и общеевропейских качествах прозаического стиля и т. п. занимали Тургенева несколько лет и не потеряли для него значения еще и тогда, когда созданы были многие рассказы „Записок охотника“». ⁹ Остается только сожалеть, что это тонкое наблюдение не получило дальнейшего развития в тургеневедении, а деятельность Тургенева-переводчика остается до сих пор практически неизученной.

Примечательно, что предпринятый Тургеньевым перевод Гоголя на французский язык (Гоголь был хорошо знаком с откликами на него во французской прессе, в частности с чрезвычайно благожелательной статьей Сент-Бёва) имел некоторое отношение и к истории его личного знакомства с писателем. ¹⁰ По воспоминаниям М. С. Щепкина, благодаря усилиям которого 21 октября (1 ноября) 1851 года состоялось личное знакомство Тургенева с Гоголем, Гоголь встретил их «весьма приветливо; когда же Иван Сергеевич сказал Гоголю, что некоторые произведения его, переведенные им на французский язык и читанные в Париже, произвели большое впечатление, Николай Васильевич заметно был доволен и с своей стороны сказал несколько любезностей Тургеньеву». ¹¹ Благожелательное отношение Гоголя к молодому писателю (известное также по письмам Гоголя, например к П. В. Анненкову), с произведениями которого он был, несомненно, знаком, сквозит и в воспоминаниях самого Тургенева: «Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: „Нам давно следовало быть знакомыми“». ¹² После визита к Гоголю в письмах к московским друзьям Тургенев неизменно передает поклонны Гоголю «от имени одного из самых малых учеников его» и интересуется ходом работы над продолжением «Мертвых душ». ¹³

Сведения об этой встрече приводит в своих воспоминаниях А. О. Смирнова-Россет: «Тургенев был у Гоголя в Москве, тот принял его радушно, протянул руку, как товарищу, и сказал ему: „У вас есть та-

⁹ Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 277. Впервые эта статья, где впервые убедительно доказывается исключительная роль Тургенева как переводчика («Nouvelles russes»), была опубликована еще в 1948 г.

¹⁰ На это впервые указал М. П. Алексеев, см.: Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. С. 276.

¹¹ См.: Щепкин М. А. М. С. Щепкин. 1788—1863 гг. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914. С. 374.

¹² ПССЩП(2). Соч. Т. 11. С. 57.

¹³ См., напр., письма к М. П. Погодину от 4 (16) декабря 1851 г. и к И. С. Аксакову от 31 декабря 1851 г. (12 января 1852 г.).

лант, не забывайте, что талант есть дар Божий и приносит десять талеров за то, что Создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее. Главное — не спешите печатать, обдумывайте хорошо. Пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь никто не поймет, так они перемараны”». ¹⁴ Несмотря на то, что работа Смирновой-Россет над «Воспоминаниями о Н. В. Гоголе» относится к 1877 году, т. е. к тому времени, когда воспоминания Тургенева уже вышли в свет, ряд сообщенных мемуаристкой подробностей заслуживает внимания. Любопытно, например, ее замечание о том, что Гоголь «не любил Georges Санда» и «сердился, когда ему говорили, что „Бежин луг” и „La petite Fadette” схожи». ¹⁵

Очерк о Гоголе начинается с описания уже упоминавшегося памятного для Тургенева посещения писателя в сопровождении Щепкина, которое состоялось в Москве незадолго до смерти Гоголя. За несколько дней до этой встречи Тургенев также мельком видел Гоголя на представлении «Ревизора» в Малом театре, где его «поразила перемена», произошедшая в авторе «Мертвых душ» с тех пор, как он видел его в последний раз — в 1841 году. В восприятии Тургенева Гоголь предстает перед нами в этот момент «худым и испытанным человеком, которого уже успела на порядках измывать жизнь». «Какая-то затаенная боль и тревога, — отмечает Тургенев, — какое-то грустное беспокойство примешивались к постоянно пронизательному выражению его лица». ¹⁶

Это первое впечатление «усталости, болезненного, нервического беспокойства», по-видимому, было во многом предопределено последними событиями в жизни Гоголя — прежде всего литературным фиаско «Выбранных мест из переписки с друзьями»; последовавшим за ним знаменитым письмом Белинского, получившим широкое распространение в списках и столь огорчившим писателя; раздражавшим его нетерпеливым требованием публики второго тома «Мертвых душ» и т. д. В ходе встречи первое впечатление лишь усугубилось. Не случайно Тургенев упоминает о том, что он ехал к Гоголю «как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове...», и добавляет, что таково было общее мнение. ¹⁷

Вглядываясь в черты Гоголя, Тургенев отмечает его сохранившие «еще цвет молодости» белокурые, но «заметно» поредевшие волосы; «покатый, гладкий, белый» лоб, от которого «по-прежнему так и веяло умом»; «небольшие карие глаза», в которых «искрилась по временам веселость», но взгляд которых вообще «казался усталым».

¹⁴ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С. В. Житомирская. М., 1989. С. 69 (Лит. памятники).

¹⁵ Там же.

¹⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 58.

Стремясь к предельной объективности, Тургенев намеренно не зашевеливает «невыгодные» черты в его облике: он не забывает упомянуть «длинный, заостренный нос», придававший «физиономии Гоголя нечто хитрое, лисье», «нехороший ряд зубов», «маленький подбородок», «одутловатые, мягкие губы под остриженными усами», в «неопределенных очертаниях» которых «выражались — так по крайней мере мне показалось — темные стороны его характера». Зоркий взгляд художника подмечает также что-то «учительское» в осанке и телодвижениях Гоголя («что-то напоминавшее преподавателей в провинциальных институтах и гимназиях»). «Какое ты умное, и странное, и большое существо!» — такими словами заключает он свой портрет.

Яркое впечатление от «тонких и верных замечаний» Гоголя по поводу «физиологии сочинительства» сменяется недоумением, вызванным «затхлыми и пресными» «измышлениями и рассудительствами» Гоголя о необходимости цензуры, в которых, по словам Тургенева, проступали «самодовольное смирение и плутовство рабства».

Эту двойственность в личности Гоголя Тургенев отмечает и в таланте писателя. Автор «Ревизора», «Мертвых душ» и «Миргорода», которые Тургенев «чуть не знал наизусть», резко противопоставлен автору «Переписки с друзьями», отталкивающей «противной смесью гордыни и подыскивания, ханжества и тщеславия, пророческого и прихлебательского тона». «Вообще я скоро почувствовал, что между мирозерцанием Гоголя и моим — лежала целая бездна, — пишет Тургенев. — Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили; но в ту минуту — в моих глазах всё это не имело важности. Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним».¹⁸

Несмотря на то, что воспоминания о Гоголе создавались более пятнадцати лет спустя после описываемых в них событий и все вышеприведенные высказывания носят ретроспективный характер, в целом впечатления Тургенева от встречи с Гоголем они, по-видимому, передают верно.

Вскоре после знакомства Тургенев окажется в центре событий, развернувшихся за кончиной знаменитого писателя. Трагическая смерть Гоголя, последовавшая 21 февраля (4 марта) 1852 года в Москве, глубоко потрясла Тургенева и заставила его по-новому взглянуть на значение писателя в истории русской литературы. 13 марта 1852 года в газете «Московские ведомости» появится некрологическая статья Тургенева, за которой последуют арест и Спасская ссылка.

Из воспоминаний о Гоголе следует, что о смерти писателя Тургенев узнал 24 февраля (7 марта) от И. И. Панаева на проходившем в Дворянском собрании утреннем заседании Общества посещения бедных.¹⁹ Од-

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Со слов Тургенева эта версия зафиксирована и в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева»: *Летопись (1818–1858)*. С. 196.

нако, по убедительному предположению Н. В. Измайлова, еще до этого заседания он уже получил несколько писем от московских друзей с сообщением о его смерти.²⁰ Это предположение основывается на дневнике А. В. Никитенко, который 24 февраля (7 марта) записал: «Сегодня получено известие о смерти Гоголя. Я был в зале Дворянского собрания на розыгрыше лотереи в пользу „Общества посещения бедных“; встретился там с Панаевым, и он первый сообщил мне эту в высшей степени печальную новость. Затем Тургенев, получивший письма из Москвы, рассказал мне некоторые подробности. Они довольно странны».²¹

Из упомянутых Никитенко писем нам известно лишь одно — это письмо В. П. Боткина к Тургеневу, написанное в день смерти Гоголя, в котором он подробно описал (полученные им со слов знакомых) последние дни и часы жизни Гоголя, а также сообщил об истреблении оставшихся у него бумаг. «Как бы там ни было, — заключал Боткин, — но смерть эта поражает своим необыкновенным характером. Во всем этом есть какая-то сила, сила индивидуальности, перед которою почтительно отступаешь. В этом человеке ничего не было половинчатого. Как глубоко въедался он в каждый создаваемый им образ, — так въелся он и в свою *idée fixe*, которая все усиливаясь, наконец задушила его».²²

Однако, как отметила вслед за Н. В. Измайловым Э. Г. Гайнцева, письмо Боткина было не единственным из полученных Тургеневым. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в нем отсутствуют «подробности» смерти Гоголя, изложенные со слов Тургенева в дневнике Никитенко. По всей видимости, они содержались в не дошедшем до нас письме Е. М. Феоктистова или кого-то еще из московских знакомых Тургенева, напр., Аксаковых.²³

Возвращаясь к дневнику Никитенко, необходимо отметить, что запись о Гоголе завершается словами, в которых выражалось, по всей видимости, общее настроение, установившееся в обществе после смерти Гоголя: «Как бы то ни было, а вот еще одна горестная утрата, понесенная нашей умственной жизнью, — и утрата великая! Гоголь много пробудил в нашем обществе идей о самом себе. Он, несомненно, был одною из сильных опор партии движения, света и мысли — партии послепетровской Руси. Уничтожение его бумаг прилагает к скорби новую скорбь».²⁴ В этом отклике отразились и впечатления, полученные в ходе разговора с Тургеневым.

²⁰ На это справедливо обратила внимание Э. Г. Гайнцева, см. ее вступительную статью к фундаментально подготовленной публикации писем Е. М. Феоктистова к Тургеневу: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851–1861) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 141.

²¹ *Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступит. ст. и примеч. И. Я. Айзенштока. Л., 1955. Т. 1. С. 345–346.*

²² В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869 / Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л., 1930. С. 20.

²³ См. об этом: Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу. С. 141.

²⁴ *Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 345–346.*

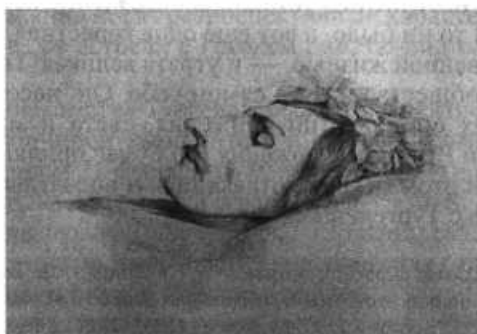

Боль утраты, скорбь и стремление осознать причины, приведшие к подобному исходу, звучат практически во всех письмах Тургенева к друзьям. «...Я чувствую, — писал он Е. М. Феокистову 26 февраля (9 марта), — что в этой смерти этого человека кроется более, чем кажется с первого взгляда — и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну. Меня это глубоко поразило — так глубоко, что я не помню подобного впечатления. <...> Тяжело, Феокистов, тяжело, мрачно и душно... Мне, право, кажется, что какие-то темные волны без плеска сомкнулись над моей головой — и иду я на дно, застывая и немея».²⁵

Тургенева интересуют малейшие подробности кончины Гоголя, которую он воспринимает как «историческое событие». Он, по собственному признанию, «с мучительной жадностью и ужасом» перечитывает присланные ему из Москвы сообщения друзей, ставших очевидцами трагедии.

Под «первым впечатлением» об этом «роковом» известии Тургенев пишет некрологическую статью о Гоголе. Эта «небольшая статья» — едва ли не самый сильный, эмоциональный отклик на смерть писателя.

«Гоголь умер! — писал в ней Тургенев. — Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам всё еще не хочется ей верить».²⁶ Называя далее Гоголя «великим человеком», который «своим именем означил эпоху в истории нашей литературы», Тургенев не конкретизирует свой тезис, что, возможно, было вызвано соображениями цензурного порядка: «Не время теперь и не место говорить об его заслугах — это дело будущей критики; должно надеяться, что она поймет свою задачу и оценит его тем беспристрастным, но исполненным уважения и любви судом, которым подобные ему люди судятся перед лицом потомства; нам теперь не до того <...> не оценивать его нам хочется, но плакать <...>».²⁷

Гоголь на смертном одре
Из альбома М. П. Боткиной (ИРЛИ)

²⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 123–124.

²⁶ Там же. Соч. Т. 11. С. 64.

²⁷ Там же. С. 64–65.

В сохранившихся письмах этого времени Тургенев, однако, высказался более откровенно. Так, в известном письме к Полине Виардо, сообщая о смерти Гоголя как о «жестокой» и «невосполнимой» утрате, он открыто заявил о том, что значение Гоголя для русской литературы — и шире — для русского общества не исчерпывалось его достоинствами как просто высокоталантливого писателя. «Для нас он был не просто писатель, — писал Тургенев, — он нам открыл нас самих; он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого. <...> надо быть русским, чтобы это почувствовать».²⁸ Не случайно здесь же Тургенев вступает в полемику с П. Мериме, опубликовавшим незадолго перед тем статью о писателе.²⁹ Основной упрек Тургеневу состоял в том, что Мериме увидел в Гоголе «только юмориста английского типа» и не сумел осознать «его историческое значение» для России.³⁰

Высказанная в этом письме оценка творчества Гоголя перекликается с тем, что Тургенев ранее писал в опубликованной им на французском языке статье «De la littérature russe contemporaine», вышедшей анонимно в 1845 году в газете «Illustration».³¹ В ней он назвал Гоголя «самым знаменитым, самым влиятельным писателем» во всей России, который «произвел полный переворот в литературе своего отечества» и «которому больше всего подражают». Появившись в «пору смятения и тревоги», в тот период русской литературы, который Тургенев позже назовет господством «ложновеличавой школы», талант Гоголя, по его словам, «привлек к себе всеобщее внимание» «силой и естественностью» красок, «богатым комизмом», «тонкой наблюдательностью» и простодушной оригинальностью». Размышляя о сильных сторонах дарования Гоголя, Тургенев особо выделил его «неистощимый комический дар» и «прикрываемую добродушием» иронию: «...он обладает своеобразным юмором, свойственным ему одному и отмеченным тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда найдешь на дне славянской души».

²⁸ Там же. *Письма*. Т. 2. С. 122–123. Подлинник по-франц.

²⁹ Большая статья П. Мериме «Николай Гоголь („Русские повести“. — „Мертвые души“. — „Ревизор“)),» содержащая достаточно поверхностную оценку таланта Гоголя, появилась в ноябре 1851 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» и через год была переиздана в сборнике «Новелл» французского писателя.

³⁰ «...Я убежден, — писал в начале своей статьи Мериме, — что г-н Гоголь, романист и драматург, заслуживает особой статьи; только малораспространенный язык, на котором он пишет, мешает ему достигнуть в Европе славы лучших английских юмористов. Будучи тонким, порой даже дотошным наблюдателем, умея подмечать и смело выставлять смешные стороны, склонный, однако, к преувеличениям, доходящим до шутовства, г-н Гоголь прежде всего яркий сатирик» (*Мериме П. Статьи о русской литературе / Изд. подготовил А. Д. Михайлов. М., 2003. С. 11*).

³¹ Несмотря на то, что в Полном собрании сочинений и писем эта статья помещена лишь в раздел «Dibia», у большинства исследователей принадлежность ее Тургеневу не вызывает сомнений. Об истории атрибуции этой статьи и дополнительные аргументы в пользу авторства Тургенева см.: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. С. 89–92.*

Завершая анализ, Тургенев перечислил те «разнообразные, но родственные качества», которые, по его мнению, «обусловили влияние Гоголя и поставили его на первое место среди современных писателей». Это «сознательный отказ от всякой высокопарности, от всякого литературного шарлатанства, широкая и спокойная манера воспроизведения современного состояния России, умение говорить о положительных сторонах без энтузиазма и о дурных — без негодования», а также «величайшая способность создавать типы, искусство вдыхать жизнь во все описания вещей и людей».³² Цитируемая статья, заметим, создавалась до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», вызвавших резкое неприятие Тургенева. Она во многом объясняет, почему Тургенев, не раз называвший себя «поклонником и малейшим последователем Гоголя», в дальнейшем будет неустанно говорить о необходимости возвращения в русскую литературу «пушкинского элемента, в противовесие гоголевскому».

Еще одним поводом вернуться к вопросу об историческом значении Гоголя станет вышедшая в третьей и четвертой книжках «Библиотеки для чтения» за 1855 год статья А. В. Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений».³³ Высоко оценивая творческое наследие Пушкина, Дружинин противопоставит его тому «излишне реальному», «сатирическому направлению» в текущей словесности, к которому привело «неумеренное подражание Гоголю», и заговорит о необходимости реакции, активного ему противодействия: «Что бы ни говорили пламенные поклонники Гоголя (и мы сами причисляем себя не к холодным его читателям), нельзя всей словесности жить на одних „Мертвых душах“». Нам нужна поэзия. Поэзии мало в последователях Гоголя <...> Самое это направление не может назваться натуральным, ибо изучение одной стороны жизни не есть еще натура. Скажем нашу мысль без обиняков: наша текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением».³⁴ В подкрепление своей мысли, не раскрывая имени, Дружинин приведет высказывание Тургенева о сущности дарования Пушкина: «Если б Пушкин прожил до нашего времени <...> его творения составили бы противодействие гоголевскому направлению, которое, в некоторых отношениях, нуждается в таком противодействии».³⁵

Появление статьи Дружинина вызвало незамедлительный отклик Тургенева, прочитавшего ее, по собственным словам, «с величайшим наслаждением».³⁶ В письме к В. П. Боткину от 17 (29) июня 1855 года он назовет ее «лучшей вещью, написанной Дружининым»: «Благодар-

³² ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 514–515.

³³ БДЧ. 1855. Т. 130. Март–апрель. Отд. III–IV (Науки и искусства). С. 41–104.

³⁴ Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., подготовка текста и вступит. ст. Н. Н. Скатова. М., 1983. С. 60–61.

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Необходимо отметить, что именно Боткин выслал Тургеневу статью Дружинина в начале июня ст. ст. 1855 г. (письмо не сохранилось), а потом живо интересовался впечат-

но, тепло, дельно и верно». Единственным вопросом, в отношении которого взгляды Дружинина и Тургенева радикально разойдутся, станет вопрос о Гоголе. Упрекая Дружинина (вслед за Мериме) в нежелании замечать «историческое значение Гоголя»,³⁷ Тургенев пишет Боткину: «Но опять-таки в отношении к Гоголю он не прав... То есть — в том, что он говорит, он совершенно прав — но так как он *всего* сказать не может — то и правда выходит кривдой. — Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством — а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица <...>».³⁸

Как видно из переписки Боткина с Дружининым, Боткин передал ему эти слова Тургенева³⁹ и они не оставили его равнодушным. Благодаря Боткина за «выписку» из приведенного выше письма Тургенева, Дружинин замечал: «...вы знаете, до какой степени я его <Тургенева. — В. Л.> люблю и как мне дорого его доброе мнение, хоть он, черт его возьми, иногда и хвалит *писунов* вроде знаменитого Леонтьева. Несмотря на наши частые с ним сношения мы оба до сих пор в литературном деле стояли боком друг к другу, он считал меня врагом Белинского и мерзостным оптимистом, а я, не имея дара развивать вполне своих идей в изустной беседе, только молчал. Приятно и по литературным вопросам сблизиться с человеком, которого любишь по сердцу».⁴⁰

Чрезвычайно высокий отзыв о «мастерской» статье Дружинина Тургенев повторит и в письме к нему от 10 (22) июля, подчеркнув, однако: «Насчет Гоголя — Вы знаете — я не совсем согласен с Вами <...>», — и пообещает вернуться к этому вопросу при личных свиданиях зимой в Петербурге.⁴¹ Осень и зима 1855/1856 г. действительно не раз предоставят им возможность «потолковать» о Гоголе и «гоголевском направлении» в русской литературе. «Наконец наш литературный круг так сблизился, что мы все почти не проводим дня, не повидавшись», — запишет в «Дневнике» Дружинин.⁴² В это время на квартире у Тургенева, часто у Некрасова или Краевского собирался весь цвет литературного Петербурга — Дружинин, Боткин, Панаев, Григорович, Писемский, Языков, Толстой, Гончаров, Дудышкин и многие другие.

лением, произведенным ею на писателя (см. письмо Боткина к Тургеневу от 14 июня 1855 г.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. С. 53).

³⁷ См. письмо к П. В. Анненкову от 15 (27) июня 1855 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 33.

³⁸ Там же. С. 33–34.

³⁹ См. письмо Боткина к Дружинину от 27 июня 1855 г.: Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948. С. 35 (Летописи ГЛМ. Кн. 9).

⁴⁰ Там же. С. 38. Письмо от 23 июля ст. ст. 1855 г.

⁴¹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 42. Правда, не дождавшись личной встречи, которая состоится только в октябре, Тургенев в одном из следующих писем прояснит свою позицию (см. письмо от 20 сентября (1 октября) 1855 г.).

⁴² *Дружинин А. В. Повести. Дневник* / Изд. подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 363 (Лит. памятники).

Можно лишь горько сожалеть, что содержание острых общественно-литературных споров, зачастую вспыхивавших во время этих встреч, остается нам неизвестным, но их отголоски сохранились в переписке и вылились впоследствии на страницы журналов.

Под впечатлением от отклика Тургенева Дружинин продолжает размышлять об идее «искусства для искусства»,⁴³ впервые открыто высказанной им в статье о Пушкине, и начинает «с жаром» обдумывать «будущую статью о Гоголе», которая, по-видимому, изначально задумывалась как своеобразный ответ Тургеневу (и лишь после выхода в свет «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского приобрела окончательные очертания, став, по сути, манифестом «артистической» теории).

Так, 8 августа ст. ст. 1855 г. он записывает: «...я ехал от Трефорта и обдумывал то, что мог бы сказать я Тургеневу по поводу Гоголя. Около десяти лет копились во мне эти мысли <...>».⁴⁴ Из переписки Дружинина с Боткиным отчасти становится ясным характер его возражений Тургеневу.

Ознакомившись с вышедшими томами «Сочинений» Гоголя, а также с «Авторской исповедью» и второй частью «Мертвых душ», Боткин вновь возвращается к вопросу о целесообразности «гоголевского направления» в современной русской литературе. 6 августа ст. ст. 1855 года он взволнованно пишет Дружинину: «Нет, мы слишком поторопились решить, что гоголевское направление пора оставить в стороне, — нет и 1000 раз нет». «...Оно необходимо, — поясняет он далее, — для общественной пользы, для общественного сознания. Я не хочу этим сказать, чтобы задушевный взгляд Пушкина на русскую жизнь — был ненужным, — о, напротив! Но сохрани бог исключительно следовать одному из них».⁴⁵ Последние слова, как увидим, практически совпадают с тем, что Дружинину напишет Тургенев в письме от 20 августа (1 сентября).

Возражая Боткину (а вместе с ним и Тургеневу), Дружинин выскажется довольно резко. Назначение «гоголевского направления», которое он охарактеризует как «неодидактическое», по его мнению, сводится к «исправлению нравов и общества», а потому имеет лишь утилитарную, «житейскую» пользу. На этом основании он принципиально откажет ему в каком-либо значении для искусства, более того,

---

⁴³ «Пушкин, — писал в своей статье Дружинин, — более чем кто-либо из поэтов, умел примерять противоположности и становиться выше всех скоропреходящих вопросов об искусстве. <...> Сильный своими познаниями, убежденный в своей самостоятельности, смело и благородно взирал на жизнь во всем ее бесконечном разнообразии, поэт наш трудится, подобно истинному художнику в те минуты восторга, когда творец произведения становится сам себе лучшим судьей. Ни заданной мысли, ни стремления провести какую-нибудь отвлеченную теорию не встретите вы в его созданиях» (Дружинин А. В. Литературная критика. С. 58).

⁴⁴ Дружинин А. В. Повести. Дневник. С. 344–345.

⁴⁵ Письма к А. В. Дружинину. С. 37.

назовет его вредным. Видя в самом Гоголе «художника чистого», Дружинин настаивает, что «только его последователи сделали из него какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя». «...Горе тому, — заключает он, — кто захочет надеть ризу Гоголя и идти по его стопам из *принципа*, а не по своему дарованию! Le soulier de Gogol, говоря фразой Тургенева, nous blesse parce qu'il n'est pas pour notre pied <башмак Гоголя жмет, потому что он нам не по ноге. — *франц.*>, этого мы знать не хотим и потому страдаем».⁴⁶ Иными словами, чтобы следовать Гоголю, надо обладать его особым комическим даром, иначе комизм превращается в сатиру и обличительство, то есть в тенденцию. Особенно страшно подражательство Гоголю для «светлых» натур, родственных Пушкину.

Примечательно, что в первом ряду «пострадавших» он назовет Тургенева (заметим, речь идет о произведениях Тургенева, вышедших до 1855 г.): «Тургенева, например, Гоголь замучил, обессилил, стал ему поперек дороги. До сих пор ни в одной из своих вещей Тургенев не высказал сотой доли своей милой, светлой природы, так<ой> поэтической и так великолепно образованной. <...> а кто тому причиной? Наперекор своей любящей, незлобной натуре <...> Тургенев желает, во что бы то ни стало, быть обличителем общественных ран и карателем общественных пороков. Это ли его род, и из каких причин он не повинуется истинному призванию?».⁴⁷ Обосновывая далее настоятельную необходимость активного противодействия «гоголевскому направлению» в лице «молодого литературного поколения», «русских Бёрне и Гервегов» (то есть Чернышевского и Добролюбова), Дружинин укажет еще на одну опасность, которая для людей сороковых годов была далеко не прозрачной, — опасность усиления цензурного гнета.⁴⁸

В ответном письме Боткин, соглашаясь с Дружининым по принципиальному вопросу о вреде «дидактики» для искусства, выдвигает, однако, совершенно иную трактовку самого понятия «дидактизм». Он предлагает не ограничивать его только стремлением к исправлению общественных нравов, но — шире — подразумевать под ним любую попытку проводить какие-либо идеи в художественном произведении в ущерб поэтическому воспроизведению действительности. «По моему мнению, — настаивает он, — не направление делает произведение

⁴⁶ Там же. С. 41.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «...Для этих заносчивых и неосторожных юношей, — едко заметит Дружинин, — Пушкин есть фетюк, Лермонтов — глупый офицер, литература наша начинается с одного Гоголя. Эти юноши жаждут попасть в русские Бёрне и Гервеги, презирая всю осмотрительность. Если мы не станем им противодействовать, они наделают глупостей, повредят литературе и, желая поучать общество, нагонят на нас гонение и заставят нас лишиться того уголка на солнце, который мы добыли потом и кровью!» (Там же). Впоследствии все эти положения Дружинин разовьет в своей статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856).

дидактическим, а тупая, мелкая мысль, придуманная мысль, резонерский ум, холодное чувство, бесталанность».⁴⁹

Исходя из этого, как только поэт (в широком смысле слова) выходит «из своего рода» и начинает морализировать или философствовать, он неизбежно «впадает в дидактику». Таким «дидактизмом», по мнению Боткина, порой «грешит в отношении к искусству» не только Гоголь (особенно в последних своих произведениях), но и великий Гёте.⁵⁰ В «невьносимом» дидактизме Боткин упрекает и последние произведения Жорж Санд, показывающие «решительную усталость» и «ослабление» ее таланта. Однако, пожалуй, наиболее ярко Боткин иллюстрирует свой тезис на примере Бёрне и Гервега. Отказывая им, а вместе с ними и всей «молодой Германии» в «поэтическом таланте», он замечает, что они «силовились заменить его политическими идеями — этой могиллой искусства».

Таким образом, Боткин признает, что дидактизм является «решительным признаком бездарности» и способен опозлить любое направление, в том числе и «гоголевское», но он категорически возражает против их отождествления. «Я только в том смысле называю направление нашей литературы гоголевским, — пишет он, — что она, подобно ему, стремится воспроизводить действительность во всей ее реальности; но дидактизма я в ней пока не замечаю». И конкретизирует далее: «В гоголевском направлении русский человек впервые взглянул себе прямо в лицо, неприкрашенное разными европейскими косметиками. Но для этого нужна была гениальная зоркость взгляда, — главное качество отличающее великих умов». В этом Боткин видел главную заслугу Гоголя и «гоголевского направления», в этом же состояло, по его мнению, и принципиальное отличие этого направления от «пушкинского», у которого «зоркость взгляда была обращена только на внутренние явления чувства».⁵¹

Реакция Дружинина на это письмо неизвестна, но, судя по следующему посланию Боткина, он выдвинул новые контраргументы, оставившие Боткина, по его собственному признанию, «в неопределенности». «Мы живем в эпоху непомерного резонерства и необузданного стремления всё приводить в теории, — с горечью отозвался он. — Не положительность и материальность составляют болячку нашего времени, — а резонерство и тупая страсть к теориям и схемам. Они одни подтачивают современное поэтическое чувство: они убили талант Ж. Санда, убили талант Гоголя. Духовный горизонт человека перестал иметь простор и свободная игра фантазии стеснена разными всюду нас окружающими тенетами теорий, систем и резонерства».⁵²

⁴⁹ Там же. С. 39.

⁵⁰ Досталось от Боткина и Тургеневу: «Это правда, что Тургенева сбил с толку Гоголь, и мне всегда казалось, что направление, избранное Тургеневым, не соответствует вовсе его таланту. В том-то и беда, что Тургеневу недостает пока самости и смелости — этих всегдашних признаков больших талантов. Сам он несравненно выше и лучше всего, что он до сих пор написал» (Там же).

⁵¹ Там же. С. 40.

⁵² Там же. С. 42.

Этот спор для нас особенно интересен тем, что дает возможность отчасти представить обстановку, в которой были задуманы и создавались две лекции о Пушкине и его значении в русской литературе, содержавшие подробную характеристику Гоголя. С чтением этих лекций Тургенев публично выступит в 1860 году. Хотя текст их неизвестен, об их содержании можно судить по нескольким фрагментам, включенным Тургеновым впоследствии в «Воспоминания о Белинском». В них он попытается объективно взглянуть на историческое значение критической (в широком смысле слова) деятельности Белинского, Гоголя и Лермонтова, а также проанализировать влияние, оказанное ими на ход развития литературы и общества.

Признавая, что ниспровержение утвердившейся в эпоху 1830-х — начала 1840-х годов «риторической (или ложновеличавой) школы» (без которого нельзя было ожидать правильного и здорового развития нашей словесности) могло быть осуществлено только «совокупными усилиями» критики, полемики и сатиры, Тургенев укажет на несовместимость нового направления с «пушкинским». «Ясная, здравая» и в то же время «безличная», как пишет Тургенев, «художественность Пушкина» оказалась в определенный момент развития недостаточной для выражения идеала, которому служило новое направление «критики, полемики, сатиры». «Сила вещей сильнее всякой отдельной, личной силы — так же, как общее в нас сильнее наших собственных наклонностей. Время чистой поэзии прошло так же, как и время ложновеличавой фразы <...>».⁵³

Таким образом, Тургенев подчеркивает историческую обусловленность и закономерность произошедшего в литературе поворота от чисто эстетических к социально значимым интересам, связывая его с новыми потребностями общества, которое, будучи поражено «сознанием собственных недостатков», остро ощущало необходимость преобразования окружающей действительности. Но это не означало, что Тургенев-художник мог отказаться от какого-либо из «направлений», обозначенных в истории русской литературы как «гоголевское» и «пушкинское». В оценке Гоголя и Пушкина Тургенев не мог согласиться до конца ни с Чернышевским, ни с Дружининым.

«Но *оба* влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед — но не с тем, чтобы *сменить* гоголевское. Гоголевское влияние и в жизни, и в литературе нам еще крайне нужно».⁵⁴ Вот почему в творчестве самого Тургенева воплотились оба эти начала. «Чистейший лирик», оставивший русской литературе в наследие самые утонченные картины русской природы и создавший наиболее поэтические образы русских людей, в то же время нередко брал в руки бич сатиры и указывал обществу на недостатки, с которыми оно должно было бороться.

⁵³ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 36–37.

⁵⁴ Там же. Письма. Т. 3. С. 55.

Н. Жекулин

ДУХОВНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРГЕНЕВА и ПОЛИНЫ ВИАРДО

Никто не станет отрицать, что Полина Виардо была чрезвычайно важной личностью в судьбе Тургенева, но и ее биографию нельзя себе представить без Тургенева, а для них обоих неизменно важной фигурой был Луи Виардо. Еще их современников занимал вопрос личных отношений внутри «треугольника», который представляли собой чета Виардо и Тургенев. А лет 80 назад И. М. Гревс, один из немногих исследователей, затронувших вопрос об этих отношениях с научной точки зрения, жаловался: «...в злословиях о любви Тургенева чуется просто широко распространенная среди людей мелочность, склонность к пошлой болтовне, легко превращающейся в гадкую сплетню, становящейся ходячею скандальною легендою <...>».¹

¹ Гревс И. М. История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо. Минск, 1993. С. 14 (по изданию: М., 1927).

В результате одностороннего, иногда откровенно болезненного подхода слишком часто остается вне внимания вопрос: какова же была обстановка, которую создали вокруг себя Тургенев и вся семья Виардо, с Полиной в ее центре. Ведь на протяжении сорока лет Тургенева и Полину Виардо объединяли взаимные духовные и интеллектуальные интересы. По словам того же Гревса, «взаимная привязанность расширялась на почве духовного единения в трудовое и творческое взаимодействие с обеих сторон: он входил во все подробности ее артистической работы, она активно интересовалась его расцветающим писательством. Так будет и дальше всю жизнь».²

То, что писал Гревс о взаимоотношениях Тургенева и Полины, следует распространить на все три фигуры этого треугольника. Еще старшая дочь Полины и Луи — Луиза (о которой нельзя сказать, чтобы она в своих воспоминаниях сильно благоволила к Тургеневу) утверждала: «Entre mes parents et Tourguenieff s'établit rapidement et régna toujours une communion d'idées et de sentiments réellement rare même entre amis intimes ou parents rapprochés. Et, comme leur rapports étaient essentiellement intellectuels et artistiques, élevés et nobles, jamais l'éclat n'en fut terni par le moindre nuage. La médisance, elle-même ne réussit pas à en rompre l'harmonie <...>».³

Каждый из них представлял собой авторитет в одном из видов искусства — Тургенев в литературе, Полина в музыке, Луи в изобразительном искусстве. Но каждый в то же время живо интересовался другими видами искусства, и они не только свободно обменивались мнениями и взглядами, но и ценили их друг в друге. В письме к Полине от 30 января (11 февраля) 1867 года Тургенев сообщает о том, как они с Луи обсуждали сделанное Полине предложение выступить в роли Дездемоны в опере Россини «Отелло» в Берлине: «...moi, j'eusse préféré un autre opéra, malgré le magnifique troisième acte — mais si on ne peut faire autre chose, acceptez. <...> Viardot voudrait aussi autre chose qu'„Othello”».⁴

Дело, однако, заходило дальше обсуждений того, что именно Полине следует петь. Она получала от Тургенева советы, в частности о том, как играть свои роли на сцене — и она внимала этим советам. Что же касается Луи, то, по признанию самой Полины, он являлся первым судьей ее исполнительского мастерства: «...je crois que tu aurais été

² Там же. С. 44.

³ «Между моими родителями и Тургеньевым быстро установилась и царилла всегда общность мыслей и чувств, редко встречающаяся даже между близкими друзьями или родственниками. А поскольку их отношения носили главным образом интеллектуальный и художественный характер и были возвышенны и благородны, то их свет никогда не затемнялся ни единым облачком. Даже злословно не удалось нарушить эту гармонию <...>» (*Hérite de la Tour Louis. Une famille de grands musiciens (Mémoires de Louise Hérite-Viardot)*. P., 1922. P. 130).

⁴ «...я предпочел бы другую оперу, несмотря на превосходный третий акт, — но если нельзя ничего сделать другого, соглашайтесь. <...> Виардо тоже предпочел бы не „Отелло»» (*ИССИП(2). Письма*. Т. 7. С. 95, 251).

content de moi, toi, mon meilleur juge dont la sévérité bienveillante, dont le goût si sûr me sont si précieux <...>».⁵

Тургенев, со своей стороны, читал свои новые произведения в первую очередь Полине, переводя по рукописи с листа, — и утверждал: «...vous savez que vous êtes le souverain juge et arbitre <...>».⁶ А идея предпринять программу ознакомления французской публики с русской литературой принадлежала Луи, — причем еще со времени первых гастролей жены в Петербурге. Его инициатива привела к многолетнему сотрудничеству Луи с Тургеневым и к целому ряду переводов из Пушкина, Лермонтова, Гоголя и, в первую очередь, из самого Тургенева.⁷ Причем интеллектуальные отношения между Луи и Тургеневым не ограничивались литературой. Показательно, что в письме к Тургеневу от 17 июня 1844 года, всего через 8 месяцев после их первой встречи, Луи советует Тургеневу читать Монтеня. По-видимому, французский мыслитель не входил в программу обучения университетов ни в России, ни в Берлине, где Тургенев изучал философию: «...chassez du matin au soir et si vous n'avez pas un ami près de vous pour passer à l'ombre, en campant, les heures de repos et de sieste, emportez dans votre carnassière le vieux Montaigne; je veux qu'il devienne votre ami et que vous remerciez de sa connaissance. Ne vous rebutez pas de son vieux langage; il vous plaira bientôt et vous semblera le vrai vêtement de sa pensée».⁸

Будучи проездом в Берлине в 1865 году, Тургенев познакомился с художником Адольфом Менцелем и его полотнами. Он сообщал Полине: «...j'ai vu trois tableaux de Mentzel qui me paraissent tout bonnement des chefs-d'œuvres — (un couronnement du roi actuel dans la cathédrale de Königsberg et deux sujets de la vie de Frédéric le Grand — grandes dimensions). Je vais, moi aussi, donner dans le superlatif, — mais je dois dire que la puissance de coloris de cet homme est prodigieuse, ainsi que la

⁵ «...думаю, ты был бы доволен мною, ты, мой лучший судья, чью благожелательную строгость, чей столь непогрешимый вкус я так ценю <...>». Письмо (дата неизвестна) хранится в частном собрании. Цит. по: *Beaulieu Michèle. Louis-Claude Viardot, collectionneur et critique d'art. 1800–1883 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français. 1984. P. 247.*

⁶ «...вам известно, что вы верховный судья и повелитель <...>» (*ИССиП(2). Письма. Т. 7. С. 94, 251. См. также: Там же. Т. 11. С. 186.*)

⁷ См.: *Cadot Michel. Le rôle de I. S. Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France // Cahiers. N 5 (1981). P. 54–58; Жекулин Н. Тургенев — переводчик. Вопросы теории и практики // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 76–81.*

⁸ «...охотьтесь с утра до вечера, и если у вас не будет рядом друга, с которым вы бы могли во время отдыха и после обеда отдохнуть в тени, прихватите в ваш ягдташ старину Монтеня; мне хочется, чтобы он стал вашим другом и чтобы вы поблагодарили меня за это знакомство. Не отвращайтесь от его устаревшего языка, скоро он вам понравится и откроет истинное одеяние его мысли» (*Correspondance Ivan Tourgueniev — Louis Viardot. Sous le sceau de la fraternité / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 2010. P. 40.*) В письме к Полине, написанном после смерти своей матери, Тургенев сообщает, что он перечитывает Монтеня в издании, которое ему подарил в Петербурге Луи (*ИССиП(2). Письма. Т. 2. С. 74.*)

vérité et la finesse de ses physionomies. Il me rappelle Rembrandt — c'est tout dire! Il m'a fait présent d'une lithographie faite par lui d'un de ses tableaux — „Une dispute de Jésus-Christ enfant au temple”. C'est d'un réalisme impitoyable, mais je trouve cela étonnant — et pour savoir à quoi m'en tenir là-dessus définitivement, je prie Pietsch de vous l'envoyer. Regardez cela un peu avec attention, vous et Viardot — et dites-moi votre impression».⁹

Живя в Париже в 1870-х — 1880-х годах, Тургенев стал одним из основателей Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в этом городе; Полина выступала на благотворительных литературно-музыкальных утренниках и вечерах Общества. Но Тургенев также служил посредником между русскими художниками и Луи Виардо, который в своих статьях знакомил французскую публику с творчеством молодых русских художников.¹⁰

В основе настоящей статьи лежит стремление положить начало более широкому исследованию интеллектуальных взаимосвязей и творческого сотрудничества замечательных представителей европейской интеллигенции XIX века. Отсутствие доступных материалов приводит к тому, что на данном этапе Луи остается лишь на втором плане,¹¹ а в центре внимания оказываются Тургенев и Полина. Статья делится на три части, каждая из которых посвящена определенному периоду жизни как Тургенева, так и Полины Виардо. В каждой части выделяется особый аспект их взаимоотношений. Однако то, что выделяемый аспект относится преимущественно к обсуждаемому периоду, не означает, что он отсутствует в другие периоды. Именно совокупность разных аспектов общения на протяжении целых сорока лет определяет духовные и интеллектуальные связи между Тургеневым и Полиною Виардо.

---

⁹ «...видел три картины Менцеля, которые мне показались просто шедеврами (коронация нынешнего короля в Кенигсбергском соборе и две — на сюжеты из жизни Фридриха Великого — больших размеров). Я, может быть, сильно преувеличиваю, но должен сказать, что мощь колорита, равно как и верность и тонкость в портретных изображениях у этого художника необыкновенные. Он напоминает мне Рембрандта — этим сказано все! Он подарил мне литографию, сделанную им самим с одной из его картин — „Спор отрока Иисуса Христа во храме”. Это безжалостный реализм, но я нахожу это удивительным — а чтобы узнать, стоит ли мне утвердиться окончательно в этом мнении, попрошу Пича послать ее вам. Рассмотрите ее внимательно вместе с Виардо — и сообщите о вашем впечатлении» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 6. С. 138–139, 222–223).

¹⁰ Таким образом, напр., появилась статья (подпись: L. V.) о М. А. Антокольском в бельгийской газете «L'Indépendance Belge» (Виардо был ее корреспондентом в области изобразительного искусства) в номере от 6 марта 1878 г. (Р. 2).

¹¹ Отметим, однако, что сохранившаяся переписка Тургенева с Луи Виардо, появившаяся в печати в марте 2010 г. (сначала в очередном номере *Cahiers*, а затем отдельным изданием — см. примеч. 8), проливает новый свет на этот вопрос, в частности, подтверждает тесные дружеские связи Тургенева и Луи.

Давно признается тургенедами то особое место, которое сыграло в жизни Тургенева имение четы Виардо — Куртавнель, расположенное в 60 км к юго-востоку от Парижа. Между 1845-м и 1862-м годами Тургенев провел общим счетом около пятнадцати месяцев в этом полубившемся ему месте.¹² В своей докторской диссертации, посвященной теме Куртавнеля в жизни и творчестве Тургенева, Патрик Уоддингтон указывает ряд произведений, в которых, в той или иной степени, отображается пейзаж вокруг Куртавнеля, а также человеческие взаимоотношения обитателей этого замка. Но влияние Куртавнеля на Тургенева намного шире этих частных отблесков в его сочинениях. Туда ездили отдыхать члены семьи Луи Виардо и родственники Полины; туда же приезжали в гости выдающиеся представители французского интеллектуального общества — друзья как Луи, так и Полины. Не последнюю роль играет и то обстоятельство, что через чету Виардо неизвестный начинающий иностранный писатель познакомился с корифеями французской интеллигенции, а это, безусловно, способствовало тому, что он впоследствии занял уникальное место в этом обществе.

Еще более важным является то, что годы, когда Тургенев ездил в Куртавнель, были годами окончательного становления его мировоззрения — общественная и семейная обстановка в Куртавнеле сыграли в этом направлении существенную роль. В серии писем к Полине за 1847–1848 годы Тургенев записывает свои впечатления от окрестностей Куртавнеля. В них подробно разрабатывается то отношение к природе, которое станет центральным элементом его мировоззрения и которое получит отражение во многих его произведениях — в частности, в повестях «Поездка в Полесье» и «Довольно», в стихотворении в прозе «Природа». Тут интересен не сам по себе факт разработки этого отношения, а то, что Виардо являлась необходимым ему «резонатором», через который озвучивались, развивались и устанавливались его идеи. И есть все основания предполагать, что такой же процесс формирования его мировоззрения происходил и во время их многочисленных бесед. В 1852 году в ссылке в Спасском Тургенев отвечает на письмо из Куртавнеля, в котором Виардо пишет о деревьях в парке: «des arbres qui semblent *descendre* dans le ciel». Это заставляет его заметить: «Ce n'est pas la première fois que les mêmes idées nous viennent...».¹³ Когда читаешь описание окрестностей Куртавнеля в письмах Виардо к немецкому дирижеру Юлиусу Рицу, то невольно вспоминаются описания природы у Тургенева, особенно те моменты, когда центральную роль в описании играет звук: «Il y a toujours une espèce de frémissement bourdonnant dans

¹² *Waddington Patrick Haynes. Courtavenel: the history of an artist's nest and its role in the life of Turgenev. PhD Thesis. The Queen's University of Belfast, 1972. P. 29.*

¹³ «о деревьях, которые словно опускаются в небо», «не впервые нам приходят в голову одни и те же мысли...» (*ИССУП(2). Письма. Т. 2. С. 149, 395.*)

l'air — une vibration lumineuse — les oiseaux se taisent, excepté le petit Lorient (oiseau noir et jaune) qui siffle son petit chant frais comme un ruisseau de la prairie — de loin en loin un coq chante — le chien d'une ferme éloignée aboie — ah, voilà un perdrix qui part — une brise fait pencher les blés — les voilà redevenues immobiles — une cloche triste au loin — quoi? déjà 5 heures?»¹⁴

Члены семьи Полины Виардо тоже сыграли особую роль в интеллектуальном развитии Тургенева. В эти годы (в частности, в Куртавнеле) Тургенев учился испанскому языку. Он упражнялся с матерью Полины, с ее дядей и тетей Сичес (последние так никогда и не научились французскому языку) и усердно читал испанскую литературу в оригинале. Под влиянием этого чтения испанские литературные герои стали для него представителями страстной и энергичной южной природы, которая противопоставлялась рефлектирующей северной природе в схеме полярностей человеческой психологии, получившей впоследствии свое окончательное разъяснение в статье «Гамлет и Дон-Кихот». Разделение на «северные» и «южные» природы Тургенев унаследовал от немецких эллинофилов, когда учился в Берлине. Для них представителями южной природы служили, естественно, древние греки, а из современников в первую очередь итальянцы.¹⁵ У Тургенева именно после усердного чтения испанской литературы их заменили испанцы.

Самое большое впечатление на Тургенева произвели, как известно, произведения Кальдерона.¹⁶ «Je lis maintenant Calderon avec acharnement (en espagnol comme de raison); — писал он П. Виардо 7 (19) декабря 1847 года, — c'est le plus grand poète dramatique catholique qu'il y ait eu — comme Shakespeare — le plus humain, le plus antichrétien... Sa „Devoción de la Cruz” est un chef-d'œuvre. Cette foi immuable, triomphante, sans l'ombre d'un doute ou même d'une réflexion — vous écrase à force de grandeur et de majesté, malgré tout ce que cette doctrine a

¹⁴ «В воздухе бывает такое гудящее дрожание — сияющая вибрация — птицы умолкли, кроме иволги (черно-желтой птички), высовывающей свою партию, свежую как луговой ручеек — то здесь то там закричит петух — залает собака на дальней ферме — а вот поднялась куропатка — ветерок клонит хлеба — а вот они застыли — вдали звучит печальный колокол — как? неужели уже 5 часов?» (Pauline Viardot to Julius Rietz: Letters of Friendship // The Musical Quarterly. 1915 (Oct.). Vol. I. N 4. P. 551. Письмо от 26 марта 1859 г. Первая и третья части этой переписки вышли соответственно: The Musical Quarterly. 1915 (July). Vol. I. N 3; 1916 (Jan.). Vol. II. N 1. Далее ссылки на это издание сокращенно: *Letters of Friendship*, с указанием части и страницы).

¹⁵ Подробнее о том, как развивалось мировоззрение Тургенева в эти годы, см.: Žekulin Nicholas G. «Сейчас видно, что в свое время сильный был латинист!»: Turgenev and the Ancient Classical World // Russian Text (19th Century) And Antiquity / Русский текст (19 век) и античность / Ed. K. Króó, P. Torop. Budapest; Tartu, 2008. С. 168–205.

¹⁶ Экземпляр тома пьес Кальдерона «Teatro escogido», вышедшего в Париже в 1838 г., в котором фигурирует владельческая надпись: «Тургенев. Париж 1847», хранится в Мемориальной библиотеке писателя в Орле. Луи Виардо иногда употреблял испанский язык в своих письмах к Тургеневу — очевидно, с целью обмануть перлюстрацию (см., напр., письмо от 5 октября 1852 г. и от 18 (30) января 1853 г.: *Cahiers*. N 24 (2000 [2010]). P. 143, 154).

de répulsif et d'atroce. <...> Cependant, je préfère Prométhée — je préfère Satan, le type de la révolte de l'individualité. Tout atome que je suis — c'est moi qui suis mon maître; je veux la vérité et non le salut; je l'attends de mon intelligence et non de la Grâce». ¹⁷

А через шесть дней, прочитав пьесу «La vida es sueño», он снова пишет: «Le Sigismond de Calderon (le personnage principal), c'est le Hamlet espagnol avec toute la différence qu'il y a entre le Midi et le Nord. Hamlet est plus réfléchi, plus subtil, plus philosophique; le caractère de Sigismond est simple, nu et pénétrant comme une épée; l'un n'agit pas à force d'irrésolution, de doute et de réflexions; l'autre agit — car son sang méridionale le pousse — mais tout en agissant, il sait bien que la vie n'est qu'un songe». ¹⁸

Интеллектуальное развитие Тургенева в эти годы касалось не только его мировоззрения и круга чтения. Музыка, как известно, была для Тургенева не менее важна, чем еда и питье. В ссылке в Спасском ему больше всего не хватало именно музыки: «Personne ici n'a la *faim* musicale qui me tourmente», — жаловался он Полине. ¹⁹ В 1877 году, находясь в Петербурге, он думает о музыкальных вечерах у Виардо и снова жалуется, на этот раз Клоди Виардо: «...je connais quelqu'un qui est horriblement privé de musique et qui en a soif...». ²⁰ Музыкальные вкусы Тургенева во многом определялись произведениями, тесно связанными с Виардо. В 1853 году он рекомендует С. А. Миллер музыку Глюка: «Хорошо ли вы знаете Глюка? Помните его арию из „Ифигении“: „O, malheureuse Iphigénie“ — или схождение в ад Орфея? Рекомендую вам также малоизвестную сцену из „Армиды“ — между Армидой и богиней ненависти, к которой она приходит, чтобы искоренить из сердца

¹⁷ «Сейчас я с увлечением читаю Кальдерона (само собой разумеется, по-испански); это величайший драматический поэт-католик, какой когда-либо существовал, подобно тому, как Шекспир самый человеческий, самый антихристианский поэт... Его „Поклонение кресту“ — шедевр. Эта непоколебимая, торжествующая вера, без тени какого-либо сомнения или даже размышления, подавляет вас своею мощью и величием, невзирая на все, что есть отталкивающего и жестокого в этом учении. <...> Тем не менее я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы мал я ни был, я сам себе владык; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» (ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 243–244, 377).

¹⁸ «Сехизмундо Кальдерона (главное действующее лицо) — это испанский Гамлет со всем различием, какое существует между Севером и Югом. Гамлет более рассудителен, более тонок, более философичен; характер Сехизмундо прост, обнажен и отточен, как шпага; один бездействует вследствие нерешительности, сомнения и размышления; другой же действует — потому что к этому его побуждает его южная кровь, — но, действуя, он вполне сознает, что жизнь не более, нежели сон» (Там же. С. 246, 379. Письмо к П. Виардо от 25 декабря 1847 г.).

¹⁹ «Никто здесь не ощущает музыкального голода, который меня терзает» (Там же. Т. 2. С. 160, 398).

²⁰ «...я знаю кого-то, кто совершенно лишен музыки и кто ее жаждет...» (Lettres inéd. P. 263. Письмо от 18 (30) июня 1877 г.).

свою любовь к Ринальду. Это одна из самых удивительных вещей, которые я только слышал».²¹

Виардо была одной из немногих певиц того времени, регулярно исполнявших Глюка, причем сцену из «Армиды» она пела особенно часто.²²

Надо, однако, подчеркнуть, что отношения Тургенева и Виардо на этом поприще не были односторонними. Тургенев не раз советовал ей, что именно и как петь. В письме от 26 ноября 1847 года он пишет: «A propos il faut que vous chantiez en Allemagne quelquesunes de vos chansons. La „Luciole” ou la „Chanson de Loïc”, par exemple».²³ Через месяц, когда Виардо пела в Гамбурге, он ей предлагает вставить в сцену урока пения в опере Россини «Севильский цирюльник» арию Бальфа: «Je veux qu'on me pendre si le public ne casse pas les banquettes. Je connais les Hambourgeois (Ich kenne meine Pappenheimer), il leur faut quelque chose d'épîcé».²⁴ Во многих своих ролях Полина Виардо представляла персонажей из классической литературы и мифологии. Известно, что по тем временам она готовилась к своим ролям необыкновенно тщательно, и не только в музыкальном отношении. Следя по газетам из Петербурга за ее выступлениями в Берлине, Тургенев не стеснялся ни оценивать ее искусство, ни давать советы.

«Ceci me prouve que vous avez fait des progrès, — писал он П. и Л. Виардо 8 (20) ноября 1846 года, — c'est-à-dire de ces progrès comme en font les maîtres et qu'ils ne cessent de faire jusqu'à la fin. Vous êtes parvenue à vous approprier l'élément *tragique*, le seul dont vous n'étiez pas

²¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 260.

²² По количеству произведений Глюк стоит на третьем месте (после Генделя и Моцарта) среди композиторов, которые были включены в педагогическое пособие Полины Виардо «Ecole classique du chant» (1861 и 1891). Ария «Ah! si la liberté me doit être ravie...» из «Армиды» в этом пособии помещена под номером 54.

²³ «Кстати, непременно спойте в Германии некоторые из ваших песен. Например, „Светлячка” или „Песню Лоика”» (ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 232, 368). Речь идет о двух романсах (на слова О. Бризе и Г. де Ларенодьера) из «L'Album Viardot de 1850», появившегося у Brandus & Cie. Тургенев, очевидно, даже думал о переводе некоторых романсов из этого альбома на немецкий язык. В письме к Виардо от 14 декабря 1847 г. он пишет: «Depuis quelques jours — tout en écrivant — je ne fais que chanter l'air de Loïc. Ah mon Dieu! et ma chevière! — Vous l'aurez, Madame, vous l'aurez à Berlin. Je vous en donne ma parole d'honneur» («Вот уже несколько дней, работая, я непрестанно напеваю „Песню Лоика”. Господи! А моя пастушка! Вы получите ее, милостивая государыня, вы получите ее в Берлине. Даю вам честное слово») (ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 241, 375). В альбоме 1850 г. также находится песня (слова неизвестного автора) «La petite chevière».

²⁴ «Пусть меня повесят, если публика не переломает стульев. Я знаю гамбургцев (Ich kenne meine Pappenheimer <я знаю моих папенгеймцев. — нем.>) — им нужно что-нибудь пикантное» (ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 241, 375). Эту арию Виардо нередко вставляла в другие оперы, см., напр., ее письмо к Матв. Ю. Вильгорскому из Берлина от 14–30 марта 1847 г. (отрывок от 23 марта): Виардо П. Письма к Матвею Юрьевичу Вильгорскому / Публ. А. С. Розанова // Музыкальное наследство. М., 1968. Т. 2. Ч. 2. С. 45. См. также примеч. 6 к письму 2: Там же. С. 109. Далее ссылки на это издание сокращенно: Письма к Вильгорскому, с указанием страницы.

encore entièrement maîtresse <...> et je vous en félicite de tout mon cœur. <...> Le choix des opéras que vous allez donner à l'Opern-Haus me paraît admirable (il va sans dire que je préférerais „Les Huguenots” au „Camp de Silésie”). Pour l'„Iphigénie”, j'oserais vous conseiller de relire avec attention la tragédie de ce nom, de Goethe, d'autant plus que vous aurez affaire à des Allemands, qui, presque tous, la savent par cœur, et dont la manière de comprendre ou de se représenter Iphigénie est par cela même irrévocablement fixée. Du reste, la tragédie de Goethe est certainement belle et grandiose, et la figure qu'il a tracée est d'une simplicité antique, chaste et calme — peut-être trop calme, surtout pour vous, qui (grâce à Dieu) nous venez du Midi. Cependant, comme il y a aussi beaucoup de calme dans votre caractère, je crois que ce rôle vous ira à merveille, d'autant plus que vous n'aurez pas besoin de faire un effort pour vous élever à tout ce qu'il y a de noble, de grand et de vrai dans la création de Goethe, — tout cela se trouvant naturellement en vous. Iphigénie elle-même n'était pas une „pâle fille du Nord”; un poisson n'a pas de mérite à rester calme... Vous prononcez bien l'allemand, vous ne le francisez pas; — au contraire, vous exagérez un tant soit peu l'accentuation, — mais je suis sûr qu'avec votre application ordinaire vous avez déjà fait disparaître ce léger défaut».²⁵

Очевидно, советы Тургенева не остались без внимания. В письме к М. Ю. Виельгорскому от 12 декабря 1846 года из Берлина Полина описала процесс подготовки к своим ролям: «Du matin au soir j'apprends mes rôles, et je fais des études d'allemand tout à fait classiques. Je suis dans l'Euripide et Sophocle jusqu'au bout des cheveux, ce qui ne veut pas dire que j'en ai par dessus la tête. Cela m'intéresse vivement. Comme je dois faire plus tard l'„Iphigénie en Tauride” de Glück, je veux me former une grande et noble idée des grandioses types de l'antiquité».²⁶

²⁵ «Это мне доказывает, что вы сделали успехи, то есть те успехи, которые делают и никогда не перестают делать подлинные артисты. Вы достигли того, что усвоили себе элемент трагический, единственный, которым вы еще не вполне владели <...> и я вас поздравляю от всего сердца. <...> Выбор опер, исполняемых вами в Opern-Haus, мне кажется прекрасным (разумеется, я предпочел бы „Гугенотов” „Лагерю в Силезии”). Что же до „Ифигении”, то осмелюсь вам посоветовать внимательно перечитать трагедию Гёте того же названия, тем более что вы будете иметь дело с немцами, которые почти все знают ее наизусть, вследствие чего их представление об Ифигении уже бесповоротно определилось. Впрочем, трагедия Гёте, без сомнения, прекрасна и величественна, а начертанный им образ отличается античной простотою, чистой и спокойной — может быть чересчур спокойной, особенно для вас, которая (слава богу) явилась к нам с Юга. Однако, так как и в вашем характере много спокойствия, я думаю, что роль эта превосходно подходит к вам, тем более, что вам не надо будет делать никаких усилий, чтобы подняться до всего того, что благородно, велико и правдиво в создании Гёте, — всё это дано вам от природы. Сама Ифигения не была „бледной дочерью Севера”; для рыбы нет заслуги в том, что она остается спокойною... Вы хорошо произносите по-немецки, не на французский лад; напротив, вы несколько преувеличиваете ударение, — но я уверен, что, с обычным вашим старанием, вы уже избавились от этого легкого недостатка» (ПССиП(2). Письма. Т. I. С. 214, 359–360).

²⁶ «С утра до вечера я учу свои роли и по классикам изучаю немецкий язык. Я по уши в Эврипиде и в Софокле, но это не значит, что сыта ими по горло. Все это живо меня ин-

К величайшему своему огорчению, Тургенев не мог петь и не научился играть на каком-либо инструменте. Несмотря на свою любовь к музыке, он, насколько известно, не получил специального музыкального образования в детстве. И в этой области Куртавнель сыграл капитальную роль. В письме к Полине от 7 августа 1849 года он сообщает, что просмотрел ее нотную записную тетрадь. Он подробно разбирает романс «L'Hirondelle et le prisonnier» («Ласточка и узник»), несмотря на свои ограниченные исполнительские способности: «Malheureusement ma main droite ne joue pas assez bien du piano pour pouvoir me donner ne fût-ce qu'une idée de la mélodie; cependant j'ai tâché de déchiffrer certains morceaux que vous ne nous avez jamais chantés. — Autant que je puis en juger, vous avez été distinguée de tout temps; mais ce que vous faisiez auparavant était bien moins franc. — P<ar> e<xemple>: je trouve la première phrase de „L'Hirondelle et le prisonnier” charmante <...> mais „j'aime à te voir” — ça me reste dans le gosier comme un os <Тут Тургенев приводит в письме неудачные ноты. — *Н. Ж.*>; j'ai beau le chanter en voix de poitrine, en voix de fausset, en fermant les yeux et inclinant un peu la tête sur l'épaule, comme on fait quand on veut juger avec impartialité — impossible! — Il y surtout cet *ut* qui me désole. J'ai même essayé de le remplacer: impossible, toujours aussi impossible! — Et le commencement de la phrase est si jolie! — C'est égal — je préfère la „Luciole” ou „Marie et Julie” ou „La Nuit et le jour»».²⁷

тересует. Так как позднее мне придется играть в „Ифигении в Тавриде” Глюка, то я хочу составить себе истинное представление о величественных и грандиозных образах античности» (*Письма к Вильгельмскому*. С. 39–40).

²⁷ «К несчастью, моя правая рука не играет на рояле достаточно хорошо, чтобы дать мне больше, чем самое общее понятие о мелодии; тем не менее я попытался разобрать некоторые вещицы, которых вы нам никогда не пели. — Насколько я могу судить, у вас во все времена был превосходный вкус; но то, что вы делали раньше, было несравненно менее искренне. Так, например, я нахожу прелестной первую фразу из „Ласточки и узника” <...> но фраза „Я люблю смотреть на тебя” застревает у меня в горле словно кость; сколько бы я ни пел это грудным голосом, фальцетом, закрыв глаза и наклонив голову немножко набок, как делаешь, когда хочешь судить беспристрастно: невозможно! В особенности это *do* приводит меня в отчаяние. Я даже пробовал заменить его: невозможно, всё так же невозможно! А начало фразы так мило! Всё равно, я предпочитаю „Светлячка”, или „Марию и Юлию”, или „Ночь и день»» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 1. С. 318, 429–430). «L'Hirondelle et le prisonnier» — одна из самых ранних песен Полины Виардо (на слова Г. де Ларенодьера), вышедшая в музыкальной газете «La France musicale» в 1841 г. О «La Luciole» см. выше (примеч. 23); песня «Marie et Julie» (тоже на слова Г. де Ларенодьера) также была напечатана в альбоме «L'Album Viardot de 1850». Когда в 1861 г. парижский издатель Жерар (Gérard) выпустил второе издание этого альбома вместе с первым альбомом Виардо, эта песня вошла в него под названием «Marie et Louise». Под «La Nuit et le Jour» Тургенев, очевидно, имел в виду песню «L'Ombre et le Jour» (на слова Эдуарда Тюркети), которая фигурировала в первом альбоме. В 1869 г. этот романс появился (под названием «День и ночь», в переводе Тургенева) в четвертом альбоме романсов Виардо, вышедшем у Иогансена («Два романса на слова Гёте и Е. Тюркести <sic!>»). В наст. время эта тетрадь хранится в Хаутонской библиотеке Гарварда (MS Mus 232. Item 60. N 22).

Оказывается, у мелодической фразы есть свои закономерности и сочинить романс не так просто! Еще несколько месяцев назад он выслал Полине одно свое музыкальное сочинение (на свои же слова!): «Ce que cela m'a coûté de peine, de sueur au front, d'agonie mentale, se refuse à la description. J'ai trouvé l'air assez vite — vous comprenez — l'inspiration! mais ensuite le trouver sur le piano — et puis l'écrire! J'en ai déchiré 4 ou 5 brouillons et même maintenant je ne suis pas sûr de ne pas avoir écrit quelque chose de monstrueusement impossible. En quel ton est-ce, s'il vous plaît? J'ai dû rassembler à grand-peine tout ce qui a surnagé de bribes musicales dans ma mémoire. Je vous assure — la tête m'en fait mal. Quel travail!».²⁸

Для писателя же хватало забот, когда он сочинял тексты! «J'ai essayé deux ou trois fois de faire des paroles — mais hélas — mon Pégase n'est plus qu'un vieux cheval couronné qui ne peut faire un pas, — писал он Полине Виардо в письме от 4–9 августа 1849 года. — L'autre jour je vois un corbeau gris dans les champs: <...> Tiens, me dis-je, faisons une jolie petite pièce de vers là-dessus. Quelque chose de simple, de gracieux — enfin faisons de Béranger — quoi! — je me suis battu les flancs pendant deux heures sans pouvoir seulement rimer deux vers».²⁹

На самом деле Тургенев многому научился — не только у Полины Виардо, но и у других музыкантов, бывавших в Куртавнеле, в частности у Гуно, который там писал свою оперу «Сафо» для Виардо. Насколько Тургеневу удалось проникнуть в тайны составления музыкально и сценически эффектного либретто, показывает письмо из Куртавнеля к нему Полины от 12 сентября 1850 года, в котором она объясняет, какие перемены придется внести в «Сафо», какие номера надо будет переместить или вовсе исключить, что должен будет досочинить либреттист Эмиль Ожье, какие новые номера написать Гуно.³⁰ Это письмо свидетельствует об огромном влиянии, оказанном певицей на окончательную форму оперы. Но оно также свидетельствует и о том, как хорошо знал Тургенев еще не законченную оперу, в частности насколько он смыслил в вопросах ее структуры, если стоило ему сооб-

²⁸ «Сколько это стоило мне труда, пота, умственных мучений, не поддается описанию. Мотив я нашел довольно скоро — вы понимаете: вдохновение! — но затем подобрать его на фортепьяно и еще записать... Я разорвал четыре или пять черновиков и все-таки даже теперь не уверен в том, что не написал чего-нибудь до невозможности чудовищного. В каком это тоне, скажите пожалуйста. Мне пришлось с величайшим трудом по крохам собирать всё, что всплывало в моей музыкальной памяти. У меня голова от этого болит, уверяю вас. Что за труд!» (*ЛССиП(2). Письма*. Т. 1. С. 286, 406. Письмо от 29 мая (10 июня) 1849 г.); см. также: Там же. С. 303.

²⁹ «Два или три раза я пытался сочинять слова, но, увы! мой Пегас теперь всего лишь старая, хоть и заслуженная лошадь, которая не в состоянии ступить и шагу. Как-то на днях я увидел в поле серого ворона; <...> Ну, вот, сказал я самому себе, сложим об этом хорошенькие стишки. Что-нибудь простое, изящное; словом, что-нибудь вроде Беранже! В течение двух часов я ломал себе голову, не в силах срифмовать хотя бы двух строк» (Там же. С. 319, 430).

³⁰ См.: *Nouv. corr. inéd.* Т. 1. P. 345.

щать об этом во всех подробностях. Опыт этих лет — в непринужденной атмосфере Куртавнеля — дал Тургеневу то серьезное музыкальное образование, которого раньше он был лишен. И этот опыт, несомненно, оказался полезным в баденские годы жизни Тургенева и семьи Виардо.

Баден-Баден

«Un roman pour une sonate. Cela vous va-t-il?» — предлагает Тургенев Полине Виардо в письме 1865 года из Спасского.³¹ Когда Полина Виардо официально оставила сцену в 1863 году после своего триумфа в роли Орфея в опере Глюка, семья переселилась в Баден-Баден, и вскоре после этого их примеру последовал Тургенев. К концу своей жизни он считал баденские годы самыми счастливыми.³² Это и были годы самого тесного творческого сотрудничества Тургенева и Виардо. Помимо нескольких оперетт, для которых Тургенев написал либретто, он принимал активное и разнообразное участие в создании романсов Виардо и в их издании.

Как и отец, Полина сочиняла музыку на протяжении всей своей жизни. Первый романс восемнадцатилетней дебютантки издал Роберт Шуман в приложении к своему известному журналу «*Neue Zeitschrift für Musik*» в 1838 году. Первый альбом ее романсов вышел в 1843 году, и в дальнейшем альбомы и отдельные романсы выходили до конца ее жизни.³³

До сих пор научный интерес к вопросу об участии Тургенева в альбомах романсов Виардо, вышедших у петербургского музыкального издателя Иогансена между 1864 и 1882 годами, сводился преимущественно к замечанию, будто за их издание платил Тургенев.³⁴ Гораздо бо-

³¹ «Роман за сонату — это вам подходит?» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 146, 226. Письмо от 19 июня (1 июля) 1865 г.).

³² Когда летом 1882 г. в интимном кругу пяти учениц Виардо в Буживале в последний раз при жизни Тургенева прозвучала оперетта «Последний колдун», он написал Клоди Виардо-Шамро: «Tu sais combien j'aime cette musique poétique et gracieuse — et puis tous ces souvenirs, tout ce bon temps (peut-être le meilleur de ma vie) qui repassait devant mes yeux» («Ты знаешь, как мне нравится эта поэтичная и изящная музыка — к тому же все эти воспоминания, все это прекрасное время (возможно, лучшее в моей жизни), которые прохлят перед глазами») (*Lettres inéd.* P. 290).

³³ «Die Capelle» (на слова Людвига Уланда): *Neue Zeitschrift für Musik*. 1838. Bd 3; этот романс также вошел в первый альбом («Album de Mme Viardot-Garcia»), вышедший в издательстве Eugène Troupenas (P., 1843) (см.: *Waddington Patrick. The Musical Works of Pauline Viardot-Garcia (1821–1910). A chronological Catalogue*. 2nd ed. Pinehaven (New Zealand), 2004. P. 27–28. Далее: *Waddington. Catalogue*, с указанием страницы). Последний романс вышел в 1910 г. (за это указание благодарю П. Уоддингтона).

³⁴ «Двенадцать стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа» (1864); «Десять стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа» (1865); «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо Гар-

лее интересными, однако, являются роль Тургенева — наставника Полины Виардо в русской поэзии и его роль переводчика. А то, что эти альбомы вообще вышли в России, произошло случайно. Первый альбом 1864 года должен был выйти в Германии, в Карлсруэ, и печатание его даже началось, но из-за серьезной болезни музыкального гравера пришлось искать другого издателя.³⁵ Идея обратиться к русскому издателю, несомненно, возникла благодаря самой поразительной черте как этого альбома, так и следующего (вышедшего год спустя) — тому, что все 22 романса написаны на тексты *русских поэтов!*³⁶ Само собою разумеется, выбор русских текстов не мог произойти без непосредственного участия Тургенева, чего он, впрочем, никогда и не скрывал. В письме к Фридриху Боденштедту, в котором Тургенев его просил предпринять переводы на немецкий язык первых романсов, он сознается, что сам указал на них Виардо.³⁷ Но дело, безусловно, было сложнее одностороннего «указания», а это позволяет бросить новый взгляд на взаимоотношения между Тургеневым и Виардо.

— «Сия» (1868); «Два романса на слова Гёте и Е. Тюркести, в переводе И. С. Тургенева, музыка Полины Виардо-Гарсиа» (1869); «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёррике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа» (1871); «Пять стихотворений Гёте, Пушкина, Мёррике, Гейбеля и Р. Поля, положенные на музыку Полиною Виардо Гарсиа» (1874); «Canti Popolari Toscani. Musica di Pauline Viardot / Народные тосканские песни. Музыка Полины Виардо» (1878). В 1882 г. Иогансен издал все 45 уже вышедших у него романсов, к которым прибавились 5 новых «Народных тосканских песен» и 4 новых романса на слова Пушкина («Стихотворения Гейбеля, Гёте, Кольцова, Лермонтова, Мёррике, Поля, Пушкина, Тургенева, Тюркети, Тютчева и Фета, положенные для пения с аккомпанементом фортепиано Полиною Виардо Гарсиа» — в заглавии по ошибке пропущено имя Гейне). В 1887 г. вышло новое издание всех 54 романсов.

На основе сохранившихся материалов можно утверждать, что с какого-то момента Тургенев платил гонорар за романсы тайком от Полины (хотя она, очевидно, скоро начала об этом догадываться, см. его письмо к А. В. Топорову от 20 марта (1 апреля) 1875 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 58). Кроме того, ясно, что Тургенев платил Иогансену за издание альбомов, начиная с пятого, вышедшего в 1871 г. (см. об этом письма Тургенева к Анненкову от 19 (31 марта) 1871 г. (*ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 60), к А. В. Топорову от 20 марта (1 апреля) 1875 г. (Там же. Т. 14. С. 58), к М. М. Стасюлевичу от 26 ноября (8 декабря) 1877 г. (*ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 267) и к А. В. Топорову от 13 (25) января и 22 ноября (4 декабря) 1881 г. (Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 42 и 150). Издание 1887 г. вышло, само собой разумеется, без какого-либо участия Тургенева.

³⁵ См. письма Тургенева к П. В. Анненкову от 28 сентября (10 октября) и 4 (18) октября 1863 г. (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 212 и 215) и ответ Анненкова от 20 октября (1 ноября) 1863 г. (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 142).

³⁶ Альбом 1864 г. вышел в том же году в Германии в крупном издательстве Брейткопфа и Гертеля (Breitkopf & Härtel) («12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt v. Fr. Bodenstedt, für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte, componirt von Pauline Viardot Garcia» — тексты только на немецком языке). А в 1866 г. парижский издатель Жерар (Gérard) издал во французском переводе 12 романсов, выбранных им из первых двух русских альбомов («Douze Mélodies sur des Poésies Russes de Pouchkine, Tourguéneff, Feth, Lermontoff, Koltsoff, par M-me Pauline Viardot-Garcia. Traduction de L. Romeu» — тексты только на французском языке).

³⁷ *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 184.

В единственном опубликованном письме Виардо к Юлиусу Рицу, в котором упоминается Тургенев («er gehört zu den wenigen, die ich Freunde nenne»³⁸), она сообщает, что они часто читают вместе и только что начали читать Гомера, а прибавляет: «Ich kenne nichts angenehmeres mit einem sympathischen Geist, mit einem lieben Freund, ein gutes u<nd> schönes Buch zusammen laut zu lesen».³⁹ Чтение вслух, конечно, было широко распространено в XIX веке, и оно занимало важное место в семье Виардо. В 1876 году Тургенев сообщает Генри Джеймсу о том, что они с Полиной стали вместе читать его роман «Родерик Гудсон»;⁴⁰ в 1879 году он пишет Флоберу, что его «Воспитание чувств» читается «avec enchantement, avec ravissement» в семейном кругу.⁴¹ Русские романы Виардо подтверждают, что Тургенев и Полина Виардо читали и русских поэтов вместе, причем на русском языке!

О более раннем интересе Полины Виардо к русской поэзии свидетельствует письмо Тургенева к ней из Куртавнеля от 7 августа 1849 года, в котором он обсуждал ее музыкальные произведения. Здесь он также упоминает две другие тетради, содержание которых совершенно не связано с музыкой: «...c'étaient des poésies russes, copiées par vous et le commencement d'une grammaire. — Ça m'a semblé bien drôle tout de même. Sériez-vous encore en état de lire ce que vous y avez écrit? — C'est à Vienne n'est-ce pas, avec Mr Sollogoub, que vous vous êtes occupée de cela?».⁴²

Не удивительно, конечно, что поэты, которые фигурируют в романах 1860-х годов, являются любимыми поэтами самого Тургенева. Нельзя, однако, себе представить, чтобы Виардо решила сочинять музыку на тексты, просто «подсунутые» ей даже Тургеневым. Она их, безусловно, выбирала из тех, которые они вместе читали, на основе личного предпочтения. В письме к переводчику альбомов 1864 и 1865 годов Ф. Боденштедту Тургенев объяснил, что именно в поэзии Фета (а Фет в ее творчестве занимает среди русских поэтов второе место после Пушкина) привлекало Виардо: «...ses vers ont des rythmes nouveaux

³⁸ «он принадлежит к немногим, которых я называю друзьями» (нем.).

³⁹ «Я ничего не знаю более приятного, чем читать вслух хорошую и прекрасную книгу вместе с симпатичной душой, с близким другом» (*Letters of Friendship*. III. P. 39). В письме к Полине из Спасского от 31 марта (12 апреля) 1859 г. Тургенев вспоминает о том, как они вместе читали «Юлия Цезаря» Шекспира (*ПСССНП(2). Письма*. Т. 4. С. 33–34).

⁴⁰ *ПСССНП(1). Письма*. Т. 11. С. 204.

⁴¹ «с восторгом, с восхищением» (франц.) (Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 168, 373 (и 176); см. также: С. 183).

⁴² «...это были списанные вами русские стихотворения и начало грамматики. Это мне всё же показалось очень забавным. Могли бы вы теперь прочитать то, что вы там написали? Не правда ли, вы ведь занимались этим в Вене, с г-ном Соллогубом?» (*ПСССНП(2). Письма*. Т. 1. С. 319, 430). Речь идет о брате писателя, графе Льве Александровиче Соллогубе (1812–1852), который в 1842–1846 гг. служил секретарем при русской миссии в Вене.

qui <se> prêtent à la musique». ⁴³ Взыскательный меломан, близкий друг (и зять) поэта — В. П. Боткин — был доволен результатом. В письме к сестре и зятю от 12 декабря 1862 года по поводу двух романсов на слова Фета («Шепот, робкое дыхание» и «Тихая звездная ночь», оба попали в альбом 1864 г.), Боткин сообщал: «Музыка прелестна и, по моему мнению, совершенно переносит в ту сферу чувства, в каком написались эти стихотворения. В этом случае музыка есть великий помощник поэзии; простым чтением не передать и десятой доли того, что содержится в ином стихотворении. <...> Признаюсь, я сначала сомневался в ее удаче и долго отклонялся прослушать их, ибо, к несчастью, не могу скрывать, если мне вещь не понравится, — но наконец услышал их — и пришел в восторг. <...> Уверяю вас, слышать эти стихотворения в пении М-ме Виардо есть наслаждение особого, высшего рода. И выговаривает она хорошо. Все это, разумеется, не без помощи нашего приятеля, который указал и пояснил ей эти стихотворения».⁴⁴

Даже если Тургенев пояснял ей эти тексты, Виардо сочиняла музыку непосредственно на русский текст. Это доказывается и тем, что Боденштедту высылались готовые романсы с русскими текстами для перевода на немецкий язык, а также тем, что в сохранившихся черновых тетрадах русские романсы записаны с русским текстом рукой самой Виардо.⁴⁵ Музыка создавалась непосредственно для звука, ритмики и интонаций русского языка. Таким образом, благодаря Тургеневу Виардо занимает видное место в истории русского романса. Если на слова Пушкина в России романсы стали появляться еще при жизни поэта, то до появления романсов Виардо на слова Лермонтова или особенно Фета существовали единичные примеры. Есть немало таких случаев, когда Виардо обращалась к какому-то тексту задолго до того, как он

⁴³ «...его стихам присущи новые ритмы, которые годятся для музыки» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 190, 349).

⁴⁴ <Фет А. А.> Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступит. ст., публикация и коммент. Ю. П. Благоволиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 326–327. Ср.: *Розанов А. С.* Полина Виардо-Гарсиа. Л., 1982. 3-е изд. С. 126–127. Фет был лично знаком с семьей Виардо. В своих воспоминаниях он дает описание того, как гостил у них в Куртавнеле в 1856 г. Его никто не встретил, так как, по недоразумению, Тургенев забыл сообщить хозяевам о его приезде (*Фет. МВ*. Т. 1. С. 150–162). Очевидно, Фету тоже понравились романсы Виардо. Когда он посетил Тургенева в Спасском в 1865 г., последний сообщил Полине: «...il avait même essayé de composer des vers pour que vous les missiez en musique, mais sa muse a avorté cette fois» («...он даже попытался сочинить стихи, которые бы вы положили на музыку, но на сей раз его муза оплошала») (*ПССиП(2). Письма*. Т. 6. С. 143, 225).

⁴⁵ См., напр., тетрадь 1868 г., которая хранится в Хаутонской библиотеке Гарвардского университета (BMS Mus. 232. Item 61). В Рукописном отделе *ИРЛИ* находится альбом А. Ф. Онегина, в котором сохранился нотный автограф Виардо, записанный ею 15 октября 1897 г., где воспроизведено начало ее романса «Заклинание» на слова Пушкина. Даже в старости Виардо не совсем забыла, как надо писать по-русски, хотя в стихе «О если правда, что в ночи...» допустила две орфографические ошибки и пропустила запятую («О если правда чтобь ночи») (№ 29337. Л. 145). См. иллюстрацию на с. 176.

привлек внимание крупных русских композиторов.⁴⁶ А за пределами России романсы Виардо стали исключительным вкладом в распространение русского романса. Не только она, но и ее ученицы их исполняли на концертах,⁴⁷ и, по словам Тургенева в письме к Фету, романс на его стихотворение «Тихо вечер догорает...» «производит в Париже фурор».⁴⁸ Интерес Виардо к поэзии Пушкина продолжался и позднее. Если в конце 1870-х годов русских поэтов заменили немецкие (в первую очередь, Эдуард Мёрике), а после франко-прусской войны она обратилась к тосканским народным песням как к источнику для своих романсов, то в 1882 году, когда Иогансен переиздал все альбомы ее романсов, вышедшие в его издательстве, к старым романсам прибавилось также четыре новых на слова Пушкина.⁴⁹

Однако не только русская поэзия привлекала внимание Полины Виардо. На протяжении всей жизни она живо интересовалась русской музыкой. По словам хроникера петербургского театра А. И. Вольфа, благодаря тому, что Виардо исполняла вокальную музыку А. С. Даргомыжского во время первых петербургских гастролей в 1853 году, она ввела композитора «решительно в моду, имя его сделалось известным и в тех слоях общества, где о русских композиторах не имели никакого понятия».⁵⁰ Впоследствии главным посредником между Полиной и новейшей русской музыкой стал Тургенев. Он то и дело выписывал через друзей или же сам привозил из России заинтересовавшие ее произведения. Так, получив через М. А. Милютину романсы П. И. Чайковского, Тургенев ее поблагодарил и сообщал: «...вчера прибыли романсы Чайковского, которые г-жа Виардо тотчас разыграла и из которых ей особенно понравились три последние — и особенно самый последний —

---

⁴⁶ Так, напр., к стихотворению Фета «Тихая звездная ночь...» до П. Виардо обратились только П. П. Булахов и К. Г. Пауфлер (и после нее знаменитые композиторы продолжали пренебрегать этим стихотворением), а к стихотворению «Шепот, робкое дыхание...» до нее обратился лишь К. П. Бильбоа, а уже после нее — Балакирев (1904), Метнер (1912), Римский-Корсаков (1897) и П. Г. Чесноков (1909). Она же первая сочинила музыку на стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы...» и «Цветок засохший...», а уже после нее на первое — Метнер (1914), а на второе — Кюи (1881) и Римский-Корсаков (1898) (см.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года) / Сост. Г. К. Иванов. М., 1966. Вып. 1).

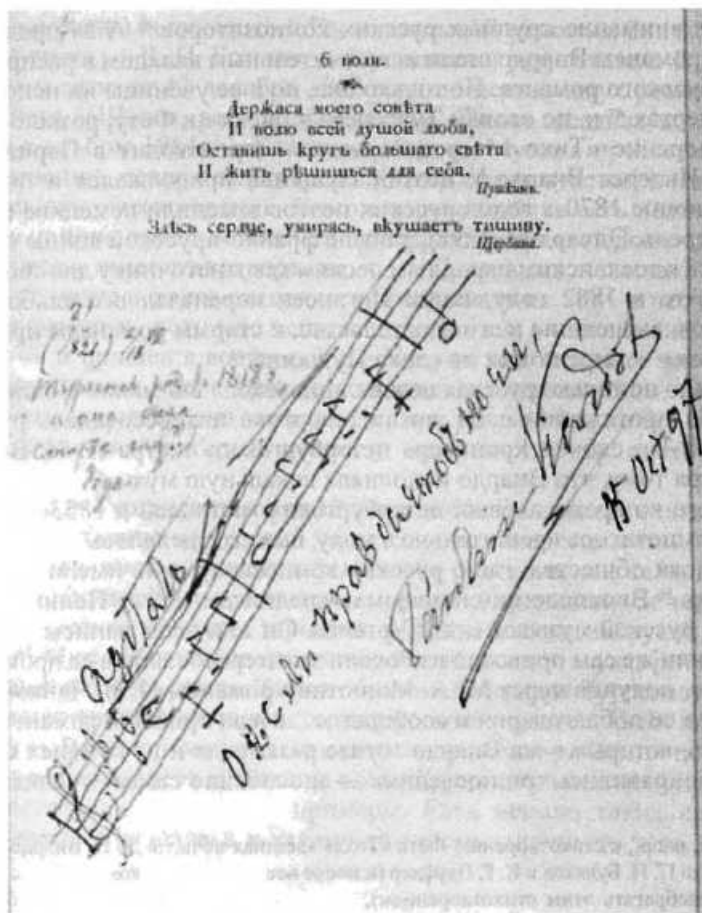
⁴⁷ См., напр., программу музыкального утренника на вилле Виардо, состоявшегося 21 апреля 1866 г., на котором Мари Шрёдер (Marie Schröder) исполнила романс «Русалка» на слова Лермонтова (*Чистова И. С.* Тургенев и музыкальные утренники в Баден-Бадене // *Т Сб.* Вып. 1. С. 318).

⁴⁸ *ПССУП(2). Письма.* Т. 7. С. 64.

⁴⁹ № 51 «Вот зеркало мое»; № 52 «Ночной зефир. Испанский романс»; № 53 «Старый муж, грозный муж»; № 54 «Ворон к ворону летит. Шотландская песня». Два из ее романсов на слова Пушкина («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» и «Вот зеркало мое») попали во французском переводе в альбом, который выпустил в 1884 г. парижский издатель Хейгель (Heugel): *Six mélodies. Deuxième série — N 5 «Le Miroir»* (trad. Victor Paul), N 6 «Insomnie» (trad. Paul Collin).

⁵⁰ *Вольф А. И.* Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года: В 3 ч. СПб., 1877–1884. Ч. 1. С. 164.

Запись Полины Виардо в альбоме А. Ф. Онегина
(ИРЛИ)

на слова *Gete* (а не *Гейне*, как сказано в тексте) „Nur wer die Sehnsucht kennt“ в переводе Мея. Г-жа Виардо собирается спеть этот романс в одну и своих „суббот“ <...>.⁵¹

П. Виардо продолжала исполнять романсы Чайковского не только на частных вечерах, но и в благотворительных концертах.⁵² А в 1878 го-

⁵¹ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 80. Письмо от 15 (27) апреля 1871 г. Речь идет о романсе «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду...» («Шесть романсов» (ор. 6) П. И. Чайковского. М., 1870).

⁵² Напр., на музыкально-литературных вечерах в пользу русских художников в Париже она дважды, в 1878 и 1882 гг., пропела романс «Нет, только тот, кто знал...» (см.: ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 364 и *Ромм С.* Из далекого прошлого. Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе // *ВЕ.* 1916. № 12. С. 113).

ду Тургенев просил своего поверенного А. В. Топорова купить и «немедленно» прислать партитуру «Евгения Онегина», что Топоров и сделал. Две недели спустя (!) Тургенев уже мог сообщить Л. Н. Толстому, что «г-жа Виардо начала разбирать эту вещь по вечерам. Несомненно замечательная музыка; особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто!».⁵³ Таким образом, среди французских музыкантов Полина Виардо не только была одной из самых осведомленных в русской музыке, но сыграла немалую роль в распространении знаний о русской вокальной музыке во Франции.

Если судить по самим изданиям, то ответ на вопрос о роли Тургенева-переводчика в альбомах, вышедших у Иогансена, является довольно простым. В действительности, за открытым участием Тургенева было и скрытое участие, и вопрос о роли Тургенева-переводчика является скорее запутанным, нежели решенным.

Первый и второй русские альбомы появились с текстом на русском и на немецком языках. Немецкий перевод был заказан у известного переводчика Фридриха Боденштедта. Тургенев особенно ценил переводы Боденштедта из Шекспира,⁵⁴ но Боденштедт также издал несколько сборников переводов из русских поэтов.⁵⁵ Однако перевод текста к готовой мелодии — это особый жанр перевода; по словам Тургенева, «la musique a des exigences très impérieuses».⁵⁶ В письмах к переводчику Тургенев подробно объяснял, какие места в его переводах и почему надо изменить, чтобы они подходили к музыке.⁵⁷ Он сделал ряд предложений, называя их, правда, «monstres» «pour qu'avec un attouchement de votre baguette de sorcier vous en fassiez des vers charmants».⁵⁸ Небезынтересно заметить, однако, что Боденштедт в некоторых случаях не пренебрегал тургеневскими «монстрами»!⁵⁹ А когда Боденштедт задер-

⁵³ См.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 377 и 383. В 1872 г. другая с нетерпением ожидаемая опера на слова Пушкина — «Каменный гость» Даргомыжского — произвела гораздо худшее впечатление: «Мы получили здесь „Каменного гостя“ Даргомыжского — с жадностью накинулись на него — и остались огорошенными! Неужели это не мистификация?» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 213). См. также: Там же. С. 191, 196, 200.

⁵⁴ См.: Там же. Т. 5. С. 19.

⁵⁵ Боденштедт издал двухтомник переводов из Лермонтова в 1852 г. (Michail Lermontoff's poetischer Nachlass. Berlin: Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei R. v. Decker) и в том же издательстве трехтомник переводов из Пушкина в 1854–1855 гг. (Alexander Puschkin's poetische Werke). Эти переводы попали в его «Gesammelte Schriften. Gesamt-Ausgabe in zwölf Bänden» (1865–1869. Т. 4–7). Здесь к ранее вышедшим переводам добавились (в т. 7) переводы, сделанные для альбомов Виардо.

⁵⁶ «Музыка имеет свои настоятельные требования» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 193).

⁵⁷ См., напр., два письма от 14, 15 июля и от 16 июля 1863 г. (Там же. С. 189–193).

⁵⁸ «с тем, чтобы вы, прикосновением вашей волшебной палочки, превратили бы их в прелестные стихи» (Там же. С. 190, 349).

⁵⁹ Переводы стихотворений Фета «Тихая, звездная ночь...» и «Полуночные образы», напр., являются фактически слегка исправленными вариантами переводов, которые Тургенев послал Боденштедту в письме от 16 июля (Там же. С. 191–192). Следует отметить, что именно эти переводы появились впоследствии в седьмом томе «Gesammelte Schriften» Боденштедта (1866. S. 147, 148).

жался с высылкой перевода стихотворения «Птичка Божия», Тургенев приготовил запасной перевод, который он сообщил Полине Виардо в письме от 24 января (5 февраля) 1864 года. Перевод Боденштедта успел прибыть в Петербург до того, как начали печатать этот романс. Но так как Виардо предпочла первые четыре строки второй строфы в переводе Тургенева, именно его перевод (в немного измененном виде) появился в альбоме.⁶⁰

Третий альбом вышел у Иогансена в 1868 году. Если исходить из названия — «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева», то может показаться, что речь опять идет о текстах русских писателей. Однако стихотворения, приписываемые Тургеневу, являются переводами немецких стихотворений, в частности Мёрике и баденского музыкально-журналиста и писателя Рихарда Поля. Оказывается, Иогансен считал, «qu'on se peut passer de paroles allemandes».⁶¹ Это означало: если стихи Лермонтова появились без немецкого перевода, то «тургеневские» — без своих оригиналов.⁶² Это был «переходный» альбом. Во второй половине 1860-х годов немецкие поэты заменили русских в качестве главного источника для романсов Виардо, и решение Иогансена ее устраивало. Зайц, ее немецкий издатель, не хотел, чтобы романсы, которые он издавал, появились с немецким текстом в России.⁶³

Особый случай представляет романс на стихотворение Гёте «Vor Gericht» («Перед судом»). Это стихотворение продолжало вызывать полемику в Германии своей тематикой, и, хотя Виардо свой романс на этот текст часто исполняла по настоятельным требованиям своих поклонников, особенно в Веймаре, издать его в Германии было невозможно, но и замалчивать его авторство тоже было затруднительно. Этот романс первоначально должен был попасть в третий альбом Иогансена, но и русский издатель отнесся к нему настороженно. Тургенев предложил Иогансену издать его отдельно или вместе с другим романсом Виардо на слова Гёте, и в конечном итоге он вышел в 1869 году вместе со старым романсом Виардо (из ее альбома 1843 года) на слова французского поэта Тюркети. В издании авторы названы, но оба романса появились только с русским текстом, «в переводе И. С. Тургенева» (это указано не только на обложке, но и в заглавии).⁶⁴

Тексты всех шести романсов в пятом альбоме, вышедшем в 1871 году, принадлежат немецким поэтам. Из-за франко-прусской войны се-

⁶⁰ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 258, 270; *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 322; альбом 1864 г.: «Птичка Божия». С. 2–3; Breitkopf & Härtel. 1864. S. 39–40.

⁶¹ «что можно обойтись без немецких текстов» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 9, 234).

⁶² Два года спустя «In der Frühe» («Заря») и «Räthsel» («Разгадка») вышли в Германии с подлинными текстами Мёрике и Рихарда Поля (Leipzig & Weimar, Rob. Seitz). Установить оригинал третьего «тургеневского» стихотворения («Разлука») до сих пор не удалось. Предлагаемые разными исследователями возможные источники неубедительны.

⁶³ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 198.

⁶⁴ Иогансен требовал, чтобы Тургенев «смягчил» свой перевод, и, хотя писатель считал невозможным «ослабить это — не разрушив целого», он все-таки перевел его заново (см.: Там же. Т. 9. С. 21). О романсе «День и ночь» на слова Тюркети см. примеч. 27.

мья Виардо на некоторое время прекратила все отношения с Германией. Следовательно, со стороны Полины не было причин, чтобы тексты не могли появиться в России как в немецком оригинале, так и с переводами на русский язык. Так и было с альбомом 1871 года, где автором переводов в издании снова назван Тургенев.⁶⁵ А следующий, шестой альбом вышел в 1874 году без указания имени переводчика. В него вошли четыре романса на немецкие тексты и один романс («Юноша и дева») на слова Пушкина. На основе переписки Тургенева с Виардо можно утверждать с достоверностью, что автором переводов являлся Тургенев. В письме от 7 (19) мая 1874 года он сообщает, что по дороге в Петербург переводил романсы, которые на следующий день отнесет Иогансену.⁶⁶ В этом письме Тургенев не называет переведенные им романсы, но в другом письме он приводит свой немецкий перевод пушкинского стихотворения. Кроме последней строки (о которой в письме Тургенев пишет «NB. Ce vers sera encore changé»), этот перевод в основном совпадает с переводом, напечатанным в альбоме.⁶⁷

Решение не указывать имени переводчика можно объяснить смешанным содержанием альбома, где имелись не только переводы немецких текстов на русский язык, но и русского текста на немецкий. Можно предположить, что Тургенев избегал объявлять себя публично автором перевода на немецкий язык. Когда он издавал переводы не на русский язык, он всегда доверял окончательную шлифовку опытному мастеру литературного стиля на данном языке, и перевод обозначался в печати как совместный.⁶⁸ В данном случае не было необходимости так поступать, но, осмотрительности ради, не было причин и выставлять свое имя в качестве переводчика. Альбом, конечно, не мог появиться с указанием автора переводов с немецкого языка на русский и с умалчиванием имени переводчика с русского на немецкий, таким образом, он вышел вообще без указания переводчика. Однако, именно то, что переводчик десяти «Народных тосканских песен», которые появились у Иогансена в 1878 и в 1880 годах, не назван, заставляет нас поставить вопрос, не Тургенев ли перевел итальянские тексты на русский язык. К сожалению, не сохранилось сведений, которые могли бы дать на этот вопрос определенный ответ.⁶⁹

⁶⁵ Ни одно ее произведение не появилось в Германии до 1879 г., когда вышло немецкое издание пяти тосканских народных песен у Брейткопфа и Гертеля (Breitkopf & Härtel), а в следующем году вышли как немецкое издание ее учебного пособия «Une heure d'études» (в России оно вышло под названием «Упражнения для женского голоса»), так и альбом «Vier Lieder» (на тексты Гёте, Мёрике и Поля) у берлинского издателя E. Bote & G. Bock (см.: *Waddington. Catalogue*. P. 20–21).

⁶⁶ ПССУП(2). Письма. Т. 13. С. 72.

⁶⁷ «NB. Эта строка будет еще переделана» (Там же. С. 77, 281. Письмо от 13 (25) мая 1874 г.).

⁶⁸ См.: *Жекулин Н.* Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики. С. 76–85.

⁶⁹ О том, насколько Тургенев владел итальянским языком, современный исследователь сообщает следующее: «...Turgenev ha nutrito una certa curiosità per la storia italiana, si è appassionato per la lotta della libertà condotta dal popolo italiano, ma non è riuscito

В 1867–1869 годах на частные представления в Баден-Бадене оперетт Полины Виардо на либретто Тургенева хлынула самая изящная публика. Об этих представлениях с участием учениц певицы и младших детей Виардо с восторгом писали как слушатели, так и европейская музыкальная пресса. Оперетты, созданные совместно Тургеньевым и Полиной Виардо, представляют собой особую и плодотворную тему, о которой следует говорить отдельно и обстоятельно. Однако сохранившиеся рукописи и другие источники позволяют нам предположить, как сотрудничали эти два художника.

Из письма к Виардо мы узнаем, что сюжеты выдумывал и предлагал Тургенев.⁷⁰ Затем, по-видимому, сюжеты обсуждались, и только после этого Тургенев приступал к созданию сценария. Хотя у Тургенева было хорошее чутье и понимание того, как надо составить оперетту, трудно себе представить, чтобы музыкальные номера не согласовывались с Виардо до написания сценария. В одной из черновых рукописей к «Последнему колдуну» встречается предложение: «Ici routrait se placer No 6 — Sa romance».⁷¹ Но несомненно и то, что Тургенев представлял себе, каким мог быть музыкальный облик произведения в общих чертах. В цитируемой выше рукописи находим предложения следующего характера: «Il faudrait faire de cela un récitatif solennel et ampoulé»; или «*Tout cela doit être fait en musique*».⁷² А форму отдельных музыкальных номеров «заказывала» Виардо. В черновой рукописи к «Людоеду» встречаются пометки вроде «Lui 8 vers solo / Elle 8 vers solo / Puis 4 Alexandrins à eux deux», или же «Chœur des questionneuses // en Alexandrins».⁷³ Там же находим начало одной арии, которая обрывается на третьем стихе, после чего следует серия рифмованных слов (*bouts rimés*), к которым потом приходилось добавлять стихи.⁷⁴ Значит, у Виардо, даже если не было заранее задуманной мелодии в уме, имелось четкое представление о характере музыкального номера, в частности о ритмическом размере и мелодической структуре, чем определялись стихотворный размер и строфическая структура тургеньевского текста. В некоторых рукописях встречаются (чаще всего на полях) ноты, пред-

---

a penetrare nel mondo della poesia e della letteratura italiana, sia perchè conosceva solo superficialmente la lingua, sia perchè non aveva mai studiato sistematicamente la storia della letteratura italiana o i singoli autori» (*Kauchtschischwili N. I. S. Turgenew e l'Italia // Miscellanea Turgenewiana. Bergamo, 1977. P. 149*).

⁷⁰ См., напр., письмо к П. Виардо от 3 (15) июня 1868 г., в котором Тургенев пишет, как он провел бессонную ночь в поезде: «J'ai essayé de faire les traductions russes des romances, j'ai rêvé à des librettos — impossible!» («Пытался переводить на русский язык романсы, обдумывал либретто — ничего не получилось!») (*ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 209, 272*).

⁷¹ «Здесь можно ввести № 6 — его романс» (Там же. *Соч. Т. 12. С. 473, 476–477*).

⁷² «Из этого следовало бы сделать торжественный и напыщенный речитатив»; «*Всё это должно быть изображено музыкально*» (Там же. *С. 474, 478*).

⁷³ «Он 8 стихов соло / Она 8 стихов соло / Затем 4 alexandрийских стиха вместе»; «Хор любопытных // Александрийскими стихами» (Там же. *С. 487, 494*).

⁷⁴ См.: Там же. *С. 486*.

Полина Виардо
Рисунок неизвестного художника
Баден-Баден, 1865 г. (Альбом Е. Н. Опочинина, *ИРЛИ*)

ставляющие собой краткую фигуру, — тогда задача Тургенева состояла в том, чтобы соответствующие слоги (и особенно гласные) подходили под ритм и контур музыкальной фразы и были удобны для исполнения.⁷⁵

В Хаутонской библиотеке Гарвардского университета хранится интереснейшая рукопись, позволяющая проникнуть в сам творческий процесс. Это черновик несостоявшегося трио для «Последнего колдуна». Тургеневский текст приводится рукой Виардо на лицевой стороне листов. Это черновой текст, и на полях даются варианты и добавления. В некоторых местах вставлены музыкальные указания, вроде «C moll». На оборотных сторонах листов, напротив соответствующих мест в тексте, приводятся наброски мелодий, иногда с назначением гармонии для сопровождения.⁷⁶ Окончательная музыкальная форма разрабатывалась уже на других листах.⁷⁷ Эти рукописи подтверждают, что оперетты являются плодом теснейшего сотрудничества на каждом этапе творческого процесса между этими двумя художниками.

⁷⁵ См., напр., рукопись хора из «Последнего колдуна» «Par ici» (*BN. MSS. Slaves 75. F. 117*).

⁷⁶ Houghton. *BMS. Mus 232 (42)*.

⁷⁷ Такой лист с черновиком арии Паши из оперетты «Слишком много жен» сохранился в парижской Национальной библиотеке и воспроизведен: *ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 119*.

Италия

Если до сих пор речь шла о непосредственном влиянии на развитие образа мыслей и художественной личности Тургенева и Полины Виардо, а также о прямом сотрудничестве между ними, то теперь необходимо обсудить их гораздо более «расплывчатое» взаимодействие. Итальянская тема послужит примером всякий, создающих ту общую духовную атмосферу, в которой жили и творили оба художника. Италия проходит красной нитью через творчество Тургенева и Виардо на протяжении всех лет их совместной жизни во Франции после 1871 года, когда они покинули Баден-Баден.

Тургенев дважды посетил Италию: в 1840 и в 1857/1858 годах. Его отношение к Италии было неоднозначным. Следы античной культуры, особенно на юге Италии, приводили его в восторг, но его отношение к римскому наследию было двояким: он любовался республиканским Римом и полностью отрицал империю. Умерщвляющее влияние современного реакционного католичества также вызывало у него отвращение, а Рисорджименто, в частности походами Гарибальди, он восхищался.⁷⁸

Итальянская тема нередко фигурирует в его творчестве с самых ранних произведений, еще до первой из его двух поездок в Италию.⁷⁹ Можно упомянуть раннее стихотворение «К Венере Медицейской» и раннюю поэму «Филиппо Стродзи», не издававшуюся при жизни автора. Италия занимает значительное место в рассказе «Три встречи» и в повести «Призраки». В романе «Накануне» главный герой умирает в Венеции. А в повести «Вешние воды», которую Тургенев писал преимущественно после того, как покинул Баден-Баден (хотя он ее окончил именно там, проездом, в сентябре 1871 года), Италия занимает центральное место. Еврейская семья, с которой Тургенев встретился во Франкфурте, возвращаясь из Италии в 1840 году, превращается в итальянскую семью Розелли; мальчик Эмилио, которого спасает главный герой Санин, впоследствии погибает добровольцем в отрядах Гарибальди. Но в этой повести появляется новый элемент: итальянская тема здесь уже непосредственно связана с семьей Виардо. Старый друг-слуга семьи Розелли — Панталеоне — в юности выступал на сцене с «великим Гарсиа», отцом Полины.⁸⁰ Явное антинемецкое настроение повести отражает чувства того времени в семье Виардо в изгна-

⁷⁸ См., напр.: *Žekulin N. Turgenev and the Ancient Classical World*. P. 181–183.

⁷⁹ Об Италии в творчестве Тургенева см.: *Гревс И. М. Тургенев и Италия* (Культурно-исторический этюд). Л., 1925, а также сборник «Turgenev e l'Italia. A cura di Alessandro Ivanov» (Genève, 1987. Seria: Biblioteca del viaggio in Italia. Studi, 26.)

⁸⁰ Так как Полина видела своего отца на сцене только маленькой девочкой, Тургенев скорее всего получил сведения о Мануэле старшем или от старшего брата Полины Мануэля младшего (с которым часто встречался в Лондоне в 1870–1871 гг.), или же от Луи Виардо, который его часто видел на сцене в Париже еще до рождения Полины (см., напр., его статью «Un Souvenir de *Don Juan de Mozart*»: *Cahiers*. N 2 (1978). P. 64–71).

нии — в Лондоне. Особенно могут удивлять личные нападки в повести на Рихарда Поля, члена круга Виардо в Баден-Бадене, которого подозревали в том, что именно он распространял слухи о том, будто Виардо злословили в адрес Германии.⁸¹ В конце повести Санина поражает фотография, вложенная в письмо из Америки от героини — Джеммы. На фотографии — ее дочь, живая копия матери в юности. У этой дочери то же имя, что и у третьей дочери четы Виардо — Марианны. О чувствах Санина, вызванных письмом и фотографией, сообщает рассказчик: «Музыка одна могла бы <...> передать».⁸²

В семье Виардо, естественно, итальянская культура играла значительную роль. В оперном репертуаре Полины преобладала музыка на итальянском языке (даже если в некоторых театрах было принято петь на местном языке). Сочинения на итальянском языке занимали ведущее место в ее педагогической деятельности.⁸³ Итальянский язык она знала достаточно хорошо, чтобы читать великих итальянских поэтов в оригинале и переводить Данте на французский язык ради собственного удовольствия.⁸⁴ Однако (как объяснил Тургенев одному молодому русскому певцу, который искал ее покровительства) в Италии Полина «даже во время своей славы не пела — и не хотела петь».⁸⁵

Что касается итальянского изобразительного искусства, в первую очередь искусства Возрождения, то оно не могло не быть в центре внимания искусствоведческой деятельности Луи Виардо. Кроме того, в его частном собрании картин было несколько полотен итальянских мастеров.⁸⁶ А в 1876 году младшие дочери Виардо начали изучать итальянский язык.⁸⁷ Год спустя Тургенев пишет письмо к Клоди и к ее мужу, где рассказывает сон, в котором главным предметом насмешек была, как часто случалось в скабрёзных анекдотах Тургенева, гувернантка Виардо — мадемуазель Арнхольт. Письмо изобилует итальянскими фразами: правилом игры во сне было то, что надо говорить по-итальянски!⁸⁸

⁸¹ См.: Жекулин Н. Г. Тургенев и Рихард Польш // *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*. München, 1995. Bd 27: Ivan S. Turgenew. Leben, Werk und Wirkung. S. 243–261.

⁸² ПССУП(2). Соч. Т. II. С. 156.

⁸³ См., напр., выбор арий в ее педагогическом сборнике: *Ecole classique du chant*. P.: Gérard, 1861. 2e изд. — *Ecole classique de chant*. P.: Hamelle, 1891.

⁸⁴ См. письмо Виардо к Ж. Санд от 31 мая 1846 г. (*Lettres inédites de George Sand et Pauline Viardot. 1839–1849* / Ed. Thérèse Marix-Spire. P., 1959. P. 224) и письмо к Рицу от 7 июня 1859 г. (*Letters of Friendship*. III. P. 35).

⁸⁵ ПССУП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 125.

⁸⁶ Среди его сочинений были «Les Musées d'Italie»; «Les Merveilles de la peinture» (где в первой части был отдел, непосредственно посвященный «Les écoles italiennes»). О его коллекции см.: *Beaulieu Michèle*. Louis-Claude Viardot, collectionneur et critique d'art, 1800–1883. P. 243–262.

⁸⁷ См. письмо Тургенева к Клоди Виардо от 13 (25) июня 1876 г. (*Nouv. corr. inéd.* Т. 1. P. 271).

⁸⁸ *Ibid.* P. 283–286. Письмо от 8 сентября 1877 г.

Как раз около этого времени Полина обратила внимание на слова народных тосканских песен — «Canti popolari Toscani». Известно 12 ее тосканских песен, из которых 10 вышло в Петербурге в 1878 и 1882 годах.⁸⁹ Сборники, в которых изданы тексты «Народных тосканских песен», собранные ранними этнографами-фольклористами, начали появляться еще в первой половине XIX века, и все песни, положенные на музыку Виардо, фигурируют в сборнике, который издал Джузеппе Тигри.⁹⁰ Даже если нельзя уточнить роль Тургенева в русском переводе текстов для изданий Иогансена, оказывается, что он уже давно был знаком с этими популярными песнями. Выставленная в эпиграфе рассказа «Три встречи» песня «Passa que' colli e vieni allegramente», которая производит такое глубокое впечатление на рассказчика, фигурирует в сборниках «Canti popolari toscani».⁹¹

В 1876 году Тургенев предпринял перевод двух «Легенд» Гюстава Флобера. Его к этому побудила не только дружба с автором, но и впечатление от изумительной художественности исполнения этих легенд, передать которую он считал вызовом не только переводчику, но и самому русскому языку.⁹² Год спустя он приступил к работе над новым произведением — «Песнь торжествующей любви», которую посвятил Флоберу. В ней — безусловно, под влиянием легенд французского писателя — Тургенев тоже обратился к жанру исторической стилизации, но для своего «пластичко» он выбрал северо-итальянский город Феррару середины XVI века.

В ноябре 1881 года, еще до появления повести в печати, Тургенев приступил к ее переводу на французский язык, на этот раз вместе с По-

---

⁸⁹ Народные тосканские песни. СПб., 1878. Эти песни также вышли в сборниках, изданных в Германии (Breitkopf & Härtel, 1879) и во Франции (Gérard, 1880). Пять новых песен вышло в дополнение к сборнику избранных романсов Виардо, который издал Иогансен в 1882 г. (две из них раньше появились в сборнике: Six mélodies et une havannaise variées à 2 voix. P.: Neugel & fils, 1880). В 1904 г. вышли две последние тосканские песни в Париже (в издательстве Miran). См.: *Waddington. Catalogue*. P. 21–22, 27.

⁹⁰ На основе включенных песен следует сделать вывод, что у нее было второе или третье издание сборника: *Canti popolari toscani / Raccolti e annotati da Giuseppe Tigrì*. 2 ed. Firenze: Barbera, 1860; 3 ed. 1869 (см.: *Di Iorio Pina. Repertorio Tigrì. Incipit, rimario e tavole di raffronto delle tre edizioni dei Canti popolari toscani di G. Tigrì* (1856, 1860, 1869) e della ristampa napoletana di R. Andreoli (1857). Con l'indicazione dei testi già contenuti nei Canto toscani di N. Tommaseo. Milano, 1967).

⁹¹ Хотя эта песня есть и в сборнике Тигри, первое издание «Canti popolari toscani» (1856) вышло уже после того, как рассказ Тургенева появился в печати. Следовательно, Тургенев или услышал песню во время своего пребывания в северной Италии, или же нашел ее в другом, более раннем сборнике: *Canti Popolari Toscani, Corsi, Illirici, Greci / Raccolti e illustrati da N. Tommaseo*. I. *Canti Toscani*. Venezia, 1841, где эта песня находится на с. 134.

⁹² См., напр., письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 29 марта (10 апреля) 1877 г., где он пишет: «Могу прибавить, что изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* — заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным. Что бы ни сказали читатели — я сам собою доволен и глажу себя по головке» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 131).

линой Виардо (до этого постоянным его сотрудником по французским переводам был Луи). В свою очередь Полина, которая до этого обращалась преобладающим образом к текстам современных авторов, стала сочинять романы на слова старых поэтов. Первые плоды этого нового интереса к старине появились в 1884 году, уже после смерти Тургенева: романс «Sylvie» на стихи Никола де Буало (1636–1711). А в 1886 году появилось два альбома — «Six chansons du XVe siècle» и «Six airs italiens du XVIIIe siècle». Романы в первом из них являются как раз исторической стилизацией; тексты взяты из научного издания, вышедшего в 1875 году, но, несмотря на то что там приведены оригинальные мелодии, Виардо сочиняет собственные.⁹³

Несмотря на некоторое созвучие и бесспорные отголоски, в данном случае вряд ли можно говорить о каком-либо прямом влиянии двух художников друг на друга. Тем не менее становится ясным, что некоторые идеи и образы «веяли» в воздухе их тесного круга и производили цепную реакцию в образе мыслей обоих, а это, в свою очередь, позднее и по-разному проявлялось в их произведениях.

В своих воспоминаниях американская ученица Полины Виардо Анна Шен-Рене передает слова Брамса, который нередко встречался с Тургеневым в Баден-Бадене в 1860-х годах: «Johannes Brahms, who first met Turgenev at Viardot's home in Baden-Baden, once said to me, 'I do not think the Russians are grateful enough to Pauline Viardot and her husband for what they have done to make Turgenev the great writer he is'».⁹⁴

Как свидетельствуют приведенные данные, тесная связь с семьей Виардо была плодотворна не только для Тургенева, она была взаимно благотворной. Можно даже пойти дальше и утверждать, что творческая атмосфера, которая бытовала в этом семейном кругу, распространялась и на более широкий круг друзей и коллег. Выше упоминалось о том, как во второй половине 1870-х годов Полина Виардо снова обратилась к поэзии Пушкина, в частности к его «Цыганам», когда сочиняла свои романы. Возобновленный интерес мог быть вызван (хотя бы частично) и оперой «Кармен» Жоржа Бизе. Как замечает английский исследо-

⁹³ Chansons du XVe siècle d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Paris par Gaston Paris, et accompagnées de la musique transcrite en notation moderne par Auguste Gevaert. P.: Firmin-Didot, 1875. В 1840 г., во время свадебного путешествия в Рим, Полина получила от известного коллекционера Фортунато Сантини рукопись, содержащую 29 итальянских арий преимущественно конца XVIII в. 5 из 6 песен в сборнике «Six airs italiens du XVIIIe siècle» являются обработкой арий из этой рукописи, которая недавно поступила в музыкальную библиотеку Jean Gray Hargrove Калифорнийского университета в Беркли (см.: *Harris Helen T. Viardot sings Handel (with thanks to George Sand, Chopin, Meyerbeer, Gounod and Julius Rietz) // Fashions and Legacies of XIXth-Century Italian Opera. Cambridge, 2010. P. 25).*

⁹⁴ «Иоганнс Брамс, который впервые встретился с Тургеневым в доме Виардо в Баден-Бадене, говорил мне, что „русские вряд ли в достаточной мере благодарны Полине Виардо и ее мужу за сделанное ими для того, чтобы Тургенев стал великим писателем“» (*Schoen-René Anna Eugénie. America's Musical Inheritance. Memories and Reminiscences. N. Y., 1941. P. 161).*

ватель Энтони Бриггс, «Цыгане» в переводе Мериме (перевод появился в одном томе с его «Кармен») имели чуть ли не большее влияние на характеры главных действующих лиц оперы, чем одноименная повесть французского писателя. В девятой сцене первого акта, для которой нет аналогии в повести, Кармен поет песню, слова которой взяты непосредственно из пушкинской поэмы. Трудно себе представить, утверждает Бриггс, чтобы Бизе, сосед и частый гость дома на rue de Douai в Париже и в Буживале летом 1875 года, когда он сочинял свой шедевр, не обсуждал произведение Пушкина с Тургеневым.⁹⁵ А в 1879 году появился роман Эдмона де Гонкура «Братья Земгано» («Les Frères Zemgano»), в котором как раз приведен перевод песни Земфиры из «Цыган» «Старый муж, грозный муж». На непосредственную роль Тургенева как в цыганской теме вообще, так и в «реминисценции» из Пушкина в этом произведении указал уже М. П. Алексеев.⁹⁶ Путь, который начал вырисовываться в Куртавнеле, когда чета Виардо знакомила молодого русского писателя со светилами французской интеллигенции, таким образом, совершил полный оборот.

Некоторые посетители Тургенева в Париже удивлялись его домашней обстановке в доме на rue de Douai, считая его квартиру там неудобной. Но те, кто его хорошо знал (как, например, самый близкий его друг П. В. Анненков), никогда не сомневались в том, что он там чувствовал себя дома и среди искренне его любящих людей.⁹⁷ И небезынтересно заметить, что в эту французскую семью ее русский представитель привнес хотя бы некий истинно русский колорит. Давно в семье была заведена привычка собираться, чтобы читать вслух письма от Полины. В 1879 году Полина ездила в Веймар со старшей дочерью Луизой, чтобы присутствовать на представлении оперы Луизы «Линдоро». Из-за неизбежных забот, связанных с представлением новой оперы, письма домой, где с нетерпением ждали новостей, заставляли себя ждать. Когда, наконец, прибыло первое письмо от Полины, Луи ей сразу ответил: «10^h. Ta bonne grande lettre, du matin et du soir, nous arrive, et j'en ai fait la lecture autour du samovar».⁹⁸

⁹⁵ Briggs A. D. P. Did Carmen really come from Russia (with a little help from Turgenev)? // Turgenev and Russian Culture. Essays to Honour Richard Peace / Ed. Joe Andrew, Derek Offord and Robert Reid. Amsterdam; N. Y., 2008. Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XLIV. P. 83–102, в частности, с. 85 и 89.

⁹⁶ Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 286–287.

⁹⁷ В последнем письме к Тургеневу от 18 (30) июня 1883 г. Анненков писал своему тяжело больному другу: «Передайте слово благодарности и просьбу о воспоминании всем членам семейства Виардо, которые так Вас любят и берегут» (Анненков. Письма. Кн. 2. С. 175).

⁹⁸ «10 ч. Пришло большое, утреннее и вечернее письмо от тебя, и я читаю его у самовара» (Рукопись: BN. N. A. F. 16273. Papiers Viardot II (Lettres adressées à Pauline Viardot). F. 425. Письмо от 2 мая 1879 г.).

Дети росли, семья увеличивалась; появились мужья у дочерей, а потом и внуки. Объятия Тургенева охватывали их всех. В 1881 году во время последней своей поездки на родину Тургенев пишет своей любимице среди детей Виардо — Клоди — о том, какой он представляет себе жизнь той большой семьи, которую он оставил в Буживале: «Ce sera très amusant pour moi, dans ma solitude de Spasskoïé, de me retracer en imagination le tableau suivant: toi, peignant dans mon cabinet de travail, maman composant dans le salon du chalet, Marianne s'exerçant au piano dans la maison, papa se promenant avec Phanor, Duvernoy travaillant dans le kiosque, Louise fumant dans sa chambre et Georges, Paul, M-lle Arnholt jouant peut-être au croquet ou disséminés dans la vaste espace des Frênes. <...> Et, grands dieux, les deux petites que j'oubliais...».⁹⁹

В этой счастливой картине показательно то, что на первом месте по-прежнему стоит искусство. В шале самого Тургенева, где он писал последние свои произведения, соединились в уютном месте музыка, в лице Полины, и живопись, теперь в лице талантливой Клоди.¹⁰⁰ То, что все эти виды искусства продолжали быть необходимыми, не должно удивлять в человеке, для которого именно художественное творчество было качеством, в первую очередь отделяющим человечество от всех других живых существ. В этой воображаемой, но очень близкой к действительности картине очередной раз подтверждается, что в обстановке, которую создал для себя Тургенев в кругу семьи Виардо, первостепенную важность продолжали иметь духовные и интеллектуальные взаимоотношения двух замечательных художников, взаимоотношения, дающие очень много им обоим.

---

⁹⁹ «Мне будет любопытно в моем спасском одиночестве рисовать в воображении следующую картину: тебя, рисующую в моем кабинете, маму, сочиняющую музыку в салоне шале, Марианну, играющую на фортепьяно в доме, папу, прогуливающегося с Фанором, Дювернуа, работающего в беседке, Луизу, курящую в своей комнате, и Жоржа, Поля, м-ль Арнхольт, возможно играющих в крокет или разбредшихся по обширным просторам „Ясеней“. <...> И еще, великие боги, двух малюток, о которых я позабыл...» (*Nouv. corr. inéd. T. 1. P. 302. Письмо от 22 мая (3 июня) 1881 г.*)

¹⁰⁰ Идея художественного ателье в шале Тургенева принадлежала Луи Виардо — еще до того как Виардо и Тургенев купили имение «Les Frênes» в Буживале. В 1873 и 1874 гг. семья Виардо и Тургенев нанимали на лето дом в Буживале (Maison Halgan), при котором был отдельный флигель, где помещался Тургенев. Скоро они начали мечтать о покупке собственной недвижимости в Буживале. В письме от 18 июля 1874 г. Луи пишет Тургеневу об одном участке (рядом с «Les Frênes»), который в конечном итоге решили не покупать, так как ни Полине, ни дочерям дом не понравился: «Ce qui manque, c'est un logement pour vous. Il faudrait élever, sur une place que vous choisiriez, soit plus près, soit plus loin de la maison, un pavillon ou un chalet, dans le genre de celui que vous habitez ici, et au-dessus duquel, presque sans plus de dépense, on pourrait arranger un petit atelier de peintre» («Чего не хватает, так это жилища для вас. Надо бы построить на том месте, какое вы выберете, либо поблизи, либо подальше от дома, павильон или шале, в духе того, в котором вы сейчас живете, а наверху пристроить, почти без дополнительных затрат, небольшое художественное ателье») (*Correspondance Ivan Tourgueniev — Louis Viardot. P. 267–268*).

В. А. Доманский

ТУРГЕНЕВ — СОАВТОР «НЕМЕЦКОГО АЛЬБОМА» ПОЛИНЫ ВИАРДО

Одной из интереснейших сторон творческой деятельности Тургенева является создание текстов оперных либретто и романсов, музыку к которым сочиняла Полина Виардо. В данном случае мы имеем дело с плодотворным союзом двух творческих личностей — писателя, поэта и композитора, певицы.

Для Тургенева сотрудничество с Полиной Виардо оказалось особенно плодотворным после того, как французская певица в 1863 году оставила сцену и посвятила себя педагогической и композиторской деятельности. Если их творческий союз в области оперного искусства этого периода был известен преимущественно публике Германии и Франции,¹ где их произведения создавались и ставились, то романсное творчество Полины Виардо 1860-х — 1870-х годов предназначалось главным образом для российского любителя музыки. В период с 1864 по 1874 год в Петербурге вышло четыре музыкальных альбома, содержащих 28 романсов Полины Виардо-Гарсиа. Тургенев выступил в них как автор оригинальных стихотворений, составитель русского альбома, включившего романсы на поэтические тексты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, а также как переводчик на русский язык немецких и французских поэтов.

Долгое время эта сторона творчества Тургенева оставалась практически незамеченной тургеноведами. И только при издании Полного собрания сочинений русского писателя к ней в 1968 году обратился М. П. Алексеев.² В своей статье он коснулся истории создания роман-

¹ См.: *Schwartz Gregor*. I. S. Turgenev in Deutschland: Untersuchungen zur Persönlichkeit und zum Schaffen des Dichters in den sechziger Jahren. Jena, 1974; *Lettres inédites de Georges Sand et de Pauline Viardot (1839–1849) / Recueillies, annotées et précédées d'une introduction par Thérèse Marix-Spire*. P., 1959.

² Алексеев М. П. Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо // *Т Сб.* Вып. 4. С. 189–204.

сов и стихотворных текстов Тургенева, а также некоторых аспектов перевода им на русский язык иноязычных поэтов. Чуть раньше тургеневским немецким переводам из Мёрике и Гейне посвятила статью Р. Б. Заборова. Она впервые исследовала первоначальные редакции переводов и проследила, как менялась рецепция немецких текстов в процессе переводческой работы Тургенева.³

Одним из четырех альбомов романсов является «немецкий» альбом Полины Виардо 1871 года, в который вошло шесть стихотворных переводов Тургенева с немецкого языка: три из Рихарда Поля («Märchen» — «Лесная тишь», «Verfehltes Leben» — «Загубленная жизнь», «Allein» — «Ожидание»), два из Эдуарда Мёрике («Der Gärtner» — «Садовник», «Agnes» — «Былое счастье») и один из Генриха Гейне («Das ist ein schlechtes Wetter...» — «Стоит погода злая!...»)⁴

В данном альбоме музыка и слово органично взаимосвязаны и равнозначны, поэтому стихотворные тексты романсов не следует рассматривать «в отрыве от мелодии».⁵ Вместе с тем нельзя игнорировать и самой художественной ценности этих текстов, так как их восприятие и истолкование определяются этой спецификой текста. Поэтому романсы данного альбома представляют собой синтетический музыкально-поэтический жанр, где стихотворный текст «подогнан» под музыкальную мелодию, а ее ритм, такт и, конечно, развитие музыкальной темы определяются стихом. Шесть стихотворений цикла образуют музыкально-драматическое единство. Тургенев не случайно в некоторых случаях в своих переводах отказывается от названия оригинала, заменяя его ключевым словом, определяющим главный мотив стихотворения. Именно развитие, переплетение, смена и последовательность этих мотивов и создают единство. Не в меньшей степени оно определяется и жанровыми особенностями каждого текста, который, в свою очередь, обусловлен самим характером музыки, ее ритмом и темпом.

Выстраивается интересная словесно-музыкальная композиция. Первое стихотворение цикла «Лесная тишь» (по мотивам стихотворения Рихарда Поля «Märchen») написано в жанре идиллии. Лирический герой восхищен и одухотворен природой, ощущает с ней органическое единство. Его чувства и настроение хорошо передает темп *andante*, спокойный, гармоничный и размеренный характер музыки.

Второе стихотворение «Загубленная жизнь» (перевод из того же автора) написано в несколько иной тональности. Умеренный темп *moderato*, приглушенный звук, минор максимально соответствуют

³ Заборова Р. Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871) // Там же. Вып. 2. С. 175–182.

⁴ См.: Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и переложенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа. СПб.: у А. Югансена, [1871].

⁵ Алексеев М. П. Стихотворные тексты для романсов Полины Виардо. С. 189.

жанру элегии, в которой звучит тоска, даже скорбь по безвозвратно ушедшей юности, целой жизни. Эту элегичность удачно передает музыкальный жанр баркароты с колеблющимися движениями мелодии, которые то возвращают в светлую юность, то говорят о безысходной старости.

Контрастно по отношению к последнему стихотворению звучит тургеневский перевод из Мёрике «Садовник». Живой, веселый и грациозный характер музыки, написанной в темпе *allegretto con brio*, с припевами и повторами, как нельзя лучше передает лирический монолог молодого садовника, восхищенного красотой и очарованием юной княжны. Песня включает в себя восторг, любовную экзальтацию, пластические образы, рисующие юную девушку, гарцующую на вороном коне. Эту грациозность стихотворного образа хорошо выражает музыкальная мелодия, предполагающая не только вокал, но и элементы танца.

Стихотворение «Ожидание» (созданное по мотивам стихотворения Р. Поля «Allein») опять возвращает нас к музыкальному темпу *moderato*, передающему любовное томление молодой девушки, мечтающей о новой встрече со своим возлюбленным.

«Былое счастье» (перевод из Э. Мёрике) представляет собой литературную стилизацию под любовную народную песню. Стихотворный ритм и неторопливая музыкальная мелодия, написанная в темпе *andante*, воспроизводят мелодраму чувств молодой девушки, ожидающей своего возлюбленного.

Оживленно, в быстром темпе звучит заключительное стихотворение цикла «Стоит погода злая!..» (перевод из Г. Гейне), написанное в жанре баллады. Состояние природы в нем контрастно по отношению к человеческой жизни. Иронию автора убедительно передают две живые бытовые сцены: изображение слепой материнской любви и изнеженности молодой девушки. Темп *allegro molto* подчеркивает эту веселость и комичность ситуации.

Тургеневские тексты музыкацентричны, вместе с тем они могут быть рассмотрены как отдельный цикл стихотворений, в которых нашли свое отражение как тургеневская рецепция текстов оригинала, так и его переводческие принципы. Прежде всего, как отмечал еще М. П. Алексеев, перед нами образцы так называемого *вокального перевода*, когда автор добивается «полного совпадения логических ударений переводимого текста с музыкальной акцентировкой певческой строки», учитывая при этом «все изменения мелодического рисунка, высоту и динамику звука, эмоциональное развертывание всех музыкальных элементов данного музыкального произведения».⁶

Тургенев демонстрирует нам разные типы вокального перевода. Так, «Лесная тишь» представляет собой собственно не перевод, а вольное развитие поэтического мотива, заданного начальной строкой Р. По-

⁶ Там же. С. 194.

«Шесть стихотворений
Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля...»
Титульный лист

ля: «Waldeinsamkeit, Waldeinsamkeit!» («Лесное уединение, лесное уединение!»), не случайно автор не сохраняет немецкое название «Mädchen» («Сказка»). Первую строку он переводит «Лесная тишь! Лесная тишь!», чтобы сохранить четырехстопный ямб оригинала, временами переходящий в дольник. Затем, практически до финала тургеневского текста, нет ничего общего в семантике поэтических образов двух текстов, за исключением шестой строки, в которой в оригинале говорится о серебристом ручье, шумящем в камыше:

Рихард Поль:

Der Silberquel im Schilf es rauscht

Тургенев:

Ручей таинственно журчит.

В заключительной части подлинника появляется поэтический мотив звучащей на закате песни. Тургенев заменяет его «чистым звоном», который обычно называют из-за его спокойного, мелодического звучания «вечерним звоном». В развитии музыкальной темы он органично включается в идиллию лесной тиши, так как звучит ровно, ласковой волной объемлет «недвижный лес» и постепенно угасает в небесах. У Тургенева уже встречался подобный музыкальный мотив в «Дворянском гнезде», где автор описывал вдохновенную мелодию Лемма, которая «вся сияла, вся томилась вдохновением, счастьем, красотой, она росла и таяла; <...> она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса».⁷

Таким образом, в сопоставлении «Сказки» Поля и «Лесной тиши» Тургенева наиболее предпочтительным является мотивный анализ. Русский писатель в своем поэтическом тексте разворачивает цепочку ассоциаций, связанных с умиротворенной лесной тишиной: «тень живых ветвей» — журчащий ручей — луч солнца — шепот ветерка и листьев — смех сильфа — чистый звон, который объемлет лес и постепенно угасает в небесах. Рихард Поль поэтически воссоздает атмосферу волшебной лесной сказки о прекрасном ребенке, растущем в сладком покое и хранящем тайну о сундуке с сокровищами, о его матери, восседающей на троне в волшебном замке, о сказочных птицах — вороне и лебеде. Завершает эту сказку полная душевного томления песня, которая звучит на закате и уносится к звездам. При почти полном несовпадении поэтических образов двух текстов они тем не менее удачно соотносятся с музыкальной темой романа.

Совсем другой тип перевода представляет собой второй текст Тургенева из «немецкого альбома» Полины Виардо «Загубленная жизнь», название которого точно соотносится с названием немецкого первоисточника — «Verfehltes Leben». Здесь русский писатель стремится к эквивалентной передаче ритмического рисунка Рихарда Поля к лексическому и мотивному соответствию перевода оригиналу. Прежде всего следует отметить, что он удачно экспериментирует в области метрики и ритмики, используя в своем переводе достаточно редко употребляемый в русской поэзии XIX века *дольник*, точнее его разновидность *логзед* с константно-фиксированными стопами: первой ямбической, второй трехсложной стопой анапеста и третьей стопой ямба или анапеста. Тем самым переводчик добивается наибольшей точности воспроизведения немецкого тонического стиха Поля, близкого к русскому *дольнику*, а также музыкального ритма баркароты.

Совпадают также способ рифмовки и строфика в обоих текстах, в которых используется перекрестная рифма: при этом рифмуются лишь вторая и четвертая строки (в первой строфе с мужской, во второй и третьей с женской клаузулой). Кроме того, в третьей строфе (четвертая и пятая строки) используется рефрен, который не только удлиняет

⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 106.

ее, но и эмоционально выражает страдания бабушки, вспоминающей свою невинную юность, скрытую за мрачной пеленой, и молящей о смерти. В первой строфе рефрен повторяется трижды. Тургенев значительно усиливает психологические переживания лирической героини при помощи таких деталей, как «дрожащие, бедные руки», «бледные» уста. В тексте Поля больше выражен христианский элемент ее благочестивости и покорности судьбе. Мольба о благом конце героини в оригинале звучит как всхлипывание, что выражено при помощи цепочки аллитераций с повторяющимися согласными — сонорными *l, n*, свистящим *s*. Так обеспечивается связь между звуковым рисунком текста и его значением. В тургеневском тексте мольба старушки больше напоминает заклинание, фонетически передаваемое повторяющимися сонорными носовыми *n, m*, губным *b* и зубным *d*.

Сравним:

Рихард Поль:	Тургенев:
Großmutter, die Fromme, sie faltet Andächtig die zitternden Hände, Und flüstert mit bebender Lippe: «Verleih uns ein seliges Ende»; «Verleih uns ein seliges Ende»	А бабушка тихо слагает Дрожащие, бедные руки И бледными шепчет устами: «Подай нам кончину без муки!» «Подай нам кончину без муки!»

В третьем стихотворении цикла «Садовник» Тургенев уже не просто стремится к точности перевода стихотворения Э. Мёрике «Der Gärtner» на ритмико-звуковом, лексическом и синтаксическом уровнях, но и пытается адаптировать переводимые поэтические образы к русской национальной стихии. При этом писатель вносит свою «внутреннюю тему»,⁸ ключевые образы, которые определяют лирический сюжет и ритмический рисунок текста. В «Садовнике» такими ключевыми образами являются «княжна молодая» и «воронная лошадка». Тургенев сознательно заменяет этими образами «прекрасную принцессу» и «белоснежного конька» в оригинале,⁹ чтобы внести в переводимый им текст национальный колорит. В русской устно-поэтической и литературной традиции юркий, быстрый, грациозный *воронной как сталь конь или лошадь* является устойчивым оборотом. С ним органично связан образ его наездника (или наездницы) — удалого, молодецкавого человека. Тургенев, несомненно, знал семантику этих образов, поэтому не случайно в письме к Полине Виардо настаивал на их сохранении.¹⁰

⁸ См.: Гинзбург Л. В поисках святого Грааля // Поэтика перевода. Сб. статей. М., 1988. С. 16.

⁹ Заборова Р. Б. О переводах Тургенева из Мёрике и Гейне (1871). С. 178.

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 320. Письмо от 27, 28 февраля (11, 12 марта) 1871 г.; подлинник по-франц.

Соотношение цветовой гаммы в тексте потребовало замены цвета песка с золотого на серебряный, так как на его фоне более эффектно смотрится «вороная лошадка». Переводчик также сознательно удлиняет первую строфу на три стиха, повторив последние три строки. Таким образом акцентируется внимание на ключевых образах и передается при помощи ритмико-фонетических средств нетерпеливость, юркость подвижной лошадки и грациозность, кокетливость ее наездницы. Этой цели служит и *логад* (как и в стихотворении Мёрике) с первой ямбической стопой и второй стопой анапеста. Вместе с тем в ритмической организации текста Тургенева множество отклонений от оригинала. Любопытным в этом отношении является четвертый (и дублирующий его седьмой) стих, в начале которого автор вводит дополнительный ударный слог — *спондей*.

Сравним:

Эдуард Мёрике:	Тургенев:
Auf ihrem Leibbröblein, So weiß wie der Schnee Die schönste Prinzessin Reit't durch die Allee.	Верхом на лошадке, Как сталь вороной, Княжна молодая Скок передо мной! Как сталь вороной, Княжна молодая Скок передо мной!

Следует также обратить внимание на отличие в звуковом рисунке оригинала и перевода. Э. Мёрике при помощи свистящих звуков передает шелест песка и свист «разорванного» воздуха при быстрой езде прекрасной наездницы. В тургеневском тексте частый глухой стук копыт нетерпеливой лошади передается при помощи неоднократно повторяющегося заднеязычного *к*.

Четвертый стихотворный текст «Ожидание», как и первый из «альбома Виардо», представляет собой вольное развитие основного поэтического мотива стихотворения Р. Поля «Allein». Это свободное обращение с текстом оригинала всякий раз обнаруживается, когда Тургенев изменяет его название. Русский писатель перелагает только первую часть стихотворения Поля, сохраняя при этом стихотворный размер — чередование четырехстопного ямба в первой строке с трехстопным во второй — и перекрестный способ рифмовки. Правда, в тургеневском тексте рифмуются только вторая и четвертая строки. Автор «Ожидания» значительно упрощает переводимый текст, отказываясь от многих подробностей и психологической усложненности, вместе с тем он добивается выразительной передачи светлого чувства печали лирической героини, тоскующей по ушедшему в ночь возлюбленному. Приведем для сравнения наш подстрочный перевод стихотворения Р. Поля и его вольный перевод, выполненный Тургеневым.

Подстрочный перевод:	Тургенев:
Тихо смотрю я в ночь, Куда он недавно ушел, И взор направляю на отчий дом, В сердце моем страх...	Он дом сейчас покинул мой, Сказав мне: До свиданья! И сердце вновь уже томит Тревога ожиданья...
Теперь он спит в далекой стране, Божьим хранимый оком. Прекрасная звезда освещает Любовь нашей ночи.	В ночную мглу гляжу за ним И уношусь мечтой Туда, туда, где дышит он, Мой милый, мой герой!
Если б прочла я по звездам Судьбу нашей любви! Близко ль его возвращение? И верен ль остался он мне?	О сердце, как до той поры, Скажи, как доживу я? Когда он вновь ко мне придет И друга обниму я?

Еще один интересный вид вокального перевода демонстрирует Тургенев в своем стихотворении «Бывшее счастье». Немецкий тонический стих Мёрике он переводит русским народным акцентным стихом с припевом, как и в оригинале, после первой и третьей строки. Поскольку акцентный стих во времена Тургенева почти не был закреплен литературной традицией, в отличие от немецкого стихосложения, русскому писателю, подчеркивая народность своего стиха, пришлось значительно отступить от текста Мёрике в подборе лексем. С этой целью он удаляет из текста подлинника шляпу с розовой лентой (русские крестьянки шляп не носили!), включает ряд слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («холмочек», «дружочек»), а также ряд устойчивых народно-поэтических образов («речка тихоструйная», «ветер буйный»), наполняет любовную песнь девушки интимными подробностями ее встреч с возлюбленным. Текст Тургенева действительно представляет собой высокохудожественное произведение. При этом он становится значительно душевнее и сердечнее текста оригинала. Буквальное же следование переводчика семантико-стилистической стороне переводимого текста не привело бы к таким высоким результатам.

Новый вид перевода — перевод балладного стиха, приспособленно к вокалу, представляет заключительный текст «альбома Виардо». Над ним Тургенев больше всего работал, неоднократно его переделывая и внося коррективы, о чем свидетельствуют сохранившийся первоначальный вариант стихотворения и обсуждение этих изменений в его письмах к Полине Виардо.¹¹

С точки зрения структуры текст довольно непростой, так как он включает в себя описание ненастной погоды, две бытовые сцены (изображение старушки, отправившейся в «злую» погоду за покупками для будущего пирога), непрямую речь лирического субъекта, изображение изнеженной большой дочери старушки, ради удовольствия которой она

¹¹ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 322, 323. Подлинник по-франц.

готова на любые жертвы. Все эти компоненты структуры имеются и в оригинале гейневского стихотворения «Das ist ein schlechtes Wetter...», и Тургенев им следует, внося лишь незначительные изменения в содержание поэтических образов, прежде всего используя вместо немецкой лексемы «Mütterchen» русскую — «старушка». Физическая слабость старой матери в тургеневском тексте показана в ее передвижении. Идет она нетвердо, спотыкается, что передано при помощи выражения «дряхлой стопой идет». Тургеневская старушка вызывает одновременно и жалость и иронию, тогда как в гейневском тексте — только иронию.

Весьма интересна инструментовка стиха. В его ритмической организации Тургенев старается максимально приблизиться к стиху Гейне, представляющему собой дольник. Но прямого совпадения здесь нет. Стремясь к виртуозности и выразительности своего текста для вокала, русский писатель усложняет его переборами ритма, повторами-припевами, предполагающими разноголосье, кольцевой композицией стиха, который начинается и заканчивается повторяющимися строками.

Таким образом, в тургеневском цикле переводов немецких поэтов из альбома Полины Виардо очевиден симбиоз музыки и слова, их равнозначность и взаимопроникновение. Вместе с тем «немецкий альбом» может быть рассмотрен как отдельный цикл стихотворений, в которых Тургенев продемонстрировал разные виды так называемого «вокального перевода»: вольное развитие основного поэтического мотива переводимого текста; точный перевод, ориентированный на передачу ритмико-фонетического, лексического и мотивного соответствия оригиналу; перевод, основанный на замене немецкой картины мира русской национальной; музыкально-драматургический, связанный с переводом балладного стиха.

Н. П. Генералова

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ТУРГЕНЕВА и ФЕТА
КАК ПРЕДМЕТ ТЕКСТОЛОГИИ**

Если бы переписка, которую вели на протяжении многих лет Тургенев и Фет, сохранилась полностью, мы имели бы уникальный литературный памятник, достойный самого пристального изучения, подобный, например, переписке Фета с Львом Толстым. Целая эпоха оказалась бы просвеченной пересечением двух мощных прожекторов, какими, если будет позволено столь смелое сравнение, были такие яркие личности, как Тургенев и Фет. Однако будем радоваться тому, что сохранилась большая часть писем Тургенева к Фету. Эта часть тургеневского эпистолярия — едва ли не самая интересная во всей его обширной переписке. При всей несхожести и даже противоположности политических взглядов, проявившейся в особенности после реформы 1861 года, при всех эстетических и философских разногласиях, творческий диалог Тургенева и Фета предлагает обильную пищу для размышлений о закономерностях литературного и общественного движения 1840-х — 1880-х годов XIX столетия. Существовавшие разногласия

и склонность обоих корреспондентов к полемике, подчас весьма ожесточенной, лишь придают их переписке неповторимый блеск и дополнительную остроту. Это отразилось и на поэтических посланиях, которыми обменивались оба поэта.

О том, что близость с Тургеневым осталась для Фета одним из наиболее ярких эпизодов его жизни, свидетельствует уже тот факт, что на склоне лет он начнет свои мемуары именно с воспоминаний о Тургеневе. И сколько бы ни говорили о злостной тургеневской редактуре стихотворений Фета как прошлые, так и некоторые современные исследователи,¹ нельзя отрицать очевидного: благодаря взятым на себя заботам о новом сборнике Фета, вышедшем в 1856 году в Петербурге, благодаря дружеской поддержке Тургеневым переводческой практики поэта (а именно его усилиями в том же году были напечатаны в «Отечественных записках» и отдельным сборником «Одь» Горация в переводе Фета), имя Фета стало достаточно известным и в литературных кругах, и в среде читающей публики. Почти ни одно стихотворение или перевод, выполненный Фетом в годы близости с писателем, не миновали внимания Тургенева. Критика была иногда довольно жесткой, а иным кажется и жестокой, однако не надо забывать, что подобная степень открытости может существовать только между очень близкими людьми.

Поэтическое общение Тургенева и Фета было весьма разнообразным. Помимо стихотворных посланий в виде писем (или части писем), как правило, дружелюбных и исполненных искрометного юмора, нередко друзья обменивались достаточно ядовитыми эпиграммами и пародиями. Но доминантой их переписки были, конечно, поэзия, литература, глубокое душевное расположение друг к другу. Может быть, наиболее ярко и одновременно наиболее тонко отношения Тургенева и Фета запечатлелись в стихотворных посланиях, которыми обменивались время от времени два художника.

Следует учитывать, что если из тургеневских писем сохранилось более 130, то фетовская часть почти полностью пропала. Однако, по

¹ См.: *Никольский Ю. А.* Материалы по Фету. I. Исправление Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // *РМысль*. 1921. Кн. 8–9. С. 211–227; Кн. 10–12. С. 248–262; *Благой Д. Д.* Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета // *Печать и революция*. 1923. Кн. 3. С. 45–64; *Колпакова Н. П.* Из истории Фетовского текста // *Поэтика*. Л., 1927. Вып. 3. С. 168–187. Подробно остановился на этом вопросе Б. Я. Бухштаб в обстоятельной статье «Судьба литературного наследия А. А. Фета» (*ЛН*. Т. 22–24), попытавшись в издании 1937 г. опубликовать «очищенные» от тургеневской правки тексты Фета. В 2001 г. к этому вопросу вернулся В. А. Кошелев в статье «О „тургеневской“ правке поэтических текстов Афанасия Фета» (*Новое литературное обозрение*. 2001. № 48. С. 157–191), на которую откликнулся М. Л. Гаспаров статьей «Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому» (*Там же*. 2002. № 4. С. 96–113). Известный стиховед пришел к парадоксальному выводу, что «тургеневская правка почти всюду имела <...> противоположный намерениям Тургенева результат. Стихи сплошь и рядом приобретали не парнасскую законченность, а многозначную оборванность, как бы показывая автору возможности суггестивной романтической недоговоренности» (*Там же*. С. 112).

счастью, большинство поэтических посланий Фета сохранилось благодаря тому, что поэт записывал стихи в рабочие тетради, две из которых (далее: *T1* и *T2*) находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. И это отчасти восполняет зияющие пробелы в их эпистолярном диалоге. Некоторые стихотворения, обращенные к Тургеневу, были опубликованы при его жизни, с его согласия и с обозначением в заголовке его имени. Неудивительно, что лучшие из них были написаны в период наиболее интенсивного общения, наступившего с 1854 года, когда Фет стал регулярно бывать в Петербурге наездами из расквартированного в окрестностях столицы полка, где он проходил военную службу, а вскоре приступил к подготовке под руководством друзей нового поэтического сборника. Нет никаких сомнений в том, что поддержка Тургенева, его увлеченность лирическим даром Фета склонили поэта к решительному изменению собственной судьбы.

И. С. Тургенев
Фотография Тиссье.
Париж, 1861 г.

Другой вопрос, имеющий текстологический аспект, — заглавия, под которыми следует публиковать стихотворения, о которых идет речь. Стихотворные послания Фета, как правило, публикуются под заглавием, в которое входит фамилия адресата и его инициалы (практика, введенная еще в первом посмертном издании 1894 года его редакторами Н. Н. Страховым и К. Р.), в то время как в прижизненных публикациях и в автографах наблюдаются отличия. Обычно Фет либо скрывает имя адресата за начальными буквами, либо дает его полностью, не сокращая имя и отчество. Принятый до последнего времени способ переименования стихотворений выглядит по крайней мере странно: наряду с дружескими посланиями, шутливыми посвящениями, где допустимо официальное «И. С. Тургеневу» или «Л. Н. Толстому» (хотя и здесь предпочтительней было бы заключать новое заглавие в ломаные скобки), есть эпиграммы и экспромты с большой примесью, так сказать, «аттической соли», и в этом случае официальное «М. Н. Лонгинову» без ломаных скобок смотрится весьма неуместно.

В том способе подачи материала, который принят в выходящем ныне Собрании сочинений Фета, проблема решается просто, поскольку воспроизводится заглавие, под которым стихотворение появилось в прижизненном сборнике. Другое дело — раздел «Стихотворения

и поэмы, не вошедшие в сборники». Среди них много произведений, опубликованных посмертно. Иногда из-за измененного заглавия и пунктуации в первых посмертных публикациях редколлегия принимала решение печатать то или иное стихотворение по автографу или последней прижизненной публикации.

Одно из поэтических посланий Фета, под заглавием «Ответ Тургеневу», было опубликовано в ноябрьском номере журнала «Современник» за 1856 год:

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье,
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица Севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали,
И воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя, но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный Юг.

Это послание вызвало, как известно, восторг не только у адресата, но и у других читателей. Тургенев, цитируя третью и четвертую строфы стихотворения, писал В. П. Боткину 11 (23) июня 1856 года: «Фет прислал мне <...> стихотворение „Петербургская ночь“, где следующие 10 стихов, особенно последние, меня приводят в восхищение <...>».² В свою очередь Боткин особо отметил заключительную

² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 108. Следует отметить, что в комментариях к стихотворению в издании: Фет. Соч. и письма. Т. 1. С. 481 мною допущены неточности: во-пер-

Кедрово
Вамблату Тургеневу С. II

Мать! Не выйдешь ли из этого дома?
И ты будешь радая ^{и свободна} и свободна?
Зачем, Дерзунчик и жено, ^{и не раскрасишь} и не раскрасишь
Своего сердца в камень, мерзавец, до камня и до камня
Не раскрасишь его разойти.

Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
На что ты? ^{до свидания} до свидания?

Вот ты, не выходишь ли барсук в амбулаторию,
И раскрасишь свой ^{и не раскрасишь} и не раскрасишь
И раскрасишь его в амбулаторию.

Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
Вот ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!

Вот ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
Вот ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!

Как же ты? Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
И ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!

Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!

Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!
Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же! Ты же!

Стихотворение Фета «Ответ Тургеневу»
(ИРЛИ)

часть стихотворения. 24 июня 1857 года он писал А. В. Дружинину: «...Вы видели уже Фета и, верно, знаете его стихи „Петербургская ночь”. Особенно окончание — удивительно! Я здесь упивался им до сладострастия».³

В связи с этим посланием возникает несколько текстологических вопросов. Во-первых, вопрос о заглавии стихотворения. И Тургенев, и Боткин называют его «Петербургская ночь». Между тем в автографе (Т I. Л. 37) есть только одно заглавие: «Ответ Тургеневу». Можно предположить, что под этим заглавием стихотворение было послано Тургеневу, но, когда появилось второе заглавие, сказать трудно. Был ли это действительно «ответ» на какое-то письмо или на долгие споры о России, которые они вели в это время? Возможно и то и другое. В рабочую тетрадь Фет в большинстве случаев записывал уже беловые варианты, внося иногда дополнительную правку. Второй вопрос, на который ответ будет дан позже, — можно ли считать это стихотворение не только поэтическим посланием, но и собственно письмом, и не следует ли поместить его в корпус писем, учитывая, что оно было послано адресату.

В то же время возникает вопрос, как быть с тургеневскими пародиями. Некоторые из них (как, например, шутливая пародия на шекспировские переводы Фета:

Брыкни, коль мог, большого пожелав,
Стать им; коль нет — и в меньшем без препон,

ставшая печально известной благодаря включению ее в разгромную рецензию Д. Михаловского на перевод «Юлия Цезаря») сыграли, можно сказать, роковую роль в судьбе Фета.⁴ С другой стороны, могут ли две

вых, в дате первой публикации, и во-вторых, ошибочно указано, что Тургенев цитирует две заключительные строфы стихотворения.

³ Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948. С. 47 (Летописи ГЛМ. Кн. 9).

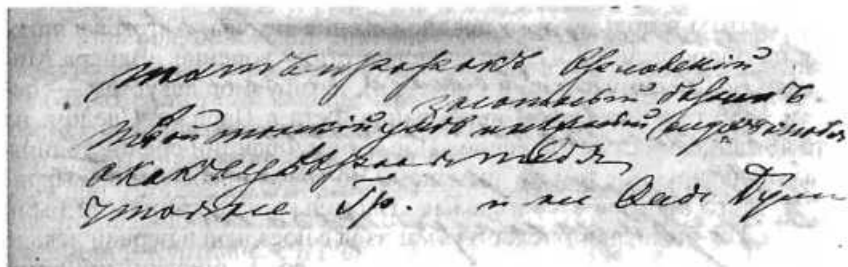
⁴ См. об этом подробнее в преамбуле к комментариям А. В. Ачкасова к переводам Фета из Шекспира: *Фет. Соч. и письма*. Т. 2. С. 652–653. Сохранилось еще одно пародийное двустишие в письме к Фету от 27 декабря 1858 (8 января 1859) на перевод из Шенье, напечатанный позднее в «Библиотеке для чтения»: «Я выправил Ваши стихи, любезнейший друг — и отдам их сегодня Дружинину — но пускай меня „на площади трехвостником дерут” — не могу признать хорошими стихов вроде:

Иль тот, кто, зародясь, пленять богинь собою
Из недра Мирры шёл, одетого корою,

и предлагаю уже, кстати, прибавить к ним следующие два, в том же роде:

В чей, приосанясь, зрак, — вид уст приняв живой,
Прелестниц — взор полн нег — игрив вперяет рой»

(ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 355–356). Указанные Тургеневым стихи были переделаны Фетом (см.: *Фет. Соч. и письма*. Т. 2. С. 234, 631–632).

Эпиграмма Фета «Поэт, пророк, орловский знатный барин...»
(ИРЛИ)

пародийные строки представлять самостоятельный интерес? С нашей точки зрения, могут, несмотря на то что сохранилась лишь незначительная часть этого рода поэтической деятельности Тургенева. Возможно, она тем более важна, что показывает не только литературное мастерство Тургенева, но и обстановку, в которой происходило редактирование им фетовских переводов.

Однако до поры до времени серьезные разногласия не мешали настоятельной потребности в общении. Обиды скоро забывались, да и полемисты стояли друг друга.

В эпиграмме Фета, адресованной, как установлено Б. Я. Бухштабом, Тургеневу, слышится не только отголосок горячих споров, но и желание найти понимание высоко ценимого человека, которого Фет, кстати, вовсе не случайно именует поэтом:

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О как уверю я тебя,
Что я не Гр<еч> и не Фад<дей> Бул<арин>.⁵

Определяя дату создания стихотворения, Б. Я. Бухштаб проявил крайнюю осторожность: «Судя по нахождению в этой тетради <имеется в виду Т I. — Н. Г.>, написано, вероятно, не позже 1859 г.»⁶ Несколько смелее выглядит датировка в выходящем ныне Собрании сочинений и писем Фета в 20 томах, где дата «1859» в корпусе стихотворений фигурирует со знаком вопроса, а в комментариях читаем: «Автограф в Т I, что позволяет датировать ст-ние периодом до 1859 г.»⁷ Однако, если обратиться к автографу, можно уточнить датировку и высказать предположение, что эпиграмма была написана во второй половине 1856 года.

⁵ Печатается по автографу, без проставленного первым публикатором Б. В. Никольским и принятого Б. Я. Бухштабом вопросительного знака в последнем стихе.

⁶ Фет А. А. Полное собрание стихотворений / Вступит. статья, редакция и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937. С. 745 (Б-ка поэта).

⁷ Фет. Соч. и письма. Т. 1. С. 502.

Аргументы в пользу этого предположения таковы. Автограф находится на обороте листа 47, где записано стихотворение «Венера Милосская» («И целомудренно и смело...»), датируемое августом — октябрем 1856 года, временем пребывания Фета в Париже. Следом, на листе 48 записано стихотворение «Под небом Франции среди столицы света...», датируемое тем же временем.⁸ Во время пребывания в Париже Фет часто виделся с Тургеневым. Насколько напряженными были споры между ними, свидетельствует эпизод с поездкой в первой декаде сентября по старому стилю в Куртавнель, красочно описанный Фетом в воспоминаниях.⁹ Одной из тем для дискуссий было, без сомнения, все более укреплявшееся в Тургеневе желание остаться за границей, в кругу близких друзей, у которых к тому же воспитывалась его дочь Полинетта. Со стороны Фета подобное намерение вызывало полное неприятие. Возможное переселение Тургенева за границу означало для него потерю самого близкого в литературном мире человека. Думается, что в упомянутом стихотворении «Под небом Франции...» отразилось не только общее настроение Фета, тяжело переносившего разлуку с родной, здесь было и послание к Тургеневу.

18 (30) сентября 1856 года Тургенев писал В. П. Боткину из Куртавнели: «Фет в Париже — я его видел. Скучает до иступления — ничего не понимает изо всего, что вокруг него происходит; вне своей лирики он плох — и совершенно лишен даже поверхностной наблюдательности».¹⁰ Позднее, в письме к Л. Н. Толстому от 16 (28) ноября того же года Тургенев, уже проводивший Фета в Рим, где были в это время Н. А. Некрасов и А. Я. Панаева, вспоминал о его пребывании во Франции: «Да, батюшка, был он в Париже, но более несчастного, потерянного существа Вы вообразить себе не можете. Он скучал так, что хоть кричать, никого не видал, кроме своего слуги француза. Приехал было ко мне (т. е. к Мг Виардо) в деревню — и оставил (это между нами) неприятное впечатление. <...> В моей комнате я с ним спорил до того, что стон стоял во всем доме от диких звуков славянской речи; словом — нехорошо было».¹¹

В первоначальной редакции стихотворение «Под небом Франции ...» имело не три, а четыре строфы. Последняя решительно вычеркнута в автографе жирной чертой, не очень характерной для фетовской редакторской правки. Создается впечатление, что, вычеркнув последнюю строфу, поэт резко захлопнул тетрадь, так что на обороте соседнего листа, как раз там, где впоследствии появилась эпиграмма

⁸ См.: Там же. С. 467.

⁹ «... Дамы в Куртавнеле, поневоле слыша наш оглушительный гам на непонятном и гортанном языке, — вспоминал Фет, — наперерыв восклицали: „Боже мой! они убьют друг друга!“ И когда Тургенев, воздевши руки и внезапно воскликнув: „батюшка! Христа ради не говорите этого!“ — повалился мне в ноги, и вдруг наступило взаимное молчание, дамы воскликнули: „вот они убили друг друга!“» (Фет. МВ. Ч. 1. С. 161).

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 127.

¹¹ Там же. С. 149.

«Поэт, пророк, орловский знатный барин...», записанная скорописью, характерной для черновых автографов Фета, отпечаталась в зеркальном отражении та же жирная черта чернилами. Напрашивается мысль, что исключение последней строфы в стихотворении «Под небом Франции...» было сделано не по внутреннему побуждению поэта, а по настоянию Тургенева, который, без сомнения, познакомился с текстом, как это обычно бывало, до его выхода в свет. Недаром, описав поведение Фета в Куртавнеле в письме к Толстому, он заключил: «Впрочем, он написал несколько грациозных стихотворений <...>».¹²

Чем же могла не устроить Тургенева последняя строфа? Приведем текст стихотворения в первоначальной редакции по автографу:

Под небом Франции среди столицы света
Где так изменчива народная волна
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо
Под шум ей грезится иной далекий край
Так древле дикий Скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай

О Боже! перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле черный яд.¹³

Твоим наитием пронесся голос ныне
Как бы из-за моря встающая заря
В двойном сиянии и в тройственной святине
Всех, всех на родину зовущего царя.

Последняя строфа была в свое время прокомментирована Б. Я. Бухштабом, указавшим на публикацию 26 августа 1856 года в России коронационного манифеста, содержащего статью, которая позволяла изгнанникам, не учинившим «никакого другого преступления», кроме отъезда за границу «без узаконенных видов», вернуться на родину.¹⁴ С учетом этого комментария заключительная строфа представляет собой откровенно верноподданническое высказывание, которое не могло не покоробить Тургенева. Не исключено, что он высказал свое мнение в достаточно резкой форме, чем и побудил Фета зачеркнуть последнее четверостишие. Вполне возможно, что им были названы и одиозные имена Н. И. Греча и Фаддея Булгарина, которые не могли не обидеть поэта. Вот почему представляется вполне вероятным, что приведенная

¹² Там же.

¹³ Как отмечено в комментариях к стихотворению в издании *Фет. Соч. и письма* (Т. 1. С. 467), в стихе 12 содержится правка: «жгучий» вписано вместо зачеркнутого «черный».

¹⁴ *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 634.

выше эпиграмма, обращенная к Тургеневу, была написана рядом со стихотворением «Под небом Франции...» и вскоре после его обсуждения. В таком случае гораздо более приемлемой оказывается дата написания эпиграммы в пределах сентября — октября 1856 года. В пользу этого предположения говорит и результат сопоставления чернил, которыми написаны оба стихотворения. Они вполне идентичны, в то время как чернила, которыми сделана не позднее декабря 1856 года правка в 12-й строке стихотворения «Под небом Франции...», заметно отличаются по цвету и интенсивности. Таким образом, подтверждается правота первого публикатора эпиграммы «Поэт, пророк, орловский знатный барин...» Б. В. Никольского, датировавшего ее 1856 годом в составленном им Хронологическом указателе.¹⁵

Совсем иного рода эпиграмма, адресатом которой является, очевидно, Тургенев (предположение Б. Я. Бухштаба), была написана Фетом гораздо позднее. Датировка ее вызывает больше затруднений, поскольку она находится в так называемой второй тетради (Л. 128; см. илл. на с. 209), в которую, как известно, Фет вписывал стихотворения не только на оборотах листов, используя свободное место, но подчас просто под уже написанными стихотворениями. Б. Я. Бухштаб, попытавшись определить дату написания по положению в тетради, сначала определил ее в издании 1937 года периодом 1874—1886 годов. Четверостишие вписано после стихотворения «Ура! наш архангел отвинчен...», которое тоже имеет предельно расширенную датировку. В издании 1959 года Бухштаб предположительно сузил период до 1876—1878 годов — времени, когда отношения Тургенева и Фета полностью прекратились, однако обоснование новой датировки не вполне убедительно.

Трудно сказать, в связи с каким событием и когда была написана эта эпиграмма:

Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей
С базару храм искусств угольный,
Ты с переулка дом б<...>ей.

Очевидно одно — вряд ли она написана на выход в свет романа «Отцы и дети», хотя и отсылает к нему. В то время отношения Тургенева и Фета еще были довольно близкими, хотя роман «Отцы и дети» Фету решительно не понравился. Базаров даже стал «героем» одного из его деревенских очерков, с которым он вступил в спор. «Имя Тургенева <...> становится для него <Фета. — Н. Г.> „знаковым“, — пишет В. А. Кошелев в статье о деревенских очерках Фета, — „голос“ Тургенева появляется в первом очерке <...>».¹⁶

Признавая за Базаровым ум, Фет, в сущности, обвиняет его в оторванности от родной почвы, в непонимании того, что именно нужно России в настоящий момент. Рассуждая о воспитании и образовании

¹⁵ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. СПб., 1901. Т. 3. С. 386.

¹⁶ Фет. Соч. и письма. Т. 4. С. 489.

(понятиях далеко не равнозначных в понимании Фета), автор очерка «Кому всего естественнее принять обязанность народных воспитателей» пишет: «Какое явление представляет нам в этом смысле Базаров? Он отстал от народа и не пристал к обществу <...>. Базаров одинаково непонятен и угловат в избе и в гостиной. Ему хорошо только в своем тесном кружке, где нет преданий, нет законов, где все хорошо, все дозволено, где с равным бессмыслием можно рыться немытыми руками и в чужих верованиях, и во внутренностях лягушек и разложившихся трупов».¹⁷ Противопоставляя базаровскому нигилизму предания, обычаи, верования, наконец, историю, Фет пишет: «Человека с основами нравственного воспитания влекут известные симпатии в ту или другую сторону жизни. А тут нет никаких симпатий, а есть одна непримиримая антипатия к своему прошедшему».¹⁸ Относя главного героя «Отцов и детей» к «недоноскам науки» (истинная наука, по Фету, «чужда враждебных отношений к жизни»), Фет обвиняет Базарова в безнравственности и отказывает ему в звании «народного воспитателя». «Что же нам нужно? Нравственное шатание? Поблажка всевозможным страстям и порокам? Словом, теория ощущений?» — спрашивает он и отвечает решительно «нет», отдавая право называться народными воспитателями священникам. «Нравственно-христианское воспитание, — утверждает Фет, — какой бы высоты оно ни достигало, только умягчает и воздвигает духовную почву для плодотворного восприятия всего высокочеловечного, не ставя человека во враждебное отношение к его жребию, как бы этот жребий ни был скромен».¹⁹

Сохранилась и реакция Тургенева на этот очерк Фета, в котором столь заметное место занимал Базаров. Но если другие очерки, вошедшие в цикл, опубликованный в третьем номере «Русского вестника» за 1863 год, вызвали положительный отклик у Тургенева, то очерк, в котором фигурировал Базаров, вызвал крайнее раздражение. «Прочел я Вашу статью в мартовской книжке „Русского вестника“, — писал Тургенев Фету, Боткину и И. П. Борису из Баден-Бадена 26 июня (8 июля) 1863 года, — очень мило <...> но тут же находится pendant к необъятно-непостижимому стихотворению „И рухнула с разбега колесница“ — а именно 344-я страница с ее латинскими словами и *рикошетами*. Я пробовал читать ее лежа, стоя, кверху ногами, на полном бегу — с припрыжкой... ничего, ничего, ничего не понял! Там есть фраза: „он на всё смотрит при помощи источников изобретения?!?!?!?!“ Небеса разверзаются, ад трепещет — и тьма, тьма крошечная. А статья все-таки очень хороша».²⁰ «Непонимание» Тургеневым образного ряда, с помощью которого Фет передавал суть «высочившего за борт» реальной, а не придуманной русской жизни Базарова, вынужденного вследствие своего безграничного нигилизма смотреть на все окружаю-

¹⁷ Там же. С. 243–244.

¹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 250.

²⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 185–186.

Ура! наш архангел отвинчен
управлением в Санду и флот.
Мудреный, а не тремарго
даже и манкафа Мекк и турки
Вот кому, все все и все
Симона замона? Марканд
Мартин? прочее. Давид и
Мне и Антонию, а кто не
Сталите,

Можете вы заблестить сердца и души
Идеи отивать и духи
На базаре армянских и турок
Мне и перекука. Давид Б. — е?

128

Стихотворение Фета «Ура! наш архангел отвинчен...»
и эпиграмма «Понятен зов твой сердобольный...»
(ИРЛИ)

щее сквозь микроскоп («источник изобретения») и видеть в живых людях лишь материал для «научных» исследований, — такое «непонимание» было, конечно, напускным. Тургенев не мог принять подобной критики по отношению к своему «любимому детищу» Базарову. Совершенно очевидно, что и Фет мог читать строки этого письма лишь с еще большим неприятием, чем когда писал свой очерк и спорил с Базаровым.

Итак, ни время создания, ни конкретный повод, по которому была написана приведенная выше эпиграмма, остаются неизвестными. Первый ее публикатор Б. В. Никольский, который, кстати, счел необходимым «отредактировать» текст, заменив «храм искусств угольный» на «храм искусства вольный», указал в своем Хронологическом указателе еще более расширенную датировку, чем Б. Я. Бухштаб — 1871–1886 годы.²¹ Эпиграмма могла быть откликом на появившийся в 1877 году роман Тургенева «Новь», которым писатель хотел «примириться» с молодым поколением, обидевшимся на него за роман «Отцы и дети». Этот роман, как и предыдущий — «Дым» (1867), — был воспринят Фетом крайне враждебно (в письме к Л. Н. Толстому он назвал его «Евангелием червонных валетов»²²). Другим поводом к написанию эпиграммы мог быть приезд в Россию Тургенева в начале 1879 года, когда ему был устроен горячий прием в Петербурге и Москве.²³ Раздраженный комментарий к этим торжествам дал Фет в письме к Толстому от 21 марта 1879 года: «Тургенев вернулся в Париж, вероятно, с деньгами брата <Н. С. Тургенева, после смерти которого Тургенев получил наследство. — Н. Г.> и благодетельствовал Россию, то есть пустив по миру своих крестьян, <...> порубив леса, вспахав землю, разорив строения и размотав до шерстинки скотинку. Этот любит Россию».²⁴ Как бы там ни было, оснований для того, чтобы назвать Тургенева адресатом приведенной выше эпиграммы, более чем достаточно. Могла быть написана эта эпиграмма и раньше, а потом для памяти занесена в рабочую тетрадь. Но подобная резкость сказана была Фетом, конечно, не ранее появления романа «Отцы и дети», вызвавшего активное неприятие у поэта, все более явно занимавшего крайне консервативные позиции.

Иные поэтические послания Тургенева были откликом на письма в стихах Фета, которые расшевеливали затихшую было поэтическую жилку. Однажды даже Лев Толстой ответил на поэтическое послание Фета стихами. 8–10 июня 1872 года он писал:

Как стыдно луку перед розой,
Хотя стыда причины нет,

²¹ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. СПб., 1901. Т. 3. С. 398.

²² Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 465.

²³ «Тургенев в Москве выслушивает спичи», — писал Фет Толстому 25 февраля 1879 г. (Там же. Т. 2. С. 56).

²⁴ Там же. С. 59.

Так стыдно нам ответить прозой
На вызов ваш, любезный Фет...²⁵

Благодаря мемуарам Фета, до нас дошли два экспромта Тургенева и Фета, произнесенные на обеде в честь Тургенева в январе 1856 года в Петербурге.

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались,
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись!

Тургенев не замедлил ответом:

Все эти похвалы едва ль ко мне придется,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны.

Сейчас эти строки могут показаться кому-то даже оскорбительными, несмотря на шуточный тон, в котором они произносились. Но уровень дружеской близости, доброжелательство сквозят в обоих экспромтах. У Фета с налетом обожания, в котором он признался в мемуарах, у Тургенева — с оттенком учительства и некоторой снисходительности, определяемыми его положением мэтра в кружке «Современника». Не следует забывать и обстановку, в которой произносились эти экспромты: только что была завершена подготовка нового сборника Фета (дата цензурного разрешения 11 февраля 1856 года).

Действительно, в середине 1850-х годов произошло два события, значение которых трудно переоценить для истории русской поэзии. Под редакцией Тургенева вышли два сборника: в 1854 году — Тютчева и в 1856 — Фета. Именно Тургеневу принадлежит заслуга в обнародовании первого поэтического сборника Тютчева, который, как известно, весьма незаинтересованно относился к публикации своих стихотворений. Над сборником Фета Тургенев много потрудился, заставляя поэта переделывать написанное не по одному разу, исключив значительное количество стихотворений.²⁶ Однако, если мы будем судить об их отно-

²⁵ Там же. Т. 1. С. 417.

²⁶ Основой для постановки вопроса о «тургеневской правке» сборника стихотворений Фета 1850 г. послужил сохранившийся в библиотеке родственника поэта И. С. Остроухова экземпляр сборника с пометами Тургенева. «Приступая к редактированию Фета, — писал Бухштаб, — Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание <сборник 1856 г. — Н. Г.>, и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по несколько вариантов — очевидно, на выбор редактора» (Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 672). Правда, поместив в подготовленном им издании Фета 1937 г. часть ранних редакций стихотворений, которые позже (фактически до конца жизни) воспроизводились поэтом именно в «тургеневской редакции», Б. Я. Бухштаб впоследствии признал, что выбрал не самый удачный вариант решения «тургеневской» проблемы и вернулся к редакциям сборника 1856 г. В издании

шениях только по количеству правки, внесенной Фетом в готовившийся сборник, картина, сколь тщательно мы бы ни выверяли разные редакции поэтических текстов, не будет полной.

Надо признать, что впервые оба экспромта были включены в собрания сочинений (или стихотворений) не сразу. Экспромт Фета — лишь в 1937 году в издание, подготовленное Б. Я. Бухштабом.²⁷ Ни в первое посмертное издание 1894 года, подготовленное Страховым и К. Р., ни в издание 1901 года, подготовленное Б. В. Никольским, он не вошел. Тургеневский экспромт впервые был включен в собрание сочинений в 12 томах, выходявшее в конце 1920-х — начале 1930-х годов под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума.²⁸ В первое академическое Полное собрание сочинений и писем в 28 томах указанный стихотворный текст включен не был, а во второе был помещен лишь в разделе «Dubia»,²⁹ очевидно, после того как на непоследовательность решения редколлегии первого издания было указано И. Г. Ямпольским.³⁰

Сложнее обстоит дело с эпиграммами Тургенева и Фета, написанными друг на друга. Так, известная эпиграмма:

Как снег вершин
Как фунт конфект,
Исчезнул <Фет>
И стал <Шенши>н,

автором которой считается Тургенев, дошла до нас в двух вариантах — в воспоминаниях Галахова и в воспоминаниях самого Фета. Однако если Галахов приводит ее в контексте воспоминаний о Тургеневе-эпиграмматисте, хотя и не называет его автором четверостишия,³¹ то Фет,

---

1959 г. читаем: «В настоящем издании мы отказались от такого подхода, так как он не обеспечивает вполне объективных результатов. Поправки, ухудшающие стихотворение с точки зрения мелодики стиха, могут улучшать его со стороны образности и т. п.: в выборе неизбежно скажется вкус редактора. Что касается авторской воли, надо учесть, что Фет после издания 1856 г. напечатал свои ранние стихотворения еще раз — в издании 1863 г. Кое-какие возвращенные к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное им стихотворение. Фет явно не собирался возвращаться к отвергнутым Тургеневым редакциям стихотворений» (Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 712).

²⁷ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 414.

²⁸ Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 12. С. 261.

²⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 557. Заметим, что этот текст здесь помещен после эпиграммы на Фета («Как снег вершин...»), которая датируется более поздним сроком: 1874 г. В комментарии также не учтено, что впервые экспромт «Все эти похвалы...» был включен в 12-й том собрания сочинений Тургенева под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума (С. 714).

³⁰ Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья, подготовка текста и примеч. И. Ямпольского. Л., 1970. С. 418 (Б-ка поэта). «Неясно, почему это четверостишие, вопреки недвусмысленному свидетельству Фета, не включено в Ак. изд. (см. т. 15, с. 414)».

³¹ Галахов А. Д. Записки человека / Вступит. статья, составление, подготовка текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 226.

не упоминая о Тургеневе, приводит текст эпиграммы в другой редакции и ссылается на газету «Новое время», в которой она якобы была напечатана. Скажем сразу, что поиски этой эпиграммы в газете «Новое время» не увенчались успехом, и остается только гадать, откуда она стала известна Фету. Вот в какой редакции эпиграмма была опубликована в «Моих воспоминаниях»:

Как с неба свет,
Как снег с вершин,
Исчезнул Фет
И встал Шеншин.³²

Помимо свидетельства Галахова, существуют также воспоминания В. К. Истомина, который привел ту же эпиграмму, однако имени Тургенева как ее автора не назвал, отметив только, что Лев Толстой отрицательно отнесся к этому выпадку против Фета.³³ Автор статьи об эпиграммах Тургенева Е. А. Гитлиц высказала осторожное предположение в пользу принадлежности ее Тургеневу, приведя в качестве аргументов повторение в ней известной остроты Тургенева по поводу перемены Фетом фамилии («...как Фет вы имели имя, как Шеншин, вы имеете только фамилию») и использование в тексте эпиграммы выражений, близких шутливому посланию Тургенева к Фету 1864 года («И шепчут гор верхи: Где Фет? Где тот поэт, / Чей стих свежей икры и сладостней конфет?»).³⁴ Приняв аргументацию Гитлиц, И. Г. Ямпольский поместил эту эпиграмму (также почему-то в редакции Галахова, а не Фета) в раздел «Стихотворения, приписываемые И. С. Тургеневу».³⁵ В качестве автора эпиграммы называлось также имя К. Скальковского, причем Т. А. Кузминская, писавшая об этом Г. П. Блоку 9 декабря 1920 года, привела по памяти еще один вариант эпиграммы:

Как снег с вершин,
Как гор поток,
Стал Фет Шеншин
.....³⁶

³² Фет. МВ. Ч. 2. С. 283.

³³ Истомин В. К. На закате // Яснополянский сборник. Тула, 1965. С. 147.

³⁴ Гитлиц Е. А. Эпиграммы Тургенева // Т Сб. Вып. 3. С. 68. Последнее замечание, правда, следует принять с известной оговоркой, поскольку ничего общего, кроме банальной рифмы «Фет / конфет», в приведенных строках из дружеского послания Тургенева и в крайне недоброжелательных строках эпиграммы собственно нет. Тем не менее следует признать, что аргументы в пользу авторства Тургенева в целом выглядят вполне убедительно.

³⁵ Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. С. 390.

³⁶ «После того как Фет стал Шеншиным, в газете „Новое время“ вышла статья на эту тему, очень даже лестная, как помню, для Афанасия Афанасьевича, — писала Кузминская. — Но вышло также и юмористическое четырёхстишие, кажется, Константина Скальковского; из его стихов помню только 3 линейки: <...> Дополните сами. Бог простит эту смелость, а то жаль неоконченное» (Т. А. Кузминская об А. А. Фете / Публ. Н. П. Пузина // РЛ. 1968. № 2. С. 171).

Как видно из приведенного текста, он ближе к варианту из воспоминаний Фета, чем к тому, что поместил в своих воспоминаниях Галахов. Редколлегия второго издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 30 томах, впервые включив эпиграмму в состав 12 тома Сочинений, тоже предпочла вариант Галахова, хотя приведенную тем же Галаховым эпиграмму на И. П. Арапетова с прямым указанием на авторство Тургенева почему-то в издание не включила, даже в разделы «Коллективное» или «Dubia». ³⁷ Не попала в 12-й том и эпиграмма на П. В. Анненкова («Идеалист с широким пузом...»), несомненно принадлежащая Тургеневу, по той причине, что она находится в составе письма к Анненкову от 3 (15) января 1857 года. ³⁸ Соответственно, эта эпиграмма не вошла и в указатель произведений Тургенева.

И вот первый текстологический вопрос, который возникает при обнаружении столь существенных разночтений в подаче материала. Если письмо содержит стихотворный текст или целиком написано в стихах, следует ли включать его в собрание сочинений в качестве стихотворного текста в серию Сочинения или оставить его в Письмах? Ведь если мы включаем экспромты и эпиграммы, дошедшие до нас, как правило, через вторые руки, то можно ли признать логичным, что тексты, известные нам в автографах, остаются не отмеченными даже в указателе произведений?

Излишне говорить, какие пробелы возникают при подобном подходе. Нам уже приходилось писать о том, как «затерялся» в Полном собрании сочинений и писем Тургенева знаменитый некролог Гоголя (за который писатель был сослан в Спасское) только потому, что впоследствии Тургенев включил его в свои «Литературные и житейские воспоминания». Следование избранному текстологическому принципу привело к тому, что некрологическая статья, написанная в форме «Письма из Петербурга» (в редакцию «Московских ведомостей»), оказалась исключенной и из корпуса критических статей, и из корпуса писем и, соответственно, выпала из указателя произведений Тургенева. ³⁹

Не включенными в корпус стихотворений оказались и стихотворные послания Тургенева к Фету, а их было не менее шести («Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...»), «Покинув град Петров, я в Баден поспешил...», «Любезнейший Фет!..», «В ответ на возглас соловьиный...», «Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?..», «Решено! Ура! Ви-

³⁷ Е. А. Гитлиц считала, что Тургенев, «видимо, принимал большое участие в создании эпиграммы на Арапетова» (см.: Гитлиц Е. А. Эпиграммы Тургенева. С. 58–59); И. Г. Ямпольский включил эпиграмму в указанное выше издание в раздел «Коллективное» на основании пометы рукой А. А. Краевского на списке полного текста эпиграммы, хранящемся в его архиве в РНБ: «Дружинин, Тургенев и Некрасов» (на это указывала и Е. А. Гитлиц).

³⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 177. Письмо напечатано по первой публикации, его оригинал, как указано в комментарии, неизвестен.

³⁹ См. об этом: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 485–486.

ват!...) и некоторые другие стихотворения), и приписываемая Тургеневу пародия на стихотворение Фета «Я долго стоял неподвижно...» (1843).

Правда, эта пародия могла не принадлежать Тургеневу, хотя и сохранилась в его бумагах, поступивших в Парижскую Национальную библиотеку. Впервые она была опубликована Андре Мазоном в 1930 году:

Я долго стоял неподвижно,
И странные строки читал,
И очень мне дики казались
Те строки, что Фет написал,
Читал... что читал я, не помню,
Какой-то таинственный вздор;
Из рук моих выпала книга,
Не трогал ее я с тех пор.⁴⁰

Как писал Мазон, сначала на отдельном листке Тургенев скопировал подлинное стихотворение Фета, а затем записал текст пародии. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что оба текста записаны не рукой Тургенева. А поскольку они записаны на листке почтовой бумаги, можно предположить, что кто-то из знакомых прислал Тургеневу эту пародию в Париж, тем более что пародий на Фета было великое множество. Правда, пародия была включена в 11-й том Сочинений Тургенева, вышедших под редакцией Халабаева и Эйхенбаума.⁴¹ И. Г. Ямпольский, считая, что «авторство Тургенева вполне вероятно», поместил этот текст в раздел «Стихотворения, приписываемые И. С. Тургеневу».⁴² По-видимому, текст пародии следовало бы включить в раздел «Dubia» Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Другая пародия, гораздо более злая, также не вошла ни в один из разделов стихотворений Тургенева в Полном собрании сочинений и писем. Она содержится в письме к Фету от 30 июля (11 августа) 1867 года и хорошо демонстрирует, насколько разошлись друзья за прошедшие годы. Получив письмо от Фета с отрицательным отзывом о недавно вышедшем в свет романе «Дым» (письмо не сохранилось⁴³)

⁴⁰ Mazon A. Manuscris parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits. P., 1930. P. 94.

⁴¹ Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 12. С. 250.

⁴² Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. С. 389. Некоторые исследователи до сих пор придерживаются мнения, что эта пародия принадлежит Тургеневу (см.: Фет. Соч. и письма. Т. 1. С. 434–435). М. К. Клеман датировал ее 1863 г. (см.: Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева / Сост. М. К. Клеман // И. С. Тургенев. Сб. статей. Л., 1934. С. 359).

⁴³ Представление о том, как Фет оценил роман «Дым», можно составить по сохранившемуся письму его к Л. Н. Толстому от 15 июня 1867 г.: «Читали Вы пресловутый „Дым“? У меня одна мерка. Не художественно? — не спокойно? — дрянь. Форма? Сам с ноготь, борода с локоть. Борода состоит из брани всего русского, в минуту, когда в России все стараются быть русскими. А тут и труженик честный посредник представлен

и с какими-то высказываниями Фета о болезненной для писателя истории с дядей Николаем Николаевичем, Тургенев, возвращаясь к своим затянувшимся спорам с поэтом, не без яду писал: «Но отчего Вас в „Русском вестнике“ нет? Боги! отчего не приходится хотя от времени до времени читать такие, нетенденциозные стишки:

Где-то, что-то веет, млеет...
Нос сопит... язык немеет...
Стих свербит вокруг пупка...
Музе хочется какá!

Как бы это было прохладно!».⁴⁴ Правда, и сам признается в конце: «Письмо это вышло резко — но у меня на душе накопело. Вы — добрый; сердиться не будете; Вы знаете, что я все-таки Вас очень люблю».⁴⁵

Можно было бы подумать, что стихотворные послания Тургенева (и не только к Фету) не включены как самостоятельные поэтические тексты в корпус его сочинений потому, что Тургенев был прозаиком, а не поэтом. Но мы знаем, что это не так. Уже в 1840-е годы Тургенев снискал известность именно как поэт (вспомним его литературный дебют как автора поэмы «Параша», вызвавшей одобрение Белинского и других ведущих критиков), в его литературном наследии немалую часть занимают поэтические тексты. Словом, это вопрос, который можно и должно обсуждать и решать. Следует только сказать, что, исключая эти тексты из основного корпуса сочинений, мы, без сомнения, обедняем представление читателей о многообразной и значимой части литературного наследия Тургенева. И, если будет возможность, этот пробел следует восполнить в готовящемся дополнительном томе сочинений Полного собрания сочинений и писем Тургенева, которое, хотя и с большим перерывом, но все же возобновилось.

Тургеневские послания большей частью сохранились в дошедшем до нас корпусе писем, исключая, разумеется, эпиграммы и пародии, на которые писатель отнюдь не скупился.

жалким дураком, потому что не знает города Нанси. В России-де все гадко и глупо и *все надо* гнуть насильно и на иностранный манер. На этом основании и дурак Литвинов *изучил* иностранную агрономию, чтобы ему, дураку, *применять* ее в своем имении. Ясно, осел. Не все ли это равно, что под русскую брыкуху запрягать паровоз? Этого мало. Между всеми русскими негодьями и дураками оказывается порядочный герой, истосковавшийся по аристократическому кругу, который будто бы презирает, и бросающий женщину, которую будто бы уважает и любит, только из-за того, что нанюхался волос женщины, которую с детства знает и признает окончательно для себя непригодной. Мало того, этому краугольному камню русских и порядочных людей (в глазах автора) ни разу и на ум не пришло, что женщина, которую он смывает, жена другого — имя которого она носит и т. д. Неужели это прогресс? Мужики за это оглоблей бьют. Порядочные люди борются, насколько сил хватает, а жулики-прогрессисты об этом не думают» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. I. С. 384).

⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 23–24.

⁴⁵ Там же. С. 24.

Иногда все письмо состояло из одного стихотворного текста, который можно назвать рифмованным письмом. Такое рифмованное письмо от 16 (28) июля 1859 года было послано Тургеневым Фету из того самого Куртавнеля, где состоялся столь памятный для обоих спор ранней осенью 1856 года:

Бесценный Фет, мудрец и стихотворец —
Я получил любезное письмо,
Направленное Вами из «Полянь» —
В том замке, где Вы некогда со мною
Так спорили жестоко — и где я
У Вас в ногах валялся униженно.
В нем ничего не изменилось: только
Тот ров, который, помните, струился
Пред Вашими смущенными глазами —
Теперь порос густой травой — и высох.
И дети выросли... Что ж делать детям,
Как не расти? Один я изменился
К гораздо худшему. Я всякий раз,
Как к зеркалу приближусь, с омерзеньем
На пухлое, носастое, седое
Лицо свое взираю... Что же делать!
Жизнь нас торопит, гонит нас, как стадо...
А смерть, мясник проворный, ждет — да режет...
Сравнение, достойное Шекспира!
(Не новое, однако, к сожаленью!)
Я к Вам писал из города Виши
Недавно; стало быть, не нужно боле
Мне говорить о личности своей.
Скажу одно: в начале сентября
Я в Спасском, если шар земной не лопнет —
И вместе вальдшнепов мы постреляем.
Об Вас я говорить хочу: я Вами
Ужасно недоволен: берегитесь!
Скучливый человек... Вы на стезю
Опасную ступили... не свалитесь
В болото злой, зевающей хандры,
Слезливого, тупого равнодушья!
Иллюзии, Вы говорите, нет...
Иллюзия приходит не извне —
Она живет в самой душе поэта.
Конечно, в сорок лет уж не летают
Над нами, в романтическом эфире,
Обсыпанные золотом и светом,
Те бабочки с лазурными крылами,
Которые чаруют наши взоры
В дни юности — но есть мечты другие,
Другие благородные виденья,
Одетые в белеющие ризы,
Обвитые немеркнувшим сияньем. —
Поэт, иди за ними — и не хнычь!
(Фу — батюшки! Какой высокий слог!)
А на земле — *коль* есть покойный угол,

Да добрый человек с тобой живет,
Да не грызет тебя недуг упорный —
Доволен будь — «большого» не желай.
Не бейся, не томись, не злись, не кисни,
Не унывай, не охай, не канючь,
Не требуй ничего — и не скули...
Живи смиренно, как живут коровы —
И мирно жуй воспоминанья жвачку.
Вот мой совет — а впрочем, как угодно!
Увидимся — и больше потолкуем...
Ведь Вы меня дождетесь в сентябре?
Пожалуйста, поклон мой передайте
Супруге Вашей и сестре; скажите
Борисову, что я люблю и помню
Его; Толстого Николая поцелуйте
И Льву Толстому поклонитесь — также
Сестре его. Он прав в своей приписке:
Мне *не за что* к нему писать. Я знаю:
Меня он любит мало — и его
Люблю я мало. — Слишком в нас различны
Стихи; но дорог на свете много:
Друг другу мы мешать не захотим.
Прощайте, милый Фет; я обнимаю
Вас крепко. Здешняя хозяйка Вам
Велела поклониться. Будьте здоровы,
Душой и телом. Музу посещайте
И не забудьте нас.

Иван Тургенев.⁴⁶

То, что было трудно высказать в письме, — о принятом окончательно решении навсегда остаться в семье, с которой связывало слишком многое, об отказе от надежд на счастье, о болезнях, о непростых отношениях с Толстым — сказалось в шутивно-философском послании, скорее напоминающем прощание, хотя еще в январе 1858 года Тургенев признавался Толстому, что ему «совсем не следовало выезжать за границу».⁴⁷ И чуткий Фет понял его смысл. Больше он не будет звать Тургенева домой, как он это делал постоянно, начиная с лета 1856 года. Например, в послании, датированном февралем 1858 года:

Прошла зима, затихла вьюга,
Давно тебе, любовник Юга,
Готовим тучного тельца.
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.

Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,

⁴⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 66–68.

⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 292.

Куртаевич.

28/16 - 20го Июля 1859.

Безграничъ Фетъ, мудрецъ и стихотворецъ —
 Я похураивъ сокровище твоего
 Капитальное каши ир "Колосъ"
 Не знае зашири, что не отанде со мною
 Делю споримъ. Небоже — и что с
 у насъ въ глазахъ. Рубльъ юмъ фетю.
 Не кемъ куплю не цинтишекъ: тоатко
 Мотъ рубль, который, подаришь, оторвалъ
 Предъ намиши. Скупецъавиши Младши —
 Мелерь поровъ цети правъ — и Фетюхъ. —
 и эти Фетюхи... Чотъ гонать Фетюхъ
 Какъ не проети? — Фетюхъ в цинтишекъ
 Къ поровъ худшею. — Я, вѣки-рѣшъ
 Какъ къ державу прибуду, съ оцуртасемъ
 Не пухое, неасятое, согре
 Душо стѣи Фетюхъ... Чо те джале!
 Фетюхъ какъ тортишь, сонаръ какъ какъ стая.
 А Амьтѣ, идсавкъ проборки, фѣй-за рѣтѣи.
 Сръвенте, дофѣиша Мектиша.
 (не кофта, одгале, къ сѣфанѣ.)

Стихотворное послание Тургенева
 «Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...»
 (ИРЛИ)

Вот улыбнулись антики,
И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.

Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива,
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.

Там все тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленой,
И верно чужа, что просторней, —
Смелей и слаще и задорней
Весенний свищет соловей.

Напечатано было это послание под заглавием «Тургеневу», как и в автографе. Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет спрашивал разрешения на печатанье стихотворения, поскольку в ответном письме от 26 февраля (10 марта) 1858 года из Рима Тургенев предлагал изменение в стихе 22: «Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы. Один лишь стих: „И верно чужа, что просторней” — не лезет в горло. Зимой, при издании Ваших новых стихотворений, большая будет перепашка».⁴⁸

Новый сборник выйдет не скоро, в 1863 году. В предисловии к нему Фет будет благодарить друзей, и в первую очередь, конечно, Тургенева, за помощь: «...не могу <...> не заявить искренней признательности тем друзьям поэта, эстетическому вкусу которых я вверил вполне издание 1856 года. Эти друзья могут убедиться, что в подлежащие два тома вновь вошла всего одна пьеса, случайно ими забытая, из прежней моей деятельности, а из последующей и всех переводов включены только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены».⁴⁹ Стихотворение «Прошла зима, затихла вьюга...» под указанным заглавием вошло в этот сборник, правда, стих 22, который «не лез в горло» Тургеневу, остался без изменений. Одно изменение, судя по автографу, сохранившемуся в *Т 1*, все же было внесено: в стихе 17 первоначально было: «Тебя влекут под тень березы» (*Т 1*. Л. 100). Не зачеркивая первоначального варианта,⁵⁰ Фет вписал лишь одно слово: «несут». В этой редакции стихотворение и было напечатано в сборнике 1863 года. К этому времени «вечно радужные грезы» уже не влекли писателя «к ручьям земли родной». Приняв решение навсегда поселиться в Баден-Бадене, он лишь наездами бывал в России.

Уже в следующем году Фет пишет Тургеневу стихотворение, в котором звучат прощальные нотки примирения. Приводим его по автогра-

⁴⁸ Там же. С. 303.

⁴⁹ Фет. Соч. и письма. Т. 1. С. 238.

⁵⁰ Не учтенного ни в одном издании, включая последнее (Фет. Соч. и письма. Т. 1).

фу, поскольку окончательная редакция, сделанная по замечаниям стро-го редактора, до нас не дошла.

ТУРГЕНЕВУ

Из мачт и паруса, что честно так служил
Искусному пловцу под вѣдром и грозою! —
Ты хижину себе воздушную сложил
Под очарованной скалою.

Тебя пригрел чужой денницы яркий луч. —
До нас твой вздох не долетает. —
Телесным недугам лишь благодатный ключ,
Тебе и душу освежает.

Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной;
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взор.
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И плектрон отложу, я взялся за топор
И за блестящую лопату.

Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
Луна и солнце в окна блещут,
И, зеленью шумя, деревьев хоровод
Ликует жизнью и трепещет.

Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул
Сюда не досягнут. Я слышу лишь из саду
Лихого табуна сближающийся гул
Да крик козы, бегущей к стаду.

Здесь песни нежных муз душе моей слышней,
Их жадно слушает пустыня,
И верь! хоть изредка из сумрака аллея
Ко мне придет моя богиня.

Лишь здесь не ведая ни бурь ни грозных туч
Душой привычною к утрагам,
Желал бы умереть как утром лунный луч,
Или как солнечный — с закатом.

До того как послать стихотворение Тургеневу, Фет внес в него небольшую правку: в стихе 7 «лишь благодатный ключ» был исправлен на «животворящий ключ».

Вот что писал Тургенев Фету 20 ноября (2 декабря) 1864 года: «Любезнейший Афанасий Афанасьевич, вчера, вернувшись из Парижа, куда я ездил дней на десять, я нашел здесь Ваше письмо из Степановки с стихотворением на мое имя. Нечего и говорить, что печатание этого стихотворения ничего, кроме удовольствия, мне доставить не может: но в нем есть один жестокий стишок, который нужно исправить: — „В телесных недугах животворящий ключ...”. По-русски говорится:

недугах, — а недуги — отзываются чем-то очень семинарским — вроде: дóбьча. <...> Есть еще два маленьких пятнышка: отчего — „твоей вздох” не долетает? Во-первых, я здесь не вздыхаю; а во-вторых — этот стих не вытекает из предыдущего. Потом почему: *лишь* здесь? Стало быть, надо понять, что только в Степановке Вы желаете умереть, а в других местах желаете больше жить? В таком случае всем почитателям Вашего таланта следует молить судьбу, чтобы она разлучила Вас со Степановкой? Но ведь это сущие мелочи — а все стихотворение очень мило — и, кроме того, обрадовало меня известием, что у Вас деревья разрослись „зеленым хороводом”⁵¹.

Это стихотворное послание не было последним, однако в определенном смысле оно завершало долгодетный спор Тургенева и Фета о возможности для писателя навсегда поселиться за границей, чему, как уже говорилось, Фет всячески сопротивлялся. И, возможно, оно было последним, в которое Фета внес существенную правку по совету Тургенева. Это не значит, что впоследствии, печатая некоторые стихотворения, Фет не «прислушивался» к голосу своего старого редактора.⁵² Однако в данном случае, поскольку речь шла о печатании стихотворения, ему посвященного, Тургенев как будто имел полное право на замечания. И Фет почти полностью их учел. Стихи 6 и 7 были переделаны следующим образом:

И в откликах твоих мы слышим примиренье;
Где телом страждущий пьет животворный ключ,

В стихе 29 «Лишь здесь не ведая ни бурь...» было изменено на: «Вот здесь не ведая ни бурь...». В исправленной редакции стихотворение было напечатано в январском номере «Русского вестника» за 1865 год. Однако в отличие от других посланий к Тургеневу, включенных Фетом в так называемый список 1892 года, это стихотворение не было внесено в состав основного собрания, а потому оно не вошло в первое посмертное издание стихотворений Фета 1894 года, подготовленное Страховым и К. Р.

Впервые после «Русского вестника» оно было напечатано Б. В. Никольским в Полном собрании стихотворений Фета (1901), правда, с большими вольностями в пунктуации. Правка, внесенная в автограф, была частично учтена в первом научном издании стихотворений Фета, подготовленном Б. Я. Бухштабом (серия «Библиотека поэта»)⁵³. В пере-

⁵¹ ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 68.

⁵² Так, например, стихотворение, посвященное графине С. А. Толстой (вдове А. К. Толстого) «Когда так нежно расточала...», раскритикованное Тургеневым в письме от 25 марта (6 апреля) 1866 г., Фет вообще не печатал почти два десятка лет, но когда включил его в первый выпуск «Вечерних огней» (1883), опубликовал его с поправками, сделанными частично по замечаниям Тургенева (см.: *Фет А. А. Вечерние огни*. М., 1979. С. 453, 454, 682 (Лит. памятники)).

⁵³ *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 660. Следует сказать, что опечатка, допущенная в «Русском вестнике» в ст. 18 («Луна и солнце в окна блещет» вме-

издании этого тома 1959 года раздел «Ранние редакции и варианты» был заметно сокращен, а в издании 1986 года — сведен к минимуму, однако ранний вариант стихов 6 и 7 остался во всех трех изданиях. Правда, правка, сделанная Фетом до тургеневского «вмешательства», не была учтена ни в одном из них.

При подготовке нового издания необходимо решить вопрос: дает ли произведенная Фетом доработка стихотворения основание для выделения ранней, «дотургеневской» редакции. На наш взгляд, дает. И прежде всего потому, что замена стихов 6 и 7 существенно меняет смысл высказывания. Это тем более важно, что накануне написания этого стихотворения Фет получил от старого приятеля очень раздраженное письмо. Впервые Тургенев обращался к нему на «ты», впервые в письме звучала настоящая обида.

Получив в Париже два письма Фета (не сохранились), в которых обнаружился неприятный для Тургенева «цинизм тона и некоторая неопрятность выражений», он писал 10 (22) ноября 1864 года: «Денег нет — а ты строишь себе в Бадене дом во вкусе Людовика XIII-го — и явно намереваешься провести остаток дней своих в этом здании! Да, конечно; и я даже надеюсь, что старые приятели когда-нибудь вернут ко мне <...> надо сказать, хорошо живется в Бадене: милые люди, милая природа, охота славная... Но, однако, как ты неправильно и беспорядочно пишешь — точно лирический поэт, у которого сосет под ложечкой. Ты пьян, что ли?».⁵⁴ Именно после этого письма Фет создает стихотворение, в котором явственно звучат ноты примирения. Он не хочет ссоры, потом забирает свои слова назад о том, что Тургенев «вздыхает» в Бадене и не скучает по своим друзьям. Поэт признает, что каждый из них нашел свое счастье и имеет на это право. И лишь пронзительная последняя строфа выдает боль души, «привычной к утратам».

Таким образом, учитывая контекст сохранившихся тургеневских писем, это стихотворение, без сомнения, должно быть определено как стихотворное послание и помещено в корпус писем Фета.

Подобный прецедент уже был. В подготовленную Т. П. Головановой переписку Тургенева и Фета совершенно обоснованно были включены в качестве писем стихотворные послания Фета к Тургеневу, «имеющие все признаки „регулярного“ письма»,⁵⁵ в том числе «Тебя искал мой стих по всем концам земли...». Было включено в публикацию и стихотворение, в заглавии которого (как в автографе, так и во всех публикациях) имя Тургенева отсутствовало.⁵⁶ Приводим его по автографу (Т 2. Л. 62–62 об.; см. илл. на с. 227):

сто: «Луна и солнце в окна блещут») и повторенная в издании Никольского, давала, на наш взгляд, основание Б. Я. Бухштабу печатать это стихотворение по автографу.

⁵⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 60–61.

⁵⁵ См.: Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 403.

⁵⁶ Там же. С. 439–440.

Хотя по-прежнему зеваю,
Степной Тантал, —
Увы, я больше *не витаю*,
Где я витал!

У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
Царицы фей.

В лугах поэзии зорями
Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растенье
В сухой земле.

О, приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.

В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.

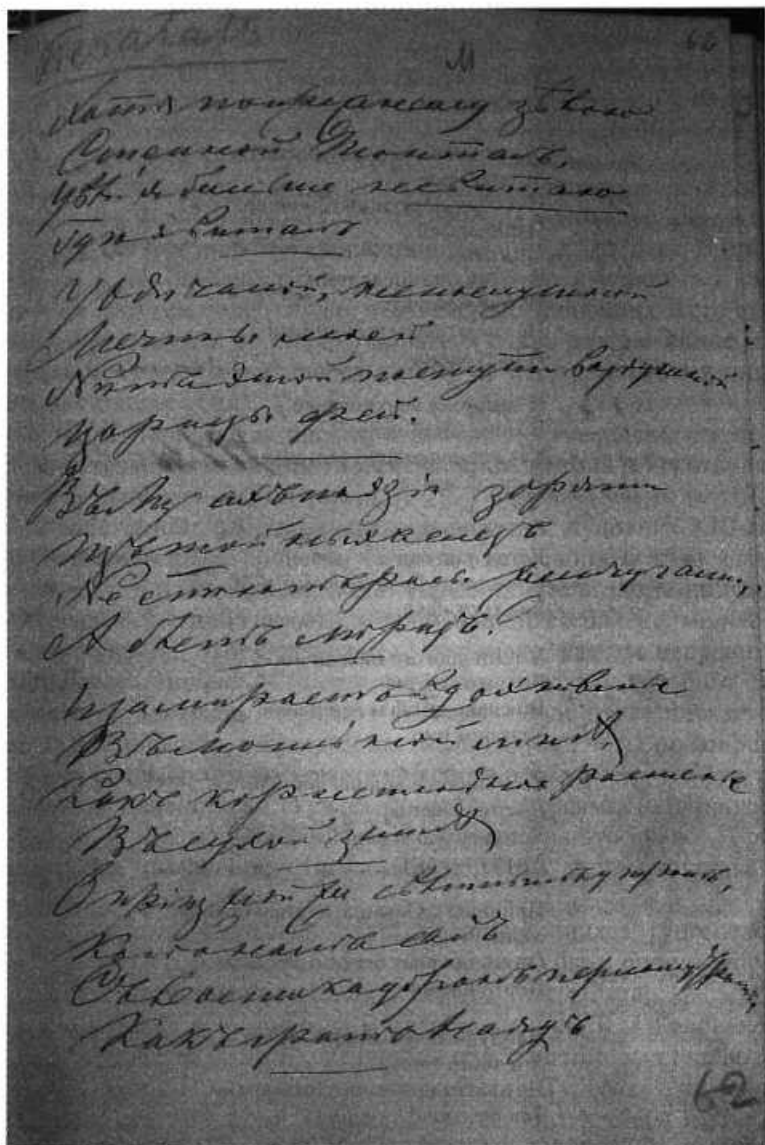
Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.

Пришлец с Олимпа, вестью новой
Меня утешь.
Опять покроет блеск багровый
Поэта плешь.

Найду начальный стих пэана
Я в честь твою;
Не хватит сил допить стакана —
Так разолью!

Впервые оно было напечатано Б. В. Никольским в Полном собрании стихотворений Фета (1901), правда, с существенными изменениями в пунктуации, но не только. Из стихотворения была исключена целая строфа, вычеркнутая в автографе крест-накрест красным карандашом. Эта строфа была восстановлена в издании стихотворений Фета, подготовленном Б. Я. Бухштабом (серия «Библиотека поэта»),⁵⁷ однако лишь в разделе других редакций и вариантов. Здесь же на основании письма

⁵⁷ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 660.

Стихотворение Фета «Хотя по-прежнему зваю...»

(ИРЛИ)

Первая страница

от 13 (25) января 1869 года было высказано верное предположение, что стихотворение обращено к Тургеневу, который писал Фету: «Я посылаю письмо через И. П. Борисова — ибо не знаю наверно, где Вы живете?».⁵⁸ Воспроизведенное в 3-м стихе подчеркивание («*вита*») подтверждает предположение Бухштаба и позволяет довольно точно датировать стихотворение второй половиной января — первой половиной февраля 1869 года.

Решая вопрос, восстанавливать или нет вычеркнутую строфу, Б. Я. Бухштаб, судя по комментариям, колебался: «Перед последней строфой зачеркнута красным карандашом (может быть, и не Фетом; впрочем, в тетради есть несомненно фетовские пометки красным карандашом) строфа, помещенная нами в вариантах».⁵⁹ Мы полагаем, что есть все основания считать виновным в исчезновении строфы первого публикатора стихотворения — Б. В. Никольского. В левом верхнем углу листа 62 имеется еще одна помета красным карандашом: «печатать». Она сделана не рукой Фета. Если бы она принадлежала Страхову или К. Р., готовившим первое посмертное издание, то стихотворение, пусть и без предпоследней строфы, было бы там напечатано. Теоретически помета могла быть сделана вдовой Фета, принимавшей участие в подготовке посмертного издания, но почерк, каким она внесена, отличается от почерка Марьи Петровны. Кроме того, ни один случай подобного вмешательства ее в поэтические тексты не зафиксирован. Остается наиболее вероятный вариант: Никольский, встретив в тетради ненапечатанное стихотворение, решил его «подредактировать», что он делал не раз. Может возникнуть вопрос, на каком основании он это сделал. Вряд ли его могло оскорбить именование Тургенева «пришлецом с Олимпа». Остается лишь предположить, что смелому редактору показались унижающими достоинство поэта совсем непозитические строки: «Опять покроет блеск багровый / Поэта плешь».

Если наша догадка верна и поскольку при жизни Фета стихотворение не было напечатано, то в «Библиотеке поэта» шутовское поэтическое послание к Тургеневу, несомненно, следовало печатать по автографу, восстановив не только подчеркивание в стихе 3 (чего не было в первой публикации), но и опущенную Никольским строфу и, разумеется, убрав своеобразную интерпункцию, которой так страдало издание Никольского.

Таким образом, составляя корпус как стихотворений Тургенева, так и писем Фета, необходимо учитывать указанные факторы, чтобы не нарушить принцип целостной и наиболее полной подачи литературного наследия обоих поэтов, чей поэтический диалог является по-своему уникальным в истории русской поэзии.

⁵⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 133.

⁵⁹ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 741.

К. С. Корконосенко

О ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ СТАТЬИ «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ» НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Первый перевод знаменитой статьи Тургенева на испанский язык был опубликован в Испании в 1879 году в журнале «*Revista contemporánea*» («Современный журнал»).¹ Этот анонимный перевод, намного более точный и стилистически выдержанный, чем последующие испанские версии, никем до сих пор не был описан, он не упомянут ни в классической библиографии Дж. Шанцера «Русская литература в испаноязычном мире»,² ни в комментариях к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Вместе с тем этот текст представляет интерес даже независимо от своих литературных и просветительских достоинств: согласно Шанцеру, в 1879 году был издан лишь один перевод с русского на испанский — «Капитанская дочка» Пушкина. До начала 1890-х годов испанцы почти не переводили русскую литературу, так что хронологически «Гамлет и Дон-Кихот» 1879 года находится в первой полусотне произведений русской литературы, которые испанцы могли читать на родном языке.

Как и следовало ожидать, перевод сделан не прямо с русского языка. Удалось установить, какой перевод-посредник лег в основу испанского текста: это французский перевод 1879 года, выполненный известным славистом Луи Леже и опубликованный в «*Bibliothèque universelle et revue suisse*».³ (Попутно отметим оперативность испанского переводчика: французский журнал вышел в июле, а испанский — уже в октябре 1879 года; тогда же появился и итальянский вариант, также выпол-

¹ См.: *Tourgeneff Ivan. Hamlet y Don Quijote // Revista contemporánea (Madrid). 1879. 30 de octubre. T. 23. P. 453–471.*

² *Schanzer G. O. Russian Literature in the Hispanic World: A Bibliography. Toronto, 1972.*

³ См.: *Tourguéniev Ivan. Hamlet et Don Quichotte / Tr. Louis Léger // Cahiers. N 21 (1997). P. 49–61.*

ненный с перевода Леже.⁴) Французский текст был определенно подготовлен при участии самого писателя: известно, что Тургенев, с одной стороны, сам переводил русскую литературу на французский язык — с помощью своих французских знакомых, в первую очередь Луи Виардо; а с другой стороны, уделял большое внимание тому, как переводятся на европейские языки его собственные произведения. История его сотрудничества с переводчиками подробно освещена в статье М. П. Алексеева «Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе», впервые опубликованной в 1948 году.⁵

Леже и Тургенев были знакомы с 1875 года, встречались они и после выхода в свет этого перевода; сохранилось несколько писем, а также отзыв Тургенева о Леже: «человек, который <...> знал лучше всех не только славянские языки, но и их диалекты».⁶ Известно, что Тургенев был недоволен переводами собственных произведений на французский язык,⁷ но для Леже он сделал исключение. Тургенев читал корректуру этого французского перевода; он заранее написал Леже в письме от 16 (28) июня 1879 года: «Только что получил вашу посылочку, перевод я прочту — и вы получите его завтра *непрерменно*. Не сомневаюсь, что он превосходит».⁸ Любопытно, что к этому письму в Полном собрании сочинений и писем в 1967 году было сделано примечание: «О каком переводе идет речь — установить не удалось».⁹ Связать между собой два текста удалось издателям парижского научного журнала «Cahiers Ivan Tourguéniév, Pauline Viardot, Maria Malibran» (редактор — Александр Звигильский), в 1997 году повторно опубликовавшим перевод Леже. Правда, в примечании к этой публикации сказано, что перевод Леже (который в 1879 году выходил без указания переводчика) — это *первый* французский перевод, что фактически неверно: первый французский перевод «Гамлета и Дон-Кихота» был опубликован в газете «Journal de Saint-Petersbourg» еще в 1860 году (3, 4 февраля. № 27, 28) тоже без указания переводчика, за подписью «J. Tourguéneff».

Нам не удалось выяснить, кто был автором испанской версии, участвовал ли сам Тургенев в подготовке этого перевода и знал ли он вообще о его существовании.

⁴ *Turgenev I. Amleto e Don Chisciotte // Rivista europea. (Firenze). 1879. 16 di ottobre. T. 15. P. 660–675.*

⁵ См.: *Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение / Отв. ред. В. Н. Баскаков, Н. С. Никитина. Л., 1989. С. 268–307.*

⁶ *Фори Б. Воспоминания о Тургеневе // Публ. Н. А. Леонтьевского // ЛН. Т. 76. С. 492.*

⁷ «Трудности заключались не только в незнании переводчиками русского языка или в их лексических затруднениях: речь шла о специфике родной речи и о невозможности воспроизвести ее не свойственными ей средствами. <...> Уже „Записки охотника“ представляли для переводчиков почти непреодолимые затруднения своими сказовыми конструкциями и диалектальной окраской крестьянской речи» (*Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. С. 289*).

⁸ *ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 96, 359. Подлинник по-франц.*

⁹ Там же. С. 458.

В целом этот перевод нужно признать удачным, однако всегда интересно рассмотреть случаи, когда переводчик по каким-то причинам отходит от оригинала (повторим, что мы имеем дело с тремя текстами, в определенной хронологической последовательности: русский, французский, испанский). Таким образом, рассматривая испанский текст, будем иметь в виду его производный характер по отношению к французскому, всякий раз оговаривая, соответствуют ли изменения в испанском варианте французскому посреднику. Примерно половина выявленных отклонений принадлежит Луи Леже, а стало быть и самому Тургеневу, читавшему и одобрявшему этот перевод. Другая часть — уже вина или заслуга собственно испанского переводчика.

Сразу бросается в глаза, что в испанском варианте изменены границы частей текста, абзацев и даже предложений, знаки препинания расставлены по-своему — так сделано еще во французском переводе. Много опечаток, которые порой мешают понимать смысл. В целом отклонения от исходного текста можно распределить на несколько групп:

1) Последовательно сняты прямые обращения к публике и отсылки к восприятию текста на слух. Как известно, изначально «Гамлет и Дон-Кихот» — это «Речь, произнесенная 10 января 1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым».¹⁰ Французы и испанцы составляли совсем иную аудиторию — аудиторию читателей, во многом еще не подготовленных к восприятию русской культуры.

Так, например, фразы «Мы просим позволения поделиться с вами этими мыслями и заранее рассчитываем на вашу снисходительность»¹¹ нет ни во французском, ни, соответственно, в испанском вариантах. Из фразы о том, что прозаик «может надеяться, что его читатели — или слушатели — захотят сопутствовать ему в его странствованиях, в его изысканиях» уже во французском переводе было изъято добавление («или слушатели»).

Вероятно, по тем же причинам (а еще чтобы окончить статью словами апостола Павла¹²) пропал из переводных вариантов и весь последний абзац речи: «Нам нечего прибавлять после этих слов. Мы почтем себя счастливыми, если указанием на те два коренные направления человеческого духа, о которых мы говорили перед вами, мы возбудили в вас некоторые мысли, быть может, даже не согласные с нашими, — если мы, хотя приблизительно, исполнили нашу задачу и не утомили вашего благосклонного внимания».¹³

2) Убраны многие русские аллюзии и реалии, которые ничего не говорили тогдашнему европейскому читателю.

В обоих вариантах нет фразы: «Хороший перевод „Дон-Кихота“ был бы истинной заслугой перед публикой, и всеобщая благодарность

¹⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 330. Курсив наш. — К. К.

¹¹ Там же.

¹² «Всё минется, — сказал апостол, — одна любовь останется».

¹³ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 348.

ждет того писателя, который передаст нам это единственное творение во всей его красоте».¹⁴

Пришлось обойтись также без такого примера: «„Гамлет Баратынский”, — писал к своему другу Пушкин»¹⁵ — из трех имен собственных лишь одно о чем-то говорило французу или испанцу 1879 года. Отсутствует и цитата из Лермонтова «То кровь кипит, то сил избыток».¹⁶

3) Сглажены некоторые конструкции, эмоционально окрашенные или трудные для перевода.

Так, у Тургенева сказано: «...почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета».¹⁷ И по-французски, и по-испански слово «сбивается» превратилось в «кажется» («Cada uno se parece, más o menos, á un *Hamlet* ó un *Quijote*».)

У Тургенева: «Полоний ни на волос не верит Гамлету»;¹⁸ у Леже Полоний не верит ни одному слову Гамлета — «*Polonius ne croit pas un mot de ce que dit Hamlet*», у испанского переводчика — «не верит ничему, что говорит Гамлет»: «*No cree nada de lo que dice Hamlet*».

Вступились переводчики и за Шекспира. Тургенев писал о Сервантесе: «его поэзия — не шекспировское, иногда *мутное море*»;¹⁹ в обоих переводах море получилось бурное, беспокойное: «*une mer souvent houleuse*», «*un mar con frecuencia agitado por las olas*».

В этой группе примеров, пожалуй, наиболее любопытен случай с пропажей гусей. По-русски было сказано и записано: «...эту силу, этот принцип преданности и жертвы, освещенный, как мы уже сказали, комическим светом — чтобы гусей не раздражить, — этот принцип представляют собою Дон-Кихоты».²⁰ В обоих переводах эта фраза разбилась на две, причем гусей заменили эгоисты. У Леже: «Если Сервантес показал нам его в комическом свете, так это чтобы не раздражать эгоистов» («*Si Cervantès nous l'a montré sous un jour comique, c'est pour ne pas irriter les égoïstes*») — и то же самое в испанской версии: «*Si Cervantes nos lo ha mostrado bajo un aspecto cómico, es para no irritar á los egoístas*».

4) И все-таки нужно сказать, что неизвестный испанский переводчик, который, скорее всего, не имел возможности прочитать статью «Гамлет и Дон-Кихот» по-русски, не всегда слепо следовал за своим французским коллегой. Особую группу представляют отклонения, которые встречаются только в испанском тексте. Это случаи, когда испанский переводчик позволил себе исправить — а точнее, вовсе выпустить некоторые неточности Тургенева, которые касались жизни и творчества Сервантеса.

¹⁴ Там же. С. 330–331.

¹⁵ Там же. С. 335.

¹⁶ Там же. С. 334.

¹⁷ Там же. С. 331.

¹⁸ Там же. С. 337.

¹⁹ Там же. С. 343. Курсив наш. — К. К.

²⁰ Там же. С. 341.

В отличие от перевода Леже, в испанском тексте мы не встретим таких фраз: «Известно, что рыцарский роман „Персилес и Сигизмунда” явился *после* первой части „Дон-Кихота”»²¹ (на самом деле роман «Персилес и Сигизмунда» был опубликован уже после смерти Сервантеса); «умерли в один и тот же день, 26 апреля 1616 года»²² (эти сведения, как известно, дважды не точны: Сервантес умер 23 апреля по грегорианскому календарю; Шекспир — 23 апреля по юлианскому, то есть 3 мая); «уже не тот Дон-Кихот, каким он является нам в первой части романа, особенно в начале, не тот странный и смешной чудак, на которого так щедро сыплются удары»²³ — по-видимому, испанский переводчик не согласился с такой трактовкой образа испанского рыцаря.

С другой стороны, испанский переводчик сохранил такие тургеневские оценки, которые явно не пришлись по душе испанскому читателю, да они, попросту, и неверны: «Дон-Кихот едва знает грамоте <...>. Дон-Кихот, при всем своем невежестве, имеет определенный образ мыслей о государственных делах, об администрации <...>».²⁴ На самом деле Дон Кихот у Сервантеса — вполне образованный человек, что подтверждается многочисленными эпизодами из романа.

5) Встречаются и прямые ошибки — или, возможно, сознательные исправления, меняющие смысл текста; их мало, но они есть. В некоторых случаях части фраз произвольно выкинуты.

Так, например, изменилась тональность фразы «слово „донкихотство” у нас равносильно с словом: нелепость»:²⁵ «la palabra quijotismos se considera sinónima de tontería» (по-французски было «sottise»). Постепенно от более мягкого французского слова со значением «глупость, нелепость, вздор» произошло сползание в сторону значений «глупость, дурачество, ерунда».

«...он сознает свою слабость, но всякое самосознание есть сила»²⁶ — «Сопосе su debilidad, y se hace fuerte en ella» («Он сознает свою слабость и черпает в ней силы»). Некоторое упрощение мысли (возможно, из-за сложности передачи по-испански слова «самосознание»).

«Он не верит в себя — и тщеславен»²⁷ — «No cree en pada y es vanidoso» — такой перевод («не верит ни во что») неправилен.

«А Гамлеты ничего не находят, ничего не изобретают и не оставляют следа за собою, *кроме следа собственной личности, не оставляют за собою дела*»²⁸ — выделенный фрагмент переведен во французском варианте, однако выпал в испанском.

²¹ Там же. С. 343.

²² Там же. См.: Державин К. Н., Идельсон Н. И. К вопросу о дне кончины Сервантеса и Шекспира // Сервантес. Статьи и материалы / Ред. М. П. Алексеев. Л., 1948. С. 211–213.

²³ ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 332.

²⁴ Там же. С. 344. Курсив наш. — К. К.

²⁵ Там же. С. 330.

²⁶ Там же. С. 333.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 338. Курсив наш. — К. К.

«...Гамлет, при всей своей изящной обстановке, нам кажется, извините за французское выражение: *ayant des airs de parvenu* <...>»²⁹ — Леже выбросил только слово «французское»; испанец избавился и от самого выражения.

Можно привести и другие примеры разночтений испанской версии с подлинником, однако уже из характера приведенных цитат становится ясно, что мы имеем дело с качественным, достаточно адекватным (для своей эпохи) переводом, выполненным, правда, не с русского, а с французского языка.

---

²⁹ Там же. С. 344. Курсив наш. — К. К.

Д. М. Климова

КАРПОВА или КАРПОВА? Об одной записи в «Мемориале» Тургенева

Известно, что автобиографические материалы Тургенева чрезвычайно скудны. «Моя биография в моих сочинениях», — сказал он однажды своему биографу.¹ Поэтому настоящей сенсацией для тургенистов явилась публикация в 1964 году в очередном томе «Литературного наследства» рукописи, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке, под названием «Мемориал», содержащей конспективную погодную запись о жизни Тургенева с 1830 по 1852 годы.² В спешном порядке она была введена в 15-й том Полного собрания сочинений Тургенева, к тому времени уже готовый к печати.³

В предисловии к первой публикации Андре Мазон обратил внимание на главную особенность этих автобиографических набросков: «Это действительно записи писателя для себя, состоящие из кратких заметок, которые вызывали у него определенные представления, а для нас остаются порою неясными, а то и вовсе непонятными».⁴ Сегодня, по прошествии многих лет и при наличии двух последующих академических публикаций,⁵ приходится признать, что многие записи «Мемориала» все еще остаются «неясными» и «непонятными». Между тем каждая из них знаменует существенный этап жизненной и творческой биографии Тургенева.

¹ Тургеневский сборник (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова). Пг. [1915]. С. 24.

² См.: Автобиографический конспект «Мемориал» / Предисл. и публикация Андре Мазона; коммент. Л. С. Журавлевой // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 339–364.

³ Мемориал // *ПССиП(1)*. Т. 15. С. 199–203, 396–405. Подготовка текста и примеч. Д. М. Климовой.

⁴ *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 339.

⁵ Исправленный и дополненный комментарий см.: Мемориал // *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 197–200, 436–474. Подготовка текста и примеч. Д. М. Климовой.

Решение зафиксировать для памяти факты своей жизни пришло к писателю вместе с осознанием себя как общественной личности, литератора, чья биография заключена в его произведениях, а результаты творчества стимулированы внутренними импульсами, порожденными тем, «что видел и испытал сам».⁶ Писатель отбирал то, что оказало существенное влияние на формирование его характера и мировоззрения, что отразилось или могло отразиться в его сочинениях. В «Мемориале» мы видим несколько примеров такого «взгляда изнутри», частично нашедших подтверждение в других источниках, а во многих случаях являющихся единственным и чрезвычайно ценным материалом для исследователя.

Рукопись «Мемориала» представляет собой черновые наброски, связь между которыми не всегда прозрачна. Поэтому подготовка ее к печати потребовала тщательной текстологической и палеографической проработки — упорядочения разрозненных отрывков, расшифровки аббревиатур и систематизации условных обозначений. Результатом этой работы явился ряд немаловажных находок.

Так, в записи под 1833 годом впервые возникает название повести «Первая любовь» и названа фамилия прототипа ее героини — княжны Шаховской (она же под криптонимом Ш. фигурирует в яростном письме В. П. Тургеневой к сыну от 26 марта 1839 года).⁷ Был раскрыт смысл записей, которые обозначены в комментарии Л. С. Журавлевой следующим образом: «Кто такие Атбек и Курдюмов, пока не выяснено. Смысл слова „Армишка” не вполне ясен. Быть может, оно обозначает кличку собаки».⁸ Были раскрыты и многие другие реалии, встречающиеся в тексте «Мемориала».

Есть, впрочем, места, смысл которых до сих пор остается темным или вызывает разноречивые толкования. Например, атрибуция фамилии *Карпова*, упомянутой в записях под 1835 годом в следующем контексте:

«На лето в Москве. — Маменька живет на Девичьем поле: Карпова. Театр. Протасов. Теплепнев. Беснования. Александра Протасова. Езжу на короткое время с дядей в деревню».⁹

В 1964 году Л. С. Журавлева высказала осторожное предположение, что здесь имеется в виду соседка Варвары Петровны по имени Мария Михайловна Карпова. Однако Н. М. Чернов в своих рекомендациях по подготовке 2-го тома писем для второго издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева (1987 г.) предложил «уточнить расшифровку имени „Карпова”», а Л. Н. Назарова сопроводила это предложение

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 215.

⁷ См.: Чернов Н. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // ВЛ. 1973. № 9. С. 225–241.

⁸ ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 348.

⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 197.

пометой: «Елизавета Дмитриевна, по мужу Шеншина (см. Письма, т. 1, С. 505, 695 и Тург<еневский> сб. 1, с. 273)».¹⁰

В Летописи жизни и творчества Тургенева читаем: «Тургенев перечисляет здесь семейных знакомых, среди которых заслуживают особо быть отмеченными Карпова, если речь идет о Е. Д. Карповой, а не о ее матери М. М. Карповой <...>».¹¹

Обратимся к упомянутым Л. Н. Назаровой письмам, относящимся к 1850 году.

«...Я совершил маленькое путешествие за 30 верст отсюда; — писал Тургенев Полине Виардо 31 августа (12 сентября) 1850 года, — я поехал повидать одну мою „прежнюю любовь“, которая была именинницей. Прежняя любовь чертовски изменилась и постарела (она вышла замуж и теперь уже мать троих детей)». Далее он рисует крайне непривлекательный портрет хозяйки дома и заключает: «Увы! трижды увы! Пламя прежней любви в настоящее время даже не дым: немножко остывшей золы, вот и всё. Вот что с нами делается!».¹²

И в следующем письме: «Хотите ли вы знать имя моей *прежней* любви, о которой я вам рассказывал три недели назад? — Ее зовут Лизой Шеншиной».¹³

Муж Лизы Шеншиной Николай Никитич аттестован следующим образом: «Ее супруг весьма угрюмый и крайне мелочный господин».¹⁴

По мере посещений шеншинской усадьбы Волково (под Мценском) неблагоприятное внешнее впечатление сгладилось и сменилось высокой оценкой внутренних достоинств, душевных качеств Елизаветы Дмитриевны. Об этом сообщает Павел Матвеев в своих «Личных воспоминаниях» о Тургеневе: «Затем в то же лето <1862 года. — Д. К.> я встретил Тургенева у другого Шеншина, служившего тогда мировым посредником. Тургенев был сердечно расположен к его семейству, особенно к жене его Елизавете Дмитриевне, урожденной Карповой. Она, по семейным преданиям, была большая либералка и свободомыслящая; Тургенев ее любил и ценил за искренность и часто посещал их деревенский дом, когда проводил лето в своей мценской деревне — Спаском».¹⁵

Еще одна современница дала Е. Д. Шеншиной следующую характеристику: «Она вполне женщина для общества, а всю жизнь провела в среде семьи, маленького городишки и деревенских соседей; не зачерствела, не оступела, до сих пор во всем и во всех принимает участие.

¹⁰ Чернов Н. «Мемориал» И. С. Тургенева: Перечень возможных дополнений и уточнений к комментарию для повторного выпуска Полного собрания сочинений. Рукопись. Л. 3 // Личный архив Д. М. Климовой.

¹¹ Летопись (1818–1858). С. 443. Примеч. 14.

¹² ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 355. Подлинник по-франц.

¹³ Там же. С. 360. Подлинник по-франц.

¹⁴ Там же. С. 355. Подлинник по-франц.

¹⁵ Матвеев П. Иван Сергеевич Тургенев (Из личных воспоминаний) // РСМ 1903. № 12. С. 630.

Но участие светское, это правда. При серьезной озабоченной жизни мне всегда весело встретить эту живую восприимчивую женщину. Как содовой воды выпить. Мысли освежишь от положительности обыденной жизни. Е. Д. всегда была хорошей семьянинкой, а это не последнее...».¹⁶

Наконец, сама Елизавета Дмитриевна в недатированном и пока не опубликованном письме к своей подруге¹⁷ пишет следующее: «Если Тургенев говорил вам обо мне как о женщине безупречной, это отчасти следует отнести за счет пристрастия ко мне, принимая во внимание дружбу, которую он всегда мне оказывал и которую я возвращаю ему от всего сердца. Моя заслуга (если только это заслуга) — это принимать жизнь такой, какой она открывается мне».¹⁸

Совокупность всех документов как будто подтверждает версию об упоминании в «Мемориале» Елизаветы Дмитриевны Карповой, в замужестве Шеншиной. Однако в 1835 году Лиза Карпова была слишком молода и вряд ли разделяла образ жизни, который в «Мемориале» назван «беснованиями». Студент Тургенев во время московских каникул тогда особенно сблизился с семьей Якова Петровича Протасова, где были четыре дочери, в то время в возрасте от 15-ти до 23-х лет, и где молодежь пользовалась относительной свободой поведения. В одном из позднейших писем В. П. Тургенева называет одну из них — Александру Протасову также «старой любовью» сына.¹⁹

Близкое знакомство Тургенева с Елизаветой Дмитриевной Карповой состоялось позднее, вероятно, в самом конце 1830-х — начале 1840-х годов. Об этом мы узнаем из неопубликованного письма Е. Карповой от 2 августа 1841 года к подруге Елене Карловне Услар, где она рассказывает о новых знакомых, встреченных на бале (уездном или губернском): «Барышни какие-то бессловесные, а кавалеры...²⁰ я не нахожу достойных выражений, чтобы охарактеризовать и дать вам представление, что такое это общество, нечто вроде ваших высоких особ. Среди всего этого сброда было двое очаровательных молодых людей, исключительно любезных, с которыми я и Натали танцевали больше всего. Это были господин Тургенев, брат того артиллериста, который видел нас вместе, а также господин Шеншин, служивший в гвардии и недавно вышедший в отставку. Этот последний молодой человек — самый любезный из всех, кого я знала <...>».²¹

Очень скоро она выходит замуж за этого любезного молодого человека и уже 1 мая следующего, 1842 года Варвара Петровна пишет ее ма-

¹⁶ Из неопубликованных воспоминаний А. Д. Безр. Цит. по: *Чернов Н.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Очерки поместной и культурной жизни прошлых столетий в провинции. Тула, 2003. С. 184–185.

¹⁷ Елене Карловне Услар, в перв. браке Фроловой, во втор. — Богдановой.

¹⁸ *ИРЛИ.* № 15792. Подлинник по-франц.

¹⁹ Письмо от 26 августа 1841 г. // *РНБ.* Ф. 795. № 92.

²⁰ Далее по-франц.

²¹ *ИРЛИ.* № 15792. Л. 5.

тери: «В июне я тебя увижу непременно, в июне Лизаньке родить»,²² а затем сообщает сыну: «Марья Михайловны дочь за Шеншиным».²³

«Дочь Карповых, Лизу, — сообщает Н. М. Чернов, — Варвара Петровна прочила себе в невестки. Та вышла потом замуж за Н. Н. Шеншина, земского деятеля и музыканта-любителя, жившего в селе Ближнее Волково около Мценска».²⁴ Еще одно письмо вносит сюда немаловажную поправку: Варвара Петровна, со всей своей прямоотой (чтобы не сказать — прямолинейностью), прочила себе в невестки в 1844 году уже замужнюю Елизавету Дмитриевну, к тому времени мать двоих детей. «Но! вот что мило: вижу нашего ангела Лизу, — писала она М. М. Карповой, — с ее кроткою, умною миною, довольную, счастливую и счастливую собою — завидую тебе, ты счастливая мать. Я люблю Наташу — но! можно найти красивее Наташи, милей, умней Лизе — трудно. Для чего она не жена Николая моего, он ровесник ее мужу, для чего ты поспешила, может быть, и сделалось это. Я бы не желала вдову невестку. — Но! Лизу я предпочту девушке, не желаю смерти твоему зятю, но! буду свататься тотчас после 6 недель. Я ведь не морю его. Разве не может умереть больной. — А в свете так все колесится. — Я не знала почти Лизы девушкой, она была ребенок, потом в Смольном, я узнала ее замужем. Уже было поздно».²⁵

Итак, ни у Ивана Сергеевича, ни у Варвары Петровны в 1835 году не было близкого знакомства с Елизаветой Дмитриевной Карповой. Зато тесная дружба связывала Варвару Петровну с ее матушкой.

Мария Михайловна Карпова, свойственница и соседка Тургеневых по имению, в середине 1830-х годов прославилась скандальным бракоразводным процессом. О нем рассказывается в переписке Веры Ивановны Кривцовой (матери ссыльного декабриста Сергея Кривцова и сестры мужа М. М. Карповой), также состоявшей в родстве с В. П. и С. Н. Тургеневыми. Вот эта история в колоритной передаче М. О. Гершензона.

«Брат ее <В. И. Кривцовой. — Д. К.>, Дмитрий Иванович Карпов, был несчастлив в супружестве, но, будучи вместе с тем ума самодовольно-ограниченного, долго не замечал своего несчастья; <...> а дородная Марья Михайловна походя наставляла рога супругу, и имение таяло с необыкновенной быстротой. Наконец в 1834 году плотина прорвалась: что-то случилось, Дмитрий Иванович узнал и заболел, как видно, серьезным нервным расстройством».²⁶

Молва в то время тесно связывала имена М. М. Карповой и В. П. Тургеневой как близких подруг, в чем-то схожих характерами. М. О. Гершензон рассказывает: «...года полтора спустя <т. е. как раз в интересующем нас 1835 году. — Д. К.> Вера Ивановна сообщала Сер-

²² Там же. Р. I. Оп. 29. № 15. Л. 2.

²³ РНБ. Ф. 795. № 94. Л. 171.

²⁴ Чернов Н. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. С. 184.

²⁵ ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 15. Л. 20.

²⁶ Гершензон М. О. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 260.

гею, что Дм<итрий> Ив<анович> в Москве разводится с женою, чего уже давно надо было ожидать по ее беспутству <...>».²⁷

Она же резко осуждала В. П. Тургеневу, только что вернувшуюся из чужих краев после смерти мужа (С. Н. Тургенев скончался в октябре 1834 года). В феврале 1835 года Вера Ивановна пишет: «У Тургеневой Елизаветы Петровны <матери Сергея Николаевича. — Д. К.> я была <...> Она ужасно убита горестью по сыне, а неутешная вдова все такая же чудиха и нимало не огорчена <...>».²⁸

Этим исчерпываются известные к настоящему времени документы, позволяющие с большой долей уверенности утверждать, что записью «Маменька живет на Девичьем поле», объединенной двоеточием с фамилией «Карпова», писатель обозначил отношение его матери с Марией Михайловной Карповой, в девичестве Ждановой, причислив их к важнейшим событиям 1835 года.

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 261.

С. Л. Жидкова

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ ПИСЬМУ ВАРВАРЫ ПЕТРОВНЫ ТУРГЕНЕВОЙ

Комментируя письма В. П. Тургеневой к сыну Ивану, мы обратили внимание на одну строфу из стихотворения неизвестного нам автора, процитированную матерью писателя. Она начинается так: «Не для меня луна, блестя...». Письмо датировано маем 1839 года и написано при весьма драматических обстоятельствах. К этому времени Варвара Петровна уже год не видела Ивана Сергеевича и лелеяла мечту в сентябре отправиться за границу, чтобы поселиться со своим любимцем, который слушал лекции в Берлинском университете. Она уже в деталях обдумывала свое путешествие, но ее мечтам не суждено было сбыться. Обрушившееся на Спасское бедствие пресекло эти намерения.

6 мая ст. ст. 1839 года Варвара Петровна писала сыну: «Когда я, слабая, больная женщина, без всяких приготовлений увидела, сидя на пате в гостиной в 10 часов вечера, сыплющиеся на сад искры и вдруг озарившее зарево до самого Петровского — увидела, не слыхав прежде, что пожар на дворе, — то тебя, мужчину... не имею, кажется, нужды долго готовить и могу прямо сказать. <...> дом *Спасский сгорел* и обрушился. <...> Это было 1-го мая. <...> Вдруг блеснула искра в моих глазах <...>. Итак, пролетела искра, а там горячий отломок в четверть. — „Боже мой, мы горим,“ — сказала я. И в одну минуту зарево осветило весь сад и дом! <...> В 12 часов ночи Спасское уже не существовало! Что спасли? — спросишь ты. Деньги, вещи, и только. Вынесли всё, но!.. всё перебили, остальное разокрали; нас грабили просто. Мы бедны движимым, как самые беднейшие люди — и без пристанища. <...> Куды было деться? — Отвезли меня во Мценск. У меня там для приезда был нанят домик в 5 комнат. Вот жилище твоей роскошной и богатой матери».¹

¹ См.: РНБ. Ф. 795. № 92.

В следующем письме Варвара Петровна развивала тему пожара: «...ты пишешь, что будешь рассказывать, сидя за круглым столом в моем кабинете!.. Увы!.. ни круглого стола, ни самого кабинета уже не существует. <...> Итак, я тебя прошу, ежели только это возможно, поспешить своим приезд[ом]. Но!.. куда? — Во Мценск, в лачужку! — Спасского нашего нету, ты найдешь мать в [уездном] городе, в переулке. — Я не бываю в Спасском. Я, выехав из Спасского, вспомнила стихи:

Не для меня луна, блестя,
Родную рощу осребряет, —
И соловей, что май встречает,
Там будет петь — не для меня!»²

Пытаясь установить автора этого стихотворения и найти его полный текст, мы пересмотрели несколько сборников поэтов 20-х и 30-х годов XIX века, но безуспешно. Прошло несколько лет, и вот в марте 2006 года в популярной радиопередаче «Встреча с песней» мы услышали песню «Не для меня придет весна...» со знакомыми словами. На радио тут же был послан запрос, на который последовал формальный ответ. Но мы не оставили наших поисков. И вот что в конце концов удалось выяснить:

Стихотворение «Не для меня!» было написано в 1838 году и в первой публикации сопровождалось подписью «На корабле Силистрия». Автором стихотворения был некий А. Молчанов, имя которого не зафиксировано ни в одном писательском словаре, даже последнем, самом подробном. По мнению одного из краеведов, А. Н. Сендецкого, автор стихотворения служил офицером флагманского линейного корабля черноморского флота «Силистрия» под началом будущего героя Севастополя Павла Степановича Нахимова. Именно в то время, когда были написаны стихи, корабль принимал участие в крейсерских действиях у берегов Кавказа — прикрывал русские сухопутные войска, воевавшие с горцами. Стихотворение было впервые опубликовано в апрельской книжке журнала «Библиотека для чтения» за 1839 год. Как видим, журнал выписывался в Спасском, апрельский номер Варвара Петровна прочла буквально за несколько дней до пожара и в письме к Тургеневу от 28 мая 1839 года процитировала запомнившиеся ей строки.

В «Библиотеке для чтения» стихотворению предшествовал эпиграф на латинском языке, представляющий собой видоизмененный афоризм, который приписывается Вергилию:

---

² Там же.

Sic vos non vobis mellificatis apes,
Sic vos non vobis juga aratis boves,
Sic vos non vobis...

Не для меня придет весна,
Не для меня Буг разойдется,
И сердце радостно забьется
В восторге чувств — не для меня!

Не для меня, красой цветя,
Алина встретит в поле лето;
Не слышать мне ее привета,
Она вздохнет — не для меня!

Не для меня реки струя
Брега родные омывает;
Плеск кротких волн других прельщает;
Она течет — не для меня!

Не для меня луна, блестя,
Родную рошу осребряет;
И соловей, что май встречает,
Там будет петь — не для меня!

Не для меня, в саду растя,
Распустит роза цвет прелестный;
Погибнет труд мой безызвестный:
Цветок сорвут — не для меня!

Не для меня дни бытия
Текут алмазными струями,
И дева с черными очами
Живет, увы! не для меня!

Не для меня весной родня
В кругу домашнем соберется,
Христос воскрес! из уст полется
В день Пасхи там — не для меня!

Не для меня придет весна!
Я поплыву к брегам абхазским,
Сражусь с народом закавказским...
Там пуля ждет давно меня!⁴

Не одна Варвара Петровна Тургенева заметила стихотворение А. Молчанова. Очень скоро эти стихи появились на страницах офицерских дневников и дамских альбомов и почти сразу же были положены на музыку. Как считают некоторые исследователи, автором музыки был сотрудник журнала «Библиотека для чтения» Николай Петрович Де-вигте.

Надо сказать, что композитор использовал только четыре строфы стихотворения, среди них была и та, которую выписала Варвара Пет-

3

Так не для вас полетят медоносные пчелы,
Так не для вас потекут в поля отягченные ярмом быки,
Так не для вас...

⁴ БдЧ. 1839. Т. 33. № 4. Отд. I (Русская словесность). С. 65–66.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕ ДЛЯ МЕНЯ!

Sic vos non vobis mellificatis apes,
Sic vos non vobis juga aratis boves
Sic vos non vobis.....

Не для меня прійдетъ весна,
Не для меня Бугъ разойдется,
И сердце радостно забьется
Въ восторгъ чувствъ — не для меня!

Не для меня, красой цвѣтъ,
Алина встрѣтитъ въ полѣ лѣто;
Не слышать мнѣ ея привѣта,
Она вздохнетъ — не для меня!

Не для меня рѣки струя
Брега родные омываетъ;
Плескъ кроткихъ волнъ другихъ прельщаетъ;
Она течетъ — не для меня!

Не для меня, луна блестя,
Родную рошу осребряетъ;
И соловей, что май встрѣчаетъ,
Тамъ будетъ пѣть — не для меня!

Не для меня, въ саду ростя,
Распуститъ роза цвѣтъ прелестный;

Т. XXXIII. — Стл. I.

8

Стихотворение А. Молчанова «Не для меня!»
в журнале «Библиотека для чтенія»

Первая страница

ровна Тургенева. Песня исполнялась под гитару, в сопровождении фортепиано, вошла в репертуар цыганских хоров. В зависимости от манеры исполнения — называлась то «песней», то «романсом». Тургенев, любивший и знавший музыку самых разных жанров, наверняка мог ее слышать. Может быть, слышала ее и Варвара Петровна. Особенно песня полюбилась людям военным, воюющим. Между прочим, приятель Тургенева И. П. Борисов, служивший некогда на Кавказе, в одном из писем к писателю упоминает слова рефрена: «Не для меня, не для меня!..».⁵

Песня звучала в годы Крымской войны и полвека спустя в годы Русско-японской войны. Тогда в ней появились слова: «На Дальний я восток умчуся...». В 1877 году клавири вместе с измененным и сокращенным текстом был опубликован концертмейстером хора Яровских цыган Яковом Федоровичем Пригожим как переложение с «напева московских цыган». Сотрудница Тургеневской библиотеки Ирина Николаевна Харькова помогла разыскать ноты романса, а исполнил и записал его орловский музыкант Илья Кушелев, восстановив опущенную Пригожим строфу.

Романс пользовался популярностью и в более позднее время, о чем вспоминал писатель-орловец И. А. Бунин, который 14 марта 1950 года писал М. А. Алданову: «Пантелеймонов, кажется, совсем плох. Собирался ко мне — и не мог. Боли в горле жестокие, лежит, шутя, написал мне: „Верно, не для меня придет весна...“ (Знаете эту мещанскую песенку? Не для меня придет весна, Не для меня Буг разольется, И сердце радостью забьется — не для меня, не для меня!) Почему Буг, а не Дон, не Днепр — неизвестно, я еще мальчиком этому удивлялся, слыша эту песенку в Ельце».

В различных вариациях этот романс пели и в XX веке. Популярным он был и в годы Великой Отечественной войны. А. М. Володин — автор пьесы «Пять вечеров» (1959) — рассказывал, что со времен войны, когда услышал впервые фронтовой вариант песни, пытался найти ответ на вопросы: «Что это за песня?», «Кто ее сложил?», — но не нашел. Поэтому и вложил их в уста героя пьесы. Как известно, по пьесе Володина Н. Михалковым в 1979 году был снят фильм «Пять вечеров», где есть эпизод в ресторане, когда герой Станислава Любшина Ильин пытается вспомнить песню и, обращаясь к молодому лейтенанту, говорит: «Помнишь, до войны была такая песня... Не для меня придет весна... Не для меня Дон разольется... И... что-то там... жаворонок залетится с восторгом чувств не для меня!».

«Блатной» вариант этой песни прозвучал однажды в известной передаче Эдуарда Успенского «В нашу гавань заходили корабли». На этот раз текст был изменен применительно к тюремной специфике: первая

⁵ <Письма к И. С. Тургеневу> И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // Т Сб. Вып. 5. С. 484. Письмо от 8 февраля 1865 г.

ЛЮБИМЫЯ ПЬСНИ МОСКОВСКИХЪ ЦЫГАНЪ.

1. Поворотъ, кто и кончала	30	55. Въ часъ роковой, когда встрѣ- талъ тебя	30	106. Моя любовь проста. (Валера)	30
2. Поперекъ прости дѣлаши	30	56 ¹ То же, перевозъ, Германъ	30	107. Любовь великая. (Валера)	30
3. Дружки ойкнове воинские	25	57 ¹ То же, для контрафолло	30	108. Какъ со востра въ востру	25
4. По сломочку колку	30	58. Во шай береса стоила	30	109. Красная, дѣла дѣвица	25
5. За Ураломъ, на рѣкѣй	30	59. Гуляла и дѣвушка	26	110. Въ тѣмной ослиной топч	25
6. Ты не похороша, какъ ты мила	30	60. О, не гледи	25	111. Остерочка	30
7. Моей	30	61. Когда все заручи	25	112. Неизвестенъ ты свою голову	30
8. Тыдай ребята	30	62. Хорошо вѣрять и замѣ стала	26	113. О, не гледи (на дѣвъ голоса)	30
9. Садить, садить, кружасьица	30	63. Не гляди на мѣна такъ съ про- рѣвляица	25	114. Ахъ, не снится мнѣ	25
10. По кѣй такъ	30	64. Не смотри мѣна ты такъ вѣчно	25	115. Вѣдай и вѣдай за тобою	30
11. Цыганка: Я цыганка бѣла вѣн- гонерѣ	35	65. Я не беречею показавала	26	116. Въ другъ лѣтъ мнѣ шай очи	30
12. Цыганка: Я цыганкой родилася	30	66. Ахъ не горѣй балана	26	117. Много въ сайтѣ и красотиныица	30
13. Хорошодка пѣлаи	30	67. Тонорочка, дай мнѣ руку	26	118. Дѣлх стои	30
14. Таѣла айшана	30	68. Сказка душою окрестной	30	119. Вѣдай мѣтлѣю тебя	30
15. Кувачекъ, Кувачка пѣлаи	35	69. Пускай полюбилъ беззащитно	23	120. По велѣтѣ Маши за рѣвскую ходила	25
16. Милороссійская пѣлаи	25	70. Не для мѣна, придетъ весна	25	121. Черныи очи	25
17. Не рѣкмай, гебулчанъ мой	30	71. Своиа сайнѣ голоса тѣой	25	122. Не дайдай мѣна чужою	30
18. Понезъ кончатъ въ огородѣ	30	72. Люблю, вы жай не похорошайте (2-я мѣлоаи)	26	123. Въ красавицѣ дѣвицѣ	25
19. Па вѣночку айшана	25	73. У тебя есть ашани и жемурѣ	30	124. Вѣдала, мѣлаи моя	25
20. Я не могу съ себяи	25	74. Не говорю, что молодость губилаи	30	125. Чужою явленьица. (Валера)	25
21. Ты теперь ужъ не тотъ	25	75. Вязозару, не ожидала	26	126. Судьбаи мѣла тѣои очи	25
22. Дѣлаи дѣлаи	25	76. Вѣра ошдала и друга	30	127. Ахъ, гуляице моя	25
23. Оманъ	25	77. Некогда вѣло не любилъ	30	128. Когда лишь прѣхалъ мнѣ гуляица	30
24. Тѣла, тѣла, тѣла	30	78. Чоррополъ	30	129. Очи голубыи	30
25. Тѣла: Что ты вѣдро глѣдиши	30	79. Завѣтъ, о дѣла	40	130. Баскетѣла	25
26. Уайшо	30	80. Нови безумица	30	131. Очи черныи, ойи страстица	30
27. Не сайнѣ и цѣль на словѣи	30	81. Скоро дѣла совѣстнаи винѣтѣ	25	132. Цыганка мѣлоама	25
28. Балана: Погодай - ва мнѣ стѣ- рунка	25	82. И не дѣржала	25	133. Студенка	25
29. Крамбамбул	20	83. Хорошъ мальчюкѣ громаднѣ	26	134. Мои мѣлоама	25
30. Анотанаи глѣзи	20	84. Мнѣ, что за бѣда	30	135. Айлетъ востокѣ	25
31. Боска	30	85. Отвалыца	30	136. Праздникоу сайбанаи (Трагедо- трама)	30
32. Дѣла мѣла ты вою	30	86. Полъ черною шеперою	25	137. Вѣлопики ты обо вѣи	25
33. Обѣдаи-жъ ты мѣла	30	87. Прости Москва, прѣтъ родинаи	25	138. Моя сердцеу розовой	30
34. Дѣла	30	88. Не уверяи	30	139. Что это сердце	30
35. Товарищи	30	89. Въ вѣсѣлѣи шай	26	140. Дѣлаи вѣдан	30
36. Нинаи бабушкаи пѣлаи	25	90. Занулка, зона	25	141. Свѣдѣнныи планѣи, мѣлоама	25
37. Я глѣди, ворочайте мастерица	40	91. Посѣдишии вѣрнѣи	25	142. Почтѣ оссиаи	25
38. Люблю, вы мнѣ не похорошайте	30	92. Въ прѣстѣнѣи	30	143. На мнѣ любовь	40
39. Мѣлоаитъ и дѣвица	40	93. Что съ дѣвицѣ сайбанаи	25	144. На помѣу я	25
40. Гогола для теораи и контрафолло	40	94. Дѣло и мѣла не тѣлаи	25	145. Пропали годѣ, прошлѣ любовь	30
41. Гостиница, она госуарица	30	95. Варгѣна ты мѣла	25	146. Прѣлоаи мнѣ тотѣ пѣлаи колѣи	30
42. Ты мое сердце и дулаи	30	96. Новосѣла	25	147. Вѣдайкерѣта: Цыганская полица	30
43. Агренисица мураица (Кыяица)	30	97. Милѣе созданиа	30	148. Что за кѣтъ конѣтъ у Мра	40
44. Я комино огураица овалѣтѣи дѣи	40	98. Пѣй и глѣди прѣлоадиан	25	149. Въ Стрѣлѣи корѣ поцѣтѣ цыган- ской	40
45. Пѣтъ, мнѣ не вѣстѣла	40	99. Ужъ какъ пѣтъ тогою мѣлоаи	25	150. Оманѣлаи ва мой сердцеишѣи другѣ	40
46. Ахъ, да не вѣрѣицаи кара	25	100. Именницаи. Оригинаи вѣлѣи	30	151. Тѣба-и любѣи	30
47. Чоботи. (Милороссійская пѣлаи)	25	101. Покуражѣ (Пѣлоама)	30	152. Дѣлѣ, ты мой лѣнѣ	30
48. Чѣтъ тѣои личикои смудою	30	102. Ахъ, вы сайнѣи мой сайнѣи	25	153. Вѣбѣи пираишѣи	20
49. Не-то, тѣоби мнѣ вѣстою	30	103. Шайлѣи много не вѣжу	25	154. Не братѣи мнѣ родинаи	20
50. Люблю и вѣици повоисѣ	35	104. Съ вѣнѣлѣи, голѣи	30	155. Напуша	20
51. Угрю тѣвиноу, угрю слѣдо	30	105. Долѣна Далѣстѣла	30		
52. Спрашѣи вѣлѣдаи на тѣчу (ва овалѣи вѣлѣ дѣа голоса)	30				
53. Я комино придетъ тобою	30				
54. Что такъ задумчала	30				

ОБОТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ.

Москва, у А. Гутжель,

въ вѣдѣннѣи Дворѣ Ея Императорскаго Вѣдѣннѣи и комиссионаи Императорскаго театрѣи
въ Москвитѣи, Мѣсто въ домѣ Юнкѣи, № 10.

«Любимые песни московскихъ цыганъ» (М., 1877)

Титульный лист

НЕ ДЛЯ МЕНЯ ПРИДЕТ ВЕСНА.

Съ пѣнію Московскихъ цыганъ.

переложене

А. Ф. ПРИГОЖАГО.

№70.

Andantino.

CANTO.

PIANO.

INTRADA.

p

Не для ме - ня при - деть вес - на, Не для ме -

p

розо и розо спес.

ля Бухъ ра - зо - лют - ся, И серд - це ра - дость - ю за -

p

розо и розо спес.

Допущено цензурою. Москва, в. Апрель, 1877. г.

А. Г. №1063.

Романс «Не для меня придет весна...»
в сборнике «Любимые песни московских цыган»
Первая страница

половина текста в основном соответствует оригиналу, зато вторая часть почти полностью сочинена заново:

А для меня лишь царский суд
На долгий срок меня осудит,
Возьмет меня конвой жестокий
И поведет меня в тюрьму.

А из тюрьмы в дальний этап,
Угонит в дальнюю сторонку,
Сойдусь с конвоем азиатским,
Там пуля ждет давно меня!

Есть еще один «тюремный» вариант, содержащий строчку «И я забуду папу-маму».

Журналист и музыкальный критик А. Новосельцев в письме-размышлении «Длиннее жизни» рассказывает: «Зимой 2001 года я был в гостях у Валентина Григорьевича Распутина. Там был и Владимир Николаевич Крупин. Пришел я с балалайкой, и среди прочих песен пел я „Не для меня“. Я пел, Валентин Григорьевич слушал, Владимир Николаевич подпевал и не просто подпевал, но и поправлял: „А что же Вы эту строчку не поете: Не для меня Пасха придет?“ Знал он ее, хорошо знал! И когда еще приходилось петь в его присутствии, он всегда ревностно замечал, поется ли строчка про Пасху? Конечно, Пасхальная, Воскресная величит песню и ее героя, делает ее еще трагичнее и светлее одновременно».⁶ А. Новосельцев, близкий к ансамблю «Казачий круг», пел фольклорный вариант, адаптированный к манере исполнения казачьих песен.

Однако надо помнить, что именно Варвара Петровна Тургенева первая заметила стихотворение «Не для меня...» и обратила на него внимание своего сына, будущего писателя, который много лет спустя в повести «Дневник лишнего человека» (1850) проникновенно разовеет тему прощания с жизнью на фоне цветущей вены.

---

⁶ См. электронный ресурс: <http://www.voskres.ru/literature/critics/novoselzev.htm>.

В. А. Макешина

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ и СИМВОЛЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Около пяти лет назад научными сотрудниками музея И. С. Тургенева в Орле было решено обустроить внутренний дворик. Постепенно сформировался мемориальный литературно-экологический проект, напоминающий о корнях, истоках творческой личности великого писателя, ранние годы которого прошли на этой же улице. Проект получил название «Маменькин садик» — в память об орловском детстве Тургенева и о его матери, Варваре Петровне Тургеневой, оказавшейся, по ее собственному признанию, одержимой «флероманией», то есть страстным садоводом. Проект реализуется в рамках серии, посвященной теме «Тургенев-сказочник». В созданном саду уже проходят интерактивные мероприятия для посетителей музея.

За основу «Маменькиного садика» было решено взять садовые проекты городской дворянской усадьбы начала — середины XIX века и совместить их с детскими воспоминаниями Тургенева.

Собирая перечень растений для сада, мы обратились не только к эпистолярию Тургенева и к воспоминаниям его близких, но и к его произведениям. Как известно, писатель не раз говорил, что в художественном произведении ничего случайного нет. Каждое слово, каждый образ имеют значение в художественной структуре целого.

Нам известен рано проявившийся интерес Тургенева к символическим обозначениям — одной из его первых книг было издание Н. М. Максимовича-Амбодика «Эмблемы и символы».¹ Сам писатель подробно рассказал о потрясении, испытанном им в детстве и связанном с этой книгой в письме к друзьям по Берлинскому университету М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 3, 8 (15, 20) сентября 1840 года:

---

¹ *Максимович-Амбодик Н. М. Эмблемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и английский языки переложенные, прежде в Амстердаме, а ныне во граде св. Петра...* [СПб.,] 1809 (ОГЛМТ. 325/1224 оф РК 2860).

«На мою долю досталась „Книга эмблем” и т. д., тиснения 80-х годов, претолстейшая: на каждой странице были нарисованы 6 эмблем, а напротив изъяснения на четырех языках. Целый день я перелистывал мою книжищу и лег спать с целым миром смутных образов в голове».²

Некоторые обозначения символов из этой книги врезались в память писателя навсегда. Так, по воспоминаниям Г. Балашовой, Тургенев, лечась в Висбадене, каждое утро гулял с букетом душистых фиалок, который затем неизменно подносил ей. «Это мои любимые цветы, — говорил он. — Я чувствую особенное удовольствие вручать Вам их здесь каждое утро. Это нечто вне моей курсовой программы. Никому, никому не говорите об этом...».³ Последняя фраза почти дословно воспроизводит расшифровку эмблемы фиалки в книге «Эмблемы и символы» Максимовича-Амбодика.

В мемориальной библиотеке писателя сохранилось второе издание этой книги, начинавшейся толкованием символа следующим образом: «Символ есть краткая надпись, состоящая в изречениях немногих слов, совершенный смысл в себе заключающих; кои, будучи соединены с эмблемою, руководствуют к познанию другой вещи или повести, <...> таинственный смысл или подобное сему означенное, содержащей».⁴ Как нам кажется, эта несколько архаическая формула дает ключ к пониманию глубинного смысла некоторых, в нашем случае растительных, образов в произведениях Тургенева.

В книге «Эмблемы и символы», заключающей в себе объяснения более 300 изображений, как оказалось, были аккуратно удалены листы с объяснениями растительных символов, что свидетельствует об особенном интересе членов семьи Тургеневых, возможно и самого будущего писателя, к этой теме.

Варвара Петровна Тургенева разделила модное на рубеже двух веков увлечение обустройством садов, получившее широкое распространение в дворянских усадьбах. Причем расположение аллей, прудов, цветников и лужаек зачастую приобретало символический характер. Так, в Спасском-Лутовинове липовые аллеи центральной части парка образовывали римскую цифру XIX. А центральная площадка в парке, в которой сходились все аллеи, символизировала солнце. Схожим образом отбирались и растения для клумб и партеров. Они должны были не только украшать сад и обозначать достаток владельцев, но и имели разнообразное символическое значение.

Как известно, моделью при планировке и обустройстве садов в наших «дворянских гнездах» служили западные образцы, описания которых извлекались из специальных изданий. Среди многочисленных изданий подобного рода, сохранившихся в мемориальной библиотеке Тургенева, книга Лиже «Садовник-цветовод» на французском языке,

² ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 168.

³ Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1992. С. 92.

⁴ Максимович-Амбодик Н. М. Эмблемы и символы. С. VII.

Эмблема «Тюльпан цветущий»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

С Y M B O Л Ы, S Y M B O Л A.

105. *Купидонъ показующій свою рану другому.*

Познание болѣзни есть начало исцѣленія. Morbum noscere, curationis principium. Montrer, fait guerir. Die Krankheit kennen, ist der Anfang der Genesung. By shewing his disease it is cured.

106. *Тюльпанъ цветущій.*

Кромѣ цвѣта, ничто. Безъ красокъ, былъ бы ничто. Praeter colores nihil. Ohne Farbe wäre sic nichts. Without its colours, it would be nothing.

107. *Дроздъ птица.*

Не всякому можно птицею быть. Non cuiuis passerem esse licet. N' est pas moineau, qui vent. Der ist noch kein Vogel, der etner zu seyn wünscht. He is not a Bird, that would be so.

108. *Соловей.*

Возвѣщаетъ весну. Renovatum nuntiat annum, Il annonce le printemps. Sie verkündigt den Frühling. He denounces de spring.

109. *Левъ со скипетромъ.*

Кто можетъ его у меня отнять? Quis auferet? Qui me l'otera? Wer wird mir's entreissen? Who is to take from me?

110. *Марсъ Купидономъ укрощенной.*

Укротитель гнѣва. Усмиритель ярости. Domitor irae, Il domte la colère. Et dâmet den Zorn. He tames anger.

111. *Деревяная гладкая доска.*

Ко всему способна. Ad omnia. Propre à tout. Zu allem bequem. Fit for any thing.

112. *Левъ слѣдщій.*

Сердце его бдитъ и бодрствуемъ. Cor vigilat. Son coeur veille. Sein Herz wacht. His, hearth watches.

Толкование символа «Тюльпан цветущий»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

подаренная маме маленькими Иваном и Николаем. Отметим также, что воцарившийся в начале XIX века романтизм культивировал флористическую эстетику, распространяя ее во все сферы быта и отношений между людьми. Достаточно вспомнить, как в доме Варвары Петровны крепостной живописец по ее приказу во множестве расписывал цветами ширмы, шкатулки, жардиньерки и другие предметы.

Начав литературную деятельность в качестве поэта-романтика, Тургенев изначально вводит в свою поэтику образы цветов-символов. Достаточно вспомнить строки стихотворения «Нева», где олицетворением жаркого юга является цветок «огненного алоэса». Писатель во многом остался романтиком и в своих повестях. Так, в «Трех встречах» романтическое начало настолько сильно, что в свое время оно встретило непонимание многих критиков и даже друзей Тургенева. Упоминания цветов в этой повести как будто призваны подчеркнуть фантастический характер происходящих событий.

Самое начало сюжета вырастает из описания небольшого старого сада. В нем «круглая клумба, густо заросшая астрами», как бы резонирует с образом неба, которое «было испещрено звездами»,⁵ приравнивая, таким образом, в истинно романтических традициях земное и небесное. Уместно вспомнить здесь латинское «astra», что в переводе означает «звезда».

Своеобразным введением в последующий «сон в летнюю ночь» служит упоминание о маке: «...передо мной красный полевой мак принимал из заглохшей травы свой прямой стебелек; большая круглая капля ночной росы блестела темным блеском на дне раскрытого цветка».⁶ Представляется, что мак указан здесь не случайно, он является провозвестником дальнейших призрачных, мистически переплетенных трех встреч.

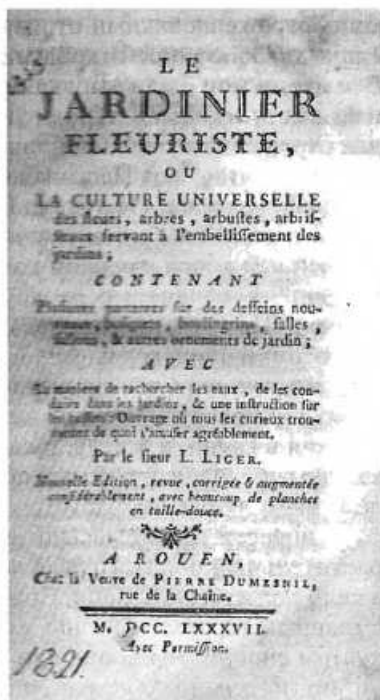
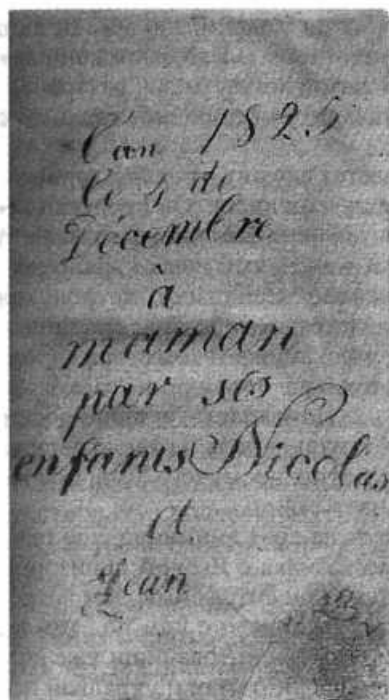
В связи с этим необходимо вспомнить, что в мифологии мак — признанный цветок грез. В Древней Греции существовала следующая легенда о его происхождении. Афродита, оплакивая своего возлюбленного Адониса, долго не могла успокоиться, и боги, чтобы доставить ей сон, превратили ее слезы в цветы мака. Также считалось, что мак является атрибутом бога сна — Гипноса и его родного брата, бога смерти — Танатоса; оба они изображались в виде юношей в венках из маков. Точно так же и богиня ночи всегда представлялась обвитой гирляндами из маковых цветов. А вот цитата из «Метаморфоз» Овидия, описывающая жилище бога сновидений — Морфея:

Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки;
Травы растут без числа, в молоке у которых собирает
Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли.⁷

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 218.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ Кн. 11, 605–607. Пер. С. Шервинского.

Книга Л. Лиге «Le jardinier fleuriste»
Авантитул с дарительной надписью И. и Н. Тургеневых В. П. Тургеневой
и титульный лист (Музей Тургенева, Орел)

Как говорили древние, «когда Морфей хочет кого-либо усыпить или навевать на него приятные грезы, то он прикасается к нему только маковым цветком».

По всей видимости, мак присутствует в начале повести Тургенева «Три встречи» как некий знак дальнейшей нереальности происходящего. Тем более что за упоминанием цветка мака следуют «странные» сны героя повести, в которых к нему приходит таинственная незнакомка и вызывает в нем нечто вроде любовного наваждения. Символично само число встреч героя с прекрасной дамой. Последняя, третья, встреча внезапно прекратила это наваждение, которое сам рассказчик определил следующим образом: «С тех пор я уже нигде не встречал моей незнакомки. <...> эта женщина появилась мне как сновидение — и как сновидение прошла она мимо и исчезла навсегда».⁸

Писатель использует растительные образы для передачи настроений, душевных состояний героя, его переживаний. Например, в повести «Первая любовь» эмоциональный кризис, чувство отчаяния Влади-

⁸ ПССУП(2). Соч. Т. 4. С. 245.

мира отражены такими строками: «То, что я узнал, было мне не под силу: это внезапное откровение раздавило меня... Всё было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные».⁹ Трудно подобрать более совершенное сравнение для отражения душевной боли.

В повести «Яков Пасынков» образ цветка служит для характеристики главного героя: «И душою Пасынков не изменился. Он предстал передо мною тем же романтиком, каким я знал его. Как ни охватывал его жизненный холод, горький холод опыта, — нежный цветок, рано расцветший в сердце моего друга, уцелел во всей своей нетронутой красе».¹⁰ По сути, цветок здесь представляется своеобразным воплощением самой души героя, милого сердцу рассказчика. Так же, как скромный цветок является олицетворением русской провинции, самой необъятной России: «Прошло лет семь. <...> Помаялся я-таки по России, заезжал в глушь и в даль, и слава богу! Глушь и даль не так страшны, как думают иные, и в самых потаенных местах дремучего леса, под валенником и дромом, растут душистые цветы».¹¹

В повести «Яков Пасынков» обращает на себя внимание еще один растительный образ. Первая встреча рассказчика с Яковом произошла в саду под кустом сирени. Вообще сирень становится символом встреч с главным героем: «Помню я одну ночь. Мы сидели с ним под тем же кустом сирени: мы полюбили это место. Все наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ошупью оделись впотьмах и украдкой вышли „помечтать”».¹²

В нашем представлении сирень олицетворяет цветение весны, пробуждение души, красоту русского сада. Однако сейчас весьма немногие знают, что на Востоке, откуда разошлась сирень по всему миру, она служила эмблемой грустного расставания. Ассоциации с разлукой она вызывала и в Западной Европе. Если с этой точки зрения посмотреть на сцены под сиренью у Тургенева, не увидим ли мы везде такую же неизбегность разлуки героев, как и в «Якове Пасынкове»?

Образы растений служат у писателя и для обозначения характерных черт героя. Так, в повести «Ася» читаем:

«— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца. <...>

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася, — в таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь».¹³

⁹ Там же. Т. 6. С. 354.

¹⁰ Там же. Т. 5. С. 63.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Там же. С. 161.

Ася бросает именно герань, не бальзамин или бегонию, также бытовавшие в то время на окнах европейских домов. Писатель, обладавший энциклопедическими знаниями во многих областях, интересовался и ботаникой. Это увлечение было в духе времени. Не следует забывать, что в годы своей берлинской юности Тургенев водил знакомство с великим немецким ученым Александром Гумбольдтом — философом, географом, ботаником и путешественником. А мать писателя, Варвара Петровна, специально изучала ботаническую латынь, о чем сообщала в письмах к сыну. Немудрено поэтому, что Тургенев в своих сочинениях не раз употребляет именно ботанические термины. В процитированном отрывке из повести «Ася» писатель использует ботаническое название растения «гераниум», в отличие от *pelargonium zonale*, которую мы в обиходе привыкли именовать геранью. Граниум же имеет неброские мелкие цветки и устойчивый запах ветвей и листьев, что также отражено в тексте повести «Ася».

Именно гераниум на языке цветов означает, кроме прочего, «безрассудство», что подчеркивает главную черту в характере героини, развивая тему любовного безрассудства и предвосхищая неизбежный разрыв.

Еще один значимый для Тургенева символ — роза. Повести, «стихотворения в прозе», сказки — всюду мы находим этот цветок. Важную роль играет присутствие розы в повести «Первая любовь». Хотелось бы остановиться на том эпизоде, где главная героиня Зинаида срывает «небольшую красную розу», а затем ею «жалует» влюбленного в нее Владимира «к себе в пажи».¹⁴ Здесь явно прочитывается ассоциация с классическим средневековым сюжетом о паже и королеве, сигналом для свидания которых служил шиповник или роза. Достаточно вспомнить «Роман о Тристане и Изольде», или сказания о Ланселоте и Гвиневере из цикла романов о Короле Артуре, или вообще поэзию трубадуров. Тема рыцарственного служения возлюбленной находит в повести Тургенева подобное воплощение.

Необходимо также упомянуть о множестве изображений розы в книге «Эмблемы и символы», в большинстве своем означающих: «Нет розового цветка без иголок. Нет радости без печали».¹⁵ И действительно, сколько печали и душевных страданий принесла Владимиру радость быть приближенным Зинаиды, ее «пажем».

Образ любви как блаженства и страдания не раз возникает у Тургенева. Такова любовь героев романа «Дым». Ей соответствует образ цветка гелиотропа. Сейчас, в связи со сложностью выращивания, его можно встретить в редких южных садах, а в XIX веке гелиотроп обрел широкую популярность из-за ярких сиренево-фиолетовых соцветий и сильного аромата. Название его происходит от греческих слов «гелиос» — солнце и «тропос» — поворот, поскольку соцветия гелиотропа

¹⁴ Там же. Т. 6. С. 342.

¹⁵ *Максимович-Амбодик Н. М.* Эмблемы и символы. С. 43.

113

114

115

116

117

118

119

120

Эмблема «Белая лилия»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

С У М В О Л Ы, S Y M B O L A

115. *Левъ шестоугодній въ пустынь.*

Множество съ крѣпостию соединенное. Сложенъ изъ сердца и силы. Animus cum robore mixtus. Courage mixte avec la force. Muth vercinigt mit Gairte. Courage mixed with strength.

114. *Пустей шарб.*

Толкнувъ бугучя, въ верхъ поднимается. Омъ ударовъ выспръ возашмаю. Concussus resurgit. Les secousses m'élèvent. Sidste erheben mich. His pushes list me up.

115. *Купидонъ съ зеркаломъ.*

Чисто и красно. Истиннаго любителя сердце есть савшло, какъ зеркало. Amoris veri cor, ut speculum, est pellucidum. Pur et net. Sauber und schön. Pure and neat.

116. *Бѣлая лилия.*

Бѣлыя ея не поршится златомъ. Чистота не повреждается богатствомъ. Candor non laeditur auro. Sa blancheur n'est pas souillée par l'or. Ihre Weisse wird nicht durchs Gold besetzt. Its whiteness is not spotted by gold.

117. *Купидонъ несущій въ рукъ тайное письмо, а на другое ногою возступающій.*

Я люблю повома единого. Истинная любовь зримъ на одного. Perfectus amor non est, nisi ad unum. Je n'en aime qu'un. Rechte Liebe zielt nur auf einse. Parfait love aims but at one.

118. *Сквозная зѣзда.*

Показуемъ путь. Monstrat viam. Elle montre le chemin. Sie zeigt uns den Weg. She shews the way.

119. *Левъ покоющійся.*

Хотя не свирѣпствуетъ, но есть непреодолимъ. Non furit, sed indomitus. Si n'est point furieux, il est invincible. Er würet nicht, aber er ist unüberwindlich. He is not furious, but invincible.

120. *Два пламенѣющія сердца.*

Дя два единого будумъ. Пускай изъ двухъ будетъ единица. Vt duo unum componant. A fin de n'en faire, qu'un de deux. Auf das zwey nur eins werden. That two may make but one.

В

Толкование символа «Белая лилия»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

Герань и гелиотроп из «Маменькиного садика»
Музей Тургенева, Орел
Фотография, 2008 г.

в течение дня поворачиваются за солнечным диском. Легенда о происхождении этого цветка гласит, что нимфа, полюбившая бога солнца Гелиоса, была настолько стеснительна, что не могла признаться ему в своей любви. Она только наблюдала за ним издалека, забывала поесть и попить и так высохла, что из жалости боги избавили ее от мучений любви, превратив в цветок гелиотропа.

Именно с гелиотропа, запах которого навеял воспоминания герою «Дыма», начинается разворачиваться сюжет романа. Букетик этих цветов дарит Литвинов своей возлюбленной Ирине перед балом, перевернув их отношения. И как бы в ответ, позже, Ирина напоминает о себе таким же букетом гелиотропа, и он вторично влияет на судьбу героев. Этот цветок считался символом преданности и широко применялся в оккультных науках. Есть упоминания о нем как о составной части приворотного зелья и мази, дающей возможность летать. Возможно, рефренным использованием образа гелиотропа писатель стремился подчеркнуть болезненную привязанность друг к другу Ирины и Литвинова. Почувствовать тот самый запах, по словам автора «Дыма», «сильный, очень приятный», «неотступный, неотвязный, сладкий, тяжелый», «томительный»,¹⁶ аромат миндаля и пудры, можно и сейчас. Этот

¹⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 277, 279.

цветок, полученный нами после долгих поисков, уже второй год выращивается в рамках литературно-экологического проекта «Маменькин садик».

Конечно, столь беглый взгляд на использование символических значений растений в произведениях Тургенева лишь слегка приоткрывает дверь в страну цветов, столь любимую нашим великим земляком. Под его пером цветы становятся живыми существами на сказочном острове в либретто оперетты «Последний колдун». Здесь цветы-эльфы живут своей жизнью, проявляют характер, поют песни, изгоняют ненавистного колдуна с волшебного острова.

Мы затронули лишь некоторые аспекты заявленной темы, которая, безусловно, требует систематического изучения с непременно привлечением круга чтения писателя, мемуарных данных, новейших исследований. Кроме всего, работа над этой темой позволит продолжить осуществление проекта тургеневского дендрария при Орловском литературном музее.

В заключение приведем завершающие строки из «*Emblemata et symbola*», книги, столь памятной Тургеневу: «С помощью данных <...> объяснений не трудно будет всякому иметь некоторое понятие о прочих иконологических изображениях и собственным рассудком достигать означенания прочих эмблем и символов. Прилежное же чтение таких книг <...> откроют любопытному сокровенные тайны других многих, сим подобных начертаний <...>».

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЧАСОВНЯ у въезда в с. *Спасское* со стороны Белевского тракта. Заложена в последний приезд Т. на родину. 20 июня ст. ст. 1881 *С. Мерзляков* писал ему из *Орла*: «Довольны ли Вы составленным мною проектом? <...> Чем скорее пришлете мне прошение, тем скорее получите утвержденный план от архиерея» (*РГАЛИ*. Ф. 509. Оп. 1. № 115). 27 июля «проект на устройство часовни», представленный в Орл. губ. правление 25 июня, был утвержден и выдан «по принадлежности» (*ОГЛИМТ*. № 286). 5 авг. Орл. духовная консистория рассмотрела «прошение всего сельского общества Ковергинской волости с. Спасского, что в Лутовинове, о разрешении им построить кирпичную, небольшого размера, на каменном фундаменте часовню, для совершения в оной молебствий и панихид по почившем в Бозе государе императоре Александре Николаевиче ежегодно 17-го апреля, 30 августа и 1-го марта». Консистория дала «указ разрешающий» (*ГАОО*. Ф. 453. Оп. 1. № 77. Л. 3). «Указ сей читал священник с. Спасского Александр Казанский» (Л. 4).

13 авг. 1881 *Е. М. Гаршин* при въезде в с. *Спасское* «увидел небольшую часовню, стоявшую тогда еще вчерне» (*Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // ИВ*. 1883. № 11. С. 378). *Я. П. Полонский*, также гостивший летом 1881 в *Спасском*, вспоминал, что Т., «прежде чем покинуть родное гнездо свое, был уже на закладке часовни, которую строил во имя Александра Невского» (*Полонский Я. П. Повести и рассказы*. СПб., 1895. Ч. 2. С. 594). «Я позабыл, — писал *Н. А. Щепкин* 21 авг. 1881 в день отъезда Т. ему вдогонку, — дать Вам размеры иконы великого князя Александра Невского для часовни» (*РГБ*. Ф. 306. К. 3. № 7. Л. 1). 25 авг. (6 сент.) 1881 Т. ответил ему из *Москвы*: *И. И. Маслов* «взялся заказать здесь икону св. Александра — вследствие чего я передал ему Ваше письмо с означением меры и т. п. Как только эта икона будет готова, он Вам даст знать». 14 дек. 1881 *Маслов* писал *Щепкину*: «Посылаю Вам квитанцию на отправленные для спасской часовни два ящика с иконой и рамкой с лампадой <...> Надеюсь, что жертвователи останутся довольны. Если бы не замешалось имя Ивана Сергеевича тут, то все бы стоило 300 рублей» (*РГАЛИ*. Ф. 509. Оп. 2. № 24. Л. 1–1 об.).

28 ноябр. (10 дек.) 1881 Т. писал *Щепкину*: «...по Вашему письму, освящение часовни должно вскорости совершиться... вероятно, при этом кабак если не исчезнет — то отодвинется на 30 сажень». 14 (26) дек. — ему же: «Радуюсь за спасских крестьян, получивших рескрипт, и надеюсь, что присылка образа не замедлится». Имелся в виду поло-

жительный исход дела «По ходатайству крестьян с. Спасского-Лутовинова, Мценского у., о присвоении сооруженной ими часовне наименование „Александровской”», начатого 2 сент. и оконченного 26 ноябр. 1881 (ГАОО. Ф. 580. Стол 3. № 7599. Л. 52).

Против входа, под образом Александра Невского, была сделана надпись: «Александровская часовня освящена в память мученической кончины в Бозе почившего царя-освободителя Александра II от крестьян-собственников Спасского-Лутовинова Мценского уезда 1882 г. января 10 дня» (ИРЛИ. № 13479. № 168. «Спасский вестник» А. Я. Полонского). Часовня, заложенная в 20-ю годовщину освобождения крестьян, оказалась на одной линии с богадельней и школой, образовавших новый фасад родовой усадьбы писателя.

Лит.: Часовня в имени И. С. Тургенева // Страна. 1882. 20 июня. № 71. С. 4; Громов В. Борьба крестьян с кабаком (К истории часовни в Спасском) // Орл. правда. 1988. 26 марта. № 71. С. 3.

В. А. Громов.

АЛПАТОВ Петр Андреевич, художник, фотограф, окончил в 1883 курс в училище живописи, ваяния и зодчества со «званием учителя рисования в гимназиях (за рисунок с натуры)» и через несколько лет преподавательской работы «открыл школу рисования в г. Орле» (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. № 604). К 10-й годовщине со дня смерти Т. им было сделано «до двухсот фотографических снимков местностей, описанных в „Записках охотника”, лиц, с которых писались типы многих произведений Тургенева, видов Спасского-Лутовинова и т. п.» (Орл. вестник. 1893. 8 авг. № 210. С. 2). Переснимки с некоторых из них на стекло волшебного фонаря были продемонстрированы в виде «туманных картин» на вечере, посвященном памяти писателя: «Когда на экране вырисовывается портрет Тургенева, публика, собравшаяся в большом количестве в театре, встала со своих мест и долго аплодировала» (РусВед. 1893. 26 авг. № 234. С. 2). Фотографии заинтересовали комитет по устройству выставки в память Т. «Если бы Вы, — сказано в официальном обращении комитета к И. Ф. Рынде от 31 дек. 1908, — согласились прислать в Академию Наук все фотографические снимки и рисунки покойного художника Алпатова, сделанные им в селе Спасском-Лутовинове и перешедшие к Вам», они были бы экспонированы. Рында сослался на бесплатную Тургеневскую библиотеку-читальню, учрежденную комитетом народных чтений в г. Орле в 1894. Оттуда 10 февр. 1909 было сообщено, что «фотографий покойного художника Алпатова при библиотеке нет и не удалось разыскать их» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 58. Л. 32 об., 82). В 1933 на выставке в музее Т. был представлен «портрет писателя в натуральную величину, поясной, профиль, рисованный местным художником Алпатовым (в 1894 году)» (Путинцев А. М. Тургеневские юбилейные торжества в Орле // РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 149. Л. 6).

В. А. Громов.

АРСЕНЬЕВ Николай Владимирович (1846–1907), сын Владимира Михайловича Арсеньева (1810–1853), калужский, орл. и пензенский помещик, сосед по имению *Л. Н. Толстого*, к-рый в 1850-е, после смерти отца А., был назначен его опекуном. Воспитанник Императорского училища правоведения в *Пб*, А. в 1871 был причислен к тульскому дворянскому депутатскому собранию; знакомый Т.

Вторым браком с 1872 А. был женат на двоюор. сестре *Т. В. Н. Тургеневой*, дочери дяди писателя, *Н. Н. Тургенева*. В 1881 Т. согласился быть крестным отцом младшего сына А. Александра (р. 28 июля 1881 в *Судаково*). С этой целью Т. посетил имение А. *Судаково* 3–5 авг. 1881.

О. Ю. Сафонова.

АХМАТОВА Елизавета Николаевна (1820–1904), переводчица, издательница, беллетристка, печатавшаяся под псевд. «*Лейла*» (в основном, в 1840-е — нач. 1860-х в *БдЧ*, *Сыне Отец*, *СПбВед* — повести сентиментально-морализаторского характера). С 1856 по 1885 А. изд. «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык», в к-ром значительная часть пер. с англ. и франц. яз. принадлежала ей (в т. ч. из *У. Теккерея*, *Дж. Элиот*, *У. Коллинза*, *Ж. Санд*, *В. Гюго* и *Ж. Верна*); в 1864–1866 выпускала детский ж. «*Дело и отдых*», в 1867–1868 — «Сборник переводов для легкого чтения», а также редактировала мн. др. изд. переводов для детей и взрослых. По отзыву *Н. С. Лескова*, А. «приохотила к чтению переводных произведений десятки и сотни тысяч русских читателей» (*Курьер*. 1904. 17 апр.). Пользовались известностью и ее лит. «субботы»; об основателе журн. *БдЧ* *О. И. Сенковском* и своих посетителях в 1850-е — 1860-е — *А. В. Дружинине*, *А. В. Никитенко*, *В. П. Гаевском*, *А. А. Краевском*, *В. В.* и *Д. В. Стасовых*, *Н. И. Пирогове* и др. оставила воспоминания (опубл. частично: *РСм*. 1889. № 5 и *РМысль*. 1911. № 2).

В эту же пору, по всей вероятности, в один из своих приездов в *Пб* с ней познакомился и Т. В п. Т. к А., датируемом 10 (22) янв. — 14 (26) февр. 1864, содержится извинение за «несдержанное», по-видимому обещания посетить одну из ее «суббот» и просьба о позволении приехать «послезавтра вечером на чашку чаю».

В марте ст. ст. 1867, во время пребывания в Пб, Т. договорился с А. о публикации в ее «Собрании иностранных романов...» пер. романа М. Дюкана «Утраченные силы». Вернувшись из России в Баден-Баден, Т. сообщал последнему 17 (29) апр. 1867 в Париж: «У нас в Петербурге есть предприятие, выпускающее переводы иностранных романов: их выходит двенадцать выпусков в год — наподобие журнала, насчитывается 5–6000 подписчиков; существует это лет десять; переводы очень хороши. Ваш роман будет издан в течение лета; а я обещал написать предисловие <...>». Т. несколько запоздал с предисловием, и роман М. Дюкана вышел в янв. 1868 в кн. 1 «Собрания...». Посредником между Т. и А. был П. В. Анненков. В п. Т. к нему от 7 (19) окт. 1867 упоминается еще одно, не дошедшее до нас и одновременно отправляемое п. Т. к А. по поводу отсылаемого ей предисл. и функций Анненкова; о третьем п. к А. (также несохранившемся) с просьбой ускорить высылку двух обещанных экз. вып. с романом «Утраченные силы» Т. сообщал М. Дюкану 6 (18) февр. 1868. Экз. были получены и, как известно из п. Т. к Анненкову от 28 марта (9 апр.) 1868, один из них тотчас был отправлен автору. Необходимо также отметить факт личных контактов, большей частью в сфере переводческой деятельности, А. не только с Т., но и с Н. А. Некрасовым, напечатавшим в *Совр* (1863) переведенный ею роман А. Треллопа, и с Ф. М. Достоевским, к-рый в перв. пол. 1860-х был усердным подписчиком ее «Собрания иностранных романов...». Для Т. же А. была союзницей в ознакомлении России с лит-рой Запада.

Лит.: Биография и список трудов Е. Н. Ахматовой / Сост. М. И. Семевским // *РСст.* 1890. № 8; *РМысль.* 1891. № 12; *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986 (по указ. имен); *Никитенко.* Т. 2. С. 383 и др.; *Некрасов.* Т. 10. С. 202–203; Два письма А. к Некрасову // *ЛН.* Т. 51–52. С. 105–106; *Достоевский.* Т. 28. Кн. 2. С. 514, 145; письмо А. к Достоевскому // *Достоевский.* Материалы и исследования. Л., 1991. Вып. 9. С. 270–271; *Старчевский А. В.* Воспоминания об Ахматовой // *Наблюдатель.* 1885. № 4; *ИВ.* 1891. № 8 и 9.

И. А. Битюгова.

БАТЮШКОВ Федор Дмитриевич (1857–1920), историк лит-ры и критик, публикатор писем Т. к *Е. П. Кавелиной*, автор ст. о нем «Романтизм реализма», в к-рой одним из перв. отнес эту оценку Нежданова к самому творцу «Нови», чтобы оттенить «его особое место в ряду наших великих писателей XIX века» (Речь. 1908. 22 авг. № 200). Для него как «бытописателя крепостного крестьянства» «*Хорь и Калиныч*», напечатанный в «Смеси» перв. книжки обновленного *Совр* (1847) «в качестве полубеллетристического очерка», сыграл «роль того яблока, упавшего с дерева, которое открыло Ньютону закон тяготения. С этого очерка началась серия „Записок охотника“, и если бы Тургенев ничего больше не написал, его имя было бы увековечено в истории. Но ему предстояло сказать еще многое» (Там же). В конце 1870-х, как считал Б., писатель, «примиренный с молодежью», снова почувствовал себя властителем

дум. Он — «полубог», несмотря на глубокое расхождение с критиками почти всех направлений по поводу *«Нови»* и показанного там безо всякой идеализации «хождения в народ», стремления части интеллигенции найти спасение в нем, «опроститься» и тем самым возродить себя и Россию. Острая полемика с романистом, вспоминал о том времени критик в ст. «К тридцатилетию кончины И. С. Тургенева», не повлияла сколько-нибудь существенно «на его оценку <как> первоклассного художника, титана русской литературы» (Речь. 1913. 22 авг. № 228. С. 1). Помимо назв. работ и др. высказываний о писателе, перу Б. принадлежит рец. на второе изд. «Этюдов о творчестве И. С. Тургенева» Д. Н. Овсяннико-Куликовского (Мир божий. 1904. № 7. Отд. II. С. 66–69).

Соч.: Батюшков Ф. Д. Критические очерки и заметки: В 2 ч. СПб., 1900–1902.

В. А. Громов.

БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ. Упомянуты в рассказе *«Лес и степь»*: «А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков». Богатый помещик Лежнев из ром. *«Рудин»* ездил, по словам Ласунской, «на беговых дрожках, как приказчик» (гл. 4).

Из всех экипажей, к-рыми пользовался на своем веку Т. и упомянул в переписке и в худож. произв.: карета, кибитка, кабриолет, сани, санки, дилижанс, тарантас, шарабан, возок, повозка, одноколка, таратайка, телега, коляска и т. п., — наиб. известность приобрели именно беговые дрожки, ставшие через двадцать лет после смерти автора *«Записок охотника»* даже музейным экспонатом. 7 сент. 1903 в «Орловском вестнике» (№ 238. С. 2–3) появилась заметка: «В этнографическом отделе орловской сельскохозяйственной и коннозаводской выставки, за неимением места в крытом помещении, стоят без навеса дрожки-бегунки И. С. Тургенева. Дрожки эти построены в селе Спасском-Лутовинове по указанию самого И. С. Следовало бы в будущем поместить их в один из музеев».

Дрожки экспонировались вновь на *Тургеневской выставке 1909* в зале Российской академии наук среди пр. подлинных вещей писателя из его усадьбы. В отчете о выставке А. А. Измайлов писал: «Рядом <с диваном «Самосоном». — В. Г.> тургеневские дрожки. Здесь серьезные лица обозревателей невольно озаряются улыбкой умиления, особенно когда Ж. А. Полонская, приходившая на выставку, в качестве невольного гида рассказывала, что на этих дрожках когда-то умещались и Тургенев, и Полонский, и она сама, да еще кто-то из ее детей...» (РусСл. 1909. 11 марта. № 57. С. 2). «Дрожки на выставке, — писала о них М. Г. Савина Ю. Д. Беляеву, — действительно те, на которых Иван Сергеевич возил меня и детей Полонской в лес и к пруду. В большой соломенной шляпе, в коричневой парижской с шелковыми рукавами „вязанке“ и небрежно завязанным белым шарфиком вместо галстука он был удивительно красив. Он правил лошадей, с полным

удовольствием, как ребенок, и улыбка не сходила с его лица» (*Шнейдерман И. И. Мария Гавриловна Савина. 1854–1915. Л.; М., 1956. С. 120–121*).

Дрожки встречали посетителей *б-ки-музея Т.*, открытого в *Орле* по случаю столетия со дня его рожд. Не будучи эвакуированными вместе с др. мемориальными вещами в 1941, они были утрачены во время войны.

Лит.: *Шапочка В. Охотничьи тропы Тургенева. Орел, 1998. С. 27–29.*

В. А. Громов.

БЕЛОГОЛОВЫЙ Николай Андреевич (1834–1895), врач, обществ. деятель, мемуарист. Род. в Иркутске, нач. образование получил в семьях декабристов А. П. Юшневского и А. В. Поджио, что подготовило его к восприятию демократ. настроений 1860-х. Окончив вместе с *С. П. Боткиным* (своим товарищем по пансиону в *Москве*) мед. ф-т *Моск. ун-та* в 1855, Б. сначала служил гор. врачом в Иркутске, 3-м совершенствовался в *Берлине, Париже* и *Вене*, защитив в 1862 доктор. дис. («О всасывании солей кожей») и вернувшись снова в Иркутск, где способствовал созданию Об-ва врачей, введению нов. системы диагностики грудных и сердечных заболеваний и улучшению быта ссыльных. В 1866 Б. переехал в *Пб* и сблизился с ред. *ОЗ*; занимаясь частной мед. практикой, лечил *Н. А. Некрасова, Г. З. Елисеева, М. Е. Салтыкова*, а 3-м также др. известных литераторов, худ-ков и обществ. деятелей, о нек-рых из них впоследствии оставил воспоминания (в частности, о *М. Т. Лорис-Меликове, М. Е. Салтыкове*, друге своем враче *С. П. Боткине, Н. А. Некрасове, Л. Н. Толстом*, а также *А. И. Герцене*, с к-рым Б. был связан как один из негласных корреспондентов «Колокола», и др. — см.: *Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901*). В 1881 Б., будучи сам нездоров, отправился за границу и в дальнейшем бывал в *России* лишь кратковременно, до своего возвращения в 1894 в *Москву* и смерти через год в подмоск. имении *Боткиных Поповке*.

Т. с 1878 был подписан на основанную в 1877 Б. и А. Х. Христофоровым в *Женева* газ. «Общее дело» (Б. выступал в ней и как автор полит. обозрений, ст. и стих-й) — см.: *ПССиП(1). П. Т. 13. Кн. 1. С. 46, 424.*

Личное знакомство Б. с Т. состоялось весной 1882, общение их продол-

жалось в течение полутора лет, получив освещение в отклике Б. на кончину Т., мемуарных записках «Кое-что о болезни И. С. Тургенева» (Новости и Биржевая газета. 1883. 8 сент. № 158; Всемирная иллюстрация. 1883. № 767). Из них следует, что, находясь в это время в *Париже* и много слыша о тяжелом заболевании Т., Б. «вызвался сам навестить» Т. как врач и посетил его в конце марта 1882 «на квартире на улице Дуз». «Через неделю» Б. нанес «второй» визит Т., наблюдая за больным и анализируя заключения врачей; вероятно, и еще «заходил» к Т. до отъезда его 25 мая (7 июня) 1882 в *Буживаль*. В *Буживаль* Б. также вскоре приехал, оставив описание дома и сада и констатировав ухудшение состояния Т.

Известны 5 писем Т. к Б. из *Буживаля* 1882. В перв. из них от 5 (17) июня 1882 Т. благодарит Б. за «симпатичное и дружеское письмо» (не сохр., как и др. письма Б. к Т.; сведения о них см. в его мемуарах) с предложением проконсультироваться у известного франц. терапевта Ф.-С. Жакку. Последующие 3 июньских письма Т. к Б., перед отъездом последнего в *Швейцарию*, связаны с вопросами здоровья Т. и устройства эт. консультации, к-рая состоялась только в нач. июля 1882 (п. Т. к Б. с сообщением о ней не сохр., как и переписка их во время пребывания Б. зимой 1882 на юге *Франции* в Ментоне, кроме п. Т. от 8 ноябр. н. ст. — см. о них там же). В нач. марта 1883 Б. получил подписанное Т. извещение о сделанной ему операции и в мае 1883 в ответ на свое письмо из *Парижа* — приглашение в *Буживаль* — Т. ждал его «с нетерпением» (не сохр.). Посетив неск. раз Т., обследовав результаты анализов и убедившись в невозможности выздоровления, Б. стремился психологически облегчить его страдания. В последний раз он заехал проститься с Т. 9 июня 1883, перед отбытием из *Парижа*.

Воспоминания Б. о Т. в основном посвящены лечебным аспектам их встреч (к-рые представляют интерес для истории медицины, тем более что самим Б. был установлен верный диагноз), но, безусловно, между двумя соотечественниками, тоскующими по России и внимательно следящими по рус. и франц. газетам за ее обществ. и лит. жизнью, близкими по взглядам, ратующими за свободу и прогресс, возникали и беседы на др. темы (свид-ва об этом проскальзывают как в мемуарах Б. о Т., так и в предпосланных им современниками характеристиках самого Б.). В заключении своих воспоминаний Б. выражал сожаление, что Т. умер «на чужбине», где, несмотря на заботу о нем дорогой ему семьи *Виардо*, до него не доносилась «волна теплого общественного участия и той страстной до необузданности симпатии» молодежи, к-рые, как показал пример *Некрасова*, «могут благотворно оживлять на закате дней изнуренного болезнью общественного деятеля», и что «только после смерти» Т. «обнаружилось, как глубоко чтит и ценит родина его заслуги» (С. 419).

Соч.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, 1898; 4-е изд. СПб., 1901, с посвящ. Б. статьями и воспом. Г. А. Джанилиева и В. А. Крылова; о Т. — С. 411–419; ЛССИП(1). П. Т. 13. Кн. 1, по указ., и Т. 13. Кн. 2, по указ.

Лит.: Русские писатели. Т. 1. С. 220–221; Waddington P. Turgenev's Mortal Illness, from its Origins to the Autopsy. Pinehaven (New Zealand), 1999. P. 12–13, 31, 48–51.

И. А. Битюгова.

БЕЗДЕНЕЖЬЕ (*Сцены из петербургской жизни молодого дворянина*). Впервые опубли.: ОЗ. 1846. № 10. С. 249–270, с подписью: Ив. Тургенев. В изд. Т. Соч. 1869 (Т. 7) Т. внесено неск. поправок и впервые появилась дата написания пьесы — 1845. Автограф неизв.

В 1846 в рец. Т., посвящ. драме С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова», писатель выдвинул неск. конкретных лит.-теоретич. положений, в к-рых определялись задачи последователей гоголевских традиций «натуральной школы». «Безденежье», являясь «драматическим этюдом из жизни Петербурга и социальным очерком о комических бедствиях молодого дворянина в столице» (Лотман. С. 541), служило как бы наглядной илл. жизненности высказанных Т. теоретич. положений, а образно-характерологическая, структурная и даже тематическая близость пьесы к нек-рым образам и ситуациям «Ревизора» подчеркивала лит. истоки пьесы. Зависимость от гоголевского «Ревизора» прежде всего проявляется в языковых особенностях пьесы — в синтаксической организации и в лексике речи героев (Виноградов. С. 275). Однако, следуя за Гоголем в подборе сюжетных ситуаций, писатель выдвигает на перв. план прежде всего социальные типы, подвергает последовательному лит.-социальному анализу ежедневный быт столицы, стремясь создать иллюзию реальной жизни на сцене. Критическое отношение к совр. действительности в известн. степени предвосхищает социальный пафос, образы и коллизии «Записок охотника».

Сценическая жизнь пьесы складывалась непросто. Перв. постановка «Безденежья» была осуществлена на сцене *Александринского театра* в Пб 7 янв. 1852, причем в театральную ред. пьесы цензурой были внесены многочисл. изменения, сводившие на нет элементы социально-политич. сатиры, характерной для «Безденежья». После втор. представления (11 янв. того же года) пьеса из-за неуспеха у публики была снята с репертуара.

Подробный отчет о постановке пьесы появился в анонимной ст. «Петербургские театры в январе» (ОЗ. 1852. № 2. Отд. VIII. С. 163–165). Подчеркивая бесспорные лит. достоинства «Безденежья», в к-ром «каждая сцена запечатлена тою правдою, которую беспрепятственно видишь в жизни и очень редко на сцене», рецензент, анализируя причины провала, сетует на «растянутость» пьесы, нежелание автора считаться с условиями сцены и требованиями театральной аудитории. По мнению же рецензента ж. «Пантеон» Ф. А. Кони (ст. «Русский театр в Петербурге»), пьеса Т., несмотря на то, что «многие места» ее «обличают руку художника», в целом «вещь чрезвычайно слабая», искажающая образ современного молодого человека и подлинную «петербургскую жизнь» (Пантеон. 1852. № 1. С. 10–11).

Неудача «Безденежья» (так же как и пьесы «Где тонко, там и рвется») послужила непосредственным поводом для прекращения драматург. деят-сти Т. Оставив навсегда работу над всеми им задуманными и даже начатыми пьесами, писатель отказался от публ. и постановки последнего своего драматического произв. — «Вечера в Сорренте» и категорически запретил постановку в Москве «Безденежья» и «Где тонко, там и рвется». «...ни одна из этих пьесок не имела здесь успеха, — писал Т. 6 (18) марта 1852 из Пб моск. актеру С. В. Шумскому. — <...> мне было бы весьма неприятно, если б эти две, уже давно мною написанные вещи, повторились на каком бы то ни было театре».

Премьера «Безденежья» на моск. сцене состоялась лишь 18 ноябр. 1863, в бенефис С. В. Шумского (Театр Насл. С. 313–314). Еще через 10 лет она была возобновлена на сцене Александринского театра в Пб, 16 ноябр. 1873 в бенефис гл. реж. А. А. Яблочкина, после чего была поставлена еще дважды — 19 и 21 ноябр. 1873. Никакого успеха пьеса не имела. «Сцены г. Тургенева, — отмечал рецензент СЛБВед, — написаны им очень давно и принадлежат к числу слабых его вещей <...> Едва ли г. Тургенев, если б он находился здесь, остался доволен возобновлением этих сцен. Вообще нам кажется, что если пьеса даровитого писателя, составившего себе громкую репутацию, написана в начале его литературной деятельности и если она снята была с репертуара, то возобновлять ее следовало бы не иначе, как с согласия автора...» (СЛБВед. 1873. 19 ноябр. № 319).

При жизни Т. «Безденежье» поставлено было на Александринской сцене еще раз, в той же усеченной и искаженной цензурно-театральной ред., в к-рой эти сцены шли и в 1852, и в 1863, и в 1873. Пьеса возобновлена была еще раз 6 ноябр. 1881, в бенефис актера А. А. Нильского (Гнедич П. Хроника драматических спектаклей на Петербургской сцене 1881–1890 гг. // Сб. историко-театральной секции Тео Наркомпроса. 1918. С. 7).

В лит-ре о драматургии Т. характеристика «Безденежья» как произв., близкого по нек-рым особенностям своего построения не только «Ревизору» Гоголя, но и водевильной традиции, впервые дана была в ст. Б. В. Варнеке «Тургенев-драматург». В кн. Гроссман. Театр Т была отмечена близость осн. персонажей «Безденежья» (Жазиков и его старый слуга) и нек-рых ситуаций комедии (цепь кредиторов, от к-рых слуга Матвей защищает своего промотавшегося барина) комедии В. Лукина «Мот, любовью исправленный» (1765). О месте «Безденежья» в драматургии Т. см. также: Данилов.

Лит.: Лотман Л. М. Драматургия И. С. Тургенева // ПССИП(2). Соч. Т. 2. С. 539–541; Виноградов В. В. Пародии на стиль Гоголя // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 275; Варнеке Б. В. Тургенев-драматург // Венюк Тургеневу. 1818–1918. Сб. статей. Одесса, 1919. С. 5–7; Гроссман. Театр Т. С. 43–44; Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л., 1948. С. 365–366.

Е. М. Лобковская.

БЕЛИНСКАЯ Ольга Виссарионовна (в зам. Бензис; 1845–1902), старш. дочь *Белинского*. Ее крестили *И. И. Маслов*, приятель *Т.*, и *А. В. Орлова*, свояченица *Белинского*. Оставшись без отца, к-рый был к ней нежно привязан, в возрасте 3-х лет, *Б.* была воспитана матерью и теткой. Девочка росла слабой, болезненной, по словам ее тетушки, «доктора запретили ее учить и не позволили ей быть в институте даже приходящей» (*Орлова*. С. 564). Она получила домашнее образование (к ней ходили лучшие институтские учителя) и за год с небольшим подготовилась и отлично выдержала экзамен в *Моск. ун-т*. В сер. 1860-х вместе с матерью уехала за границу, где впоследствии вышла замуж в Греции, на о. Корфу.

Друзья *Белинского* не оставили семью великого критика в нужде. *А. Д. Галахов* «больше всех поработал и похлопотал, чтобы ей <О. В. Б.> выдавали пенсию из Литературного фонда» (*Орлова*. С. 564). *Т.* также принимал деятельное участие в судьбе девочки: после смерти *Белинского* выплачивал ежегодно ей пенсию (см. п. к *В. П. Боткину* от 9 (21) июля 1855). *Некрасов* писал *Т.* об их взаимных денежных расчетах по второму изд. «*Записок охотника*»: «...решай сам, как знаешь. Всего лучше, я думаю, так: напечатаю я <...> а деньги возьмешь ты – или, еще лучше: отдадим их дочери *Белинского*» (*Некрасов*. Т. 14. Кн. 1. С. 188). *Т.* живо откликнулся на предложение *Некрасова* издать в пользу дочери *Белинского* альманах, для к-рого собирался написать воспоминания о *Белинском* (см. п. к *П. В. Анненкову* от 23 сент. (5 окт.) 1857). Однако эт. замысел не удалось осуществить.

Лит.: Орлова А. В. Из воспоминаний о семейной жизни *В. Г. Белинского* // *В. Г. Белинский в воспоминаниях современников*. М., 1977. С. 564; *Нечаева В. С.* *В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842–1848*. М., 1967. С. 443–478; *Кавелин К. Д.* Воспоминания о *В. Г. Белинском* // *Белинский в восп совр.* С. 181; *Тютчев Н. Н.* Мое знакомство с *В. Г. Белинским* // Там же. С. 473, 476; *Берх А. М.* Из знакомства с *Белинским* // Там же. С. 574, 576; *Заборова Р.* Новые материалы о *М. В. Белинской* // *ЛН*. Т. 57. С. 319–326; *Семенов Е.* Беседа с дочерью *В. Г. Белинского* // *Новости*. 1898. 21 апр. (3 мая). № 108; *Некрасов*. Т. 14. Кн. 1. С. 188; Кн. 2 С. 91–92, 94, 98.

Е. М. Лобковская.

БЕРС Александр Евстафьевич (1807–1871), гофмедик, лейб-медик, врач канцелярии Воен. мин-ва, врач в дирекции петерб. театров, врач

Гос. коммерческого банка, музыкант, охотник, брат *Андрея Е. Берса*, знакомый Т. Был лично знаком с *В. П. Тургеневой*, о к-рой отзывался как об «умнейшей женщине», но вместе с тем отмечал, что она «была очень крута с крепостными». В 1850-е Т. привозил Б., известному в *Пб* любителю музыки, из-за границы романсы *Ш. Гуно*, к-рого тогда еще не знали в России, и исполнял их в кругу его семьи. О семье Б. говорил: «много детей, много музыки». В 1854, живя в *Пб*, Т. собирался опубликовать в *Совр* «Письмо» к *С. Т. Аксакову*, «в котором изложится мнение одного здешнего охотника и хорошего моего знакомого, доктора Берса — о разных темных вопросах, касающихся до прилета и улета дичи. Кажется, его замечания справедливы и во всяком случае могут вызвать ответ с Вашей стороны» (п. к *С. Т. Аксакову* от 10 (22) февр. 1854). Обещанное Т. «Письмо» написано им не было.

Лит.: Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 2-е изд. Калининград, 2003. С. 39–40.

О. Ю. Сафонова.

БЕРС Андрей Евстафьевич (1808–1868), гофмедик, врач Моск. дворцовой конторы, сверхштатный врач моск. театров. По окончании медицинского ф-та *Моск. ун-та* в качестве домашнего врача родителей Т. сопровождал их в *Париж*, откуда вернулся летом 1831. В 1831–1842 был в близких отношениях с *В. П. Тургеневой*. Дочь <?> *В. П. Тургеневой* и Б., *Варвара Ник. Богданович-Лутовина*, по мужу *Житова*, оставила воспоминания, охватывающие события 1838–1850. В 1850-е, бывая в *Москве*, Т. всякий раз навещал Б. и его семью. В 1842 Б. женился на *Любови Александровне Иславиной*, дочери тульского помещика Александра Михайловича Исленьева (браки родителей жены был признан незаконным, и она не могла носить фамилию своего отца). Через свою жену Б. сблизился с *Л. Н. Толстым*, хорошо знавшим с детских лет семью А. М. Исленьева. В 1862 *Л. Н. Толстой* стал зятем Б., женившись на его средней дочери *Софье Андр. Берс*. По восп. *Л. Н. Толстого*, Б. был «чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек» («и большой ловелас»).

Лит.: Толстой. Т. 47. С. 504–505; Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986; *Толстая С. А.* Моя жизнь (машинопись) // Музей-усадьба Ясная Поляна; *Берс А. А.* Записка о родословной и происхождении фамилии Берс (машинопись) // *РО ГИТ*. Архив С. Л. Толстого; *Житова В. Н.* Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

О. Ю. Сафонова.

БЕРС Елизавета Андреевна (1843–1919), старшая дочь *Андрея Е. Берса*, свояченица *Л. Н. Толстого*. В перв. браке за флигель-адъютантом, гусарским полк., Гаврилом Емельяновичем Павленковым (Павленко) (ум. 1892). С 1877 жена *А. А. Берса*. Автор ряда работ по экономиче-

ским вопросам. В 1850-е Т., близко знавший семью *Андрея Е. Берса* и неоднократно бывавший у *Берсов* в *Москве*, отмечал его старш. дочерей *Елизавету* и *Софью*, впоследствии вышедшую замуж за *Л. Н. Толстого*.

О. Ю. Сафонова.

БЕРС Любовь Александровна (ур. Иславина; 1826–1886), дочь тульского помещика *Александра Мих. Исленьева* (1794–1882) и кн. *Софьи Петр. Козловской* (ур. гр. *Завадовской*; 1794–1830), дочери известного гос. деятеля и временщика *Екатерины II* гр. *Петра Вас. Завадовского*. Брак *А. М. Исленьева* и *С. П. Козловской* был признан незаконным, т. к. *С. П. Козловская* не была разведена с перв. мужем; их дети носили фамилию *Иславины*. В 1842 вышла замуж за *Андрея Е. Берса*, врача, лечившего ее по просьбе отца. В 1850-е Т., знавший *А. Е. Берса* с детства, часто бывал в их квартире, к-рая находилась в моск. Кремле, в здании *Ордонанс-гауза*, т. к. *Берс* был гофмедиком. С семьей *Исленьевых* с детских лет был близко знаком *Л. Н. Толстой*, отец к-рого был приятелем *А. М. Исленьева*. Отдельных представителей эт. семьи *Л. Н. Толстой* изобразил в трилогии «*Детство*», «*Отрочество*», «*Юность*». В 1862 он женился на средней дочери *Б. С. А. Берс*. Вспоминая свою бабушку *Б.*, старший сын *Толстых Сергей Львович* писал о ней впоследствии как о «женщине холодной, с затаенным чувством аристократизма».

О. Ю. Сафонова.

БЛАНШАР (Blanchard) Эдмон Теофиль (1844–1879), франц. живописец акад. направления, ученик *А. Кабанеля*. Посетив в мае 1872 парижский Салон, Т. пришел в восторг от картины *Б. «Куртизанка»* и вскоре приобрел ее за 6000 фр. 6 (18) мая 1872 Т. писал *Т. Готье*: «...я, не потому что купил ее, нахожу, что это самое прекрасное женское тело из всех выставленных в Салоне. Но, кажется, никто не разделяет моего мнения. Никто о ней не говорит — дамы находят ее уродливой и т. д. Должен признаться, меня это немного смущает. Нет надобности говорить, что я не прошу вас о какой-то рекламе; мне просто хотелось бы узнать ваше мнение — ибо я чувствую в вас не только большого писателя, но, при всей вашей снисходительности, и большого критика. Если вы даже ничего не скажете — я буду знать, как к этому отнестись. Мне по-прежнему нравится моя бедная отверженная картина, и она будет мне нравиться несмотря ни на что; но ваше одобрение было бы мне сильной поддержкой». Мнение *Т. Готье* о картине *Б.* неизв.

Критика не дала высокой оценки эт. произв. *Б.* О своем восхищении купленной картиной Т. сообщал *Г. Флоберу* 14 (26) июня 1872, *А. Ф. Писемскому* 17 (29) марта 1873, *Я. П. Полонскому* 22 марта (3 апр.) 1873, однако никто из упомянутых корреспондентов не отклик-

нулся. Полотно Б. находилось в парижском кабинете Т. до 1877, когда в связи с денежными затруднениями он решил продать часть своей коллекции. В п. к брату *Н. С. Тургеневу* от 26 янв. (7 февр.) 1878 Т. дал описание картины Б., к-рую предпочитал называть «Клеопатрой» (точное назв.: «Женщина, лежащая и играющая со змеей»): «...большая картина известного французского художника Бланшара. Она представляет нагую женщину (во весь рост), лежащую на богатом ложе — и смотрящую на маленькую ручную змейку, которая вьется около ее руки. Картина эта на выставке 1874-го года получила вторую медаль <...>». Т. предложил картину брату в счет уплаты долга, однако получил отказ. В нач. мая 1877 на имя *М. М. Стасюлевича* был отправлен в Пб «большой ящик с картинами» (п. к *Стасюлевичу* от 20 апр. (2 мая) 1877), одной из к-рых была «Куртизанка» Б. Выставленная для продажи в магазине *Беггрова*, торговавшего гравюрами и картинами, в Пб на Невском просп. (дом 4), она была продана в конце 1878 за 1500 р. (см. п. к *А. В. Топорову* от 30 ноябр. (12 дек.) 1878). В наст. время местонахождение картины неизвестно.

Лит.: Заборов П. Р. И. С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство. Сб. исследований и материалов. Л., 1986. С. 142–143.

А. Г. Ирлин.

БЛАРАМБЕРГ (Бларамбер) Елена Ивановна (в зам. Апрелева; псевд. Е. Ардов; 1846–1923), писательница и переводчица, близкая подруга *Л. Эрнст-Виардо*. Т. познакомился с ней в 1871 в Пб, в доме композитора *А. Н. Серова*, и в 1870-х встречался с ней в *России* и в *Париже* в доме *П. Виардо*. Т. способствовал появлению в *ВЕ* перв. ром. Б. «Без вины виноватые», познакомил ее с рядом писателей.

Летом 1877 по приглашению Т. она гостила в *Спасском*. Б. — автор обширных воспоминаний о Т., опубликованных в *РусВед*. Воспоминания эти особенно ценны в той части, где речь идет о пребывании Т. в *Буживале*, поскольку Б. имела возможность наблюдать ежедневно в течение длительного времени жизнь в «Ясенях». Во время предсмертной болезни Т. Б. переписывалась с *Марианной Виардо*, впоследствии опубликовала ее письма и имела объяснение с нею (см. наст. издание, с. 362–377).

Б. перевела с нем. на рус. яз. ст. *Ю. Шмидта* о романах Т. и *А. Ф. Писемского* (см. Т. 4 критических статей *Ю. Шмидта*, 1875). Пер. Б. появился в «*Газете Гатюка*» в 1875 (№ 42–44. С. 695–699, 711–715, 730–732) за подписью Е. Б. (т. е. Е. Бларамберг).

Известно 13 писем Т. к Б. (1875–1879) и 2 письма Б. к Т. (1875) (*РусВед*. 1905. № 97).

Соч.: РусВед. 1904. 4, 15, 18, 22, 25 янв. № 4, 5, 18, 22, 25.

Лит.: ПССиП(1). П. Т. 11. С. 511, 682; Ардов Е. (Апрелева) Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *Т в восп совр (1)*. Т. 2. С. 519–520 (примеч. В. Г. Фридлянд).

Л. Н. Назарова.

БОБЧЕВ Стефан Саввов (1853–1940), болг. обществ. деятель, историк права и публицист, сотрудник ряда рус. изд. После Апрельского восстания 1876 был заподозрен в участии в нем и оставил Болгарию, переехав в Одессу, 3-м в Бухарест, где редактировал газ. «Стара планина» под псевд. Бежан. В 1877 уехал в Москву, где в 1880 закончил юридический ф-т Моск. ун-та. Пребывание в России дало ему возможность познакомиться с Т. В ст., помещенной в рушукской газ. «Българин», Б. писал о встрече с Т.: «Я имел случай представиться старику-романисту и испросил у него позволения перевести на болгарский язык „Накануне“, героем которого является болгарский студент, а также некоторые рассказы из „Записок охотника“. На мою просьбу Тургенев ответил соглашением и обещал написать собственное предисловие к переводу» (Българин. Русе (Рушук). 1879. 12 апр. № 178). По свидетельству Н. Бобчева, эту встречу Б. с Т. в февр. 1879 устроил М. М. Ковалевский (Славянский глас. 1908. Кн. V–VI. С. 189), к которому Т. в марте того же года обратился с просьбой переслать Б. текст «небольшого предисловия к переводу „Накануне“ — с рассказом о Катранове» (п. от 9 (21) марта 1879). После своего возвращения в Болгарию в 1880 Б. погрузился в обществ. работу и не смог осуществить замысел пер. ром. Т.

Лит.: Алексеева В. Н. К истории переводов романа «Накануне» И. С. Тургенева на болгарский язык // Научный бюллетень ЛГУ. Л., 1946. № 11–12. С. 55; Велчев В. П. 1) Тургенев и Болгария // *Орл сб.* 1960. С. 394–414; 2) Инсаров от тургеневия роман «Накануне» // *Език и лит-ра (София)*. 1966. № 3. С. 23; ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 469.

С. Д. Симеонова.

БОГДАНОВИЧ Ипполит Федорович (1743/1744–1803), поэт, переводчик, издатель. В *Б-ке Т.* находится «Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича» в 4 ч. (М., 1818–1819) (см.: *Б-ка Т. Каталог*. Ч. 1. С. 59).

Лит. славу Б. принесла созданная им на основе известного сюжета о любви Амура и Психеи шутивная поэма-сказка «Душенька» (1783), с к-рой Т. впервые познакомился по изданию «Собрание русских образцовых сочинений и переводов в стихах» (Жидкова С. Л. Периодические издания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева из круга детского чтения писателя // *Тургеневский ежегодник 2007 года*. Орел, 2009. С. 18). В *Б-ке Т.* находилось и отд. изд. поэмы Б. «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах» (М., 1818–1819) — книга передана в музей В. Г. Белинского в г. Чембары Пензенской обл. (см.: *Б-ка Т. Каталог*. Ч. 1. С. 58–59). В п. к М. Г. Савиной от 25 ноябр. (7 дек.) 1880 Т.

упоминает имя Б. и цитирует стих из второй книги поэмы «Душенька»: «Говорят, Вы прелестны в русском costume: не пришлете ли Вы карточку? Впрочем, как сказано у Богдановича (только этот один стих от него уцелел): „Во всех ты, Душенька, нарядах хороша”».

С. Л. Жидкова.

БОДЛЕР (Baudelaire) Шарль (1821–1867), франц. поэт, предтеча символизма. Начал лит. карьеру как худож. критик; наиболее значительные его ст. посвящены творч-ву *Делакруа*, *Вагнера*, *Э. По*. Б. принял участие в *февр. революции 1848*, явился одним из основателей газ. «Salut public», редактировал газ. «Tribune nationale», был на баррикадах в дни июньского восстания.

В 1857 Б. издает сб. стихов «Цветы зла» («Les Fleurs du Mal»), задуманный еще до революции и ставший гл. кн. поэта. Нек-рые стих-я печатались с 1855 в ж. «Revue des Deux Mondes», постоянным читателем к-рого был Т. Т. был, несомненно, знаком с историей судебного процесса 1857 над кн. Б., обвиненного, подобно *Флоберу*, в оскорблении обществ. морали. Центральные темы и образы кн. — бунт против убогой действительности, противопоставление античности больной современности, восхищение великими худ-ками прошлого, воспевание любви как силы, способной скрасить удручающую пошлость жизни.

В 1857 в ж. «Présent» были помещены неск. «Маленьких стихотворений в прозе» («Petits poèmes en prose») Б.; полное их собр. вышло в свет после смерти поэта, в 1869, в 4-м т. В *Б-ке Т.*, по-видимому, было это изд.: сохранился т. 5, заключающий в себе пер. Б. из *Э. По* с его предисл. «Edgar Poe, sa vie et son oeuvre» (уцелела лишь вступит. ст. Б.). О том, что Т. знал тв-во Б., свидетельствует и ответ Т. на письмо *Е. Т. Свеиниковой* (янв.–фев. 1882), по-видимому, составившей каталог франц. авторов, — Т. дополнил ее список именем Б.

Исследователи указывают на жанровую связь между «Маленькими стихотворениями в прозе» Б. и «*Стихотворениями в прозе*» («Senilia») Т. (*Алексеев М. П., Алексеева Н. В. С. 473–474*). Жанровая близость двух поэтич. циклов просматривается уже в авторских предисловиях; Б. в посвящении «Маленьких стихотворений в прозе» А. Уссе указывает, что каждое из них может восприниматься читателем независимо от общего целого (Там же. С. 473), как и Т. в обращении к читателю советует ему читать «*Стихотворения в прозе*» не «сподряд», а «враздробь: сегодня одно, завтра другое» (Там же. С. 125). Однако сопоставления отдельных «стихотворений в прозе» Б. и Т., делавшиеся неоднократно, не представляются убедительными, речь может идти только об отдаленном сходстве отд. мотивов у франц. и рус. писателей — и более всего о жанровой (и до известной степени стилистической) близости (Там же. С. 474).

Лит.: Пумпянский Л. В. Тургенев и Флобер // *Т. Сочинения*. Т. 10. С. 18; Алексеев М. П., Алексеева Н. В. <Вступит. статья к примеч. к «Стихотворениям в прозе»> // *ПССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 473–474; Богдинович Нана. Покушај једне књижевне паралеле. Тема у прози И. Тургенева и Ш. Бодлера // *Летопис Матице српске*. Нови Сад, 1950. Кн. 375. Св. 6. С. 562–574; Балашов Н. И. Стихотворение в прозе — открытие на все века // *Бертран Алоизиос*. Гаспар из тьмы. М., 1981. С. 274–280; Шарль Бодлер об искусстве. М., 1986.

Л. А. Балыкова.

БОТКИН Василий Петрович (1811–1869), литератор, очеркист, критик, переводчик, родился в семье крупного моск. чаоторговца. Б. учился в моск. частном пансионе, где получил хорошее знание языков. Там же пробудился у него интерес к гуманитарным наукам. Историю живописи и архитектуры, теорию музыки, лит-ру европ. стран изучал самостоятельно и среди своих друзей считался знатоком всех видов иск-в. В конце 1830-х Б. стал членом кружка *Станкевича*, а в 1840-х — *Белинского*; Б. печатался в ж. «*Телескоп*» и «*Молва*», «*Московский наблюдатель*»; с 1839 Белинский привлек Б. к участию в *ОЗ*, где были напечатаны его ст.: «Итальянская и германская музыка» (1839), «Шекспир как человек и лирик» (1842). В перв. пол. 1840-х воззрения Б. отличались особым радикализмом. В ст. «Германская литература» (1843) изложено нач. брошюры Энгельса «Шеллинг и откровение». Симпатии Б. вызывали и работы *Л. Фейербаха*, что нашло отражение в ст. «История древней философии» (1842). В журн. *Совр* Б. напечатал цикл очерков «Письма об Испании» (1847–1849, 1851), «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» (1855) и др. К эт. времени Б. отошел от увлечения радикализмом и проповедовал «бесконечное» и «вечное» в иск-ве (см.: Стихотворения А. А. Фета // *Совр*. 1857. № 1. Отд. III. С. 1–42).

Т. познакомился с Б. в 1842, а в 1845 совершил с ним совместное путешествие по *Франции*. К началу 1850-х Т. и Б. не только друзья, но и во многом единомышленники. Переписка между ними началась, очевидно, во втор. пол. 1840-х, но письма Б. известны только начиная с 1851, а Т. — с 1855. В своих письмах Б. — коренной москвич — рассказывал о лит.-обществ. жизни втор. столицы, в частности, — о последних днях жизни, смерти и похоронах Гоголя (см.: *Боткин и Т.* С. 17–21).

Значительное место в переписке Т. с Б. занимает обсуждение проблем эстетики и актуальных явлений лит. процесса того времени. И тот и другой в своей деятельности считали себя последователями *Белинского*. В отличие от Т. Б. на дис. *Чернышевского* «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) откликнулся весьма положительно, соглашаясь с тем, что теперь природа стала фундаментом иск-ва. Впоследствии выяснилось, однако, что Б. существенно расходился с *Чернышевским* в понимании социальной функции иск-ва. Поэзия — «прозрение в сокровеннейшую сущность вещей, т. е. действительности» — писал Б., — но это постижение действительности, с его точки зрения, будет поэтическим только в том случае, если поэт сольет-

ся с природой и будет творить в бессознательном порыве. Б. призывал Т. безотчетно радоваться своему существованию: «...будь хоть на краткое время растением. <...> вот где высочайшее счастье человека, — тогда вся жизнь его организма преобразуется в поэзию» (*Боткин и Т.* С. 62, 95–96). В ответных письмах Т. настаивал на важности соблюдения принципа ист. и социальной достоверности в изображении действительности и утверждал, что только те произв. будут жить в веках, к-рые связаны с текущей жизнью об-ва.

Б. внимательно следил за творч-вом Т. Известны его положит. отзывы о «*Записках охотника*», о «*Фаусте*», о «*Дворянском гнезде*» (*Боткин и Т.* С. 101–103, 159–160) и критич. о «*Призраках*», «*Довольно*» и «*Собаке*» (Там же. С. 192, 194, 202 и др.). В п. к *Фету* (8 (20) марта 1860) Б. подробно писал о «*Накануне*». Эту пов. он «прочел с наслаждением» и добавлял: «Я не знаю, есть ли в какой повести Тургенева столько поэтических подробностей, сколько их рассыпано в этой» (*ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 287). Отзыв Б. об «*Отцах и детях*» неизвестен, однако в п. к *К. К. Случевскому* Т. отметил: «До сих пор Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения, только два человека — Достоевский и Боткин» (*ПССиП(2).* П. Т. 5. С. 59). По поводу «*Дыма*» Б. сообщил Т., что «по всему заметно, что повесть возбудит много толков» (*Боткин и Т.* С. 264).

Обмениваясь мнениями о произв. рус. писателей того времени, Б. и Т. сходились в оценке *Островского*, *Фета*, *Некрасова*, *Л. Толстого*. В письме от 26 сент. (8 окт.) 1866 Б. проанализировал слабые и сильные стороны незавершенного ром. *Гончарова* «Обрыв», отметив при этом «неясность концепции главного характера», с чем был согласен и Т. (см.: Там же. С. 239, 242). Творч-во *Писемского* вызывало разногласия: Б. считал его писателем-натуралистом, а Т. ценил умение автора «Старой барыни» создавать «литературный рисунок». Расхождение в жизненных позициях и лит. пристрастиях между Т. и Б. стали сказываться уже в конце 1850-х. Так, 31 окт. (12 ноябр.) 1857 Т. писал *П. В. Анненкову* из *Рима*, где тогда жил и Б., что в «его характере есть какая-то старческая раздражительность — эпикуреец в нем то и дело пищит и кинет; очень уж он заразился художеством». Подводя итог жизни Б., Т. писал: «Литература для него все-таки отзывалась чем-то вроде бунта» (*ПССиП(2).* П. Т. 10. С. 72; об эволюции воззрений Б. см.: *Егоров Б. Ф.* С. 3–22). Узнав о кончине Б., Т. с горечью воскликнул: «Товарищем меньше!» и добавил: «Человек был замечательный: несмотря на многие недостатки — русский тип» (*ПССиП(2).* П. Т. 10. С. 72, 71). В наст. вр. известны 78 писем Т. к Б. (1855–1869) и 81 письмо Б. к Т. (1851–

1869); опубл.: *Боткин и Т* (письма Т. к Б. см. также: *ПССУП(2)*). П. Т. 1–10).

Соч.: *Боткин В. П.* Соч.: В 3 т. СПб., 1890–1893; В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.; Л., 1930; И. С. Тургенев и В. П. Боткин // *Т. Переписка*. Т. 1. С. 349–399.

Лит.: *ПССУП(2)*. П. Т. 3. С. 268; Т. 5. С. 59; Т. 10. С. 71, 72; *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 287; *Фет. МВ*. Ч. 1. С. 323; Ч. 2. С. 196; *Гутьяр Н. М.* И. С. Тургенев и В. П. Боткин // *Гутьяр*. С. 285–300; *Измайлов Н. В.* Письма В. П. Боткина. Из писем В. П. Боткина к Белинскому // *Литературная мысль*. Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 190–191; *Пруцков Н. И.* В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40–60-х гг. XIX ст. // *Уч. зап. Грозненского пед. ин-та*. 1947. Филолог. серия. Вып. 3. С. 90–105, 132–133; Письма к А. В. Дружинину (1850–1863). М., 1948. С. 35–60 (Летописи ГЛМ. Кн. 9); *Егоров Б. Ф.* Боткин — критик и публицист // В. П. Боткин. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 3–22, 269 и др.

Е. И. Кийко.

БРОНЬ Татьяна Ильинична (1927–1965), рус. текстолог, тургеновед, участник перв. Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах (М.; Л.: Наука, 1960–1968), а также Вып. 1–2 «Тургеневских сборников», где ею были напечатаны две ст. Талантливый текстолог, хорошо знающий исп., англ. и франц. языки, Б. участвовала в подготовке сотен наиболее сложных и плохо сохранившихся писем Т. к П. Брюэр, опубликованных в *ПССУП(1)*. Смерть прервала ее работу над письмами Т. к Ч. Дильку (см.: *ПССУП(1)*). П. Т. 8–9).

Соч.: *Бронь Т. И.* 1) Испанские цитаты у Тургенева // *Т Сб.* Вып. 1. С. 303–312; 2) Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // Там же. Вып. 2. С. 324–334.

Лит.: <Некролог> Т. И. Бронь // *Т Сб.* Вып. 3. С. 408.

Н. С. Никитина.

<**БРОШЮРА** по поводу либеральных демонстраций 1879 г.>, неосущ. замысел Т., связ. с чествованием его в февр. — марте 1879 в *Москве* и *Пб.* 27 марта (8 апр.) 1879, т. е. через неск. дней после возвращения в *Париж*, Т. сообщал об эт. замысле *М. М. Стасюлевичу*, отвечая отказом на его просьбу написать письмо в *ВЕ*: «...по зрелом соображении, я как бы благодарственного и объяснительного письма в „Вестник“ Е-вропы» не напишу. Во-первых — я настоящего дела все-таки не буду в состоянии сказать — а во-вторых — выходит штука немножко слишком торжественная, словно я потентат какой. Я решился <...> напечатать здесь по этому поводу брошюру — которая, надеюсь, пройдет беспрепятственно в Россию». Возможно, покушение *А. К. Соловьева* на *Александра II* 2 (14) апр. 1879 в известной мере предредило судьбу замысла Т., хотя 4 (16) апр. он, уже зная о покушении, уведомлял *Стасюлевича*: «Принимаюсь за брошюру». А в письме к *П. В. Анненкову* от 12 (24) апр. 1879, упоминая «массу любопытных документов», к-рые

«вывез из России», и делясь мыслями на их счет, предвосхищал, вероятно, содержание задуманной брошюры. Однако прямых подтверждений тому нет.

Лит.: Громов В. Месяц в столицах. Орел, 1995. С. 123–125.

Н. С. Никитина.

БЮРТИ (Bury) Филипп (1830–1890), франц. искусствовед, журналист, коллекционер. Один из авторов парижского обозрения «La République Française», автор кн. «Les Chefs-d'œuvre des arts industriels» (1866), «Eaux-fortes de Jules de Goncourt» (1875), «Maîtres et Petits Maîtres» (1877); в 1878 издал письма Э. Делакруа (*Зильберштейн И. С.* Тургенев и художник В. В. Верещагин // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 310–311).

Б. связывали с Т. добрые отношения. В окт. 1878 Т. напоминал изд. *Ж. Этцелю* о своей просьбе послать Б. свои соч., опубликованные во Франции — за исключением «Дворянского гнезда», «Дыма» и «Записок охотника», к-рые Б. уже имел (п. к *Ж. Этцелю* от 22 сент. (4 окт.) 1878). По просьбе Т. Б. написал ст. о парижской выставке картин В. В. Верещагина «Русский художник Василий Верещагин» (*Le peintre russe Basile Véréschaguine // La République Française*. 1879. 29 déc.) (*Cahiers*. N 16 (1992). P. 63–64). В единственном дошедшем до нас письме Т., адресованном Б. (от 25 дек. (6 янв.) 1880), рус. писатель благодарил Б. за отзыв о живописи Верещагина и посылал ему от имени худ-ка этюд «Шпион» (п. хранится в *Музее Т. в Буживале*) (*Ibid*. P. 64). В том же письме Т. просил Б. способствовать его знакомству с лит. критиком «La République Française» П. Ареном, к-рому он намеревался послать для отзыва франц. пер. ром. Л. Н. Толстого «Война и мир». Вскоре Б., едва ли не единственный из франц. критиков, напечатал в своей газ. хвалебный отзыв на выставленную благодаря хлопотам Т. в галерее *Зедельмейера* картину А. И. Куинджи «Ночь на Днепре» (*ПССиП(1)*. П. Т. 13. Кн. 1. С. 426). Инициатором эт. ст. также был Т. (*Зильберштейн И. С.* Тургенев и художник В. В. Верещагин. С. 331).

Л. А. Балькова.

БЮФФЕ (Buffet) Луи Жозеф (1818–1898), франц. политич. деятель, чл. Франц. академии. В 1848 адвокат Б. был избран в Законодат. собр., где заявляет о себе как убежденном противнике респ., голосует за Луи Наполеона и во времена его правления делает политич. карьеру — дважды занимает посты министра сел. х-ва и торговли, впоследствии становится кандидатом от оппозиции, покинув мин-во вместе с О. Барро, по просьбе главы кабинета министров возвращается в мин-во. Перейдя к концу наполеоновского правления в оппозицию, после провозглашения респ. оказывается избранным председ. Законодат. собр. (1872–1875), с февр. 1875 по февр. 1876 Б. — министр внутр. дел и вице-президент Законодат. собр. Потерпев поражение на выборах 1876, уходит в отставку.

Сторонник жесткой финансовой политики, исполнявший одно время обязанности министра финансов, Б. зарекомендовал себя как сторонник крайних мер в отношении печати, образования и др. законодательных инициатив.

Т. внимательно следил за дебатами между монархистами и республиканцами в Законодат. собр. Третьей республики (см. п. от 5 (17) дек. 1875 к П. В. Анненкову, того же дня к М. Е. Салтыкову и др.), неизменно отрицательно оценивая деятельность Б. Симпатизируя кандидатам-республиканцам (Л. Гамбетта, Ж. Симоу и др.), он высказывает удовлетворение результатами выборов в Сенат, во время которых Б. был забаллотирован, а из 300 депутатов лишь 40 оказались банапартистами. «Особенно приятен щелчок, данный банапартистам и г-ну Бюффе», — пишет он П. В. Анненкову 23 янв. (4 февр.) 1876.

Соч.: Notices sur la vie et les travaux du comte Daru («Comptes rendus de l'Académie des sciences morales», 1893).

Н. В. Васильева.

ВАКСЕЛЬ Платон Львович (1844–1918), муз. критик, коллекционер. Сын художника-карикатуриста Л. Н. Вакселя. В собр. В. находились письма Т. к его отцу, «Мои воспоминания о Тургеневе» Э. К. Лунгарта и его же рис. «И. С. Тургенев на смертном одре». Коллекция В. перешла к его приемному сыну Э. П. Юргенсону, приумножившему собр. и в 1918, перед отъездом, продавшему его Наркомпросу, откуда «Коллекция В.-Ю.» поступила в Публичную б-ку.

Лит.: Найдич Э. Э. Автографы русских писателей в собрании П. Л. Вакселя // Сборник ГПБ. Л., 1955. Т. 3; Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. СПб., 1995. Т. 1 («Юргенсон Э. П.»).

М. Д. Эльзон.

ВАРЛАМОВ Константин Александрович (1848–1915), рус. актер, сын композитора А. Е. Варламова. Обладал замечательным комедийным дарованием. Современники называли его «царем русского смеха». Перв. исполнитель роли Большинцова в ком. Т. «Месяц в деревне» на сцене Александринского театра в Пб в бенефис М. Г. Савиной в 1879. В своих восп. актриса, отмечая непонимание товарищей по сцене, с коим она столкнулась при постановке ком. Т., в то же время выделяла отношение к работе В., к-рый, как она признавалась, «на первой же репетиции пленил меня своим Большинцовым».

Роль Большинцова стала весьма значимой в творч-ве В. Он сыграл ее и в спектакле

Александринского театра в 1903 (реж. Санин), когда *М. Г. Савина* уже исполнила роль не Верочки, а Натальи Петровны. В. «играл Большинцова не просто глупым человеком, а таким, который очень давно, еще будучи мальчиком, остановился в своем умственном развитии, да таким и остался навсегда» (см: *Бруштейн А. Я.* Страницы прошлого).

Блистательным актерским достижением В. стала и роль помещика Шпуньдика в ком. Т. *«Холостяк»* в спектакле, поставленном на сцене *Александринского театра* в 1882. В.-Шпуньдик и *В. Н. Давыдов-Мошкин* составили выдающийся актерский дуэт. Не будь героя В., «никто не знал бы так много о чувствах Мошкина, об их мере и глубине. Варламов как бы отражал эти чувства в своем Шпуньдике. Вторил Мошкину, как в песне, мелодия которой становится звонче и душевнее от подпевающего отголоска» (см.: *Кара*. С. 53).

Лит.: Беляев Ю. Д. Мельпомена. СПб., 1904. С. 42; *Бруштейн А. Я.* Страницы прошлого. М., 1952. С. 285; *Кара С. С.* Варламов. Л., 1969.

Е. В. Проц.

ВАСИЛЬЕВА (в зам. Танеева) Надежда Сергеевна (1852–1920). Дочь *Сергея Вас.* и *Ек. Ник. Васильевых*. Перв. исполнительница роли Верочки в спектакле по пьесе Т. *«Месяц в деревне»* на сцене *Малого театра*. Спектакль состоялся 13 янв. 1872 в бенефис *Е. Н. Васильевой*, матери В. Спектакль успеха не имел, но актерская работа В. была благосклонно отмечена критиками, как бы предвещающая будущий триумф *М. Г. Савиной* в роли Верочки на сцене *Александринского театра* в 1879.

Лит.: Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960.

Е. В. Проц.

ВЕНЕЛИН Юрий Иванович (псевд.; наст. фам. Хуца; 1802–1839), филолог-славист, выдающийся исследователь истории, языка и фольклора болгар. В 1830 был командирован в *Болгарию* Академией наук для изучения фольклора и быта народа. Род. в сев. *Венгрии*, учился в дух. семинарии, 3-м на филос. ф-те Львовского ун-та, одновременно слушал лекции по истории. Оставив дух. звание, В. в 1825 переехал в *Россию*, закончил мед. ф-т *Моск. ун-та* (1825–1829). Тогда же издал 1-й т. своего знаменитого соч. «Древние и нынешние болгары, в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829–1841. Т. 1–2; 2-е изд. — 1856 с очерком Бессонова), экз. к-рого находился в *Б-ке Т.* (М., 1829. Т. 1). О В. Т. мог слышать из рассказов знавших его *Аксаковых*. Имя В. упоминается в ром. *«Накануне»* в сцене разговора Шубина и Инсарова в трактире: Шубин «веселился громче всех — и меньше всех. Он пил здоровье непонятого, но вели-

кого Венелина, здоровье болгарского короля Крума, Хрума или Хрома, жившего чуть не в Адамовы времена» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 205).

Лит.: Б-ка Т. Каталог. Ч. 1. С. 61–62.

С. Д. Симеонова.

ВЕРХНЯЯ ЗАРОЩА, сельцо *Мцен. у. Орл. губ.*, располагавшееся примерно в 4-х верстах от имения Т. на р. Зароще. Входило в приход ц. Преображения Господня с. *Спаского-Лутовинова*. Во втор. пол. XVIII в. В. З. владел бригадир Ал-др Степ. Протасов (1762–1792). После смерти Протасова сельцо было записано за его вдовой Ал-рой Максимовной, а потом малолетними детьми Степаном и Анной. С. А. Протасов умер в 1809, и единственной владелицей В. З. стала его сестра А. А. Протасова. Она вышла замуж за кн. *Ал-ра Серг. Меншикова*, поэтому исконное имение Протасовых сельцо В. З., начиная с 1814, значилось уже за Меншиковыми.

В «Камеральном описании города Мценска и его уезда» за 1832 записано: «Сельцо Зароща Верхняя с деревнями Гуциными владения полковницы княгини Анны Александровны Меншиковой <...> Лежит сельцо Зароща на берегу речки Зарощи и верха безымянного по течению оных на правой сторонах, деревня Гуцина на никуличьем верху по обе его стороны, в сельце Зароще княгини Меншиковой господский деревянный дом с регулярным садом и оранжереєю, грунт земли иловатый, на речке Зароще мучная мельница о трех поставах. Крестьяне состоят на пашне» (*ГАОО. Ф. 592. Оп. 1. № 80*).

С кон. 1830-х В. З. перешла во владение сына А. А. Меншиковой кн. ген.-лейт. *Вл-ра Александровича Меншикова*. С ним Т. был знаком, ему в *Баден-Баден* отправил письмо крестьян дер. Гуциной, в к-ром была изложена просьба прибавить полевых угодий или сдать на льготных условиях в аренду землю. *Е. М. Гаршин* в своих восп. о Т. писал: «Даже и на соседних меншиковских крестьян простирал Иван Сергеевич свою заботливость и вел об них переписку с князем Меншиковым, прося его сделать крестьянам какую-то земельную уступку, в восполнение их скудных наделов». Писатель помогал крестьянам править прошение, и черновик их письма с правкой Т. находится ныне в *ОГЛИМТ*. Ответ кн. *Меншикова* неизв.

Лит.: ПССиП(1). П. Т. 12. Кн. 2. С. 280, 290, 569; Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // ИВ. 1883. № 11. С. 394; Сборник статистических сведений по Орловской губернии Мценскому уезду. М., 1886; И. С. Тургенев. 1818–1883–1958. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексева. Орел, 1960. С. 608–611.

Л. В. Миндыбаева.

«**ВЕШНИЕ ВОДЫ**», 1) научно-лит. худож. журн., выходил в *Лб* с 1914 как «единственный в России большой русский» печатный орган студенчества — независимый от «всяких тенденций», «всякого полити-

канства». В пробном номере, к-рому предшествовал сб., того же назв., задача журн. была определена так: «Отражать на своих страницах жизнь, думы и творчество русского студенчества». Авторами, изд. и ред. были сами студенты. Эпиграфом к № 4 взяты любимые Т. слова *Пушкина*: «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум»;

2) изд. Орл. писательской орг-ции, основано в марте 1990 по инициативе Л. Ю. Моисеева, в след. году — изд. Союза писателей России, с № 12 (авг. 1991) — свободная лит. газ., выходит неперiodически. Ее перв. номер был открыт стих. в прозе Т. «Русский язык». В обращении к читателям гл. ред. писал: «Все порушенное, утраченное, забытое необходимо возродить, вернуть, вспомнить. Чтобы развивать дальше. Надеждой на это живут мыслящие, неравнодушные орловцы, в их числе и нынешние орловские писатели». Помимо их произв., «В. В.» публикуют ист.-лит. мат-лы в тематических вып., посвящ. юбилейным датам *Н. С. Лескова, А. А. Фета, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева* и др. писателей-классиков, связанных с Орл. краем. 175-тилетию со дня рождения Т. был посвящен № 38 (1993), 150-летию перв. расск. из «*Записок охотника*» — «*Хоря и Калиныча*» № 50 (1996).

Лит.: *Коробков В.* «Вешние воды» // *Орл Правда*. 1990. 29 марта. № 73. С. 4; *Громов В.* У истоков «Вешних вод» (Памяти Л. Ю. Моисеева) // *Вешние воды*. 1995. № 41. Март. С. 2–3.

В. А. Громов.

«ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ, драматическое представление в пяти действиях. Соч. Шиллера. Перевод Ф. Миллера...». Написано не позднее ноябр. 1843. Впервые опубли.: *ОЗ*. 1843. Т. 31. № 12. Отд. VI. С. 25–28. Авторство Т. подтверждается его собственными словами в п. к *А. В. Топорову* от 25 авг. (6 сент.) 1879 (в связи с вопросом о составе перв. тома в новом собр. соч.): «О Шиллере и Байроне я где-то писал (по поводу переводов) — но где? — теперь решительно не помню» (впервые указ. *Н. Л. Бродским*).

Увлечение Т. нем. идеалистич. философией и *Шиллером* относится к 1830-м. На рубеже 1840-х оно сменяется критическим осмыслением его творч-ва. Рец. Т. содержит характерные для демокр. критики нач. 1840-х суждения о «германском духе» и о творч-ве *Шиллера* как отражении нем. нац. сознания. По поводу пер. *Ф. Б. Миллера* Т. сделал ряд критических замечаний.

Лит.: *Бродский Н. Л.* Анонимная рецензия И. С. Тургенева // *Центрархив. Документы*. М.; Пг., 1923. Вып. 2. С. 102–103; *Ден Т. П.* Тургенев и Шиллер // *Фридрих Шиллер. Статьи и материалы*. М., 1966. С. 82–85; *ПССиП(2)*. Соч. Т. 1. С. 492–493.

Л. Н. Назарова.

ВИТАЛИ Иван Петрович (1794–1855), рус. скульптор. Основоположник рус. монументальной декоративной скульптуры. В 1806–1818 — ученик А. Трикорни, одновременно — вольноприходящий Академии худ-в.

В 1837 получил звание неклассного худ-ка, в 1840 — акад., с 1842 — проф. Академии худ-в. До 1841 жил в *Москве*, там им были сделаны осн. работы: композиция из камня для здания Опекунского совета, статуи и горельефы для Триумфальной арки в память *Отеч. войны 1812*, скульптурная группа на фронте здания Сиротского ин-та, композиция для фонтанов на Лубянской площади и др.

В 1841 создает бронз. горельефы на фронте Исаакиевского собора «Поклонение волхвов», «Святой Исаакий Далматский благословляет императора Феодосия» и «Христос, входящий в Иерусалим». Т. знал эти горельефы скульптора, особенно выделяя среди них последний. Кроме того, писатель посетил мастерскую В. (при Академии худ-в), где мог видеть также модели его скульптурной группы «Богородица с Христом и Иоанном Крестителем».

В перв. номере *Совр* за 1847 были опубл. «*Современные заметки*» Т., начинавшиеся с рассмотрения творч-ва В., к-рого он оценил «выше всех современных ваятелей» (*ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 283*). Гл. достоинства В.-скульптора составляют, по Т., «верный и здравый смысл, чувство истины и простоты» (Там же. С. 282). Называя В. «реалистом в хорошем смысле этого слова», Т. заключает: «...он действительно свободный художник: все его фигуры живы, человечески прекрасны <...>. Он в высокой степени одарен чувством меры и равновесия; его художественный взгляд ясен и верен, как сама природа. Никаких „замашек“, никакой манерности, никаких претензий, ни одной способности, развитой за счет других, — счастливая организация!» (Там же. С. 283).

Лит.: Тургенев И. С. Современные заметки // ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 281–284.

Л. И. Кузьмина.

«**ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ**», вперв. опубл.: *Т. Соч. 1869. Ч. 1. С. VII–XI*.

Оч. «Вместо вступления», открывающий собою цикл «*Литературных и житейских воспоминаний*» (первонач. загл.: «Вступление»), был написан в *Баден-Бадене* в 1868. Об этом свид-ет как помета на черновом автографе — «Б<аден>-Б<аден>. 1868», так и дата, проставленная в тексте перв. публ.

По первонач. замыслу «Вместо вступления» подготавливало читателя к восприятию собственно лит. восп. Т., к-рые должны были состоять, как указано на полях чернового автографа, из очерков: «Вступление. Плетнев. Гоголь. Белинский. Славянофилы. Последние времена». Об изменении первонач. состава цикла см.: *ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 323*.

Считая «нужным сообщить предварительно несколько данных», Т. излагал осн. факты своей биографии и объяснял причины, побудившие его продолжить образование за границей. Это было необходимо, так как очерк писался в 1867–1868, в период острой полемики по поводу «Дыма», в ходе к-рой критики обвинили автора ром. в отсутствии патриотизма, в неуважении к России и к рус. народу. Вследствие этих обстоятельств вступит. очерк приобрел черты политич. декларации. Отвечая критикам, Т. пояснял, что уехал из России, чтобы иметь возможность эффективнее бороться с врагом: «...враг этот был — крепостное право». «Под этим именем, — писал Т., — я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя аннибаловская клятва <...>» (Там же. С. 9). Т. напоминал читателям, что «Записки охотника», проникнутые рус. духом, были им написаны на Западе, и утверждал при этом, что «не написал бы» их, «если б остался в России». Возражая тем, кто противопоставлял Россию *Зап. Европе*, Т. писал, что слав. раса является «одной из главных ветвей индо-германского племени», поэтому нет никаких оснований не допускать воздействия эт. «родственного, однородного мира» на рус. народ. «Неужели же мы так мало самообытны, — восклицал Т., — так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой, — нашей, русской сути из нас не вывести» (Там же).

Е. И. Куйко.

ВОЕЙКОВ Александр Федорович (1778 или 1779–1839), поэт, переводчик, критик, журналист, издатель. В мемориальной *Б-ке Т.* сохранились ж. «Приятное и полезное препровождение времени», «Сын Отечества», ж. *Карамзина* «Вестник Европы», а также «Собрание образцовых русских сочинений и переводов...», в к-рых печатался В. Последнее изд. служило учебными книгами бр. Тургеневым в нач. 1830-х. Именно в это время, по-видимому, Т-ву его учителем росс. словесности было предложено (возможно, для заучивания наизусть) «Послание к С. С. Уварову» (1818) В. как пример стихотворного размера — гекзаметра:

Хочешь ли видеть мирное поле под жатвой богатой,
Слышать в гумне на току бой в лад цепов молотящих:
Здесь сквозь доски пила визжит, зацепляясь зубами;
Тут ковачи раз в раз бьют сталь, стуча молотами,
Там раздается лай псов по мхам, по холмам, по долинам.

(Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1821. Ч. 1. С. 294–302).

Много лет спустя, 12 (24) июля 1851, Т., желая сообщить *К. Н. Леонтьеву* «несколько замечаний о гекзаметре», обратился в числе прочих

к «Посланию к С. С. Уварову» как к удачному примеру «измененного» гекзаметра: «Воейков в следующем гекзаметре:

— 1 — | — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 —
Здесь сквозь | доски пила визжит, зацепляясь зубами,

сделал долгими первую и третью стопу» (*ПССиП(2)*. П. Т. 2. С. 99).

Имя в лит-ре В. приобрел стихотворным памфлетом «Дом сумасшедших» (1814), представляющим собой ряд эпиграмм на *Карамзина*, *Мерзлякова*, *Батюшкова* и др. известных в лит. кругу писателей, включая и самого В. «Сатира Воейкова быстро разошлась по всей грамотной России. От Зимнего дворца до темной квартиры чиновника она ходила в рукописных списках» (*Колбасин Е.* Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 260). Сатиру В. хорошо знали и в семье Тургеневых. В п. В. П. *Тургеневой* к Т. от 1 янв. 1841 имеется отсылка к «Дому сумасшедших»: «Теперь остается мне хлопотать устроить мой монастырь для себя... для себя... Чтобы ни о чем не хлопотать, разве о ботанике — и только. Сложить лапочки крестом — вот и всё». Ср. у В.:

Вот Жуковский! в саван длинный
Скутан, лапочки крестом,
Ноги вытянуты чинно,
Черта дразнит языком.
Ведьму видеть воображает
И глазком ей подмигнет,
И кадит и отпевает,
И трезвонит и ревет.

(*РСт.* 1874. Т. 9. С. 588).

В 1837 Т. видел В. в доме проф. русской словесности *Пб. ун-та П. А. Плетнева*, о чем впоследствии рассказал в «*Литературных и житейских воспоминаниях*» (1869), где дал и портрет В.: «...автор „Сумасшедшего дома“, Воейков, хромоногое и как бы искалеченное, полуразрушенное существо, с повадкой старинного подьячего, желтым припухлым лицом и недобрый взглядом черных крошечных глаз <...>» (*ПССиП(2)*. Сбч. Т. 11. С. 13).

С. Л. Жидкова.

ВОЕЙКОВ Н. П., поручик, владелец дома на Самотеке в *Москве*, к-рый 24 сент. (6 окт.) 1824 был куплен у него *В. П. Тургеневой* (*Самотеченский дом*).

Лит.: Летопись (1818–1858). С. 16.

Н. С. Никитина.

ВРЕВСКАЯ Юлия Петровна, баронесса (ур. Варпаховская; 1838, по др. источникам 1841–1878), в 19-летнем возрасте вышла замуж за ген.-

лейт. И. А. Вревского, служившего на Кавказе и там погибшего в 1858. Сестра милосердия в период *рус.-тур. войны 1877–1878*. Близкая знакомая Т. с начала 1870-х. В 1874 навестила писателя в *Спасском-Лутовинове*, где провела пять дней (с 19 по 24 июля). Посещение В. оставило, по словам Т., «глубокий след» в его душе. В. виделась с Т. и летом 1875 в *Карлсбаде*, где писатель проходил курс лечения. В 1870-х их встречи происходили также в *Пб* и в *Париже*. Велась деятельная переписка, т. к. В. не чужды были лит. и обществ.-полит. интересы. Узнав, что В. собирается посвятить себя деятельности сестры милосердия и отправиться на театр воен. действий, Т. писал ей 12 (24) мая 1877: «Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желая от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным <...>». Перед отъездом В. они встретились еще раз на даче у *Я. П. Полонского* в *Павловске* (близ *Пб*) (см.: *Ободовский*). Решение В. принять участие в воен. действиях на Балканах, очевидно, принято было ею не без воздействия Т., в частности образа Елены Стаховой из ром. «*Накануне*». Представляет большой интерес п. В. к Т. от 27 ноябр. (9 дек.) 1877 — о ее перв. болг. впечатлениях (*РЛ*. 1958. № 3).

5 (17) янв. 1878 В. заболела тяжелой формой сыпного тифа, заразившись от одного из больных, за к-рым она ухаживала в госпитале. Болела она всего четыре дня и похоронена была в костюме сестры милосердия около православного храма в г. *Бяла (Болгария)*. Т. узнал о кончине В., очевидно, из газет. 11 (23) февр. 1878 он писал *П. В. Анненкову*: «Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо. У меня около 10 писем, написанных ею из Болгарии». К тому же году относится стих. в прозе Т. «*Памяти Ю. П. Вревской*», в к-ром он пишет о ней и ее подвиге, а также о том, что «два-три человека тайно и глубоко любили ее». По предположению *М. П. Алексева*, Т. думал при этом и о самом себе.

Известны 50 писем Т. к В (1873–1877) и 10 писем ее к Т.

Лит.: *Ободовский К. П.* Рассказы об И. С. Тургеневе // *ИВ*. 1893. № 2. С. 359–360; *Д'Акарени Стоян Сен-Жан (Заимов Стоян)*. Светите места на признательна България. Ч. 1. Пьерво издание. София; Плевен, 1912. С. 58; *Зайцев Борис*. Жизнь Тургенева. 2-е изд. Париж, 1949. С. 207–210; *Назарова Л. Н.* 1) Об одной корреспондентке Тургенева // *Нева*. 1958. № 3. С. 210; 2) И. С. Тургенев и Ю. П. Вревская // *РЛ*. 1958. № 3. С. 185–192; 3) Юлия Вревская // *Нева*. 1958. № 5. С. 222; 4) Подвиг русской патриотки // *Советский Красный крест*. М., 1960. № 6. С. 9–10; 5) Картина из Плевена // *Работница*. М., 1963. № 12. С. 24; 6) Подвиг сестры милосердия // *Звезда*. 1978. № 3. С. 198–205; то же сокращенно: Герои Шипки. Сб. М., 1979. С. 355–369 (ЖЗЛ); 7) Тургенев и его современники. 3. Новое письмо Ю. П. Вревской к Тургеневу // *Т. Вопр биогр и творч (1982)*. С. 141–143; *Велчев В.* Тургенев в Болгарии (Вторая половина XIX века). София, 1961 (Родишник на Софийския ун-т. 1959–1960. Т. 54. Вып. 3. С. 716–717, 722–726, 734–735); *Плуки П. И.* Постановка и решение женского вопроса в русской литературе XIX века // *Уч. зап. Рязанского пед. ин-та*. 1964. С. 98–110, 115; *Брайнина Б.* На старой Планине. М., 1967. С. 367–375, 380–381; *Шишманова И.* 1) Бяла по време на Освободителната вой-

на. Бяла, 1977. С. 10–12, 20; 2) Музей Освободителна война. Бяла. София, 1976. За-
лы 6, 7 и 8 (на болгарском языке); *Zviguilsky T. A propos d'un centenaire: une correspondante
de Tourguénev, la baronne Vrevskaïa (1841–1878) // Cahiers. N 2 (1978). P. 22–38;*
Нарочницкая Л. И. Россия и национальное движение на Балканах. 1875–1878.
К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1979. С. 38, 86–87; *Проску-
ровская Ю.* Сестра милосердия // Комсомольская правда. 1988. 20 мая. № 117
(19217). С. 3.

Л. Н. Назарова.

«ВСТРЕЧА», неизв. стих. Т., к-рое он в 1842 хотел опубликовать и по
этому поводу 30 апр. (12 мая) 1842 писал *Алексею А. Бакунину*: «Взду-
малось мне поместить в „О<течественных> з<аписках>” — „Встречу”
(казака и горца)... но в моей тетради всё так перемарано — что я ниче-
го не разберу. Перепишите, отец, да пришлите». Однако стих. в печати
не появилось.

Н. С. Никитина.

ВЯЛКИНСКИЙ Капитон Иванович, уездный казначей в г. *Козельске*,
Калужской губ. Оставил дневниковые записи о пребывании Т. в эт. го-
роде. В одной из них сообщается: «Вчера на нас навалилась невероят-
ная радость: приехал на охоту Иван Сергеевич Тургенев и по добрым
советам остановился у меня. Выбрал комнатку на балконе, хотя я и рад
был зал предоставить. Собеседник он хороший, человек невзыскатель-
ный, любит выспрашивать, особливо об охоте». Через неделю В. писал:
«Тургенев шесть дней охотился, приходил поздно, уходил чуть свет,
так что мы его почти и не видели. Вели беседы, да накоротке. Хвалит
наши места. Говорит: они густы дичью, да и красотой не обижены».

Эти сведения об охоте Т. в козельских местах подтверждаются
и письмом писателя к *С. Т. Аксакову* от 17 (29) окт. 1852, в к-ром сооб-
щается: «Я ездил за тетеревами в Козельск и Жиздру <...>». Дом В.
в *Козельске* сохранился — ныне он под № 48 на ул. пионера Н. Сенина
(старинный особняк с мезонином, отмеченный мемориальной доской).

Лит.: *Анисимов Н. Н., Сорокин В. Н.* Козельск. Тула, 1967. С. 69–71.

Л. Н. Назарова.

ГАНЖУЛЕВИЧ Таисия Яковлевна (1880–1936), критик, литературо-
вед, автор первой книжки, целиком посвященной «*Запискам охотни-
ка*», др. исследований и ст. о Т., одну из к-рых послала 5 окт. 1933
М. Горькому: «Она дополняет и исправляет сказанное мною когда-то
в моей книге: „Общественное значение «Записок охотника» И. С. Тур-
генева” (издана в 1908 — встречена была хорошими отзывами в мос-
ковской печати и за границей в Германии) (*ИМЛИ*. Архив А. М. Горь-
кого. КГ-П. 19.1.10). *М. О. Гершензон* указал на фактические ошибки
и в то же время поддержал цель Г.: путем анализа рассказов и очерков

«со стороны содержания и формы выяснить их гуманитарно-воспитательное значение» (ВЕ. 1908. № 11. С. 334). А. А. Фомин также отметил «скудость историко-литературного багажа» автора, но приветствовал сам факт появления труда, посвященного «всецело подробному рассмотрению» цикла (ИВ. 1909. № 4. С. 332–333). «Давно уже ощущается необходимость целой книги, посвященной знаменитым рассказам Тургенева», — констатировал С. Ашевский (М. Н. Столяров) в «Современном мире» (1909. № 2. Отд. II. С. 162). Свой строгий разбор «критических приемов г-жи Ганжулевиц», книжка к-рой, в общем, «составлена торопливо и небрежно», он закончил ссылкой на имеющиеся «в ней прекрасные страницы, написанные под влиянием искреннего увлечения художественными достоинствами рассказов Тургенева и выдающейся ролью их в истории русского просвещения» (С. 164).

Соч.: «Записки охотника» И. С. Тургенева. СПб., [1908]; Крестьянство в русской литературе XIX века. СПб., 1913 (глава о Тургеневе).

В. А. Громов.

ГАНС (Hans) Эдуард (1797–1839), нем. ученый, проф. права и истории Берлинского ун-та, автор ряда соч., из к-рых наиб. известным является «Наследственное право в историческом его развитии» (Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung. Berlin, 1823–1829. 3 Bde). В 1838–1839 Т. слушал у Г. курс философии истории, составленный по одноименному соч. Гегеля. По-видимому, Т. посещал и имевшие огромный успех публичные лекции Г. на тему «Новейшая история, от времени заключения Вестфальского мира».

Будучи представителем философского направления в юриспруденции и истории, Г. излагал не столько историч. события, сколько философский взгляд на них. Один из слушателей Г. вспоминал: «Когда он говорил о значении нашей эпохи, о Мирабо, о Наполеоне, он становился поэтом-философом; глаза его блистали, вся наружность принимала вид вдохновения, и речь лилась в дивных образах» (Неверов. С. 47). В некрологической ст., посвященной Г., товарищ Т. по Берлинскому ун-ту Я. М. Неверов высоко отозвался о значении Г., назвав его «проповедником науки» и «представителем общественного мнения Германии». Здесь же он привел нек-рые биографич. сведения о Г. и оставил его выразительный портрет: «...человек средних лет, довольно полный, с черными, как смоль, кудрявыми волосами, с черными, живыми, необыкновенно выразительными и пронизательными глазами, с румянцем на щеках <...>. В 6 часов вечера или в 12 утра он, бывало, медленно идет из университета по липовой аллее <...>, окруженный толпой студентов, расспрашивающих его о том, что преимущественно их заняло на его лекциях <...>» (Там же. С. 48–49).

В этой же ст. Неверов рассказал о похоронах Г., состоявшихся 6 или 7 мая 1839: «...в день погребений университет явился к усопшему маской, со всеми преподавателями и учащимися. <...> В 8 часов утра дви-

нулся печальный поезд, предшествуемый хором музыки и певчих — отличие небывалое в протестантской столице, где воспрещена всякая уличная процессия, но на этот раз полиция сделала уступку общему желанию; за музыкой печальная колесница; за ней гроб, несомый избранными студентами, а за гробом до 1000 человек приглашенных и неприглашенных, по два в ряд, в черных платьях; по бокам их, в некотором друг от друга расстоянии, студенты в треугольных шляпах с эшарпами чрез плечо, с жезлами в руках, для соблюдения порядка, и, наконец, бесконечный ряд экипажей. <...> На кладбище могли войти только приглашенные и студенты. После умиленного хора „Христос мое прибежище“ <...> старшина богословского факультета профессор-пастор Маргейнеке, личный друг усопшего, произнес над гробом сильное и трогательное слово, в котором прекрасно охарактеризовал покойного <...>» (Там же. С. 50–51).

Как следует из п. *В. П. Тургеневой* к Т. от 28 мая 1839 («...хоронили профессора, и ты там был <...>»), Т. также присутствовал на похоронах Г. Впоследствии Т. не однажды вспомнил Г. Так, в п. к *М. Д. Хмырову* от 8 (20) окт. 1868 он назвал Г. в числе учителей, «влияние которых оставило наибольшие следы». В 1876 в «*Автобиографии*», вспоминая о годах своего студенчества, Т. писал: «В то время Берлинский университет мог похвалиться именами Бёка, Цумпта, Ранке, Риттера, Ганса и мн. др.» (*ПССУП*(2). Соч. Т. 11. С. 204). Ранее, в п. к *Н. В. Ханыкову* от 17 (29) дек. 1871, Т. назвал Г. вместе с *Риттером* «самым красноречивым преподавателем в ту эпоху Берлинского университета».

Лит.: *Неверов Я.* Эдуард Ганс // *ОЗ*. 1839. Т. 4 (Июнь). Отд. II. С. 39–51.

С. Л. Жидкова.

ГАРШИН Евгений Михайлович (1860–1931), брат *В. М. Гаршина*, литератор, журналист, историк лит-ры, критик, педагог, автор воспоминаний о Т. Заочное знакомство Т. с ним и его матерью началось в середине 1870-х и было всецело связано с литературными и житейскими заботами старшего по возрасту писателя о младшем собрате по перу — *Всеволоде Гаршине*. Посредническая роль Г. не исчерпывает, однако, его собственных взаимоотношений с Т., представляющих самостоятельный интерес. Еще студентом Харьковского ун-та он гостил летом 1881 в *Спасском-Лутовинове*, где познакомился с хозяином и с его друзьями — супругами *Полонскими*. Через год он приехал туда же вместе с ними в роли домашнего учителя их детей, привез в тургеневскую деревню свою мать и посылал из Кукуевки, *Миценска* и *Орла* корреспонденции в газету «*Голос*» о железнодорожной катастрофе между станциями *Чернь* и *Бастыево* на границе *Тульской* и *Орл. губ.* Больной Т. читал эти скорбные репортажи в *Буживале* и в ответ на сетования *Ж. А. Полонской* по поводу долгого отсутствия домашнего учителя писал ей 25 июля (6 авг.) 1882: «Так как раскопки теперь у Бастыева пре-

кратились — прекратится и корреспонденция — и Гаршин снова вернется под сень Спасского, и Аля <сын Полонских. — В. Г.> не будет без призора». После смерти Т. и еще до его похорон Г. телеграфировал из *Пб* 8 сент. 1883 *Н. А. Щепкину*: «Можно ли приехать снять виды Спасского и внутренности дома» (*Музей Т. О. ф. Инв. № 245*). С 13 по 17 сент. Г. вместе с фотографом *Г. В. Карриком* работали «в опустелом навсегда деревенском доме», в усадебном парке и его окрестностях, чтобы запечатлеть эти места. В перечне трудов Г., приложенном к автобиографии (1924), помимо воспоминаний о Т., значилась работа «И. С. Тургенев в его отношениях к Всеволоду Гаршину». Судьба этой ст., предназначенной для *Лит Мысли*, неизвестна.

Соч.: В имени И. С. Тургенева // *Нива*. 1883. 15 окт. № 42. С. 1001–1007; Воспоминания об И. С. Тургеневе // *ИВ*. 1883. № 11. С. 378–398; Как писался «Рядовой Иванов» // *Солнце России*. 1913. 23 марта. № 13; То же в кн.: *Современники о В. М. Гаршине*. Воспоминания. Саратов, 1977. С. 32–35.

Лит.: *Громов В. А. И. С. Тургенев и Е. М. Гаршин // Т. Вопр биогр и творч (1990)*. С. 115–122.

В. А. Громов.

ГРАНОВСКИЙ Тимофей Николаевич (1813–1855), выдающийся рус. ученый и обществ. деятель, проф. всеобщей истории в *Моск. ун-те* (1839–1855). Т. познакомился с ним в 1835, когда они оба были студентами *Пб. ун-та*. В 1836–1839 слушал лекции и занимался в б-ках *Берлина*, *Праги* и *Вены*. В 1838–1839 Т., Г. и *Н. В. Станкевич* слушали лекции в *Берлинском ун-те* (см. Автобиографию Тургенева: *ПССиП(2)*). *Соч.* Т. 11. С. 204), встречаясь также в *Берлине* в салоне *Н. Г. и Е. П. Фроловых*.

Т. высоко ценил Г. не только за его знания в области лит-ры, но и за его убеждения, к-рые во многом разделял. Письма Т. к Г. содержат сообщения о лит. новостях (трудах нем. историков и писателей), о посещении берлинского театра, об итал. впечатлениях. В письме из *Пб* от 4 (16) дек. 1839 Т. сообщал Г. о *Гоголе*, к-рый читал 2 и 3 гл. из «нового романа», т. е. из «Мертвых душ». Знаменательно подробное и взволнованное письмо Т. о смерти *Н. В. Станкевича* от 4 (16) июля 1840 с приведением отрывка из письма *А. П. Ефремова* к Т.

Вероятно, Т. присутствовал на защите магистерской диссертации Г. в *Моск. ун-те* 21 февр. (5 марта) 1845 (*Летопись (1818–1858)*. С. 102).

В 1850-х Т. и Г. находились в России. Т. часто бывал в *Москве*, где встречался с Г. у общих знакомых, в частности в лит. салоне гр. *Е. В. Салиас*. Рассказы Т., вернувшегося из-за границы, где он был свидетелем *февр. революции 1848* и последующих за ней событий, представляли большой интерес для Г. и его кружка (*Феоктистов (1929)*. С. 1). Из писем *Феоктистова* известно, что Г. восхищался крит. статьями и рец. молодого Т. Так, 14 (26) янв. 1852 *Феоктистов* сообщал Т., что его ст. о ром. *Евг. Тур «Племянница»* одобрили «Грановский и по-

том Галахов, и некоторые другие». «...Гранов<ский> самый жаркий защитник теперь Вашей критики», — писал *Феоктистов* автору 18 февр. (1 марта) 1852 (см.: *Письма Феоктистова*. Ч. 1. С. 193, 201). Статьи и рец. Т., в частности о сб. «Поэтические эскизы», читались и в доме самого Г., к-рый, как и др. представители прогрессивного западничества, после смерти *Белинского* возлагал определенные надежды на Т. как на лит. критика.

Публичные лекции Г. по истории при *Моск. ун-те* имели необычайный успех. Т. неизменно отмечал демократизм ученого и писал, что напрасно иные дивились «силе и обширности влияния его на людей». По убеждению Т., «разгадка этой тайны весьма проста; она вся заключается в самой личности Грановского», к-рый «был доступен во всякое время, не отталкивал никогда никого. Проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования, — он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого, кто хотел образоваться и просветиться...» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 327). В письмах к друзьям 1850-х Т. особенно интересовался мнением Г. о своих произв. («*Постоялый двор*»), просил *П. В. Анненкова* передать Г. перв. часть ром. «*Два поколения*», оставшегося незаконченным. Отзывы Г. о худож. произв. Т. неизвестны.

Неожиданная смерть Г. потрясла Т. Он откликнулся на нее некрологом ст. «*Два слова о Грановском*», написанной в форме письма к редакторам *Совр* (1855. № 11).

Позднее в ром. «*Накануне*» (1860) имя Г. благоговейно упоминает один из героев Т. — Берсенеv в разговоре с Еленой Стаховой: «Какое же может быть лучше призвание? Помилуйте, пойти по следам Тимофея Николаевича... Одна мысль о подобной деятельности наполняет меня радостью и смущением <...>» (гл. IV).

Известны 4 письма Т. к Г. (1839–1840) и 2 письма Г. к Т. (1839).

Лит.: *Леонтьев К.* Тургенев в Москве // *РВ*. 1888. № 3. С. 266; То же: *Леонтьев*. Т. 6. Кн. 1. С. 729; *Майков Л.* Воспоминания И. С. Тургенева о Н. В. Станкевиче // *ВЕ*. 1899. Т. 1 (Янв.). С. 5–8, 10, 13, 17–18; *Назарова Л. Н.* 1) К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853 годы) // *Вопросы изучения русской литературы XIX–XX веков*. М.; Л., 1958. С. 163, 165; 2) И. С. Тургенев и Т. Н. Грановский // *Т. Переписка*. Т. 1. С. 50–52; *Житова*. С. 68; *Громов В. А.* Земляки. Литературный очерк (О знакомстве и совместной деятельности Тургенева и Грановского) // Орловский комсомолец. 1963. 4 сент.; *Журавлева Л. С.* <Коммент. к автобиографическому комплексу «Мемориал»> // *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 352, 354; *Громов В.* Здравствуй, город Тургенева! Литературные очерки Орла. Тула, 1967. С. 33–42 и по указ. имен; *Ланский Л. Р.* Неизвестные письма И. С. Тургенева // *Изв ОЛЯ (АН СССР)*. 1968. Т. 27. Вып. 1. С. 47–48; *Дмитриев С. С.* Грановский и Московский университет // Грановский Тимофей Николаевич. Библиография (1828–1967). М., 1969. С. 12–14; *Кийко Е. И.* <Коммент. к ст. «Два слова о Грановском»> // *ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 499–502; *Летопись (1818–1858)*. С. 27, 102, 207, 447 и по указ. имен; *Письма Феоктистова*. Ч. 1–2, по указ.

Л. Н. Назарова.

ГРЕВС Иван Михайлович (1860–1941), историк-медиевист и лит-вед, автор изв. работ о связях Т. с культурой зап.-европ. стран, а также неизд. трудов «Тургенев в моей жизни», «Спасское и Россия в творчестве Тургенева (Очерки из истории его мирозерцания)» и др. Родился в имении своего отца близ с. Лутовинова Бирючинского у. Воронежской губ. и впоследствии даже полагал, что у него были и общие предки с Т., с детства гордился тем, что дер., где он рос, имела назв., одинаковое со втор. частью назв. усадьбы писателя. Рано познакомился с его произв. — «еще в период лутовиновского детства» — и навсегда остался приверженцем созданных им худож. ценностей: «Тургенев — один из самых моих любимых среди родных писателей, с самого отдаленного моего детства, через отрочество и юность во всю мою жизнь до старости. Я люблю его, восхищаюсь им, наслаждаюсь его словом, образами и мыслями, почитаю его как верного учителя правды и красоты» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. № 267. Л. 1). Был, по его словам, «покорен „Новью”», в которой «не только замечательно изображен бюрократический мир, но прекрасно поняты иллюзии революционеров. И надо всем царит искание истины, понимание трагедии и неослабевающая любовь» (Там же. Л. 2 об.). Вместе с др. гимназистами горячо аплодировал любимому худ-ку слова в 1878, когда «произошло очищение вины по отношению к нему», совершился справедливый «акт всеобщего признания и восторженной благодарности» (Там же). Лично для себя Г. уже тогда не имел более глубокого и сильного желания, чем «стать когда-нибудь его биографом и снять с его образа и его памяти ту грязь, которою запачкала его наша нынешняя бессмысленная критика» (Там же. Л. 5 об.). Из мотивов «тургеневолюбия» совершил в авг. и сент. 1928 вместе с Н. П. Анциферовым и Т. Б. Лозинской «путешествие в черноземную полосу», побывал на родине любимого писателя — в Орле, Мценске, Спасском-Лутовинове. Это было «идейное паломничество» к «дорогому для всякого просвещенного русского человека культурному гнезду», духовное погружение «в эти места по стопам И. С. Тургенева: он никогда не мог предпочесть величественные красоты Европы своим смиренным, но милым орловским уголкам» (Там же. № 236. Л. 1–27).

Соч.: Тургенев и Италия (Культурно-исторический этюд). С приложением литературной справки «Тургенев и Петербург». Л., 1925; М. П. Драгоманов о Тургеневе (Из вновь найденных материалов) // Былое. Л., 1925. № 3. С. 113–130; И. С. Тургенев в письмах к Полонскому // А. Ф. Кони. Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 136–161; История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1928; Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба) / Публ. В. А. Лукиной // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 387–451.

Лит.: Громов В. А. «Спасское и Россия в творчестве Тургенева» — неизданная работа историка и литературоведа И. М. Гревса // Спасский вестник. № 1 (1992). С. 73–79.

В. А. Громов.

ГРИНВАЛЬД Родион (Мориц-Рейнгольд) Егорович (1797–1877), ген.-адъютант, чл. Гос. совета, главноуправляющий гос. коннозаводством; коллега и сослуживец отца *Т. С. Н. Тургенева* по Кавалергардскому полку, командиром к-рого Г. был назначен в 1833. Происходил из древнего рода эстляндских дворян, сын майора Орденского кирасирского полка Егора (Ивана-Георга) Ивановича (1765–1817) и Анны-Христины (ур. фон Курсель; 1770–1842). Первонач. воспитание Г. получил дома. Про своего отца Г. говорит в своих «Записках», что он был человек «строго справедливый, верный, душою и телом преданный России... признававший необходимость изучения русского языка». В Кавалергардский полк поступил в 1813; во время похода в Белостоке (1814) Г. тяжело заболел тифом, и эскадронный командир *С. Н. Тургенев* с братом *Н. Н. Тургеневым* спасли его от неминуемой гибели, что наложило особый отпечаток на их будущие отношения.

Начальник Кавалергардского полка (до 1837), честный и преданный служака, сам Г. вызывал большой интерес не только у Т. Он мог бы рассказать Т. о событиях, свидетелем и участником к-рых был и на к-рые ощутимо влиял. Как известно, за участие в подавлении *декабристского восстания (1825)*, Г. удостоился личной царской милости. Кроме того, Т. живо интересовали события, связанные с *Пушкиным* и *Лермонтовым*. Все это придавало особую значимость их редким встречам. По свид-ву *В. Н. Житовой*, Г. в 1838 был постоянным гостем в доме *Линева в Пб* (см.: *Житова*. С. 27). *А. В. П. Тургенева* высылает для отдачи Г. деньги в *Берлин* (см.: *РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 42). Как видно, у *В. П. Тургеневой* были основания в связи с возвращением в *Пб* Г. предостеречь сына: «Не затейся ты по своему обыкновенью похвальному занимать у него деньги. — Я тебе объявляю, что копейки твоего долгу более не заплачу, пока жива» (Там же. № 97. Л. 15–16). В связи со смертью Г. Т. писал брату *Н. С. Тургеневу* 3 (15) янв. 1878: «Истекшая неделя была вообще для меня неделей похоронной: я узнал о смерти дяди, Гринвальда, потом Некрасова... Эти лица разным образом, но были связаны с моим прошлым...».

Лит.: *Саитов*. Петерб. некрополь; Сборник биографий кавалергардов / Под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. С. 3–4; *Житова*. С. 27.

Н. С. Никитина.

ГУБАРЕВО, с-цо Мценского у. Орл. губ., примерно в 2 км от *Спасско-Лутовинова*, входило в приход церкви Преображения Господня. В XIX в. в с-це Г. проживали помещики *Завацкие*, выходцы из Чернигов. губ. Они принадлежали к числу мелкопоместных дворян, имения к-рых окружали Спасскую усадьбу.

Лит.: *Аргамакова О.* Семейство Тургеневых (Отрывок из воспоминаний) // *ИВ*. 1884. № 2.

Л. В. Миндыбаева.

ГУТЬЯР Николай Михайлович (1866–1930), рус. лит.-вед. Окончил *Моск. ун-т*; преподавал в Оренбурге, Тарусе и Ялте, после 1917 — доц. Краснодарского пед. ин-та.

Г. принадлежит одна из перв. попыток создания научн. биографии Т. Его кн. «Иван Сергеевич Тургенев» состоит из ряда статей, печатавшихся с 1899 по 1904 и объединенных в 1907. Г. собрал и обобщил мн. известные к тому времени материалы, ввел в научн. оборот ряд новых фактов. Так, уже в перв. статье своей книги («Предки И. С. Тургенева») он впервые исследовал родословную Т. Совершенно новые факты были приведены Г. в гл. «И. С. Тургенев в ссылке». Он первым предположил, что некролог Гоголя («*Письмо из Петербурга*») был единственной юридической причиной ареста Т. Позднее эта догадка Г. была подтверждена в ст. Н. В. Дризена, написанной на основе документов Архива деп. гос. полиции, и публикации «Дела о помещике Иване Тургеневе, высланном из С.-Петербурга на родину в здешнюю Орловскую губернию под присмотр», сделанной А. Дуниным.

Одним из первых Г. также исследовал историю взаимоотношений Т. со своими современниками: *Фетом, Некрасовым, Толстым*, с ред. *Совр.*

Уже после изд. монографии Г. опубликовал еще неск. статей, посвящ. различным аспектам биографии писателя («Тургенев и семейство Виардо-Гарсиа», 1908; «Тургенев и его нелитературные друзья», 1909). Наконец в 1910 Г. создал перв. хронологическую канву биографии Т. Последующие биографии писателя разрабатывали и подтверждали документально мн. аспекты биографии Т., впервые освещенные Г. Работы Г. сыграли определенную роль и в изучении творч. истории нек-рых произв. Т. («*Записки охотника*», «*Дворянское гнездо*» и др.).

Соч.: Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. 400 с.; К биографии Тургенева // *РСт.* 1908. № 8. С. 10; Иван Сергеевич Тургенев и семейство Виардо-Гарсиа // *ВЕ.* 1908. № 8. С. 417–460 и др.

Н. М. Малышева.

ЕРОПКИНА Надежда Михайловна (1808–1895), дочь коллежского советника М. Н. Еропкина, друга и родственника *А. М. Тургенева*. Умная и образованная женщина, автор воспоминаний об *И. А. Крылове*. Была воспитательницей *О. А. Тургеневой*, рано потерявшей мать. Т. познакомился с Е. не ранее начала 1850-х. Послужила прототипом Капитолины Марковны Шестовой, тетки Татьяны, в ром. «*Дым*». Известно 1 письмо Т. к ней (1855) и 1, адресованное ей, *А. М. Тургеневу* и *О. А. Тургеневой* (1858).

Лит.: *Назарова Л. Н.* Тургенев и О. А. Тургенева // *Т Сб.* Вып. 1. С. 293; Воспоминания К. Я. Грота об О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной (К вопросу о прототипах персонажей «*Дыма*») // Там же. С. 300–302; Воспоминания Е. С. Иловайской (Сомовой) о Тургеневе / Публ. *Л. Н. Назаровой* // *Т Сб.* Вып. 4. С. 253, 256, 259.

Л. Н. Назарова.

ЖУРАВЛЕВ Дмитрий Николаевич (1900–1991), выдающийся мастер худож. слова, читал произв. Т., авторский «голос» к-рого, особенно «манера повествования» были ему близки (см. грамзапись Всесоюзной студии грамзаписи Мелодия: ГОСТ 5289-68).

Соч.: Жизнь. Искусство. Встречи. М., 1985. С. 60, 91, 187, 221–224.

Л. Н. Назарова.

ЗАВАЦКИЕ, помещики *Орл. губ.*, соседи Тургеневых по имению, выходцы из Черниг. губ., переселились в *Орл. губ.* в нач. XIX в. Примерно в 2-х верстах от Спасского в сельце *Губарево* проживало большое семейство З.: коллежский асессор Ив. Герас. Завацкий, его жена Мария Никифор. Завацкая и их дети: Владимир, Николай, Аркадий, Михаил, Александр, Глафира, Олимпиада, Анна, Елизавета.

И. Г. Завацкий умер примерно в одно время с *И. И. Лутовиновым*. В сельце *Губарево* продолжала жить его вдова с детьми и внуками. Она скончалась в 1840-е, и сельцо перешло во владение ее сына, чиновника 14-го класса Ал-дра Ив. Завацкого, имевшего жену Елиз. Степ-ну и неск. детей. С представителями многочисленного семейства З. наверняка были знакомы *В. П. Тургенева* и сам Т.

О З. упомянула в своих мемуарах *О. В. Аргамакова*: «Любимым занятием ее <В. П. Тургеневой. — Л. М.> было пчеловодство и разведение дворовой птицы. В известный час она выходила их кормить, и все пернатые сбегались к ней по колокольчику. На эту приманку налетало также много ворон. Один раз казачок, присутствовавший при кормлении, принялся усиленно отгонять их.

— Зачем ты гонишь их? — спросила она его.

— Затем, — ответил сметливый мальчик, — что это вороны не наши, а гг. Завацких».

Лит.: *Аргамакова О.* Семейство Тургеневых (Отрывок из воспоминаний) // *ИВ.* 1884. № 2. С. 332.

Л. В. Миндыбаева.

ЗАГУЛЯЕВ Михаил Андреевич (1834–1900), журналист, беллетрист, переводчик, мемуарист. Участвовал в боевых действиях против англ. эскадры во время *Крымской войны* в качестве офицера; по выходе в отставку занялся журналистикой. Печатал в разл. период. изд. в основном политич. обозрения (*Сын Отеч.*, *СПбВед.*, *Голос*, *ОЗ*, *Заря*, *Journal de St-P* и др.), сотрудничал в иностр. газ., переписывался с изв. деятелями Запада (*Гарibaldi*, *В. Гюго* и др.). За одну из публикаций в *Indépen Belge* был сослан в 1870 в Петрозаводск (*Штакеншнейдер*. С. 413–416). Автор рассказов, ист. драм, романов, в основе к-рых обычно ист. либо документ. материал (ром. «Русский якобинец», 1883; ист. драма «Королева Анна Ярославна» (незаверш.) и др.). В 1861 выпустил

в свет пер. «Гамлета» Шекспира со своим предисл., в к-ром писал: «Положим, что нашей критике некогда, что ее занимают другие, более важные вопросы, как, например, разбор сочинений Марка Вовчка; но из этого еще не следует, что Шекспир и его „Гамлет“ не стоят внимания». Возможно, зд. содержится намек на изд. в 1859 в Пб кн. М. А. Маркович с «<Предисловием к переводу „Украинских народных рассказов“ Марка Вовчка>» Т. (ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 332), к-рый был и переводчиком. Не исключено, что к пер. «Гамлета» З. обратился под впечатл. от речи Т. «Гамлет и Дон-Кихот», прочит. в зале Пассажа 10 янв. ст. ст. 1860 и напеч. в *Совр* (1860. № 1. С. 239–58; ПССУП(2). Соч. Т. 8. С. 171–192).

Имя З. появляется в переписке Т. в связи с откликом на неизв. письмо Я. П. Полонского, в к-ром он предупреждал писателя о неблагоприятном впечатлении, произведенном его «<Предисловием и послесловием к очерку И. Я. Павловского „En cellule. Impressions d'un nihiliste“ („В одиночном заключении. Впечатления нигилиста“)» (вперв. опубл. во франц. газ. *Le Temps*. 1879. 12–25 nov.; ПССУП(2). Соч. Т. 10. С. 362). По сопоставлению с п. к П. В. Анненкову от 13 (25) ноябр. 1879, где Т. писал: «На меня в Питере (в самых высших кружках) страшно озлобились за мое предисловие, в кото-

ром я, однако, объявил, что нисколько не разделяю образа мнений гг. революционеров <...>», можно заключить, что Полонский сообщил Т. мнение, переданное ему З. Перв. реакция на предостережение З. была у Т. резко отрицательной. «...Никакой „великой глупости“ я не сделал — назло г-ну Загуляеву (тому самому г. Загуляеву, который с таким примерным постоянством ругает меня в „Journal de St-Petersbourg“), — писал Т. Полонскому 10 (22) ноябр. 1879 и, явно рассчитывая на передачу своих слов, отмежевываясь от революционеров, объявляя себя «либералом династическим, который никакой другой возможной реформы не признает, как реформы, исходящей сверху».

«Великой глупостью», как следует из письма Т., назвал публикацию именно З., предупредив, очевидно, Полонского, что у писателя могут быть сложности со въездом в Россию. Через неск. дней Т. сообщил Анненкову в уже цит. письме, что рус. посол в Париже кн. Н. А. Орлов объявил ему, что он весьма испортил свое положение. Беспокойство и раздражение Т. было вызвано тем, что именно в это время он думал о возвращении в Россию после того приема, к-рый был ему устроен в Москве и Пб в февр. — марте 1879. Возможно, писателю запомнился иронич. отзыв З. о пребывании Т. в России в это время, появившийся в *Journal de St-P* (N 73 от 18 (30) марта 1879), где говорилось о постоян-

ной потребности публики испытывать восхищение по какому-либо поводу и о неск. запоздалом восхищении Тургеневым в связи с одним из его редких и кратких возвращений на родину. «Какой, подумаешь, выискался мне печальник и радетель в лице Загуляева! — писал Т. *Полонскому* 11 (23) дек. 1879. — Орлов не только никаких прещений мне не передавал, но расхохотался, когда я ему сказал, что он должен был предупредить меня *накануне* моего отъезда!». Очевидное несоответствие этих слов с тем, что Т. сообщал ранее *Анненкову* (в письме от 13 (25) ноябр. того же года), подтверждает, что предупреждение З. имело под собой реальные основания.

Н. П. Генералова.

ИЛЬИНСКАЯ Мария Васильевна (наст. фам. Мазурина), актриса *Малого* (с 1878), з-м *Александринского* (с 1882 до сезона 1892/1893) театров.

Сведений о личном знакомстве Т. и И. не сохр. Т. увидел актрису в роли Аннушки в спектакле «Лакомый кусочек» на сцене *Малого театра* (переделка В. Александрова (*Крылова*) франц. пьесы «Nos alliés»). Он писал М. Г. Савиной 24 апр. (5 мая) 1880: «...я сейчас из театра, где давали „Лакомый кусочек“. Ильинская, которая играла роль de l'ingénue, подражает Вам — и есть в ней небольшая искорка... но не более». Т. оказался совершенно прав в своей характеристике актерского дара И., к-рый вполне укладывался в рамки амплуа инженерно-комик. Это нашло подтверждение в 1881, когда И. сыграла роль Верочки в «*Месяце в деревне*» Т. Как писал Н. Г. Зограф, «прекрасная в первых актах, когда передавала простоту и непосредственность Веры, Ильинская оказалась бесцветной в последующих драматических сценах, требовавших изображения большого чувства силы, душевной стойкости» (*Зограф Н. Г.* Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 340). Сведения о том, что Т. видел эту работу И., отсутствуют.

Позднее, узнав о возможном переводе И. в *Пб*, Т., понимая, что делается это с намерением дирекции имп. театров передать ей какие-то роли *Савиной* в целях экономии и, конечно же, для создания конкуренции, утешал *Савину*: «Говорят, Ильинская имела очень большой успех в Петербурге <Это были гастроли на сценах Павловского и Ораниенбаумского театров. — Е. П.>. Сколько я ее помню — она ни в каком случае Вам не соперница».

Е. В. Проц.

КАДМИНА Евлалия Павловна (1853–1881), оперная и драм. актриса. Училась в Моск. консерватории в классе А. Д. Александровой-Кочетовой, а также в классе декламации и сценич. иск-ва, к-рый вел артист *Малого театра* И. В. Самарин, ученик М. С. Щепкина. К. окончила консерваторию в 1873 и в том же году поступила в труппу *Большого театра*. В сезоне 1873–1876 пела на сцене *Мариинского театра* в *Пб*.

В течение 2-х лет жила в *Италии*, где совершенствовалась в мастерстве пения и выступала на сценах оперных театров Милана, Флоренции, Турина и Неаполя. Позднее К. работала в оперных антрепризах *И. Я. Сетова* в Киеве и *П. М. Медведева* в Харькове. Громадный талант певицы отмечал в свое время *П. И. Чайковский*, посвятивший ей романс «Страшная минута» на собственный текст.

К. с большим успехом исполняла партии Морозовой в «Опричнике» *П. И. Чайковского*, Вани в «Жизни за царя» («Иване Сусанине») и Ратмира в «Руслане и Людмиле» *М. И. Глинки*, Азучены в «Трубадуре», Амнерис в «Аиде» *Дж. Верди* и др.

19 дек. 1880 К. дебютировала как драм. актриса в роли Офелии в трагедии *Шекспира* «Гамлет» на сцене Харьковского драматического театра, обнаружив незаурядное дарование. В ее репертуаре — Катерина в «Грозе» *А. Н. Островского*, Василиса Мелентьева в одноим. пьесе *А. Островского* и *С. Гедеонова*, Маргарита Готье в «Даме с камелиями» *А. Дюма-сына*, Адриенна Лекуввер в одноим. пьесе *Э. Скриба* и *Э. Легуве* и др.

4 ноябр. 1881 К. приняла яд в антракте во время спектакля «Василиса Мелентьева», шедшего в тот вечер на сцене Харьковского драматического театра, и через 6 дней скончалась.

Т. не был лично знаком с К., а лишь, по собств. признанию, видел ее однажды. Он писал *Ж. А. Полонской* 20 дек. 1881 (1 янв. 1882): «Я, помнится, видел раз эту Кадмину на сцене (когда она еще была оперной певицей; у ней было очень выразительное лицо)». В эт. же письме Т. отметил «презамечательный психологический факт» — посмертную влюбленность магистра зоологии *В. Д. Аленецына* в К., прибавив, что «из этого можно бы сделать полуфантастический рассказ в роде Эдгара По».

И хотя Т. в большей степени знал об истории К. и *Аленецына* по рассказам *Ж. А. Полонской*, *М. Г. Савиной*, *Л. Ф. Нелидовой* (Маклаковой), она все более занимала его воображение как писателя. Превозмогая болезнь, он принялся за работу. Первонач. заглавие пов. «После смерти» Т., по настоянию *М. М. Стасюлевича*, заменил впоследствии на «*Клара Миллич*». В пов. Т. дал психологически точный портрет героини, в к-ром в полной мере отзываются черты не только внешности, но и характера К.: «Она была вся — огонь, вся — страсть и вся — противоречие: мстительна и добра, великодушна и злопамятна; верила в судьбу — и не верила в бога <...>; любила всё красивое, а сама о своей красоте не заботилась <...>, боялась смерти и сама себя убила!» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 10. С. 98).

ЛАФОНТЕН (La Fontaine) Жан де (1621–1695), франц. писатель, представитель ренессансной традиции, творивший в разнообразных жанрах (лирич. и сатирич. поэзия, драматургия, новелла, галантно-мифологич. роман и др.) и черпавший свое вдохновение в соч. таких авторов, как *Анакреон*, *Овидий*, *Гораций*, *Ариосто*, *Боккаччо*. Прославился как автор басен. Заимствуя сюжеты у своих предшественников (*Эзон*, *Федр*, *К. Маро*, *Ф. Рабле* и др.), Л. создал широкую панораму жизни и нравов своего времени, преследуя и дидактич. цели: он писал, что использует образы животных для наставления людей.

Басни Л. были излюбленным чтением в России в XVIII–XIX вв., породив многочисл. подражателей: примеру Л. следовали такие видные рус. баснописцы, как *Сумароков*, *Хемницер*, *Херасков*, *И. И. Дмитриев* и особенно *Крылов*, чьи басни вошли во все антологии отеч. поэзии как образец жанра.

В семье Т-вых басни входили в круг домашнего чтения. *В. П. Тургенева*, следуя воспитательным методам нач. XIX в., требовала, чтобы дети читали и заучивали басни наизусть: они забавны, поучительны и незаметно знакомят ребенка с окружающей жизнью. Кроме того, они служили для приобщения детей к иностр. языку. В семье обсуждался вопрос о том, кто является лучшим баснописцем в России (см.: Z*** <Майков Л. Н.> Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1874 г. // *РСт*. 1883. Т. 40. № 10. С. 202).

В мемор. *Б-ке Т.* сохр. неск. изд-й Л. Это, прежде всего, 2-хтомное собр. соч.: *Fables de la Fontaine*. Paris: L'imprimerie et la fonderie de Pierre Didot l'Aîné et de Firmin Didot. An VII, 1799. По-видимому, самим писателем было приобретено иллюстр. изд.: *Contes et nouvelles de la Fontaine*. Ed. illustré par Mm Tony Iohannot, Cam. Roqueplan. Devéria, G. Boulanger, Fragonard-père, Janet-Lange, Français, Laville. Ed. Vattier et Adrien Féart. Paris: chez Baudin et Cie éditeurs, 1839. До наших дней дошла лишь одна книжка изд.: *La Fontaine*. Romans du jours illustrés. Contes et nouvelles de la Fontaine, publiés par Gustave Havard. Dessins par Tony Iohannot et Devéria. Gravures par Brévier et Thompson (Т. I., s. a.).

В своих письмах и соч. Т. цитировал басни Л. «Лев и Крыса» (*ПССиП(1)*). П. Т. 12. Кн. 1. С. 289, 475), «Старик и Осел» (*ПССиП(2)*). Соч. Т. 12. С. 529, 546), «Басня о лисе и кошке» (Там же. Т. 10. С. 180), «Два голубя» (Там же. Т. 8. С. 267), «Верблюд и поплавки» (Там же. П. Т. 4. С. 85, 417). Несомненно, он знал и др. произв-я франц. классика, к-рого современники ценили за искренность поэтич. чувства, изящество формы и остроумие. Впрочем, отмечали и чрезмерную откровенность иных сюжетов, характеров и положений, гривуазность тона сказок и новелл Л. В рец. на пер. трагедии *Гёте* «Фауст» Т. приводит стих из «Посвящения дофину» Л. (Там же. Соч. Т. 1. С. 199), опубли.

в указ. изд. басен Л. 1799 г. Без сомнения, Т. было известно муз. переложение басни «Дуб и трость», к-рое вошло в перв. сб. романсов *П. Виардо* (1843).

Гл. черты басенного наследия Л. — их самобытность и народность — в глазах Т. явл. характерными признаками нац. поэта. В ст. «*О современной русской литературе*» («*De la littérature russe contemporaine*») (1845) Т. сравнил Л. с *Крыловым*, назвав последнего «русским Лафонтеном», соединившим в себе «прозорливое простодушие и лукавый здравый смысл славян» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 12. С. 503, 510). Это сравнение Т. продолжил в ст. «*Крылов и его басни*» (1871): «Это единственный оригинальный баснописец, появившийся со времени Лафонтена. И если он не достиг неподражаемой грации своего французского предшественника, его удивительного, лукавого простодушия, то зато у него больше оригинальной выдумки, чем у Лафонтена» (Там же. Т. 10. С. 266, 268). Сходным образом Т. высказался в п. к *В. Рольстону*, назвав *Крылова* «одним из самых глубоко оригинальных наших писателей». Т. утверждает, что он — «единственный, кто мог бы стоять рядом с Лафонтеном, не уступая ему ни в чем» (Там же. П. Т. 9. С. 64, 262).

В посл. десятилетие жизни Т. обращается в своем творч-ве к жанру басни: известно 14 шуточных стихотворных *басен*, написанных на франц. яз. и не предназначавшихся для печати (см.: *Nouv. corr. inéd.* Т. 1. Р. 365–375). Герои басен Т. — короли, принцы, придворные, крестьянин и жандарм, языческие божества и представители животного мира. Басни Т. традиционно завершаются моралью, напоминающей поучения Л.

Лит.: Балыкова Л. А. 1) Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. С. 64–65; 2) Раблезианство Тургенева в его баснях, не предназначавшихся для печати // *Actes du Colloque. Le rire de Gogol et le rire de Tourguéniév.* Р., 2009. С. 77–79.

Л. А. Балыкова.

ЛЕНЦ (Lenz) Яков Михаэль Рейнгольд (1751–1792), выдающийся нем. поэт, драматург, переводчик, один из теоретиков движения «Бури и натиска». Родился в России, в семье пастора. В 1769 в Кенигсберге поступил на богословский ф-т и посещал лекции *Канта*. В 1771, находясь в *Страсбурге*, познакомился с *Гёте* и примкнул к кружку «бурных гениев». В 1780 выехал в *Пб*, потом в *Москву*, где умер в нищете. Был знаком с *М. Чулковым*, *Н. Карамзиным*.

В личной *Б-ке Т.* сохранилась кн. Л. «*Beethoven et ses trois styles...*», изд. в 1852. Несомненно, Т. был также знаком с напечатанным в 1777 драматич. отрывком Л., изображающим *Фауста* в аду. В ст., посвящ. нов. пер. «*Фауста*» *Гёте*, Т. писал о том, что, «кроме *Гёте*, *Клингер* и *Ленц*, его современники и друзья (если только у *Гёте* могли быть друзья), сочинили каждый „*Фауста*“. Они оба принадлежали к тому круж-

ку замечательных личностей, которые в то время группировались около Гёте и которых он так мастерски описал в своих „Записках”...» (*ПССыП(2). Соч. Т. 1. С. 205*). По мнению Т., то, «о чем так пламенно и так напрасно мечтал оригинальный, фантастический и насмешливый Ленц <...> далось одному Гёте» (Там же).

С. Д. Симеонова.

ЛУТОВИНОВ Алексей Иванович (1747–1796), двоюор. дед Т. со стороны матери, в 1757 был записан в Преображенский полк, в к-ром служил его отец, на службу явился в 1766. В 1767 во время следования имп. двора в *Москву* находился на ямской подставе в Яжелобичах. *Г. Р. Державин*, служивший тогда под началом поручика Л., характеризовал его как человека умного и весьма расторопного в своей должности, но, под влиянием старш. брата *П. И. Лутовинова*, нередко упражнявшегося «в зорных поступках и неблагопристойной жизни, то есть в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками» (*Державин. С. 293*). По утверждению *Державина*, распорядясь деньгами Л. по назначению, он спас его от суда, к-рому был предан *П. И. Лутовинов* (Там же. С. 294). Л. участвовал в турецкой войне 1768–1774. С 1770 «был в походе морем до Архипелагу, где находился до самого окончания войны неотлучно» (*ЦГВИА. Ф. Преображ. полка. Д. 581*). 24 нояб. 1773 *Екатериной II* был подписан указ: «За многотрудную и усердную в Архипелаге службу одного полку капитана-поручика Алексея Лутовинова в оный полк капитаном».

В янв. 1778 Л. вышел в отставку бригадиром и на нек-рое время поселился в *Спасском*. В арх. фонде Мценского уездн. суда хранится дело, заведенное в 1778 по жалобе священника Петра Иванова, к-рый по дороге в дер. Круговую повстречал «Мценского уезду помещиков: бригадира Алексея да секунд-майора Ивана Ивановых детей Лутовиновых <...>, из которых господин бригадир Алексей Иванов приказал <...> и начали его, священника, бить <...> бригадир же Алексей Иванов велел бить его, священника, до смерти и выговаривал людям своим, чтоб его, священника, приколоть». В ответ на эту жалобу Л. был вынужден составить не лишенный литературных достоинств ответ (возможно, при участии братьев), представляющий образец лицемерия и вызывающей самоуверенности. Признавая, что «в горячности по приказу моему один из имеющихся при мне служителей ударил его, попа, раз до пятнадцати езжалой плетью», Л. счел себя оклеветанным и обвинил пострадавшего в дерзком ответе на вопрос, куда он идет, предлагая в связи с этим судье разобраться, «кто именно к таковому злоумышленному оклеветанию его, священника, подучил, или по какой злобе сам он выдумал» (*ГАОО. Ф. 43. Д. 137*).

О лит. интересах Л. говорят книги с его автографами, хранящиеся в *Б-ке Т* (см.: *Библ Т. Каталог. Ч. 1. С. 58, 60, 66, 151–52*). Ему принадле-

жал и рукоп. перевод «Кандида» *Вольтера*, описанный Т. в пов. «*Фауст*» (1856) и в ром. «*Новь*» (1877).

Последние годы Л. был тяжело болен. В дек. 1796 бабка Т. *Е. И. Лутовинова*, утверждая наследств. права своей девятилетней дочери (*В. П. Тургеневой*), писала: «Родной мужа моего брат бригадир Алексей Иванов, будучи холост и находясь в параличной болезни безъязычным, живучи в Москве, возвратясь оттуда с братом своим секунд-майором Иваном Лутовиновым в село свое Среднее Спасское, прошедшего сентября 11 скончался <...>» (*ГАОО*. Ф. 43. № 13–14). Возможно, именно Л. (а не *И. И. Лутовинов*, как считал *Н. М. Гутьяр* — см.: *Гутьяр*. С. 14) был гл. прототипом Василия Ивановича Лучинова — героя «исторического этюда» «*Три портрета*» (1845), — к-рый «через два года вернулся в деревню, разбитый параличом, без языка» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 4. С. 107). На бывшей усадебной земле Л. в *Спасском* в нач. XIX в. его младший брат *И. И. Лутовинов* основал нов. усадьбу, выстроил дом, в к-ром среди фамильных портретов находился и портрет Л.: «мужчина в темно-зеленом мундире с красными отворотами (Преображенского полка), в парике» (*Каталог выставки 1909*. С. 88). В «*Трех портретах*» Т. описал мужчину «лет тридцати в зеленом мундире екатерининского времени с красными отворотами, в белом камзоле, в тонком батистовом галстуке. <...> Его смуглое худощавое лицо дышало дерзкой надменностью. Тонкие длинные брови почти срастались над черными как смоль глазами; на бледных, едва заметных губах играла недобрая улыбка» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 4. С. 83). Хотя образ Лучинова явл. собирательным (*Чернов*. С. 55), возможно, это описание дает представление о внешнем облике Л. *Ап. Григорьев* отмечал связь между образом Лучинова и образом Ивана Петровича Лаврецкого из ром. «*Дворянское гнездо*» (1858) (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 4. С. 573–574, коммент.).

Лит.: *Державин Г. Р.* Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // *Державин Г. Р.* Соч. / Сост. В. П. Степанова и Г. П. Макагоненко. Л., 1987. С. 293–295; *Чернов Н. М.* Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе (Комментарий к «Дворянскому гнезду») // *Спасский вестник*. № 5 (1999). С. 48–59.

С. Л. Жидкова.

ЛУТОВИНОВ Иван Иванович (1753–1813), двоюор. дед Т., дядя и крестн. отец *В. П. Тургеневой*, основатель спасской усадьбы. В послужном списке Л., составленном в 1774, значится: «Иван Лутовинов, от роду 21 год, за отцом его мужеска полу 1500 душ. Время вступления в службу — 1762, ноября 15 — в придворные пажы. Из пажей выпущен в полевой полк поручиком в 1771 году, марта 30». В составе Новгородского пехотного полка Л. участвовал в Первой турецкой войне. Оставался в действ. армии «до самого заключения с Оттоманской Портой мира». В 1778 вышел в отставку секунд-майором и поселился во Мценск. уезде. В эт. же году его имя появляется на стр. «Дела по сооб-

щению Мценского духовного правления в бое бригадиром Алексеем и майором Иваном Лутовиновыми попа Петра Иванова»: «...увидел он, священник, впереди себя <...> Мценского уезду помещиков: бригадира Алексея да секунд-майора Ивана Ивановых, детей Лутовиновых <...> из которых бригадир Алексей Иванов приказал, а секунд-майор Иван Иванов сам скочил с лошади и начали его, священника, бить <...> майор Иван Иванов из своих рук <...>» (*ГАОО*. Ф. 43. Д. 137). В дальнейшем Л. служил по гражд. части, занимая выгодные в денежном отношении должности — мценск. уездн. судьи (1779–1781), предводителя мценск. дворян. опеки (1778–1790), чернской дворян. опеки (1796–1798) и дослужился до чина надворн. советника. Получив в 1785 свою долю отцовского имения, Л. впоследствии присоединил к нему имения умерших сестры и брата, а з-м и часть имения троюродной тетки *Е. И. Неплюевой*. Кроме того, Л. ссужал деньги под проценты, что также способствовало росту его состояния — в 1804 за ним числилось уже 3000 душ.

Л. содержал крепостной театр и оркестр, а в нач. XIX в. им была основана нов. усадьба, центром к-рой стал огромный дом, роскошно обставленный, заполненный книгами, картинами, фамильн. портретами, среди к-рых было, по-видимому, и неск. портретов владельца усадьбы. Один из них появился на выставке «В память И. С. Тургенева» (1909): «Ив. Ив. Лутовинов <...> (в черном камзоле с белыми пуговицами и кружевным жабо)» (*Каталог выставки 1909*. С. 88). В наст. время местонахождение неизв.

8 дек. 1813 Л. скоропостижно скончался в своем мценск. доме, похоронен был в *Спасском*, в фамильном склепе. Спасскую усадьбу и принадлежавшие Л. имения в пяти губ. унаследовала его племянница, мать *Т. В. П. Тургенева*, о чем писатель упомянул в автобиогр. ром. «*Два поколения*», из к-рого сохр. и был опубл. отрывок «*Собственная господская контора*», где «висел на стене портрет напудренного старика в лиловом французском кафтане с стразовыми пуговицами, известного в свое время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, от которого она получила свое имение и которого она поставила себе в образец» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 7–8).

Наделенный природным умом и практич. способностями, Л. был достаточно образованным человеком. Среди принадлежавших ему книг в *Б-ке Т* — соч. *Вольтера*, «Размышления о греческой истории» *Мабли* и др. По всей вероятности, именно Л. принадлежала тетрадь, о к-рой Т. писал в 1869 *П. И. Бартеневу* (черн. автогр. письма): «Перебирая в прошлом лете старые семейные бумаги, оставшиеся в моем деревенском архиве, нашел и небольшую памятную книжку, в которую дед мой записывал все важнейшие происшествия своей жизни, все известия и слухи, доходившие до его захолустья, — словом всё, что ему казалось занимательным или полезным, начиная с рецептов для грудного декокта до стихов Державина, отрывков из реляций и замечательных просьб» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 10. С. 386). Входящие в эт. тетрадь «прось-

бы Оленина» *Бартенев* напечатал в перв. кн. *РусАрх* за 1870 под загл. «Образчик старинного крючкотворства». Предположения о том, что эт. тетрадь принадлежала «прадеду» Т. (как назывался владелец ее в окончат. варианте письма к *Бартеневу* от 18 (30) нояб. 1869) *И. А. Лутовинову* или деду *П. И. Лутовинову*, были признаны ошибочными, однако предложенный вместо них др. «владелец» (ходатай *И. И. Лутовинова* подпоручик *И. Соколов*) остается фигурой гипотетичной (*Чернов* (1977). С. 218–220).

В памяти современников Л. остался деспотичным, алчным и скупым человеком. *Ф. В. Расстончин*, бывший в *Орл. губ.* в 1804, тогда же писал о нем *П. Д. Цицианову*: «Я забыл, было, трех тысяч душ помещика *Ивана Ивановича Лутовинова*, скряги, коего жизнь есть 6-й акт комедии *Скупого* Мольера. Он для того не живет в совсем отделанном своем новом доме, что столяр его, отданный на выучку, не поспел, следственно и рам в окна сделать некому» (Девятнадцатый век. Ист. сб. 1872. Кн. 2. С. 57).

Впечатления Т. от ходивших о Л. легенд и преданий нашли отражение в «*Бежином луге*» (1851), в рассказе о бродившем на Варнавицах «старом барине», «покойном барине» «*Иване Ивановиче*» (*ЛССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 466). Романтическое же восприятие личности Л. отразилось, по мнению *Н. М. Гутьяра*, в пов. «*Три портрета*» (1846) в образе «*Василия Ивановича Лучинова*, умного, изворотливого, смелого до дерзости и человека без всякой нравственности...» (*Гутьяр*. С. 14). Л., бывшего, по восп. *Колонтаевой*, страстным охотником, Т. вспомнил в стих-и «Дед» (1847).

Лит.: *Богданов Б. В.* 1) Предки Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 349–351; 2) Спаское-Лутовиново. Путеводитель. Тула, 1977. С. 9–18; *Чернов Н. М.* 1) Лутовиновская старина // *ЛГ.* 1968. № 38; 2) Из разысканий о Тургеневе // *Т и его совр* (1977). С. 218–220; 3) *И. И. Лутовинов*, его дом и хозяйство // *Спасский вестник*. № 2 (1993). С. 35–44.

С. Л. Жидкова.

ЛУТОВИНОВ Петр Иванович (1743–1787), дед Т., отец *В. П. Тургеневой*. 8-ми лет был записан в Преображенский полк, где служил его отец, на службу явился в 1761. В 1767 во время следования имп. двора в *Москву* находился на ямской подставе в Зимогорье. *Г. Р. Державин*, служивший тогда в одном полку с Л., вспоминал о нем как о человеке «весьма развращенных нравов» и рассказывал, что по проезде двора в *Москву* были принесены жалобы «особливо на старшего Лутовинова в разных бесчинствах, а особливо в неотдаче ямщикам казенных денег <...>. Они были промотаны» (*Державин*. С. 293–294). В «Записках» *Державина* содержится рассказ о том, как он предотвратил перестрелку, к-рую едва не учинили Л. и его младший брат *А. И. Лутовинов* с командой под началом капитана Булгакова (Там же. С. 294–295). 28 апр. 1767 Л. был арестован, подвергнут суду за то, что, «презря военный артикул, употребил команду свою в неподлежащее до службы дело», а также другие, «офицеру непристойные поступки», и был вынужден

выйти из полка. 22 сент. 1769 Л. получил указ об отставке «капитаном поручиком гвардии» (Чернов Н. Лутовиновская старина // ЛГ. 1968. № 35).

В ГАОО хранятся документы XVIII в., свидетельствующие о самоуправстве и жестокости Л. Среди них «Дело По указу Орловского наместнического правления в бое капитаном Петром Лутовиновым на станциях ямщиков», заведенное по рапорту прапорщика Добродеева, к-рый жаловался: «Минувшего 1775 года декабря на 31 число проехал в Москву мценский помещик гвардии отставной капитан поручик Петр Лутовинов на пяти повозках и вез с собой неведомо каких людей, которому по данной от ямской конторы подорожной велено брать из Москвы до Мценска с возвратом только по две лошади, а он усиленно брал до пятнадцати, на Саловский же станции взял из курьерских девять да почтовых лошадей шесть и определенного на станции сержанта Шапошникова уграживал бить, а ямщиков на самой же той станции и дорогой бил нещадно и следуемых на две лошади прогонных денег ямщикам не платил <...>» (ГАОО. Ф. 43. Д. 368. Л. 9).

Создавая образ властного «дедушки» в рас. «Однодворец Овсяников», Т. мог пользоваться фактами биографии Л., содержащимися в документах «Дела о происшедшей лейб-гвардии капитан-поручика Петра Иванова сына Лутовинова людей и крестьян Малоархангельской округи села Верхососенье с однодворцами на спорной земле ссоре и драке и впоследствии смертном убийстве из однодворцев восьми человек»: «Прошлого 1776 года августа 13 дня ты, Родионов, с ливенским помещиком капитан-поручиком Петром Ивановым сыном Лутовиновым собравшись в многолюдстве человек до трехсот, с кем именно и с каким орудием на посеянную однодворцами в крепостных их дачах, состоящих близ верховья речки Топков, землю приходил и бывших на той земле показанного села Верхососенья однодворцев били и кололи и грабежи у них чинили <...>» (ГАОО. Ф. 43. № 78. См.: Балыкова, Молозева. С. 231–32). Архитектор В. А. Бакарев в своих «Записках» дополнил рассказ об эт. событиях следующими колоритными деталями: «Когда Лутовинов одолел, тогда собрал все мертвые тела и повез их в город Ливны; едучи туда через селение противников, зажег оное с обоих концов и кричал: „Я — бич ваш!“», хотя публикатор записок Л. В. Крестова считала, что речь шла не о П. И., а об Алексее И. Л. (Т и его время (1923). С. 315). Эта версия была опровергнута Б. В. Богдановым (см.: Т Сб. Вып. 5. С. 348, примеч. 14).

Еще при жизни отца Л. был выделен из семьи. Данные ему имения Топки и Долгое в скором времени были обременены долгами. Е. И. Лутовинова (ур. Лаврова), на к-рой Л. женился ок. 1785, обращаясь в Сенат в 1803, писала: «Жизнь мужа моего была образцом распутности, а вместе с тем и единственным всех зол моих источником, ибо по вступлении моем в брак не могла я еще осмотреться в сем новом состоянии, как он не в долгое время все мои вещи и серебро проиграл в карты, да до супружества еще отяготил незаконно имение долгами» (Там же.

С. 348–349). 2 нояб. 1787 Л. умер, не дожив 2-х месяцев до рождения дочери. Лишь семейные предания, бюст Л. на белой колонне, стоявшей в зале барского дома в *Холодове* (*Житова*. С. 103), да принадлежавшая ему кн. на франц. яз. «Зритель, или современный Сократ» (*Библиот. Т. Каталог*. Ч. 1. С. 7) напоминали *В. П. Тургеневу* и Т. об их отце и деде.

Лит.: *Державин Г. Р.* Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // *Державин Г. Р.* Соч. / Сост. В. П. Степанова и Г. П. Макагоненко. Л., 1987. С. 293–295; <*Бакарев В. А.* > Рассказ о Петре Ивановиче Лутовинове / Публ. и послесл. Л. Крестовой // *Т и его время* (1923). С. 315–316; *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 348–349; *Балькова Л. А., Молозева А. Т.* На родине Лаврецкого (К истории создания литературно-краеведческого музея в селе Топки) // *Т. Вопр биограф и творч* (1990). С. 231–232.

С. Л. Жидкова.

ЛЯСКОВСКИЙ Валерий Николаевич (1858–1938), рус. историк, филолог, журналист, переводчик. Сотрудник газ. «Русь» и *РусАрх*, где помещал свои биограф. очерки и воспоминания о деятелях рус. истории и культуры. Автор двух книг, принесших ему известность: «Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения» (М., 1897) и «Братья Киреевские. Жизнь и труды их» (СПб., 1899). С Т. знаком не был, но трижды встречался с ним в *Москве* зимою 1879 и в июне 1880: на студенческом представлении «Короля Генриха IV» *Шекспира* (18 февр. (2 марта) 1879), на чтении Т. рассказа «*Бурмистр*» (4 (16) марта 1879) и во время открытия памятника *А. С. Пушкину*. Об этом Л. рассказал в полустраничной заметке-воспоминании «Мои встречи с И. С. Тургеневым». Написанные в авг. 1912, через 30 с лишним лет после событий, о к-рых рассказывает автор, его воспоминания отмечены высокой степенью достоверности. Л. точно и емко характеризует Т как чтеца, кратко, но выразительно передает наиб. характерные психолог. черты его облика.

Соч.: *Лясковский Валерий.* Мои встречи с И. С. Тургеневым / Публ. С. А. Полозковой // *Т. Вопр биограф и творч*. (1990). С. 200–201.

Лит.: *Полозкова С. А.* Воспоминания В. Н. Лясковского об И. С. Тургеневе // Там же. С. 196–200.

Н. С. Никитина.

МИЛЛЕР Софья Андреевна (ур. Бахметева, во втор. браке гр. Толстая; 1825–1895), с 1858 жена гр. *А. К. Толстого*. По отзывам современников, женщина большого ума и образования, владела мн. иностр. языками. Состояла в переписке с *Ф. М. Достоевским*, *И. А. Гончаровым*, *А. А. Фетом* (посвятившим ей неск. ст-ний и перевод 2-й ч. «*Фауста*» *Гёте*, в редактировании к-рого она принимала участие), *Я. П. Полонским*, *Вл. С. Соловьевым* и др. Адресат изв. ст-ния *А. К. Толстого* «Средь шумного бала, случайно...», ставшего популярным романсом.

Т. познакомился с М., видимо, зимой 1851/1852 в *Пб*, о чем свидетельствует упоминание об их знакомстве в восп. *Л. М. Жемчужникова* (С. 50). Возможно, Т. был увлечен М., однако в начале их знакомства произошло недоразумение, о к-ром Т. вспоминал в п. от 6 (18) марта 1853 («...из числа счастливых случаев, которые я десятками выпускал из своих рук, особенно мне памятен тот, который меня свел с вами и которым я так дурно воспользовался»; «Мы так странно сошлись и разошлись <...>»; «Про вас мне точно сказали много зла <...>»). Т. высоко ценил «необыкновенный ум», «вкус», «грацию» и «наблюдательность» М., утверждая, что «с охотой доверял» бы и «подвергал суду» своей корреспондентки все, что его «занимает». О настойчивом желании возобновить и поддерживать переписку и отношения свидетельствуют 3 сохр. письма Т. к М. (1853) из *Спасского*, написанные в ссылке. Судя по п. Т. от 19 (31) мая 1853, М. высоко оценила одну из пьес Т. (возможно, «*Месяц в деревне*», рукопись к-рой Т. пытался позднее получить от нее), и он выказал готовность предоставлять на ее обсуждение те работы, которыми занимался в последнее время («...так как я предполагаю в вас столько же вкуса, как и ума»). Речь шла, очевидно, о пов. «*Постоялый двор*» и перв. части ром. «*Два поколения*».

Очевидно, в неизв. п. к Т. М. сообщала о том, что в судьбе ссыльного писателя большое участие принимает *А. К. Толстой* (скорее всего, по ее просьбе), т. к. в ответном п. от 19 (31) мая 1853 Т. посвятил ему прочувствованные строки благодарности, упомянув о том, что гр. *Толстой*, взявшись помочь ему, едва был с ним знаком. В след. п. (от 12 (24) окт. 1853) Т. ссылается на то, что писал к *А. К. Толстому* и тот, должно быть, показал письмо М. «Я знаю, что вы так же добры, как умны и милы — доброта звучит в вашем голосе и светится в ваших глазах». В эт. же п. Т. делится с М. своими муз. пристрастиями, готов оспаривать ее высокое мнение о *Ж.-П. Рихтере* и советует обратиться к античности — читать «*Одиссею*» *Гомера*.

Став женой *А. К. Толстого*, М. уделяла мн. внимания мужу, став перв. критиком его лит. произв-й, даже их редактором. Но ее высокая оценка творч-ва Т. не изменилась, что вызывало даже шутовское недовольство *Толстого*. Так, 3 (15) апр. 1872 он писал *А. М. Жемчужникову*: «Скажи мне что-нибудь о последней повести Тургенева <„Вешние воды“>, а особенно прочитай ее моей жене. Впрочем, что бы Тургенев ни написал, хотя бы: Гоп-гоп-гоп или кукреку, она умилился» (*Толстой А. К. Соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 401–402*).

У М. находилась «единственная копия» с автографа пьесы «*Месяц в деревне*», к-рую Т. тщетно пытался вернуть, чтобы восстановить искажения, внесенные «по повелению цензуры и „Современника“» (п. Т. к *Анненкову* от 14 (26) нояб. 1867), однако рукопись была утеряна М., очень об этом горевавшей.

В 1875 Т. встретился с М. и *А. К. Толстым* в *Карлсбаде*, где был устроен лит.-муз. вечер 1 (13) июля в пользу моршанских погорельцев, од-

нако М. на нем не присутствовала. 2 (14) июля 1875 Толстой подробно описал жене концерт, организованный им и Т.

Письма М. к Т. не сохранились.

Лит.: Жемчужников Л. Мои воспоминания из прошлого / Вступит. ст. и примеч. С. А. Бахрушина. М., 1927. Вып. 2. С. 50; *Матвеева Е.* Несколько воспоминаний о графе А. К. Толстом и его жене // *ИВ.* 1916. № 1. С. 162–178; *Ямпольский И. Г.* А. К. Толстой // Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1963. Т. 1. С. 8–9.

Л. Н. Назарова.

МИРБЕО (Mirbeau) Октав (1848–1917), франц. прозаик, драматург, журналист, обществ. деятель. В перв. сб. новелл «Письма из моей хижины» («*Lettres de ma chaumière*», 1886) он противопоставил эпизоды суровой сельской жизни поэтич. картинам «Писем с моей мельницы» *А. Доде*. В ром. «Голгофа» («*Le Calvaire*», 1886) М. изобразил крушение идеалов бурж. молодежи, потерявшей в годы *Франко-прусской войны* веру в разумность окружающей действительности. Автор «соц. ром.», М. в таких произв., как «Аббат Жюль» («*L'Abbé Jules*», 1888), «Себастьян Рок» («*Sebastien Roch*», 1890),

«Сад пыток» («*Le Jardin des Supplices*», 1888), в пьесах «Дурные пастыри» («*Les Mauvais bergers*», 1897), «Очаг» («*Le Foyer*», 1908) и др., выступил как блестящий сатирик, враг военщины и католической церкви, неустанно разоблачавший пороки бурж. об-ва (История французской литературы. М., 1959. Т. 3. С. 300–308). Его активная поддержка *Э. Золя* в «деле Дрейфуса» выразилась в его выступлениях, публ. в газ. «*L'Aurore*», «*Le Temps*» и др.

8 сент. 1883 в N 8 газ. «*Les Grimaces*» был напечатан некролог М. на смерть Т. Собственные впечатления от встреч с рус. писателем, несомненно, отразились в описании его внешнего облика: «Это был добродушный великан, с выражением лица одновременно простым и исполненным значительности; возраст мало-помалу сгорбил туловище этого Геркулеса. Его окладистая белая борода и яркие голубые глаза оставляли незабываемое впечатление мягкости. Спокойное колыхание его груди дышало гениальностью, силой и красотой. Он любил все утонченное, возвышенное и благородное» (*Cahiers*. N 22 (1998). P. 89). В оценку творчества Т. М. привнес свойственное ему неприятие совр. франц. действительности, утверждая, что «мужественная красота» творений Т. «не соответствовала фривольному духу современников» (*Ланский*. С. 688). М. сравнивает Т. с одним из «маяков», «светлые души которых бодрствуют над вихрем сует и бурями рекламы». М. выражает

надежду, что будущие поколения оценят бессмертные создания Т., в к-рых они «найдут отпечаток его могучей руки и лучезарной души», «шедевры искусства, извлеченные из диких источников чуждой нам жизни, в которых он <Т. — Л. Б.>, однако, сумел выявить все элементы человеческой правды» (Там же).

Соч.: *Mirbeau O. Tourguéneff // Les Grimaces. 1883. 8 sept. N 8. P. 337–340; Idem. Cahiers. N 22 (1998). P. 89–90.*

Лит.: *Ланский Л. П. Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева // ЛН. Т. 76. С. 688.*

Л. А. Балыкова.

НАДАР (Nadar) Гаспар Феликс (наст. фам. Турнашон (Tournaçon); 1820–1910), франц. литератор, фотограф, аэронавт. Отличался разносторонними интересами. Оставил после себя ряд пов. («*Quand j'étais étudiant*», «*Le miroir aux alouettes*» и др.), явился основателем сатир. ж. «*La Revue comique*» (1849), был карикатуристом в таких периодич. изд., как «*Charivari*», «*Journal pour rire*», с успехом занимался фотографией, в нач. 1860-х построил огромный воздушный шар «Гигант», отличился во время *Франко-прусской войны*, возглавив особую бригаду аэронавтов.

Н. выполнил ряд фотографий знаменитостей своего времени, среди к-рых был и Т. Известны многочисл. отпечатки со снимка, сделанного Н. в 1878 (возможно, и ранее Т. посещал фотосалон Н. в *Париже* на ул. Анжу, 51) (письмо *Г. Флобера* к Т. от 22 сент. 1874: *Flaubert / Tourguéneff. Corr. P. 157*). Среди корреспондентов Т., получивших отпечатки с эт. фото с дарственным автографом писателя, — *Л. Н. Толстой*, *Ж. А. Полонская*, *Б. А. Чивилев*, *С. Джеррольд* и др. Судя по письму Т. к *Ж. А. Полонской* от 1, 4 (13, 16) янв. 1882, он оценил качество работы Н.-фотографа: «Надеюсь выслать Вам через несколько дней хорошую свою карточку». По эт. фотографии *Г. Шперенберг* выполнил гравированный портрет Т. для некролога в «*Illustrierte Zeitung*» 15 сент. 1883 (см.: *Ланский Л. П. Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева // ЛН. Т. 76. С. 695*).

26 янв. 1880 Т. обратился к Н. с письмом, в к-ром рекомендовал ему молодого д-ра *Симонова* для усовершенствования в иск-ве фотографии. Два письма Т. к Н. хранятся: *BN. N. A. F. 24.288. F. 212 (Nouv. corr. inéd. T. 2. P. XLV)*.

Л. А. Балыкова.

НОЖАН-СЕН-ЛОРАН (Nogent-Saint-Laurens) Эдме Жан Жозеф Жюль Анри (1814–1871), франц. полит. деятель. Начал карьеру как адвокат, из наиб. известных дел его было дело о вооруженном столкновении в 1840 в Булони, в к-ром участвовал будущий имп. *Наполеон III*. После *переворота 2 декабря 1851* неоднократно выступал в защиту ре-

жима, в 1853 под давлением правит-ва избран депутатом, поддерживал меры верх. власти и принимал участие в законотворчестве второй империи, обсуждал в печ. законы о печати, об отмене смертной казни и др. вопросы.

Деятельность Н.-С.-Л., очевидно, не вызвала симпатий Т., к-рый не случайно вложил в уста одного из персонажей ром. «Новь» (1876) след. полукомическое-полусерьезное высказывание: «...тут Фомушка начал говорить о теперешних французах и выразил мнение, что они, должно быть, все презлые стали! — Почему же это так, Фома Лаврентьевич? — Да помилуйте!.. Какие у них пошли имена! <...> Да вот, например: Ножан-Цент-Лорран! — прямо разбойник!» (ПССиП(2). Соч. Т. 9. С. 244).

Н. П. Генералова.

НОРИАК (Noriac) Жюль (наст. имя Керон (Cairon) Клод Антуан Жюль; 1827–1882), франц. писатель, сотрудник мн. газ. и журналов, автор многочисл. фельетонов, юморист. рассказов, романов. С 1864 один из руководителей парижск. театра *Variétés*, с 1867 возглавил театр *Bouffes-Parisiennes*. Предлагая в п. к А. Ф. *Онегину* (Отто) от 9 (21) сент. 1872 посетить вместе театр, Т. просил не заказывать места на «*Tombale d'argent*» («Серебряный кубок»), комич. оперу, либретто к-рой было написано Н., т. к. он уже ее видел и не желал видеть вторично.

Н. П. Генералова.

ОРЛОВА (ур. Куликова) Прасковья Ивановна (1815–1900), драм. актриса, старшая сестра А. И. Шуберт. С 1851 по 1872 играла в *Александринском театре*, с 1856 — чл. Театр.-лит. комитета. Была близка к салону А. П. и Ф. Н. Глинок, посещала салон Е. А. Штакенинейдер, к-рая оставила отзывы о ней в своем дневнике (*Штакенинейдер*, по указ.). Во время *Крымской войны* служила сестрой милосердия.

По восп. А. И. Шуберт, именно О. пригласила Т. бывать в их доме. Сохранилось свидетельство А. В. Дружинина о визите вместе с Т. и Д. В. Григоровичем к О. (*Дружинин. Дневник*. С. 282) и описание знакомства с Т. в восп. А. И. Шуберт (*Шуберт*. С. 159–160).

Н. П. Генералова.

ОСОРГИН (псевд.; наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942), писатель, переводчик, библиофил. Окончил юридический ф-т *Моск. ун-та* в 1902. Лит. деятельность начал в 1895. В 1905 арестован за участие в *Моск. вооруженном восстании*. В 1906–1916 — в эмиграции, печатал корресп. в рус. прессе. После окт. 1917 — председатель *Моск. союза писателей*, организатор *моск. книж. лавки писателей*. Перевел пьесу К. Гоцци «*Принцесса Турандот*» (1923). С 1922 в эмигра-

ции. В *Париже* опубликован роман «Сивцев Вражек» (1923). Наиболее значительные произведения — автобиографические: «Вещи человека» (1929) и «Времена» (1942–1943), в которых О. следует традициям русской реалистической прозы XIX в. Во время второй мировой войны занимал патриотические позиции, подвергался преследованиям нацистов. Характер и склонности О. сложились в юности под влиянием классической русской литературы, в особенности Т., у которого его внимание привлекали описания природы и женские образы. Во «Временах» (гл. «Юность») О. пишет, что к Т. питал искреннее расположение; с ним было просто — улыбающийся и радушный человек, охотник, любитель природы; жаль, что он не бывал в наших краях <на Урале. — Л. Н.> описывал какие-то благоустроенные песочки <...> но — зато как описывал!». О женских образах в произведениях Т. он писал: «В Асю я был влюблен по-настоящему <...>. На месте господина Г. я бы обшарил весь мир и Асю отыскал!» О. не нравилась «княжна» в «Первой любви», она находила, что она «ломака», но «Джемма» в «Вешних водах» могла соперничать с Асей. Обо всем этом Тургенев рассказывал с усмешкой старого, вспоминающего человека, и вот таким писателем <...> мне нравилось быть». Своеобразным подтверждением этих слов было экспериментальное продолжение некоторых произведений Т., предложенное читателям парижских «Последних новостей»: «Смерть Лукьяныча» — как бы дополнение к «Трем встречам», где Т. пишет о том, что старик Лукьяныч повесился (О. пытается объяснить причину этого поступка); рассказ «Встреча с „Асей“» с изменением концовки повести «Ася» и «Панталеоне Чиппатоло из Варезе», в котором дается жизнеописание тургеневского второстепенного персонажа из «Вешних вод».

В 1930-х О. был деятельным членом правления Русского общественного фонда имени И. С. Тургенева в Париже. Ему принадлежит ряд статей о ней, в том числе «Детище Тургенева», в которой прослеживается возникновение и история Фонда. Ей же посвящены и другие статьи О.

Соч.: Последние новости. 1936. 6, 13 и 20 июля; Детище Тургенева; Редкости Тургенева; Литературные размышления; Горе русских в Париже. Уничтожена Тургеневская библиотека // Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева (La Bibliothèque russe Tourguénev). Сотрудники — Друзья — Почитатели. Сб. ст. / Ред. Т. Л. Гладкова, Т. А. Осоргина. Р., 1987. С. 17–21, 74–77, 101–103, 111–113 (в сокращении, перепечатано: Назарова Л. Н. К истории Тургеневской библиотеки в Париже // Т. Вопросы биографии и творчества (1990). С. 222–228).

Лит.: Геллер М. Михаил Осоргин — писатель на все времена // Новый журнал. Нью-Йорк, 1988. № 171. С. 130, 135; Ласунский Олег. Под маской старого книгоеда // Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. М., 1989. С. 15–16.

Л. Н. Назарова.

ПАНАЕВА Александра Валериановна (в зам. Карцева; 1853–1942), певица, талантом которой восхищались П. И. Чайковский, А. Н. Апухтин и др., выступала на европейских сценах. Сестра Е. В. Дягилевой (ур. Панаевой),

к-рая оставила восп. (см.: *Дягилева*. С. 260). По рекомендации Т., услышавшего ее пение, в 1875–1877 брала уроки в *Париже* у П. Виардо и вместе со своим отцом В. А. Панаевым принимала участие в вечерах в салоне певицы, к-рые проходили по воскресеньям (см.: *Апрелева*. С. 190, 523). В своем «Кратком жизнеописании», составленном в 1941, П. писала: «И. С. Тургенев, услышав меня в один из своих приездов в Петербург, уговорил моего отца свезти меня в Париж, к Полине Виардо, у которой я прозанималась непрерывно в 1875–1877 гг. Еще в бытность мою ее ученицей она выпускала меня в концертах наряду с такими исполнителями, как Тургенев, Золя и ею самой» (*РГАЛИ*. Ф. 2044. Оп. 1. № 315). В 1877 П. пела в *Ницце* в театре П. Г. фон Дервиза.

В письме к Т. от 20 июля (1 авг.) 1881 П. Виардо сообщала о решении поручить исполнение одного из ее романсов П.: «М-ль Панаева, я думаю, восхитительно споет мою вещицу», — и спрашивала, не следует ли ей посвятить романс своей ученице (*Т в восп совр. Переписка* (1988). С. 554).

Лит.: Дягилева Е. В. Семейная запись о Дягилевых. СПб.; Пермь, 1998. С. 260; Ардов Е. (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 190; Розанов А. С. Полина Виардо-Гарсиа. 3-е изд. М., 1982. С. 145, 168, 202; Большакова Н. Блистательное видение. К 155-летию со дня рожд. Константина Маковского // *Веч Пб*. 1994. 5 сент.

Л. Н. Назарова.

ПОЛОНСКАЯ (ур. Устюжская) Елена Васильевна (1840–1860), первая жена Я. П. Полонского, дочь псаломщика рус. церкви в *Париже* и француженки, с к-рой поэт познакомился там же в мае 1858. После первой встречи Полонский сделал предложение, к-рое было принято (см.: *Штакениншейдер*. С. 217–219; *Шелгуновы* (2). С. 95). После свадьбы молодые приехали в *Пб* и поселились на Миллионной ул., в доме А. И. Штакениншейдера. Современники отмечали необыкновенную красоту П. «Я даже не знаю, где она красивее, в натуре или на портрете, в натуре больше детского. Потом на портрете не видно цвета лица, прозрачного блеска цвета морской волны глаз, и не слышно прелестного голоса и смеха. Лоб, нос, рот — всё в ней прелестно» (*Штакениншейдер*. С. 224). «По-русски она почти что не говорила <...>. Полонский же едва-едва объяснялся по-французски, так что обмена мыслей между ним и ею быть не могло. Это была просто любовь с первого взгляда. <...> И, несмотря на это она в продолжение своей обидно короткой жизни очень глубоко любила его» (*Шелгуновы* (2). С. 95).

Ок. 20 сент. (2 окт.) 1858 Н. А. Некрасов сообщал Т.: «Милый Полонский в Петербурге — с женой. Он зацепил ее в Париже, — прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонский, сватаясь, спрашивал ее, в состоянии ли она будет жить на чердаке и питаться одним хлебом. Она отвечала: в состоянии — и верно, не солгала» (*Т. Перепис-*

ка. Т. 1. С. 139). В конце 1858 Т. познакомился с П. Проводя зимы 1858 и 1859 в Пб, он был свидетелем семейного счастья *Полонских* (2 (14) февр. 1859 Т. писал *Л. Н. Толстому*: «Полонский сидит на одной ветке с женою и поет себе в зоб, как снегирь») и семейного горя — в январе 1860 у них умер сын Андрей (р. 4 июня 1859). Узнав о смерти П., Т. писал *П. В. Анненкову* 26 июня (8 июля) 1860: «Кстати о смерти: вообразите, какое горестное известие получил я от Писемского. Миленькая, хорошенькая жена Полонского умерла! Я не могу Вам выразить, как мне жаль и ее, и его <...>. Кажется, отчего бы ей было не жить, и не следовало ли Полонскому маленькое вознаграждение за всё его прошедшее горе? Где же справедливость!». Т. глубоко сочувствовал потере *Полонского* и старался поддержать его. Приглашая поэта в *Спасское*, он писал 4 (16) ноябр. 1860: «Помнится, я было приглашал тебя не одного ко мне в деревню... но это всё разлетелось прахом и только осталось воспоминание о светлом и милом существе, которому так мало было суждено прожить между нами...».

С. Л. Жидкова, Н. С. Никитина.

РАТИСБОН (Ratisbonne) Луи Фортюне Гюстав (1827–1900), франц. писатель, критик, переводчик на франц. яз. «Божественной комедии» *Данте*, *Гейне* и др., публикатор лит. насл. *A. de Виньи*. В 1850-е — 1860-е активно сотрудничал в «*Journal des Débats*», где 14 окт. 1857 появилась некролог. ст. Р., посвящ. другу семьи *Виардо Д. Манину*, умершему 22 сент. н. ст. 1857. По поводу эт. публикации Т. писал *Луи Виардо* 4 (16) окт. 1857: «В „*Journal des Débats*” помещена большая статья г-на Ратисбона о Манине, очень хорошо написанная». Сведений о личных связях Т. и Р. не сохранилось.

Н. П. Генералова.

РОЛАН (Roland), г-жа (наст. имя Ролан де ла Платьер (Roland de la Platière) Манон Жанна, ур. Флипон (Phlipon); 1754–1793), героиня *Французской революции 1789–1794*, гильотинирована 9 ноябр. 1793 по приговору рев. трибунала.

Отвечая на вопрос анкеты, предложенной одним франц. журналистом в 1869: «Ваши любимые героини в реальной жизни?», Т. без колебания написал: «Г-жа Ролан» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 12. С. 371–372). А еще в 1850, находясь в *Спасском* и перечитывая знаменитые «Записки» г-жи Р., он писал 18 (30) сент. *Луи и Полине Виардо*: «Если у вас найдется лишнее время, прочтите „Записки” г-жи Ролан. Не пугайтесь ее фразеологии в духе Руссо (не литературного таланта, не стиля следует искать у нее — она не претендует на них, хотя у нее и попадаются прелестные страницы), но оцените высокую душу и сильный характер, слитые с великой эпохой и ее борьбой, мужественно и достойно проне-сенные до конца своего пути. Последнее письмо ее к Робеспьеру (не от-

правленное) — настоящий шедевр. Кажется, я вам говорил уже об этом. В нем чувствуется такая энергия, такое спокойное презрение к смерти, такой неистребимый, но без напыщенности, энтузиазм, которыми не устаешь восторгаться. За исключением этих записок, я мало что прочитал за два месяца, проведенные в деревне).

Рано пристрастившись к чтению древн. и нов. авторов, Р., с детства набожная и мечтавшая о мученическом венце, в юности пережила увлечение соч. *Плутарха*, к-рый привил ей republ. идеи и научил мужеству и стойкости (впоследствии Р. называли единствен. женщиной к-рого смогла выставить Жиронда), *Фенелона*, *Т. Тассо*, *Ж.-Ж. Руссо* повлиявшего даже на личную жизнь Р. Подобно героине «Новой Элоизы» Юлии, Р. в 1780 вышла замуж за Ж.-М. Ролана де ла Платьера к-рый был старше ее на 20 лет, и стала его верной спутницей и помощницей: составляла ст. для «Новой энциклопедии»; во время революции в к-рой он играл видную роль в партии жирондистов (в 1792–1793 был министром внутр. дел), Р. организовала знаменит. полит. салон, где бывали еще не пришедшие в столкновение монтаньяры и жирондисты (в т. ч. *Бриссо*, *Робеспьер*, *К. Демулен* и др.), и оказала заметное влияние на ход полит. событий. Старался сблизиться с Р. *Дантон*. Ее активные действия против *Марата* и *Робеспьера* привели к тому, что ее и мужа обвинили в сношениях с роялистами. Оправдавшись перед Конвентом Р. хотела выступить 3-м в защиту мужа, но была арестована и 8 ноябр. 1793 предстала перед рев. трибуналом. Оказавшись в тюрьме 1 июн. 1793, она написала свои мемуары, к-рые были опубл. вскоре после ее казни под назв. «*Appel à l'impartial postérité par la citoyenne Roland*» («Воззвание гражданки Ролан к беспристрастному потомству», 1794) позднее названные «*Mémoires de Madame Roland*» («Записки госпожи Ролан»); перев. на рус. яз. в 1893.

Взойдя на эшафот, Р. сохранила полное самообладание и, обратившись к статуе Свободы, воздвигнутой на площади, произнесла ставшую знаменит. фразу: «O Liberté! que de crimes on commet en ton nom!» («О Свобода! сколько преступлений свершается во имя твое!») Муж г-жи Р., узнав о казни жены, покончил с собой.

Н. П. Генералова

САВИЦКАЯ (в зам. Батезатул) Надежда Владимировна, актриса Артистич. кружка в *Москве*. Перв. исполнительница роли Лизаветы в «Горькой судьбине» *А. Ф. Писемского* (31 июля 1863 в Петровск. парке в *Москве*), к-рый исполнил роль Анания. На любительской сцене С. сыграл Катерину в «Грозе» *А. Н. Островского* и др. роли.

Т. познакомился с С. 6 (18) марта 1867 на вечере у *Писемского*. 9, 10 (21, 22) марта 1867 он писал *П. Виардо*: «Позавчерашний вечер я провел у г. Писемского, одного из хороших наших литераторов. <...> У него было несколько дам, в том числе г-жа Савицкая, которая, как говорят, обладает незаурядным актерским дарованием, в ее лице, хот

и некрасивом, было действительно нечто замечательное благодаря трагическим бровям и глазам». Позднее С. пыталась поступить на казенную сцену в *Лб*, но, судя по всему, ее карьера в кач-ве профес. актрисы не сложилась.

Е. В. Проц.

САУТИ (Southey) Роберт (1774–1843), англ. поэт, представитель «озерной школы». Под впечатл *Франц. революции 1789–1794* С. пишет драмы «Уот Тайлер» («*Wat Taler*», 1794) и (совм. с *Кольриджем*) «Падение Робеспьера» («*The fall of Robespierre*», 1795). Перу С. принадлежат поэмы «Жанна д'Арк» («*Joan of Arc*», 1796), «Талаба-разрушитель» («*Thalaba the Destroyer*», 1801) и др., а также ряд стих-й и романт. баллад, «Письма из Испании и Португалии» (1797) и др. соч.

Все эти и мн. др. произв-я С. входят в объемный том его соч., к-рый нах. в *Б-ке Т. (ОГЛИМТ)*: «*The poetical works of Robert Southey. Complete in one volume. Paris: Published by A. and W. Galignani, 1829*». Наличие эт. книги в родовой б-ке Т., глубокое знание им англ. поэзии позволяют с большой долей уверенности предположить, что творч-во С. было хорошо изв. Т.

Л. В. Миндыбаева.

СУВОРИНА Анна Ивановна (ур. Орфанова), втор. жена *А. С. Суворина*. Была знакома со мн. писателями (*Д. В. Григоровичем*, *Ф. М. Достоевским*, *А. П. Чеховым* и др.), художниками, артистами. Оставила восп. о *Достоевском*, в к-рых рассказала об одновременных выступлениях его с Т.: в *Лб* 16 (28) марта 1879 в пользу *Литературного фонда*, где Т. читал с *М. Г. Савиной* сцену из «*Провинциалки*» («*Это был незабвенный дуэт! Вызовам и восторгам не было конца*»). По свид-ву *Савиной*, Т. читал «*Бирюка*»); в *Москве* в дни открытия памятника *А. С. Пушкину* 6 июня 1880, где Т. читал стих-е *Пушкина* «*Туча*» (С. ошибочно наз. стих-е «*Пророк*»). Фактич. неточности в восп. С. искупаются их необычайной яркостью и эмоциональностью.

Лит.: Перлина Н. М. Достоевский в воспоминаниях А. И. Сувориной // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 295, 297, 298, 301–303, 305.

Л. Н. Назарова.

ТЕРЬЕ (Theuriet) Андре (1833–1907), франц. писатель и юрист, член ред. газ. «*La Revue des Deux Mondes*», знакомый Т. Автор стихотв. сб-ков «*Chemins des Bois*» (1867), «*Paysans de l'Argonne*, 1792» (1871) и др. Терье написал ряд ром., фантастических рас., сказок и пьес. С 1896 чл. Франц. академии. Творчество Терье характеризуется глубоким пониманием природы, его пейзажи поэтичны и проникновенны.

Будучи постоянным лит. советником *Золя*, парижского корреспондента *ВЕ*, Т. был в курсе резкой критики, к-рой тот подверг в одном из

своих «парижских писем» творч-во таких писателей, как Э. Абу, Ж. Кларти, В. Шербюлье, Терье и др. (ВЕ. 1878. № 9), и газетной шумихи вокруг него (п. к Флоберу от 26 дек. 1878 (7 янв. 1879)).

В янв. 1880 Т. обратился к Терье в связи со своим открытым письмом в газете «Le XIX Siècle», где он рекомендовал франц. издателям ром. Л. Н. Толстого «Война и мир»; Т. просил Терье напечатать отклик на эт. обращение и на самый ром. в «Revue des Deux Mondes» (п. от 12 (24) янв. 1880). Вместе с письмом Т. послал Терье трехтомное франц. изд. романа и номер газ. «Le XIX Siècle» со своей ст. о нем (Cahiers. N 17–18 (1993–1994). P. 240). Письмо хранится в Музее И. С. Тургенева в Буживале (Там же). Письма Терье к Т. неизвестны.

Л. А. Балыкова.

ФЕДОТОВ Александр Филиппович (1841–1895), актер, режиссер, театр. педагог, драматург. Учился в Моск. ун-те (исключен за участие в беспорядках). В 1862 дебютировал на сцене *Малого театра*, был принят в труппу, в к-рой работал до 1873.

Скорее всего, Т. познакомился с ним в 1872, когда Ф. удалось добиться на время работы Политехнической выставки в Москве разрешения на орг-цию нар. театра, преследовавшего просветит. цели. Ф. исполнял обязанности дир. О посещении выставки и знакомстве с нар. театром Т. упоминает в п.

к П. В. Анненкову от 14 (26) июня 1872: «Довольно интересен был народный театр».

В янв. 1883 Ф. навещил писателя в Париже, желая познакомить его со своей новой пьесой «Про белого бычка» и узнать мнение Т. о ней. «Я не мог принять Вас, когда Вы ко мне пожаловали, — писал Т. Ф. 12 (24) янв. 1883, — ибо вследствие совершенной надо мной операции лежал (и до сих пор лежу) в постели; но если Вам угодно прислать с сим посланным Вашу рукопись, я прочту ее со всевозможным вниманием <...>». И далее собирался назначить Ф. день и час встречи, чтобы обсудить пьесу. Сведениями об эт. встрече мы не располагаем.

Е. В. Проц.

ФЕДОТОВА Гликерия Николаевна (1846–1925), актриса *Малого театра*. В детстве была удочерена помещицей Поздняковой и под эт. фам. вначале играла на сцене. Училась в Моск. театр. уч-ще сначала по классу балета, а з-м в драм. классе у И. В. Самарина. Окончила уч-ще в 1862, но уже с 1858 играла на сцене *Малого театра*, выступая в маленьких ролях. В 1863 приняла фам. мужа А. Ф. Федотова. Большое участие в актерской судьбе Ф. принимал М. С. Щепкин. «Я всю жизнь

с благоговением и благодарностью вспоминала всю семью Щепкиных», — признавалась позднее актриса.

В доме у Щепкина летом 1862 Ф. познакомилась с нек-рыми лицами из окружения Т.: Н. Х. Кетчером, чья гор. усадьба соседствовала с усадьбой актера, И. И. Масловым и др. Но сведения о личном знакомстве Ф. с Т. отсутствуют, и о встрече с ним актриса в своих мемуарах не упоминает, хотя писатель провел в то лето несколько дней в Москве.

Впервые имя Ф. отозвалось в п. Т. к М. Г. Савиной от 24 апр. (6 мая) 1880. Он делился с актрисой впечатлениями о спектакле, увиденном им в Малом театре, где Ф. играла роль взбалмошной вдовушки в комедии-шутке В. Александрова (В. Крылова) «Лакомый кусочек», сюжет которой драматург заимствовал из франц. пьесы «Nos alliés». Т. чрезвычайно не понравилась игра Ф. (как и сама пьеса): «...я сейчас из театра, где давали „Лакомый кусочек“ <...> Федотова положительно невыносима; кривляется и жеманится так, так фальшивит и с таким противным заигрыванием и апломбом, что я бы ее живую своими руками в землю зарыл». Излишнее напряжение и мимику в игре Ф. отмечала и критика (Зограф. С. 282).

Неудача Ф. в роли Натальи Петровны в ком. Т. «Месяц в деревне» продолжила печальную традицию постановок этих пьес на сцене Малого театра. Ф. «несколько переигрывала, впадая в неверный, аффектированный тон, противоречащий тонкой психологической манере драматургии» (Зограф. С. 340), что лишь подтвердило, насколько была чужда актрисе драматургия Т. Свид-ва о том, что Т. видел Ф. в роли Натальи Петровны, отсутствуют.

Вновь интерес к Ф. Т. выказал, когда узнал, что М. Г. Савина собирается остаться в Москве, чтобы увидеть игру актрисы в ее лучших ролях: «Оставались ли Вы в Москве — как предполагали — несколько дней — и видели ли Федотову? И восхитились ли?» (ПССиП(1). П. Т. 13. Кн. 1. С. 173).

Неизвестно, что ответила Савина Т., но позднее она писала А. В. Топорову: «Вся под впечатлением игры Федотовой: вот это актриса в полном смысле слова! Из русских я вижу первую такую» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 75. Л. 76).

Лит.: Федотова Г. Н. Воспоминания юности // Малый театр. 1824–1974. М., 1978. Т. 1. С. 257–260; Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 282.

Е. В. Проц.

ЦИЦЕРОН Марк Туллий (Cicero Marcus Tullius) (106–43 до н. э.), рим. полит. деятель, оратор и писатель; сторонник республ. строя. Из соч. Ц. сохр. 58 судебн. и полит. речей, 19 трактатов по риторике, политике, философии и более 800 писем.

Т. высоко ценил Ц., сравнивая его с *Сенекой* и *Марком Аврелием*, следил за критич. лит-рой, посвящ. Ц. В п. к *Г. С. Дестунису* от 21 апр. (3 мая) 1837 Т. писал: «... что сделал Фрейтаг из Горация и Цицерона?». В *Б-ке Т.* в *Орле* хранится экз. кн.: *Adam A. Antiquités romains*. P., 1818. Vol. 1, с вклеенной в нее выдержкой по-лат. из «Речи в защиту поэта Лициния Архия» («Pro Archia poeta»), посвящ. прославлению лит. занятий. В 1842 на магист. экз. по рим. словесности у проф. *Ф. К. Фрейтага* Т., отвечая на вопрос: «Что в философии римляне делали сами и что они переняли у греков?», показал отл. начитанность, цитируя по памяти «Тускуланские беседы» Ц., и утверждал: «...по нашему мнению, Цицерон с полным правом приписал себе славу введения философии у римлян» (цит. по: *Т Сб.* Вып. 2. С. 101), хотя отмечал ее эклектич. хар-р: «даже сам Цицерон пользовался в своих „Беседах“ и других философских трудах доводами стоиков и эпикурейцев, которые он изучал в Афинах, — и не только не прибавил к ним ничего сам, но надо признать, что он очень часто заблуждался относительно подлинного смысла положений греческих философов (особенно Аристотеля). Он является отцом той самой философии, которую мы называем „Popularphilosophie“, т. е. приспособленной к пониманию толпы» (Там же. С. 101–102). С т. зр. Т., «для самого Цицерона конечной целью была не философия, а красноречие», что объяснялось общ. тенденцией рим. истории и культуры (Там же). Важное свид-во об отношении Т. к Ц. содержится в восп. *Е. М. Феоктистова*: «...крайне интересовали его письма Цицерона, которые читал он в немецком переводе; по вечерам сообщал он нам свои впечатления с обычным своим остроумием и блеском. „Я ставлю себя в положение Цицерона, <...> и сознаюсь, что после Фарсальской битвы еще больше, чем он, вилял бы хвостом перед Цезарем; он родился быть литератором, а политика для литератора — яд”» (*Феоктистов.* С. 39).

Имя Ц. встречается в письмах Т. (к *А. А. Фету* от 12 (28) июля 1860 и к *П. В. Анненкову* от 19 ноябр. (1 дек.) 1860), а также в ром. «*Новь*» при описании старинного альбома некой г-жи Варвары Кобылиной, хранившегося у супругов Субочевых, где витиеватым языком карамзинской эпохи было вписано «краткое размышление» о Ц. (гл. XIX; *ПССуП(2).* Соч. Т. 9. С. 239–240).

В. А. Лукина.

ШЕНШИН Владимир Александрович (1814–1873?), богатый орл. помещик, друг *М. Ю. Лермонтова* по *Моск. ун-ту*, знакомый Т. С 1832 по 1837 служил в Киев. гусар. полку; поручик в отставке, с 1857 мценск. предв. дворянства, в 1858 избран в Орл. губ. комитет для составления

проекта полож. об улучшении и устройстве быта крестьян (ГАОО. Ф. 4. № 3317. С. 180–185). В 1861 Ш. вручена сер. медаль «за полезное содействие в отмене крепостного права» и объявлено высочайш. благоволение (Там же).

Т. связывали с Ш. не только офиц., но и дружеские отношения. Имение Ш. *Дальнее Волково* находилось неподалеку от *Спаского*, что способствовало частым встречам. *Фет* вспоминал о Ш. как о «хлебосольном хозяине»: «Предводитель, подобно Тургеневу, был любитель шахматной игры, и поэтому мы не раз с Тургеневым встречались в этом доме, не забывая притом приятного влияния Редерера...» (*Фет. МВ. Ч. 2. С. 91*). В 1860-е Т. был в курсе семейных новостей Ш., к-рый, будучи отцом 6-х детей, выдавал своих дочерей замуж. 28 окт. (9 ноябр.) 1863 *И. П. Борисов* сообщал Т.: «Поздравьте его <Ш.> — *Мариями* выходит замуж за *Сологуба*, нашего исправника, 6-го ноября будет свадьба» (*Т Сб. Вып. 4. С. 382*). На замужество др. дочери Ш. — *Варвары*, ставшей женой *П. И. Рючки*, Т. откликнулся в п. к *Борисову* 26 авг. (7 сент.) 1866: «Так и вторая дочь Шеншина замужем... Ну, эта премиленькая. А я думаю, из старшей вышла такая бой-барыня, что у ее супруга затылок должен трястись. Посмотрел бы я на всю эту молодую жизнь». О смерти Ш. Т. писал *А. А. Фету* 29 марта (10 апр.) 1872: «Итак <...> добродушный дуботол *В. А. Шеншин* приказал долго жить! Смерть действительно сильно щелкает вокруг нас...».

Л. М. Маричева.

ТРИ ПИСЬМА А. С. СУВОРИНА К ТУРГЕНЕВУ
(1875–1876)

Публикация С. А. Ипатовой

В обширном эпистолярном наследии «короля» русской прессы, известного критика, журналиста, издателя газеты «Новое время», драматурга Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912) письма к Тургеневу занимают скромное место, однако значение их для изучения историко-литературного процесса второй половины XIX века трудно переоценить. Их ценность обусловлена, прежде всего, значимостью фигуры писателя, а также необыкновенной содержательностью обсуждаемых тем и вопросов, актуальных для бурного литературного контекста эпохи 1860-х — 1870-х годов. Сохранившиеся письма Суворина охватывают 1875–1876 годы, время их наиболее интенсивного общения, которое длилось более двадцати лет. В своих фельетонах, рецензиях, обзорах, беллетристических произведениях, частных письмах Суворин не раз так или иначе откликнулся на тургеневские произведения, давая им иногда противоречивые, но неизменно неординарные оценки, в соответствии и со своими эстетическими взглядами, довольно устойчивыми, и с конъюнктурой текущего момента. Творчество Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова оставалось для Суворина на протяжении всей жизни объектом пристального, зачастую пристрастного, но неизменно трепетного отношения современника, осознающего величие этих имен для русской культуры. Его отдельные высказывания, тонкие критические наблюдения и оценки, собранные воедино, могли бы составить целую книгу, а тема «Суворин — литературный критик» могла бы стать предметом отдельного исследования, в котором существенную главу заняло бы имя Тургенева.¹

Первая их встреча произошла в Москве, в доме Е. В. Салиас-де-Турнемир, в самом конце августа 1861 года, когда писатель приехал из Спасского-Лутовинова, только что закончив роман «Отцы и дети». Суворин, недавний воронежский учитель, начинающий журналист, приглашенный хозяйкой дома в предпринятое ею издание — журнал «Русская речь»,² так вспоминал эту встречу: «Человек шесть сидело нас в уютном кабинете г-жи Тур. Тургенев тогда еще не был сед, как изображен он теперь на портрете. Впрочем, у меня осталось очень смутное воспоминание об его лице, ибо я взглядывал на него робко, с некоторым благоговением, как на

¹ Теме «Тургенев и Суворин» посвящена глава обстоятельной книги: *Динерштейн Е. А. А. С. Суворин: Человек, сделавший карьеру*. М., 1998. С. 207–218.

² Суворин приехал в Москву из Воронежа в июле 1861 г. и прожил там до декабря 1862 г., когда после закрытия «Русской речи» был приглашен В. Ф. Коршем в Петербург для работы в «С.-Петербургских ведомостях».

знаменитость. Коренастый, высокий ростом, он почти не садился и рассказывал, сильно жестикулируя, больше все стоя, преимущественно обращаясь к очень хорошенькой женщине, С. А. Ф—вой,³ находившейся тут же. Он был, как говорится, в ударе и почти не умолкал. Остроумная речь его так и лилась потоком, вызывая на лицах присутствующих самое веселое выражение. <...> В тот же вечер он рассказал свою „Собаку“. Рассказ этот был так живописен и увлекателен, что производил огромное впечатление. Когда впоследствии я прочитал его в печати,⁴ мне он показался бледной копией с устного рассказа Тургенева. Невольно думалось — и это была правда, — что, садясь писать „Собаку“, Тургенев задавался опасением, как бы читатели и критики не подумали, что он сам верит в такое таинственное приключение; ему хотелось сохранить не только полную объективность, но даже придать повествованию шуточную форму, между тем как подобные рассказы, с фантастической завязкой, тогда только и хороши, когда художник сам верит в чудесное, по крайней мере на то время, когда пишет. <...> Устный рассказ о собаке потому и производил впечатление, потому и был хорош, что Тургенев рассказывал с увлечением, с верой: он даже бледнел и лицо его принимало оттенки ужаса в драматических местах.⁵ Едва ли Тургенев в эту встречу обратил внимание на начинающего робкого журналиста.

Параллельное сотрудничество, помимо журнала Е. Тур, в таких изданиях, как «Современное слово», «Отечественные записки», «Современник», «Время», составило Суворину некоторое имя в журнальном мире. После закрытия «Русской речи» какое-то время он жил случайными заработками, составляя популярные брошюры на исторические темы, пока в конце 1862 года не последовали сразу два предложения о сотрудничестве от А. А. Краевского и В. Ф. Корша. Суворин выбрал последнего.⁶ В редакции «С.-Петербургских ведомостей» на протяжении двух лет Суворин лишь секретарствовал — держал корректуры, ездил в типо-

А. С. Суворин
Фотография А. И. Денъера
Петербург, 1878 г.

³ Феоктистова Софья Александровна (урожд. Беклемишева), жена Е. М. Феоктистова. Суворин раскрыл ее имя в изложении того же эпизода в предисловии ко второму изданию своей книги, составленной в 1866 г. из фельетонов «С.-Петербургских ведомостей» и арестованной цензурным комитетом (см.: *Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни*. 2-е изд. СПб., 1909. С. XII).

⁴ Рассказ «Собака» по рекомендации П. В. Анненкова был отдан в газету В. Ф. Корша: *СПбВед.* 1866. 31 марта (12 апреля). № 85. С. 1–2. См. также: *ПССуП(2). Соч.* Т. 7. С. 232–246; 499–507, коммент. Г. Ф. Перминова при участии Н. Н. Мостовской.

⁵ *Суворин А. С.* По поводу «Отцов и детей» (Из моих воспоминаний) // Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина): В 2 кн. СПб., 1875. Кн. 2. С. 211–213. Впервые этот очерк с некоторыми разночтениями был опубликован: *СПбВед.* 1870. 11 января. № 11. С. 1 («Недельные очерки и картинки»; псевд. «Незнакомец»).

⁶ Подробное об этом периоде см.: *Динерштейн Е.* Публицист «крайних убеждений»: Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 243–246.

графину, к цензорам, однако с 1864 года началась его активная журналистская деятельность.

Первой своей литературной работой у Корша Суворин считал повесть «Всякие», но когда продолжение ее в газете стало невозможно, он решил издать ее отдельной книгой (под псевдонимом «А. Бобровский»). Так случилось, что представление в цензуру уже отпечатанной книги совпало с выстрелом Д. В. Каракозова (4 апреля 1866 года) и книга, повествующая о хороших нигилистах,⁷ была арестована. Последовал длительный судебный процесс, едва не кончившийся катастрофой, так как повесть была признана «вредной» за «одобрение и оправдание воспрещенных законами действий». Если бы не блестящая речь защитника К. К. Арсеньева,⁸ Суворина могла постигнуть участь литераторов, заподозренных в связях с Каракозовым, когда в мае — начале июня последовали аресты (братья В. и Н. Курочкины, Д. Д. Минаев, В. А. Слепцов, П. Л. Лавров).

Интересно, знал ли Тургенев, что на первой странице опальной книги фигурировало его имя как создателя образа нигилиста Базарова. Герой повести князь Иван Петрович Щебынин «слыл между своими знакомыми в некотором роде за нигилиста», когда вышли «Отцы и дети», он «с упоением читал критику г. Писарева, покупал его фотографические карточки, а критику г. Антоновича бранил беспощадно». Князь находил в Базарове «родственные себе черты» и какое-то время «прилежно его копировал».⁹ В приговоре Окружного суда говорилось: «...выведен князь Щебынин, личность бесхарактерная, размазня, как его называют в повести. Он стоит также за нигилистов и некоторое время даже корчил Базарова; но несмотря на это, не пользовался доверием нигилистов».¹⁰ В повести, изданной Сувориным лишь в 1909 году с приложением стенограммы первого в истории судебного разбирательства над книгой, действовали герои, под прозрачными именами которых легко читались современники: Н. Г. Чернышевский, М. Н. Катков, П. А. Вяземский, С. М. Соловьев, графиня Салиас и др. Повесть, интересная не столько своими художественными достоинствами, сколько установкой «на злобу дня», легла в основание дальнейшего стиля работы и славы журналиста.

За двенадцать лет работы в газете «С.-Петербургские ведомости» Суворин опубликовал более четырехсот фельетонов, среди которых особой популярностью у читателей пользовались его воскресные «Недельные очерки и картинки», появлявшиеся под псевдонимом «Незнакомец». Один из современников вспоминал о Суворине этих лет: «Его блестящими, остроумными фельетонами зачитывалась молодежь, а он ее революционизировал, внушал ей презрение к старому быту, неуважение ко всякому „начальству“».¹¹ По воспоминаниям П. Д. Боборькина, познакомившегося с ним через графиню Салиас, Суворин «работал уже в то время у Корша, исполнял секретарские обязанности и вырабатывал из себя того радикального

⁷ В письме от 21 сентября 1865 г. Суворин признавался своему воронежскому приятелю, литератору М. Ф. Де-Пуле: в повести «Всякие» «я задался мыслью снять несколько те черные краски, которые положены на так называемых нигилистов такими мерзавцами, как Лесков (Стебницкий)...» (имелся в виду роман «Некуда», 1864). См.: А. С. Суворин. Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публ. М. Л. Семановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 181.

⁸ Речь Арсеньева была построена на том, что неблагонадежные, с точки зрения государственного и общественного порядка, персонажи не выражают мыслей своего автора, в то время как обожаемые герои наделены взглядами самого писателя. Окончательно запутав прокурора и членов Судебной палаты, Арсеньев добился смягчения приговора до ареста на гауптвахту и уничтожения книги (см.: Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. С. 28–54).

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 6 (2-й паг.).

¹¹ Изгоев А. С. <Ланде А. С.> А. С. Суворин // *РМысль*. 1912. № 9. Отд. III. С. 2.

„Незнакомца”, который позднее приводил в восхищение тогдашнюю оппозиционную публику». ¹²

Тургенев, встретившись с Сувориным в Париже в декабре 1871 года, писал Я. П. Полонскому 21 февраля (5 марта) 1873 года, что видел его «раза три. Он мне нравится; но как он нервен!». ¹³ В конце декабря ст. ст. 1871 года в Париже, видимо по просьбе Суворина, Тургенев передает ему вместе с письмом автобиографию для планируемого «литературного портрета» писателя: «Вот, любезнейший Суворин, желаемый Вами биографический очерк. В нем мало интересных фактов, как во всякой исключительно литературной жизни. Решаюсь послать Вам черновую в надежде, что Вы разберете мой почерк.

Мы еще увидимся до Вашего отъезда? Полагаю, что Вы извлекаете всяческую пользу из Вашего пребывания в Париже.

Дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам Ив. Тургенев». ¹⁴

В ответ на сообщение Суворина в письме от 25 марта 1875 года о потере этой автобиографической справки, Тургенев пишет: «Что касается до биографических подробностей обо мне — то все данные у Полевого верны — и других, кажется, собирать не стоит». ¹⁵

В конце 1874 года произошла смена издательской аренды и редактора газеты «С.-Петербургские ведомости», это было связано с тем, что либеральная фигура В. Ф. Корша не устраивала правительственные круги. Главным образом, в связи с выступлениями против реакционной реформы среднего образования. Большинство сотрудников, включая Суворина, покинули газету в знак протеста. В прощальном фельетоне Суворин писал: «Я ошибался часто, я брал фальшивые ноты, но я был всегда человеком искренним и любящим литературу <...> ради всего того, что поддерживает нравственную жизнь, что обещает и манит в будущем, что торопит жить и чувствовать и не дает ни опуститься, ни заснуть...». ¹⁶ В письме от 2 (14) января 1875 года к А. В. Топорову Тургенев писал, используя щедринское выражение: «Мне очень жаль старой „Пенкоснимательницы” — и особенно жаль фельетонов Незнакомца. Видаете ли Вы Суворина? Передайте ему в таком случае выражение моего сожаленья и сочувствия». ¹⁷ А в письме к самому Суворину от 14 (26) февраля 1875 года Тургенев писал: «Не нужно мне Вам рассказывать, как искренно я сожалел о катастрофе, постигшей „П<етер>бургские ведомости” — и особенно об исчезновении Ваших фельетонов, которых я всегда ожидал с нетерпением. Неужели Ваше молчание долго продолжится? Я уже писал Стасюлевичу, что я на его бы месте непременно завербовал бы Вас к себе — и печатал бы каждое первое число все 4 воскресных фельетона — сподряд; и далее: «...Вы очень хорошо сделаете, собравши воедино лучшие из Ваших статей — и я заранее заявляю претензию на один экземпляр». ¹⁸ А Достоевский в одной из записей 1875–1876 годов так сформулировал свое отношение к Суворину: «Есть неискренность и декламация (ругая почти за каждый его фельетон и ужасно любя читать его фельетоны)». ¹⁹

¹² Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. За полвека. С. 379 (Ср. литературных мемуаров). См. также: С. 399.

¹³ ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 113.

¹⁴ Там же. Т. 11. С. 188; см. также: С. 493–494.

¹⁵ Там же. Т. 14. С. 61; см. также: С. 294.

¹⁶ См.: Незнакомец <Суворин А. С.>. Прощальный фельетон // НВР. 1874. 29 декабря (10 янв. 1875). № 357. С. 1.

¹⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 32. См. также письмо к Стасюлевичу от 6 (18) января 1875 г.: Там же. С. 9.

¹⁹ Достоевский. Т. 24. С. 130.

Последовав совету Тургенева, Суворин предпринял издание своих лучших статей, фельетонов и рассказов, объединив их в два тома под названием «Очерки и картинки» (СПб., 1875). В это собрание довольно разношерстного по тематике материала были включены литературные портреты лишь двух русских писателей — Л. Н. Толстого и Тургенева, очерк о котором посвящен, в основном, роману «Отцы и дети», особенно выделяемому Сувориным. В статье, озаглавленной «По поводу „Отцов и детей“ (Из моих воспоминаний)» — практически одноименной объяснению самого Тургенева по поводу романа, — Суворин пишет, что «Отцы и дети» — это лучшее произведение писателя, а Базаров «превосходен», хотя, «говоря откровенно, между молодежью едва ли были Базаровы: такой тип испугал ее отчасти, отчасти поселил в ней зависть; Писарев узнал себя в Базарове, но это напрасно: он был несравненно мягче, деликатнее и несравненно дружелюбнее относился к действительности. В таком ярком лице, как Базаров, Тургенев скорее создал образчик радикала, по которому стали выкраиваться некоторые российские юноши, понявшие внешность Базарова. <...> даже городовые узнали слово „нигилист“, и на каждого мужчину с длинными волосами, особенно шершавого, указывали как на такого <...> Озлобление критиком на Тургенева собственно объясняется изобретенным им словом „нигилист“. У нас слова постоянно играли большую роль <...>».²⁰

Через год вместе с В. И. Лихачевым Суворин приобретает газету «Новое время» (№ 1 газеты вышел 29 февраля 1876 года). Занятый подбором сотрудников для только что приобретенной и реформируемой им газеты, Суворин обращается ко многим писателям: Л. Н. Толстому, Тургеневу, Лескову, Некрасову, М. Е. Салтыкову и др. Тургенев откликнулся на приглашение написать статью для газеты. Так, в письме к Суворину от 23 февраля (6 марта) 1876 года он пишет: «...Вы можете быть уверены, что я серьезно намерен сдержать мое обещание — и сдержу его, как только будет возможно. Поддержать издание, в котором Вы — главный участник, для меня дело совести».²¹ А в письме от 22 марта (3 апреля) 1876 года замечает: «Я читаю Ваш журнал с великим удовольствием, желаю ему всяческих успехов — и, как только будет возможно, постараюсь сдержать свое обещание».²²

Весной 1876 года Тургенев, представляя интересы Э. Золя, выступил посредником и обратился к Суворину с письмом, в котором предложил приобрести для его газеты право перевода романа Э. Золя «Западня», публикация которого началась в фельетонах парижской газеты «*Bien public*», однако Суворин не считал возможным принять это предложение. Одновременно с Сувориным с приглашением о сотрудничестве к Золя обратились Ф. П. Баймаков, новый издатель «С.-Петербургских ведомостей», а также редакция «Отечественных записок». Однако Золя не торопился с окончательным ответом, полагая необходимым получить согласие Стасюлевича, сотрудником которого он являлся, и вместе с тем продолжал вести переговоры с редактором «Нового времени». Возможно, именно это обстоятельство отчасти послужило причиной охлаждения в отношениях Тургенева и Суворина.

9 (21) апреля 1876 года Тургенев писал Суворину о Золя: «Я ему говорил о Вашем предложении (насчет участия в „Новом времени“ два раза в месяц), но у него так много работы теперь на руках (он, между прочим, стал театральным рецензентом в „*Bien public*“), что и от этого предложения он принужден теперь отказаться, хотя благодарит за доверие и будет иметь в виду».²³ Осенью 1876 года Суворин через В. И. Лихачева, который был в это время в Париже, вновь безуспешно обратился к Золя с приглашением сотрудничать.²⁴

²⁰ Суворин А. С. Очерки и картинки. Кн. 2. С. 213–217.

²¹ ПССиП(1) Письма. Т. 11. С. 221.

²² Там же. С. 238.

²³ Там же. С. 251.

²⁴ См.: Клеман М. К. Эмиль Золя. Сб. статей. Л., 1934. С. 285–286.

Что касается участия самого Тургенева в «Новом времени», то здесь были опубликованы три произведения писателя: статья «Несколько слов о Жорж Санд. Письмо И. С. Тургенева к издателю „Нового времени“»,²⁵ приложенная к письму к Суворину от 9 (21) июня 1876 года;²⁶ рассказ «Сон»²⁷ и «Рассказ отца Алексея».²⁸ Публикация двух последних повлекла за собой взаимные публичные обвинения и прекращение всяческих отношений.

События развивались следующим образом: в январе — феврале 1877 года Тургенев опубликовал во французском переводе «Рассказ отца Алексея».²⁹ Текст этот не был окончательный и отражал лишь определенную стадию в создании рассказа, поэтому появился на французском языке до планируемой его публикации у М. М. Стасюлевича, которая изначально была намечена на март, а затем перенесена на май 1877 года. Суворин без согласия Тургенева перепечатал рассказ в обратном переводе на русский язык под заглавием «Сын попа» и с подстрочным примечанием: «Этот не являющийся еще на русском языке рассказ И. С. Тургенева помещен в февральских номерах „République des Lettres“».

Протестуя против маневра Суворина, Тургенев выступил с открытым письмом в редакцию газеты «Наш век», в котором квалифицировал его действия как «бесцеремонность», да «еще с таким подстрочным замечанием, что читатели могут, пожалуй, принять этот перевод за принадлежащий мне русский текст».³⁰ Суворин ответил «Открытым письмом», в котором доказывал свое право на публикацию и обвинял писателя в заискивании перед Западом, приведя в пример публикацию рассказа «Сон» сначала в немецком переводе, без предупреждения редакторов «Нового времени», а уже затем в «Новом времени», куда рассказ был обещан изначально.³¹ Тургенев вновь ответил через газету «Наш век», опровергая обвинения Суворина.³²

Эта публичная полемика стала предметом широкого обсуждения в печати. П. В. Анненков, наблюдая за конфликтом по газетам, писал Тургеневу 2 (14) мая 1877 года: «...замечу, что не было никаких причин возлагать на Суворина упования в тонкости морального и житейского чувства. Никогда он сим не отличался, но только владел собой хорошо, поджидая минуты, когда можно будет распуститься и пожить на всей своей воле. Минута эта и наступила. Понесся он теперь, спрятав голову в колени, так что жутко становится и неизвестно, где и как бег свой прекратить. Я только плечами пожимал, читая его наставление вашей милости. „Нарочно, говорит, такую мерзость с Вами учинил и впредь чинить буду, чтобы отучить от презрения к русскому языку!“».³³ «А что Суворин врет — так уж ему такой положен предел. Вот выработался гад <...> В сравнении с ним Булгарин является чуть ли не идилической фигурой».³⁴ В итоге отношения, а также переписка между Тургеневым и Сувориным прекратились окончательно.

²⁵ См.: *НВр.* 1876. 15 (27) июня. № 105. С. 1.

²⁶ См.: *ПССиП(1) Письма.* Т. 11. С. 274–275.

²⁷ См.: *НВр.* 1877. 1 (13), 2 (14) января. № 303–304.

²⁸ У Суворина рассказ публиковался под названием «Сын попа» (см.: *НВр.* 1877. 6 (18), 7 (19) апреля. № 395–396).

²⁹ См.: *La République des Lettres* (1877. 28 janvier, 4, 11 février. Vol. III. Sér. 2; под названием «Le fils du pope»).

³⁰ *ПССиП(1) Соч.* Т. 15. С. 168. Впервые: *Наш век.* 1877. 19 апреля. № 48. С. 3; перепечатано в *СПбВед* (1877. 21 апреля. № 109).

³¹ См.: *НВр.* 1877. 24 апреля (6 мая). № 413. С. 1–2.

³² См.: *ПССиП(1) Соч.* Т. 15. С. 171–172. Впервые: *Наш век.* 1877. 8 мая. № 67. С. 3. Подробнее об этом см.: *ПССиП(2) Соч.* Т. 9. С. 462–464, 470, 473–474; *ПССиП(1) Соч.* Т. 15. С. 379–382.

³³ *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 56–57.

³⁴ *ПССиП(1) Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 261.

На смерть Тургенева Суворин откликнулся некрологической статьей, в которой было сказано, что Тургенев был любимым писателем, чьи «художественные, чудные, пророческие речи» вся Россия «слушала с восторгом».³⁵ Когда В. П. Гаевский и М. М. Стасюлевич в 1884 году предприняли издание писем Тургенева, Суворин предоставил девять писем Тургенева, адресованных ему.

Публикуемые три письма 1875–1876 годов пришлись на лучший период в их отношениях. Далеко не каждому из своих многочисленных корреспондентов Суворин, прошедший тернистый путь от бедного провинциального учителя до одного из столпов русской журналистики последней трети XIX века, создателя издательской империи, доверял свои личные трагедии и переживания. Как талантливый человек он, безусловно, был интересен Тургеневу.

Письма воспроизводятся по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ: № 5828, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации. Третье письмо, публикуемое здесь, было впервые напечатано М. К. Клеманом в т. 31–32 «Литературного наследства» в 1937 году.

1

19 февраля 1875 г. Петербург

19 февр<аля> 1875. СПб.

Я сегодня получил письмо, многоуважаемый Иван Сергеевич, и сердечно благодарю Вас за него.¹ Я Ваших сочинений еще не получил: только третьего дня принес мне Топоров² записку на получение их у Фену.³ Получу завтра и перечту последние Ваши вещи.⁴ Неужели Вы не пишете романы?⁵ Мне кажется, Вам рано складывать руки и рано говорить «ныне отпускаеши».⁶ Это реакционное и в высокой степени пошлое время требует печати художника такого, как Вы, да и на Вас лежит обязанность окончательно стереть тот упрек, который лежит на Вас со времени «Отцов и детей».⁷ Я лично не разделяю общего предубеждения известного радикального лагеря: по мне Базаров — тип симпатичный и даже полезный в гражданском смысле.⁸ Еще на днях я отстаивал этот роман против нападков Елисеева⁹ на одном частном собрании. Я говорил, что явление Базарова было полезно даже с революционной точки зрения: отрицание царило в публицистике, но она не так сильна, как художественный тип, который в сжатых, ярких чертах является представителем революционного направления и действует на читателей так же непосредственно, как разговор задушевный с умным человеком. Этот отрицатель входил в душу читателя, как заговорщик, будя в ней то, что спало, и шевеля и подсказывая то, что рождалось в виде инстинкта. Ошибка не художественная, а социальная заключа-

³⁵ *НВр*. 1883. 28 авг. (9 сент.). № 2693. С. 1–2 (подп. «Незнакомец»). Подробнее о смертных статьях, посвященных Тургеневу в «Новом времени», см.: *Диперштейн Е. А.* А. С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. С. 215–217.

лась в том, что Вы пустили по миру кличку «нигилиста»: ¹⁰ у нас очень опасно играть в подобные обобщения. Но опять же, еще вопрос, насколько навредили Вы этою кличкою русскому развитию и насколько принесли ему пользы. Базаров прошелся по русской земле, как апостол, сея свое учение в виде сжатых афоризмов, видоизменяясь и совершенствуясь, смотря по роду читателей, которые слушали и воспринимали его⁴ учение. Не знаю, достаточно ли ясно я говорю; коротко я хочу сказать вот что: горсть пшеницы, брошенная в землю, дает не одну пшеницу, ибо мудрено, чтоб в этой горсти зерен не замешалось других злаков, а может быть и семян дурной травы; но пшеницы все-таки будет больше. Лонгиновы¹¹ и вся эта реакционная сволочь вышла не из Базарова; это враги его; сам он не то, что был, он бесспорно стал лучше, и лучше в своих отношениях к народу. А что то пренебрежительное, отчасти враждебное отношение к народу существовало даже в лучших русских людях — факт бесспорный. Я сошлюсь на Салтыкова. Он был болен жутким ревматизмом и весною едет на целый год в Италию.¹² Во время болезни его посещали знакомые; один из них, не далее как третьего дня, пришел от него глубоко возмущенный. Это Боровиковский, адвокат.¹³ Он встретил там Достоевского,¹⁴ который напал на народ; Салтыков его поддерживал сначала мягко, а потом с обычной своей грубостью и ядовитым сарказмом. «Что это с Салтыковым случилось? — говорил мне Боровиковский, — неужели он так думает: вот этого я уж никак не ожидал». Мало ли, говорю, чего вы не ожидали, любезный друг. Салтыков — литературный характер и Салтыков — обыкновенный человек — это разница. Мне иногда кажется, что все те гадости, или по крайней мере некоторые из них, которые он изобличает в своей сатире, есть в нем самом. Гоголь даже высказывался в этом смысле, как известно.¹⁵ Кстати: в прошлом году Салтыков говорил мне: «Вы вот говорите, что у меня идеалов нет (он разумеет мою статью в «Вестнике Европы») по поводу его книги «История одного города» — я не люблю этой книги¹⁶), — их у Гоголя так нет, а у меня они есть, да вы признать их не хотите. А у Гоголя попробуйте отрыть эти идеалы? Их совсем нет».¹⁷ Я пробовал возражать, но с Салтыковым это довольно бесполезно.

Я пишу Вам письмо, точно фельетон, перескакиваю с одного предмета на другой. Вы любите Полонского. Я читаю «Пчелу»: что это за дрянь, с позволения сказать. Зачем он в сатиру пускается? Его птичья сатира в «Вестнике Европы» (Летний сад, Крылов и птицы)¹⁸ так же неудачна, как эта собачья сатира в «Пчеле».¹⁹ То ли дело его насекомые, его Кузнецик-Музыкант,²⁰ где ни капли нет сатиры, но бездна поэзии. Базунов его эксплуатирует ужасно, платя ему за редакцию 50 р-ублей>. Вот тоже тип, этот Базунов, с живописным языком и наивностью торгаша. «Яков Петрович, что это за чудесный человек! — говорил он мне. — Как любит он литературу. На днях приезжает в магазин. Нога у

⁴ Было: свое

Б. М. Маркевич

него болит, а он сам приехал: „Нельзя ли, говорит, Александр Федорович, мне жалованье вперед, очень нужно”. Меня даже слеза прошибла при этом виде. Я и думаю: что уж, первый номер вышел, составлен недурно, хотя и можно бы лучше, дать ему вперед можно. Извольте, говорю, Яков Петрович, с моим удовольствием — распишитесь». Мне так и хотелось плюнуть в эту прилизанную и выкрашенную физиономию русского книжного разбойника...²¹

Вчера Маркевич уволен в отставку, по прошению. История со взяткой открылась и наделала пропасть шума в городе.²² Государь велел Потапову²³ расследовать ее. Пот<апов> призывал к себе Баймакова, Сальяса и Маркевича.²⁴ Баймаков все рассказал, всю правду, хотя и не совсем: он успел обменяться с Маркевичем векселями и сказал Потапову, что он 5000 р<ублей> Маркевичу

не давал, а учел только его векселей на эту сумму. Маркевич праздновал трусую²⁵ ужасно и умолял Баймакова не губить его, но Б<аймаков> слушался нас, меня и одного из моих приятелей, и мы ему советовали выдать этого подлеца, который все равно не простит ему болтовни, вследствие которой открылась эта история. Сальяс сыграл в благородные чувства, говоря, что он не останется в газете с Баймаковым, который взятки дает, и с Маркевичем, который взятки берет. Но Сальясу я говорил о взятке и об интриге еще в половине декабря. Он явно шел на скверное дело. Я очень рад, что история теперь обнаружилась и что сам Тимашев²⁶ убедился, как и какими средствами выжили Корша.²⁷ Государь тоже это знает и знает, что газету хотел взять сначала Катков, Георгиевский и Феокистов,²⁸ но подешевле: им хотелось выгнать Корша, ничего ему не заплатив. Маркевич работал вместе с Лонгиновым над докладом Государю о вредности «СПб. ведомостей». Гаевский²⁹ передал мне след<ующее> четверостишие на смерть Лонгинова:³⁰

Стяжал себе почетный^b ореол,
Поборник лжи и мрака:
В литературе раком шел
И умер сам от рака.^c ³¹

^b Вместо зачеркнутого «себе почетный» неизвестным лицом вписано простым карандашом: постыдный.

^c Этим же почерком вписано простым карандашом: (Д. Миннаев).

Милый человек: жил-жил, гадил-гадил и все для каламбура одного. Кого на его место прочтат, Бог весть: говорят одни, что Григорьев³² останется, другие, что будет Мансуров.³³ «СПб. вед<омости>» хотят взять и у Баймакова: в воскресенье у Потапова были Тимашев, Толстой³⁴ и Сальяс и беседовали об этом отнятии. Говорят, Государю угодно было, чтоб Сальяс остался редактором, а так как Сальяс не хочет быть с Баймаковым, то дело идет о передаче газеты Сальясу. Надо Вам знать, что Сальяс, нанимаясь в редакторы, говорил, что первое неудовольствие Баймакова и он выйдет. Баймаков ему об этом напомнил, предлагал ему вознаграждать его покупкою у него 2500 экз<емпляров> «Пугачевцев», еще не распроданных, и покупкою романа, который Сальяс еще не написал и который должен служить продолжением «Пугачевцев».³⁵ Сальяс ему отвечал, что хотя он и обещался удалиться из газеты, но в то время он не знал, что «люди его краски» станут просить его просидеть редактором хотя бы год. Скальковский — это молодой практик, у которого ni foi ni loi^d и который остался в новой редакции, на днях в клубе разразился целой филиппикой против Сальяса, который портит газету и роняет^e ее за те деньги, которые получает от издателя. «А что он такое? Он такая же наемная скотина, как и я». Как нравится Вам это откровенное признание одного из представителей той молодежи, которая идет туда, где деньги дают, и которая за деньги продаст все и всех.³⁶

Мне нечего Вас уверять, что я с большим удовольствием готов делиться с Вами время от времени теми новостями, которые у нас случаются. В Париже недавно умерла Савицкая — она задушила себя угаром. Я не ожидал такой развязки. Я знал эту госпожу очень хорошо в течение десяти лет: она представляла собою замечательный образчик отлично сохранившейся женщины; она умерла сорока лет, но по виду ей можно было дать 30. Мужу ее^f не было и 30-ти. Это ее всегда мучило, она ревновала его и вот конец.³⁷ Знаете ли, какая странность в моей жизни: в 1872 г<оду>, когда был убит Жохов — в этой истории я играл роль³⁸ — целый ряд самоубийств и насильственных смертей среди моих знакомых, не считая трех человек, сошедших с ума: Жохов, Гончарова, Лаврова, моя жена, Комаров, убивший ее,³⁹ и Савицкая. А кружок моих знакомых очень необширен.

Ваш от всего сердца А. Суворин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 5828. Л. 1–2 об.

¹ Это ответ на письмо Тургенева от 14 (26) февраля 1875 г. из Парижа (ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 31–33), в нем он откликнулся на неизвестное «подробное и крайне интересное письмо» Суворина (вероятно, конца декабря 1874 г.), в котором содержались сведения о «современной петербургской физиономии»: «катастрофа» с газетой «С.-Пе-

^d ничего святого (франц.).

^e Далее было: его

^f Далее было начато: бы<ло>

тербургские ведомости», смещение ее редактора В. Ф. Корша, ставшее причиной ухода из газеты большинства сотрудников, включая Суворина, история с взяткой Б. М. Марквичу и др.; здесь же критик, вероятно, сообщал свои планы собрать лучшие свои статьи в книгу («Очерки и картинки»).

² *Топоров Александр Васильевич* (1831–1887) — близкий приятель Тургенева, в 1870-е — 1880-е гг. выполнявший его поручения. Тургенев писал Суворину: «Топоров Вам теперь, вероятно, доставил уже экземпляр последнего издания моих сочинений <речь идет о 8-ми-томном издании: Сочинения И. С. Тургенева (1844 — 1868 — 1874). Изд. бр. Салаевых. М., 1874>. Примите его, как от человека одного с Вами лагеря, который и сочувствует Вам, и дорожит Вашим сочувствием» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 33).

³ *Фену Николай Осипович* (1832–1903) — владелец популярного книжного магазина на Невском пр. (дом Армянской церкви), учредитель книгоиздательской фирмы «Фену и К^о», специализирующейся на учебной литературе, дозволенной министерством народного просвещения. Нет никаких сведений, что Тургенев имел деловые отношения с Фену; тираж собрания сочинений писателя в 8 т., изданного в 1874 г., распространялся его московским издателем Ф. И. Салаевым. Вероятно, Фену имел какое-то отношение к распространению собрания сочинений в Петербурге или, скорее всего, это была какая-то оказия. В письме к Топорову еще от 11 (23) декабря 1874 г. Тургенев писал: «...получите Вы от Ф. И. Салаева в Москве 3 полных экземпляра нового издания моих сочинений; один оставьте себе — а другие два доставьте от моего имени г-м А. Суворину и В. Буренину в благодарность за их дружеские отзывы обо мне и защиту моего доброго имени от разных литературных и нелитературных нападок» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 13. С. 234). Экземпляры не были доставлены Салаевым, и 5 (17) февраля 1875 Тургенев вновь повторил свою просьбу Топорову: «Сегодня же написал Салаеву <письмо неизв.>, чтобы он немедленно выслал Вам три экземпляра моих сочинений. <...> Я от Суворина получил очень любезное и интересное письмо <неизв.>» (Там же. Т. 14. С. 27).

⁴ Речь идет о последних произведениях Тургенева, вошедших в собрание его сочинений 1874 г.: «Степной король Лир» (1870), «Вешние воды» (1872), «Конец Чертопханова» (1872), «Стучит!» (1874) и др.

⁵ В это время Тургенев работал над романом «Новь», который начал еще в 1872 г. 30 декабря 1874 г. (11 января 1875 г.) он писал М. В. Авдееву: «...лень проклятая одолела <...>. Однако я всё еще не теряю надежды, что кончу — когда-нибудь — <...> это „последнее сказание“» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 13. С. 248). К зиме 1875/1876 писатель собирался закончить роман и привезти его в Россию: «Если я, наконец, одолею свой роман, — сообщал он Суворину 14 (26) февраля 1875 г., — то непременно привезу его тогда с собою» (Там же. Т. 14. С. 32). Роман был опубликован: *ВЕ*. 1877. № 1–2.

⁶ «Ныне отпускаеши» — слова благочестивого Симеона, увидевшего в храме младенца-Христа: «Ныне отпускаеши раба Твоего»; Симеону было предсказано Святым Духом, что он не увидит смерти, пока не встретит Христа (Лк. 2:29).

⁷ Суворин имеет в виду отрицательную оценку романа «Отцы и дети», данную радикальной критикой (например, критик «Современника» М. А. Антонович в статье «Асмодей нашего времени») (*Совр.* 1862. № 3. С. 77–105) утверждал, что роман клеветает на молодое поколение и воспекает «отцов», что роман очень слаб в художественном отношении, что Тургенев дискредитирует Базарова, прибегая к злобной карикатуре).

⁸ Сходные суждения о Базарове Суворин высказал в статье «С.-Петербургских ведомостей» (1870), позже вошедшей в книгу «Очерки и картинки», откликнувшись на одноименную статью Тургенева. В статье «По поводу „Отцов и детей“» (Из моих воспоминаний) Суворин писал, что «Отцы и дети» — это лучшее произведение писателя, а Базаров «превосходен», хотя, «говоря откровенно, между молодежью едва ли были Базаровы: такой тип испугал ее отчасти, отчасти поселил в ней зависть; Писарев узнал себя в Базарове, но это напрасно: он был несравненно мягче, деликатнее и несравненно дружелюбнее относился к действительности. В таком ярком лице, как Базаров, Тургенев скорей создал образчик радикала, по которому стали выкраиваться некоторые россий-

ские юноши, понявшие внешность Базарова. <...> даже городовые узнали слово „нигилист“, и на каждого мужчину с длинными волосами, особенно шершавого, указывали как на такового <...> Озлобление критиков на Тургенева собственно объясняется избранным им словом „нигилист“. У нас слова постоянно играли большую роль <...>» (Суворин А. С. Очерки и картинки. Кн. 2. С. 213–217).

⁹ *Елисеев Григорий Захарович* (1821–1891) — публицист, журналист. Постоянный сотрудник и член редакции «Искры» (1859–1863); с 1860 г. регулярно публиковался в «Современнике», где возглавлял отдел «Внутреннее обозрение» (1861–1865); с 1868 г. руководил публицистическим отделом «Отечественных записок».

¹⁰ В статье «По поводу „Отцов и детей“» Тургенев писал: «...я понимаю причины гнева, возбужденного моей книгой в известной партии. <...> Выпущенным мною словом „нигилист“ воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом. Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено мною это слово; но как точное и уместное выражение проявившегося — исторического — факта; оно было превращено в орудие доноса, бесповоротного осуждения, — почти в клеймо позора» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 93).

¹¹ *Лонгинов Михаил Николаевич* (1823–1875) — библиограф, мемуарист, поэт-любитель, критик и историк литературы, во второй половине 1840-х гг. был близок редакции «Современника», где стяжал репутацию либерала и неистового обличителя консервативных взглядов; в молодости приятель Тургенева. Позднее перешел на консервативные позиции. С 1871 г. начальник Главного управления по делам печати. А. В. Никитенко писал в своем дневнике 20 ноября 1871 г.: «На место Шидловского назначен М. Н. Лонгинов, орловский губернатор, который в публике известен как отъявленный противник освобождения крестьян, судебного нового устройства, земских учреждений и всех вообще улучшений, какие начаты в нынешнее царствование. Разумеется, от него ожидают самых враждебных действий против печати» (*Никитенко А. В. Дневник*. В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 217; см. также: С. 319. Далее: *Никитенко. Дневник*). «...Сквернейший по всей Руси губернатор, — писал Тургенев Я. П. Полонскому 18 декабря 1871 г., — <...> Сделан начальником нашей несчастной прессы!! Он будет злобствовать <...> со всей ехидностью ренегата» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 9. С. 196).

¹² По воспоминаниям врача Н. А. Белоголового, лечившего М. Е. Салтыкова, в декабре 1874 г. писатель простудился, «у него открылся сильный ревматизм суставов, осложненный воспалением сердца; болезнь приняла такой оборот, что долго боялись за его жизнь, и в конце апреля <12 апреля 1875. — С. И.> его прямо с постели врачи отправили в Баден-Баден», где здоровье его улучшилось, но через год он вернулся в Петербург «уже с резкою болезнью сердца, сделавшей его инвалидом на всю остальную жизнь» (*Белоголовый Н. А. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников*: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 280 (Сер. литературных мемуаров)). О состоянии Салтыкова Тургенев также знал из писем П. В. Анненкова, который сообщал ему, что писатель собирается ехать на зиму в Италию (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 10).

¹³ *Боровиковский Александр Львович* (1844–1905) — адвокат, поэт, публицист, приятель и постоянный корреспондент М. Е. Салтыкова. В 1874 г. сблизился с Суворинным и некоторое время выступал соавтором по стихотворной части в ряде его фельетонов (псевд.: А. Ферт). На «процессе 50-ти» защищал среди других и Лидию Фигнер, младшую сестру Веры Фигнер, под впечатлением от общения с которой написал стихотворение «К судьям» («Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский...») в форме «последнего слова» подсудимой и посвятил его ей. В начале апреля 1877 г. Тургенев прислал Анненкову (а также В. Рольстону) это стихотворение Боровиковского. В ответном письме от 8 (20) апреля Анненков писал: «Какую прелестную, умильную вещь прислали Вы мне <...>. Песнь о Лидии Фигнер я распространяю в многочисленных списках <...>. Человек ее составивший, очень талантливый человек. Кто бы это такой был?» (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 55). Тургенев познакомился с Боровиковским через Салтыкова (*Щедрин*. Т. 19. Кн. 1. С. 101. См. также: *Летопись (1876–1883)*. С. 254).

¹⁴ Речь идет о встрече Ф. М. Достоевского и Салтыкова, вероятно, 15 февраля, в субботу — факт, не отраженный в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», хотя в его письме к А. Г. Достоевской от 12 февраля 1875 г. (среда) говорится: «... Некрасов в субботу же хочет везти меня к Салтыкову (а я очень хочу завязать это знакомство)» (*Достоевский*. Т. 29. Кн. 2. С. 18). Имеется в виду возобновление личных отношений после перерыва, связанного с ожесточенной полемикой журналов «Время» и «Эпоха» с «Современником» в 1863–1864 гг. (см.: Там же. С. 202, коммент Г. Я. Галаган). Свидетельство Суворина подтверждает факт встречи двух писателей.

¹⁵ В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (Гл. XVIII: Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ») Гоголь пишет: «... я стал наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званьи и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобой, насмешкой и всем, чем ни попоало. <...> Герои мои еще не отделились вполне от меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Л., 1952. Т. 8. С. 294–295).

¹⁶ «История одного города» М. Е. Салтыкова публиковалась в *ОЗ* (1869. № 1; 1870. № 1–4, 9; отд. изд.: СПб., 1870) и сразу же вызвала противоречивые оценки современников. В своей статье «Историческая сатира» (*ВЕ*. 1871. № 4. Подп.: А. Б—ов) Суворин повторил высказанные в письме к Тургеневу обвинения в пренебрежительном отношении Салтыкова к народу, на что сатирик вынужден был возражать печатно. Свою позицию он изложил в письмах к А. Н. Пыпину и в редакцию *ВЕ*: критик, уличивший его в глумлении над народом, «не отличает народа исторического, то есть действующего на поприще истории, от народа как воплотителя идеи демократизма» (см.: *Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 74–76, 78–79, 82–86). Поскольку *ВЕ* не опубликовал «Письмо в редакцию» Салтыкова, полемика с Сувориным продолжилась в рецензии сатирика на «Повести, рассказы и драматические сочинения Н. А. Лейкина» (2 тома; СПб., 1871), ставшей публичным ответом писателя на суворинскую критику (*ОЗ*. 1871. № 5. С. 57–61; *Щедрин*. Т. 9. С. 421–425, 600–601). См. также: Там же. Т. 8. С. 537–538, коммент Г. В. Иванова).

¹⁷ Обвиняя Салтыкова в отсутствии идеалов, Суворин противопоставлял ему Гоголя, у которого лишь одного существовала «величайшая гармония между юмором и сатирой»: «Самые жалкие отребья человечества, вроде чиновника в „Шинели“, возбуждают в нем именно такой смех, сквозь который слышатся слезы»; в конце «Записок сумасшедшего» смех «обращается в вопль сострадания к больному человечеству». «Если отвергать народ, — писал Суворин, — отвергать его здравый смысл и даже простую его житейскую сообразительность, то что же признавать после этого?...» (*Суворин А. С.* Историческая сатира. «История одного города». По подлинным документам изданы М. Е. Салтыков (*Щедрин*). СПб., 1870 г. // Критика 70-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С. Ф. Дмитренко. М., 2002. С. 351–355). Незадолго до окончания статьи Суворин присутствовал на обеде у Стасюлевича, где был Тургенев. «Кончаю о Щедрине, — писал он Стасюлевичу <очевидно, в конце февраля — начале марта 1871 г.>, — и дух мой смущается теми похвалами книге, которые я слышал у Вас за обедом у Тургенева. Неужели он это искренне говорил? Для меня это — задача!» (цит. по: *Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 77, коммент В. Э. Богграда).

Отношения между Тургеневым и Салтыковым прервались после публикации романа «Отцы и дети» (1862), в котором сатирик усмотрел памфлет на революционных демократов. В 1870 г. в отношениях между писателями наступил переломный момент, когда Салтыков, по просьбе писателя, выслал ему 20 ноября отдельное издание «Истории одного города», побудившее Тургенева написать рецензию на «эту странную и поразительную книгу». Получив экземпляр отдельного издания, Тургенев в ответном письме к Салтыкову от 30 ноября (12 декабря) 1870 г. писал: «Душевно благодарю Вас за память обо мне и за великое удовольствие, которое доставила мне Ваша книга: прочел я ее немедленно. Не говоря уже о прочих ее достоинствах, эта книга в своем роде драгоценный исторический материал, который ни одним нашим будущим бытописателем обойденным быть не дол-

жен. Под своей резко сатирической, иногда фантастической формой, своим злобным юмором напоминающей лучшие страницы Свифта, „История одного города“ представляет самое правдивое воспроизведение одной из коренных сторон российской физиономии...» (ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 270). Незадолго до этого, прочитав продолжение очерков в № 2 ОЗ за 1870 г., он с восторгом отозвался об этом произведении в письме к Анненкову: «...хотел до чихоты. Он нет, нет, да и заденет меня; но это ничего не значит: он прелестен» (Там же. С. 140; об ошибочной датировке письма см.: *Летопись (1867–1870)*. С. 168, 201).

В отличие от Суворина, Тургенев высоко оценил «Историю одного города», опубликовав в популярном английском журнале «The Academy» рецензию, где писал: «В Салтыкове есть нечто свифтовское: этот серьезный и злобный юмор, этот реализм, трезвый и ясный среди самой необузданной игры воображения <...>» (ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 265). Отдельный оттиск этой статьи Тургенев подарил Салтыкову. «Завидя меня, — рассказывал Салтыков Л. Ф. Пантелееву, — Тургенев сам подошел ко мне и при этом дал мне оттиск своей статьи о моей „Истории одного города“ <...>. Тургенев сравнивал меня с Свифтом. Я недавно <в 1883. — С. И.> перечитал Свифта; хотя при издании и была статья В. Скотта, все же трудно понимать без комментариев, потому он на меня и не произвел особенно сильного впечатления» (Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. 2-е изд. / Подг., коммент. и вступит. ст. С. А. Макашина. М., 1975. Т. 1. С. 316; см. также: С. 398–399).

¹⁸ Речь идет о стихотворении Полонского «Ночь в Летнем саду». См.: *Полонский Я. П.* Снопы. Стихи и проза. СПб., 1871. С. 353–384.

¹⁹ Имеется в виду поэма Я. П. Полонского «Собаки (Юмористическая поэма)», опубликованная в журнале «Пчела», в которой высмеивается современная журналистика разных направлений (1875. № 2, 3, 6; подл.: Я. П.; отд. изд. — СПб., 1892). 15 (27) ноября 1872 г. Тургенев писал Полонскому: «Собаки» «мне нравятся, и я почти уверен, что из них выработается у тебя панда к „Кузнечнику“» (ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 58; см. также: С. 368, коммент. Т. П. Головановой). Позже, возможно под влиянием Суворина, Тургенев изменил свое мнение: «...твои „Собаки“, — писал он Полонскому 9 (21) марта 1875 г., — хотя очень мило покаивают хвостиками, но не кусаются... А какая уж это собака, коли не кусается? Сатира — не твое дело» (Там же. Т. 14. С. 514; см. также: С. 288, коммент. Т. П. Головановой).

²⁰ Аллегорическую поэму Я. П. Полонского «Кузнечик-музыкант» (вперв.: Русское слово. 1859. № 3) Тургенев назвал «прелестной, исполненной грациозного юмора идиллией, которая переживет и уже пережила многое множество современных ей произведений» (ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 124).

²¹ *Базунов Александр Федорович* (1825–1899) — в 1860-х — первой половине 1870-х гг. известный петербургский книгопродавец и издатель, вел также книжную торговлю в Москве и других городах России, при его магазине были открыты конторы таких периодических изданий, как «Время», «Русская старина», «Русский вестник», «Вестник Европы» и др.

²² *Маркевич Болеслав Михайлович* (1822–1884) — беллетрист и публицист; чиновник особых поручений при министерстве народного просвещения (1866–1875), член Совета министра, камергер. Об истории передачи аренды «С.-Петербургских ведомостей» с 1 января 1875 г. от В. Ф. Корша банковскому деятелю Ф. П. Баймакову А. В. Никитенко сделал запись в своем дневнике (от 17 февраля 1875): «Новый скандал. Министру народного просвещения поручил Б. М. Маркевичу, как ближайшему к себе доверенному лицу, составить с Ф. П. Баймаковым контракт по аренде на „Петербургские ведомости“. Редактором министр назначил графа Е. А. Салиаса, а Маркевич внес в контракт статью, по которой арендатор имеет право отказать редактору от газеты, когда найдет его неудобным для нее. За это взял с Баймакова отличную взятку». Когда «дело вышло наружу», с Маркевича «тотчас сняли камергерство и выбросили его из Совета министра» (Никитенко. Дневник. Т. 3. С. 332, 336). См. также: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. Воспомина-

ния: В 2 т. М., 1930. Т. 2. С. 544–549. Об «увольнении» Маркевича «по прошению» объявлено: Правительственный вестник. 1875. 18 февраля. № 40. Суворин, вместе с большинством других журналистов покинувший редакцию *СПбВед* в знак протеста против отстранения Корша, откликнулся на событие статьей «Из записок фельетониста. 1875 год. С.-Петербургские ведомости новой окраски» (*Суворин А. С. Очерки и картинки*. Кн. 1. С. 1–11). 14 (26) февраля Тургенев писал: «История с Маркевичем меня не удивила: в этой гадине соединились все условия происхождения, воспитания и пр. и пр., чтобы выработать из нее тип „клеветы в новейшем вкусе“» (*ЛССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 32). Отношение Тургенева к Маркевичу отразилось, в частности, в том, что он стал одним из прототипов образа Каломейцева в романе «Новь», над которым писатель работал в это время, однако история со взяткой побудила Тургенева ввести в роман еще один отрицательный персонаж — Ladislas'a (Там же. *Соч.* Т. 9. С. 487–488, коммент. Н. Ф. Будановой).

²³ *Потапов Александр Львович* (1818–1886) — в 1871–1876 гг. шеф жандармов и начальник III Отделения.

²⁴ *Баймаков Федор Петрович* (1834–1907) — владелец банкирской конторы, биржевой деятель, редактор-издатель «Финансового обозрения» и «Коммерческого календаря»; в 1875–1877 гг. издатель *СПбВед*. *Салиас де Турнемир Евгений Александрович*, граф (1840–1908) — исторический романист, сын писательницы Е. Тур. С 1 января 1875 г. стал новым редактором *СПбВед*, занимал этот пост до 27 мая 1875 г.

²⁵ *Праздновать трусу* — бояться, трусить, робеть (*Даль*).

²⁶ *Тимашев Александр Егорович* (1818–1893) — ген.-адъютант; член Гос. совета (с 1867); начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением (1856–1861); в 1868–1878 гг. министр внутренних дел.

²⁷ *Корш Валентин Федорович* (1828–1883) — историк литературы, журналист; с 1863 по 1874 гг. издавал на правах арендатора газ. *СПбВед*, являвшуюся собственностью Академии наук. В литературных кругах смещение Корша вызвало протест: 19 января 1875 г. ему был устроен прощальный обед, организованный редакциями петербургских газет и журналов, на котором среди других телеграмм была зачитана телеграмма Тургенева (неизв.). (см.: Неделя. 1875. 26 января. № 4. С. 150; см. также: *ПССиП(2). Письма*. Т. 13. С. 491–492; коммент. Т. А. Никоновой).

²⁸ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) — публицист, издатель газеты *МВед* и журнала *РВ*. *Георгиевский Александр Иванович* (1829–1911) — в 1866–1881 гг. член Совета министра народного просвещения. *Феоктистов Евгений Михайлович* (1829–1898) — крупный чиновник, впоследствии начальник Главного управления по делам печати. Будучи единомышленником министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого, Катков постоянно полемизировал с газетой Корша и был непримиримым противником ее либерального курса. Современники не сомневались в участии Каткова в разгроме газеты (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 13. С. 492), поскольку было известно о его намерении взять ее в аренду. Тургенев в письме к М. В. Авдееву от 30 декабря 1874 г. (11 января 1875 г.) с горечью отмечал: «А из России всё идут скверные вести. По милости и благодаря стараниям Каткова, придумали единственную чуть-чуть либеральную газетку („С.-Петербургские ведомости“), которая с Нового года переходит в ведомство молодого Сальяса — т. е. того же Каткова» (Там же. С. 248–249). Суворин писал: «Известно, что эту газету хотел взять <...> М. Н. Катков с компанией; компания эта выписала графа Сальяса из-за границы, поручая ему редакцию как талантливому беллетристу», однако Салиас «получил второе приглашение в редакторы той же газеты» от г. Баймакова, с которым и сошелся (*Суворин А. С. Очерки и картинки*. Кн. 1. С. 3).

²⁹ *Гаевский Виктор Павлович* (1826–1888) — юрист, историк литературы и библиограф. Был одним из основателей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (вначале секретарем, а затем в течение многих лет его председателем).

³⁰ М. Н. Лонгинов умер в Петербурге 23 января (4 февраля) 1875 г. (некролог см.: Голос. 1875. 25 января (6 февраля). № 25. С. 5). Тургенев в письме к Топорову от 2 (14) января 1875 г. спрашивал: «Правда ли, говорят, Лонгинов умирает? Это было бы единствен-

ной светлой точкой среди надвинувшейся у нас в последнее время мглы» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 14. С. 8), а 28 января (9 февраля) 1875 г. писал: «Итак, М. Н. Лонгинов Божию волею умре: плакать о нем будут мало. Беда только в том, что на его место назначат кого-нибудь еще почудней» (Там же. С. 19). См. также примеч. 31.

³¹ Подлинный текст пародии Д. Д. Минаева «Перед гробом М. Н. Лонгинова», датированной январем 1875 г., отличается от приведенного Сувориным первой строкой: «Стяжав барковский ореол <...>» (см.: *Минаев Д. Избранное / Сост., подг. текста, вступит. ст., примеч. И. Ямпольского*. Л., 1986. С. 199, 360 (коммент.)). Еще раньше в эпиграмме «М. Н. Лонгинову» (1871–1874) радикальный поэт спрашивал: «За что — никак не разберу я — / Ты лютым нашим стал врагом. / <...> твоя вражда / В различьи наших свойств таится? / Так мать-блудница иногда / На дочь невинную косится» (Там же. С. 199).

³² 21 декабря 1874 г. в связи с безнадежной болезнью Лонгинова начальником Главного управления по делам печати фактически был назначен *Василий Васильевич Григорьев* (1816–1881), ученый-востоковед, профессор Петербургского университета; редактор «Правительственного вестника» (1869–1870, 1874–1880).

³³ *Мансуров Борис Павлович* (1828–1910) — член Гос. совета, управляющий делами палестинского комитета.

³⁴ *Толстой Дмитрий Андреевич*, граф (1823–1889) — гос. деятель, в 1865–1880 гг. обер-прокурор Синода; в 1866–1880 гг. министр народного просвещения. А. В. Никитенко 3 ноября 1872 г. записал в дневнике: «Граф Д. А. взял на себя роль сыщика. Всякую мысль в печати, сколько-нибудь не согласную с его умопредставлениями об учебной части, он отыскивает с заботливостью, достойною лучшего дела, и представляет ее куда следует как преступную» (*Никитенко. Дневник*. Т. 3. С. 257).

³⁵ Роман Е. А. Салиаса «Пугачевцы» (полн. изд.: М., 1874), по воспоминаниям К. Головина, произвел сенсацию (см.: *Головин К. Мои воспоминания*: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 326). «Я пробовал читать „Пугачевцев“ Сальяса, — писал Тургенев Анненкову 6 (18) марта 1874 г.; — но мне этот стиль как-то особенно претит — и я бросил» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 13. С. 33).

³⁶ *Скальковский Константин Аполлонович* (1843–1906) — административный деятель, журналист, публицист, автор многочисленных путевых очерков и репортажей. В 1870–1876 гг. член редакции газеты, с 1876 г. постоянный сотрудник «Нового времени» (вел отдел «Среди газет и журналов»); известен острыми каламбурами, ловкостью, изворотливостью и бесцеремонностью в своих публикациях, что неоднократно отмечалось в печати. Так, Н. А. Демерт писал в связи с его выступлением о невозможности введения в России ограничений в использовании детского труда, что Скальковский «говорит то, что закажут ему говорить жадные эксплуататоры» (Наши общественные дела // *ОЗ*. 1873. № 10. С. 271; подп.: Д.). Как о «хвлатком дельце» и «беззастенчивом мздоимце» пишет о Скальковском сын Н. С. Лескова (*Лесков А. Жизнь Николая Лескова*, по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 7–9). Н. К. Михайловский регулярно критиковал корреспонденции Скальковского за хаотичность и противоречивость. См.: *Кузнецова Н. В. Скальковский К. А. // Русские писатели*. Т. 5. С. 627–629.

³⁷ Речь идет о художнике-передвижнике К. А. Савицком (1844–1905) и его жене Е. В. Савицкой. Поддерживая тесные связи с колонией русских художников в Париже в 1870–е гг., Тургенев был знаком с Савицким, вероятно, знал его жену и, конечно, знал о ее трагическом конце. «Недавно, — писал В. Д. Полenov жене 10 (22) февраля 1875 г., — в нашей русской колонии артистов случилось очень грустное событие: жена Савицкого скончалась, и он уехал в Россию. Бедняга совершенно убит горем <...>» (цит. по: *Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Полenov. Письма. Дневники. Воспоминания / Ред. и вступит. ст. А. Леонова М.; Л., 1948. С. 77*).

³⁸ Имеется в виду дуэль известного адвоката и публициста Е. И. Утина (1843–1894) и журналиста А. Ф. Жохова (1840–1872), обвинившего Утина в распространении слухов о его связи с женой подзащитного Н. С. Гончарова, судившегося за распространение про-

кламаций. Жохов настаивал на разговоре с Утиным в присутствии К. К. Арсеньева, Суворина и Е. В. Де-Роберти. Слухи оказались необоснованными. Дуэль состоялась 14 мая 1872 г. Со стороны Утина секундантами были С. Неклюдов и В. П. Бурснин, со стороны Жохова — Э. К. Ватсон и Е. В. Де-Роберти. Жохов был смертельно ранен и скончался 21 мая, Утин же был приговорен к заключению в Петропавловской крепости на пять месяцев, но дуэль широко обсуждалась столичной прессой. История имела продолжение. Гончарова застрелилась, ее сестра А. С. Лаврова стреляла в Утина, промахнулась, после чего застрелилась сама (о процессе см. речь защитника Утина В. Д. Спасовича: *Спасович В. Д. Соч.* СПб., 1898. Т. 5. С. 224–247; материалы процесса были опубл.: *СПбВед.* 1872. 17–20 августа. № 224–227). На процессе Суворин выступал в качестве свидетеля. Обстоятельства дуэли и ее детали подробно описаны в его дневнике; здесь же приведена копия письма Жохова к Утину (см.: *Суворин А. С. Дневник / Текстологич. расшифровка Н. А. Роскиной. Подг. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. М., 1999. С. 1–4, 550–551. Далее: Дневник*). 4 (16) октября 1872 г. Тургенев сообщал Е. И. Рагозину, что «со вниманием» прочел «прекрасные» статьи, помещенные в «Неделе», к примеру, «О дуэли Жохова и Утина» (см.: *ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 25, 355, коммент. Л. А. Николаевой*).

³⁹ *Суворина Анна Ивановна* (урожд. Баранова; 1840–1873) — переводчик с французского и немецкого языков, детская писательница, первая жена Суворина (с января 1857), мать пятерых детей; активно помогала мужу в его карьере: «Не будь Анюты, — вспоминал Суворин в 1896 г., — которая подбивала меня, ободряла и вообще имела на меня большое влияние, я, вероятно, так в Боброве и просидел бы целую жизнь» (*Дневник. С. 213*). Вместе с Е. И. Лихачевой Суворина перевела и составила ряд популярных книг, в т. ч.: «Для чтения: Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов» (СПб., 1866. Ч. 1), куда вошел рассказ Тургенева «Бирюк».

В ночь с 19 на 20 сентября 1873 г. Суворина была застрелена в отеле «Belle Vue» Т. И. Комаровым, который затем застрелился сам. Это событие активно обсуждалось в прессе. Суворин, оставшись вдовцом с пятью детьми на руках (младшему было 4 месяца), тяжело переживал эту трагедию. 26 сентября (8 октября) 1873 г. Тургенев писал из Парижа Я. П. Полонскому: «Но что за трагический город Ваш Петербург! Несчастье с Сувориным меня просто поразило. В сущности — что это была за история? Из газетных очерков ничего понять нельзя. Кто был этот Т. Комаров? Один журнал называет его побочным сыном известного оратора... и я пришел в тупик: впервые слышу об ораторах в России! <...> Напиши два слова об этой печальной истории. Я очень сочувствую бедному Суворину <...>» (*ПССиП(2). Письма. Т. 12. С. 225*).

2

25 марта 1875 г. Петербург

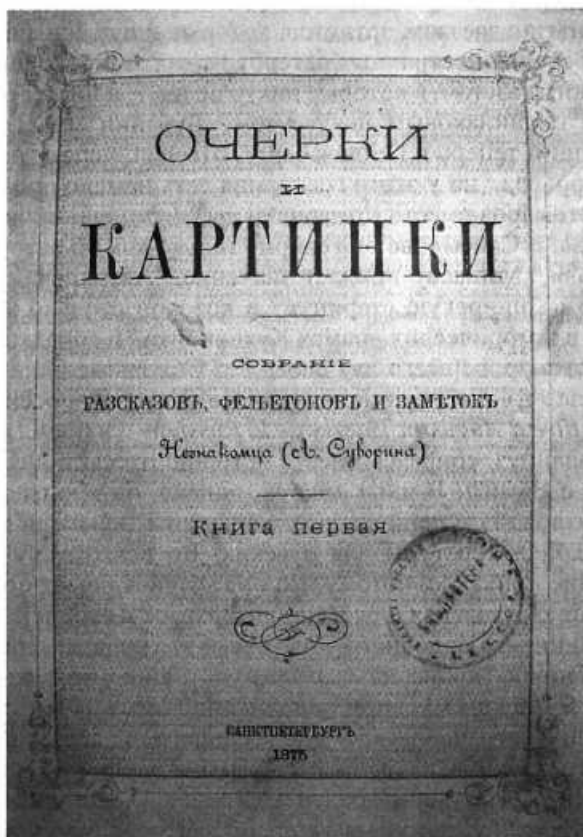
25 марта 75. СПб.
Саперный переулоч, 6.

Пишу к Вам, многоуважаемый Иван Сергеевич, по поводу книжки Куррьера «Histoire de la littérature contemporaine en Russie». Знаете ли Вы этого господина? Я нахожу его книгу порядочной и готов сожалеть о том, что у нас на русском языке ничего подобного нет, но в то же время досадно, что он так небрежно говорит о журнализме, в особенности о «СПб. вед<омостях>», в которых он ничего не нашел, и рассказал полемическую выходку Раппопорта против Буренина (M. R. и M. Z.).² Раппопорт — это театральный критик, самый старый, самый глупый и самый бездарный, но умеющий пользоваться обстоятельствами, т. е.

берущий деньги с заезжих артистов, которые ищут его, благодаря его известности среди иностранных петербургских актеров. Он вечно шастается по таким газетам, в которые никто не идет, и пишет и о комедии, и о музыке с одинаковым искусством.³ Буренин мне говорил, что Корш, живущий теперь в Гейдельберге, отвечал, через <нрзб.> на эту выходку Куррьера,⁴ но у этого господина есть немало промахов более грубых (Костомаров вместо Комаров⁵ и др.) и умолчаний невежественного свойства: о Салтыкове он говорит только как об авторе «Губернских очерков»,⁶ Минаеву придает значение,⁷ Аверкиева возносит до небес за его «Каширскую старину»,⁸ в которой столько же реальной правды, как в исторических драмах Кукольника,⁹ и гораздо меньше таланта, о Костомарове всего два слова,¹⁰ о Соловьеве банальная французская фраза, что «le mérit de cet ouvrage (Истории России) a voulu à son auteur le titre d'Augustin Thierry de la Russie»¹¹ и проч., и проч. Неужели этот француз, собираясь писать историю русской литературы, не советовался с Вами?¹² В иных местах, однако, он произносит верные суждения, до такой степени верные, что их хоть переводы в любую историю русской литературы для русских. Во всяком случае, книжка эта — явление приятное, потому что она устанавливает более или менее верные представления о русской литературе в европейской печати. Я сказал, что ничего подобного у нас нет, и это правда, если не считать разных учебников, написанных с спекулятивной целью, и слишком объемистой и многим мусором наполненной «Истории <русской> литературы» Полевого, человека очень усердного, но довольно недаровитого и к тому же слишком любящего картинку. Во 2 изд<ании> этого творения есть портрет вашей баденской виллы, — неужели это для чего-нибудь нужно?¹³ Для третьего издания, которое он уже готовит, наверно он снимет тот дом, в котором Вы живете теперь, как уже снял дом Островского в Москве. Между тем характеристики составлены довольно плохо.

Завтра я представляю в цензуру первый выпуск моих «Очерков и картинок». ¹⁴ Сожгут их или нет? Это вопрос для меня. Цензура решительно желает убедить публику в зловредности сотрудников «СПб. вед<омостей>» и не пускает нас: меня два раза приглашали читать, в пользу курсисток (это новое слово «курсистка» означает слушательниц медицинских курсов, а «курсянка» и «педагочка» — слушательница педагогических курсов) и в пользу Литературного фонда; я предоставил вещи невинные — мне запретили их.¹⁵ (Куррьер напрасно не сказал также об этой мании всесожжения,¹⁶ которое поглотило у нас в течение последних двух лет 22 книги, в том числе, напр<имер>, Гёбель¹⁷). Если пройдут мои «творения» благополучно, я немедленно вышлю вам экземпляр sous bande.^b ¹⁸ Вы найдете в этом первом выпуске кое-что новое, напр<имер>, литературный портрет Л. Н. Толстого. Он сделан

^a «заслуги этого труда принесли его автору звание русского Огюстена Тьерри» (франц.).

А. С. Суворин. «Очерки и картинки» (СПб., 1875)
Обложка

на́скоро, но мне очень любопытно было бы выслушать Ваши замечания.¹⁹ Его «Анна Каренина» пользуется большим успехом, в особенности в Москве; по-моему, она написана прекрасно, но узость взглядов самого автора прежняя.²⁰ Салтыков резко, по своему обыкновению, отозвался о романе: «Это сочинение об улучшении быта детородных частей».²¹ Как бы то ни было, но подписка на «Р<усский> вестник» выросла, на «Отеч<ественные> зап<иски>» упала до тысячи меньше, чем в прошлом году. Скука непроходимая и совсем невозможная увеличивается невероятно. Это все чувствуют, это даже на лицах видно. Теоретические вопросы, споры о которых были у нас в таком ходу, совсем никого не интересуют: все это переговорено и решено. Хочется хоть чего-нибудь, какой-нибудь встряски. А то и реакция какая-то жалкая, какая-то воровская. Ничего явно не делают, а все тихомолком: сошлют тихомолком, книгу сожгут тихомолком. Даже кутежа в грандиозном размере нету; в прежнее время существовало, говорят, общество Ада-

ма и Евы, ныне и в этом потребности нет, ибо захотел — кокоток целая пропасть и конкуренция все облегчает. Нажива и условия формальные, нотариальные, клязусы, процессы — больше решительно ничего. Протест если и существует, то ничтожный. Два адвоката взяли с Овсянникова за одно написание просьбы в Палату об его освобождении 30 000 р<ублей>. Эта сумма бросилась в глаза, начался говор. Сегодня адвокаты разрывают это условие, потому что палата их не допустила к судоговорению, но если, несмотря на это, Овсянников все-таки предложит им по 15 тысяч, брать их или не брать? Этот вопрос предложил мне сегодня один из них, весьма серьезно.²²

Второй выпуск «Очерков и картинок» печатаю; в него мне хочется поместить «литературный портрет Тургенева».²³ Но представьте, какая неудача! Я перерыл все бумаги и не нашел вашего «автобиографического очерка», который Вы мне дали в Париже.²⁴ Не поможете ли вы мне, хотя относительно двух фактов: Вас выслали в деревню за письмо о Гоголе или за «Записки охотника»? Когда, по ходатайству наследника, нынешнего Государя, Вас освободили?²⁵ «Пунин и Бабурин» — это в значительной степени автобиографические воспоминания или нет? Этот вопрос ставлю потому, что у Полевого сказано, что с русской литературой Вы познакомились через своего дворового человека, страстного поклонника Хераскова. «Пунин и Бабурин» одна из прекраснейших Ваших вещей.²⁶ Мне бы хотелось написать литературные портреты всех известных писателей и затем, отделив их по возможности тщательнее, издать отдельною книжкою.²⁷ К сожалению, я с Писемским совсем не знаком.²⁸ Вы как-то обещали мне написать по поводу моих заметок о том, как говорят наши писатели, нечто о том же предмете. Я был бы бесконечно обязан за Ваши указания, хотя мне совестно просить Вас о них.²⁹ Но надо измышлять, а то ведь скоро есть будет нечего, так как «Календарем» не проживешь: нынче он весь разошелся,³⁰ а я получил с него всего около 3000 р<ублей>. Скучно и мерзко жить. Какое это подлое состояние, когда стукнет 40 лет!³¹ Чувствуешь себя молодым душою и старым телом, молодости жаждешь, молодых порывов, страсти — черта <с> два, ничего нет, даже влюбиться не можешь — головою только еще можно влюбиться, но какая эта любовь! Это кислятина, головной разврат. Вчера был у меня Савицкий, тот художник, жена которого кончила с собой в Париже посредством жаровни с угольями.³² Ревел он, ревел у меня! В прошлом году я ревел у него и у его жены, когда моя умерла.³³ Он молод, скоро утешится. Проклятая вещь привязанность! Полтора года прошло, а все как будто вчера это было и по тупой боли нет-нет да и полоснут острым ножом. Получили ли Вы второе мое письмо?³⁴ Это — третье. Если я надоедаю Вам, Вы не церемоньтесь, пожалуйста.

Искренно вам преданный А. Суворин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5828. Л. 3–4 об. Частично опубликовано в комментариях в *ПССиП(1)* (Т. 11. С. 467–468) и в *ПССиП(2)*. (Т. 14. С. 294–295).

¹ Речь идет о книге французского издателя, литератора и переводчика, долго жившего в России, *Селеста Куррьера* (1843–?) «История современной литературы в России» (*Courrière C. Histoire de la littérature contemporaine en Russie*), изданной в Париже в 1875 г. Из современных русских писателей особое внимание автора привлек Тургенев, охарактеризованный как «глава „натуральной школы“». К этой же школе отнесен и И. А. Гончаров, романам которого «Обломов» и «Обрыв» посвящены отдельные главы (см.: Р. 288–289). В 1879 г. был издан сокращенный французский перевод «Войны и мира» Л. Толстого, выполненный Куррьером. Кроме того, в 1870-е гг. Куррьер знакомит французского читателя с «Поучениями Владимира Мономаха» и со «Словом о полку Игореве». О Куррьере как авторе «обстоятельной» «Истории современной литературы в России» Суворин упоминает также в «Очерках и картинках» (см.: *Суворин А. С. Очерки и картинки*. Кн. 1. С. 30 (3-й пар.)). Тургенев в ответном письме писал: «Куррьер был у меня и принес мне свою книгу. Это какой-то, как говаривали в старину, хлыщ, смахивающий на *commis voyageur*'a <коммивояжера. — франц.> или на ветеринарного врача: круглоголовый, плечистый, с каменными глазами и хриплым голосом» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 14. С. 61). На роман Тургенева «Новь» Куррьер откликнулся сочувственной статьей «Русский социализм и новый роман Тургенева» (см.: Там же. *Соч.* Т. 9. С. 537–538). Тургенев, видимо, не поддерживал отношения с Куррьером, так как на вопрос П. В. Анненкова, кто это, в ответном письме от 25 июня (7 июля) 1879 г. писал о нем: «некто» г. Куррьер (см.: *ПССуП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 101, 461).

² В. П. Буренин в 1866–1875 гг. выступал с обозрением журналов в *СПбВед* под псевдонимом «Z».

³ *Раппопорт Маврикий Якимович* (1827, по др. ист. 1824–1884) — музыкальный критик (псевд.: М. Р.), вел музыкальный отдел в «Сыне отечества». С 1856 г. — редактор и издатель «Музыкального и театрального вестника». Сотрудничал в «Биржевых ведомостях», «Пантеоне», «Русском мире», «Свете».

⁴ Упомянутый отклик В. Ф. Корша найти не удалось.

⁵ *Комаров Виссарион Виссарионович* (1838–1907) — редактор-издатель газеты «Русский мир» (1871–1873), в русско-турецкую войну — начальник штаба Моравской армии, генерал.

⁶ Суворин намекает на то, что цикл «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова был опубликован почти 20 лет назад (*РВ*. 1856–1857; отд. изд.: 1857), к 1875 г. Салтыков был уже автором «Писем из провинции» (1868–1870), «Истории одного города» (1869–1870), «Помпадура и помпадуриш» (1863–1874) и мн. др. произведений.

⁷ *Минаев Дмитрий Дмитриевич* (1835–1889) — поэт-сатирик, переводчик.

⁸ *Аверкиев Дмитрий Васильевич* (1836–1905) — драматург, прозаик, театральный критик, публицист, переводчик. Драма «Каширская старина» (*РВ*. 1872. № 1) имела успех на сценах Малого и Александринского театров (1871–1872).

⁹ *Кукольник Нестор Васильевич* (1809–1868) — прозаик, поэт, драматург; автор многочисленных исторических трагедий, на одну из которых («Генерал-поручик Паткуль») Тургенев откликнулся отрицательной рецензией (*ПССуП(2). Соч.* Т. 1. С. 251–276). Тургенев относил творчество Кукольника к «ложновеличавой школе».

¹⁰ *Костомаров Николай Иванович* (1817–1885) — историк, поэт, писатель.

¹¹ Речь идет об «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (В 29 т. СПб., 1851–1879), доведенной до екатерининского времени. *Огюстен Тьерс* (1795–1856) — французский историк. К 1876 г. на русский язык были переведены «Рассказы о временах Меровингов» (СПб., 1864), «История завоевания Англии норманнами» (СПб., 1858; 1868).

¹² В ответном письме Тургенев писал о книге Куррьера: «Вы совершенно верно оценили его книгу: он кое-чего нахватался в бытность свою на Руси — но всё это очень спешно, поверхностно и написано плохо — не литературным — языком. Вам бы написать книгу о новейшей российской словесности: вышло бы лучше, чем у К<уррьера> и даже чем у О. Миллера» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 14. С. 61). См. также примеч. 1.

¹³ Речь идет о 2-м, значительно дополненном издании «Истории русской литературы в очерках и биографиях» П. Н. Полевого (СПб., 1874), в котором на с. 739 воспроизведена литография виллы Тургенева в Баден-Бадене (по фотографии, снятой с натуры). В 1-м издании (СПб., 1872) статьи о Тургеневе не было. Биографические сведения, приведенные в очерке «Иван Сергеевич Тургенев» (С. 733–738), были сообщены Полевому самим писателем (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 12 С. 230–231, 440–441: письмо к Полевому от 17 (29) октября 1873 г.), за что автор благодарил Тургенева (С. VI).

¹⁴ Имеется в виду издание: *Суворин А. С. Очерки и картинки. Собрание рассказов, флельетонов и заметок*: В 2 кн. СПб., 1875.

¹⁵ См. неопубликованное письмо Суворина к В. П. Гаевскому (б. г.), которое по содержанию может быть датировано приблизительно тем же временем, что и письмо к Тургеневу. В обоих письмах речь идет о печатании книги «Очерки и картинки», а следовательно, те же чтения, о которых Суворин пишет Тургеневу, обсуждаются и в письме к Гаевскому. Приведем его целиком: «Многоуважаемый Виктор Павлович, я очень виноват перед Вами, но не по своей вине: только сегодня получил я свой рассказ от Стасова, который по поводу его объяснился с цензором, и это объяснение, по его словам, напомнило ему времена Красовских и Фрейгангов. Я изменил в рассказе начало и конец, отчего он вышел, по-моему, совсем благонамеренным. В чтении он все-таки был бы недурен, благодаря монологам. Кроме рассказа посылаю Вам о железнодорожниках и плутократии: это отрывки из книжки, которую я печатаю. Тут много нового против того, что было напечатано. Пусть марают, чего нельзя, но оба отрывка — в чистом листе и в корректуре можно связать двумя-тремя фразами во время чтения. Попробуйте убедить! Я убежден, впрочем, что они не позволяют не потому, что тут есть что-нибудь непозволительное, а потому, что *мне* не хотят позволить. Я постараюсь к Вам зайти сегодня до 12 часов. Ваш А. Суворин» (*РНБ. Ф. 171 (В. П. Гаевский). № 274. Л. 10*).

¹⁶ По этому поводу А. В. Никитенко писал в своем дневнике 8 ноября 1872 г.: Суворин «издал по прошлогоднему примеру календарь на 1873 год. Управление по делам печати велело отобрать и сжечь этот календарь <...>. Это уже второе аутодафе в течение двух или трех месяцев. Замечательно, как эти сожигатели не поймут, что этою глупостью они ставят и себя и правительство в комическое положение. <...> Жечь книги в наше время! Ну, если она не понравилась каким-то господам, — конфискуй ее; да сверх того, ведь эти жертвы пламени и осуждены на казнь не за всю ценность свою, а за одну какую-нибудь статью, ну, наконец, вырежь ее, а за что же целую книгу-то уничтожать и разорять издателя, как теперь разорен Суворин, беднейший из бедных литераторов» (*Никитенко. Дневник*. Т. 3. С. 259).

¹⁷ Очевидно, имеется в виду немецкий писатель *Кристиан Фридрих Геббель* (Hebbel; 1813–1863). О публикации перевода его драмы «Мария Магдалина» (1844) Тургенев хлопотал перед М. М. Стасюлевичем в 1876 г., называя это произведение «едва ли не лучшим произведением новой германской драматической литературы» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 11. С. 249), однако Стасюлевич не опубликовал перевод. Впервые в отрывках драма была опубликована в русском переводе в кн.: *Немецкие поэты в биографиях и образах / Под редакцией Н. В. Гербеля*. СПб., 1877.

¹⁸ В последующих письмах Тургенева к Суворину нет никаких упоминаний о получении его книги.

¹⁹ «Портрет Л. Н. Толстого, — заметил Тургенев в ответном письме, — выйдет у Вас, наверное, хорошо» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 61). В статье Суворина «Граф Лев Николаевич Толстой (Литературный портрет)» встречаются неоднократные упоминания о Тургеневе (о дружбе с Толстым, их разрыве, о романе «Отцы и дети»). Отдельному анализу подверглась «Анна Каренина» (см.: *Суворин А. С. Очерки и картинки*. Кн. 1. С. 12–27 (3-й пар.)). В дальнейшей переписке с Сувориным Тургенев никак не отзывался об этой статье.

²⁰ В ответном письме Тургенев, которому роман «Анна Каренина» категорически не понравился, пишет: «Талант — из ряду вон — но в „Анне Карениной“ он, как говорят здесь, а fait fausse route <встал на ложный путь. — франц.>: влияние Москвы, славяно-

фильского дворянства, старых православных дев, собственного уединения и отсутствие настоящей художественной свободы! Вторая часть просто скучна и *мелка*, вот что горе!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 61; см. также: С. 30, 31, 58, 94). См. также: Там же. Т. 11. С. 34.

²¹ Схожий отзыв содержится в письме Салтыкова к П. В. Анненкову от 9 марта 1875 г.: «Вероятно, Вы знаете историю Маркевича и читали роман гр<фа> Толстого о наилучшем устройстве быта детор<одных> частей. <...> Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 180).

²² Речь идет о так называемом «овсянниковском деле» — злоумышленном поджоге петербургским 1-й гильдии купцом, миллионером С. Т. Овсянниковым арендованной им паровой мельницы, застрахованной на 700 000 рублей. Адвокат А. Л. Боровиковский, поверенный обвиняемого, получил от Овсянникова 5000 рублей, искусно составил жалобу в окружной суд о неправомерности ареста и о невиновности его подопечного; обстоятельство получения взяток вскрылись, и Боровиковский пытался пожертвовать полученные деньги в пользу бедных студентов университета (см.: *ОЗ*. 1876. Т. 224. № 1. Отд. II. С. 117–139). Среди бумаг Овсянникова был отобран именной список высоких чинов с указанием ежемесячных платежей как мзды. Признанный виновным, Овсянников был сослан в Сибирь на поселение (см.: *Кони А. Ф.* На жизненном пути. М., 1913. Т. 1. С. 17–26; см. также: *Михиевич В.* Язык Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения / Подг. текста, коммент, вступит. ст. А. Иконникова-Галицкого. СПб.; М., 2003. С. 401, 753–755). В ответ на эту новость Тургенев писал: «А у Вас — история за историей! Не успел остыть Маркевич — как уже закипел Овсянников!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 62).

²³ «Литературный портрет Тургенева» отсутствует во втором выпуске «Очерков и картинок». Вероятно, вместо него Суворин поместил статью «По поводу „Отцов и детей“ (Из моих воспоминаний)», датированную 1870 г. (см.: *Суворин А. С.* Очерки и картинки. Кн. 2. С. 208–221).

²⁴ Речь идет о биографических сведениях, приложенных к письму Тургенева от 22 декабря (3 января) 1871 г., посланному Суворину, когда тот был в Париже (*ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 188; см. также: С. 493–494). Письмо это, переданное Сувориным Гаевскому для публикации, по техническим причинам не вошло в «Первое собрание писем И. С. Тургенева (СПб., 1884). См. *Приложение*. В ответ на сообщение Суворина о потере этой справки Тургенев писал: «Что касается до биографических подробностей обо мне — то все данные у Полевого верны — и других, кажется, собирать не стоит» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 61, 294). См. также примеч. 13.

²⁵ На смерть Н. В. Гоголя Тургенев откликнулся статьей «Письмо из Петербурга» (*МВед*. 1852. 13 марта. № 32. С. 328–329). «Гоголь умер! — писал Тургенев. — Какую русскую душу не потрясут эти два слова? <...> Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертию, назвать великим <...>» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 64). За публикацией этой статьи 16 апреля последовали арест и ссылка в Спасское-Лутовиново. Лишь осенью 1853 г. писателю было разрешено приехать в Петербург (подробнее об этом см.: *Папаева А.* Воспоминания. М., 2002. С. 219–221; *Дризен Н. В.* Арест и ссылка И. С. Тургенева // *ИВ*. 1907. № 2. С. 559–569; см. также: *ПССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 123–126, 462–465).

²⁶ Впервые рассказ «Пунин и Бабурина» был опубликован в «Вестнике Европы» (1874. № 4). В том же году Тургенев значительно доработал рассказ для готовящегося «Собрания сочинений» (1874), включив в него обширные добавления (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 435). Вероятно, именно эту публикацию читал Суворин, получив от Тургенева собрание сочинений и пообещав в письме от 19 февраля 1875 г. прочитать последние произведения писателя. См. примеч. 4 к п. 1. В письме к Суворину от 14 (26) февраля 1875 г. Тургенев заметил: «Дайте себе труд перечитать „Пунина и Бабурина“. Я эту вещь переделал и поправил — и хотя всё еще ею недоволен — но, мне кажется, в ней что-то

есть. Но и это, может быть, самообольщение старика насчет последнего своего детища?» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 33). «В „Пунине и Бабурине”, — сообщил Тургенев в ответ на отзыв Суворина, — действительно много автобиографического» (Там же. С. 61). Подробнее об этом см.: Там же. *Соч.* Т. 9. С. 437–438).

²⁷ В статье Суворина «Недельные очерки и картинки» (Биржевые ведомости. 1876. 4 января. № 3) даны портреты ряда современников: В. П. Авенариуса, В. Г. Авсеенко, И. К. Айвазовского, И. С. Аксакова и др. Продолжение серии под названием «Наброски о современниках» печаталось в «Новом времени» (1876. 28 марта. № 29).

²⁸ Интерес Суворина к А. Ф. Писемскому, вероятно, связан с намерением написать его литературный портрет. В ответном письме Тургенев советует Суворину съездить в Москву и познакомиться с Писемским, «его стоит посмотреть поближе» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 61).

²⁹ «Я не отказываюсь сообщить Вам, — писал Тургенев в ответном письме, — обещанные подробности о разных писателях, с которыми мне пришлось сталкиваться; но боюсь я собственной лени, перо как-то валится из рук — в какие-нибудь два часа я бы наговорил Вам с три короба!» (Там же. Т. 14. С. 61–62).

³⁰ «Русский календарь» — одно из изданий Суворина, начал выходить с 1872 г. Тургенев просил А. В. Топорова прислать ему «Русский календарь на 1875 г.» (СПб., 1874) (Там же. Т. 14. С. 8).

³¹ В ответ на это Тургенев писал: «После 40 лет жить точно не совсем весело — особенно в течение первых десяти лет. Ну, а потом под влиянием холода, веющего из могилы, человек успокаивается» (Там же. Т. 14. С. 62).

³² См. примеч. 37 к п. 1.

³³ См. примеч. 39 к п. 1.

³⁴ Предыдущее письмо Суворина, написанное после письма от 19 февраля 1875 г. (№ 1), неизвестно, таким образом, письмо Тургенева от 14 (26) марта — 1 (13) апреля 1875 г. было ответом на два письма Суворина: неизвестное (второе) и следующее за ним (третье) от 25 марта 1875 г.

3

28 марта 1876 г. Петербург

28 марта 1876 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич, очень Вам благодарен за Ваше желание помочь «Новому времени», но Вы плохо рассчитали на почту: я получил Ваше письмо только сегодня, заштемпелеванное вчерашним числом.¹ Пошли я сегодня телеграмму, Вы не могли бы мне выслать начало романа ранее 11-го нов<ого> стиля, получил бы его я около 15-го, в страстную субботу; дня три газеты не выходят, а в это время получится «*Bien public*» с романом.² Мы не могли бы предупредить другие газеты ни на один день, а если б и предупредили, то разве дня на два — на три. При необходимости помещать обязательные фельетоны в известные дни и это предупреждение ни к чему бы не послужило, так как другие газеты, по всей вероятности, станут печатать извлечение из романа.³ Я бы ни одной минуты не колебался, если б мне предложили роман, напр<имер>, за месяц до появления его в «*Bien public*», и на будущее время я был бы очень рад пойти на такие условия, хотя, признаюсь Вам, я вовсе не так высоко ставлю Зола, как некоторые наши критики,

как юный критик «Нового времени» — Венгеров (ему 20 лет).⁴ У Зола столько тела и жиру, что души совсем не видать, а ведь она же есть; его описанья иногда больше претензий в себе заключают, чем настоящих художественных красок. Публика, впрочем, бросается на него и на то, что он похвалит, а он все делает открытия великих романистов, вроде братьев Гонкур⁵ и Додэ,⁶ который больше обладает лирическим чувством, чем художественным, и который в маленьких вещах, по-моему, лучше, чем в больших. Это какая-то смесь Клареси⁷ с Зола. Мне вообще досадно, что Зола потчует русскую публику французскими реалистами, точно у нас своих нет, точно у нас нет Вас, Толстого, Достоевского, Гончарова, даже Писемского. Додэ — это Левитов, но Левитов спился у нас и погиб,⁸ а во Франции из него выработался бы талант недюжинный.

Я все бьюсь из-за порядочного корреспондента для Франции. Писал Валесу⁹ — он запросил по франку за строчку, Ранк¹⁰ — тоже запросил такую сумму, какую я не могу заплатить при настоящих условиях газеты, которая при всем успехе своем не может платить больших денег,^а а успех этот неожиданный — мы имеем 1500 подписчиков^в в течение одного месяца и больше 2000 отдельной продажи. «Голос»¹¹ продается в числе 1500 экземпляров^в, но газета стоит в месяц больше 8000 рублией^в. Отдельную продажу нам запретили¹² на днях по настоянию Толстого,¹³ который написал Тимашеву,¹⁴ что он управлять министерством не может, если будут появляться корреспонденции, подобные новгородской (№ 17 «Нового времени»), написанной Шашковым;¹⁵ Григорьеву приходится защищать нас; 3 отделение шлет доносы на «Новое время»; я получил очерк от Салтыкова¹⁶ — Григорьев¹⁷ советует подождать с ним. Иной раз просто голову теряешь, как поступать, что можно и чего нельзя. Цензурен ли роман Зола? Это тоже вопрос. Если он цензурен, я предложил бы вот что: будь у меня корректура его номеров за 5 вперед, так что мы могли бы делать большие извлечения,¹⁸ предупреждая другие газеты, я охотно заплатил бы рублей 100.¹⁹ Но еще лучше было бы, если б Зола согласился иногда писать в газету, раза два в месяц, о чем хочет, хотя бы свои contes.^с Если бы Вы ему предложили это от моего имени, я был бы Вам очень благодарен.²⁰ Не знаете ли Вы, где живет Сахер-Мазох и можно ли с ним вступить в соглашение относительно одновременного печатания его вещей порусски и по-немецки. Этот барин мне очень нравится, хоть его напрасно сравнивают с Вами:²¹ у него колорит яркий, но краски грубоватые, и слишком уж он наваливает их на одно место — это Маккарт,²² но погубее.

Я помню Ваше обещание, Иван Сергеевич, и рассчитываю на него.²³ Поддержка нам крайне необходима. Вы не поверите, какая бедность сил, какая бедность даже в грамотных людях. Невежество непроходи-

^а Далее было: все

^б не может платить больших денег — *вписано над строкой.*

^с сказки (франц.).

мое, сплошное. Молодежь лезет ко мне, но что это за произведения — все фельетон и фельетон жалкий, жидкий, с оттенком того, что скажет ему последняя книга. Венгеров ужасно юн, у него есть бойкость, но какая-то сухая, с ним приходится спорить о пустяках.²⁴ Буренина взять мне не позволяют: 3-е отд<еление> доложило Государю, что я пригласил его,²⁵ Де-Роберти²⁶ и Арсеньева²⁷ — эту бумагу мне показали в главном управлении, и мне пришлось отрешиваться от двух первых и защищать последнего. В литературном отделе 3-го отд<еления> сидит Сушков,²⁸ брат редактора «Прав<ительственного> вестн<ика>»,²⁹ идиот, написавший когда-то «Судеб<ную>» опись», и строчит доносы, в которых слова правды нет. Между тем Буренин стал писать в «СПб. вед<омостях>» под псевдонимом Рюрик — и ничего. Живешь в этой поганой каше и только обмазываешься ею.

Дай Вам Бог здоровья.

Ваш от всего сердца А. Суворин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 5828. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано М. К. Клеманом: Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами // *ЛН*. Т. 31–32. С. 946–948.

¹ Письмо Суворина является ответом на письмо Тургенева от 22 марта (3 апреля) 1876 г., в котором говорилось: «Я читаю Ваш журнал с великим удовольствием, желаю ему всяческих успехов — и, как только будет возможно, постараюсь сдержать свое обещание» (*ПССиП(1) Письма*. Т. 11. С. 238). См. также примеч. 23.

² Тургенев писал: «Мой приятель, Э. Золя, написал шестой роман из серии „Ругон-Маккаров“ под заглавием „Бойня“ („L'Assommoir“) и хотел его отдать в „Вестник Европы“ на прежних основаниях — но вследствие успеха последнего его произведения („Son Excellence Rougon“) он получил весьма выгодное предложение от журнала „Bien Public“ — и „Бойня“ появится в фельетоне этого журнала, начиная с 15-го апр<еля> н. ст. Это сделало появление его в майской книжке „Вестника Европы“ (т. е. 13-го мая) невозможным — так как другие переводчики будут иметь почти целый месяц авансу — и, разумеется, не упустят случая. Мне пришло в голову, не захотите ли Вы для Вашего „Нового времени“ воспользоваться этим? Золя мог бы так устроить, чтобы Вы получили начало его романа ровно неделю раньше всех других — и продолжение также — так что для публики это была бы новинка» (Там же. Т. 11. С. 238–239).

³ До 1874 г. переводы Золя печатались только в «толстых журналах». С романа «Завоевание Плассана» (1874), переводы и пересказы которого одновременно вышли в шести журналах и газетах, его произведения стали публиковаться на страницах русских газет. Так, ряд рассказов из сборника «Nouveaux contes à Ninon» был переведен в 1875 г. газетами; начиная же с романа «Западня» («Бойня»), о котором идет речь в письме, «газетные публикации стали обычным путем первоначального ознакомления русских читателей с новыми романами Э. Золя» (*Клеман М. К. Эмиль Золя. Сб. статей*. С. 223–224).

⁴ *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920) — историк литературы, критик, библиограф. В 1872–1875 гг. сотрудничал в «Новостях», «Неделе», журнале «Сияние». Первым крупным исследованием Венгерова была книга «Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды. Иван Сергеевич Тургенев» (СПб., 1875. Ч. 1; 2-е изд.: СПб., 1877). Тургеневу книга не понравилась, хотя «в ней есть много справедливого и хорошего», — писал он автору 25 мая (6 июня) 1875 г. (*ПССиП(2). Пись-*

ма. Т. 14. С. 100). Венгеров — автор воспоминаний о Тургеневе: «Четыре встречи с Тургеневым» (Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 2. С. 42–45).

⁵ Гонкур (Goncourt) Жюль де (1830–1870) и Эдмон (1822–1896), братья — французские писатели. Статьи Золя о Гонкурах и Доде были опубликованы в *ВЕ* («Парижские письма»).

⁶ Доде Альфонс (Daudet; 1840–1897) — французский писатель. Тургенев познакомился с ним в Париже в доме Г. Флобера в 1868–1870 гг. (см.: *Летопись (1867–1870)*. С. 195).

⁷ Кларети Жюль (Claretie; 1840–1913) — французский писатель и журналист. Автор серии фельетонов «Жизнь Парижа в 1883 г.». Суворин познакомился с ним в 1893 г. в Париже (см.: *Дневник*. С. 192).

⁸ Левитов Александр Иванович (1835–1877) — прозаик. Суворин был знаком с ним по салону Е. В. Салиас-де-Турнемир (1861–1862). Сотрудничал в «Московском вестнике», журналах «Время» и «Современник». Из скитаний по России вынес темы своих рассказов, тематически и стилистически развивающих физиологический очерк. Наиболее известные его произведения — книга «Московские норы и трущобы» (СПб., 1866. Т. 1–2), «Степные очерки» (СПб.; М., 1865–1867. Т. 1–3). Много бедствовал, страдал алкоголизмом, имел пристрастие к карточной игре; за несколько месяцев до смерти заболел чахоткой, голодал, пытаясь найти работу в какой-нибудь мелкой редакции (см.: *Русские писатели*. Т. 3. С. 304–307; статья А. В. Чанцева).

⁹ Валлес Жюль (Vallès; 1832–1885) — французский писатель, журналист и общественный деятель. Член 1-го Интернационала и Парижской Коммуны; автор биографической трилогии «Жак Вентра» (1879–1886).

¹⁰ Ранк (Rank) Артур — французский радикальный журналист, публицист, общественный деятель при Л. Гамбетте.

¹¹ А. А. Краевский в 1863 г. основал «Голос» — одну из первых общественно-политических газет в России, просуществовавшую до 1883 г. и имевшую авторитет среди газетной периодики. Газета регулярно получала материальные субсидии от министерства народного просвещения (см.: *Русские писатели*. Т. 3. С. 124–127; статья М. А. Турьян). К лету 1876 г., по словам одного из сотрудников «Нового времени», суворинское издание «начинает иметь огромный успех. Оно веселее подлого „Голоса” и „Петербургских ведомостей”» (цит. по: *Динерштейн Е.* Публицист «крайних убеждений»: Путь А. С. Суворина к «Новому времени». С. 273). В 1877 г. тираж газеты достиг 22000 экземпляров (см.: *Есин Б. И.* История русской журналистики XIX в. М., 1989. С. 202).

¹² «Сочувствую Вашему горю (запрещению розничной продажи), — писал Тургенев в ответном письме, — и удивляюсь Вашей отваге, бросившей Вас посреди моря, которое в одно и то же время и ужасно грязно — и всё усеяно подводными камнями. Дай Вам бог и миновать их и не слишком запачкаться! Я Вашу газету читаю с удовольствием» (*ПССиП(1) Письма*. Т. 11. С. 251).

¹³ См. примеч. 34 к п. 1.

¹⁴ См. примеч. 26 к п. 1.

¹⁵ См.: *НВр*. 1876. 18 (30) января. № 17.

¹⁶ С предложением участвовать в «Новом времени» Суворин обращался ко многим писателям: Л. Н. Толстому, Н. А. Некрасову, Н. С. Лескову и др. В письме к Суворину из Ниццы от 26 февраля (9 марта) 1876 г. Салтыков писал: «Насчет участия в „Новом времени” <...> очень рад, только определить степень этого участия могу не иначе как по соглашению с редакцией „Отечественных записок”» (*Щедрин*. Т. 18. Кн. 2. С. 267).

¹⁷ В. В. Григорьев после смерти М. Н. Лонгинова занял пост начальника Главного управления по делам печати.

¹⁸ Золя, писал Тургенев в ответ на это предложение, «не может доставить Вам несколько корректур будущих фельетонов — так как решился заменить ими на этот раз обычное свое ежемесячное письмо в „Вестнике Европы”» (*ПССиП(1) Письма*. Т. 11. С. 251).

¹⁹ Тургенев писал: «...чтобы Вы также дали знать в телеграмме, какую цену Вы могли бы назначить. <...> я полагаю, что Вам роман был бы уступлен за 1000 фр.; быть может, за 250 цекл.» (Там же. С. 239).

²⁰ В ответном письме Суворину от 9 (21) апреля 1876 г. Тургенев писал о своем разговоре с Золя: «Я ему говорил о Вашем предложении (насчет участия в „Новом времени“ два раза в месяц), но у него так много работы теперь на руках (он, между прочим, стал театральным рецензентом в „Bien Public“), что и от этого предложения он принужден теперь отказаться, хотя благодарит за доверие и будет иметь это в виду» (Там же. С. 251).

²¹ *Захер-Мазох Леопольд*, фон (Sacher-Masoch; 1836–1895) — немецко-австрийский писатель, в своих новеллах пристальное внимание уделял табуированной эротике. «Что касается до Захер-Мазоха, — писал Тургенев в ответном письме, — то, я полагаю, он очень будет рад вступить с Вами в сношения. Постоянное его местопребывание — Грац в Австрии; издатель его — Галлер в Берне (в Швейцарии). Я с ним не знаком лично — и, признаюсь, небольшой охотник до его романов. В них слишком много „литературы“ и „клубнички“ — две вещи хорошие — но при излишнем пережевывании нестерпимые. Я никогда не мог понять, с какой точки зрения меня сравнивали с ним» (Там же. С. 251). И. Д. Гальперин-Каминский вспоминал: Л. Пич «сообщает, что, прочитав при нем впервые какой-то рассказ Захер-Мазоха, Тургенев пришел в такое негодование от циничности сюжета, что тут же попросил своего друга достать ему поскорее фотографическую карточку автора рассказа для помещения ее в ватерклозете» (цит. по: *ПССУП(2) Письма*. Т. 12. С. 423). О влиянии на Захер-Мазоха Тургенева, а также о высказанном в виде предложения обратном влиянии Захер-Мазоха на позднего Тургенева см.: *Перро Ж.* Тургенев, Джеймс и «Венера» Леопольда фон Захера-Мазоха // *ВЛ*. 1997. № 4. С. 162–190.

²² *Макарт Гаус* (Makart; 1840–1884) — популярный австрийский живописец, академик, автор декоративных полотен огромных размеров на исторические и аллегорические темы.

²³ Речь идет о намерении Тургенева написать статью для «Нового времени», высказанном им в письме к Суворину от 23 февраля (6 марта) 1876 г., в котором он писал: «...Вы можете быть уверены, что я серьезно намерен сдержать мое обещание — и сдержу его, как только будет возможно. Поддержать издание, в котором Вы — главный участник, для меня дело совести» (*ПССУП(1) Письма*. Т. 11. С. 221). Лишь в июне в «Новом времени» была опубликована некрологическая статья «Несколько слов о Жорж Санд», опубликованная в виде письма к Суворину (*НВр*. 1876. 15 (27) июня. № 105). См: *ПССУП(1) Письма*. Т. 11. С. 274–275.

²⁴ В 1876 г. Венгерс публикует в «Новом времени» «Литературные очерки» — серию статей о текущей русской литературе, посвященных в основном творчеству писателей второго ряда.

²⁵ *Буренин Виктор Петрович* (1841–1926) — поэт, литературный и театральный критик; писал фельетоны в *СПбВед* (под псевд. «Выборгский пустынный»), после запрещения выступать на общественно-политические темы стал обозревателем журналов (псевд. «Z»). Хлопоты Суворина по поводу участия Буренина в *СПбВед* увенчались успехом, так как с 1876 г. он начинает сотрудничать в суворинской газете.

²⁶ *Де-Роберти* (полн. имя Де Роберти де Кастро де ла Серда) *Евгений Валентинович* (1843–1915) — социолог, философ, публицист, общественный деятель. В 1864 г. попал на учет в III Отделение и был исключен из университета за статьи в издаваемом им сатирическом журнале «A tout venant je sache, или Бог не выдаст — свинья не съест» (Гейдельберг), в которых выступал за освобождение Польши (псевд. «Ваша мать Матрена»). События эти Тургенев описал в романе «Дым» (см.: *Муратов А. Б.* «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // *ЛН*. Т. 76. С. 71–105). Сотрудничал в газете *СПбВед*.

²⁷ *Арсеньев Константин Константинович* (1837–1919) — юрист, литературный критик, публицист, общественный и земский деятель. В *СПбВед* завсодовал отделом иностранной политики (1862); сотрудничал в *ВЕ* (последние семь лет как редактор журнала).

²⁸ Очевидно, речь идет о *Дмитрии Петровиче Сушкове* (1817–1877) — писателе, брате С. П. Сушкова.

²⁹ *Сергей Петрович Сушков* (1816–1893) — брат Е. П. Ростопчиной, участник Крымской войны, автор трудов по богословию, в т. ч. на французском языке, выступал против римской церкви, с 1873 г. служил в главном управлении по делам печати, с 1874 по 1881 гг. был главным редактором газеты «Правительственный вестник».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первая публикация писем Тургенева к Суворину состоялась через год после смерти Тургенева.¹ Она вызвала отклики в печати. В рецензии «Капитальная бестактность (По поводу собрания писем И. С. Тургенева)» П. Н. Полевой, имея в виду откровенные отзывы писателя о других литераторах, писал: «...мы решительно не знаем — чему следует более удивляться: бестактности общества, издавшего письма, или наивности тех лиц, которые решились сообщить писанные к ним эпистолы? <...> В самом деле, трудно себе представить более неуклюжую, более медвежью услугу, нежели та, которую оказали памяти Тургенева его друзья, вновь возбуждая над его едва закрывшейся могилою все перекоры и всю вражду, которые еще так недавно стихли над прахом почившего писателя...».² «Несмотря на то, — писал И. А. Гончаров, — что письма Тургенева прошли через руки нескольких лиц, под редакцией старого и опытного литератора В. П. Гаевского — и тут проскользнула несколько писем <...> которых Тургенев, конечно, не разрешил бы печатать, и много других, где он делает резкие и иногда несправедливые отзывы о людях или сочинениях. <...> Когда он писал это, то, конечно, не предвидел, сколько высказанного им самим частным образом, так сказать, на ухо, приятелям, всплывет наружу перед всеми, не в далеком будущем, а вслед за его гробом».³

В Отделе рукописей РНБ сохранились два письма Суворина, адресованные редактору тома В. П. Гаевскому, по поводу публикации его писем в предполагаемом сборнике, содержащие небезынтересные дополнительные комментарии к истории его переписки с Тургеневым, а также характеристику писателя и факты его житейской и творческой биографии. Как известно, в первом собрании писем Тургенева было опубликовано восемь писем к Суворину. О девятом письме, по техническим причинам не вошедшем в издание 1884 года, говорится в письме М. М. Стасюлевича, адресованном В. П. Гаевскому. В нем также проясняются обстоятельства отсутствия в издании одного из девяти писем Тургенева, переданных Суворинным Гаевскому для публикации. Это письмо от 22 декабря (3 января) 1871 года, то есть самое раннее из известных писем Тургенева к Суворину. Вероятно, Гаевский по какой-то причине прислал это тургеневское письмо Стасюлевичу позже, когда верстка остальных, хронологически следующих за ним писем была уже завершена, либо сам Стасюлевич по каким-то техническим причинам пропустил это письмо. По-видимому, дополнительной причиной могло оказаться и то, что Суворин сообщил в письме к Гаевскому о восьми переданных письмах, среди которых находилось и девятое. Письмо Стасюлевича также хранится в РНБ. Письмо Суворина к Гаевскому (№ 3), написанное сразу по выходе тома из печати, датируется на этом основании предположительно ноябрем — декабрем 1884 года. Представляется целесообразным привести эти неопубликованные письма полностью.

¹ Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840–1883 гг. СПб., 1884. На тит. — 1885.

² Живописное обозрение. 1884. 17 ноября. № 46. С. 306; см. также продолжение статьи: 24 ноября. № 47. С. 321–323.

³ Гончаров И. А. Нарушение воли // ВЕ. 1889. № 3. С. 78–79.

1

С. А. Суворин — В. П. Гаевскому

2 сентября 1884 г. Петербург

2 сентября 84.

Многоуважаемый Виктор Павлович,

посылаю Вам все восемь писем Тургенева ко мне. Большая часть их очень интересна, как Вы увидите; есть вещи, которые не безразличны и для его биографии, есть отзыв об «Анне Карениной» Толстого и проч. Распоряжайтесь ими, как хотите.

Ваш А. Суворин.

2

М. М. Стасюлевич — В. П. Гаевскому

5 октября 1884 г. Петербург

5.X.84.

Многоуважаемый Виктор Павлович,

возвращаю Вам одно из писем Тург<енева>, 1871 г., за совершенную невозможностью поместить его: я застал книгу на 1876 годе, а потому успел поместить только остальные 7 — и то с переверсткою 15-го листа, так как я нашел письма интересными; а это письмо и не особенно важно. Никаких «анти» я не нахожу в этих письмах, или я простудился и потерял цензурный нюх. Очень сожалею, что не застали меня дома и постараюсь на днях же застать Вас.

Весь Ваш М. Стасюлевич.

3

С. А. Суворин — В. П. Гаевскому

<Ноябрь — декабрь 1884 г.> Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович,

из того, что передала мне моя жена, вернувшись с литературного вечера, я мог уразуметь, что мою заметку о редакции писем Тургенева Вы

считаете вызванной тем, что в письмах Тургенева ко мне не выпущена фамилия Маркевича. Это только отчасти справедливо. Григорович говорил мне, что редакция Писем приняла за правило выпускать из писем все резкие слова и характеристики. Он сам из писем Тургенева к нему выпустил характеристику Стасюлевича, очень смешную, и вычеркнул какое-то слово, стоявшее около моей фамилии, когда Тургенев^a говорит, что я один правильно говорил о Саре Бернар. Посылая письма Т<тургенева> ко мне, я отдал их в полное Ваше распоряжение, т. е. Вы могли их не печатать, могли из них вычеркивать, могли, конечно, и целиком их напечатать. Но ведь это противоречило бы правилам, принятым при редакции Писем. Когда Маркевич нападал на Тургенева, я всегда писал против Маркевича и при жизни Тургенева, и после его смерти (последняя выходка Маркевича в «Москов<ских> вед<омостях>» по поводу статьи Лаврова). Они друг друга ненавидели, и я очень мало обеспокоен тем, что имя Маркевича явилось целиком. Он все равно узнал бы себя и под буквою М., как узнали бы его весьма многие, помнящие историю его с Баймаковым. Но мне удивительно было встретить отзывы о Некрасове, о Достоевском, о Григоровиче, о Гончарове («воняет литературой» и др.), о Черняеве. Странными мне казались приемы, которые позволяют в одной строке упомянуть фамилию целиком, когда она являлась без прилагательного, а в другой строке ту же фамилию обозначить только начальной буквою, когда при ней стоит ругательное слово. А это случается сплошь и рядом и об этом нельзя молчать, так как редакция Писем, которых, вероятно, наберется несколько томов, должна выработать себе положительные правила, которые и не преступать. Я серьезно <держусь> того мнения, что о литераторах *надо все печатать*, без единого исключения, руководствуясь только тем благоприличием, которое изгоняет из печати слово вроде сукина сына и т. д. По-моему, при жизни гораздо приятнее (если в этом приятность есть, конечно) прочесть про себя какую-нибудь пакость, чем предоставлять ее потомкам для развлечения. При жизни и ответишь на нее или объяснишь. После смерти пакость так и останется без ответа. Я вообще за откровенность в этом отношении. Отчего и современникам не представить зрелища того лукавства, двоедушия, лицемерия, зависти, притворного самоуничтожения и сатанинского авторского самолюбия, которое ничего не прощает, всех этих добродетелей, которыми все мы, литераторы, преисполнены? Никаких резонов нет для сокрытия. С другой стороны, пожалуй, нет никаких резонов для того, чтоб печатать^b не только вместо свинья — с..., вместо прохвост и подлец — п..., вместо сукин сын — с... с..., но даже и этих инициалов, ибо мало ли чего в письмах не срывается с уст человека, или правильнее, с его пера, к тому же столь сжатого в печати. Читали Вы письма Ж. Санда и Флобера? Они исполнены ума, метких и беспо-

^a Было: он

^b Далее было: вместо

щадных характеристик, но проиграли ли они от того,^с что в них нет крепких слов? Не думаю. Но там цивилизация другая, другой стиль? У нас и женщины смелее подол поднимают? И, однако ж, мне кажется, что Тургенев решительно выиграет, явившись даже в своих письмах в виде более благоприличном. А то ведь, право, можно сказать, что и в нем было много собакевичского — прокурор хороший человек, но если правду сказать, то и он подлец. Барин был Тургенев, ужасный барин. Он без холопов обойтись не мог, хотя издевался над этими холопами, преданными ему, как собаки. Как он смешал с грязью Топорова. И поделом. Не будь собакой. А кто собакой у него служить не хотел, про тех он говорил, что они «ляются». А впрочем, Господь с ним, и мир его праху. Я только так, больше ради удовольствия с Вами побеседовать, пишу это. Письма Т<ургенева>, в таком виде изданные, не прибавят^д его славе ничего, но человека охарактеризуют полно. Не достаёт только писем его к Каткову. Вот где, воображаю, он разгулялся.

Ваш А. Суворин.

---

^с Было: этого

^д Было: принесут

**ТУРГЕНЕВ и К. Ю. ДАВЫДОВ:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ**
(Дополнения к Полному собранию сочинений
и писем И. С. Тургенева)

Публикация Л. В. Герашко

Среди многочисленных знакомых И. С. Тургенева в мире искусства есть имя, редко упоминаемое в биографических работах о писателе. Это выдающийся музыкант Карл Юльевич Давыдов — исполнитель-виртуоз, которого П. И. Чайковский назвал «царем всех виолончелистов», создатель русской школы виолончельного искусства, профессор, а затем директор Петербургской консерватории.¹

К. Ю. Давыдов родился в Кулдиге (Латвия) 3 (15) марта 1838 года в семье врача. Его родители Юлий Петрович и Доротея Амалия (Дарья Михайловна, урожд. Михайлович) в 1840 году переехали в Москву, где отец занял место в Николаевском Воспитательном доме, а мать открыла частный пансион иностранных языков. В 16 лет, следуя примеру старшего брата Августа, известного математика, Карл поступил на математический факультет Московского университета, который закончил в 1858 году со званием кандидата математических наук.

Музыке будущий известный виолончелист начал учиться с 7 лет: уроки виолончельной игры брал у А. И. (Генриха) Шмидта и у К. Ю. Шуберта. С 14 лет Карл уже участвовал в публичных выступлениях в качестве солиста. После окончания университета отправился в Лейпциг, где занимался теорией композиции у Морица Гауптмана. Неожиданный случай открыл немцам неизвестного им дотоле великолепного музыканта: заменив в домашнем концерте неожиданно заболевшего виолончелиста Ф. Грюцмахера, Давыдов сыграл с И. Мошеле-сом и Ф. Давидом трио Мендельсона и обратил на себя всеобщее внимание блестящим исполнением. Молодой музыкант получил ряд

---

¹ О К. Ю. Давыдове см.: *Гинзбург С. Л.* К. Ю. Давыдов. М.; Л., 1950; *Гутор В. П.* К. Ю. Давыдов как основатель школы. М.; 1950; *Давыдова Лидия, Давыдов Олег.* Страницы истории. Варшава, 2000 и др.

предложений и выступил во многих городах Германии с концертами, в результате которых ему было предложено место профессора Лейпцигской консерватории и концертмейстера Гевандхауза. Эти должности Давыдов занимал вплоть до 1862 года, когда он принял приглашение А. Г. Рубинштейна занять место профессора по классам виолончели и истории музыки в только что образованной Петербургской консерватории (первоначально — училище Русского музыкального общества, РМО).

К. Ю. Давыдов
Гравюра Гельштейна

По возвращении в Россию Давыдов был приглашен на место солиста оркестра Итальянской оперы, в котором играл до 1882 года, он стал также участником квартета Императорского русского музыкального общества, который до 1868 года возглавлял Г. Венявский, а после него Л. Ауэр. Помимо участия в концертах РМО, квартет постоянно играл перед членами императорской фамилии. Давыдов был удостоен звания солиста императорского Двора, ему было пожаловано российское дворянство.

В 1862 году граф Матвей Юрьевич Виельгорский, участник первого состава квартета РМО, передал Давыдову свою знаменитую виолончель работы А. Страдивари. Инструмент должен был достаться лучшему исполнителю посвященного Виельгорскому виолончельного концерта немецкого композитора Бернарда Генриха Ромберга. Впервые Давыдов играл на подаренном страдивариусе в Петербурге 9 марта 1865 года.

В личной жизни Давыдова тоже произошли перемены: в том же 1865 году он женился на А. А. Горожанской, которую увидел и полюбил еще девочкой-подростком в пансионе своей матери. Впоследствии Александра Аркадьевна стала хозяйкой известного музыкального салона в Петербурге и издательницей журнала «Мир Божий». В 1876 году Карл Юльевич был назначен директором Петербургской консерватории и занимал эту должность 11 лет, оставив заметный след в музыкальной педагогике. В 1887 году он вынужден был покинуть свой пост, испытав сильное противодействие проводимым им образовательным реформам, и переехал в Москву, где и умер от приступа грудной жабы 14 февраля 1889 года.

Печатные источники и известные нам архивные материалы не сообщают, когда состоялось личное знакомство И. С. Тургенева с выдающимся музыкантом. Первое упоминание Тургеневым его имени относится к 1860 году: в письме к А. А. Краевскому от 12 (24) февраля 1860

года писатель сообщал, что «завтра» адресат получит «статьи о Давыдове и Кашперове».²

В номере 38 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 19 февраля, в фельетоне, посвященном обзору концертной деятельности в Петербурге, были как часть его действительно опубликованы две небольшие анонимные (как и весь фельетон) заметки с отзывами о композиторе В. Н. Кашперове и виолончелисте К. Ю. Давыдове. Однако заметка о Давыдове, в отличие от заметки о Кашперове, не вошла ни в первое, ни во второе академическое Полное собрание сочинений и писем Тургенева. Более того, именно с Давыдовым произошла характерная путаница, которая, по-видимому, и повлияла на решение редколлегии о невключении статьи о нем в корпус произведений писателя.

Дело в том, что М. О. Гершензон, опубликовавший впервые значительную подборку критических статей Тургенева в третьем томе «Русских пропилеев», по ошибке включил в нее анонимную статью об однофамильце К. Ю. Давыдова — знаменитом герое 1812 года, партизане и поэте Денисе Васильевиче Давыдове. Эта статья была напечатана в апрельском номере журнала «Отечественные записки» за 1860 год.³ В комментариях к публикации Гершензон сослался на уже приведенное письмо Тургенева к Краевскому и пояснил: «Заметки о Кашперове мы в „Отечественных> зап<исках>” за этот год не нашли».⁴

Ошибка М. О. Гершензона была замечена Ю. Г. Оксманом, однако не исправлена полностью. Вот что он писал в комментариях к последнему, 12-му, тому Собрания сочинений Тургенева, выходящего в конце 1920-х — начале 1930-х годов под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума: «Однако письмо это <Тургенева к Краевскому. — Л. Г.>, как нам кажется, оставляет совершенно открытым вопрос об авторе статей, которые Тургенев обещает доставить в журнал. Скорее всего, речь идет о чьих-то чужих статьях, о помещении которых в „Отечественных> зап<исках>” Тургенев перед тем сговорился с Краевским. <...> Статья о последнем <Д. Давыдове. — Л. Г.> <...> чужда Тургеневу не только тематически, но и стилистически. Наоборот, именно стилистические признаки, независимо от единства идеологических установок и общности даже некоторых реминисценций, объединяют рецензию на „Сочинения Давыдова” с помещенной вслед за нею в этом же номере журнала статьею о „Сочинениях А. И. Подолинского” <...>».⁵ При этом одним из аргументов Оксмана было отсутствие в «Отечественных записках» статьи о Кашперове, которую, как он предположил, Краевский просто забраковал, а также тот факт, что незадолго до этого Тургенев передал в журнал с просьбой о напечатании статью К. Н. Леонть-

² ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 156.

³ Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1916. Т. 3: Писания И. С. Тургенева, не включенные в собрания его сочинений / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. С. 154–155.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Л.; М., 1933. Т. 12. С. 525.

ева о романе «Накануне», о чем редакция дважды уведомила читателей.

Таким образом, была намечена альтернатива: либо печатать статьи о Д. Давыдове и Подолинском, либо считать их не принадлежащими Тургеневу. Редакция издания (очевидно, Б. М. Эйхенбаум) приняла компромиссное решение: она включила в 12-й том сочинений опубликованную Гершензоном статью неизвестного автора о сочинениях Дениса Давыдова с комментариями Ю. Г. Оксмана, по сути опровергающими авторство Тургенева, но при этом в сноске к комментариям добавила: «Ввиду того, что до последнего времени принадлежность настоящей рецензии Тургеневу не вызывала никаких сомнений, она печатается в настоящем издании в составе основного фонда тургеневских рецензий».⁶

Причина столь долго заблуждения оказалась проста. Никто из исследователей не вспомнил, что Краевский был не только издателем «Отечественных записок», но и редактором (с 1852 года фактически, а с 1853 по 1862 официально) газеты «Санкт-Петербургские ведомости».⁷ Именно там при подготовке писем к В. Н. Кашперову для первого академического Собрания сочинений и писем Тургенева Т. П. Головановой и была обнаружена упомянутая статейка о Кашперове и Давыдове. Если выражаться точнее, речь идет о разделе фельетона, который представляет собой по большей части пересказ появившихся за границей отзывов о русских артистах. Той же исследовательницей была подготовлена публикация одиннадцати писем композитора к Тургеневу.⁸ Эти материалы позволили с уверенностью атрибутировать часть фельетона (заметку о Кашперове) перу Тургенева. Однако даже столь очевидные доказательства не убедили редакционную академического собрания сочинений включить в корпус сочинений (хотя бы в раздел *Dubia*) неразрывно связанную с этой заметкой аналогичную статейку о К. Ю. Давыдове. Очевидно, при принятии этого решения определенные сомнения все же были. «Вопрос о том, существовали ли у Тургенева какие-либо отношения с К. Ю. Давыдовым, и, следовательно, мог ли сам Тургенев составить информацию о Давыдове по присланным ему материалам, — писала Т. П. Голованова, — подлежит дальнейшему изучению».⁹

Из письма Тургенева к Кашперову от 17 (29) декабря 1859 года известно, что композитор, живший тогда в Италии, обещал прислать выписки из газет, в которых содержались отзывы на постановку в Милане его оперы «Мария Тюдор». «С нетерпением ожидаю обещанных отрывков из газет, — писал Тургенев, — и тотчас же составлю из них ста-

⁶ Там же.

⁷ Турьян М. А. Краевский А. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 126.

⁸ Т Сб. Вып. 1. С. 382–406.

⁹ Там же. С. 386.

тейку, которую тисну во всех здешних журналах. Ударить в колокол — наше дело!».¹⁰

Последняя фраза хорошо объясняется предыдущим фрагментом письма, где писатель поздравлял русского композитора с успехом: «Идите вперед, пишите как можно больше, овладейте собой, своим искусством, всеми его трудностями и тайнами, сценой и ее условиями — и тогда являйтесь в Россию и сделайте наследником Глинки, подарите нам живую русскую оперу!».¹¹

Именно заинтересованностью в развитии национальной оперы объяснялось внимание Тургенева к творчеству молодого композитора, которого поддерживала и Полина Виардо, большая поклонница его учителя М. И. Глинки. Той же заинтересованностью в развитии русского исполнительского искусства можно объяснить и особое внимание писателя к творчеству К. Ю. Давыдова, с которым он мог познакомиться во время его гастролей в Германии. Могла познакомиться с Давыдовым и Полина Виардо, много гастролировавшая в Германии, в частности в Лейпциге, в конце 1850-х годов и хорошо знавшая немецкий музыкальный мир.

Вот что писал Тургенев о К. Ю. Давыдове:

...Другой наш соотечественник, пожинающий лавры за границею — г. Давидов,¹² москвич. Мы слышали, что в течение поста он приедет в Петербург с намерением дать здесь несколько концертов. Г. Давидов только что закончил музыкальное путешествие по главным городам Германии — и упрочил за собою славу одного из первых современных виолончелистов. Мы имеем перед глазами самые лестные отзывы многочисленных немецких журналов, а известно, что немцы в деле инструментальной музыки судьи строгие и «власть имеющие». Мы ограничимся тем, что приведем мнение известного критика Л. Рельштаба: «Наконец, услышали мы виолончелиста К. Давидова из Москвы. Едва раздались первые звуки его инструмента, как уже судьба его была решена: он играет с такой чистотой и правильностью, с таким благородным выражением и верностью интонации, что тотчас возбудил всеобщий восторг... В окончательном аллегро он очаровал нас снова. Мы готовы были воскликнуть ему: ты один настоящий виолончелист, ты один снова придал истинное значение твоему инструменту. — Восторг публики высказался громовыми рукоплесканиями и троекратным вызовом». Не менее выгодна

¹⁰ ПССыП(2). Письма. Т. 4. С. 126.

¹¹ Там же.

¹² До причисления Давыдова к русскому дворянству его фамилия произносилась таким образом.

для г. Давидова статья, посвященная ему «Всеобщей немецкой газетой», и предсказываем ему блестящий успех.¹³

Забегая вперед, можно назвать Тургенева, предсказавшего в своей небольшой статье молодому исполнителю «блестящий успех», замечательным провидцем, ведь тогда, в марте 1860 года, Давыдову исполнилось всего двадцать два года. Вместе с тем он уже был вполне сложившимся исполнителем-виртуозом и начинающим композитором (в гастрольных поездках по Германии он неоднократно исполнял свой Первый виолончельный концерт). Следует также заметить, что виолончель была любимым инструментом Тургенева, и Давыдова он считал одним из лучших виолончелистов. Как вспоминала ученица П. Виардо М. Л. Василенко-Левитон, Тургенев неоднократно говорил ей, что «предпочитает виолончель любому другому музыкальному инструменту, особенно если она в руках Брандукова или Давыдова». «Он часто советовал мне, — вспоминала певица, — и многим другим ученикам П. Виардо прислушиваться к игре на виолончели и стараться петь подобно Давыдову или Брандукову».¹⁴

Следующее упоминание о Карле Юльевиче относится к кратковременному пребыванию писателя в Петербурге в 1864 году в связи со слушанием его дела в Сенате. Почти все вечера Тургенев проводил на концертах или в опере. 19 (31) января 1864 года в письме к Полине Виардо он сообщил: «Сегодня я слушал 127-й (посмертный) квартет Бетховена, безукоризненно сыгранный Венявским и Давыдовым».¹⁵

К этому времени Тургенев, скорее всего, был уже лично знаком с Давыдовым. Возможностей для этого знакомства было много: на музыкальных вечерах в доме Давыдова бывал весь Петербург, общими их знакомыми были Виардо, Матв. Ю. Виельгорский, А. Г. Рубинштейн и многие другие — музыканты, литераторы, представители высшего общества.

Еще один эпизод дополняет историю отношений Тургенева и К. Ю. Давыдова, а также свидетельствует о том, что отношения эти развивались. Он относится к триумфальным гастролям в 1875 году Давыдова, А. Н. Есиповой и Г. Венявского в Европе и, в частности, во Франции. Виртуозы давали сольные концерты и играли дуэтную музыку в концертах друг друга. В Париже они выступали в залах Эрар, Шателе и других. Все трое удостоились редчайшей чести для иностранных музыкантов — приглашения играть в Парижской консерватории. На одном из концертов Давыдов рискнул предстать перед самыми строгими знатоками и любителями музыки в качестве композитора. Обозреватель «Revue et Gazette Musicales» писал: «Никогда еще в Консервато-

¹³ Печатается по первой публикации: *СПбВед.* 1859. 19 февраля. № 38.

¹⁴ *Василенко-Левитон М. Л.* Воспоминания о Тургеневе и Полине Виардо // Советская музыка. 1951. № 7. С. 75.

¹⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 374. Подлинник по-франц.

рии, Народных концертах и в Шателе не бывало такого стечения солистов. Особенно в Шателе инструментальное соло вошло в обычай на каждом концерте; Консерватория идет по тем же стопам, хотя и с большею сдержанностью. В последнее воскресенье в Концертном обществе выступал г. Давыдов, который исполнил концерт для виолончели собственного сочинения. Мы уже оценили выдающийся талант этого артиста; скажем только, что он был оценен по достоинству и что некоторая сдержанность части публики в отношении аплодисментов и вызовов относилась не к его игре, а к его сочинению. Тем не менее его концерт написан тщательно и музыкальных идей в нем достаточно; однако несколько изысканная форма не позволила парижской публике оценить его с первого раза.¹⁶ Горячий прием был наградой музыканту за его великолепную игру в консерваторских концертах.¹⁷ Именно в эти дни Тургенев пишет В. В. Стасову: «Есипова и Давыдов имели здесь очень большой успех».¹⁸

Своеобразной хроникой гастролей являются письма Карла Юльевича к жене, которые хранятся в Отделе рукописей Санкт-Петербургской консерватории.¹⁹ Два из них непосредственно касаются Тургенева.

Первое датируется концом января 1875 года:

«Провел третьего дня по возвращении из Бордо прелестный вечер у мадам Виардо, мы музицировали, слушателями были Гуно, Тургенев, Виардо, Лалло, Леонард. Аккомпанировал мне Сен-Санс. Общество довольно *choisi* <избранное. — *франц.*>, я играл им арию Баха и Am Springbrunnen²⁰ и имел в этом кругу большой успех. Когда прошел мимо Т<ургенев>, он шепнул мне на ухо, что здесь не всякий имеет такой успех».²¹

Другое письмо, от 15 февраля 1875 года, было послано из Парижа: «Милая моя Шура. Начинаю с главного. Здоровье мое лучше, я опять выхожу, даже играл вчера у <нрзб>. Теперь остается главное — в воскресенье хорошо сыграть в Консерватории! В понедельник еду в Брюссель, там концерт в четверг. В субботу утром опять в Париже концерт для русских с Тургеневым (он читает, Viardot поет, Есипова и я). Вечером мы даем с Есиповой прощальный концерт. Затем в воскресенье еще раз в Консерватории <...>. Вчера утром был у меня Тургенев и не нашел меня, оставил две карточки (одну тебе посылаю) и премилую за-

¹⁶ Revue et Gazette Musicales. 1875. N 5. P. 38.

¹⁷ Отзывы о концертах см. также: Revue et Gazette Musicales. 1875. N 9. P. 69; Ibid. N 10. P. 77, 78.

¹⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 14. Письмо от 15 (27) января 1875 г.

¹⁹ Частично опубликованы в обзоре переписки К. Ю. Давыдова: Письма К. Ю. Давыдова в фонде Рукописного отдела Санкт-Петербургской консерватории / Сост. А. В. Грушевая // Петербургский музыкальный архив: Сборник статей и материалов. СПб., 1998. Вып. 2. С. 124–133.

²⁰ «У фонтана» (нем.) — пьеса К. Ю. Давыдова.

²¹ Письма К. Ю. Давыдова в фонде Рукописного отдела Санкт-Петербургской консерватории. С. 129.

писку, которую я спрячу и тебе привезу как его рукопись. Сегодня утром он опять был и долго со мною сидел <...>».²²

К сожалению, упомянутая записка и фотопортреты писателя до нас не дошли. Очевидно, они не были переданы в Отдел рукописей вместе с письмами Давыдова.²³ Однако из этих писем видно, что к тому времени у композитора завязались дружеские отношения с Тургеневым, что подтверждается и дальнейшими сохранившимися документами.

Последнее из приведенных писем Давыдова к жене подтверждает, что в субботу 15 (27) февраля 1875 года Давыдов должен был принять участие в двух концертах, о которых идет речь в опубликованном в 1988 году А. Звигильским письме Тургенева к известной пианистке Анне Николаевне Есиповой, с которой Давыдов выступал в гастрольных поездках по Европе. В нем Тургенев, узнав о болезни Есиповой, писал: «...посылаю Вам скляночку с globules d'eucalyptus <эвкалиптовыми горошинами. — лат.>, программу нашей matinée <утренника. — франц.> и уведомляю Вас, что послал умоляющую телеграмму Давыдову <...>. Ответ Давыдова я Вам сообщу».²⁴ Хотя ответ Давыдова до нас не дошел, мы знаем, что он был положительным. А вот телеграмма Тургенева Давыдову была любезно предоставлена для публикации заведующей Рукописным отделом Петербургской консерватории Т. З. Сквирской и приводится ниже.²⁵ Она была отправлена 24 февраля 1875 года в Бельгию, где Давыдов должен был дать несколько концертов. Приводим ее текст:

Bruxelles de Paris.

Mr Charles Davidoff chez Mr Dupont.

28, Rue de la Madeleine, Bruxelles.

Nous vous supplions tous de revenir pour les deux concerts de samedi — réponse payée.

Ivan Tourgeneff.

С французского:

Г-ну Карлу Давыдову у г-на Дюпона.

Улица Мадлен, 28. Брюссель.

Мы все умоляем Вас вернуться для двух субботних концертов. Ответ оплачен.

Иван Тургенев.

²² Там же.

²³ Архивные материалы К. Ю. Давыдова были приобретены известным виолончелистом В. П. Гутормом для Отдела рукописей Ленинградской государственной консерватории в 1928 г. у А. Л. Давыдова, по всей видимости, родственника музыканта.

²⁴ *Cahiers*. N 12 (1988). P. 91. Оригинал хранится в частном архиве А. Я. Полонского (Париж). К сожалению, ко времени появления т. 14 Писем Полного собрания сочинений и писем Тургенева телеграмма не была известна, как отмечено в комментариях к письму Тургенева к Есиповой (*ИССиП*(2). *Письма*. Т. 14. С. 275).

²⁵ Первую публикацию этого документа см.: *Герашко Л. В.* Неизвестная телеграмма И. С. Тургенева в Отделе рукописей Петербургской консерватории // *Петербургский музыкальный архив: Сборник статей и материалов*. СПб., 2010. Вып. 9 (в печати).

В письме Давыдова к жене идет речь о «концерте для русских с Тургеневым», в телеграмме Тургенева говорится об утреннике. Имеется в виду концерт, который был устроен писателем в пользу Русской читальни для неимущих студентов в Париже (впоследствии она стала называться Русской библиотекой имени Тургенева), основанной при ближайшем участии Тургенева Германом Лопатиным. Этому событию посвящены несколько писем писателя к парижским знакомым с приглашением приобрести билеты на концерт, в котором должны были участвовать он сам, Н. С. Курочкин, П. Виардо, А. Н. Есипова и К. Ю. Давыдов. Воспоминания об этом утреннике оставили некоторые из присутствовавших на нем.

Так, жена писателя Г. И. Успенского Александра Васильевна Бараева-Успенская писала о концерте Н. А. Долганову: «Здесь устроилась русская библиотека и мы с Глебом записались членами. Иван Сергеевич Тургенев устроил в пользу этой библиотеки утро <...>. Читал он свой рассказ „Стучит” и Глеба рассказ „Ходок”. Играл Давыдов, пела Виардо, еще играла Есипова на фортепиано. Билет стоил 15 франков и все живущие здесь аристократы и богачи присутствовали. Мне Тургенев дал даровой билет. Всех денег собрали 1800 франков».²⁶

Под свежим впечатлением сам Успенский писал Н. К. Михайловскому: «Тут был литературно-музыкальный вечер в „салонах” m-me Вьярдо. Кроткий Николай Степанович <Курочкин. — Л. Г.> вдруг превратился в льва, когда читал свои стихотворения. Вот человек, который менее всего может изображать на лице своем гнев. А надо было изобразить. Я взглянул на него из-за двери, когда он читал, и ужаснулся. Николай Степанович ощетинился на общество и кричал очень сердито. Тургенев прочел мой рассказ „Ходоки” и прочел превосходно. Я не присутствовал на чтении, но присутствовал на приготовлении к чтению: Тургенев прорепетировал этот рассказ раз 7–8, изучил, как и что, и каким голосом сказать до мельчайших подробностей. Я из сил выбился слушать его, но зато вышло отлично. Ох и фокусники же эти сороковые годы! У m-me Вьярдо голосу нет, но умение петь действительно поражает. Публика была блестящая и посланник Орлов улыбался Николаю Степановичу, когда тот проклинал в своих стихах человечество».²⁷

Второй из упомянутых в телеграмме субботних концертов был прощальный, данный по окончании гастролей Есиповой и Давыдовым для русской публики, о котором музыкант упоминает в приведенном выше письме к жене.

В дальнейшем общении Тургенева с К. Ю. Давыдовым не прервалось. Так, например, когда он отправлял в Петербург с рекомендательными письмами сына Л. и П. Виардо Поля, будущему известному скри-

²⁶ Цит. по: Буш В. В. Жена писателя Александра Васильевна Бараева-Успенская. Л., 1924. С. 17.

²⁷ Успенский Г. И. Собр. соч.: В 14 т. Л., 1951. Т. 13. С. 152.

пачу было вручено и письмо к Давыдову. Причем, как следует из письма Тургенева к Полю Виардо от 6 (18) января 1881 года, Давыдов должен был подсказать другие петербургские адреса, по которым молодой музыкант мог обратиться за содействием.²⁸

Приемная дочь Давыдовых Мария Карловна Куприна-Иорданская в своих воспоминаниях об отце упоминает о том, что Тургенев был частым посетителем музыкальных вечеров в их доме, а во время зарубежных гастролей 1884 года Давыдов, уже после смерти Тургенева, навещал в Буживале П. Виардо.²⁹ Александра Аркадьевна также бывала в Буживале и любила рассказывать, какие приемы и музыкальные вечера бывали на вилле Виардо.³⁰

Публикуемые материалы, заметно дополняющие историю отношений Тургенева и К. Ю. Давыдова, очевидно, должны быть включены в выходящее ныне Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева.

---

²⁸ *Lettres inéd.* P. 304.

²⁹ Русские новости (Париж). 1963. № 933, 934.

³⁰ Давыдова Л., Давыдов О. Страницы истории. С. 158.

**ПИСЬМА МАРИАННЫ ДЮВЕРНУА к Е. И. АПРЕЛЕВОЙ
(БЛАРАМБЕРГ)
и «ИНЦИДЕНТ» с НИМИ СВЯЗАННЫЙ**

Публикация Е. М. Варенцовой

Е. И. Апрелева (Бларамберг)
Фотография Д. С. Здобнова
Петербург, 1902 г.

В Отделе рукописных фондов Государственного Литературного музея хранится архив Елены Ивановны Апрелевой (1840–1923), писательницы, подписывавшей свои произведения псевдонимом «Е. Ардов».¹ Почитателям Тургенева она более известна под своей девичьей фамилией — Бларамберг.

Среди бумаг Е. И. Апрелевой-Бларамберг в ГЛМ имеются три письма к ней младшей дочери Полины Виардо — Марианны Дювернуа (1854–1919) о болезни и смерти Тургенева.² Они были написаны в ответ на просьбу Е. И. Апрелевой-Бларамберг сообщать ей о состоянии здоровья писателя. Письма датированы 6 апреля, 5 мая и 18 октября 1883 года. Они были частично опубликованы в русском переводе самой Апрелевой в ее воспоминаниях о Тургеневе, напечатанных в газете «Русские ведомости» в январе 1904 года.³

Публикуя эти письма Марианны Дювернуа, Апрелева опустила ряд фрагментов, касающихся семьи Виардо и, возможно, напрасно, поскольку они ярко характеризуют настроение в семье Виардо, опровергая существующее мнение о холодности и равнодушии Полины Виардо и ее родных к тяжело больному Тургеневу. Поэтому, думается, стоит их здесь привести.⁴

¹ ОРФ ГЛМ. Ф. 3.

² Там же. Оп. 1. № 63. Л. 1–7.

³ Воспоминания Апрелевой публиковались в № 4, 15, 18, 22, 22, 25 газеты за 1904 г. под названием «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе». Выдержки из писем Марианны Дювернуа приведены в последнем номере. Фрагменты воспоминаний см. также: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 165–191, однако письма М. Дювернуа в этой публикации опущены.

⁴ Перевод с французского выполнен Е. И. Погорельской. Косыми чертами выделены фрагменты текста, переведенные Е. И. Апрелевой и впервые опубликованные ею в «Русских ведомостях».

6 апреля 1883 г. Париж

50, RUE DE DOUAI
Paris, le 6 avril.

Chère Mademoiselle Hélène.^a

Heureusement que je n'ai pas pu répondre à votre lettre, car à ce moment les nouvelles du pauvre Tourguéneff eussent été peu réjouissantes! il vient de passer deux mois horribles, en proie à de continuelles et violentes souffrances, et je vous assure que nous étions profondément affligés de voir notre pauvre ami dans le triste état sans pouvoir aucun <sic!> pour le soulager! depuis quelques jours un grand mieux s'est produit — les crises ont cessé comme par enchantement, il peut se tourner tout seul dans son lit, dormir sans secours de calmants violants, bouger de droite à gauche, ce qui ne lui était pas arrivé depuis bien longtemps; aussi il se trouve *dans le paradis* et nous avec lui, car c'est navrant de voir souffrir aussi un être si bon et qu'on aime tant.^b L'hiver a été bien triste pour nous tous car mon pauvre père aussi a été bien souffrant et encore maintenant il est bien faible et a bien de la peine à reprendre le dessus — à son âge tout devient bien sérieux; nous espérons dans le beau temps et le bon air de Bougival où l'on ira dès que l'état des deux pauvres malades le permettra — mais quand? voilà une question encore sans réponse pour le moment. La vie de la pauvre maman n'est pas gaie, je vous assure, et la pauvre maison de la rue de Douai, transformée ainsi en hôpital, manque aussi tout-à-fait de gaieté! Claudie¹ et moi y passons tout notre temps disponible, car je ne suis plus domiciliée ici, mais dans mon appartement 2, rue de Châteaudun, où l'ex-mademoiselle Viardot possède de mari et bébé, s'il vous plaît! voilà deux ans que je me nomme Madame Alphonse Duvernoy² et un an que je suis maman d'une gentille petite Suzanne.³ Vous voyez qu'il y a du neuf dans ma vie, mais étant la plus heureuse personne du monde, ce changement n'a été que très agréable!

Je suis bien heureuse d'avoir pu vous donner de meilleures nouvelles du malade,⁴ chère Mademoiselle, et j'espère que mon bulletin vous trouvera en bon santé. Pourvu que ce *mieux* soit sérieux, mais comme le mal de notre pauvre ami est un composé de névralgie et de goutte, les médecins ne répondent pas de la guérison complète.^c Espérons et patientons.

Ne reviendrez-vous jamais de nos côtés, faire la connaissance des nouveaux membres de la famille? Je serai enchantée de vous revoir. En

^a Далее текст помечен крестиком и отчеркнут на полях красными чернилами до слов: *L'hiver a été bien triste...*

^b Далее текст письма зачеркнут до слов: *Pourvu que ce mieux soit sérieux...*

^c Далее текст письма зачеркнут. Оставшийся незачеркнутым фрагмент отмечен в начале и конце красными чернилами.

attendant, chère Mademoiselle Hélène, recevez les meilleures amitiés de votre dévouée

Marianne Duvernoy.

Je vous écris de chez maman qui me charge de mille bons souvenirs.

Paris le 6 April ⁴

50. RUE DE BUAU

Chère Mademoiselle Hélène

✕
Heureusement que je n'ai pas pu répondre de suite à votre lettre, car à ce moment les nouvelles du pauvre Courquemeffussent été peu réjouissantes ! il vient de passer deux mois horribles, en proie à de continuelles et violentes souffrances, et je vous assure que nous étions profondément affligés de voir notre pauvre ami dans le triste état sans pouvoir aucun jour le soulager!

Письмо Марианны Дювернуа к Е. И. Бларамберг
от 6 апреля 1883 г.
Первая страница

Дорогая мадемуазель Элен.

Хорошо, что я не могла ответить на ваше письмо, потому что в настоящее время известия о бедном Тургеневе были бы малоутешительны! он провел два ужасных месяца в постоянных и жестоких страданиях, и уверяю вас, мы были глубоко огорчены, видя нашего бедного друга в таком печальном положении, не будучи в состоянии хоть чем-то облегчить его! вот уже несколько дней как произошло серьезное улучшение — приступы прекратились, как по волшебству, он может самостоятельно поворачиваться в постели, спать без помощи сильных успокаивающих лекарств, поворачиваться направо и налево, чего с ним давно уже не случалось; таким образом, он находится *в раю*, и мы вместе с ним, потому что видеть такие страдания человека, столь доброго и столь любимого, очень тяжело. Зима была весьма печальной для всех нас, потому что мой бедный отец тоже сильно болел, и теперь он еще очень слаб и поправляется с трудом, в его возрасте все становится довольно серьезным; мы надеемся на хорошую погоду и свежий воздух Буживаля, куда мы поедем, как только позволит состояние обоих бедных больных, но когда? На этот вопрос пока нет ответа. Жизнь бедной татап не весела, поверьте, и в несчастном доме на улице Дуэ, превращенном в больницу, совсем нет веселья. Мы с Клоди¹ проводим здесь все свободное время, так как я живу уже не здесь, а в моей квартире на улице Шатодэн, 2, где у бывшей мадемуазель Виардо есть муж и малышка, если вам угодно! Вот уже два года, как я замужем за Альфонсом Дювернуа,² и год, как стала мамой прелестной маленькой Сюзанны.³ Как видите, в моей жизни есть перемены, но это очень приятные перемены, так как они сделали меня счастливейшим человеком в мире!

/ Я рада, что могла дать более благоприятные известия о больном,⁴ / дорогая мадемуазель, и надеюсь, что мой бюллетень найдет вас в добром здравии. / Лишь бы только это *улучшение* было серьезно, но так как недуг нашего бедного друга состоит из невралгии и подагры, то доктора не рвутся за полное выздоровление. / Будем надеяться и терпеливо ждать.

Не возвратитесь ли вы когда-нибудь в наши края, чтобы познакомиться с новыми членами семьи? Буду рада вас повидать. А пока, дорогая мадемуазель Элен, примите наилучшие пожелания от преданной вам

Марианны Дювернуа.

Я пишу от татап, которая поручает мне передать вам тысячу приветов.

Публикуется по подлиннику: ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 1–3 об.

¹ Клоди Шамро (Chamerot; 1852–1914) — дочь Полины и Луи Виардо.

² Виктор Альфонс Дювернуа (Duvernoy; 1842–1907) — композитор, пианист, профессор парижской Консерватории. Свадьба Марианны и Альфонса Дювернуа состоялась 5 апреля 1881 г.

³ Сюзанна Дювернуа (в замуж. Болье (Beaulieu); р. 1882) — дочь Марианны и Альфонса Дювернуа.

⁴ Речь идет о Тургеневе.

5 мая 1883 г. Буживаль

«Les Frênes», Bougival.
Le 5 mai.

Chère Mademoiselle,

La marque de sympathie que vous m'avez donné par votre aimable lettre m'a été très sensible, je vous assure, et je viens vous en exprimer tous mes remerciements.

Oui, nous venons d'être bien cruellement frappés, et la perte de notre cher père¹ est un grand malheur pour nous tous. — Mais la plus à plaindre est notre pauvre maman qui se voit séparée de son inséparable compagnon après 43 ans de ménage parfait! c'est bien dur! heureusement qu'elle est vaillante comme toujours et qu'elle supporte cette triste séparation avec beaucoup de courage — notre consolation est que notre cher papa s'est éteint doucement, sans appréhension, sans souffrance aucune et sans connaissance — c'est une fin semblable qu'il faut souhaiter à tous ceux qu'on aime — mais la séparation n'en est pas moins cruelle dans le moment.

Nous voilà tous réunis ici auprès de notre cher malade Tourguéneff qui est toujours bien mal — cependant il y a plutôt *un peu* de mieux depuis quelques jours, mais malheureusement les rechutes sont toujours à craindre. La chaleur va-t-elle avoir le même heureux résultat que l'été dernier? c'est ce que nous espérons et souhaitons de tout notre cœur — malgré tous nos soins pleins de toute l'affection que nous avons pour lui, ces souhaits sont à peu près tout ce que nous pouvons faire pour lui — quelle cruelle maladie et quel pauvre martyr cela fait! <?>

Vous comprenez qu'avec notre chagrin et notre souci, nous ne soyons pas d'humeur bien gaie, chère Mademoiselle; enfin c'est toujours bien bon d'être tous réunis et de voir pousser et rire ces trois gentilles fillettes, mes deux nièces² et ma petite Suzanne, qui, elles au moins, n'ont pas d'idées noires et reposent agréablement les yeux et l'esprit.

Et maintenant, chère Mademoiselle, excusez meine Schreiberei <?>^a (il fait tellement atrocement chaud que les idées fondent et que les mains peuvent à peine se mouvoir!). Recevez de nouveau mes remerciements et croyez, je vous prie, à mes^b bien affectueux sentiments de votre dévouée

Marianne Duvernoy.

^a мою писанину (нем.).

^b Окончание письма записано на полях первой страницы.

Дорогая мадемуазель,

поверьте, я была очень тронута знаком симпатии, которую вы мне засвидетельствовали своим любезным письмом, и благодарю вас за это.

Да, нас постигло ужасное горе, кончина моего дорогого отца¹ — большое несчастье для всех нас. Но более всего жалко нашу бедную маман, которая лишилась своего неразлучного спутника после 43 лет счастливого супружества! Это очень тяжело! К счастью, она, как всегда, мужественна и переносит эту печальную разлуку с большим самообладанием. Наше утешение в том, что наш дорогой отец отошел тихо, без боязни, без всякого страдания и без сознания. Подобного конца следует пожелать всем, кого любишь. Но от этого разлука сейчас не менее тяжела.

/ Мы все теперь собрались около нашего дорогого больного Тургенева /, которому по-прежнему плохо — тем не менее в последние дни ему скорее *немного* лучше, хотя, к сожалению, приступы могут возвратиться. Не принесет ли жара облегчения, как в прошлом году? Это то, на что мы надеемся и чего желаем от всего сердца — несмотря на все наши заботы, вызванные любовью к нему, пожелания — это едва ли не единственное, что мы можем дать ему — какая жестокая болезнь и какие она причиняет страдания! <?>

Вы понимаете, дорогая мадемуазель, что с нашим горем и заботами мы не в очень веселом расположении духа. Однако хорошо все же быть всем вместе и видеть, как возятся и смеются три милые девчурки — мои две племянницы² и моя маленькая Сюзанна, у них, по крайней мере, нет черных мыслей, на них приятно смотреть и с ними отдыхаешь душой.

А теперь, дорогая мадемуазель, простите *meine Schreiberei*³ (жара такая ужасная, что мысли плавятся, а руки едва двигаются!). Примите еще раз мою благодарность и верьте самым искренним чувствам преданной вам

Марианны Дювернуа.

Публикуется по подлиннику: ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 4–5 об.

¹ Луи Виардо скончался 5 мая 1883 г. в Париже.

² Имеются в виду дочери Клоди и ее мужа Жоржа Шамро — *Жанна Эдме* (в замуж. Декюги (Decugis); 1874–1961) и *Марсель Шамро* (в замуж. Мопуаль (Mauroil); 1879–1973). Небольшой биографический очерк М. Мопуаль см.: *Cahiers*. N 4 (1980). P. 31–32.

Марсель Мопуаль (Шамро)
Около 1905 г.

³ мою писанину (нем.).

Марианна Дювернуа — Е. И. Бларамберг

18 октября 1883 г. Буживаль

«Les Frênes», Bougival.

Le 18 octobre 83.

Excusez-moi, chère Mademoiselle, d'avoir tant tardé à répondre à votre aimable lettre — je ne sais comment le temps a passé, mais notre grande tristesse et les milles préoccupations et occupations survenues à la suite de la fin de notre cher ami ont absolument rempli et absorbé notre existence. Nous sommes encore sous le coup de cette perte cruelle et ne pouvons nous habituer à la pensée que c'est à jamais qu'il faut renoncer à revoir ce bon et cher ami, que nous aimions si tendrement, et qui nous le rendais si bien! L'idée d'avoir pu l'entourer et le soigner jusqu'à sa mort est une faible consolation pour nous; mais cette mort qu'il appelait depuis si longtemps et qui l'a délivré de ses souffrances *indiscibles* n'en est pas moins horrible pour nous, et le vide qu'il laisse après lui, est immense et ne sera jamais comblé! Vraiment cette année est bien cruelle pour nous et pour notre pauvre maman particulièrement qui perd en si peu de temps ses deux meilleurs et chéris amis, et qui n'a pas comme nous, une autre vie et un autre intérêt dans nos maris et nos enfants! Elle est bien à plaindre et bien abattue! Nous sommes encore ici pour quelque temps, ayant peine à quitter ces Frênes, que nos deux chers défunts aimaient tant, et qui, maintenant, sont remplis d'une foule de doux et tristes souvenirs! J'ai toujours de la peine à entrer dans le chalet, où notre pauvre T<ourguéneff> a tant et tant souffert, et où nous passions de bien tristes journées, navrés de ne pouvoir que peu soulager ces tortures! Il n'a cessé de souffrir que les trois derniers jours, perdant en même temps conscience, peureusement, car j'espère et crois qu'il n'a pas vu venir la mort si proche et si rapide — il s'est subitement et doucement éteint — entre deux soupirs — nous étions tous autour de lui, et n'oublierons jamais ce moment suprême! Il était d'une beauté *merveilleuse* sur son lit de mort, sa belle figure si maigre et si changée avait repris l'air calme et *souriant* de son vivant...

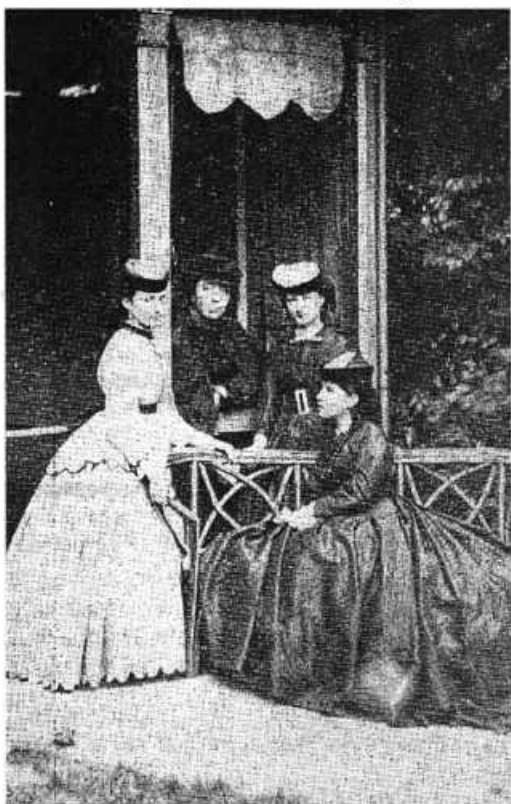
Nous sommes heureux de pouvoir garder un souvenir aussi serein de ses chers traits que nous avons vu si souvent contractionnés par la douleur! Maintenant il repose en paix dans son pays, qu'il aimait tant, mais ici il laisse un souvenir profond et inéfaçable, car personne ne l'a connu et aimé comme nous et ne le pleurera aussi longtemps.

Encore une fois excusez, je vous prie, le temps que j'ai mis à vous répondre, et croyez, cher Mademoiselle Hélène, aux sentiments affectueux que vous garde votre dévouée

Marianne Duvernoy.

«Ясени», Буживаль.
18 октября 83.

/ Простите, дорогая мадемуазель, что я так долго не отвечала на ваше любезное письмо. Не знаю, как протекло время, но наша большая печаль и тысяча забот и дел, последовавших за кончиной нашего дорогого друга, безусловно, поглотили и наполнили наше существование. Мы находимся еще под гнетом этой жестокой утраты и не можем привыкнуть к мысли, что навсегда должны отказаться от мысли увидеть вновь этого доброго дорогого друга, которого мы так нежно любили и который в свою очередь так нас любил. Мысль, что мы могли окружить его заботами до самой его смерти, — слабое утешение для нас. Но эта смерть, которую он призывал так давно и которая освободила его от невыразимых страданий, не менее для нас ужасна; и пустота, которую он оставил после себя, неизмерима и никогда не будет наполнена! / В самом деле, этот год очень тяжелый для нас, особенно для бедной татап, за короткое время потерявшей двух лучших и любимых друзей и, в отличие от нас, не имеющей другой жизни и другого интереса, какой имеем мы в наших мужьях и детях! Ее очень жаль, и она совсем пала духом! / Мы проживем здесь

Полина Виардо в окружении дочерей — Марианны (слева) и Клоди (справа)
Баден-Баден, 1870 г.
(Из коллекции Жанны Гупий)

еще некоторое время, не имея духа покинуть Ясени, которые наши оба дорогих усопших так любили и которые теперь наполнены грустными сладостными воспоминаниями! Мне всегда тяжело входить в шале, где наш бедный Т<ургенев> так сильно страдал и где мы проводили такие печальные дни, приходя в отчаяние, что так мало в состоянии облегчить его муки. Он перестал страдать только последние три дня, в то же время потеряв сознание, к счастью, так как я надеюсь и верю, что он не видел приближения смерти, столь близкой и быстрой. Он внезапно и тихо скончался в промежутке двух вздохов. Мы все были около него и никогда не забудем этой торжественной минуты.

Он был *дивной* красоты на своем смертном одре. Его прекрасное лицо, столь похушевшее и изменившееся, приняло выражение спокойствия и *улыбки*, как при жизни...

Мы счастливы, что имеем возможность хранить столь светлое воспоминание о его дорогих чертах, которые мы видели так часто искаженными страданием. Теперь он мирно покоится в своей стране, которую он так любил, но здесь он оставил глубокое и неизгладимое воспоминание, ибо никто его так не знал, как мы, и никто не будет его так долго оплакивать. /

Еще раз простите, что так долго не отвечала вам, и примите заверения в искренней привязанности преданной вам

Марианна Дювернуа.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 6–7 об. Текст письма перечеркнут, на полях отчеркнут красными чернилами.

Именно это письмо спустя четыре года после первой публикации привел Н. М. Гутьяр в своей статье «Иван Сергеевич Тургенев и семейство Виардо-Гарсиа», появившейся в августовской книжке «Вестника Европы» за 1908 год.⁵ Вскоре после выхода журнала разразился скандал, о котором свидетельствует переписка, сохранившаяся в архиве Е. И. Апрелевой: узнав о статье Гутьяра, Марианна Дювернуа заявила о фальсификации ее писем.

О реакции М. Дювернуа Апрелева узнала из нижеследующего письма к ней М. М. Стасюлевича:

М. М. Стасюлевич — Е. И. Апрелевой

12 января 1909 г. Петербург

СПб. Галерная, 20.

12 янв<аря> 909.

Милостивая государыня
Елена Ивановна.

Получив сегодня Ваш адрес от В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей», спешу воспользоваться им и обратиться к Вам со следующей просьбою.

⁵ *ВЕ*. 1908. № 8 (Август). С. 417–460. Письмо было воспроизведено по публикации из «Русских ведомостей» на с. 433–434. Предваряя его, Гутьяр писал: «Надо прочесть письма Марианны к Е. Ардову о болезни и смерти Ивана Сергеевича, чтобы видеть, как искренно и горячо отвечала она на любовь старика» (Там же. С. 433).

В начале 1904 года Вы сообщили той газете в русском переводе письма к Вам о Тургеневе г-жи Дювернуа-Виардо, а самое сообщение подписали Вашим псевдонимом (Ардов); одним из этих писем воспользовался автор одной статьи в «Вестнике Европы», помещенной в июле прошедшего 1908 года. Тогда же m-me Duvernoy — дочь Полины Виардо, обратилась ко мне с протестом, утверждая, что эти письма — контрфакции, что она их никогда не писала и г-на Ардова вовсе не знает. Без сомнения, тут кроется какое-то недоразумение, и это недоразумение Вы одна можете объяснить. Я, со своей стороны, присоединил к письму г-жи Дювернуа свои догадки, но Ваше объяснение одно может решить дело окончательно. Да и Вы, конечно, пожелаете защитить г-на «Ардова» от публичного обвинения его со стороны г-жи Дювернуа. Письмо ее по ее же требованию было напечатано в недавно вышедшей январской книжке «Вестника Европы» (издаваемого с нынешнего года под другою редакцией, но Вас я просил бы дать ответ, если найдете нужным, на мое имя: Мих<аилу> Магв<еевичу> Стасюл<евичу>, СПб. Галерная, 20).

Примите уверение в должном почтении и преданности

М. Стасюлевич.

На всякий случай сообщаю адрес г-жи Дювернуа: M-me Marianne Duvernoy. Paris — 14, rue Ampère (17-е).

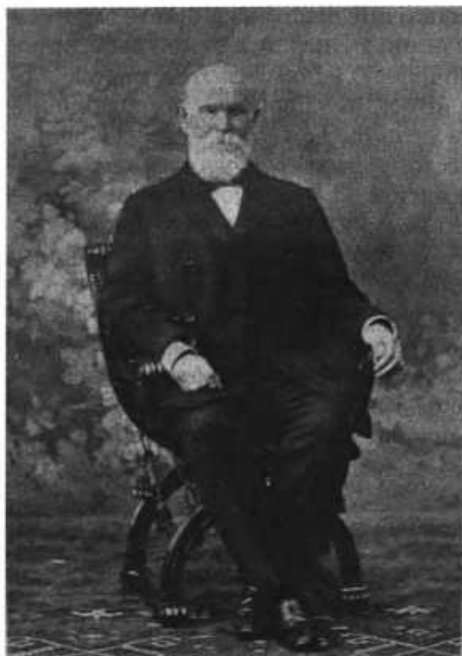
Прилагаю также оттиск из январской книги 1909 с письмом М. Дювернуа.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 1–2.

В указанном оттиске помещена заметка М. М. Стасюлевича, озаглавленная «Письмо г-жи Марианны Дювернуа-Виардо», где рассказывается о публикации писем в газете «Русские ведомости» и о статье Н. М. Гутьяра.⁶ Затем приводится текст письма М. Дювернуа к М. М. Стасюлевичу как редактору журнала «Вестник Европы» в русском переводе:

Париж, 14 декабря 1908. М<илостивый> г<осударь>, я узнала от г-на Гальперина-Каминского, что г-н Гутьяр поместил в «Вестнике Европы» статью, касающуюся нашего друга, столь дорогого нам Тургенева; в этой статье г-н Гутьяр воспроизводит одно, будто бы мое, письмо, адресованное к какому-то господину Ардову и опубликованное, по-видимому, вместе со многими другими письмами в «Русской газете» (так автор письма называет «Русские ведомости», где действительно были напечатаны такие письма) в январе 1904 года; о письме, которое воспроизведено г-ном Гутьяром, говорится как о наиболее *характерном* среди тех, которые я писала г-ну Ардову. Я никогда ничего не писала г-ну Ардову, которого я не знаю даже по имени, и ни к кому другому в России, где я никогда не была. Желая оградить себя от каких-нибудь других фантастических публикаций, я буду весьма признательна вам,

⁶ ВЕ. 1909. № 1 (Январь). С. 438–439.

М. М. Стасюлевич

Естественно, что, получив данное письмо, Е. И. Апрелева немедленно написала два ответных, одно Стасюлевичу, другое — М. Дювернуа. Черновики обоих писем сохранились в ее архиве. Первое адресовано Стасюлевичу:

Е. И. Апрелева — М. М. Стасюлевичу

14 января 1909 г. Гатчина

Гатчина, 14 января 1909 г.

Милостивый государь Михаил Матвеевич! В ответ на Ваше письмо, полученное вчера с вечерней почтой, спешу сообщить Вам, что я не видела еще январской книжки «Вестника Европы» и потому только из присланного Вами мне оттиска заметки, помещенной в этом журнале, познакомилась с письмом г-жи Марианны Дювернуа-Виардо.

Возникшее недоразумение я имею возможность разъяснить, прилагая в подлиннике три письма ко мне г-жи Марианны Дювернуа и мою статью, напечатанную в «Русских ведомостях», в конец которой вошли — не целый ряд писем г-жи М. Дювернуа, как то сказано в заметке, а выдержки всего из трех имеющихся у меня от нее писем.

если вы сообщите вашим читателям, что письма, опубликованные и приписанные мне, — апокрифические письма. Благодарю вас вперед и прошу верить и т. д. Марианна Дювернуа-Виардо.⁷

Далее в заметке приводится французский текст письма и высказывается предположение, что М. Дювернуа не знала псевдонима Е. И. Апрелевой и отсюда все недоразумения. «Во всяком случае, — заключал Стасюлевич, — желательно было бы знать, как же следует относиться к этому замечательному письму, писанному, нет сомнения, очевидцем последних часов и даже минут жизни Ивана Сергеевича, стоявшим у постели умирающего <...>. Оно особенно замечательно и вместе дорого потому, что нигде с такою полнотою и ясностью не высказалось отношение семьи Виардо-Гарсиа к Тургеневу, как именно в этом письме <...>».⁸

⁷ ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 3.

⁸ ВЕ. 1909. № 1 (Январь). С. 439.

Первые два письма, от 6 апреля и 5 мая н. ст. 1883 г., были адресованы в Севастополь, а последнее, от 18 октября н. ст. того же года, — в Орловскую губернию, но не г-ну Ардову, которого г-жа Марианна Дювернуа несомненно не знает, а Елене Ивановне Бларамберг — моя фамилия до замужества.

Выдержки из этих писем, полученных мною в ответ на мою просьбу сообщить о ходе болезни Тургенева, я считала ценными для нас, его соотечественников, и, безусловно, лестными для семейства Виардо и, в частности, для г-жи Марианны Дювернуа, проявившей столько сердечности, такое глубокое горе при кончине друга ее семьи.

Письма касаются исключительно Ив. С. Тургенева в последние дни и часы его тяжких, мучительных страданий, ни на кого не набрасывают тени, а самого автора писем рисуют в таком симпатичном свете, что вызванное моими выдержками неудовольствие я объясняю ее сомнением в подлинности этих выдержек за подписью неизвестного г-же Марианне Дювернуа Ардова. А отрицание возможности существования самих писем — давностью лет.

Двадцать пять лет — значительный промежуток времени, в течение которого можно забыть и письма, которые писались в момент сильного горя, и куда, и кому они были посланы.

Считаю своим долгом после всего вышесказанного ознакомить вас и с содержанием моего письма к г-же Марианне Дювернуа, отправляемого мною в Париж по данному мне Вами адресу. Прошу Вас принять и т. д.

Е. Ардов-Апрелева.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 31. Л. 1–2.

Это разъяснительное письмо Апрелевой (за исключением первого абзаца) вместе со своими заверениями в подлинности писем М. Дювернуа Стасюлевич опубликовал в февральской книжке «Вестника Европы» за 1909 год.⁹ «Почерк и подпись доставленных мне в оригинале писем г-жи Дювернуа к г-же Бларамберг, в замужестве — Апрелевой (псевдоним — Ардов), — заключал Стасюлевич в этой заметке, — при сравнении их с почерком и подписью г-жи Дювернуа на последнем письме ко мне, от 14-го декабря 1908 г., оказались совершенно тождественными, вследствие чего протест г-жи Дювернуа является результатом простого недоразумения. Ее письма к г-же Апрелевой — не апокрифические: благодаря им мы имеем единственное и самое подробное описание не только последнего дня, но последних часов жизни Ивана Сергеевича Тургенева».¹⁰ Е. И. Апрелевой же он немедленно ответил следующим письмом:

⁹ Стасюлевич М. Ответ Ел. Ив. Апрелевой по поводу протеста г-жи Марианны Дювернуа-Виардо // *ВЕ*. 1909. № 2 (Февраль). С. 892–893. Оттиск этой заметки Стасюлевич прислал Е. И. Апрелевой со следующей припиской: «Милостивая государыня Елена Ивановна. Благодарю Вас за письмо от 28 января и препровождаю вырезку из февральской книжки журнала, который выйдет в свет послезавтра, в воскресенье, 7 февраля. Считаю дело исчерпанным и доказанным. М. Стасюлевич» (*ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 9–10).

¹⁰ Стасюлевич М. Ответ Ел. Ив. Апрелевой по поводу протеста г-жи Марианны Дювернуа-Виардо. С. 893.

М. М. Стасюлевич — Е. И. Апрелевой

16 января 1909 г. Петербург

СПб. Галерная, 20.
16 янв<аря> 909.

Милостивая государыня Елена Ивановна.

Будущий биограф Ив<ана> Серг<еевича> будет Вам очень благодарен за то, что получит право считать письма г-жи Дювернуа к Вам, несмотря на отрицание их автора, несомненным историческим документом. Это — очевидное недоразумение, которое окончательно рассеется, когда m-me D<иверну> ответит Вам или мне на мое письмо к ней, где я извещаю ее о том, что «Ардов» есть псевдоним Ваш, но я не знал — Ваша настоящая фамилия — есть ли она девическая или фамилия мужа; теперь она узнает и это.

Принося Вам признательность со своей стороны за скорый ответ и разъяснение дела, остаюсь с истинным почтением и преданностью

М. Стасюлевич.

Прилагаю почтовую расписку: я для верности послал Ваше письмо заказным — сегодня.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 5.*

Почтовая расписка, о которой упоминает Стасюлевич, сохранилась. Она написана на бланке почтамта, на котором стоит штамп с датой: 16 января 1909 г.

938 M-me Duvernoy 16 янв<аря> 09.

С.-Петербургского почтамта расписка в приеме заказной корреспонденции
В Paris.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 6.*

Что же писала Е. И. Апрелева Марианне Дювернуа в письме, посланном заказным в Париж?

Е. И. Апрелева — Марианне Дювернуа

14 января 1909 г. Гатчина

Гатчина, 14/27 января 1909.

Мадам!

Я только что получила от господина Стасюлевича его заметку, напечатанную в «Вестнике Европы», где приводится Ваше письмо по поводу господина Ардова и фрагментов писем, использованных последним

в его статье, опубликованной в «Русских ведомостях» — ежедневном издании — в 1904 году.

Конечно, Вы не знакомы с господином Ардовым, но Вы когда-то прежде были знакомы с мадемуазель Еленой Бларамберг, впоследствии мадам Апрелевой, и именно ей были адресованы указанные письма.

Публикуя двадцать один год спустя после кончины Тургенева несколько отрывков из Ваших писем — я получила только три письма с одними лишь подробностями о болезни и смерти Тургенева, — я не считала, что допустила бестактность.

Эти волнующие подробности были бесценны для нас, соотечественников писателя, столь дорогого нам, и содержали всё только самое лестное как для автора писем, так и для семьи Виардо.

Я бесконечно сожалею, мадам, что огорчила Вас, но при всем моем сожалении я не чувствую за собой вины.

В факте моей публикации отрывков из писем, касающихся последних мгновений жизни Тургенева, я не усматриваю отсутствия деликатности или уважения к Вам, которого Вы заслуживаете.

Те три письма, что Вы, оказав мне честь, написали 25 лет тому назад, любезно согласившись на мою просьбу предоставить мне новости о Тургеневе, в данный момент находятся у господина Стасюлевича.

Примите, мадам, заверения в моем самом искреннем расположении.

Е. Ардов.

Елена Апрелева, урожденная Бларамберг.

Мой адрес: С. Петербург, Гатчина, Константиновская, 12.

Елене Ивановне Апрелевой.

Публикуется по подлиннику: ОРФ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 25.

Печатается впервые.

Ответом на это письмо Апрелевой стало следующее письмо М. Дювернуа:

Марианна Дювернуа — Е. И. Апрелевой

4 февраля 1909 г. Париж

Paris, le 4 février.

14, rue Ampère.

Madame,

J'ai été certes très étonnée d'apprendre par votre lettre que monsieur Ardoff et mademoiselle Blaramberg étaient la même personne!

Je me souviens parfaitement de M-elle Hélène Blaramberg, mais j'avoue que je ne me souviens pas du tout lui avoir écrit plusieurs lettres des Frênes, ou d'ailleurs.

Paris, le 4 février¹⁹⁰⁹
14 rue Ampère

Madame,

J'ai été certes très-
étonnée d'apprendre par
votre lettre que mon
Ardoff et mademoiselle
Blaramberg étaient la
même personne!

Je me souviens parfaite-
ment de mademoiselle Hélène
Blaramberg, mais j'avais
cru que je ne me souviens

Письмо Марианны Дювернуа к Е. И. Апреловой
от 4 февраля 1909 г.
Первая страница

Cependant je ne puis douter de votre parole, Madame — — — mais je regrette quand même que vous ayez publié des lettres de moi sans m'en avoir avisée préalablement; j'ai horreur d'une correspondance particulière livrée à la publicité.

L'incident étant donc clos, je vous prie Madame de recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

Marianne Duvernoy.

С французского:

Париж, 4 февраля.
Улица Ампер, 14.

Мадам,

разумеется, я весьма удивилась, узнав из вашего письма, что месье Ардов и мадемуазель Бларамберг — это одно и то же лицо!

Я отлично помню м-ль Элен Бларамберг, но, признаюсь, совсем не помню, что написала ей несколько писем из «Ясеней» или из какого-либо другого места.

Однако я не могу сомневаться в ваших, мадам — — —, уверениях, но все же сожалею, что вы опубликовали мои письма, предварительно не уведомив меня об этом; меня приводит в ужас частная переписка, предаваемая гласности.

Итак, инцидент исчерпан, и я прошу вас, мадам, принять уверения в моем почтении.

Марианна Дювернуа.

На конверте:

Russie.
Madame Aprèlèff-Blaramberg.
Gratschina <sic!>,
Saint-Pétersbourg.

Внизу карандашом: Гатчина.
Почтовый штемпель: 5.2.09.

Публикуется по подлиннику: *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 8–9.
Печатается впервые.

Точку в этой истории ставит письмо М. М. Стасюлевича к Апрелевой от 30 января 1909 года, в котором, в частности, говорится: «...сегодня я получил Ваше письмо от 29 янв<аря>, значит, и Вы могли теперь получить вырезку из февральской книжки журнала <где были помещены разъяснения Е. И. Апрелевой. — Е. В.>, который выйдет в свет послезавтра. Вместе с тем возвращаю теперь и оригинал письма к Вам от г-жи Д<ювернуа>; я ни малейше не сомневался в точности Вашей его передачи. <...> Г-жа М. Дювернуа тоже считает «инцидент» исчерпанным, и нам остается только согласиться с нею».¹¹

¹¹ *ОРФ ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 97. Л. 7–8.

**ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ СЕРАФИМ
(Л. М. Чичагов)**

СЛОВО ПРЕД ПАНИХИДОЮ ПО И. С. ТУРГЕНЕВУ

Публикация Г. Н. Павловой

До настоящего времени остается малоизвестным «Слово пред панихидою по И. С. Тургеневу», произнесенное 3 сентября 1908 года на родине писателя в Орле преосвященным Серафимом, епископом Орловским и Севским, перед прихожанами центрального городского собора.

Между тем это «Слово», на наш взгляд, представляет несомненный интерес и для современных исследователей жизни и творчества Тургенева, и для читателей, поскольку позволяет взглянуть на судьбу и произведения великого писателя глазами истинно верующего человека и задуматься о тайне духовной жизни художника.

Митрополит Серафим
(Чичагов)

На протяжении долгих десятилетий миновавшего века в нашей стране, имеющей глубокие религиозные корни, которые питали все виды искусства, история русской литературы изучалась вне православия. Начиная с 1990-х годов ситуация изменилась, появился целый ряд литературоведческих работ, стремящихся восполнить этот пробел. В частности, исследуется не только общая направленность тургеневских произведений, но и то как писатель лично для себя решал вопрос веры в Бога. При рассмотрении столь деликатной темы немаловажным представляется мнение по данной проблеме одного из крупнейших церковных иерархов, каковым является автор вышеупомянутого «Слова», говоривший о Тургеневе, что «его вера видна в каждом произведении».

Преосвященный Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов; 1856–1937) родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье, дав-

шей России многих видных военачальников, и по традиции должен был стать военным.

Но в 1891 году гвардейский полковник Чичагов, оставив блестяще складывавшуюся карьеру, переехал в Москву, поселился с женой и четырьмя дочерьми в бывшем тургеневском доме на Остоженке и начал готовиться к принятию священного сана.

За сорок лет священнослужения он, не имея специального духовного образования, прошел путь от приходского священника до митрополита. Трудился во многих местах России: в Москве, Сухуми, Орле (1906–1908), Кишиневе, Твери. С 1928 по 1933 годы митрополит Серафим возглавлял Ленинградскую епархию — это было последнее место его служения, после чего он ушел на покой.

Митрополит Серафим был всесторонне одаренной личностью: военный историк, духовный писатель, музыкант и иконописец, врач, создавший собственную медицинскую систему. После Октябрьской революции его деятельность находилась под пристальным вниманием новой власти. На 82-м году жизни тяжело больного, почти не выходящего из дома владыку арестовали и по обвинению в причастности к «контрреволюционной монархической организации» приговорили к расстрелу.

11 декабря 1937 года митрополит Серафим был расстрелян и захоронен на полигоне НКВД в подмосковном поселке Бутово. Ныне Бутовский полигон известен как место массовых расстрелов и захоронений 1930-х — 1950-х годов. Жертвами полигона, по далеко не полным данным, только за 14 месяцев — с 8 августа 1937 по 19 октября 1938 года — стали 20 765 человек. Около тысячи из них были расстреляны только за то, что были верующими. К марту 2005 года 294 бутовских мученика уже прославлены Русской православной церковью в лике святых. Первым из них 23 февраля 1997 года был канонизирован митрополит Серафим — самый старший по сану архипастырь из всех иерархов, захороненных в Бутове.

«Слово пред панихидою по И. С. Тургеневу» было опубликовано в книге «Орловская епархия в 1906–1908 гг. при преосвященном епископе Серафиме (Чичагове)». С приложением его речей и докладов», изданной в Кишиневе в 1914 году и с тех пор никогда не переиздававшейся.

Сегодня исполнилось двадцать и пять лет со дня кончины великого писателя земли русской, незабвенного Ивана Сергеевича Тургенева, родившегося в нашем городе Орле и обессмертившего себя описанием «Дворянского гнезда», к которому он сам принадлежал.

В творениях своих он для отечества бессмертен и, поминая его сегодня в молитвах как дорогого и высокоодаренного человека и писателя, — невольно останавливаешься своею мыслию на этом наименовании его «бессмертным» и на вопросе о бессмертии души человеческой вообще. Разве это признание наше И. С. Тургенева бессмертным писателем не есть уже доказательство, что душа переживает тело и что люди при земной жизни своей еще стремятся к бессмертию, к сохранению своего имени в памяти потомства, к влиянию на людей даже после смерти и к общению с ними. Исключительные люди, щедро наделенные дарованиями, возвышенные или высокопоставленные Провидением, обыкновенно стараются своими выдающимися трудами и произведениями, подвигами или громкими делами составить себе славное и громкое имя, дабы и будущие потомства в отечестве, а если возможно, то и во всем образованном мире, наделяли их славою и благословениями за благотворное влияние на них, как обладателей и проводников правды Божией, высоких идеалов и христианской нравственности.

Слово предъ панихидою по И. С. Тургеневъ.

Сегодня исполнилось двадцатый лѣтъ со дня кончины великаго писателя земли русской, незабвеннаго Ивана Сергѣевича Тургенева, родившагося въ нашемъ городѣ Орлѣ и обезсмертившаго себя описаніемъ „Дворянскаго гнѣзда“, къ которому онъ самъ принадлежалъ.

Въ твореніяхъ своихъ онъ для отечества безсмертенъ и, помня его сегодня въ молитвахъ, какъ дорогаго и високо одареннаго человѣка и писателя, невольно останавливаясь своею мыслию на этомъ наименованіи его „безсмертныхъ“ и на попросѣ о безсмертіи души человѣческой поодобіе. Развѣ это призваніе наше И. С. Тургенева безсмертнымъ писателемъ не есть уже доказательство, что душа переживаетъ тѣло и что люди при земной жизни своей еще стремятся къ безсмертію, къ сохраненію своего имени въ памяти потомства, къ влиянію на людей даже послѣ смерти и къ общенію съ ними. Исключительные люди, щедро надѣленные дарованіями, возвышенные или высокопоставленные Провидѣніемъ, обыкновенно стараются своими выдающимися трудами и произведеніями, подвигами или громкими дѣлами, составить себѣ славу и громкое имя, дабы и будущія потомства въ отечествѣ, а если возможно, то и во всемъ образованномъ мѣрѣ, надѣляли ихъ славою и благословеніями, за благотворное влияніе на нихъ, какъ обладателей и проводниковъ правды Божіей, высокихъ идеаловъ и христіанской нравственности.

Иное безсмертіе выпадаетъ на долю писателей, дѣятелей и труженниковъ бесердечныхъ, корыстныхъ, вредныхъ, влияющихъ безнравственно на потомство. Ихъ память омрачается упреками, негодованіемъ и поношеніями.

Да, великъ для насъ и дорогъ нашъ соотечественникъ и другъ юношества въ особенности, — И. С. Тургеневъ. Несомнѣнно, среди собравшихся здѣсь для молитвы о великомъ писателѣ, многие помнятъ его и видѣли И. С. Тургенева, но и всѣ остальные знаютъ его не только по портрету, приложенному къ его сочиненіямъ, но еще потому, что читая его произведенія, они изучили любящее, чуткое и поэтическое сердце И. С. Тургенева, его тонкій и проникательный умъ, его возвышенный и созерцательный духъ, которымъ онъ восторженно любилъ богоносный, русскій народъ. Рѣшительно всѣ знакомы съ его умнымъ, типично русскимъ лицомъ, съ его статной фигурой и могучей, свѣдой головою. Можно-ли было, читая дивныя, художественныя произведенія Ивана Сергѣевича не видѣть его?

Любилъ И. С. Тургеневъ свою родину. Онъ всегда смотрѣлъ на простую и родную свой народъ съ такимъ же восторженнымъ чувствомъ и радостнымъ трепетомъ, какъ на просыпающуюся, весеннюю природу, при блескѣ утреннихъ лучей, скрывающую въ себѣ могучую силу и пышный расцвѣтъ. Природу онъ боготворилъ.

Вотъ онъ на заброшенномъ своемъ хуторѣ Алексѣевкѣ, бродитъ по нѣкогда фруктовому, а теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелемъ своей пахучей, сочной глушью. Солнце только что встало, на небѣ ни одного облачка, все кругомъ блеститъ сильнымъ, двойнымъ блескомъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня. „Ахъ, какъ хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ“, говоритъ онъ, „трепещутъ жаворонки, сыпятся серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они навѣрно унесли капли росы“. И снявъ шапку съ головы, онъ стоитъ, дышитъ радостно, всю грудь...

Такъ наслаждаться красотою и величіемъ природы и такъ славословить Бога поэтически описаніемъ Его твореній, какъ Иванъ Сергѣевичъ, могъ только върующій христіанинъ. И дѣйствительно его вѣра видна въ „каждомъ произведеніи. Такъ, устами Лизы въ „дворянскомъ гнѣздѣ“ онъ говоритъ: „нужно быть христіаниномъ для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“.

Иное бессмертіе выпадаетъ на долю писателей, дѣятелей и труженниковъ бесердечныхъ, корыстныхъ, вредныхъ, влияющихъ безнравственно на потомство. Ихъ память омрачается упреками, негодованіемъ и поношеніями.

Да, великъ для насъ и дорогъ нашъ соотечественникъ и другъ юношества въ особенности — И. С. Тургеневъ. Несомнѣнно, среди собравшихся здѣсь для молитвы о великомъ писателѣ многие помнятъ его и видели И. С. Тургенева, но и все остальные знаютъ его не только по портрету,

приложенному к его сочинениям, но еще потому, что, читая его произведения, они изучили любящее, чуткое и поэтическое сердце И. С. Тургенева, его тонкий и пронизательный ум, его возвышенный и созерцательный дух, которым он восторженно любил богоносный русский народ. Решительно все знакомы с его умным, типично русским лицом, с его статной фигурой и могучей седой головою. Можно ли было, читая дивные художественные произведения Ивана Сергеевича, не видеть его?

Любил И. С. Тургенев свою родину. Он всегда смотрел на простой и родной свой народ с таким же восторженным чувством и радостным трепетом, как на просыпающуюся весеннюю природу при блеске утренних лучей, скрывающую в себе могучую силу и пышный расцвет. Природу он боготворил.

Вот он на заброшенном своем хуторе Алексеевке, бродит по некогда фруктовому, а теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, сочной глушью. Солнце только что встало, на небе ни одного облачка, все кругом блестит сильным, двойным блеском утренних лучей и вчерашнего ливня. «Ах, как хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, — говорит он, — трепещут жаворонки, сыпется серебристый бисер их звонких голосов! На крыльях своих они наверно унесли капли росы». И сняв шапку с головы, он стоит, дышит радостно, всюю грудью...

Так наслаждаться красотой и величием природы и так славословить Бога поэтическим описанием Его творений, как Иван Сергеевич, мог только верующий христианин. И действительно, его вера видна в каждом произведении. Так, устами Лизы в «Дворянском гнезде» он говорит: «Нужно быть христианином для того, что каждый человек должен умереть». Не сказал он, что нужно быть христианином потому, что неизбежен переход в загробную жизнь и только истинным христианам обещано блаженство в Царствии Божием; это походило бы на расчет, на заботу о выгоде. Нет, он прямо излагает, что ввиду смерти нужно быть христианином для того, чтобы не нарушать свой нравственный союз с Богом. Этот нравственный союз требует, чтобы целью своей земной жизни люди сделали правду Божию и стали достойными Божиим, а для этого надо обособляться от зла и злых людей во имя любви, милосердия и братства, несмотря на обратную проповедь многих. Современное христианство более мирское, чем духовное, и большинство людей и шага ни делает к осуществлению правды Божией в жизни.

Удивлялся И. С. Тургенев, как умирает русский мужик. «Он умирает, — пишет Иван Сергеевич, — словно обряд совершает, холодно и просто». Недостает только слов: «как истинный христианин», но они подразумеваются и чувствуются.

За 25 лет со дня кончины Тургенева сколько же поколений уже воспитывались на возвышенных, гуманных и поэтических литературных произведениях Ивана Сергеевича. Миллионы людей услаждались чтением и изучением трудов его. Но, кажется, никогда эти произведения

не были так необходимы молодому поколению, как в переживаемое нами время.

Мне думается, что благодарная Россия должна была бы не только в известные, так сказать, юбилейные и значительные дни поминать имена великих русских писателей, которые, как И. С. Тургенев, действительно и после их кончины воспитывали и ум, и душу юношества и упорядочивали жизнь людскую, но вечно молиться за них и именно при богослужениях в гимназических, университетских и академических церквях. Молитва наша — это единственное добро, единственное выражение нашей благодарности и признательности, которые мы можем сделать и проявить к умершим, и в молитве нашей, не надо забывать, единственная потребность «бессмертных» в загробной жизни. Поэтому будем чаще молиться за наших незабвенных соотечественников. Пусть молится в особенности молодежь, не потому, что это доказывает их благодарность к великим писателям, содействующим их образованию и воспитанию, но для того чтобы в юношестве действовал дух, их возрождающий к лучшей жизни, к прославлению Бога и к пониманию христианских идеалов. Аминь.

П. Р. Заборов

М. П. АЛЕКСЕЕВ и ФРАНЦУЗСКИЕ ТУРГЕНЕВЕДЫ

Среди наших выдающихся ученых-филологов прошлого века лишь очень немногие пользовались такой известностью и авторитетом за пределами СССР, как академик Михаил Павлович Алексеев (1896–1981). Широчайший диапазон научных интересов, огромная эрудиция, высокая общая культура и готовность прийти на помощь любому, кто того достоин, сделали его одной из самых притягательных фигур для зарубежных историков литературы, прежде всего, конечно, историков русской литературы и ее международных связей, а его кабинет в Пушкинском Доме — местом паломничества, которое иногда и совершалось только для того, чтобы получить его поддержку или совет. Одновременно на имя Михаила Павловича из разных стран — от США до Японии, от Англии до Австралии — приходило огромное множество писем, составляющих ныне значительную часть его личного фонда (№ 815) в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Эпистолярные и личные контакты Михаила Павловича с французскими коллегами приобрели особую интенсивность в 1960-е годы, когда по его инициативе было предпринято и под его редакцией начало выходить Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах. Понимая, что выполнить эту задачу на должном уровне без французских архивов невозможно, он стал настойчиво добиваться командировки во Францию.хлопоты эти оказались весьма успешными: Михаил Павлович провел во Франции два летних месяца 1961 года и позднее подробно и увлекательно рассказал об этом в большой статье, опубликованной на страницах журнала «Русская литература» и перепечатанной в одном из выпусков его «Избранных трудов».¹ Напомним

¹ Алексеев М. П. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции // *РЛ*. 1963. № 2. С. 53–85; То же: Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 308–348.

лишь ряд освещенных в ней фактов, которые непосредственно относятся к нашей теме.

Как явствует из этой статьи, на первых порах, да и в дальнейшем Михаила Павловича более других опекал и направлял в его поисках Андре Мазон (Mazon; 1881—1967). Профессор Коллеж де Франс, член Французского Института и иностранный член АН СССР, один из основателей парижского Института славистики и редактор «Revue des études slaves», он являлся в то время самым компетентным исследователем творчества Тургенева и знатоком его рукописного наследия, находящегося во Франции — в различных архивохранилищах и, что было особенно важно, у наследников Полины Виардо. В частности, благодаря его посредничеству состоялся визит Михаила Павловича к внучке великой певицы, дочери Марианны Виардо-Дювернуа, мадам Анри Болье, которая показала ему различные семейные реликвии, но, к его большому огорчению, не откликнулась на просьбу предоставить хранившиеся у нее письма Тургенева к ее матери и бабушке для готовящегося издания, поскольку «они не заключают в себе ничего такого, что представляло бы общественный интерес». Мазон способствовал также работе Михаила Павловича в Национальной библиотеке Франции и получению им «довольно большого количества превосходно исполненных фотоснимков с рукописей Тургенева».

В дальнейшем Мазон продолжал активно действовать в этом направлении, о чем свидетельствуют его письма к Михаилу Павловичу от 25 мая и 14 ноября 1963 года, в которых шла речь о микрофильмах тургеневских рукописей (сочинений и писем) из собрания Национальной библиотеки, обещанных Пушкинскому Дому в обмен на французские рукописи из собрания нашей Публичной библиотеки. «Мой дорогой брат и друг, — писал он в первом из этих писем, — с Национальной библиотекой дело совершенно улажено, и я не сомневаюсь, что вы, со своей стороны, немало способствовали этому успеху! Задержка, возможно, будет нам даже полезна, поскольку библиотека окончательно решила не делить микрофильмы, о которых просит Пушкинский Дом, на две части, в зависимости от того, как срочно они нужны, и изготовить их и выслать все одновременно. Полагаю, что все будет в вашем распоряжении (ибо мне это было обещано) до конца августа».²

Во втором письме Мазон выражал свою радость в связи с тем, что микрофильмы, о которых шла речь ранее, наконец получены в Пушкинском Доме, а долгожданные микрофильмы французских рукописей будут в ближайшее время отправлены в Париж. В то же время он просил Михаила Павловича выслать ему отсутствующие в его личной библиотеке тома Полного собрания сочинений и писем Тургенева и благодарил за отклик упомянутой статьи, скромно заметив как бы в ответ:

² Здесь и далее шифры цитируемых писем не указываются, так как фонд этот, к сожалению, еще не обработан.

«Мы сделали, что смогли, но будем надеяться, что когда-нибудь ваши разыскания во Франции вам удастся продолжить».

С А. Мазоном Михаил Павлович встречался, по крайней мере, еще раз, осенью 1964 года в Ленинграде, где, между прочим, состоялась беседа французского ученого с сотрудниками Тургеневской группы, беседа, в которой Михаил Павлович активно участвовал. Мазон отвечал на вопросы присутствующих и вспоминал о посещении им внушки писателя Жанны Брюэр-Тургеневой, хранившей память о своем великом дде и не расстававшейся с семейными реликвиями, несмотря на крайнюю бедность.

В Париже Михаил Павлович посетил видного знатока жизни и творчества Проспера Мериме — доктора Мориса Партюрье (Parturier; 1888–1970-е гг.). Практикующий врач-кардиолог, он предпринял в конце 1930-х годов издание «Correspondance générale» Мериме и почти без посторонней помощи довел его к 1964 году до конца. Одним из важных результатов огромной собирательской работы, которую Партюрье осуществил при подготовке этого издания, было выявление им обширного комплекса писем Мериме к Тургеневу, которые Партюрье обильно процитировал в книге «Une amitié littéraire. Prosper Mérimée et Ivan Tourguénev» (1952), явившейся ценным подспорьем для тургеноведов, тем более что письма Тургенева к Мериме были утрачены безвозвратно: они сгорели в 1871 году вместе со всем архивом французского писателя.

В свою книгу Партюрье включил также (как правило, в отрывках) некоторые письма Тургенева к общим знакомым обоих писателей, в частности, к Валентине Делессер, многолетней возлюбленной Мериме, причем письма Тургенева к этой влиятельной светской даме, сыгравшей большую роль в замужестве его дочери, находились в коллекции самого Партюрье. Узнав об этом, Михаил Павлович немедленно обратился к нему с просьбой предоставить имеющиеся у него материалы для публикации в Полном собрании сочинений и писем. Тот в принципе согласился, но окончательно вопрос этот был урегулирован лишь два года спустя при содействии культурного атташе посольства Франции Жильбера Дагрона (Dagron), ныне известного византиниста, профессора Коллеж де Франс и члена Французского Института.³

В Париже Михаил Павлович общался и с другим известным французским тургеноведом — профессором Сорбонны Анри Гранжаром (Granjard; 1900–1979). Знакомство их произошло в 1958 году в Москве,

³ Благодаря М. Партюрье Редакционной коллегии Полного собрания сочинений и писем Тургенева удалось вступить в контакт с Катрин Боннье де ла Шапель (Bonnier de la Chapelle). Внушка видного издателя, литератора и политического деятеля Жюля Этцеля (Hetzel; 1814–1886) и владелица семейного архива, она выпустила в 1952 г., в соавторстве с Антуаном Пармени, обширный труд, в котором широко цитировались письма к Этцелю Тургенева. После длительных переговоров микрофильм всех находившихся у нее писем Тургенева к Этцелю был получен в обмен на микрофильм писем Этцеля к Марку Вовчок, которые хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

на IV Международном съезде славистов, а в 1960 году Гранжар побывал в Ленинграде и 16 сентября на заседании Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур Пушкинского Дома прочел доклад «Тургенев и Франция». В 1961 же году Гранжар помог Михаилу Павловичу прояснить ситуацию с архивом Ксавье Мармье, где он рассчитывал найти письма Тургенева, которых там, впрочем, не оказалось.

Переписка Михаила Павловича с Гранжаром продолжалась с 1963 по 1978 год и, естественно, касалась по преимуществу Тургенева.

В письме от 24 ноября 1963 года французский ученый, поблагодарив (как чуть ранее это сделал Мазон) Михаила Павловича за отклик статьи «По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции», заметил: «Ваше пребывание было очень коротким, но принесло очень богатый урожай». Там же он сообщил, что занят изучением тургеневских рукописей, но ввиду большой занятости не знает, когда сможет какие-нибудь из этих материалов опубликовать. В дальнейшем, по мере того как эта работа продвигалась, он упоминал о ней неоднократно, стараясь по возможности держать Михаила Павловича в курсе дела.

В канун нового, 1969-го, года Гранжар поздравил Михаила Павловича не только с этим событием, но и с окончанием издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. В письме от 21 марта 1970 года он извещал Михаила Павловича о том, что переправил в Пушкинский Дом с оказией микрофильм новонайденных писем Тургенева к Полине и Луи Виардо, Жоржу Шамро и М. Н. Зубовой, а также подборки писем Полины Виардо к Тургеневу. В качестве ответного шага он просил содействовать получению микрофильма писем Иннокентия Анненского из Отдела рукописей Публичной библиотеки для его ученицы мадам Гупи, заметив при этом, что «расценил бы отправку этого микрофильма как свидетельство стремления облегчить культурные связи между нашими странами». В том же письме он предлагал совместными усилиями французских, английских и советских специалистов составить летопись жизни и творчества Полины Виардо. В следующем письме от 21 декабря 1970 года он говорил о своей ученице Флоранс Монрено-Бранш (Montreupaud-Branche), обнаружившей ряд неизвестных ранее писем Тургенева и писем к нему. «Она умеет работать и обладает подлинной культурой, французской, русской и немецкой. Вот моя наследница! — восклицал он. — Во всяком случае, я так думаю и надеюсь».⁴

Еще один тургеневский сюжет возник в письме Гранжара от 23 января 1971 года. Это была судьба дома писателя в Буживале. Об этом у нас знали тогда немного: вилла Виардо и домик («шалей») Тургенева являлись частной собственностью, и не случайно Михаил Павлович считал целесообразным поместить в выпущенном под его редакцией

⁴ В дальнейшем Флоранс Монрено посвятила себя составлению различных словарей и публицистической деятельности феминистского направления. О ней см., например: Liberation. 2000. 11 avril. P. 21.

к «двойному юбилею» писателя сборнике очерк Гранжара «Паломничество в Буживаль». Завершался он следующими грустными словами: «Сейчас, через семьдесят пять лет после смерти Тургенева, домик уже не в состоянии сопротивляться наступлению природы. Бревна, балки, доски почернели и покрыты мхом. Грунтовые воды размывают его основание. Некоторые балки покривились, местами уже отсутствует каменная обшивка фундамента. Домику угрожает разрушение».⁵

К началу 1971 года положение резко ухудшилось: теперь дом был почти на грани исчезновения, и Гранжар уже не мог оставаться в стороне, в особенности после того как сведения об этом попали в советскую печать и к нему обратилась с просьбой вмешаться в преодоление этого «кризиса» Л. Н. Назарова, руководившая Тургеневской группой Пушкинского Дома. Ответом на этот крик о помощи и явилось упомянутое выше письмо, адресованное Михаилу Павловичу:

«Я получил письмо SOS относительно дома Тургенева от г-жи Назаровой, — сообщил Гранжар, — и пишу прямо вам.

По этому поводу я еще 9 января послал статью в „Le Monde”, который опубликовал ее лишь 10 дней спустя, и прилагаю ее к этому письму.⁶ Вот как обстоят дела в настоящее время: г-н Сабатье уже продал нижнюю часть парка, где оборудована автозаправочная станция и где будет построен доходный дом. Остальная часть имения, где строить большие здания нельзя, после наложения запрета подлежит продаже, чего пока еще не произошло. Муниципалитет Буживаля известил об этом советское посольство, которое добилось через наше Министерство культуры отсрочки аукциона до 15 февраля. Я дал знать об этом президенту общества „Франция—СССР”, которому послал вчера подробную записку с изложением всех этих обстоятельств. Он выразил готовность обратиться за финансовой помощью к частным лицам. Утром мэр Буживаля известил меня, что кредитор г-на Сабатье уступил свои права Национальной федерации ассоциаций управленческих кадров, что предполагает последующую продажу. Стартовая цена на аукционе — 200 000 франков. В мэрии Буживаля мне сообщили, что покупатель будет обязан не трогать виллу и так называемую дачу Тургенева. Для реставрации этой последней понадобилось бы от 10 000 до 15 000 франков, сумма, которую могло бы собрать общество „Франция—СССР”. Было бы хорошо, если бы советские культурные объединения и учреждения (Союз писателей, московский и ленинградский институты литературы и даже Академия наук) направили свои обращения непосредственно президенту общества „Франция—СССР” г-ну Блюмелю, по адресу: улица де Ла Врильер, 2, Париж, 2-ой округ (адрес общества), побуждая его к действию. Надеюсь, что будет сформирован комитет поддержки, куда войду и я. Но дело не терпит отлагательства».

⁵ Гранжар А. Паломничество в Буживаль // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1960. С. 244.

⁶ Текст этот в архиве не обнаружен.

Помимо Тургенева, в письмах Гранжара шла речь об инициированном им еще в 1963 году избрании Михаила Павловича почетным доктором Сорбонны, которое состоялось в следующем году, а также об организованном им в сентябре 1971 года в Париже заседании Бюро Международного комитета славистов.

Вскоре после этого в переписке Михаила Павловича с Гранжаром наступил длительный перерыв, а последнее из сохранившихся писем этого цикла, датированное 29 сентября 1978 года, было написано по-русски его женой Зинаидой Архиповной, которая сообщала, что они должны присутствовать на торжественном заседании в Сорбонне по случаю 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. По-видимому, самому Гранжару писать уже было трудно, здоровье его ухудшалось, и не случайно в письме фигурировали такие формулы, как «Старость — не радость» и «*Finita la comedia*». Действительно, жить Гранжару оставалось очень недолго.

Весной 1963 года к Михаилу Павловичу обратился молодой французский испанист Александр Звигильский, работавший тогда над докторской диссертацией на тему «Россия и Испания, политические, культурные и литературные отношения (1891—1861)». Судя по его письму от 2 июля 1963 года из Москвы, встреча их оказалась весьма полезной: в частности, благодаря Михаилу Павловичу он познакомился с А. А. Гозенпудом, З. И. Плавским и Б. Ф. Егоровым, причем с последним у него установились добрые — профессиональные и человеческие — отношения, о чем свидетельствует, например, совместно подготовленное ими издание «Писем об Испании» В. П. Боткина, вышедшее в 1976 году, в серии «Литературные памятники», чему Михаил Павлович, по признанию Звигильского, со своей стороны всемерно содействовал.

Кроме того, следствием общения с Михаилом Павловичем, несомненно, явилась публикация во втором Тургеневском сборнике (1966) заметки Звигильского «Тургенев и Гальдос». Самый же интерес его к Тургеневу возник значительно раньше: во всяком случае, его статья «Тургенев и Испания» увидела свет еще в 1959 году, и можно допустить, что именно с тех пор началось его постепенное погружение в тургеневедение, одним из самых осведомленных и деятельных представителей которого он впоследствии стал и остается поныне.

В 1969 году в пятом Тургеневском сборнике появилась еще одна статья Звигильского — «„Гамлет и Дон-Кихот“». О некоторых возможных источниках речи Тургенева». Наконец, получив от Михаила Павловича роман Джорджа Борроу «Лавенгро» с его вступительной статьей, Звигильский не просто поблагодарил его в письме от 9 декабря 1970 года, но сообщил ему ряд ценных сведений о то и дело всплывавших на поверхность тургеневских автографах, например, о двух письмах к племяннице Гюстава Флобера Каролине де Комманвиль, причем предлагал послать ему «фотокопии этих рукописей», которые ему «удалось получить до того, как они были бы проданы».

Одновременно все большую актуальность получало привлечение Звигильского к изданию новых текстов Тургенева у нас. Такое предложение Михаил Павлович сделал ему при их личной встрече в сентябре 1971 года в Париже, где он находился по делам Международного комитета славистов, а 30 сентября 1971 года Звигильский подтвердил свое согласие. «Разумеется, — писал он, — я буду очень рад подготовить к печати тексты и составить к ним примечания для советского издания, если получу для этого официальное приглашение. Мы с Вами об этом уже говорили в сентябре, так что полагаю, что это возможно».

Вскоре после этого вышел подготовленный Звигильским первый том двухтомной «Nouvelle correspondance inédite», и он послал его Михаилу Павловичу. Наконец, 13 июня 1972 года он отправил Михаилу Павловичу для публикации свои статьи «Du nouveau sur Tourguéniev» и «Maupassant et Tourguéniev», но ни та, ни другая на русском языке не появились, да и переписка между ними оборвалась на целых восемь лет.

Первым нарушил молчание Михаил Павлович. Произошло это 9 сентября 1980 года. Звигильский с готовностью откликнулся на это письмо и 31 декабря 1980 года не без удовлетворения сообщил, что в 1977 году им была создана Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран с целью спасти дом Тургенева в Буживале и устроить там музей, рассказал о деятельности ассоциации и о реставрации дома, а также пригласил Михаила Павловича принять участие в Международном конгрессе «Иван Тургенев и Франция», что позволит ему и его жене Нине Владимировне «увидеть вновь старый русский дом, покрытый свежей краской».

Этого, однако, не случилось. Встреча их состоялась летом следующего года в Ленинграде, в Пушкинском Доме, и прошла она вполне успешно, так что можно было надеяться на продолжение контактов между ними. Но встреча эта, увы, оказалась последней: вскоре Михаила Павловича Алексеева не стало.

На это печальное известие Звигильский откликнулся в основанных и редактируемых им «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran». «Смерть этого ученого, — писал он, — была с большим сожалением воспринята в литературных кругах Советского Союза и всего мира. Михаил Павлович Алексеев родился 5 июня 1896 года в Киеве, обучался в частной гимназии и одновременно в Киевской музыкально-драматической школе. Сделав свой выбор между литературой и музыкой, он поступает в 1914 году на Историко-филологический факультет Киевского университета, который оканчивает в 1918 году. Его первые публикации относятся к 1915 году. Он достиг блестящих результатов во многих областях: русская литература, иностранные литературы, сравнительное изучение литератур, и в этой последней области стал движущей силой и лидером у себя в стране. С 1933 года его деятельность связана с Ленинградским университетом и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом).

В 1958 году он был избран действительным членом Академии наук СССР. Там он возглавляет пушкиноведение, и под его редакцией осуществляется замечательное академическое Полное собрание сочинений и писем Тургенева в 28 томах (1960–1968). Он являлся одним из лучших в мире знатоков этого писателя.

Михаил Алексеев известен как исследователь английской, испанской, французской, итальянской, немецкой и американской литератур. Особенно ценны два его труда о русско-испанских и русско-английских литературных отношениях. Ему принадлежат также работы о музыке и живописи.

В мае 1981 года академик Алексеев принял предложение нашего Административного совета войти в состав его Почетного комитета. Он должен был сыграть существенную роль в ознакомлении в его стране с деятельностью нашей Ассоциации. Он должен был способствовать осознанию важности, в культурном плане, будущего Музея Тургенева и Международного центра изучения культур и литератур XIX века в Буживале.

За два с половиной месяца до своей кончины Михаил Павлович принял нас, г-на Мену⁷ и меня, в Пушкинском Доме и несколько дней спустя, 7 августа 1981 года, пригласил нас с женой на ужин к себе домой, на Васильевский остров. Мы были знакомы уже давно, с весны 1963 года, когда я собирал в Москве и Ленинграде материал для своей докторской диссертации. Мы виделись с ним еще не раз; в 1969 году мы вместе с ним побывали в Буживале. Мы состояли в переписке, Михаил Павлович следил за моей работой. Со своей стороны, я опубликовал в 1965 году в „Revue de littérature comparée” рецензию на его „Очерки истории испано-русских литературных отношений”.⁸

Эта последняя встреча с Михаилом Павловичем произвела на меня сильнейшее впечатление. В беседе с ним проявлялись равно обаяние его ума и блеск его поразительной эрудиции, которая непрерывно обогащалась в его увлекательных поисках нового.

В тот вечер Михаил Павлович вручил мне для будущего Музея Тургенева фотографию с дарственной надписью Анне Петровой, жене знаменитого певца,⁹ и комплект из двух пластинок, на которых была запечатлена история любви писателя к Полине Виардо.

Смерть настигла ученого за работой, 19 сентября 1981 года». ¹⁰

---

⁷ Жан-Клод Мену (Menu) возглавлял Региональный отдел Министерства культуры Франции.

⁸ См.: *Revue de littérature comparée*. 1965. N 3. P. 454–463.

⁹ Имеется в виду Осип Афанасьевич Петров (1807–1878).

¹⁰ *Cahiers*. N 6 (1982). P. 96–97.

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ — ТУРГЕНЕВЕД
Переписка с редакцией журнала «Литературный критик»¹

Публикация Дж. Ларокка

Интерес выдающегося филолога и мыслителя Льва Васильевича Пумпянского (1891–1940) к произведениям Тургенева занимает особое место в его концепции развития русской литературы.

Скорее всего, с мая по сентябрь 1929 года,² то есть после того как Пумпянский перешел на марксистские позиции,³ он написал несколько статей о главных тургеневских романах — «Отцы и дети», «Накануне», «Дым», «Новь», а также о так называемых «таинственных повестях», об отношениях Тургенева с Флобером и о Тургеневе-новеллисте. Все эти работы были опубликованы в 12-томном собрании сочинений Тургенева, выходившем в 1929–1930 годах, и, очевидно, предназначались прежде всего широкой читающей публике, а не специалистам. Вместе с тем они содержат специфическую литературную классификацию Пумпянского, на которую он опирался при анализе тургеневских романов: «роман поступка»,⁴ «квалифицированный по-

---

¹ Особую признательность хочу выразить биографу и исследователю наследия Льва Васильевича Пумпянского — Николаю Ивановичу Николаеву за возможность ознакомиться с материалами из архива Пумпянского, а также за поддержку и помощь в подготовке настоящей публикации.

² *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Сост. Е. М. Иссерлин. Н. И. Николаев; вступит. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М., 2000. С. 729. Далее ссылки на это издание: *Пумпянский*, с указанием страниц.

³ См.: *Чуковский Н. К.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 190–191. Вопрос о «переходе» Пумпянского на марксистские позиции достаточно сложен и до сих пор не решен до конца. См. об этом подробнее: *Николаев Н. И.* Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина) // «Литературоведение как литература»: Сборник статей в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 323–330; *Пумпянский Л. В.* «О марксизме» / Подготовка текста и публ. Н. И. Николаева // Там же. С. 331–338.

⁴ *Пумпянский Л. В.* Романы Тургенева и роман «Накануне»: Историко-литературный очерк // *Пумпянский*. С. 382.

ступок»,⁵ «героический роман»,⁶ или «роман социальной продуктивности»,⁷ а также «идеологический герой».⁸

Для большинства трудов позднего Пумпянского характерно особое внимание к проблеме влияния Тургенева на мировую литературу и мировой литературы (преимущественно французской) на русского писателя. Так, и в «Статьях о Тургеневе»,⁹ и в работе «Тургенев и Запад», вышедшей *post-mortem* (1940) в орловском сборнике «И. С. Тургенев. Материалы и исследования», связь творчества Тургенева с западной литературой истолкована не как отношения отдельного художника с другими отдельными художниками иноязычных литератур, но представлена в виде «непрерывной связи» — ключевое слово в понимании советского литературоведа — с общими мировыми литературными и философскими направлениями.¹⁰ С одной стороны, Тургенев, по мнению Пумпянского, принадлежит к пушкинской школе и продолжает ту «цепь дворянской литературы», которая была разорвана Гоголем, ту литературу, символом которой является «Евгений Онегин».¹¹ С другой стороны — он вступает с диалог с традицией натуральной школы Ж. Санд и Флобера, с гегелевской и шопенгауэровской эстетикой, вводя в западную литературу образ русского революционера и представитель русской просвещенной интеллигенции 1840-х годов.

Коренной вопрос о значительном влиянии, оказанном Тургеневым на мировую литературу (сам Пумпянский цитирует, среди многих, французского писателя Моруа¹²), рассматривается исследователем совершенно нестандартно. Пятая глава статьи «Тургенев и Запад» всецело посвящена формулировке и изучению таких литературных понятий, как «фабула» (ее простота или, лучше сказать, ее отсутствие в тургеневских романах), «персональный роман», «чистый роман» (*le roman pur*, по определению Моруа), «политический роман».¹³

Заметим, что этот принцип действует и в статье «Романы Тургенева и роман „Накануне“», где бросается в глаза приоритетное значение, какое придается так называемому «поиску героя»: «Перед нами не роман суда над героем как законченным лицом, занявшим определенную, хотя бы неверную, жизненную позицию, а скорее поиски героя и, в каждом отдельном случае, отдельный эпизод в истории этих поисков.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 383.

⁷ Там же. С. 384.

⁸ «Идеологическим героем» Пумпянский называет «героя — носителя центральной идеологии». См.: Пумпянский Л. В. «Дым». Историко-литературный очерк // Там же. С. 473.

⁹ Подробнее о цикле «Статей о Тургеневе» см. примеч. Н. И. Николаева: Пумпянский. С. 729–742.

¹⁰ Ср.: Пумпянский Л. В. Тургенев и Запад // И. С. Тургенев. Материалы и исследования / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940. С. 96.

¹¹ См.: Там же. С. 90; Пумпянский. С. 390.

¹² Пумпянский Л. В. Тургенев и Запад. С. 103.

¹³ Там же. С. 104, 105, 106.

Только такой роман мы зовем героическим, потому что только в нем проблема героя подавляет все остальное и превращает всех второстепенных лиц, весь бытовой, исторический и психологический материал, даже все события — в жизненный и литературный арьерплан». ¹⁴

Подобный подход заострен, переведен на более высокий уровень в неизданной книге Пумпянского «Литература современного Запада и Америки. 1920–1930» (1930), опубликовать которую он пытался в 1930 году, но без успеха. Книга предназначалась для широкой аудитории, или, как сформулировал сам Пумпянский, «педагогу, библиотекарю, работнику культуры, вузовцу и рабочему молодняку, желающему ориентироваться в потоке переводной литературы» (*Архив Пумпянского*). Несмотря на употребление «социологизированного языка», типичного для 1930-х годов, в этой книге имя Тургенева постоянно упоминается в связи с творчеством различных писателей, ¹⁵ например американского романиста Синклера Льюиса, героини которого сложились под влиянием образов тургеневских женщин (*Архив Пумпянского*). Можно предполагать, что тургеневские романы, как и проза американских, французских и немецких писателей (от По до Льюиса, от Флобера до Пруста, от Густава Фрейтага до Ремарка), становятся материалом, из которого Пумпянский черпает формулировки для своей теории прозы. В то же время эта теория не была бы возможна без таких работ как, например, «Теория романа» Г. Лукача (1920), «Как сделана „Шинель“» (1921) и «Молодой Толстой» (1922) Б. М. Эйхенбаума, «О теории прозы» В. Б. Шкловского (1925) и, конечно, трудов 1920-х годов его друзей — М. М. Бахтина и М. И. Кагана.

Публикуемая переписка Пумпянского с редакцией журнала «Литературный критик» (июль–сентябрь 1938 г.) является тем фоном, на котором становится очевидно не только исключительное знакомство критика с тургеневской темой, но и упорство, с которым он использует и уточняет вышеупомянутые ключевые понятия.

Как известно, в ноябре 1938 года отмечалось 120-летие со дня рождения Тургенева. Журнал «Литературный критик», ориентированный с 1933–1934 годов на борьбу против вульгарного социологизма и пропаганду литературной и эстетической мысли разных времен и народов, ¹⁶ посвятил отдел «Теория и история литературы» 11-го номера творчеству автора «Отцов и детей». В нем появились статьи «Мотивы и

¹⁴ *Пумпянский*. С. 383.

¹⁵ Там же. С. 734.

¹⁶ Начавший выходить в Москве с июня 1933 г. журнал был закрыт по официальной версии в декабре 1940 г. на основании постановления ЦК ВКП (б) «О литературной критике и библиографии» (1940) в связи с созданием постоянных критико-библиографических отделов во всех литературно-художественных и общество-политических журналах. См.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. Стлб. 319, 320. В последнем номере (№ 11–12. Ноябрь–декабрь) появились 15 статей и 2 публикации. Среди авторов — Г. Фридлиндер, Е. Гусиевич, С. Борщеский, В. Гриб, Г. Лукач, В. Тевкели, Б. С. Емельянов, Н. Андресен, И. Дужор, Н. Чертова, И. Гринберг, В. Александров, М. Морозов, И. Ямпольский и Н. Гудзий.

образы Тургенева» И. Сергиевского (С. 13–31), «Добролюбов и Писарев — критики Тургенева» Н. Четуневой (С. 32–65), «Литературно-эстетические взгляды Тургенева» А. Лаврецкого (С. 66–100), «Белинский и „Записки охотника“» В. Шкловского (С. 101–116), «Роман о новом герое русской жизни» Н. Никитина и В. Жданова (С. 117–135) и «Тургенев и испанские писатели» М. Алексеева (С. 136–144). Как видно из публикуемой ниже переписки, в сборник не вошла работа Пумпянского «Тургенев и французская литература», отдельные положения которой, вероятно, вошли впоследствии в его статью «Тургенев и Запад».

Редакция «Литературного критика» — Л. В. Пумпянскому

2 июля 1938 г. Москва

Уважаемый товарищ Пумпянский!

Редакцией намечено в одном из ближайших номеров дать специальный отдел, посвященный Тургеневу.¹ Не согласились ли бы Вы написать для этого отдела статью «Тургенев и французская литература».²

Статья нам нужна к концу августа, желательный объем — I½–2 листа. Просьба с ответом по возможности не задерживать.

Привет.

Литредактор Е. Рамм.³

2.VII.38 г.

Публикуется по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 614 (Редакция журнала «Литературный критик»). Оп. 1. № 10. Л. 233.

¹ Имеется в виду № 11 (Ноябрь) за 1938 г., выпущенный в честь 120-летия со дня рождения И. С. Тургенева.

² Статья с таким названием в журнале «Литературный критик» не появилась. По всей видимости, она так и не была написана. Возможно, однако, что статья была начата Пумпянским, но по каким-то причинам не завершена и впоследствии частично вошла в другую большую работу исследователя — «Тургенев и Запад», опубликованную в 1940 г. Не исключено, что сам замысел статьи «Тургенев и Запад» возник в связи с предложением редакции журнала «Литературный критик».

³ Вероятно, имеется в виду *Елизавета Рувимовна Рамм*, но о ней, к сожалению, известно немного. По воспоминаниям известного редактора «Нового мира» Анны Берзер, Е. Р. Рамм долгое время также работала редактором в этом журнале. «Много лет, — пишет А. Берзер, — изводили Елизавету Рувимовну Рамм, святого человека... Тоже редактора. Ее истребляли в течение многих лет, а на меня особенно напали именно в эти месяцы, в конце 1952 года. Елизавета Рувимовна умерла от этого, не выдержало сердце» (*Литкип С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А. Прощание*. М., 1990. С. 154). Необходимо упомянуть, что фамилия «Рамм» отсутствует в списке членов редакции журнала «Литературный критик».

Л. В. Пумпянский — В редакцию «Литературного критика»

6 июля 1938 г. Ленинград

6 июля 1938 г.

Уважаемый г. литредактор,

Ваше предложение написать статью «Тургенев и французская литература» мне очень приятно, но боюсь, что оно невыполнимо, п<отому> ч<то> Вы требуете статью к концу августа. Между тем, переутомленность моя сейчас такова, что перо у меня выпадает из рук.¹ Мне надо отдохнуть на даче, а август я проведу в деревне в Курской области, где у меня не будет книг и материалов. Взяться за работу я могу только с первых чисел сентября, и, следовательно, Вы получите статью *в конце сентября*.

Приемлемо ли это для Вас? Я думаю, да, п<отому> ч<то> Ваш Тургеневский номер, вероятно, приурочен к 120-тилетию со дня рождения, а Тургенев родился, кажется, в *ноябре* (1818).² Если я прав и предлагаемый мною (единственно для меня возможный) срок Вам подходит, прошу Вас немедленно сообщить мне по прилагаемому *дачному* адресу, — немедленно, п<отому> ч<то> в августе меня уже здесь не будет. В этом случае, т. е. в случае утвердительного ответа, объясните, как Вы понимаете заглавие:

1. влияние франц<узской> литературы на Тургенева (романы Ж. Санд, Флобер, Бодлер и т. д.)?
2. влияние Тургенева на франц<узскую> литературу (оно было очень велико)?
3. то и другое?

С сердечным приветом,
уважающий Вас Л. В. Пумпянский.

Дачный адрес (на весь июль месяц):

г. Луга, совхоз им. Дзержинского, деревня Рапти,
Анне Тимофеевне Михайловой — Льву Васильевичу Пумпянскому.

Городской адрес:

Ленинград 28, ул. П. Лаврова, 60, кв. 2.
Л. В. Пумпянскому.

В будущем, если придется, в случае утери этого городского адреса, можно писать на Университет, Филологический факультет, проф. Л. В. Пумпянскому, или на Пушкинский дом,³ как Вы и сделали.

Если статья Вам нужна непременно в августе и, следовательно, моя кандидатура отпадает, советую обратиться Клеману Михаилу Карловичу,⁴ известному знатоку Тургеневу, а заодно и французской литературе.

ры его эпохи. Писать ему на Пушкинский дом. Впрочем, где он сейчас, в городе или в отъезде, я не знаю.

Публикуется по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 614 (Редакция журнала «Литературный критик»). Оп. 1. № 10. Л. 235–236.

¹ Пумпянский умер в 1940 г. от рака печени, симптомы которого проявились уже в 1938 г.

² В 1938 г. многие другие журналы поместили статьи, приуроченные к юбилею писателя. Так, в № 11 (ноябрь) «Красной нови» была опубликована статья Н. Богословского «Литературные взгляды Тургенева» (С. 249–268).

³ С 1936 г. до своей кончины Пумпянский был профессором кафедры истории русской литературы Ленинградского университета. В начале 1930-х гг. Г. А. Гуковский пригласил критика в группу по изучению XVIII века в Пушкинском Доме. См.: Николаев Н. И. Энциклопедия гипотез // Пумпянский. С. 27.

⁴ Вероятно, Пумпянский познакомился с известным тургеноведом Михаилом Карловичем Клеманом (1897–1942) в те годы, когда принимал участие в работе группы по изучению XVIII века Пушкинского Дома.

Редакция «Литературного критика» — Л. В. Пумпянскому

9 июля 1938 г. Москва

Уважаемый товарищ Пумпянский!

Мы могли бы Вам отсрочить присылку статьи до 17–19 сентября. Этот срок уже максимальный. Что же касается темы, то в первую очередь нас интересует влияние Тургенева на французскую литературу, но хорошо было бы, чтобы в статье был освещен и вопрос о влиянии французск<ой> литературы на Тургенева.

Привет

жду ответа

Е. Рамм.

9.VII.38 г.

Публикуется по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 614 (Редакция журнала «Литературный критик»). Оп. 1. № 10. Л. 234.

Л. В. Пумпянский — В редакцию «Литературного критика»

25 сентября 1938 г. Луга

25 сентября 38.

Многоуважаемый т<оварищ> Рамм,

студент V курса Фил<ологического> фак<ультета> Лен<инградского> гос<ударственного> унив<ерситета>, мой ученик по курсу истории

р<усской> литературы XIX в., Макогоненко,¹ представил мне на даче свою работу о романе Тургенева «Новь».² Работа эта совершенно по-новому ставит вопрос о политическом смысле этого романа, отвергает традиционный взгляд, доказывает (на мой взгляд, правильно), что роман противопоставляет народническому «хождению в народ» рабочее движение, что Соломин задуман Тургеневым не как буржуа, а как рабочий революционер.

Я думаю, что работа Макогоненки (уже выступавшего в печатной научной литературе) весьма подойдет для Вашего ноябрьского Тургеневского номера (в к<отор>ом я сам, к сожалению, не мог участвовать — как Вы, вероятно, помните, — вследствие болезненного переутомления). Позволяю себе рекомендовать Вам автора и его талантливую, научно свежую и нужную статью (размером страниц в 45 машинописи).

Если статья Вам по содержанию подходит, обратитесь непосредственно к автору:

Ленинград 14, ул. Некрасова, 38, кв. 23.
Георгию Пантелеймоновичу Макогоненко.

Уважающий Вас и готовый к услугам
Л. В. Пумпянский.

На обороте почтовой карточки:

Москва.
Тверской бульвар, 25.
В редакцию журнала «Литературный критик».
Литер<атурному> редактору т. Рамму Е.

Ленингр<адская> область, г. Луга, совхоз им. Дзержинского, деревня Рапти.
Анне Тимофеевне для Льва Вас<ильевича> Пумпянского.

Публикуется по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 614 (Редакция журнала «Литературный критик»). Оп. 1. № 10. Л. 238.

¹ *Георгий Пантелеймонович Макогоненко* (1912–1986) был известным специалистом по истории русской литературы XVIII–XIX вв. Поступив на филологический факультет Ленинградского университета в 1934 г., он записался в семинар Г. А. Гуковского, привлечшего его к изучению литературы XVIII в. См.: *Маркович В. М., Карпов А. А.* Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко. Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. С. 6. О том, что Гуковский вскоре выделил Г. П. Макогоненко среди студентов, свидетельствует его отзыв. В 1939 г., по отзыву Гуковского, «Г. П. Макогоненко является совершенно очевидно в высшей степени талантливым молодым ученым» (Там же. С. 284–285). Правдоподобно предположение, что благодаря Гуковскому Георгий Пантелеймонович стал учеником Пумпянского.

² Имеется в виду работа Макогоненко «Политический смысл романа „Новь“», которая была опубликована в журнале «Ученые записки ЛГУ» в 1939 г. (№ 47. Т. 4. С. 248–272). По сведениям Н. И. Николаева, Макогоненко приезжал с финского фронта для того, чтобы принять участие в похоронах Льва Васильевича.

ИЗ АРХИВА Л. Н. НАЗАРОВОЙ (1910–2005)

ДВА ЧЕРНОВИКА ПИСЕМ к Б. К. ЗАЙЦЕВУ

Публикация Н. П. Генераловой

В июле 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения сотрудника Пушкинского Дома Людмилы Николаевны Назаровой — человека, вся жизнь которого была связана с Институтом русской литературы.

Л. Н. Назарова родилась в городе Перми 29 июля 1910 года. В 1926 году окончила школу II ступени в городе Кунгуре. В 1927 поступила на химический факультет Ленинградского политехнического института, а в 1930 окончила Ленинградский химико-технологический институт. Работа по специальности не помешала ей в 1935 году поступить экстерном на факультет русского языка и литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, который она окончила в декабре 1940 года. Одновременно с обучением Л. Н. Назарова работала в качестве экскурсовода и лектора по истории русской литературы в Пушкинском обществе в Ленинграде, в Пушкинском заповеднике, в музее «Домик Лермонтова» в Пятигорске, а также была внештатным экскурсоводом Института литературы в Ленинграде. Оказавшись во время войны в блокадном Ленинграде, Л. Н. Назарова продолжала работать в Пушкинском Доме, как и другие сотрудники трудилась на оборонительных работах. В период 1943–1944 годов жила и работала в городе Новосибирске.

По возвращении в Ленинград Л. Н. Назарова поступила в аспирантуру Пушкинского Дома к известному пушкинисту Б. В. Томашевскому и в октябре 1948 года защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основные этапы развития поэмы в творчестве А. С. Пушкина». Во время работы в Пушкинском Доме принимала участие в подготовке полных собраний сочинений М. Ю. Лермонтова, В. Г. Беллинского, много лет возглавляла группу по подготовке первого академического собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, вместе с В. А. Мануйловым принимала активное участие в составлении и редактировании Лермонтовской Энциклопедии.

Л. Н. Назарова — автор около 300 печатных работ. В 2004 году вышла ее книга «Воспоминания о Пушкинском Доме», в которой отражен путь отечественной науки более чем за 70 лет. Главное, что поражает при чтении воспоминаний Л. Н. Назаровой, — неиссякаемый оптимизм, непреходящий живой интерес ко всему, что происходило и происходит, наконец, редкое в наше время ощущение масштабности и значимости событий, свидетелем которых она оказалась. Л. Н. Назарова принадлежала к тому поколению людей, которые, выражаясь словами поэта, «времен не выбирали», они жили в них достойно, честно трудились, отдавали все силы делу, которому посвятили себя.

Л. Н. Назарова и Т. П. Ден
Ленинград, 1955 г.

У Л. Н. Назаровой было много друзей: она поддерживала постоянные творческие связи с коллегами из разных городов России и зарубежья, с научными учреждениями, библиотеками, архивохранилищами, которые нередко одаривала ценными материалами из своего личного архива.

В последние годы Л. Н. Назарова трудилась над статьями для будущей Тургеневской Энциклопедии (ею написано более 200 статей), печаталась в газетах, журналах и специальных научных изданиях. Она работала без устали, до последнего дня. В печати еще находятся статьи, которые увидят свет уже без нее.

Одно из главных качеств характера Л. Н. Назаровой — неиссякаемая отзывчивость, которая так привлекала к ней людей, умение дружить, причастность ко всему, что касалось русской литературы и культуры. Неизменно доброжелательная, Л. Н. Назарова помогала всем, кто нуждался в ее поддержке. Она считала себя счастливым человеком, которому выпала радость общения со многими замечательными людьми. Благодарную память о них она хранила в своем сердце и передавала следующим поколениям. Те, кто знал Людмилу Николаевну Назарову, навсегда сохранят память о прекрасном, благородном человеке, искренне и бескорыстно преданном науке и русской литературе.

Ниже публикуются черновики двух писем Л. Н. Назаровой к русскому писателю Б. К. Зайцеву, с которым она состояла в переписке многие годы. Переписка с известным писателем первой волны русской эмиграции началась в 1961 году после того, как Людмила Николаевна познакомилась с книгой Зайцева «Жизнь Тургенева», вышедшей в свет еще в 1949 году. Однако в силу цензурных запретов эта книга, как и вообще творчество одного из замечательных русских прозаиков, не была известна русскому читателю на родине писателя. Прочитав книгу, Людмила Николаевна немедленно написала автору восторженное письмо, хотя, разумеется, хорошо понимала, чем это может ей грозить. Борис Константинович тоже был рад начать переписку с соотечественницей, да еще занимающейся творчеством любимого им И. С. Тургенева.

Письма Б. К. Зайцева были опубликованы самой Людмилой Николаевной лишь в 1994–1995 годах в журнале «Русская литература», а подлинники, как и весь ее архив, переданы в Рукописный отдел ИРЛИ. Еще раз, собранные вместе, они опубли-

кованы в книге воспоминаний Л. Н. Назаровой. Это, как может убедиться читатель, далеко не официальная переписка. Писатель сразу почувствовал в авторе писем из далекой России душевно близкого ему человека, и, несмотря на то что им так и не привелось увидеться, переписка продолжалась до самой его смерти. За это время Людмила Николаевна сдружилась с его семьей, в том числе и с дочерью Натальей Борисовной Соллогуб и ее детьми. Эти связи продолжались до самой кончины Людмилы Николаевны, так много сделавшей для популяризации творчества Б. К. Зайцева в России. Будучи уже сама больной, она до последнего дня беспокоилась о состоянии здоровья Н. Б. Зайцевой-Соллогуб и с надеждой ждала весточки от знакомых. Ею написан очерк о его семье, опубликованы письма к другим русским корреспондентам, с которыми она же заочно и познакомила писателя, — Л. Н. Афонину и В. А. Мануйлову. Сохранившиеся два черновика писем к Зайцеву, переданные самой Людмилой Николаевной для публикации в готовившийся при ее жизни Тургеневский сборник, дают возможность хотя бы в небольшой части ознакомиться с корреспонденткой писателя. В прямых скобках заключены слова, зачеркнутые автором, в ломаных — недописанные и восстанавливаемые по смыслу. Автографы черновиков двух публикуемых писем переданы в ОГЛИМТ.

1

Комарово,
Ленинградской области.
14 октября 1961 г.

Глубокоуважаемый
Борис Константинович!

Извините, пожалуйста, что я с таким большим опозданием откликаюсь на Ваше милое письмо и прелестные сувениры, переданные мне М. П. Алексеевым. Сердечно благодарю Вас за все, я очень растрогана Вашим вниманием...

Была страшно занята все это время, так как шли корректуры различных томов писем и сочинений И. С. Тургенева. Сейчас у меня кратковременный отпуск. Я провожу его в очень живописной местности близ Ленинграда (на Карельском перешейке) в Доме отдыха Всероссийского театрального общества. Между прочим, сегодня буду [проводить беседу] рассказывать отдыхающей здесь публике о своей прошлогодней поездке во Францию. Стоит золотая осень, места вокруг нашего дома очень [живописные] красивые. Сосна и ель сочетается с березой, осиной и даже кленом. Погода стоит очень [хорошая] теплая, часто светит солнце, это редко бывает в наших местах в октябре. И почему это многие русские поэты не любили осень? Я так согласна с Пушкиным, который писал: «Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса...».

Недавно приезжал в Ленинград из Орла директор музея «Писатели-орловцы». Мы с ним много говорили о Л. Н. Андрееве, И. А. Бунине и о Вас. Между прочим, в Орловском музее нет ни одной Вашей фотографии... А им, конечно, очень хотелось бы иметь ее (и мне тоже)! Поэтому не сочтите, пожалуйста, с моей стороны слишком большой дерзо-

стью, если я попрошу Вас послать на мое имя две Ваши фотографии: одну для меня (хоть бы самую маленькую, можно любительскую) и другую (побольше и получше) для музея «Писатели-орловцы» (я им переishлю ее сама). Мы были бы Вам очень, очень благодарны! Попросите, пожалуйста, А. А. Сионского помочь Вам в этом деле.

Ваша книга «Жизнь Тургенева» прочитана всеми моими коллегами с чувством большого восхищения! Потрясены Вашей писательской интуицией. [Ведь у Вас проникновением в жизнь, различные стороны жизни] Надеюсь, что скоро пошлю Вам II том писем И. С. Тургенева, в [подготовке] котором [я принимала] значительно большая часть моего труда, нежели в I томе писем. <...>

2

«Ленинград.
Апрель — май 1962 г.»

Дор<огой> Бор<ис> Конст<антинович>!

Простите, что долго Вам не писала. Это оттого, что я была в отъезде и совсем недавно возвратилась в Лен<ингра>д. Сегодня послала Вам «Оливера Твиста» Ч. Диккенса и альбом «Пригороды Лен<ингра>да». Вы найдете в нем виды Пушкина (быв. Царское Село), Ломоносова (быв. Ораниенбаум), Петродворца (быв. Петергоф) и др.

[Большое спа<сибо>] Очень Вас прошу без всякого стеснения обращаться ко мне, когда Вам или Вере Алекс<еевне> нужны какие-либо книги. Я с удовольствием пошлю все, что смогу достать. И, пожалуйста, не обижайте меня [разговорами] рассуждениями о деньгах и пр.

[Больш<ое>] [На меня] Очень сильное впечатление произвела на меня Ваша книга о Жуковском. Читая страницы, посвященные последним дням жизни и смерти Саши-Светланы, я даже плакала... Образ Светланы у Вас получился чудесный! Более яркий, чем [ее сестры] Маши. Вероятно, это произошло потому, что и в [жизни] действительности Светлана была интересней, нежели ее сестра. [Молодой Жуковский] Как всегда, удивляет в Ваших книгах о писателях необыкновенное проникновение во внутренний мир героя (в данном случае Жуковского). Я никогда не занималась его биографией [этого поэта] и [в силу этого не слишком хо<рошо>] и знаю ее лишь в общих чертах. Поэтому и в плане чисто познавательном мне было очень интересно читать Вашу книгу. Прекрасно сказано у Вас о взаимоотношениях Жуковского и Пушкина на стр. 188–190. Кратко, но удивительно верно!

Читая и перечитывая с бесконечным наслаждением Ваши книги о Тургеневе и Жуковском, я [однако] прихожу, однако, в полное отчаяние как литературовед... [оттого, что никогда не смогу даже самым отда-

ленным образом приблизиться к Вашему уровню. Должна была еще прошлым летом написать]

Должна была я еще прошлым летом написать небольшую книжку «Тургенев в Спасской ссылке», но до сих пор не могу даже начать ее, хотя материал интересный (в том числе архивный) давно собран. Как только начинаю писать, вижу, что очень плохо получается, т. к. сразу [начинаю] вспоминаю Вас и Вашу изумительную книгу о Тургеневе. [По-видимому мне не литера<турой?>] Сейчас я читаю с чувством восхищения Ваше предисловие к переводу Данте (сам перевод еще не читала — о нем напишу в следующем письме). Большое Вам спасибо!

Мне очень понравилась тема Вашего доклада «Пушкин, Рафаэль, Моцарт». Напишите, пожалуйста, если можно, как прошел Пушкинский вечер.

К великому моему сожалению, я до сих пор не получила книгу «Тихие зори», а также и другие Ваши книги, которые мне послал А. А. Сионский. Завтра буду звонить по телефону на главпочтамт или же пошлю туда заявление с просьбой принять соответствующие меры.

Я очень благодарна Вам за листик с березы из Буживаля, за все то письмо, в котором Вы описываете свою поездку [туда] в Буживаль и сообщаете сведения о Ваших связях с Орлом. Я сняла копию с этого Вашего письма и послала в Орел. [Получила благодарность от] Л. Н. Афонин пишет мне, что теперь, когда у них есть Ваша фотография, книга о Тургеневе и копия с этого письма (такого интересного по содержанию), они могут сказать, что начало музейному фонду Б. К. Зайцева у них положено! Орловцы, конечно, будут сами [благодарить Вас] писать Вам, но пока просили меня передать Вам свою искреннюю и большую благодарность за все.

Дорогой Борис Константинович! У меня к Вам есть одна очень большая просьба. На днях я прочитала в одной книге о Тургеневе (автор — С. М. Петров, вышла она недавно) утверждение о том, что на Ваше творчество Иван Сергеевич Тургенев оказал несомненное влияние. Напишите, пожалуйста, если можно, что Вы сами по этому поводу думаете — буду Вам очень благодарна. Мне думается, что, например, для И. А. Бунина большее значение имел Л. Н. Толстой, а для Вас, может быть, действительно И. С. Тургенев? Ужасно хочется прочитать побольше Ваших книг, в частности и для того чтобы самой иметь на этот счет какое-то мнение.

От всего сердца желаю Вам, Вере Алексеевне и Наталье Борисовне здоровья, бодрости, сил и всего самого лучшего на свете.

С уважением и любовью
Л. Назарова.

Редколлегия Тургеневских сборников продолжает публикацию материалов из архива известного тургениведа Анатолия Ивановича Батюто,* подготовленных его сыном С. А. Батюто, и выражает последнему благодарность от имени сотрудников издания за возможность познакомиться с современными исследователями с неизвестными страницами жизни и творчества ученого, чьи труды вошли в золотой фонд отечественной филологической науки.

1

А. И. Батюто

**БЕЛИНСКИЙ, ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, ДОБРОЛЮБОВ И ДРУГИЕ
(ЭСТЕТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ И РАЗНОЧТЕНИЯ)****

В научных трудах, посвященных передовой русской эстетике и литературной критике 1840-х — 1860-х годов, обычно во главу угла ставится ленинская мысль о том, что Белинский — предшественник русской революционной демократии. Это, конечно, справедливо. Чернышевский и Добролюбов плодотворно продолжали развивать и углублять материалистическую эстетику Белинского, сформировавшуюся к началу сороковых годов.¹ Для всех троих характерна апология положения о том, что жизнь, действительность, притом действительность не-

* См. публикацию из «Дневника» А. И. Батюто: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1 / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. С. 452–499.

** Статья была написана по плану научной работы в 1988 г. и предназначалась для не вышедшего в свет коллективного сборника «Спорные и нерешенные вопросы русской критики». Обнаружена в архиве автора в 2008 г.

¹ В статье не затрагиваются вопросы о становлении самого Белинского, его эволюции и противоречиях в отношении, например, к Шиллеру и к западному и русскому романтизму и классицизму, вызвавших позднее возражения Достоевского и Ап. Григорьева (см. об этом у Достоевского в «Приписке к статье Н. Н. Страхова «Нечто о Шиллере»» и в коммент. к ней Г. М. Фридлиндера: *Достоевский*. Т. 19. С. 90 и 286–292). — *Ред.*

прикрашенная, если не единственная, то во всяком случае главная основа и питательная среда искусства. Это главное свойство эстетических воззрений Белинского, Чернышевского и Добролюбова предопределяло их чрезвычайную родственную близость. Но черты принципиального сходства не исключали множества принципиальных различий. Как в начинке слоеного пирога, характернейшие моменты согласия с Белинским по существеннейшим литературным вопросам перемежались в эстетике Чернышевского и Добролюбова вольными или невольными разногласиями с Белинским. Как нам кажется, в большинстве случаев эти разногласия свидетельствовали не в пользу Чернышевского и Добролюбова.

Неукоснительно следуя эстетической теории Чернышевского, пытаюсь применить ее для создания верного представления об истории русской литературы, нужно будет столь же неукоснительно и во все возрастающей степени возвышать гоголевское начало за счет ущемления начала пушкинского. В реальном процессе развития русской литературы такой крен имел место только в шестидесятые годы. В последующие периоды русского литературного развития торжествовала тенденция, определенная формулой Тургенева о необходимости слияния пушкинского и гоголевского влияний (см. ниже). И для Белинского самым важным был вопрос о русской литературе, а не только о Пушкине или Гоголе. Чернышевский же и Добролюбов, по мере нарастания революционной ситуации, все больше и больше склонялись к приятию лишь второй половины этой альтернативы. Имели место и другие важные разногласия между Белинским и его революционно-демократическими последователями по литературно-эстетическим вопросам.

Расхождения Чернышевского и Добролюбова с Белинским и другими крупнейшими деятелями русской литературы заслуживают исключительного внимания и потому, что позволяют установить некоторые точные акценты в решении проблемы о существовании полемики по вопросам искусства в шестидесятые годы.

Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Достоевский — таков литературный диапазон настоящей статьи. Рассмотрение взглядов Писарева не входит в ее проблематику, так как нигилистическое отношение его к искусству не вызывает сомнений и, следовательно, в особом «расследовании» не нуждается.

Уже первое сопоставление основополагающих идей трактата Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» с такой, например, статьей Белинского, как «Стихотворения М. Лермонтова», показывает, как далеко ушел Чернышевский от своего предшественника в понимании некоторых вопросов о значении искусства. Названная статья Белинского написана на пороге перехода критика к остро социальной постановке вопросов литературы и бытия вообще (1840 г.). Быть может поэтому, то есть в условиях еще не вполне победившей «социальности» в воззрениях Белинского, а также благодаря еще дающему о себе знать влиянию со стороны эстетики Гегеля, —

а многие положения ее все же сохранили статус непреходящего значения и для всех последующих эпох, — по временам ощущается в упомянутой статье критика известное предпочтение эстетически стройному и упорядоченному искусству перед сравнительно аморфной действительностью. Однако предпочтение это сказывалось иногда у Белинского и перед самым окончанием его деятельности, с чем также нельзя не считаться. Впрочем, каковы бы ни были истинные причины того, по видимому, далеко не случайного противоречия, на которое сейчас будет указано, противоречие остается противоречием или, в соответствии с заглавием настоящей статьи, эстетическим разногласием и различием, достойным внимания.

Белинский полагает: в силу его способности к типизации в «искусстве действительность больше похожа на действительность, чем в самой действительности, — и художественное произведение, основанное на вымысле, выше всякой были <...>».² И далее: «...искусство выше природы настолько, насколько всякое сознательное и свободное действие выше бессознательного и невольного».³ А еще раньше, — и это место его статьи вступает в наиболее конкретное противоречие с тем, на чем настаивал впоследствии Чернышевский, — Белинский утверждает: «Да, ландшафт, созданный на полотне талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе. <...> в нем нет ничего случайного и лишнего, все части подчинены целому, <...> всё образует собою одно прекрасное <...>. Действительность прекрасна сама по себе, но прекрасна по своей сущности <...> а не по форме. В этом отношении действительность есть чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли: наука и искусство очищают золото действительности, перетопляют его в изящные формы».⁴

Итак, действительность — «чистое золото», а искусство — золото еще более чистое, поскольку освобождено от облекающей его закоруждой «кучи руды и земли». Пользуясь тем же приемом метафорического уподобления (действительность — золото), очевидно заимствованным у Белинского, Чернышевский обосновывает прямо противоположную точку зрения, всячески настаивая на том, что искусство не является золотом, а претендует на золотое достоинство лишь по недоразумению. Читаем: «На жизненном пути нашем разбросаны золотые монеты; но мы не замечаем их, потому что думаем о цели пути, не обращаем внимания на дорогу, лежащую под нашими ногами; заметив, мы не можем нагнуться, чтобы собрать их, потому что „телега жизни“ неудержимо уносит нас вперед, — вот наше отношение к действительности; но мы приехали на станцию и проахаживаемся в скучном ожидании лошадей — тут мы со вниманием рассматриваем каждую жестяную бляху, которая, быть может, не стоит и внимания, — вот наше

² Белинский. Т. 4. С. 492.

³ Там же. С. 499.

⁴ Там же. С. 490–491.

отношение к искусству. <...> Красота и величие действительной жизни редко являются нам патентованными, а про что не трубит молва, то немногие в состоянии заметить и оценить; явления действительности — золотой слиток без клейма: очень многие откажутся уже по этому одному взять его, очень многие не отличат от куска меди; произведение искусства — банковый билет, в котором очень мало внутренней ценности, но за условную ценность которого ручается все общество <...> вся его ценность заимствована только оттого, что он представитель золотого куска».⁵

Сопоставление этих текстов Белинского и Чернышевского показывает, что в данном случае Чернышевский, — по всей вероятности, сознательно и даже преднамеренно, — существенно редактировал высказывания своего учителя, вносил в них поправки, предписанные сугубо социальными велениями времени. Вместе с тем, исправляя и даже подновляя Белинского, Чернышевский впадал в крайность, чреватую фамильярным и даже несколько циническим принижением значения искусства. Об этом свидетельствовало стоявшее на грани профанации сравнение искусства с банковским билетом, имеющим лишь условную ценность. То же отношение к искусству утверждает и в рецензии Чернышевского «О поэзии. Сочинение Аристотеля...» — с тою лишь разницей, что здесь искусство ставится и ниже науки. «Если популярные книги перечеканивают в ходячую монету тяжелый слиток золота, выплавленный наукою, — пишет Чернышевский, — то поэзия пускает в ход мелкие серебряные деньги, которые обращаются и там, куда редко заходит золотая монета <...>».⁶

Формированию отчетливых представлений о других разночтениях в эстетике Белинского и разночинной демократии шестидесятых годов чрезвычайно способствует предварительный, хотя бы даже мало-мальски объективный взгляд на полемику с Чернышевским и Добролюбовым, проводившуюся в 1850-е — 1860-е годы Тургеневым и Достоевским. Дело в том, что факты, — а их много, — красноречиво свидетельствуют: полемика эта велась с позиций Белинского, в примечательно полном соответствии с характером некоторых основополагающих разделов его эстетики. В ряде пунктов этой полемики Тургенев и Достоевский — «толмачи» Белинского, переводчики его эстетики на более понятный, общедоступный язык художественных образов. Достоевский посвятил этой полемике блестящую статью «Г-н — бов и вопрос об искусстве», а Тургенев — многие страницы своего великолепного романа «Отцы и дети». Впрочем, еще раньше, в переписке с друзьями, литературными советчиками и оппонентами, Тургенев высказывал весьма суровые критические замечания по поводу «Эстетических отношений искусства к действительности». Одно из этих замечаний заслуживает внимания особого.

⁵ Чернышевский. Т. 2. С. 74.

⁶ Там же. С. 274.

Летом 1855 года Тургенев пишет В. П. Боткину и Н. А. Некрасову: «Что же касается до книги Чернышевского — вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых. Как ни вертись, эта мысль лежит у него в основании всего. А это, по-моему, вздор. — В действительности нет шекспировского Гамлета — или, пожалуй, он есть — да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим. Чернышевский много берет на себя, если он воображает, что может сам всегда дойти до этого сердца жизни, о котором ты <В. П. Боткин. — *Ред.*> говоришь». И далее Тургенев продолжает с нескрываемой иронией, в которой улавливается и оттенок презрения к слишком утилитарной эстетике Чернышевского: «Воображаю я его себе извлекающим поэзию из действительности для собственного обихода и препровождения времени!».⁷ Ни здесь, ни в других своих еще более резких суждениях о Чернышевском Тургенев не возражает против таких определений активного назначения искусства, как «объяснение» действительности и «приговор» над нею. А тезис: искусство — воспроизведение жизни был даже весьма близок писателю, давно покинувшему стезю романтизма. Но будущего создателя образа Базарова, в котором получили выпуклое отражение еще смутные веяния русского нигилизма, возмущает очевидная для него недооценка или даже игнорирование в трактате Чернышевского первооткрывательской роли искусства. (Гамлеты, может быть, и есть в действительности, но в аморфном состоянии. Шекспиры открывают их, точно определяют и делают достоянием общим.) Делая такой упрек Чернышевскому, Тургенев попадал не в бровь, а прямо в глаз. Достаточно двух-трех цитат из «Эстетических отношений искусства к действительности», чтобы убедиться в меткости тургеневского наблюдения, в резонности его общего заключения.

Чернышевский, например, утверждал: «Образ <...> это не более как бледный и общий, неопределенный намек на действительность <...> поэзия <...> всеми силами стремится к живой индивидуальности своих образов <...> а успевает только несколько приблизиться к ней <...> стремится, но не может никогда достигнуть того, что всегда встречается в типических лицах действительной жизни... образы поэзии слабы, неполны, неопределенны в сравнении с соответствующими им образами действительности».⁸ «Все, что высказывается наукою и искусством, найдется в жизни, — утверждал далее Чернышевский с несколько фамильярным пренебрежением к малейшим поползновениям на совершенство и приоритет в сфере науки и искусства, — и найдется в полнейшем, совершеннейшем виде, со всеми живыми подробностями, в которых обыкновенно и лежит истинный смысл дела, которые часто не понимаются наукою и искусством, еще чаще не могут быть ими об-

⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 48.

⁸ Чернышевский. Т. 2. С. 64.

няты; в действительной жизни все верно, нет недосмотров, нет односторонней узкости взгляда, которую страдает всякое человеческое произведение, — как поучение, как наука, жизнь полнее, правдивее, даже художественнее всех творений ученых и поэтов». А далее идет хрестоматийно известное изречение Чернышевского, явно принижающее самостоятельность и самобытность научного и художественного мышления: «Наука и искусство (поэзия) — „Handbuch“ <руководство. — нем.> для начинающего изучать жизнь; их значение — приготовить к чтению источников и потом от времени до времени служить для справок».⁹

Указания на пассивно-вспомогательную, даже справочную роль искусства, на якобы полную несостоятельность его претензий на открытия характерны и для последних страниц трактата Чернышевского, где подводятся итоги исследования вопроса. Здесь читаем: «Действительность не только живее, но и совершеннее фантазии. Образы фантазии — только бледная и почти всегда неудачная переделка действительности. <...> Создания искусства ниже прекрасного в действительности не только потому, что впечатление, производимое действительностью, живее впечатления, производимого созданиями искусства: создания искусства ниже прекрасного <...> в действительности и с эстетической точки зрения».¹⁰

От ощущения некоторой «черствости» эстетического вкуса Чернышевского Тургенев не избавился и после прочтения «Очерков гоголевского периода русской литературы», в которых впервые после многих лет забвения и остракизма упоминалось дорогое для него имя Белинского. Почему не избавился? Очевидно, потому, что выдвигаемая им на передний план мысль о том, что настоящее искусство — всегда открытие, а ни в коем случае не «бледная» переделка или копия, была одной из любимых мыслей Белинского.

Белинский утверждал, что даже по отношению к «разумной действительности» поэт «не раб ее, а творец, и не она водит его руку, но он вносит в нее свои идеалы и по ним преобразает ее».¹¹ Характеризуя сущностную специфику подлинной поэзии, Белинский употребляет в конечном итоге тот глагол, который употребил позднее Тургенев в цитированном письме к Боткину и Некрасову. В действительности, полагал Тургенев, «нет шекспировского Гамлета — или, пожалуй, он есть — да Шекспир *открыл* его...».¹² И Белинский полагает: «Весь мир, все цветы, краски и звуки, все формы природы и жизни могут быть явлениями поэзии; но сущность ее — *то, что скрывается в этих явлениях*, живет их бытие, очаровывает в них игрою жизни».¹³ А несколько выше Белинский замечает: в результате искусного освещения

⁹ Чернышевский. Т. 2. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Белинский. Т. 4. С. 493.

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 48. Курсив наш. — А. Б.

¹³ Белинский. Т. 4. С. 494. Курсив наш. — А. Б.

поэтом того, что «скрывается» в явлениях жизни, возникают литературные типы — открытия: Отелло, Офелия, Онегин, Ленский, Татьяна...¹⁴

Принципиальная переключка с Тургеневым, обращавшим особое внимание на первооткрывательскую сущность творчества Шекспира, еще поразительнее в рецензии Белинского на один из романов М. Н. Загоскина. Выговаривая этому писателю по поводу весьма сомнительного историзма всех его сочинений, критик, как впоследствии Тургенев в письме к Боткину и Некрасову, замечает с тем же оттенком менторского и вместе с тем изящного назидания: «Вальтер Скотт не изобрел, не выдумал романа, но *открыл его*, точно так же, как Коломб не изобрел и не выдумал Америки, а только *открыл ее*». ¹⁵ Сходные между собою и по существу и по методу аргументации (упор на открытие) заключения Белинского и Тургенева о характере художественной деятельности Вальтера Скотта и Шекспира красноречиво не совпадают с некоторыми представлениями об искусстве, характерными для трактата Чернышевского.

В явном противоречии с философско-этическими тезисами Белинского и Тургенева о Шекспире, «открывавшем» ярчайшие типы (Отелло, Гамлет и т. д.), стоявшие неизмеримо выше своих подобию в действительности, Чернышевский утверждал горячо, но не слишком убедительно: «Образ в поэтическом произведении точно так же относится к действительному живому образу, как слово относится к действительному предмету, им обозначаемому, — это не более как бледный и общий, неопределенный намек на действительность <...> поэзия признает высокое превосходство индивидуального уж тем самым, что всеми силами стремится к живой индивидуальности своих образов; <...> с тем вместе никак не может она достичь индивидуальности <...> стремится, но не может никогда достичь того, что всегда встречается в типических лицах действительной жизни, — ясно, что образы поэзии слабы, неполны, неопределенны в сравнении с соответствующими им образами действительности». ¹⁶ Белинский и Тургенев никогда бы не сказали так, как говаривал иногда Чернышевский: «Сила искусства есть сила общих мест. <...> Сила искусства — сила комментария <...>». ¹⁷

В уста Зинаиды Засекиной из повести Тургенева «Первая любовь» вложено немало авторских инвектив против русского романтизма тридцатых годов. Но одно из ее суждений воспринимается, по первому впечатлению, как апология романтического отключения от действительной жизни. Зинаида задумчиво произносит: «Вот чем поэзия хороша: она говорит нам то, чего нет и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... Что не любить оно не может —

¹⁴ Там же. С. 492.

¹⁵ Там же. Т. 6. С. 33. Курсив наш. — А. Б.

¹⁶ Чернышевский. Т. 2. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 75.

и хотело бы, да не может» (гл. IX).¹⁸ Однако говорится это, как видим, по поводу содержания пушкинского стихотворения «На холмах Грузии», стихотворения, совершенно чуждого аффектированной семантике традиционного романтизма. Все дело в том, что в заявлениях Тургенева и его Зинаиды все-таки не было крамолы ни против действительности, ни против реализма пушкинского; что содержание стихотворения Пушкина и Тургеневу и героине его вполне реалистической повести по справедливости представлялось богаче, интенсивнее жизни в обычных ее проявлениях. Оно само по себе стало яркой жизнью.

Примечательно, что и Белинский платил достаточно богатую дань подобной «крамоле» — все в той же цитированной выше статье о стихотворениях Лермонтова. «Поэзия,— писал Белинский в этой статье, — есть выражение жизни, или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: в поэзии жизнь более является жизнью, нежели в самой действительности».¹⁹ Между тем Чернышевский неумоимо утверждал в своем трактате, категорично и безоговорочно: «...жизнь полнее, правдивее, даже художественнее всех творений ученых и поэтов».²⁰ И несколько ранее: «Не соглашаясь, чтобы искусство стояло не только выше действительности, но и наравне с нею по внутреннему достоинству содержания или исполнения, мы, конечно, не можем согласиться с господствующим ныне взглядом на то, из каких потребностей возникает оно, в чем цель его существования, его назначение».²¹ Под «господствующим ныне взглядом» Чернышевский подразумевал, в частности, и уже отживающую к тому времени эстетику Гегеля и его последователя Фишера. Однако всё ли в этой эстетике относилось к категории уже отжившего, несовершенного? Цитаты из Белинского и Тургенева, уверовавших когда-то в философию и эстетику Гегеля, а потом отказавшихся от основных ее положений, свидетельствуют: не всё.

Искусство — мощный первооткрыватель и стимулятор высоких мыслей и чувств, имеющих и вневременное значение. Такова точка зрения Белинского и Тургенева. Чернышевский же признает стимулирующее значение искусства, — и это обстоятельство больше всего раздражает многих его современников, — только в сфере прагматического «объяснения», «приговора», в области пропаганды злободневно любимых идей и отношений, напоминающих, например, радужно-утопические идеи и отношения, характерные для произведений типа романа «Что делать?».

Жизнь выше как источник, как первопричина, как неперемное условие создания искусства. С другой стороны, у настоящего искусства тоже есть своя недостижимая высота. Оно — открытие, облеченное в особо яркую форму, а жизнь — зачастую лишь материал, используемый для реализации этих открытий. Такова диалектика эстетических

¹⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 330.

¹⁹ Белинский. Т. 4. С. 489.

²⁰ Чернышевский. Т. 2. С. 87.

²¹ Там же. С. 76.

отношений искусства с действительностью, свойственная Белинскому и Тургеневу, но несколько смазанная, а подчас и густо затушенная в трактате Чернышевского. В случаях подобного рода теоретическое восхищение диалектикой вообще и диалектикой Гегеля в частности мало помогало Чернышевскому. Пропагандист искусства, воспроизводящего жизнь, объясняющего жизнь и нередко выносящего ей приговор, Чернышевский забывал еще об одной важной особенности активного искусства — о том, что большое искусство — не просто воспроизведение жизни, а открытие в ней и синтезирование того, что недоступно обычному слуху и зрению.

И в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский не всегда отказывается от известного примитивизма в постановке и решении этого вопроса. Так, в одной из глав «Очерков...» Чернышевский приводит две пространные выдержки из обзора Белинским русской литературы за 1843 год. Выдержки приводятся в доказательство того, что мечтательный романтизм должен посрамляться и давно уже посрамляется прозой и поэзией, источник которых — реальная жизнь, действительность. Однако при этом торжествующий Чернышевский не замечает или делает вид, что не замечает (недаром «Очерки...» написаны после «Эстетических отношений...»), где искусство называлось лишь суррогатом действительности), что в цитируемых им выдержках из Белинского есть и такие строки: «Теперь под „идеалом” разумеют не преувеличение, не ложь, не ребяческую фантазию, а факт действительности, такой, как она есть, но факт, не списанный с действительности, а проведенный через фантазию поэта, озаренный светом общего <...> значения, *возведенный в перл создания*, и потому более похожий на самого себя, более верный самому себе, нежели самая рабская копия в действительности верна своему оригиналу. Так на портрете, сделанном великим живописцем, человек более похож на самого себя, чем даже на свое отражение в дагерротипе, ибо великий живописец резкими чертами вывел наружу все, что таится внутри того человека и что, может быть, составляет тайну для самого этого человека». ²² Из контекста «Очерков...» совершенно очевидно, что в данном случае сердцу Чернышевского особенно милы не столько мысли, заключенные в этом отрывке, сколько мысль, следующая за ними и также процитированная, а именно: «Теперь действительность относится к искусству и литературе, как почва к растениям, которые она возвращает на своем лоне». ²³

Итак, бурная реакция Белинского и в первую очередь Тургенева на эстетику Чернышевского заслуживает самого пристального внимания и потому, что помогает высветить и понять некоторые весьма существенные противоречия между Белинским и Чернышевским — самым восторженным поклонником великого критика в лагере революцион-

²² Цит. по: Чернышевский. Т. 3. С. 252.

²³ Там же.

ной демократии. Конечно, Тургенев был весьма далек от объективности, когда, будучи уже общепризнанным реалистом, называл материалистическую эстетику Чернышевского «поганой мертвечиной». Далек от всецелой объективности и Достоевский, неоднократно и неизменно саркастически обыгрывавший мысль Чернышевского о яблоке натуральном и яблоке нарисованном. Правота же оппонентов Чернышевского и его последователей заключалась в том, что искусство дает человеку и то, чего нет в чистом виде в природе: представление о творчестве, представление о том, что концентрированное явление в искусстве мысли и «неземной» красоты облагораживает человека, имеет огромное воспитательное значение в процессе свершения им и земных дел.

В одном из пассажей известной его полемики с Добролюбовым Достоевский заводит речь о различных интерпретациях художественных достоинств статуи Аполлона Бельведерского. При этом он гневно метит не столько в Добролюбова, сколько в Чернышевского. Чтобы убедиться в этом, достаточно элементарного сопоставления цитат. Достоевский пишет: «Вот, например, такой-то человек, когда-то, еще в отрочестве своем <...> взглянул раз на Аполлона Бельведерского, и Бог неотразимо напечатлелся в душе его своим величавым и бесконечно прекрасным образом. Кажется, факт пустой: полюбовался две минуты красивой статуей и пошел прочь. Но ведь это любованье не похоже на любованье, например, изящным дамским туалетом. „Мрамор сей ведь Бог“ <...> Впечатлений на свете, конечно, множество, но ведь недаром же это впечатление особенное <...> И кто знает? Когда этот юноша, лет двадцать-тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великого общественного события, в котором он был великим передовым деятелем, таким-то, а не таким-то образом, то, может быть, в массе причин, заставивших его поступить так, а не этак, заключалось, бессознательно для него, и впечатление Аполлона Бельведерского <...> Вы смеетесь?»²⁴

«Утилитаристы», как называл их Достоевский, действительно смеялись, причем отнюдь не безобидно. Первым, кто санкционировал насмешку, был Чернышевский, который писал: «Любуйтесь своим Аполлоном Бельведерским, о высокие умы, для которых низко все, что ходит по земле, а не стоит мертвою статуей на мраморном пьедестале! Для людей, не достигших вашей бесстрастной высоты, молоденькая хозяйка, детски радующаяся на то, как она мило убрала свою скромную квартирку <...> поэтичнее всех Медицейских и Луврских Венер, и мы дерзаем думать, что ее чувство поэтичнее вашего...»²⁵ Здесь все контрастно ходу мысли Достоевского, вплоть до мелочей (упоминанию Чернышевского о «молоденькой хозяйке» явно противостоит полупрезрительное упоминание Достоевского о «дамском туалете»). Несколько

²⁴ Достоевский. Т. 18. С. 78.

²⁵ Чернышевский. Т. 2. С. 155.

лет спустя, формулируя в отрывке «Довольно» свой афористический тезис о Венере Милосской, которая, «пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года»,²⁶ Тургенев отнюдь не впадает в цинизм. Объективно его точка зрения в этом вопросе соответствует представлениям о высочайшем и непреходящем нравственно-эстетическом значении искусства, получившем определение в полемике Достоевского с Чернышевским.

Остракизм в отношении Аполлона Бельведерского и Венер Медицейской и Милосской Чернышевский оправдывал необходимостью гуманного переключения внимания деятелей искусства и его почитателей на Акакия Акакиевича. «В холодных истуканах ваших, — утверждал он с впечатляющим демократическим пафосом, — меньше поэзии, нежели в Акакии Акакиевиче, радующемся на свою шинель...».²⁷ Однако и оппоненты Чернышевского, при всем их поклонении Аполлонам и Венерам, не грешили невниманием к Акакию Акакиевичу. Задолго до выхода в свет трактата Чернышевского Достоевский написал роман «Бедные люди», восторженно встреченный Белинским и Некрасовым, ставшим впоследствии другом Чернышевского, а Тургенев сочинил пьесу «Нахлебник». Чернышевский же, превознося позднее безэмоциональную манеру изображения бедного люда Николаем Успенским, выказал попутно и очевидное презрение уже и Акакию Акакиевичу. Приближающаяся «перемена декораций» способствовала этой метаморфозе. Но только ли?

Два таких разных человека и писателя, как Достоевский и Тургенев, выказали гораздо большую, чем Чернышевский, стойкость в защите своих эстетических принципов, во многом сходных с эстетическими принципами Белинского. Эстетика, отдававшая слишком большую дань «утилитаризму», по этой же причине оказывалась и слишком уязвимой.

Вместе с тем превратным было бы полагать, что эстетика Чернышевского и, например, эстетика Тургенева отделены друг от друга совершенно непреодолимой пропастью. Опуская давно известное, сопоставим по необходимости хотя бы немногое из того, что еще никогда не сопоставлялось.

Чернышевский отмечает в своем трактате: «Нет человека, одаренного эстетическим чувством, которому бы не встречались в действительности тысячи лиц, явлений и предметов, казавшихся ему безукоризненно прекрасными. Но что же особенно важного, когда в прекрасном предмете и заметны для воззрения недостатки? Верно, они слишком неважны, если, несмотря на них, предмет продолжает казаться прекрасным <...>».²⁸ Это апология прекрасного если и не

²⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 228.

²⁷ Чернышевский. Т. 2. С. 156.

²⁸ Там же. С. 45.

в буднично-обычных явлениях, то во всяком случае в явлениях, не претендующих высокомерно на статус надзвездно-романтического существования. Нетрудно заметить, что по сходному принципу не эстетической идеальности, а эстетической достаточности создан Тургеневым портрет красавицы Одинцовой в романе «Отцы и дети». Очевидно, в лице Одинцовой Тургеневым избран именно такой «предмет», в котором, несмотря на его обаяние, не все совершенно. Однако «по-русски» толстоватый нос и не совсем чистая кожа на лице Одинцовой не нарушают впечатления ее женской неотразимости. Характер этого эпизода свидетельствует о том, что Тургеневу-реалисту отнюдь не свойственно огульное или безоговорочное отрицание материалистической эстетики Чернышевского.

Другой пример. В отрывке из «Довольно» говорится о том, что время и смерть не щадят даже истинно великого («драгоценнейшие строки Софокла», изъеденные молью, плесень на «божественном лице фидиасовского Юпитера», уничтожение статуи Аполлона, картины Апеллеса и т. п.²⁹). О том же задолго до Тургенева пишет Чернышевский в своем трактате: «„Прекрасное в природе мимолетно“; в искусстве оно часто бывает вечно, это правда; но не всегда, потому что и произведение искусства подвержено погибели и порче от случая. Греческие лирики погибли для нас; погибли картины Апеллеса и статуи Лизиппа».³⁰ Возможно, в период написания «Довольно» Тургенев вспомнил и учел эти показания в трактате Чернышевского. Разница в отношении к вечному и брэнному сказалась здесь только в тональности — учено-бесстрастной у Чернышевского и скорбной у Тургенева.

Чернышевский — эстетик и литературный критик сжигал за собою мосты, шел на разрыв не только с махровыми идеалистами в эстетике, но и осторожно подготавливал конфликт с Пушкиным и «пушкинистами», конфликт, гораздо отчетливее оформлявшийся затем Добролюбовым и доведенный до «логического конца» Писаревым.

«Очерки гоголевского периода русской литературы» состоят из девяти статей. Само название статей этого цикла красноречиво свидетельствует о характере литературных симпатий и предпочтений их автора. Гоголь ставится им во главе современного литературного процесса в России. Но этого мало. Несмотря на то что перу Белинского принадлежали одиннадцать статей о Пушкине, в которых апология творчества поэта как «энциклопедии русской жизни» подавляющим образом преобладала над критическими замечаниями в его адрес, Чернышевский в своих «Очерках...» сделал основной упор не на этом. Анализ содержания одиннадцати больших статей Белинского о Пушкине посвящена в его «Очерках...» только одна страничка. Исключительное же внимание Чернышевского обращено на два последних годичных обзора русской литературы Белинского, обзора, в ко-

²⁹ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 229.

³⁰ Чернышевский. Т. 2. С. 49.

торых горячо пропагандировалось творчество Гоголя, творчество порожденной Гоголем натуральной школы и творчество крупных писателей последней генерации — Тургенева, Герцена, Гончарова. Но и этого мало. На основании анализа содержания статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Чернышевский почел возможным дать такое истолкование литературным мнениям Белинского: «Наконец, говорит Белинский, в произведениях Гоголя и писателей, им воспитанных, наша литература явилась самобытною, стала верным изображением русской действительности <...>». ³¹ И далее: «Наша литература, с появлением Гоголя, занялась делом». ³²

Обе эти по-своему знаменательно неточные интерпретации мнений Белинского намекали на то, что если не Белинским, то по крайней мере Чернышевским Пушкин включается в число по существу несамобытных предшественников Гоголя, в число писателей, не занимавшихся делом. А между тем, как увидим ниже, именно дельность содержания была, по убеждению Белинского, отличительным признаком поэзии Пушкина.

Такие искусно завуалированные неточности в оценках творчества Пушкина у Чернышевского не единичны. Некоторые из них, мягко говоря, потаенно тенденциозны.

У Чернышевского много похвал Пушкину. Но сконцентрированы они по преимуществу в статье, адресованной юношеству, написанной с воспитательными целями («Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения»). Впрочем, и в этой статье поражает недостаток уважения, например, к пушкинскому «Памятнику». В это время Чернышевский находился еще в хороших отношениях с П. В. Анненковым, подготавливавшим новое издание сочинений Пушкина, любовно собиравшего материалы для биографии поэта. Следовательно, Чернышевский едва ли мог не знать о подлинно пушкинском тексте этого стихотворения, безусловно известном Анненкову. Между тем в упомянутой статье о Пушкине Чернышевский цитирует «Памятник» в «щадящей» Пушкина невыразительной редакции Жуковского. Как теперь известно всем литературоведам даже не пушкинского профиля, гордо вольнолюбивую пушкинскую строку «Что в мой жестокий век восславил я свободу» Жуковский подменил строкой «Что прелестью живой стихов я был полезен» и в целях сохранения рифмы поменял местами два последних слова в первой строке соответствующего четверостишия.

Уж лучше бы Чернышевский совсем не цитировал этого стихотворения! Цитация стихотворения в такой художественной редакции была равнозначна существенному умалению социально-политической «дельности» поэзии Пушкина. В заключении «Статьи четвертой и последней», написанной по поводу издания Анненковым «Сочинений Пушкина», Чернышевский вольно или невольно еще раз умалил «дельность» по-

³¹ Там же. Т. 3. С. 284.

³² Там же. С. 291.

эзии Пушкина, ориентированной на идеологию декабристов. В свете характеристики Чернышевского молодость Пушкина, прошедшая под знаком глубочайшего благородного уважения к этим героям русской истории, предстает лишь «не чуждой стремлениям века».³³ Там же Чернышевский говорит о том, что последующие произведения Пушкина «не могли возбуждать энтузиазма, который пробуждается только новым». И далее: «Торжество художественной формы над живым содержанием было следствием самой природы великого поэта <...>». И еще: «...узнав поэзию, как форму, русское общество могло уже идти далее и искать в этой форме содержания». Даже не нового содержания, а содержания вообще... Выходит, ни новизны, ни «живого содержания». Эти формулы также незаметным образом, но жестоко противоречили формуле Белинского о «Евгении Онегине» как «энциклопедии русской жизни». Все в той же «Статье четвертой...» Чернышевский утверждает: «...все монологи Алеко — фразы, прекрасные, но лишенные внутренней правды <...> Алеко вовсе не Бельтов, даже не Печорин, а разве Владимир, судьбу которого некогда рассказал нам г. Майков в своей поэме „Две судьбы“».³⁴ Последнее сравнение явно унижительно и для содержания «Цыган».

Энтузиастический Белинский писал, как писалось, поэтому его легко было «уличить» в противоречиях, что и делали не раз и его горячие поклонники, и недоброжелатели. Несравненно более рассудочный Чернышевский писал по злободневному социальному заказу шестидесятых годов, поэтому он не «уличал», а подчас «выпрямлял» Белинского, делал из него стопроцентного союзника.

Следствием установки на неуклонное умаление значения Пушкина для дальнейшего развития русской литературы является по существу игнорирование Чернышевским некоторых эпизодических, но принципиально важных высказываний Белинского о великом поэте. Щедро цитируя и щедро комментируя Белинского, Чернышевский «не замечает» этих высказываний, по-видимому потому, что они как-то противоречат его всецелой ориентации на Гоголя и гоголевское направление. Так, за пределами комментария Чернышевского остается перспективная, в историко-литературном отношении безусловно плодотворная мысль Белинского о том, что высокохудожественная поэзия Пушкина — фундаментальная основа для развития русской поэзии «всякого направления, всякого созерцания».³⁵ Хотя и беглая, пропедевтически-пророческая мысль Белинского о возможном или вероятно равноправном сосуществовании в русской литературе разных, но одинаково плодотворных направлений — мысль, мудро развернутая потом Тургеневым (см. ниже), чужда Чернышевскому.

Недостаток места не позволяет вытянуть в единый ряд все подчас «мелкие» свидетельства возвеличивания Чернышевским и без того ве-

³³ Чернышевский. Т. 2. С. 516.

³⁴ Там же. С. 510.

³⁵ Цит. по: Чернышевский. Т. 2. С. 506. Курсив наш. — А. Б.

ликого содержания творчества Гоголя за счет Пушкина. Все же некоторые из них, характерные и для «Очерков гоголевского периода...», и для статей, так или иначе связанных с этим циклом, не должны обходиться нашим вниманием. При этом предупреждаем: акцентирующий курсив в потоке цитат из Чернышевского всюду наш.

«Мы называем Гоголя *без всякого сравнения* величайшим из русских писателей по значению»;³⁶ «...давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России»;³⁷ «...до настоящего времени *прозаическая форма была и продолжает быть* для нас *гораздо плодотворнее* стихотворной».³⁸ Опять о Гоголе: «Только его творения своею высокою самобытностью подняли наших даровитых писателей на ту высоту, где начинается самобытность».³⁹ «Отрадно вспомнить, что первый оценил Гоголя, первый заговорил о нем печатно тот самый человек <то есть Пушкин. — А. Б.>, который до Гоголя был величайшим из наших писателей».⁴⁰ Без опасения впасть в преувеличение это суждение можно было бы прокомментировать следующим образом: по мнению Чернышевского, Пушкин был «величайшим» только «до Гоголя». С удовлетворением характеризуя деятельность Белинского в эпоху «Литературных мечтаний», Чернышевский пишет: «Начал он с того самого, на чем остановился Надеждин, — с чрезвычайно резкого и горького отрицания всей нашей литературы, до самого Гоголя».⁴¹ И далее: «...молодой критик не усомнился и тогда <то есть в период «Литературных мечтаний», когда еще не были созданы «Ревизор» и «Мертвые души». — А. Б.> назвать его <то есть Гоголя. — А. Б.> „главою нашей литературы“».⁴²

Необоснованно ироническое отношение к Пушкину проскальзывает в суждениях Чернышевского по поводу обозрения Белинским русской литературы за 1844 год. О самом Белинском и потом о Пушкине: «...он чувствует, что границы литературных вопросов тесны, он тоскует в своем кабинете, подобно Фаусту; ему тесно в этих стенах, уставленных книгами <...> ему нужна жизнь, а не толки о достоинствах поэм Пушкина или недостатках повестей Марлинского и Полевого».⁴³ Пушкин здесь противопоставлен «жизни», «толки» если и допустимы, то опять-таки только о Гоголе. А между тем Белинский к этому времени уже начал «толковать» о Пушкине с воодушевлением, а не с «тоской» — на пространстве одиннадцати огромных статей.

В рецензии «О поэзии. Сочинения Аристотеля...», написанной раньше «Очерков гоголевского периода...», Чернышевский вопрошает:

³⁶ Чернышевский. Т. 3. С. 10.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Там же. С. 20.

⁴⁰ Там же. С. 126.

⁴¹ Там же. С. 183.

⁴² Там же. С. 184.

⁴³ Там же. С. 257.

«...кто, по вашему мнению, выше: Пушкин или Гоголь?». И отвечает с оттенком «нигилизма», в известной мере предвосхищающего позднейший «нигилизм» Добролюбова, Базарова и Писарева: «Если сущность искусства действительно состоит, как нынче говорят, в идеализации; если цель его — „доставлять сладостное и возвышенное ощущение прекрасного“, то в русской литературе нет поэта, равного автору „Полтавы“, „Бориса Годунова“, „Медного всадника“, „Каменного гостя“ и всех этих бесчисленных, благоуханных стихотворений; если же от искусства требуется еще нечто другое, тогда... но в чем же, кроме этого <то есть, очевидно, „другого“, противоположного «идеализации»». — А. Б.>, может состоять сущность и значение искусства?».⁴⁴ Лукаво прикрываясь авторитетом идеалиста Платона, критиковавшего искусство как «забаву», Чернышевский отказывает здесь Пушкину ни больше ни меньше, как в должном, неразлучном с правдой постижении реалистической «сущности» искусства.

Белинский, Достоевский, Тургенев сурово единодушны в критических оценках «Выбранных мест из переписки с друзьями». Позиция Чернышевского в этом отношении не случайно отмечается гораздо большей мягкостью и гибкостью. В набросках статьи о сочинениях Гоголя он декларирует: «...мы, жалея об ошибках, осуждая их следствия, не можем не преклоняться перед прекрасною, пламенною и благородною личностью этого нового Фауста, пожираемого жаждою высокого и благого знания и благородной деятельности... Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли и благих стремлений, но ты был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед родиной».⁴⁵ Всему есть мера, в том числе и достоинствам поэзии Пушкина. И только заслуги Гоголя, даже в «Выбранных местах...», «безмерны».

В шестидесятые годы XIX века возник едва ли не трагический и во всяком случае не слишком благоразумный разрыв в развитии общественно-эстетической мысли, приводивший к фанатично-одностороннему превознесению или Пушкина (Дружинин), или Гоголя (Чернышевский и его последователи). Только немногие их современники, изощренные в глубоком и тонком понимании проблем искусства (Тургенев), ратовали за полное восстановление авторитета как Пушкина, так и Гоголя. Так, Тургенев утверждал: «...оба влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед — но не с тем, чтобы сменить гоголевское».⁴⁶ В письме к В. П. Боткину Тургенев следующим образом характеризовал литературную позицию А. В. Дружинина: «...о Пушкине он говорит с любовью, а Гоголю отдает только справедливость, что, в сущности, никогда не бывает справедливо».⁴⁷

⁴⁴ Чернышевский. Т. 3. С. 267.

⁴⁵ Там же. С. 776.

⁴⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 55.

⁴⁷ Там же. С. 34.

В вопросе о Пушкине и Гоголе Чернышевский выступал как человек, воспитавший в Дружинине антипода. Он писал и говорил с величайшей любовью о Гоголе, а Пушкину отдавал «только справедливость», что, в свою очередь, было несправедливо. Тургенев резко и даже грубо критиковал Чернышевского за известное пренебрежение к искусству догоголевской формации и в то же время находил в нем «струю живую», почитал его «полезным». А через некоторое время Тургенев напоминал и самому Дружинину: «...Вы помните, что я, поклонник и малейший последователь Гоголя, толковал Вам когда-то о необходимости возвращения пушкинского элемента, в противовесие гоголевскому. Стремление к беспристрастию и к Истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их».⁴⁸ За стремление «к Истине всецелой» Тургеневу следовало благодарить не только природу, но и Белинского, своего друга и наставника.

Выше цитировалось изречение Белинского, согласно которому художественность Пушкина — основа для развития русской поэзии «всякого направления, всякого созерцания». Такое изречение, порожденное представлением Белинского об энциклопедизме пушкинского художественного мышления, стояло, конечно, несколько особняком в его воинствующей критике. Вместе с тем оно не единично. Не кто иной, как Белинский, провозглашал: «Пушкин и Гоголь дали нам такие критериумы для суждения об изящном, с которыми трудно от чего-нибудь размахаться». Пушкин и Гоголь, а не только Пушкин или только Гоголь. Это заявление Белинского, как бы заблаговременно противоречащее концепциям и Чернышевского и Дружинина о значимости едва ли не противоположенных друг другу пушкинского и гоголевского направлений, также без акцента процитировано Чернышевским — в контексте многих других представлявшихся более существенными суждений Белинского.⁴⁹

Если рассматривать вопрос в чисто эстетической плоскости, напрашивается вывод: на основе пушкинского направления возникло направление гоголевское и стало вровень с направлением пушкинским. Такова точка зрения Белинского и Тургенева, тяготевших, по-видимому, к тому, что в наше время получило бы наименование плюрализма. В этом одна из важнейших причин разночтений между их эстетикой и эстетикой революционной демократии 1860-х годов.

Логическим следствием ригористской односторонности Чернышевского в понимании соотношения между пушкинским и гоголевским направлениями в русской литературе явилось, по меньшей мере, странное, а с нашей точки зрения, пожалуй, и дикое заявление Рахметова в романе «Что делать?». Самобытным явлением русской литературы он назвал творчество Гоголя, а о Пушкине даже не упомянул. Лапидарный

⁴⁸ Там же. С. 138.

⁴⁹ См.: *Чернышевский*. Т. 3. С. 251.

дифирамб Рахметова Гоголю — явный отголосок многих и многих восторженных суждений о Гоголе в «Очерках гоголевского периода русской литературы».

Встречаются у Чернышевского признаки и чисто эстетической глупоты в понимании Пушкина. Правда, отнюдь не в прямой связи с общими его оценками творчества поэта. Рассуждая о цвете и его оттенках, он уверяет: «Нехорош желтый цвет увядающих листьев — потому что он признак их увядания <...>. Главная прелесть в цвете то, чтобы он был свежим».⁵⁰ Так ли уж бесспорно и универсально это заключение? Ведь как раз именно Пушкина-то и привлекали и бодрили «в багрец и золото одетые леса». Он любил все времена года, а осень в особенности. Последовательно став на точку зрения Чернышевского, вместе с пушкинскими лесами, одетыми «в багрец и золото», пришлось бы отвергнуть и некоторые пейзажи Левитана, также неосторожно посвящавшего свое время изображению «золотой», а не удручающе «желтой», по Чернышевскому, красоты осеннего увядания природы. В эстетически «почти непогрешительной», по определению Тургенева, критике Белинского мы не найдем подобного рода свидетельств, — по определению того же Тургенева, — «черствого вкуса».

Непочтительное отношение к Пушкину, проявленное Чернышевским в ряде его статей, сохраняется и у Добролюбова, приобретая, однако, при этом уже явно оскорбительный оттенок.

Выпады Добролюбова против Тургенева, хотя и бегло, но неоднократно ставились в связь с творческой историей романа «Отцы и дети». Об этой связи полемически, с явным раздражением против Тургенева упоминали и писали И. И. Панаев, М. А. Антонович, сам Чернышевский и многие другие деятели из разночинно-демократического лагеря. Выпады же Добролюбова против Пушкина и правдивое отражение их в тургеневском романе долгое время или стыдливо замалчивались, или, особенно в эпоху расцвета вульгарной социологии в литературоведении, истолковывались весьма превратно — в пользу Добролюбова и никак не в пользу Тургенева. Установление подлинной правды в этом вопросе было цинически невыгодно с точки зрения конъюнктурной и, конечно же, с точки зрения материальной. Оно весьма скудно оплачивалось и не сулило надежд на успешную и спокойную служебную карьеру.

Автор этих строк полагает, что вся эта щекотливая проблематика, имеющая прямую связь с творческой историей «Отцов и детей» — одного из выдающихся произведений нашей литературной классики, впервые и достаточно объективно проанализирована в его статьях, монографии <имеется в виду «Тургенев-романист» (Л., 1972). — *Ред.*> и страничных примечаниях к роману Тургенева. Но проанализирована она без должным образом развернутой контрастной проекции на выпады Добролюбова публицистики Достоевского и без учета объектив-

⁵⁰ Чернышевский. Т. 2. С. 193.

но-контрастной проекции самих этих выпадов на критику Белинского и даже на критику Чернышевского, который, как известно, считал Добролюбова даровитейшим своим сподвижником и последователем как в плане общеидеологическом, так и в сфере понимания сравнительно «частных» вопросов теории и практики литературного творчества.

Кроме того, пока еще не затрагивался вопрос о союзническом взаимодействии антиутилитаристских выступлений Достоевского в шестидесятые годы с позднейшим творчеством Тургенева. Совокупность всех этих данных и соображений делает настоятельной необходимостью очередного, оснащенного, впрочем, и новыми дополняющими фактами напоминания читателю о характере претензий Добролюбова к Пушкину, об идейно-эстетических предпосылках и обоснованиях этих по существу своему благородных, но тем не менее несправедливых претензий.

Еще в статье «Сочинения Пушкина» (1858) Добролюбов ставил в упрек великому поэту ни более ни менее, как «чрезмерное уважение к штыку и презрение к оружию слова». ⁵¹ Тот же упрек еще резче и пространнее встречается в рецензии Добролюбова на «Новые стихотворения В. Бенедиктова»: «Привычка восхищаться пространством России и силой несметных ее штыков со времен Ломоносова или даже Симеона Полоцкого господствовала в нашей литературе. Около 1830 года Пушкин подновил воинственность нашей поэзии несколькими бранными стихотворениями...». ⁵² Затем Добролюбов утверждал и на страницах «Современника» и в «Свистке» — сатирическом приложении к этому журналу: «Пушкин с самого детства направлен был так легкомысленно <...> что многие из важнейших явлений и вопросов жизни прошли мимо него незамеченные, между тем как он предавался то псевдобайроническим порывам, то барабанному патриотизму». ⁵³ Или: «Мы должны сказать откровенно: со времени патриотических творений Пушкина, Майкова и Хомякова мы не читывали ничего столь громкого, как стихотворения г. Якова Хама...». ⁵⁴

Подобного рода отзывы свидетельствовали о крайне скептическом восприятии военной темы у Пушкина (по-видимому, «Полтава» и безусловно стихотворения «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России») и ранних поэм, отмеченных «псевдобайроническими порывами». Сравнение же Пушкина с Яковом Хамом — образом высмеянного Добролюбовым поэта-шовиниста, было, без преувеличения, чудовищно оскорбительным. И все это было лишь «цветочками» по сравнению с тем, что говорилось о Пушкине в некоторых других статьях критика. В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы», например, Добролюбов писал: «...нельзя не сознаться, даже с некоторым удовольствием, что класс людей, изображенных Пушкиным

⁵¹ Добролюбов Т. 2. С. 175.

⁵² Там же. С. 195.

⁵³ Там же. Т. 4. С. 131.

⁵⁴ Там же. Т. 7. С. 490.

и находящихся в близких отношениях к нему, следовательно, им интересующихся, весьма малочислен у нас. Повторяем: говорим это с удовольствием...».⁵⁵ А в ряде других статей Добролюбов подвергает остракизму содержание, по существу, всего творчества Пушкина. Так, стихи «На холмах Грузии» вместе со стихами Лермонтова и Фета служат ему основанием для такого заявления: «Прочтите *всего* Пушкина, Лермонтова, почти *всех* современных поэтов: много ли найдете вы у них душевных звуков, вызванных простыми, насущными потребностями жизни? Повсюду фантазия, аллегория, эфир; реализм проявляется только в описаниях природы...».⁵⁶ Разбирая стихотворения Никитина, Добролюбов продолжает: «Читая такое стихотворение, так и припоминаешь себе альбомные побрякушки „Я вас любил, любовь еще, быть может“... Не так выражается истинное чувство живой и сильной природы».⁵⁷

В той же статье о стихотворениях Никитина Добролюбов замечает: «...поэты наши считают почему-то нужным сторониться от общественной деятельности, повторяя вслед за Пушкиным: „Служенье муз не терпит суеты“». Пренебрежительно обыгрывается в этом отзыве и пушкинское «Не для житейского волнения...». А в рецензии «Перепевы» Добролюбов следующим образом квалифицирует пародии на стихотворение Пушкина «Цветок засохший, безуханный...» и на стихотворение Лермонтова «Скажи мне, ветка Палестины...»: «Это, конечно, забавно само по себе и в то же время справедливо опошляет те квазивысокие, а в самом деле ребяческие и смешные мечты, которые посвящены поэтами цветку безуханному и ветке».⁵⁸ Наконец, подвергнув критике определенный, свойственный якобы только сугубо дворянским поэтам круг тем и настроений, Добролюбов приходит к резчайшему заключению о том, что «художественный, младенчески-беззаботный и грациозно-ребяческий период нашей поэзии был уже завершен Пушкиным» и что «теперь, если бы явился опять поэт с тем же содержанием, как Пушкин, мы бы на него и внимания не обратили...».⁵⁹

И Белинский и Добролюбов были прирожденными демократами, людьми, не зараженными дворянскими предрассудками. Но Белинский никогда бы не позволил себе такого пренебрежения к дворянину Пушкину. Подобно Монбланам и Эверестам в его аналитических разборах сочинений Пушкина возвышались позитивные суждения. Между тем у Добролюбова роль таких Монбланов и Эверестов предназначалась суждениям отрицательным. И Белинскому и Добролюбову свойственна была «маратовская» любовь к человечеству. Но эта любовь не засло-

⁵⁵ Добролюбов. Т. 2. С. 260.

⁵⁶ Там же. Т. 6. С. 165. Курсив наш. — А. Б.

⁵⁷ Там же. С. 170.

⁵⁸ Там же. С. 215–216.

⁵⁹ Там же. С. 212, 168.

няла тяготения мировоззрения Белинского к категориям общечеловеческого.

Любопытно также, что последние строки из приведенных нами суждений Добролюбова о Пушкине («если бы явился опять поэт» и т. д.) перекликаются с одним заявлением Белинского о Пушкине, дипломатично процитированным в «Эстетических отношениях...». Но перекликаются контрастно. Именно контрастно, так как упоминания о Пушкине в этом «сходном» заявлении Белинского деликатны, лишены даже оттенка неуважения. Белинский писал: «Явись теперь на Руси поэт, который был бы неизмеримо выше Пушкина, его появление не могло бы наделать столько шума, возбудить такой общий, неслыханный энтузиазм, — потому что после Пушкина поэзия уже не невиданная, не неслыханная вещь» и т. д.⁶⁰ Как видим, недостойные «внимания» Добролюбова «альбомные побрякушки» отнюдь не входили в арсенал определений, отражающих принципиальную точку зрения Белинского на поэзию Пушкина...

В своей статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» Достоевский много и не без резона иронизировал над слишком «дельными», утилитарными представлениями Добролюбова о содержательности поэзии подлинной и якобы совершенно противоположенной «недельной» поэзии Пушкина. И Тургенев вторил Достоевскому в «Отцах и детях». Так, застав Николая Петровича Кирсанова за чтением «Цыган» Пушкина, Базаров, в образе которого, — это теперь и документально установлено, — отразилось «нигилистическое» отношение к искусству именно Добролюбова, досадует: «пора бросить эту ерунду». И советует Аркадию: «Дай ему что-нибудь дельное почитать» (гл. X).⁶¹ Вместо «бессодержательного» патриота и якобы безнадежного романтика Пушкина Николаю Петровичу Кирсанову навязывается «дельный» вульгарный материалист Бюхнер.

Особого внимания заслуживает еще одна вполне вероятная, но уже подчеркнута иносказательная перекличка между публицистикой Достоевского и творчеством Тургенева. Есть основания полагать, что негативная позиция Достоевского относительно утилитаризма в искусстве получила косвенное подтверждение даже в цикле как будто вовсе удаленных от злобы дня тургеневских «Стихотворений в прозе».

Возражая Добролюбову, требовавшему от искусства только общественного содержания,⁶² Достоевский допускает: за прочтение высокохудожественного стихотворения «Шепот, робкое дыханье...» в самый момент лиссабонского землетрясения его автор мог стать жертвой обезумевшей от ужаса и горя толпы лиссабонцев, мог поплатиться за

⁶⁰ См.: Чернышевский. Т. 2. С. 506.

⁶¹ ДССиП(2). Соч. Т. 7. С. 45.

⁶² Вспомним в связи с этим и заповедь Чернышевского: «...истинный художник в основание своих произведений *всегда* кладет идеи современные» (Чернышевский. Т. 2. С. 141. Курсив наш. — А. Б.), то есть обязательно общечеловеческие и вневременные, а актуальные только в настоящую минуту.

это даже головой. Но, полагает Достоевский, имея в виду разгневанных лиссабонцев, «поэта-то они б казнили, а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи <...> Поэма, за которую казнили поэта, <...> принесла, может быть, даже и немалую пользу лиссабонцам, возбуждая в них потом эстетический восторг и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколения». «Стало быть, — заключает Достоевский, — виновато было не искусство, а поэт, злоупотребивший искусством в ту минуту, когда было не до него».⁶³

Не психологически ли сходная ситуация — чтение прекрасных стихов в неподходящий момент — воспроизводится и в «Двух четверостишиях» Тургенева? В них та же мысль, но по-своему переведенная на язык образов. Поэтические строки, прочтенные злополучным поэтом Юнием в тот недобрый час, когда «толпа» оказалась невосприимчивой к красоте поэзии (быть может, намек на прием, оказанный поэзии Пушкина демократической читательской массой 1860-х годов?), подверглись поруганию. А в сущности те же строки, прочтенные другим поэтом через несколько часов, когда настроение «толпы» переменялось, вызвали бурю восторга. Убеленный сединами местный философ утешает ошеломленного поэта Юния в определенном соответствии с духом разъяснений Достоевского: «Ты сказал <...> не вовремя».⁶⁴ По Достоевскому, — в данном случае, — окончательная победа остается за Фетом, поступившим безрассудно, но свободно, без насилия над своей поэтической натурой. К сходному заключению приходит Тургенев, определяя истинные достоинства Юния и его стихов. Оба — и Достоевский и Тургенев — по-пушкински не приемлют капризов толпы, отрицают угрюмо-бескрасочный утилитаризм, деспотическую регламентацию искусства.

Вопрос о созерцательности или, если угодно, дельности творчества Пушкина, столь остро и контрастно поставленный, с одной стороны, Чернышевским и в особенности Добролюбовым, а с другой — Достоевским и Тургеневым, имеет целый ряд генетических предвосхищений в критике Белинского, относящейся ко всем периодам его деятельности. Как правило, и эти предвосхищения вполне гармонируют с эстетикой Достоевского и Тургенева, возвысивших голос в защиту Пушкина, и в известной мере противоречат эстетике Чернышевского и Добролюбова.

Широко пользуясь определениями «внешний» и «внутренний», употребляемыми в качестве обозначений содержания искусства поверхностного и глубокого, Белинский выбивает котурны из-под театрального искусства Каратыгина, разоблачает мнимое величие живописи Брюллова, произведений эпигонов литературного романтизма — Кукольника, Марлинского, Бенедиктова. «Г-н Каратыгин, — утвержда-

⁶³ Достоевский. Т. 18. С. 76.

⁶⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 10. С. 141.

ет Белинский, — принадлежит к числу тех художников, которые в высшей степени постигли *внешнюю* сторону своего искусства. Я никому не навязываю моих убеждений, но и не отказываю себе в праве иметь свои убеждения и открыто выговаривать их: я не пойду смотреть г. Каратыгина в роли Гамлета <...>». ⁶⁵

В статье Белинского, посвященной критическому разбору Полного собрания сочинений Марлинского (1840), читаем: «Это поэзия, но поэзия не мысли, а блестящих слов, не чувства, но лихорадочной страсти; это талант, но талант чисто *внешний* <...>». ⁶⁶ И далее: «*Внешний* талант скоро выказывается весь, истощает бедный запас своего *внутреннего* содержания и скоро доходит до необходимости перебиваться собственными крохами, собственно ветошью, обновляя их белилами и румянами изысканной фразеологии дикого языка». ⁶⁷ Белинский полагает, что и «такие *внешние* таланты необходимы», но, по его мнению, «незаслуженная слава и преувеличенные похвалы вооружают против них, потому что свидетельствуют об испорченности вкуса публики». ⁶⁸ В статье о «Герое нашего времени...» (1840) читаем: «Стихотворения г. Бенедиктова — явление примечательное, интересное и глубоко поучительное: они отрицательно поясняют тайну искусства и в то же время подтверждают собою ту истину, что всякий *внешний* талант, ослепляющий глаза *внешнею* стороною искусства и выходящий не из вдохновения, а из легко воспламеняющейся природы, так же тихо и незаметно сходит с арены, как шумно и блистательно является на нее». ⁶⁹ О Бенедиктове же в обзоре «Русская литература в 1840 году»: «Конечно, в стихотворениях г. NN. проблескивали иногда искорки дарования, но, во-первых, дарования чисто *внешнего*, ограниченного, а, во-вторых, поэтические искры его светились сквозь глыбы диких, изысканных и безвкусных фраз и образов <...>». ⁷⁰

В одной из рецензий, относящихся к 1841 году, Белинский охарактеризовал «две картинки» Брюллова как «прихоть художника, но художника великого». ⁷¹ Однако в следующем году о том же Брюллове Белинский высказался с жесточайшей иронией, а именно: «Одному, например, нравится „Помпея“ Брюллова, другому суздальская литография, как мыши кота погребают, — следственно, „Помпея“ и „Погребание кота“ суть изящное?». ⁷²

В рецензиях и заметках за октябрь — ноябрь 1843 года картины Брюллова названы «грандиозными созданиями», но лишь сравнительно с «алаповатыми картинами» «вывесочного маляра». ⁷³ Здесь нет оп-

⁶⁵ Белинский. Т. 3. С. 320. Курсив в словах «внешний» и «внутренний» наш. — А. Б.

⁶⁶ Там же. Т. 4. С. 46.

⁶⁷ Там же. С. 52. Курсив наш. — А. Б.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 195. Курсив наш. — А. Б.

⁷⁰ Там же. С. 429. Курсив наш. — А. Б.

⁷¹ Там же. С. 457.

⁷² Там же. Т. 5. С. 617.

⁷³ Там же. Т. 8. С. 15.

ределения «внешний», но антиромантический характер высказывания в целом предопределяет позднейшие выпады Тургенева против Брюллова (см. очерк «Поездка в Альбано и Фраскати», гл. XIV романа «Дым» и др.).⁷⁴

В рецензии Белинского «Русский театр в Петербурге» (1841) читаем о трагедии Кукольника «Князь Даниил Дмитриевич Холмский»: «...содержание „Холмского“ запутано, перепутано, загромождено множеством лиц, не имеющих никакого характера, множеством событий чисто *внешних*, мелодраматических, придуманных для эффекта и чуждых сущности пьесы».⁷⁵ Еще одна характеристика того же автора в обзоре «Русская литература в 1841 году»: «„Эвелина де Вальероль“ г. Кукольника читается легко и весело, потому что в ней много *внешнего* интереса, бездна эффектов, толпа лиц <...> Одним словом, „Эвелина де Вальероль“ примечательный *tour de force* <верх ловкости. — *франц.*> таланта, который не так слаб, чтоб ограничиваться безделками, представляющими фельетонную известность, и не так силен, чтоб создать что-нибудь выходящее за черту посредственности».⁷⁶

В позднейших суждениях Белинского об убогости «внешнего» содержания особого внимания заслуживают две оценки сочинений Марлинского. Припоминая выход в свет первых повестей и рассказов этого автора, критик отмечает в 1847 году: «Сущность предмета, его глубина, его истина, никогда не занимают его; он весь во *внешней* его стороне, которая бросается в глаза. Треск и блеск — это были его вдохновители, и он был их искренним певцом».⁷⁷ И далее, о тех же повестях и рассказах: «...в то время никто не мог заметить фразистости их выражения, мелодраматизма их содержания, преобладания *внешнего* и блестящего над *внутренним* и спокойно прекрасным. <...> В Марлинском мало было глубокости <...>».⁷⁸

Как бы заранее подытоживая все сказанное о внешнем как выражении неглубокости содержания, Белинский замечает: «Разумеется, причина или цель сочинения может быть и *внешняя* и *внутренняя*; первой критика не должна брать в расчет <...> она берет в уважение только *внутренние* причины или цели, которые могут состоять только в мысли».⁷⁹ И еще резче: «Литературные заслуги бывают *внешние* и *внутренние*: первые важны для той минуты, в которую появились; вторые остаются навсегда».⁸⁰

В подавляющем большинстве случаев, где у него заходит речь о «внешнем» и «внутреннем», Белинский неизменно отдает предпочтение последнему. Актерам, художникам, поэтам показной «внешности»

⁷⁴ Напр.: ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 175.

⁷⁵ Белинский. Т. 5. С. 498. Курсив наш. — А. Б.

⁷⁶ Там же. С. 580–581.

⁷⁷ Там же. Т. 10. С. 361. Здесь и ниже курсив наш. — А. Б.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Т. 5. С. 209.

⁸⁰ Там же. С. 527.

(Каратыгин, Брюллов, Кукольник, Бенедиктов, Марлинский) он противопоставляет поэтов с богатым внутренним содержанием, поэтов глубоких мыслей и эмоций — Баратынского, Лермонтова, Пушкина. Так, например, стихотворению Баратынского «На смерть Гёте» он дал следующую оценку: «В этих двадцати стихах Баратынского о Гёте заключается высший идеал человеческой жизни и всё, что можно сказать о жизни *внутреннего* человека». ⁸¹ В той же статье о «Стихотворениях Лермонтова» он восклицает: «... в наше время отсутствие в поэте *внутреннего* (субъективного) элемента есть недостаток. <...> отсутствие *внутренней* жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!...». ⁸² А вот о Пушкине в обзоре «Русская литература в 1841 году»: «У Пушкина диссонанс и драма всегда *внутри*, а снаружи всё спокойно, как будто ничего не случилось, так что грубая, невосприимчивая или неразвитая натура не может тут видеть ни силы, ни борьбы, ни величия...». ⁸³

Нисколько не удивительно поэтому едва ли не изначально присущее поборнику «действительности» Белинскому положительное противопоставление Пушкина, Баратынского, Лермонтова эпигонам романтизма и всяческому романтизму вообще. Критику, назвавшему «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни», поистине суждено было позитивное противопоставление Пушкина романтикам. Такое противопоставление не чуждо Чернышевскому и даже Добролюбову. Тем не менее удивительны совершенно противоположные критике Добролюбова как пафос, так и форма граничащего с апологией утверждения Белинским «внутреннего» содержания поэзии Пушкина.

Можно не сомневаться в том, что, доживи «неистовый Виссарион» до эпохи нападков Добролюбова на Пушкина и ответа на эти нападки в публицистике Достоевского и в романе Тургенева «Отцы и дети», он, подобно Тургеневу и Достоевскому, не преминул бы возмутиться, — хотя бы на некоторое время, — «невосприимчивостью» натур Добролюбова и Базарова, их неспособностью обнаружить в Пушкине «ни силы, ни борьбы, ни величия». Справедливость такого предположения подтверждается до сих пор не учтенным, как бы «выданным авансом» указанием Белинского на нигилистический характер заключений Добролюбова и Базарова о «недельности» сочинений Пушкина. «Поэзия Пушкина полна, насквозь проникнута содержанием, как граненый хрусталь лучом солнечным, — утверждал Белинский еще в статье «Русская литература в 1841 году», — у Пушкина нет ни одного стихотворения, которое не вышло бы из жизни и было написано вследствие желания так что-нибудь написать, в чаянии, что авось-де это будет недурно...». ⁸⁴

⁸¹ Там же. Т. 4. С. 488. Курсив Белинского. — А. Б.

⁸² Там же. С. 520, 522.

⁸³ Там же. Т. 5. С. 558.

⁸⁴ Там же. С. 556.

Кто в настоящее время отважится утверждать, что таковое содержание поэзии Пушкина было затем поставлено под сомнение в одиннадцати статьях великого критика о великом поэте? Между тем высказывания Добролюбова, как отмечалось выше, были перенасыщены презрительными цитациями лирических шедевров Пушкина и столь же презрительными упоминаниями о них, цитациями и упоминаниями, согласно которым лирика Пушкина представляла несостоятельной с точки зрения именно содержания. Пожалуй, еще более знаменательное несоответствие утилитарной эстетике Добролюбова, — на этот раз уже в связи не только с Пушкиным, но и в связи с искусством вообще, — обнаруживается в последнем годовом обзоре Белинского, который принято считать преимущественно апологией социальной художественности Гоголя и натуральной школы. Ратуя в пользу общественной злободневности искусства, Белинский в то же время утверждал: «Без всякого сомнения, искусство прежде всего должно быть искусством, а потом уже оно может быть выражением духа и направления общества в известную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение, как бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если в нем нет поэзии, — в нем не может быть ни прекрасных мыслей и никаких вопросов, и всё, что можно заметить в нем, — это разве прекрасное намерение, дурно выполненное. <...> Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства».⁸⁵ Плодотворная мысль Белинского о том, что даже самое злободневное искусство должно быть прежде всего искусством, мысль, мастерски использованная и по-своему убедительно аргументированная Достоевским в его полемике с утилитаристами (см. выше), осталась в полном небрежении у многих разночинцев-демократов 1860-х годов. Особенно заметен этот изъян в литературной критике Добролюбова. Ведь не кто иной, как Добролюбов, хотя и с известными оговорками, но все-таки утверждал в статье «Повести и рассказы С. Т. Славутинского»: «...во всяком случае, если уж выбирать между искусством и действительностью, то пусть лучше будут неудовлетворяющие эстетическим теориям, но верные смыслу действительности рассказы, нежели безукоризненные для отвлеченного искусства, но искажающие жизнь и ее истинное значение».⁸⁶

Согласно точному наблюдению Достоевского, Добролюбов неправомерно и, по существу, нерасчетливо готов признать полезными даже и посредственные литературные произведения, если, например, в них с социальных и нравственных позиций ведется критика крепостного права и других мрачных устоев русской жизни середины XIX века. Первоклассное художественное произведение, резонно указывал в связи с этим Достоевский, и с утилитарной точки зрения несравненно действеннее искусства серого, ординарного.

Главные разночтения между эстетикой Белинского, с одной стороны, и эстетикой Чернышевского и Добролюбова — с другой, сводились

⁸⁵ Белинский. Т. 10. С. 303.

⁸⁶ Добролюбов. Т. 6. С. 63.

прежде всего к неожиданно различным представлениям их о характере связи между искусством и действительностью. Белинский, Чернышевский и Добролюбов в один голос настаивали на необходимости максимального сближения искусства с жизнью, рассматривали действительность как единственно важный первоисточник материала для искусства. Однако все это «не мешало» им высказывать и принципиально несходные соображения об эстетических отношениях искусства к действительности.

Согласно Чернышевскому, художественно-организующая роль искусства по отношению к потоку действительности — это роль достаточно пассивного воспроизведения общеинтересного в жизни, в той жизни, которая, по убеждению Чернышевского, всегда выше искусства. По мнению же Белинского, большое искусство — это прежде всего открытие доселе неведомого, причем открытие, нередко возвышающее искусство над уровнем аморфной действительности. Согласно мнениям Белинского и таких ревностных его последователей в 1840-е — 1860-е годы, как Тургенев и Достоевский, искусство обладает большей, чем по Чернышевскому и Добролюбову, способностью идти впереди не всегда сознающей себя действительности, способностью синтеза ее явлений. Белинский более прозорливо полагал, что принцип открытия заложен в основе создания всех вечных образов мировой литературы. Вместе с Тургеневым он мог бы сказать: Гамлет, может быть, и есть в действительности, «да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим».

Вторая важная причина «разногласий» определялась сознательно-волевой, действенно-направленной предрасположенностью Чернышевского и Добролюбова к искусству утилитарному. При всей его симпатии к натуральной школе и бесконечной любви к Гоголю Белинский, сравнительно с Чернышевским и Добролюбовым, выглядел в этом отношении неисправимым идеалистом. Творчество великих писателей прошлого и настоящего не заслонялось у него злобой дня.

Третий пункт разногласий между Белинским, Чернышевским и Добролюбовым — вопрос об истинном значении Пушкина. Как нам кажется, вопрос этот освещен в настоящей статье достаточно подробно и едва ли нуждается в пространных дополнительных комментариях и обобщениях. Конечно, как и Белинский, Добролюбов был весьма далек от того, чтобы ставить Пушкина на одну доску с Кукольниковым, Бенедиктовым, Марлинским. И все же Добролюбову, а не Белинскому принадлежит печально знаменитое изречение о том, что если бы снова в России появился поэт с таким же содержанием, как Пушкин, «мы бы на него и внимания не обратили». А чего стоит также совершенно не в духе Белинского «удовольствие» Добролюбова по поводу того, что в России «невелик» «класс людей», интересующихся Пушкиным? Белинский не позволял себе таких опрометчивых суждений.

Четвертый пункт скорее не явных, но потенциально вероятных разногласий между Белинским, Чернышевским и Добролюбовым — во-

прос о главных направлениях развития русской литературы — направлениях пушкинском и гоголевском.

Пятый и последний пункт потенциально вероятных разногласий между эстетикой Белинского, Чернышевского и Добролюбова сводится к углублению разногласий по вопросу о главных направлениях развития русской литературы.

Белинским написано одиннадцать больших статей о Пушкине. Ему же принадлежит огромное количество беглых и развернутых суждений о Пушкине, разбросанных в десятках других его статей. Между тем у Чернышевского лишь пять статей о Пушкине, притом это скорее рецензии, нежели статьи. У Добролюбова же только одна статья о Пушкине, не выдерживающая сравнения с его фундаментальными статьями о Гончарове, Островском, Тургеневе. Если при этом вспомнить, что Чернышевским написаны девять огромных статей-очерков о гоголевском периоде русской литературы, тенденция шестидесятников к увеличению авторитета Гоголя за счет умаления внимания к Пушкину станет вполне очевидной. Белинскому такая тенденция едва ли свойственна — несмотря на явно гоголевскую ориентацию его двух последних обзоров русской литературы. Остается предполагать, что Белинский, обладавший, по словам Тургенева, «почти непогрешительным» эстетическим чутьем, просто не успел, подобно все тому же Тургеневу, заявить о необходимости синтеза между пушкинским и гоголевским направлениями. По-видимому, это необходимо было сделать уже в сороковые годы, так как дальнейшее развитие большой русской литературы показало одинаковую жизнестойкость и перспективность как пушкинского, так и гоголевского направления. Соединившись, оба эти направления создали прочную основу для последующего яркого развития реалистического процесса в русской литературе.

2

ПИСЬМА к А. И. БАТЮТО

Б. В. Богданов

1 апреля 1972 г. Москва

Глубокоуважаемый Анатолий Иванович!

Простите за официальное обращение, но я так давно не видел Вас, да и пишу Вам впервые, что не умею иначе.

Спасибо за Вашу книгу¹ и за память обо мне. Прочитал ее залпом. Хочется написать несколько слов о ней не из вежливости, а из-за глубины и серьезности Вашего отношения к Тургеневу, к тем проблемам, которые Вы рассматриваете. Меня подкупает в Вашей работе ощущение масштабности Тургенева, мне кажется, после Вашей книги будет несколько затруднительно рассматривать Тургенева как «мальчика для битья», ведь эту роль ему до сих пор отводят многие литературоведы.

Наконец-то тезис о том, что мировоззрение Тургенева нельзя сводить только к его общественно-политическим взглядам, не повисает в воздухе, а подкрепляется развернутой и убедительной аргументацией. Только что-то уж очень «олимпийцем» предстает у Вас в философии Тургенев.

В моих глазах «Довольно» да и многое другое говорят больше в пользу «страстного, грешного, бунтующего сердца». Почему Вы думаете, что сердце может быть только слепым?

Мне трудно узнать Виардо в Полозовой, княгине Р. и в танцовщице, более чем Вам в Губареве — Огарева. Может быть, была бы более плодотворной мысль о том, что Тургенева волнуют и мучат моменты проявления слепой стихии в душе человека. Тогда в один ряд можно поставить не только Санина и Алексея П., но и Мишу Полтева, и героев «Таинственных повестей», и, если хотите, противоположное: «мой прадед мужиков за ребра вешал!». Мне думается, что Лаврецкий гораздо ближе Тургеневу, чем Санин.

А любовь, право, только следуя Достоевскому, вернее, его эпигонам, мы называем подобные чувства любовью.

Слышится мне упрощение и дань сложившейся традиции в решении проблемы счастья и долга. Простите, что я говорю об этом, но сам тон и серьезность постановки вопросов в Вашей книге заставляют меня выделить те положения, с которыми не хочется соглашаться. Вообще-то писать о несогласии проще всего. Гораздо сложнее освоить то новое, что открывает Ваша книга. Я скоро (в конце апреля) переезжаю в Спасское. Там глава за главой прочту внимательней и побольше подумаю над Вашей книгой, а подумать хочется.

Очень бы хотелось видеть Вас в Спасском. Ведь и Вам, тургенеvedу, грешно не пожить хотя бы недельку в Спасском.

Еще раз спасибо за книгу от меня и моих товарищей.

1/IV-72. Б. Богданов.

¹ Имеется в виду: *Батюта А. Тургенев* — романист. Л., 1972.

В. А. Громов

1

11 мая 1972 г. Москва

11/V-72 г. Москва.

Дорогой Анатолий Иванович!

Находясь вот уже четвертый месяц в Москве на курсах повышения квалификации, я с большим опозданием увидел у себя в Орле Вашу монографию¹ с дарственной надписью (ездил домой на праздники). Ваша добрая память и внимание меня глубоко тронули. Большое спасибо!

В Москве эту книгу я увидел значительно раньше на выставке новых поступлений в Ленинкс и обратил на нсс внимание Курлянд-

ской Г. Б., приезжавшей в Москву и сразу бросившейся читать Вашу работу. У Галины Борисовны скоро выйдет в Приокском издательстве ее обновленное исследование о методе и стиле Тургенева-романиста.² Вот тогда я и пришло эту книгу Вам в качестве «обменного экземпляра».

На одной из лекций о Тургеневе, которые читает нам в Ленинском пединституте³ С. Е. Шаталов,⁴ он говорил о Вашем труде как об интересной и содержательной новинке, заявив, что «главную мысль А. И. Батюто можно принять на вооружение при подходе к изучению тургеневских романов». Им было сделано вскользь лишь одно критическое замечание «об опасности плюрализма», не раскрытое подробно.

Вернувшись с курсов домой, я засяду с карандашом за Вашу капитальную книгу, получение которой от Вас меня искренно тронуло. С уважением В. Громов.

¹ Речь идет о кн.: *Батюто А. Тургенев — романист*. Л., 1972. 389 с.

² Имеются в виду: *Курляндская Г. Б.* 1) *Метод и стиль Тургенева-романиста*. Тула, 1967; 2) *Художественный метод Тургенева-романиста*. Тула, 1972.

³ Имеется в виду МГПИ им. В. И. Ленина (ныне — МГПУ).

⁴ *Шаталов Станислав Евгеньевич* — литературовед, автор ряда работ о Тургеневе.

2

8 сентября 1985 г. Орел

8/IX-85 г. Орел.

Дорогой Анатолий Иванович!

Свое письмецо я послал Вам перед отъездом из Орла, а Ваше смог прочесть, естественно, только после возвращения. Поэтому откликаюсь с опозданием.

По существу новых материалов¹ об «Отцах» и д«етях» мне пока сказать нечего, но одна деталь взята на заметку — это упоминание Добролюбова на самой ранней стадии работы. Меня интересует не вопрос о «прототипах», а реальные источники *слухов* о новом романе и причины глубокого беспокойства «Современника» по этому поводу. Оно было усилено знакомством с рукописью «Отцов и детей» (через Тютчевых), безвременной смертью Добролюбова. Материалы к его биографии, помещенные Черн<ышевским> в 1-й кн<ижке> «Совр<еменника>» за 1862 г., имели откровенно полемический характер по отношению к еще не напечатанному роману Тургенева.² Об этом я предполагаю сделать сообщение у себя в Орле к 150-летию со дня рождения Добр<олюбова>.

С удовольствием посылаю Вам сборник со статьей И. Г. Ямпольского.³ С искренним приветом В. Громов.

¹ Речь идет о знакомстве В. А. Громова (возможно, из письма к нему А. И. Батюто) с материалами появившейся в Новой Зеландии в журнале «New Zealand Slavonic Journal» (1984. P. 63–76) публикации П. Уоддингтона. Через несколько ме-

сяцев появится статья А. И. Батюто «К истории создания романа И. С. Тургенева „Отцы и дети“ (по поводу одной публикации)» (РЛ. 1985. № 4. С. 156–166).

² Как известно, роман напечатан в журнале «Русский вестник» (1862. № 2).

³ Имеется в виду ст.: Ямпольский И. Г. И. С. Тургенев и его герои в произведениях других писателей // И. С. Тургенев и русская литература. Научн. тр. Курск, 1982. Т. 217. С. 3–30. Эта статья представляла для А. И. Батюто интерес в связи с его неосуществленным замыслом монографии о влиянии самого Тургенева на литературный процесс второй половины XIX — начала XX вв.

3

2 мая 1990 г. Орел

2 мая 1990 г. Орел.

Дорогой Анатолий Иванович!

От души поздравляю Вас с 45-летием Победы и с выходом в свет новой капитальной работы о Тургеневе,¹ за присылку экземпляра которой благодарю Вас и Вашу супругу!² Книгу Вашу я буду читать с большим интересом и вниманием. Она мне близка не только по теме, но, как я понял сразу после общего знакомства с нею, и по своей направленности, по духу. Еще раз большое спасибо.

Глубоко уважающий Вас В. Громов.

¹ Речь идет об изд.: Батюто А. И. Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990.

² Ю. Г. Зильберг.

П. Г. Пустовойт¹

1

15 июля 1964 г. Москва

15.VII–1964 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Иванович!

Посылаю Вам экземпляр моего только что поступившего в продажу комментария к «Отцам и детям».² Судить Вы меня будете строго, но надеюсь, что со многими моими положениями стоит и согласиться. Я очень сожалею, что Тургеневская группа Пушкинского Дома не имела возможности пригласить меня с докладом до того, как вышел комментарий. Несколько раз я намекал об этом М. П. Алексееву,³ а в одном из писем прямо просил. Мне хотелось, чтобы Вы и Ваши коллеги послушали мое сообщение, покритиковали меня. Но, увы! Хотя ни М. П. Алексеев, ни другие работники Пушкинского Дома не возражали против моего доклада, но времени для этого не нашлось. Понимаю вашу перегрузку и не имею права обижаться. Но я выполнил свое обещание: никаких статей нигде не печатал; все сказал в книге, которую Вам высылаю.

Комментарий, как Вы сразу увидите, написан с тех же позиций, что и монография (иначе и быть не могло).⁴ Ваши замечания (о Писареве, например)⁵ я принял (стр. 33–34), есть положительная ссылка на Вашу статью на стр. 158.⁶ Кое в чем я с Вами полемизирую (стр. 36–37). Вы же понимаете, что такой сложный роман, как «Отцы и дети», нельзя понять и осветить без полемики. Более того, скажу Вам откровенно: Ваша статья «Тургенев и Паскаль»,⁷ которую я прочел уже тогда, когда книгу набрали, вызывает у меня массу возражений. Она мне представляется отступлением от конкретно-исторического изучения И. С. Тургенева.⁸ Доказать это совсем не трудно. Что же касается других Ваших работ, то они, на мой взгляд, — плод серьезного и вдумчивого отношения к писателю, и я не вижу им равных у других исследователей. Если представится возможность, я выскажу всё, что думаю о них, как и о «Тургеневе и Паскале» — статье, которая уводит Вас от истины.

Историю текста я попробовал дать по этапам (стр. 57–106). Что получилось — Вам судить. Обратите внимание на приведенную мной догадку Н. Чернова о прототипе Базарова (стр. 23–25).

Насколько мне известно, московские учителя приняли книжку благосклонно. Жду Вашего приговора. С приветом П. Пустовойт.

¹ *Пустовойт Петр Григорьевич* (1918–2006) — доктор филологических наук, профессор Московского университета, автор работ о творчестве русских писателей («Тайны словесного мастерства»), в частности Писемского, Тургенева.

² Речь идет об издании: *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный комментарий: Пособие для учителя. М., 1964. 206 с.

³ *Алексеев Михаил Павлович* (1896–1981) — чл.-корр. (1946), академик (1958) АН СССР, в 1950–1963 гг. — заместитель директора ИРЛИ по научной работе, специалист по английской литературе, русско-английским литературным связям, в области пушкиноведения, председатель редколлегии и главный редактор Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах.

⁴ Имеется в виду кн.: *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М., 1960. 328 с.

⁵ В 1961 г. А. И. Батюто опубликовал рецензию на эту книгу, высказав ряд замечаний. См.: *Батюто А. И.* Монография о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // *РЛ*. 1961. № 3. С. 225–229.

⁶ Подразумевается ст.: *Батюто А. И.* Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Там же. 1961. № 4. С. 57–78.

⁷ См.: *Батюто А. И.* Тургенев и Паскаль // Там же. 1964. № 1. С. 153–162.

⁸ Ср., например, иную точку зрения по этому вопросу в современных работах: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 285–286; *Маркович В. М.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в отечественном литературоведении 1952–2006 годов // Тургенев И. С. Отцы и дети. СПб., 2008. С. 523 (Лит. памятники).

5 мая 1981 г. Москва

5/V-81.

Уважаемый Анатолий Иванович!

Ваше письмо я получил и сразу отвечаю. Вы подробно и откровенно объяснили Ваше положение, и я его очень хорошо понимаю. С «Русской литературой», как и с «Невой», мне приходилось иметь дело, и я тоже испытал всякого рода затруднения и сложности. Ваши труды я всегда ценил как серьезные исследования, несмотря на то что наши точки зрения не всегда совпадали. Меня в них привлекали Ваш интерес к факту и доказательность. Когда печаталась Ваша статья в «Фил<ологических> науках»,¹ некоторые члены коллегии были не согласны с Вашей точкой зрения, но я тогда настоял на опубликовании статьи, так как был уверен (и сейчас тоже), что нельзя трактовку сложных литературных фактов подгонять под один салтык. Наша с Вами полемика была творческой, и я твердо знаю, что она заставляла студентов мыслить.

Сейчас Вы предлагаете статью, и я сразу отвечаю: высылайте.² Буду поддерживать ее на редколлегии. Только вот какое обстоятельство: нам (как и другим журналам) срезали листаж. Теперь норма каждой статьи не 1 лист, <a> 0,75, то есть 18 страниц. Если Вы пришлете 24–25 страниц, я буду настаивать и на коллегии, и перед главным редактором,³ чтобы Вам дали лист (за счет снятия какой-либо 6-страничной рецензии).

Что же касается двух листов (и в двух номерах), то такого прецедента у нас не было и, мне кажется, на коллегии это не пройдет. Мой совет Вам. Вероятно, Вы сопоставляете Тургенева и Достоевского по разным линиям (или проблемам). Выделите одну или две проблемы, чтобы уложиться в наш лимит. А когда статью ред<акционная> коллегия утвердит, мы будем просить П. А. Николаева разрешить вторую (самостоятельно отделенную от первой) в первые номера 1982 года (ведь это будет уже следующий год).

Если Вы согласны с моим предложением, высылайте статью в «Фил<ологические> науки», ее мне после регистрации передадут. А я при случае поговорю о Вас и Вашей статье с П. А. Николаевым.

Желаю Вам успехов в Вашей работе и осуществления Ваших планов. С уважением П. Пустовойт.

¹ Вероятно, имеется в виду ст.: *Батюто А. И.* Роман «Отцы и дети» и некоторые вопросы разнотинно-демократической эстетики // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 4. С. 96–107.

² Речь идет о статье А. И. Батюто «Идеи и образы (К проблеме „И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский в 1860–1870-е годы“)».

³ Имеется в виду П. А. Николаев.

7 сентября 1981 г. Москва

7.IX—81.

Дорогой Анатолий Иванович!

Внимательно прочел я Вашу статью «Идеи и образы». Мне она очень понравилась своей доказательностью и четкостью. Я буду решительно настаивать на ее печатании в «Филологических науках» и сделаю это на ближайшей, первой же коллегии (летом наша редколлегия не собиралась).

Правда, кроме меня, есть еще другие члены коллегии; и у нас, так же, как и у Вас, есть свои противоречия, разница во взглядах и т. п.

Мое заключение на Вашей статье определенное: печатать.¹ С уважением к Вам П. Пустовойт.

P. S. Если не затруднит Вас, сообщите мне: А. Муратов² — доктор наук или еще нет? И кто из молодых у вас стал доктором, это важно для секции литературоведения Минвуза.

¹ Статья А. И. Батиото тем не менее была напечатана в «Русской литературе» (1982. № 1. С. 76—96).

² Имеется в виду *Муратов Аскольд Борисович* (1934—2005), защитивший в 1981 г. в Ленинграде докторскую диссертацию «Проблемы реализма в позднем творчестве И. С. Тургенева (Повести и рассказы 1860—1880-х годов)». Впоследствии зав. кафедрой истории русской литературы ЛГУ, профессор.

22 декабря 1988 г. Москва

22.XII—88 г.

Уважаемый Анатолий Иванович!

Только сегодня, 22.XII, мне прислали из «Филологических наук» на рецензию Вашу статью¹ и письмо, адресованное мне. Прочитав его, я сразу же пишу Вам. Судя по датам, Вы послали свой материал 14 ноября и можете неверно истолковать мое молчание. Поэтому прежде всего я хочу Вас успокоить и сообщить, что статья дошла до меня, а в том, что я отвечаю с месячным опозданием, моей вины нет.

Статью сегодня успел только просмотреть. В ней безусловно много интересных наблюдений и выводов (особенно о Достоевском), которые я разделяю. Poleмика с Вашими оппонентами тактична и убедительна. После того, как изучу статью внимательно, напишу Вам о ней более обстоятельно.

Я всегда считал и считаю Вас серьезным и глубоким исследователем и тонким знатоком Тургенева. Думаю, что Ваша новая работа со-

держит много интересного. Книга Будановой² у меня есть, но я еще не успел ее проштудировать.

Пользуюсь случаем и хочу поздравить Вас с Новым Годом и пожелать здоровья, новых творческих свершений и философского отношения к мелочам жизни.

Мой адрес тот же: Москва 117279, ул. Введенского, 22, корпус 2, кв. 262. А телефон изменился, новый № 334-21-61. С уважением П. Пустовойт.

¹ Речь идет о статье А. И. Батото «Тургенев и Достоевский в литературоведении последних лет (наука и полемика)», опубликованной в журнале «Научные доклады высшей школы. Филологические науки» в 1989 г. (№ 5. С. 30–38).

² Имеется в виду кн.: Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог / Отв. ред. Г. М. Фридендер. Л., 1987. 196 с.

5

25 января 1989 г. Москва

25.I.89 г.

Уважаемый Анатолий Иванович!

По поручению редколлегии сообщаю, что Ваша статья обсуждалась на заседании редколлегии и принята к печати с доработкой.¹ Были высказаны пожелания: во-первых, устранить диспропорцию между разделом, в котором речь идет о Тургеневе и Достоевском (стр. 1–5), и остальным текстом (стр. 5–15), где содержится полемика; во-вторых, органичнее связать полемику с основной темой статьи; в-третьих, в конце дать заключение по статье в целом.

Надеюсь, что для доработки у Вас есть еще один экземпляр статьи; первый экземпляр находится у меня. С уважением П. Г. Пустовойт.

¹ См. примеч. 1 к письму 4.

6

25 января 1989 г. Москва

25.I.89 г.

Уважаемый Анатолий Иванович!

Хочу несколько подробнее расшифровать замечания редколлегии и высказать свои соображения.

1) Полностью разделяю Ваш взгляд на сопоставление творческих методов Тургенева и Достоевского и согласен с Вашей критикой В. В. Ерилова.¹

2) Логически напрашивается перенос Вашей полемики с Н. Ф. Будановой, равно как и научная оценка ее монографии о Тургеневе и Досто-

евском² (а не только беглых замечаний по конкретным вопросам), в первую часть статьи. Тем более что на стр. 5 Вы пишете: «Перехожу к полемике по более конкретным вопросам».

3) Что же касается Ваших возражений «по более конкретным» и даже «частным вопросам» (стр. 5), то целесообразно было бы: а) начать их не с личностных моментов, а с вопросов, касающихся непосредственно проблемы Вашей статьи; б) несколько успокоить отдельные излишне экспрессивные места (например, стр. 6, первый абзац, страница 7, середина второго абзаца — «вольность стиля», стр. 8, конец 1-го абзаца).

4) Желательно также, уважаемый Анатолий Иванович, чтобы в конце статьи был вывод по всей проблематике, затронутой в ней.

Мне кажется, что реализация пожеланий редакции (если Вы с ними согласитесь) не займет у Вас много времени и улучшит композицию статьи. Сообщите, когда будете высылать доработанный вариант статьи.

Желаю Вам всего наилучшего. С уважением П. Пустовойт.

¹ Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) — советский литературовед, критик, секретарь РАПП (1928–1932), редактор журналов «Молодая гвардия», «Красная новь», автор книг «Ф. М. Достоевский» (1956), «Гений Гоголя» (1959). Ему принадлежит (в соавторстве с Н. Грибачевым, М. Бубенновым) ряд разгромных статей в «Правде» (1948) о романах В. Дудинцева, Вас. Гроссмана, повести Э. Казакевича «Двое в степи» и др.

² См. примеч. 2 к письму 4.

7

23 апреля 1990 г. Москва

23.IV–90 г.

Дорогой Анатолий Иванович!

От всей души благодарю Вас за книгу — труд, который возвышается, как Монблан, над всеми мелкотравчатыми нападками на Вас.¹ Кстати, Вы дали им достойную отповедь в № 5 нашего журнала.² Огорчает меня Ваше заболевание. И я желаю Вам быстрейшего выздоровления. Книгу Вашу я сразу пускаю в обиход — включаю ее в новую редакцию нашей программы (вузовской). Ну, а я могу пообещать, что, как только выйдут моя монография о Писемском³ и новое издание комментария к «Отцам и детям»⁴ (обе книги в производстве), я Вам тут же их вышлю.

Поздравляю Вас с наступающими майскими праздниками и желаю Вам здоровья. П. Пустовойт.

¹ Речь идет о кн.: *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990. 297 с.

² См. примеч. 1 к письму 4. Статья была опубликована в 1989 г.

³ Вероятно, это намерение автора письма осуществлено не было.

⁴ Третье, доработанное издание книги «Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“: Комментарий» вышло в Москве в 1991 г.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ПИСЬМА В. П. ТУРГЕНЕВОЙ к И. С. ТУРГЕНЕВУ (1838–1844)

*Подготовка текста В. А. Лукиной,
комментарии С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной*

Часть II

(29 ноября (11 декабря) 1838 — 14 (26) марта 1839)*

II

29 ноября (11 декабря) — 2 (14) декабря 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. 2-го де[кабря. 14].
С. Спасское.

29, вторник
11

Mon cher Jean.

Вот и еще почта прошла без известия от тебя.¹ — Я прип[исываю] это дороге — т. е. обманываю свое горе. Ежели бы я подумала что-[нибудь] о тебе неблагополучное, я бы не пережила.

А я все еще в Спасском, последний месяц тружусь, чтобы начать [1-й] 39-го году, как располагаю на будущность. — Ты как-то ко мне п[исал], что никакие богатствы не заменят моего здоровья. — Но! я принуж[дена] это делать, иначе я не поеду к тебе, не с чем будет.² — А это м[не] пуще смерти... я от одной этой мысли ужасаюсь. — Вот что

---

* Первую часть публикации «Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844)» см.: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 500–585. Принятая в первой части система сокращений сохраняется. Далее ссылки на эту публикацию: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1.

[мне] попало в моих «Extraits»^{a, 3} и что мне пришло кстати написать к [тебе].

Et malade et souffrant, un malheureux auteur,
Languissamment assis à son pupitre,
En gémissant composoit une épître
Sur la gaieté, sur le bonheur.
Dans ce moment arrive son docteur,
Qui, mécontent de le voir à l'ouvrage,
L'exhorte a devenir plus sage,
Si de ses maux il veut guérir.
«Hélas! répond l'auteur en poussant un soupir,
Ce conseil est très bon, que ne puis-je le suivre!
Je ne travaille pas, ami, pour mon plaisir;
Croyez-moi, ce n'est pas la gloire qui m'enivre;
Qui mieux que moi sauroit jouir
Des charmes d'un heureux loisir!..
Mais je suis obligé de me tuer pour vivre».^{b, 4}

Итак, я из Спасского трон[уться] не могу, прежде нежели уст[рою] свои дела. — Прошлого году [жила] я 8 месяцев в деревне [...] еще несноснее и скучнее. — [И] нынче не могу я поправ[ить] еще [■], которую [сделали] в моих доходах и твой [отъезд] за границу — и несчастье, [тебя] постигшее.⁵ — Еще не нап[олни]лось то, что выдернул [ты]. А сверх того разные неож[идан]ные убытки, которые про[тив] прошлогоднего принесло по сч[етам] не в карман, а из карману. — Итак, надо терпеть казаку, еж[ели] хочет быть атаманом.⁶ — А мое атаманство состоит, когда бу[ду] с] одним из вас. — А не одна сиротою... А тем лучше с обоими.

Теперь, мой милый друг Ваничка, могу я тебе сказать свое намеренье и расположенье на зиму — потому что решилась вот каким образом. Ты знаешь, мой милый друг, что я было наняла дом в Орле⁷ — думая, что мне будет весело и... не так дорого. — Но!.. что значит

^a «Выписках» (франц.).

^b Больной и страждущий, несчастный сочинитель,

Склонившись вяло над своим столом,

Стеная, сочинял стихи

О счастье, о любви.

Вошедший в этот миг премудрый эскулап,

Увидевши его склоненного в трудах,

Стал к разуму склонять своею властью,

Коль он избавиться хотел от всех напастей.

«Увы! — воскликнул тот, вздыхая неподложно, —

Совет хорош, да следовать ему никак не можно!

Не к радости своей тружусь, мой друг, теперь;

Не славы блеск прельстил меня, поверь;

Кто лучше, чем я сам, сумел бы наслаждаться,

Счастливым прелестям досуга предаваться!..

Я принужден, чтоб жить, себя убийством заниматься» (франц.).

весело... для меня. Нет! веселья без плану и бюту...⁸ а что такое план и бют, будущность наша... а более ваша, мои *бесподобные*. Да, точно, милые дети, вы заслуживаете сего названья — *без-подобные*. Итак, что я могу в Орле для вас. — Я раздумала, кой-как прожила в деревне, вот это для вас, тут есть экономия... Я могу вам более денег послать. — Теперь, подражая всем мелкопоместным русским, я дожидаюсь *de pied ferme*^c праздника Рождества дома. Убью свининки и с тушами, с утками, гусями, индейками отпра[влю] обоз. — Потом сама отправлюсь, потом поедет мой штат, [т. е.] Лизета⁹ с Маврушей,¹⁰ немка,¹¹ Дунаевская¹² на долгих.¹³ — И проживем м[ы] на своих хлебах с своими господскими лошаадьми-кобылками. — [Про]живем масленицу и до третьей недели поста, и таким же порядком: [я] — вперед, дети — сзади — отправимся вспять в Спасское обратно. — [Но!] мой друг, хотя я и полагаю так, а тебя прошу все писать [пр]ямо в Спасское, потому что ты знаешь, *que le chemin est long [du] projet à la chose.*^d — Может многое перемениться, но! в Спасском всего [ве]рнее будут знать, где я!

В Москве же мне хочется кой-что сделать, таков, по крайней мере, мой план. — Во-первых, людей посмотреть, себя показать, т. е. со старыми знакомыми и родными повидаться. — Театру хотя дурного посмотреть, но Волтера на сцене видеть, он мне напоминает отца.¹⁴ — Англичанин ведет завтра лошадей в Москву на продажу, боюсь, переманят, а как буду налицо — посоветятся.¹⁵ [Д]вух коров куплю, да телушечку, да бычка. Может быть, и [ло]шадей каретных куплю, но! это еще не верно. — Потом [бу]ду отыскивать дорогу к берлинским жителям, кто познатней [дл]я тебя и для себя. — И так, пробыв там недель 6 или [ме]сяца два с проездом — возьму Мавре мадам фортепьянистку [ил]и учителя — и вернусь в Спасское великим постом дожидаться [т]воего решенья, как мне прикажешь, когда и куды?.. Ежели [ты] один поедешь в Италию, то я все лето пробуду в Спас[ко]м — т. е. поезжу по деревням и буду у угодника Митрофания.¹⁶ [А] там, куды мне выехать к тебе, не знаю, т. е. не знаю, где [т]ы мне назначишь путь, т. е. куда тебе ближе, к водяной или к земляной границе — т. е. куды мне приехать, чтобы ты меня мог принять с рук на руки от дяди. — Или в Петербург, а оттуда на пароходе, куда скажешь. Я скорей уметь буду справиться на пароходе. Тут найдутся всякие советчики, приятели, почти до места. — А сухим путем, как только Польша или где перемена языка, или монеты, ну! беда, я и пропала, и потому нужно тебе приехать или выехать ко мне навстречу — и уже ехать на зимние кварталы. Ежели же ты непременно захочешь меня тащить с собою, то все-таки нужно тебе будет сделать то же, только не в конце лета, а в начале весны, что, кажется, будет нерассудительно, и ты потеряешь много времени попусту. Итак, вот, моя душа, до сих пор мой план. — А между тем ты знаешь *que Dieu dispose de tout.*^e

^c решительно (франц.).

^d что от замысла к исполнению путь долог (франц.).

^e что Бог располагает всем (франц.).

Здравствуй, Ваня.

Voilà le moment le plus agréable de ma journée.^f — Ты знаешь свою [мать], аккуратность — это ее девиз. — Как нынче, так завтра. — Вот [чем] начинается день мой. — Я просыпаюсь в 8 часов, звоню. — Про[тираю] глаза чаем с ромом, надеваю несмятый чепец, кофточку и [беру] молитвенник, читаю кафизму из Псалтыря. — И чай готов, [нали]вает в спальне Дуняшка,¹⁷ Псалтырь оставляется, чай — первая [чашка] пьется. — Между второй всегда берутся карты, и гадаю, и еже[ли вый]дет д[ама] пик, Боже избави, особенно еще на сердце. — Подается дру[гая] чашка, я обуваюсь, надеваю утренний костюм, молюсь Богу — и иду[...] Птицы уже меня дожидают, пищат, кормлю из рук¹⁸ и... и[ду]... je me retire^g — т. е. в ретираду — с вашего позволения.

Утро начинается. — В гостиной отгорожен к одному окну каб[инет], с зеленой, стол письменный стоит. Скоро пришлю тебе рисунок. Вот я беру кантемира. Кантемиром называется деревянный ро[rte]-papier^h с ручкой. — Итак, беру кантемира, пишу вчерашне[го] дня журнал. — А потом. — Сажусь за приятное проведено[н]ье времени. — Ближе всех в глазах моих твой портрет.¹⁹ — Здравствуй, Ваня, — говорю я. — И потом принимаюсь писать пис[ьма] к тебе или брату. — До 10-ти часов.

Братнин портрет налево.²⁰ — Параллельно ему налево портр[ет] отцов.²¹ — Прямо передо мною на маленьком попитре в[ид] петербургской набережной и отъезжающий пароход «Ижора».²² Пр[овожаю]щие машут платками, шляпами... Стоят экипажи. На балконах [<глядят?>] в лорнетки. — Дымится, уже зазвонил третий звонок. — И м[ать] вскрикнула, упала на колени в карете перед окошком... Пароход [по]вернул и полетел, как птица... Кучер по набережной погна[л] лошадей, но!... недолго был виден пловец... Улетел... и все осир[отел].²³ — Однако пора одеваться, — говорит Дуняшка, не удивляясь, что б[арыня] утирает слезы... Это не редкость для них. — Смех... [это] в диковинку. Пора... Пора... Прости до часу.

Вот и два часа. — Я занималась в отцовском кабинете, называемый б[а]ринов. — Что я делала? — Вошла, позвонила, вошел дежурный мальч[ик] с красненькой ленточкою в петлице. — Дворецкого. — Вошел дворецкий и повар с провизьею.²⁴ — Говядины на бульон и пр<о>ч... Побранила повара. — Оне вышли. — Вошли мальчишки. Кто что вчера делал. Митля, Васька Лобанов — и Николашка Серебряков²⁵ — рисовали... Каллиграфию... Читали. Вышли. Лобанов Орлик мой! — и улы-

^f Вот самый приятный момент моего дня (франц.).^g я уединяюсь (франц.).^h ящичек для бумаги (франц.).

бается — il n'en peut plus¹ — не знаю чего? — Прежде бранила, наконец не замечаю. — Работы... Садовники печи топили, цветы поливали... Столяр стол чистил, девушки то... и то... А вот и расход. — Расходы в деревне... Говядина, рыба, свечи, мыло, краски... и пр<о>ч... прочие вздоры. — Вот и пузо Серебрякова,²⁶ и наконец и вся туша, *вздыхает*. — И опять вздыхает... Me glisse un mot contre l'oncle... contre l'intendant...² Я будто не замечаю, а на ус мотаю... Иное правда, другое вздор. — Из чего вывожу свои рассужденья. — Вот и половина 12-го, девочка с чаем — т. е. *грамматике конец*. — Конец... Нет, не конец, тут-то все дела и найдутся... И то... и то... А между тем голуби стук-стук в окно... Гуль... гуль... ворку... ворку... Егорка, новый лакей, губошлеп, несет корм и мешок, голуби летят на него и, наконец, на крыльце, на балконе дерутся, сердятся, ссорятся, а звонок бьет 12-ть часов, дети идут завтракать. — А я запираю баринев кабинет, иду одеваться. — Вот и оделась, вот я в гостиной. [С глазу] на глаз с портретом моего второго сына. Ты его не знаешь. — Он большой негодяй, ленится ко мне писать, а когда пишет c'est comme pour remplir seulement son devoir...³ к матери... А я какая мать, я друг моим детям. — Вся их, вся для них... Особенно этот Иван, мой друг, советчик, он понимает меня более... А я знаю его, как знаю сама себя... Сердце у него предоброе... а страсти, страсти готовы им овладеть, и он поддается им... хотя бы, когда захотел, умел бы лучше хладнокровно их покорить... Но! ему это трудно. — И он пустит руки, как утопающий в моих глазах почталлион: держал-держал сук, выбился из силы... а бегут его спасать... Еще бы минуту. — Он опустил руки, сказав: «Va»⁴, — и волны умчали его из глаз моих. — Что, сударь, глядите — да нечего, точно так.

Однако, вот бабушка²⁷ сидит у порога — облюбила местечко... и кряхтит, кряхтит... Ох!... Ах!... Им... Нечего делать, надо садиться за карты. Новая беда, сердится, волнуется, хлопает картами, присчитывает — что твоя Новосильцева,²⁸ 1000 раз хуже... *Кушанье поставили*, — говорит Антон²⁹ все тем же голосом — который так всем известен. 3 часа. — После обеда кофий на столе, Лиза или Анета разливают. — И все уходят. Я иду в детскую, мое теплое гнездышко, читаю... до свеч. — 6 часов, Дуняшка хлопочет уже о самоваре, бабушка давно кряхтит опять в гостиной... Дверь заперта в спальню до 7 часов. — Хоть кряхти, не кряхти. Дядя приходит, и начинается... а кончится спором. — Общий чай, звонок. — После чаю дети танцуют или музыка, старики в сборе, бальные дети танцуют... или певчие... Бабушка, бабушка-то кряхтит... Нечего, опять вист... Опять... О! несносная. — Ты скажешь...

Да кто же тебя, татап, нес на галеру.³⁰ — Бабушка тащила дядю, а дяде невозможно отлучиться, он же не умеет скоро съездить, не едет, а поехал — там прокис. — А потом надо было кончить... Развязаться,

¹ больше ничего не умеет (*франц.*).

² Вставляет слово против дяди... против управляющего... (*франц.*).

³ то будто только затем, чтобы исполнить свой долг... (*франц.*).

⁴ «Будь что будет» (*франц.*).

1500 им отдать. — Оне гостили на всем на моем... И хотелось мне знать, что за дети, под чаяния старуха свалится... Что тебе сказать, кажется, я писала... Чего ожидать от такого воспитанья. — Да и оне же в отца, довольно простенькие.³¹ — Однако. — Ежели что Бог пошлет, я готова. — Сироты мои дети. — Посмотри ты на моих Сливицкую и Биби, отменные соболи. — А меня утешает мысль: это я... это моим стараньем. — Но!.. я не из тщеславия делаю, меня это точно утешает. А им польза.

Еще о бабушке. — Бабушка не может понять, чем женщина может заниматься, кроме карт и чулка, сама никогда не занималась ничем иным, не читала даже газет. — Ты уже не дитя, матушка, — говорит она, — чтобы сидеть за указкою, слава Богу, могла начитаться, написать до сих пор.

Сейчас приехал Лавров с сестрой,³² Лагривые³³ сейчас должны быть. — Прости, Ваничка. — Стыдно тебе забыть бедную твою мать, которая благословляет тебя. — Твой верный друг

В. Т.

<На полях второй страницы:>

Нынче $\frac{30\text{-го}}{12}$ повели на продажу в Москву 20 лошадей. — И англичанин поехал с ними. — Ох!.. Ваничка, очень я трушу, останется ли он у нас! — Жалованья я ему могу прибавить... Но!.. скучно ему здесь, а потом и дядина мешкотность — того не добьется... другого... да вот... да вот!.. А ты знаешь англичан!.. а уже нам такого не найти, нет!.. Это сокровище. — Ежели он отойдет, я переведу завод: доходу не дает — а содержание дорого. А сверх того убытки денежные, и капитал пропадает.

<На полях оборотной стороны второй страницы:>

$[\frac{1}{13}]$. 10 часов утра. Здравствуй, Ваничка. Желая тебе провести сей месяц благополучно, дожждаться Нового года.

$[\frac{2}{14}]$. Здравствуй, Иван. — Ежели ты хочешь, [чтобы я была] жива, пиши непременно всякую [неделю. А без того я замучаюсь и, наконец, не] переживу. — Я вне себя, — вот [...] [пишем нет.] [...] [кого люби]шь, всегда есть ч[то].

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 23–24 об.

Отрывки впервые опубликованы: РМ(1). С. 100; Т Сб 1915. С. 36, 38–41 (с неверной датой: 30 (12) декабря).

¹ Последнее письмо от сына, датированное 8 или 18 октября, В. П. получила 12 (24) ноября (см. п. 12). Ответ на него см. в п. 10 от 13 (25) ноября. По всей видимости, вместе с этим письмом в Берлин был послан и ответ дяди Н. Н. Тургенева (недатир.), который

ныне хранится отдельно от писем самой В. П. Упрекая в нем племянника за неаккуратность в ведении корреспонденции, Н. Н. писал: «Вчерашний день получили от тебя письмо, тобой писанное 18 октября. Благодарю Бога, что ты жив и здоров, — но твое молчание вовсе нас сокрушило! — Хотя мне очень прискорбно, но! обязан тебе сказать, — непроситительно тебе к матери не писать — вот твои письма, нами полученные, из Берлина 1-е от 10-го сентября, [~~2-е~~] от 18-го октября — чрез 5-ть неде[ль] одно от другого, — такое рассто[я]ни[е] одно от другого, что поневоле вынуждаешь себе пенять, прит[ом] любовь наша к тебе, тебе из[вест]ная, особенно бедная больная [...] мамаша, всем для вас пож[ерт]вовала, живет в деревне, а [все] лишь бы видеть вас счастли[в]ным и благополучным — как же [...] не ценить привязанности [такой] нежной матери <...>» (РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 4). Из письма Н. Н. следует, что «второе» письмо от И. С. из Берлина было датировано 18 октября. Цифра «18», указанная Н. Н., не совпадает с датой письма И. С., которую приводит В. П. в начале своего письма от 13 (25) ноября: «На твое письмо от 8-го октября. — Ответ» (см.: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 578). Вероятно, дата была выставлена ею неверно.

² Ранее, 14 (26) ноября, Н. Н. с одобрением сообщал племяннику, что В. П. скорее всего проведет зиму 1838/1839 в Спасском, что, по его мнению, должно было существенно облегчить финансовое положение семьи: «... в течение нынешней зымы, кажется, что мамаша из Спасского не выедет, чему я очень рад, лишь бы здоровье мамаша не воспретствовало, а на счет спокойствия и на счет хозяйственного распоряжения, чтоб сберечь свою собственность, необходимо нужно, чтоб мамаша имела бы свое постоянное место пребывания, где бы то ни было» (РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 2). В том же письме, посланном втайне от В. П., он просил И. С. исподволь убедить мать отказаться от намерения ехать к нему за границу. О неосуществившихся планах В. П. совершить путешествие к сыну в Берлин см. также примеч. 41 к п. 10: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 585.

³ Как и многие женщины из дворянской среды, В. П. имела обыкновение делать выписки из понравившихся ей книг, которые называла «extraits» и заносила в специальные памятные книжки. В письмах к И. С. она нередко обращается к своим записям, цитируя Ж. Жанена, мадам де Жанлис и др. авторов. Подобных книжек, видимо, было несколько, однако до наших дней сохранились лишь две: московская — «Записи своих и чужих мыслей для сына Ивана» (1839–1843), хранящаяся в РГАЛИ, и так называемая «голубая тетрадь» (1823–1832), которая находится в ИРЛИ. Порядковый номер «5», выставленный на

«Голубая тетрадь»
Первая страница (ИРЛИ)

первой странице «голубой тетради», дает представление о том, сколько подобных книжек было использовано В. П. Подробнее об этих тетрадях см.: *Балыкова Л. А.* «Голубая тетрадь». Книжные вкусы С. Н. и В. П. Тургеневых // Балыкова Л. Н. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. С. 34–35.

⁴ В. П. цитирует стихотворный фрагмент из «Воспоминаний» госпожи де Жанлис: «*Mémoires inédits de madame la comtesse de Genlis, sur le dix-huitième siècle et la Révolution française, depuis 1756 jusqu'à nos jours*» («Неизданные воспоминания госпожи графини де Жанлис о восемнадцатом столетии и Французской революции, с 1756 года до наших дней»). Десятитомное французское издание этих воспоминаний, вышедшее в Париже в 1825 г., полностью сохранилось в мемориальной *Б-ке Тургенева* в Орле (указано Л. А. Балыковой). Стихотворению предпослано следующее пояснение: «В Версале я была больна и тем не менее постоянно работала: мои обстоятельства меня к тому принуждали, а поскольку я ни с кем не советовалась, мне постоянно ставили на вид *мое безрассудство*; это однажды вдохновило меня на стихи, которые я никогда не публиковала, никому не показывала и как-то обнаружила в старой тетради, вот они». И далее следовал текст выписанного В. П. стихотворения (Т. 5. Р. 131). Произведения французской писательницы Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графини де Жанлис (1746–1830) относились, как отмечает современная исследовательница, к числу излюбленных книг В. П. (см.: *Балыкова Л. А.* «Голубая тетрадь»). Книжные вкусы С. Н. и В. П. Тургеневых. С. 34). В библиотеке В. П. было большое количество ее книг как на русском (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 89–91), так и на французском языках. Среди последних, напр., парижское издание «*Jeanne de France, nouvelle historique*» 1816 г., с владельческой надписью на титульном листе: «В. Tourguenev», а также «*Les vœux téméraires, ou l'enthousiasme*» (Р., 1802), «*Les mères rivales, ou la calomnie*» (Р., 1813), «*Les parvenus, ou les aventures de Julien Delmoure, écrites par lui-même*» (Р., 1819) и др.

⁵ В. П. имеет в виду значительные денежные затраты, вызванные потерей практически всего багажа И. С. во время пожара на пароходе «Николай I». Об этом инциденте см.: примеч. 1 к п. 1 (*Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 514).

⁶ В. П. перефразирует известную поговорку «Терпи, казак, атаманом будешь», ставшую популярной во многом благодаря повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

⁷ О доме К. Ф. Рутцена, который В. П. так и не наняла, см. примеч. 29 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. С. 525.

⁸ *Бют* — от франц. слова *le but* — «цель».

⁹ *Лизета* (Лиза) — имеется в виду Елизавета Андреевна Сорокина, гувернантка воспитанниц В. П. О ней см. примеч. 38 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 527–528.

¹⁰ *Мавруша* — воспитанница В. П. Мавра Тимофеевна Сливицкая (в зам. Артюхова; 1825 или 1826–после 1885), троюродная сестра Тургенева. О ней см. примеч. 40 к п. 1: Там же. С. 528.

¹¹ Имеется в виду А. Я. Шварц (далее — Анета).

¹² Речь идет о *Софье Александровне Дунаевской* (урожд. Скуратовой). О ней см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

¹³ *На долгих* — т. е. на сменных лошадях.

¹⁴ Как известно, интерес к сочинениям Вольтера имел в семье И. С. давние корни. Так, в *Б-ке Тургенева* хранится рукописный список перевода на русский язык повести «Кандид», изготовленный в 1770-е гг. по заказу А. И. Лутовинова, двоюродного деда писателя со стороны матери, и содержащий эпизоды, не предназначенные для печати в России. Имеются в библиотеке и книги Вольтера из собрания другого дяди В. П. — И. И. Лутовинова (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 65–66). Однако данные слова В. П. подтверждают предположение Л. Н. Балыковой о том, что и С. Н. Тургенев «был одним из русских почитателей фернейского мудреца». Как отмечает исследовательница, вскоре после женитьбы С. Н. приобрел собрание сочинений Вольтера на французском языке («*Œuvres complètes*»), изданное в Париже в 1819–1822 гг. Некоторые из томов имеют его экслибрис: правильный прямоугольник с кирпичной кладкой, внутри которого помещено изо-

бражение ока, и надпись по периметру: «Из библиотеки С. Н. Тургенева по каталогу №...» (см.: *Балыкова Л. А.* «Голубая тетрадь». Книжные вкусы С. Н. и В. П. Тургеневых. С. 36). Вообще же в собрании Тургеневых сохранилось семь различных изданий Вольтера (Там же. С. 30). О «существовавшем в доме Тургеневых своеобразном культе Вольтера» и его влиянии на будущего писателя см.: *Каталог Б-ки Т.* С. 67.

¹⁵ Речь идет об управляющем конным заводом, имя которого остается неизвестным. Как видно, В. П. очень дорожила его услугами. Опасениями, связанными с возможностью потерять этого «доброго и золотого человека», В. П. делилась с сыном еще в п. 1: *Письма В. П. Тургеневоой.* Ч. 1. С. 511.

¹⁶ В. П. планировала совершить поездку в Воронеж, к святителю *Митрофанию Воронежскому* (1623–1703), мощи которого были обретыены в 1832 г. и хранились в образованном четыре года спустя Благовещенском Митрофаниевом монастыре. Поездку в Воронеж В. П. предприняла вместе с В. Н. Богданович в 1839 г.

¹⁷ *Дуляшка* — любимая горничная В. П. Авдотья Кирилловна Лобанова (урожд. Тоболеева). См. о ней примеч. 7 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоой.* Ч. 1. С. 517.

¹⁸ Как вспоминала В. Н. Житова, «в доме и в образе жизни Варвары Петровны соблюдался строгий порядок, все распределялось по часам. Даже голуби, которых она кормила и в Спасском, и в Москве, и те знали свой час: в 12 часов дня раздавался колокольчик, и они слетались получить свою порцию овса» (*Житова.* С. 39). О ежедневном кормлении птиц по звонку упоминает и О. В. Аргамакова: «В известный час она выходила их кормить, и все пернатые сбегались к ней по колокольчику» (*Аргамакова.* С. 332).

¹⁹ Имеется в виду портрет, присланный Тургеневым из Берлина. См. о нем примеч. 3 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоой.* Ч. 1. С. 515–516.

²⁰ Этот портрет Н. С. Тургенева, по всей видимости, не сохранился.

²¹ О портретах С. Н. Тургенева см. примеч. 12 к п. 1: Там же. С. 518–520.

²² По всей видимости, «на попире» у В. П. стояла литография Иванова с рисунка В. С. Садовникова, на которой была изображена «Английская набережная в Петербурге (пароход „Ижора“ на Неве)» (нач. 1830-х гг.).

²³ Вид отчаливающего парохода на литографии напоминал В. П. отъезд сына за границу. «День отъезда Ивана Сергеевича за границу, — писала впоследствии В. Н. Житова, — я помню очень живо. Утром ездили мы все в Казанский собор, где служили напут-

Английская набережная в Петербурге (пароход «Ижора» на Неве)
Литография. Нач. 1830-х гг.

ственный молебн. Варвара Петровна сидела все время на складном кресле и горько плакала. На пароход провожали его: мать, Николай Сергеевич и я. На обратном пути с пристани, когда Варвару Петровну посадили в карету, с ней сделался обморок» (*Житова*. С. 30).

²⁴ Описывая порядки, заведенные В. П. в Спасском, В. Н. Колонтаева, в частности, упоминает о том, что в доме «было много людей из крепостных, которые имели свои специальные обязанности». Среди них — «дворецкий из крепостных, он же и мажордом, потом домашний секретарь» В. П. — Ф. И. Лобанов. Выслушав доклад Лобанова, В. П. отдавала ему устные и письменные распоряжения для всех обитателей усадьбы. Была в Спасском и своя «полиция». Помимо того, в услужении В. П. («состояли пажи, красивые мальчики, обязанности которых не были строго распределены, но которые состояли, как говорится, „на побегушках“») (*Колонтаева*. С. 50–51). Более эксцентричную картину рисует в своих воспоминаниях О. В. Аргамакова (*Аргамакова*. С. 328–329), однако приведенные мемуаристкой сведения были впоследствии опровергнуты В. Н. Житовой. «Штат ее личной домовой прислуги, — писала она, — был многочисленный, человек сорок, но никаких необыкновенных названий никто не носил. Был дворецкий, буфетчик, камердинер, конторщики, кассир, поверенный по делам, были и мальчики — но не „казачки“ и без сердец на груди. Обязанность их состояла в том, что они стояли по дежурству у двери и передавали приказания барыни или были посылаемы позвать кого-нибудь» (см.: *Житова*. С. 38).

²⁵ В. П. перечисляет дворовых мальчиков, проходивших обучение в Спасском, поскольку, как отмечает Житова, «вся прислуга, окружавшая ее, должна была быть грамотною» (*Житова*. С. 38). *Митька* — по всей видимости, *Дмитрий Кириллович Тоболеев* (род. ок. 1823), впоследствии находился в услужении у Тургенева, затем перешел к В. П. Боткину, а после его смерти к М. П. Боткину (см.: *Чернов*. С. 92–93). *Василий Иванович Лобанов* (род. ок. 1823) — младший брат Федора И. и Леона И. Лобановых (о Лобановых см.: Там же. С. 89–91, а также примеч. 7 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 517). *Николай Николаевич Серебряков* (род. ок. 1823) — сын Н. Я. Серебрякова (см.: *Чернов*. С. 95).

²⁶ Имеется в виду *Николай Яковлевич Серебряков*, крепостной В. П., управляющий домашней конторой Спасского. По предположению Н. М. Чернова, послужил прототипом главного конторщика Николая Еремеевича Хвостова из рассказа «Контора» в «Записках охотника» (см.: *Чернов*. С. 94): «... человек лет пятидесяти, толстый, низкого роста, с бычьей шеей, глазами навывкате, необыкновенно круглыми щеками и с лоском по всему лицу» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 3. С. 140).

²⁷ Начиная с 30 сентября (12 октября) и по 13 (25) декабря 1838 г. в Спасском гостила свекровь В. П. *Елизавета Петровна Тургенева* с малолетними детьми старшего сына Алексея Николаевича. О ней см. примеч. 32 к п. 2: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 538–539.

²⁸ *Новосильцева Екатерина Александровна* (урожд. Торсукова; 1755–1842) — сестра Ардалиона Александровича Торсукова, обер-гофмейстера двора вел. кн. Александры Павловны; жена Петра Ивановича Новосильцева (1744–1805), действительного тайного советника, сенатора, генерала-провиантмейстера, в 1783–1785 гг. занимавшего должность орловского вице-губернатора. Блестящей карьерой Новосильцев был обязан не только своим способностям и трудолюбию, но и родственным связям жены. По всей видимости, у Тургеневых были давние отношения с Е. А. и П. И. Новосильцевыми, владевшими именьями по соседству со Спасским. Портреты обоих супругов хранились в Спасском и были представлены на выставке 1909 г., где под портретом Новосильцевой значилось: «Дама в легком белом платье с красной накидкой, с кружевным чепчиком на голове» (*Каталог 1909*. С. 88; как следует из описания, портрет был в собственности у А. Н. Хвостова). Портрет Новосильцевой воспроизводился и ранее: *Mourier*. P. 115 (во втором ряду, слева. Здесь же указано, что в то время он принадлежал О. В. Галаховой). У Новосильцевых было 6 сыновей и дочь Екатерина (в зам. Яковлева).

В 1816 г. действительная тайная советница Е. А. Новосильцева и ротмистрша В. П. Тургенева по манифесту 1814 г. «как старейшины в дворянском роде женского пола» в воспоминание о славном 1812 году были награждены бронзовыми на владимирской ленте медалями (*Алутин В. Р.* Орловское дворянство в Отечественную войну. Очерк и материалы. Орел, 1913. С. 108). Выразительный портрет Новосильцевой оставил Фет, встречавшийся с ней в 1834 или 1835 гг.: «...мы были представлены и старухе матери с весьма серьезным лицом, украшенным огромно на щеке бородавкою. В глаза бросалось уважение, с которым высокопоставленные гости относились к этой старухе, говорившей всем генералам: „Ты, батюшка“...» (*Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 80). Подробнее о Новосильцевых см.: *Жидкова С. Л.* «Старые портреты» (К истории галереи фамильных портретов в Спасском-Лутовинове) // Тургениана. Сб. ст. и материалов / Сост. Л. А. Балькова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 1991. С. 35–36, а также: *Дрогавцева Е. В.* Новосильцевы — соседи Лутовиновых и Тургеневых // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 157–163.

²⁹ *Антон* — крепостной В. П. О «старом буфетчике» Антоне Григорьевиче упоминает в своих «Воспоминаниях» В. Н. Житова, прибавляя, что именно его Тургенев вывел в «Муму» «под именем дядя Хвост». По ее словам, это был «человек замечательной трусости» (см.: *Житова*. С. 32–33), что действительно близко характеристике в рассказе: «старый буфетчик, по прозвищу дядя Хвост, к которому все с почтением обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: вот оно как, да: да, да, да» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 4. С. 256). Возможно, впоследствии послужил прообразом старика Антона в «Дворянском гнезде», который встречает Лаврецкого в Васильевском. Примечательно, что Тургенев упоминает о «певучем голосе» Антона: «Ему <Лаврецкому. — В. Л.> наконец захотелось есть; <...> пришлось обратиться к Антону. Антон сейчас распорядился: поймал, зарезал и ощипал старую курицу; <...> когда она, наконец, сварилась, Антон накрыл и убрал стол, поставил перед прибором почерневшую солонку аплике о трех ножках и граненый графинчик с круглой стеклянной пробкой и узким горлышком; потом доложил Лаврецкому певучим голосом, что кушанье готово, — и сам стал за его стулом, обернув правый кулак салфеткой и распространяя какой-то крепкий, древний запах, подобный запаху кипарисового дерева» (Там же. Т. 6. С. 63). Как следует из воспоминаний Фета, в описании Васильевского отразились подлинные впечатления от поездки, предпринятой ими в имение Тургенева Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии. «Описание старого флигеля, в котором мы останавливались, верное в тоне, весьма преувеличено пером романиста. По раскрытии ставней, мухи действительно оказались напудренными мелом, но никаких штофных диванов, высоких кресел и портретов я не видал. А в одной из пустых комнат, вместо упоминаемой кровати под пологом, я увидал ткацкий станок, на котором крепостной ткач работал прекрасную пестрядь. Правда, что, худо ли хорошо ли, нам приготовили обед, и старый слуга Антон, принарядившись в старый сюртучок, надел белые вязаные перчатки. После отмены даже крепостного права граф Л. Толстой говорил: „Едете в заглазное имение, ни о чем не хлопочите. Садитесь только за стол в ваш определенный час, и вам подадут ваших обычных пять блюд“. Действительно так и было во время крепостного права. В заглазное имение обыкновенно отправлялись на покой заслуженные старики — слуги, повара и т.д. Приезд господ, как звук трубы для бракованной лошади, был призывом к старинной деятельности и случаем отличиться» (*Фет. МВ*. Ч. 1. С. 278).

³⁰ В. П. перефразирует выражение, ставшее популярным благодаря комедии Мольера «Плутни Скапена». Подробнее см. примеч. 1 к п. 9: *Письма В. П. Тургеневої*. Ч. 1. С. 577–578.

³¹ Речь идет о детях дяди И. С. — А. Н. Тургенева, которых воспитывала Е. П. Тургенева, — Михаиле (р. 1829— после 1870), Николае (р. 1832) и Елизавете (в замуж. Хрущев; 1830–1852). См. о них примеч. 19 к п. 5: Там же. С. 561.

³² Имеются в виду дети болховского помещика В. Я. Лаврова — Николай и Александра (см.: Чернов Н. М. Спектакль в Спасском-Лутовинове по пьесе А. А. Шаховского // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 78).

³³ Имеются в виду супруги Лагривые Авдотья Ивановна (урожд. Губарева) и Сергей Петрович. О них см. примеч. 24 к п. 1 и примеч. 5 к п. 6: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 523–524, 566.

12

8(20) — 10 (22) декабря 1838 года. Спасское

Mon cher Jean.^a

Ne soyez pas inquiet, je vis toujours et pense à vous.^b

Не пройдет ни одной пятницы, в которую бы я не написала к тебе сих строк, пока буду жива.

Je vis toujours — et pense à vous — mais vous mon cher ami!.. Vivez vous?..^c Вот чего я не знаю. — Жив ли ты! — Потому что месяц я от тебя писем не получаю. — Еще почта... Еще... Еще... То такое оправданье придумаешь, то другое... Однако чтобы месяц писем не было, никакие резоны рассудка не помогают. — Чего же скотина твой Порфирий¹ меня не уведомляет, что ты так болен, что писать не можешь, других резонов быть не может. — Ах! боже мой, и еще почта пришла, а писем нет! — Пропала я. — Я получила последнее письмо 12-го ноября. Нынче 8-е. Мое рожденье.² Для чего не день моей смерти. Писать сил нету!

Я буду в Берлине так скоро, как позволит путь — скорей, чем ты ожидаешь, ежели ты жив. А умер — не замешкаю свиданьем во всяком случае. Je vous bénis, au gevoir

votre mère В. Т.^d

Я уверена, что при отце не смел бы ты написать, что тебе нечего писать всякую неделю. — Разве тогда пишут, когда денег просят? — Да и то ты не вправе. — Тебе есть за что благодарить.

<Рукою Н. Н. Тургенева:>

1838 года. Декабря 10-го.

Милый друг Ваня,

тебе, быть может, неизвестно, как трудно переносить разлуку, когда и писем не получаем. 5-ю почту мы от тебя не имеем ни одной строчки. Мамаша так огорчена, что я не имею способу успокоить, да и сам не

^a Мой дорогой Иван (франц.).

^b Не беспокойтесь, я все еще жива и думаю о вас (франц.).

^c Я все еще жива — и думаю о вас — но вы, друг мой!.. Живы ли вы?.. (франц.).

^d Благословляю вас, до свидания ваша мать (франц.).

придумаю, какая бы могла быть причина твоему молчанию. Что с тобой случилось, ты всегда так аккуратно писал во время твоего путешествия, а теперь, когда уже ты на постоянной квартире,³ следовало бы более соблюсти свою обязанность, особенно к такой нежной матери, какую вы имеете, она всем для вас жертвует, терпит нужду и скуку лишь бы вам доставить все возможные удовольствия. Я ума не приложу причине твоего молчания, к тому же ты не один, если что с тобой случилось, то мог бы твой человек нас уведомить. Я в таком горе, что изъяснить не могу. Надеялся, что к брату писал в Петербург, а тот тоже пишет, что очень огорчен, что не имеет от тебя ответа на письмо и на отправленные деньги,⁴ одним словом, я лишился совершенно рассудка и не знаю, чем успокоить мамашу, несчастная беспрерывно плачет, каково же дожидаться еще 7-мь дней быть в неведении.

Верный твой друг
Ник. Тургенев.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 25–26 об.

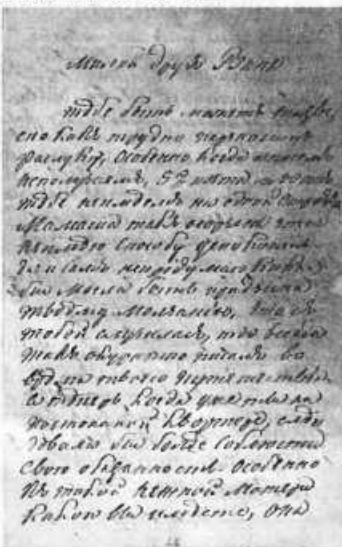
Письмо написано на сдвоенном листе почтовой бумаги с филигранью в виде рамки с гербом в верхнем левом углу и надписью «ВАТН».

¹ Речь идет о Порфирии Тимофеевиче Кудряшове, сопровождавшем Тургенсва в Берлин. См. о нем примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 521–522

² Согласно записи в церковной книге села Спаское-Лутовиново за 1780–1812 гг., «в 1787 году родилась 30 декабря у капитанши вдовы Петра Ивановича Лутовинова дочь Варвара. Восприемниками были майор Иван Иванович сын Лутовинов, поручица Анна Иванова дочь Сергеева» (ГАОО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 321. С. 38).

³ По всей видимости, в сентябре 1838 г. И. С. нанял постоянную квартиру в Берлине на Линден Аллее, № 24. Чертеж своей квартиры он выслал матери в письме от 10 сентября, на который В. П. отозвалась неодобрительно, посчитав квартиру слишком роскошной (см. п. 7: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 571–572). Очевидно, на эту квартиру И. С. переехал от Я. М. Неверова, который впоследствии вспоминал: «По возвращении в Берлин <из Эмса, где Неверов познакомился с Тургеневым. — В. Л.> мы не могли найти такого помещения, какое имели прежде, а потому каждый поместился на особой квартире, и при этом Тургенев несколько времени жил вместе со мною <...>» (РСт. 1883. № 11. С. 417).

⁴ Вероятно, речь идет о той 1000 рублей, которую Н. С. Тургенев выслал брату еще 25 октября (см.: РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 1). Ответ И. С. он получил только 12 декабря, как следует из его ответного

Письмо Н. Н. Тургенева
к И. С. Тургеневу
от 10 декабря 1838 г.
Первая страница

письма от 16 декабря: «Четвертого дня получил я твое письмо. Как оно меня обрадовало, описывать я не стану — потому что мое прозаическое перо не умеет высоко парить и писать громкие-нежные слова, ты знаешь и без того, что я тебя люблю и потому можешь легко себе представить мою радость при получении твоего письма. — Давно, очень давно не писал я к тебе, а именно с тех <пор> — как я к тебе послал 585 талеров, которые, я слышал, а за верное не выдаю — пришлось очень кстати тебе <...>» (Там же. Л. 3). В том же письме Н. С. советовал брату учредить «получше свою канцелярию» и сообщал: «Мамаша сетует на тебя за: *неаккуратность писания писем!*!» (Там же. Л. 4 об.).

13

16 (28) декабря 1838 года. Спасское

1838-го года. 16 ноября^а — 28 декабря. С. Спасское.

Mon cher Jean.^б

Еще бы пятница без письма от тебя и к тебе бы написали. — Матушка помешалась. — *J'ai été sur le point...*^с Для меня такое положение хуже смерти! — Нынче я получила письмо, писанное тобою от 6 дек<абря>^д 24 окт<ября>, и повестку на письмо, писанное в Орел. — Хорошо ты делаешь, что пишешь редко. — Я могу теперь думать, что не пишет, да и только!.. Что же Кривцов Павел напишет к матери на Святой,¹ а письмо пошлет в Крещенье. Она уже к этому привыкла. — *C'est un bon fils pourtant...*^е

Насчет твоих оправданий на мои требования скажу: ты можешь не записывать расход. — Можешь мне сказать, что из посланных мною тебе денег *расходы знать твою, а не мое уже дело.*²

Сейчас играют у меня квартет. — Старые музыканты. — Кто в лес, кто по дрова. — Я говорю капельмейстеру. — Разве ты не слышишь, Петр, что оне отстали. — «Догонят... — сказал он мне в ответ, — потому что я с такты не сбиваюсь. — Мое дело играть в каданс. — *Я капельмейстер.*»

Я капельмейстер.

А что у вас неладно пойдет денежная музыка, ежели неверно будете брать в кошельке и не считать *такты* — т. е. рубли. — А мне какое дело. — Я говорила: считайте... считайте. — Не слушаетесь. — *Я права, виноваты вы.*

Прошибь прощенья. — *Pardon c'est un mot trop solennel pour en abuser jamais!..*^ф

^а Так в подлиннике.

^б Мой дорогой Иван (франц.).

^в Я была на грани... (франц.).

^д Так в подлиннике. Должно быть: «5 ноября».

^е И все же он хороший сын... (франц.).

^ф Прости — слишком высокое слово, чтобы им злоупотреблять!.. (франц.).

Делай, что хочешь!.. — говоришь ты...

Разумеется, тем кончу, что замолчу. — Но! — ты мне напомнил об отце, очень кстати. — Потому что при его необыкновенных достоинствах — денег не любил считать. — Так. — Но! на тебе бы взыскал и так же, как я!.. а может быть, и более меня счету бы потребовал... Он не любил баловать — да и мне заказывал. — А мое искомое в том, чтобы ты мне не сказал, как насчет музыки. Матап... била бы ты меня, а играть бы заставляла. — Насчет же публикации, ежели мой сын задолжает.³ — Я точно не знаю, сделаю ли это, но! ежели сделаю — то вина не моя, я предупредила, довольствуйтесь доходами... что получаете. — А долги — короста. — Нужно сесть *прыцу*, все тело скоро покроется (другое дело), — говорит Васильевна.⁴ — Я дала совет, а вы делаете из этого, что хотите, *des choux ou des gaves*.⁵ А я занимаюсь теперь *de betteraves*.⁶ — Не рифма к книжке — коврикка. — А точно я с Нееловым, управителем Шаховского,⁵ толкуем о предбудущих прожектах. — Свеклу садить — сперва. — А там, а там и сахар варить.⁶ — Я там был...⁷ и пр<о>ч... Кстати, о сахаре — давай-ка говорить о чем-нибудь послаще... о конце твоего письма... о твоих любовишках, о m-me Т...f...⁸ Вот новости... я прежде прочла в твоём сердце, чем ты сам, и сама начала к тебе писать...⁹ Разве я мать, как другие. — Я всегда с вами, и вся для вас, и вся ваша.

Ну!.. Слава Богу, что я не толстомаяся... Мне кажется, ты бы и мать жирную не любил... а иногда мне кажется, что как первая твоя любовь натурально началась матерью... бледною, желтою, нервическою. — То ты и привык любить желтеньких. Это хорошо в любовных интрижках... а жена желтенькая не очень вкусна. — Тем более что ее видишь, цалуешь без покрова шведских перчаток. Итак, ты любишь. Любовь в малолетстве, конечно, это самое приятное время. — Но! не продолжительно. — И после первого поцелуя в перчатке ручку — захочется поцеловать без перчатки... а там!.. Не верь женщине, которая будет тебя уверять в любви, а перчаточки не снимет... Нет! Знай, что она тебя не любит!.. Знай, что она только кокетствует... женщина, которая чувствует какие-нибудь резоны перчаточки не снять. — Но!.. когда любит тебя, *vous fuira, mon cher*,¹ но! не станет мучить ни тебя... ни себя... *Si une femme aime, elle est à l'homme, qu'elle aime. Si elle n'aime pas, c'est trop de souffrir les soins et les assiduités*.¹⁰ — *Dans l'amour il y en a toujours un, qui aime, et l'autre, qui est aimé; je crois que le plus heureux de deux est celui qui aime*...¹¹

Впрочем, это хотя писано согласно с моими мыслями. — Но!.. выбрано из романчика «Eupherley» par Alphonse Carr.^k ¹² — Я тебе рекомен-

³ что на ум взбредет (франц.).

⁴ свеклой (франц.).

⁵ убежит от вас, мой дорогой (франц.).

⁶ Если женщина любит, она принадлежит мужчине, которого любит, если не любит, переносит заботы и ухаживанья — это уж слишком. — В любви всегда один любит, а другой позволяет любить; думаю, более счастлив тот, кто любит... (франц.).

^k Альфонса Карра (франц.).

дую его взять и в 1-м томе отыскать страницу 32. — О ручках.¹³ А я читаю «Les plaideurs»!... т. е. перечитываю и ищу места, где говорит *petit Jean*.^m ¹⁴ — Потому что мне все то мило, что... да не о том дело. А вот что. Я, сударь, располагаю ехать к вам по первому внешнему путечку. — Я где-то читала, что из Гамбурга ходит пароход в Берлин в 4 дни. — Покорно прошу написать мне маршрут — водяной и земляной, самый кратчайший и удобнейший... Ты скажешь: да зачем же, татап... ведь меня не будет, я поеду в Италию...¹⁵ Да затем-то, *рапа*... что я уже обживусь. Порфирий, которого, надеюсь, уже ты не будешь с собою таскать, поможет мне нанять квартиру зимнюю, теплую, в которой буду я дожидать сына, да обживусь пока, да привыкну к климату... и пр<о>ч... и пр<о>ч...

Опять о счетах!.. Проклятые счета, — скажешь ты. — А one для всего хороши... для справки, для поверки... для сравнения прошлого года с нынешним... и пр<о>ч... и пр<о>ч... И, право, не могу я тебе как друг не посоветовать хотя приказать их вести Порфирию. Положим, будет неверно. — Да разве ты казенный казначей... в ссылку что ли тебя сошлют за неисправность. — Попробуй-ка с 1839-го года, с января. — Примерно. — А... стол, квартера — и еще кой-что домашнее, а я уже по этому и подумаю, сколько же денег-то нужно... На нужное, необходимое. — Прихотное... Ну!.. да я об этом напишу Порфирию, чтобы тебе не надоедать.

Очень рада, что у тебя есть мой подарочек — часы.¹⁶ — Ты видишь, что Жуковский прав, что не дорог подарок, а любовь всего дороже и память.¹⁷ — Итак, благодарю за подарочек, с книгами посланный, кому бы он послан ни был. — Посуди, Ваня, что все подарки опоздали, а твоя цепочка Биби пришла накануне именин очень кстати. Ах! как я рада, что перстень отцов цел. Ах!.. слава Богу. — И мое благословение, и да будет над тобою благодать Господня.

Обо всем буду писать *пространственно*, как говорит Черкасов,¹⁸ впредь. — А теперь сумерки. — Так ты жив, Ваничка... Так ты жив. — Ну!.. как же я засну нынешнюю ночь. — А то была бессонница 5 недель... 5 недель без писем. О ради Бога, не мучь меня, пиши... Пиши или я не ручаюсь за жизнь, за рассудок.

Семечки получила... Сам ты *Sasa... Conchifolia*.ⁿ ¹⁹ — Завтра посею — и буду сама поливать и лелеять. — Пожалуйста, не забывай. Ну!.. прости же, дружок. Бог тебе простит. А я твой верный друг.

<На полях первой страницы:>

Бабушка со всем семейством уехала отсюда 13-го декабря.²⁰

<На полях второй страницы:>

Дядя здоров, хотел сам к тебе писать, не знаю, напишет ли?²¹

¹ «Сутяг» (франц.).

^m маленький Жан (франц.).

ⁿ раковинолистная (лат.).

<На полях оборотной стороны второй страницы:>

Биби учили танцевать.²² Она очень мила, привезу ее с собою в Берлин.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 27–28 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 105; *ТСб. 1915*. С. 34–36; Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 227.

¹ Речь идет о *Вере Ивановне Кривцовой* (урожд. Карповой) и ее сыне *Павле Ивановиче Кривцове* (1806–1844), который в это время занимал должность старшего секретаря русской миссии при Святейшем престоле в Риме (впоследствии советник, поверенный в делах, глава императорской Дирекции русских художников в Риме). За год до этого (в ноябре 1837 г.) Кривцов женился на княжне *Елизавете Николаевне Репшиной*. Как отмечает М. О. Гершензон, это была «партия блестящая, на какую он, по своему скромному происхождению и званию, никак не мог рассчитывать» (*Гершензон М.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 272). На неаккуратность Павла в ведении переписки жаловалась и его сестра Анна И. Кривцова: «...недавно <август 1828 г. — В. Л.> пришли от него сразу три письма в одном конверте, одно от марта, другое от апреля, третье от мая, и в майском он пеняет, что ему не ответили на его мартовское письмо» (Там же. С. 228). О Кривцове см. также: Там же. С. 281–284; *Капитанова Е. В.* Начальник над русскими художниками в Риме П. И. Кривцов // *Вопросы истории*. 2006. № 9. С. 146–151.

² В. П. перефразирует цитату из «Модной жены» И. И. Дмитриева (см. п. 1, примеч. 21): *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 522–523).

³ О своем намерении поместить в газетах объявление о том, что она не несет ответственности за долги сына, В. П. писала в п. 7: Там же. С. 570.

⁴ *Наталья Васильевна* — няня В. П. В своих воспоминаниях В. Н. Житова упоминает о том, что с помощью «преданной ей няни» В. П. удалось «бежать из дома вотчимам», С. А. Сомова (*Житова*. С. 23).

⁵ Очевидно, речь идет об управляющем кн. *Ивана Леонтьевича Шаховского* (1777–1860), имение которого Большое Скуратово находилось в Чернском уезде неподалеку от Спасского-Лутовинова и с которым Тургеневы были знакомы. Так, жена И. Л. Шаховского Софья Алексеевна (урожд. гр. Мусина-Пушкина) находилась на пароходе «Николай I» вместе с И. С., впоследствии Тургенев неоднократно бывал в доме Шаховских в Петербурге (см.: *Назарова Л.* Здесь бывали И. С. Тургенев и М. Ю. Лермонтов // *Нева*. 2003. № 11. С. 251; *Чернов Н.* Скуратовы — предки Тургенева // *Чернов Н.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 195).

⁶ О намерении заняться разведением свеклы и сахароварством В. П. сообщала сыну и ранее (в п. 2, рассчитывая на помощь В. Н. Чапкина, а также в п. 10). Интерес к производству сахара в это время, как видно, был повсеместным. На страницах журналов регулярно появлялись статьи, посвященные данному вопросу, многие из которых сохранились в *Б-ке Тургенева*: <*Левенгайн А. Е.*> Доказательства, что честь первоначального производства сахара из свекловицы принадлежит России // *ОЗ*. 1840. Т. 8. № 2. Отд. VII. С. 36–38; <*Очаповский М.*> Возделывание свекловицы по новейшим опытам // Там же. Т. 13. № 11. Отд. IV. С. 1–20; № 12. Отд. IV. С. 21–38; Снаряд для извлечения сока из свекловицы и сахарного тростника // Там же. 1841. Т. 18. № 9. Отд. VII. С. 16–17 и др. «Отечественные записки» помещали также рецензии на новые книги, рассматривавшие различные аспекты сахароварства.

⁷ Возможно, намек на окончание «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди» (1832) Пушкина:

Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Ср. окончание «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (1834), а также окончание «Посвящения» к «Руслану и Людмиле» (1820):

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

⁸ Имеется в виду *Элеонора Федоровна Тютчева*, которой И. С. был, по-видимому, увлечен. См. о ней примеч. 43 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 528.

⁹ О Тютчевой В. П. писала сыну в п. 6, рекомендуя прочесть «*La femme de quarante ans*» (см.: Там же. С. 563).

¹⁰ Эти слова завершают следующие рассуждения героя (Людвига) о женской любви: «У женщин в сердечных делах всегда твердая поступь, не позволяющая ни сократить, ни изменить ход событий; разрыв происходит по правилам, как и начало связи; всякое слово должно быть на своем месте, должно в точности следовать по *карте Страны нежности* мадемуазель де Скюдери. Следовало остановиться в деревне *угождений*, дабы прибыть к горе *склонности к уважению*; отсюда лежал путь к *любезностям*; следующим этапом было *скромное признание*, и т. д.» (гл. III: *Histoire de la grande brune vêtue de blanc* (История белых сумерек)).

¹¹ В доступных нам изданиях романа этих строк обнаружить не удалось. Однако в более позднем издании «*Contes et nouvelles*» А. Карра (Р., 1852. Р. 196) эти строки встречаются в новелле «*Un homme et une femme*» («Мужчина и женщина»), которая, очевидно, изначально входила в состав «*Einerley*».

¹² Двухтомное издание романа «*Euperley*» (в более позднем начертании «*Einerley*», написанного в слегка философствующем тоне) молодого, но уже приобретшего известность французского писателя немецкого происхождения *Жана Альфонса Карра* (Karr; 1808–1890) впервые вышло в Париже в 1838 г. Это издание в *Б-ке Тургенева* не сохранилось (оно могло погибнуть вместе с той частью книжного собрания, которая пострадала во время пожара 1839 г.), однако в ней имеются другие произведения писателя, в том числе более поздние с владельческим штампом брата И. С. — Н. С. Тургенева (указано Л. А. Бальковой). Поставив в качестве заголовка немецкое слово («*Einerley*» — «Одиночество»), автор счел необходимым обратиться к читателям с предисловием, где читаем: «Что касается нашего заглавия, то прежде чем взяться за работу, мы дважды безуспешно пытались найти другое: следует признать, что никто не может считать его более неудачным, чем мы сами. „*Einerley*” — это немецкое слово, которое мы решились выгравировать на нашей печати лишь два года тому назад» (см. иллюстрацию на с. 457).

¹³ В. П. обращает внимание сына на следующий фрагмент из романа А. Карра: «Красивая рука — это замечательная вещь, в которой можно усмотреть некие отличительные знаки. Нога, на которую столько людей обращают внимание, это ложь, и никто не решится сказать, сколько болей, мук, гримас, уродства скрывается в некий утренний час под пронелюю или атласом, сколько крупных ступней втискивается в маленькие башмачки. Нога лишь имеет форму, которая не всегда ей принадлежит; рука же, которой некуда скрыться, обладает чем-то большим, нежели формой, или внешним видом: она обладает физиономией. Есть такие руки, из-за которых умная и чувствительная женщина могла бы умереть от горя, если бы обладала ими» (Гл. II: *Histoire de la voisine à la robe grenat* (История соседки в гранатовом платье)). Возможно, это суждение отразилось на взглядах самого Тургенева (см., напр.: *ЛССИП(2)*. Письма. Т. 3. С. 93).

¹⁴ Имеется в виду комедия в 3-х актах Ж. Расина «*Сутяги*», одним из персонажей которой является маленький Жан.

ROMANS
POPULAIRES
ILLUSTRÉS

EINERLEY,
PAR
ALPHONSE KARR.

SUR LE TITRE.

Vous trouvez une époque plus féconde en grands hommes qu'à notre époque de notre histoire.

A son école les divers auteurs de papier qui se publient chaque matin sous le titre d'opéras de l'opéra public, tout renouveau aujour d'hui romant en lui le génie, le talent et toutes les facultés de J.-J. Rousseau, de Richardson, de Voltaire, de Scève, de Cervantes, et de l'épique. Il n'est guère de vanité qui ne se blâme d'être mis en balance avec Voltaire, et pour être fier le poète, on s'oppose à l'auteur du Tancrède, Alceste et Rosmounde.

Mais vous êtes spirituellement notre éditeur pour le prix de ne réveiller à notre sujet aucun de ces illustres morts. Si cependant, dans l'intérêt de sa publication, il croyait devoir nécessairement établir, dans les annales des journaux, que nous leur portons à tous regards sur les grands hommes de tous les siècles et de tous les pays, — comme tout le monde, — nous prions les lecteurs de ne pas nous en vouloir de complaisance.

Quant à notre titre, nous avons, mais à son égard, instamment un autre deus.

— Je n'ai jamais vu celui, dit Stephen

Paris, Typographie Fini, rue de Valenciennes, 50.

fait plus de temps qu'à notre le présent ouvrage; c'est avouer que personne ne trouvera ce titre aussi mauvais que nous le trouvons nous-même. Einerley est un mot allemand que nous n'avons osé faire graver sur notre cahier qui depuis quelques jours.

A. K.

Il est bien entendu, dit Stephen, que les hommes d'aujourd'hui sont si compliqués, qu'il y a un an, il fallait porter l'air d'un geste déguisé; mais l'homme n'a plus un ton, et l'homme a deviné avec les mots, et l'homme peut à l'heure d'aujourd'hui...

DANS LES BIBLIOTHÈQUES, TOUS LES ÉCOLES, TOUS LES

LES ÉCOLES, TOUS LES ÉCOLES

SOUS LES THÈMES.

A peu de distance de la ville, non loin de la demeure de Stephen, mais sur la rive opposée, était une maison de campagne appartenant à une madame Heberton, c'était une grande

Роман А. Карра «Einerley»
в серии «Romans populaires illustrés»

¹⁵ О своем желании провести летние каникулы в Италии И. С. сообщал матери и ранее (см. п. 10, примеч. 41: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 585). В дальнейшем этот вопрос еще неоднократно обсуждался, однако в 1839 г. поездка так и не состоялась. В Италию Тургенев отправился в начале 1840 г. вместе с П. И. Кривцовым.

¹⁶ Деньги на часы — подарок ко дню рождения И. С. 28 октября (9 ноября) — В. П. обещала выслать «из своего оприччого» в п. 5: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 548.

¹⁷ Очевидно, Жуковский перефразировал вошедшие в повседневный обиход слова популярной песни «По улице мостовой...», заканчивающейся следующими словами:

Мне не дорог твой подарок, —
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу так дружка любить!

(Русские песни / Сост. И. Н. Розанов. М., 1952). Возможно, В. П. повторяет здесь слова, сказанные Жуковским молодому И. С., когда он посетил его в 1834 г. в Зимнем дворце с подарком от матери, — эпизод, описанный писателем впоследствии в «Литературных и житейских воспоминаниях» (*ЛССиП*(2). Соч. Т. 11. С. 68–69).

¹⁸ В. П. имеет в виду, по-видимому, барона Петра Ивановича Черкасова. См. о нем. примеч. 52 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 529.

¹⁹ Скорее всего, В. П. подразумевает семена бегонии раковиннолистной (*Begonia Conchifolia*), которые ей прислал И. С. Возможно, однако, что присланные растения принадлежали к роду *Sacalia* и В. П. обыгрывает неправильно указанное сыном название.

²⁰ О пребывании Е. П. Тургеневой в Спасском см. п. 11 и примеч. 27 к нему.

²¹ Письмо Н. Н. Тургенева неизвестно. Возможно, оно так и не было написано.

²² Речь идет о воспитаннице В. П. — В. Н. Богданович-Лутовиновой (Биби). См. о ней примеч. 37 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 527.

14

28–31 декабря 1838 г. (9–12 января 1839 г.). Спасское

1838-го года ст. ст. 3 [1 декабря]
н. ст. 12 ге[нваря]
Втор[ник. С. Спасское].

Ваничка, здравствуй!

Вчера отправила я письмо к тебе, но! в Петербург, прежде [к] брату, он прочтет и к тебе отправит.¹

Мы получаем письма по пятницам, а пишем два раза в [неделю]: во вторник и субботу. — К тебе пишу или буду я писать вс[егда] по вторникам, потому что, получив от тебя письмо в пят[ницу], не успею отвечать иначе как во вторник, ежели что бы очень нужно было. — А ежели не нужно, то на следующей почте. — Всякий день я поздоровуюсь с тобою на письмо, как делаю с [пор]третом, который стоит на письменном столике ближе вс[ех] к моим глазам. — И похож... Иногда,² мне кажет-ся, [он] улыбается, иногда суриозен. — Нынче с заплаканными глазами. Я очень страдаю от флюсу, а Биби очень кашляет, что и ме[шает]

¹ Далее было: он

мне спать ночи, она спит в моей комнате. — Нынче я, [только] что за-былась, вижу во сне, что свеча нагорела и бросила на [меня] с треском искры... Так что всю меня осыпало и я про[снулась]. Сегодня получили мы от брата письма, *grande nouvelle*^b он сдел[ан ре]монтером² на 25 лошадей. Под пушки. — В первую минуту мы [так] *étourdis*^c — что не знаем, радоваться ли?.. Огорчаться ли?.. Мы эт[ого] никак не ожидали. Разумеется, материнское мое сердце в п[ервые] минуты радуется, что он будет с нами лето, я поеду [с ним] по нашим деревням в Коренную.³ Только ежели ему дадут [короткий] срок, то нам будет убыточно... Но!.. Он может, каже[тся], просить отсрочку. — Кажется, более не употребить на р[емонт], чем проживет в Петербурге. — А ежели и прибавим [...] он будет год с нами. — Я тебе говорю, что это ещ[е пер]вые наши минуты... Мы думаем так, и сяк, и н[аизнанку].⁴

28

9, в среду. — *Bon jour Jean!*^d Ты всё суриозен на портрете. — Как я это письмо пошлю в пятницу, т. е. в конце 18[38-го года], то имею многое тебя спросить насчет расположения [твоего] на 1839-й год. — И о себе доложить!

Вопрос 1-й. — Как прошла твоя зима, с успехом ли?.. что го[ворит] тебе совесть. — По университету.

В<опрос> 2-й. — Что располагаешь ты делать весною и лето? — Куда [ду]маешь отправиться на вакационное время?.. Я преду[пре]ждаю тебя, что я как мать, хотя и сочла в обязанности себе напомнить, что ты 1838-й год не по одеж[ке] протянул ножки. — И что, раз изубытчавшись пожар[ом],⁵ мог бы отложить вояж до весны 1839-го года. — Ну!.. Ты моего письма на этот счет не получил [и] иначе рассудил. — И помыкался по белу свету.⁶ Теперь же уже нечего, я думаю, раздумывать. — Усерд[ное] мое благословение... да денег сверх положенья — д[а и] с Богом. — А для этого надо тебе ко мне написать: [именно] куды предполагаешь ты ехать для пользы твоей будущности. Надо, чтобы ты знал и то. — Что многие резоны удержат меня здесь до 1-го сентября.

Во-первых, я желаю знать аккуратно, что могу я дать вам годового вашего доходу. — Как теперь, так и будущность ваша. — Чтобы вы, хотя не отдавали отчетов — но! и не требовали сверх положенья своего. — А когда случайно и должны будете это сделать — как ты погорел — то знать, что это в будущее время из кармана, а не в карман. — И что ежели достатку нет брать дилижанс — то нанимают повозку.

Во-вторых.

Желаю знать аккуратно. — Что могу я израсходовать, собственно я, себе на расход — и с домом, чего до сих пор никак не могла и не умела сделать, и потому вечно без копейки. Приготовлю себе на проезд и жи-

^b большая новость (*франц.*).

^c поражены (*франц.*).

^d Добрый день, Иван!.. (*франц.*).

тье в Москве, ничуть не бывало... Надо послать Николаю С<ергеевичу>, Ивану С<ергеевичу>. — Послала и осталась без копейки, и живи волею или неволею в Спасском. — Пока сделаешься атаманом, а казаку трудно.

В-третьих.

Объявляю тебе, что я долее не могу жить без тебя, как по сентябрь. Итак, с 1-го сентября я на твоих руках, как хочешь и где хочешь. Ты уже не ребенок, а я старушка. Итак, ты мне должен написать, как мне ехать и куда мне ехать. — По воде или по суше. — Кратчайший и удобнейший путь. — И в таком случае ты ли сам выедешь ко мне на границу — или вышлешь Порфирия меня проводить до Берлина. — Потому что я счету деньгам по-немецки не знаю и совершенно запутаюсь. — И где будет эта граница, по воде... там-то. — На суше... там-то! — Все покорно прошу хорошо и аккуратно это обдумать и меня уведомить. Немедленно.

1-е. О себе тоже уведомить, как о том, куда предпринимаете путь. Берешь ли Порфирия или оставляешь — или ко мне высылаешь.

2-е. Когда начнутся вакансии, т. е. когда ты поедешь, с которого числа и по какое. — На счет мой ты свободен по 1-е сентября — или даже по 15-е, потому что я из Спасского прежде 1-го не тронусь, то ты все на точку *встречи* успеешь приехать, где бы ты ни был. — Ежели ты Порфирия пришлешь по воде в Петербург, то обдумай хорошенько, как?.. когда? — Что выгодней и что дешевле.

А потом. — Я полагаю тебе в год 8 тысяч ассиг. — что по-нашему 10-ть на монету. — Итак, это выйдет на месте твоего житья в месяц по 833. — То сколько же тебе прибавить на каждый месяц на проезд и пр<о>ч. — Я думаю, что тебе будет достаточно 4, т. е. 12 тысяч в год на монету, т. е. с чем-то 10 <тысяч> ассигн. Кажется, что ежели к этому приложить экономию, то будет тебе очень достаточно. — Это мое мнение... а ты мне напиши свое. — Ты знаешь, что я никогда в нужном вам не отказываю. — Да и... в надобном... да и... в прихотном все отказу не было. — А теперь сами хозяевы. — Я твою часть предоставила брату. — От него и требуй, он тебе и пересыл[ать бу]дет, тем более что он, живя в деревне, будет сам видеть, [какой] доход и что можно тратить. — А как вы друзья и братья, [то] от него ни строгости, ни скупости тебе бояться нечего.

В 1839-м году пришло аккуратную записку, что у нас или у вас урожай, какие цены хлеба — т. е. какие в 1839-м году могут быть приход[ы и] что надо на расход — и что на обороты, т. е. поддержание имен[ия]. Хотя тебе это и скучно — но!.. было бы с моей стороны все сделано, а [там] как хотите.

29, в четверг.
10

Здравствуй, Жан. Здоров ли ты? — А мы все, женский пол, хвораем. У Биби коклюш, всю ночь прокашляла с визгом, жар и рвота, [а] между тем такой умный ребенок, беспокоится, что я не почи[ваю]. А у меня флюс, и я очень страдаю. — Мавруша занемогла нынче ночью, рвота и зноб. Посылаем за доктором, к которому, одн[ако], не имеем никакой веры. — Он пресмешной и предобрый [ори]гинал, но! этим не лечат...⁷ Вот что скверно в дере[вне]. К вечеру жар Бибиши усилился, послали опять за докторами. [Я очень] трусила, дядя ругал всё и всех. — А я плакала, вообраз[ив, что] у меня отымают под старость куклу — которая меня [очень] утешает. Такая девочка, какую я не могла бы лучше слеп[ить] из воску и одушевить. — Боюсь, умрет... и на меня нападет скука, которой я болезни очень боюсь и по ее милости изб[авлена].

30-е, в пятницу.
11

Дядя спал в гостиной, и мы попеременно ходили к [ней] в отцовом кабинете. Жар был ужасный, поутру док[тор] приехал. Ей лучше, слава богу!.. Но! все она слаба, кажется, [од]нако опасности нету, и доктор уверяет. Дай то бог. Я [буду не]утешна.

Вечер. — Ну!.. Слава богу, вот от тебя и письмо. — И семена [вроде] тех, которые мною были посеяны... в тот день... в [тот] день... как зачался ты — т. е. *Aquilegia Vulgaris*,⁸ [кажется,] ты понимаешь по-латыни, пустозвонный колокольчик. — Да у нас этой дряни в России хоть пруды пруди, стоило посылатъ в Берлин — или, бишь, присылать из Берлина.*

А!.. Так ты изволил гневаться на меня и пропустил 5 почт, не писав. — Между письмом от 10-го сентября до 26-го [октября] ни слова. — 5 почт. — Извольте слушать. 1-я почта прошла — я вздохнула. — 2-я — я задумалась очень. 3-я — меня ста[ли] уговаривать, что оснем... реки... почта... оттепель... Поверила. 4-я почта — пришла — писем нет!.. Дядя, испуганный сам, старался меня успокоить. — Нет!.. Ваничка болен, — говорила я. Нет!.. он опять перломил руку...⁹ Словом, не было сил меня ур[езонить]. Вот и 5-я почта. — Все перепугались... Думали, я с ума сошла. И текущую неделю я была как истукан: все ночи без сна... д[ни без] пищи... Ночью не лежу, а сижу на постели и приду-

* Не обидься моею шуткою, душенька — а отпусти мне, спроси самых новых, редких цветочных семян. — А не *Aquilegia Vulgaris*. — Объясни, что посылаю-де в письме по несколько семечек в Россию — то не стоит посылатъ дряни. — Купи самое лучшее и пришли в капсюлечках одно-два семечка — или, смешав, пришли разных сортов семян мелких. — Поручи это Порфирию, он не берет лекций и делает это для барыни на досуге. — Не правда ли? Да еще пришли или присылай, а особенно из Италии огородных семян — то то крупные, редисы, да сладкие какие, да семечки в аршина 1½ тыквы — т. е. тыква в 1½ аршина, не семечко. Цветочных летних семян.

мываю... Вани[чка мой] умер, его нет! на свете... Похудела, пожелтела. — А Ваничка изволил [гневаться]. И хотя мое зелененько письмо¹⁰ лучше тебе нравится беленького... напрасно видишь ты снег... Между мною и вами холоду быть не может. Но!.. повторю тебе, что кто хочет не обчесться, тот должен считать. А иначе будешь всегда нуждаться. Употребя деньги на ненужное, в нужном себе отказывать. Наешься сладко, выпьешь — и потом сходишь в ретираду. — А выехать... выйти — страм головушке. Но! — все это уже сказано-пересказано, на меня уже не пеняй. — Но! знай, что, ей богу, ты не столько богат, сколько ты предполагаешь и сколько тратишь. — Хуже будет, когда нужнее будет — да не будет. — Брат — ремонтер, отказаться было нельзя. — Что это станет? — А у нас родился вместо хлеба пух. — Даром не берут. — Зачем же я живу в Спасском, чтобы Коле достало на ремонт, чтобы тебе не отказывать на чужбине. — Я для вас это делаю, дети милые, — и вы меня поберегите, не будьте пасынки, войдите в дела свои. — Помогите мне, вы теперь подросли и имеете рассудок, действуйте же им.

На письмо твое от 4-го я буду отвечать на будущей неделе. — С сею почтою дядя послал тебе 3000, чтобы ты деньгами не нуждался. — Как ты хочешь, а я прошу тебя как друг, уже не приказываю как мать — ежемсячно *me tenir au courant de vos affaires.*^е — С 1839-го года вкратце *такo: Chère maman!*^ф — с 1-го генваря было денег у меня столько-то... Потом высып на стол свой мешок и сочти — и напиши искренно правду. — На февраль и долее осталось столько-то? — Спрашиваю тебя? — Трудно ли что тебе. — Положим, тебе трудно расход вести. — Но!.. высыпать деньги на стол, счесть наличность и сказать мне: денег я имею столько-то еще. Ей богу, это не трудно! — Почему?.. я у тебя это прошу, резон самый простой. — Чтобы, заглянув в твой кошелек, могла бы я видеть, сколько еще времени могу я остаться, не пересылая денег. — Это для тебя же — дурак... дурак... Много ли матерей будут об этом просить своих детей. — Дети просят, просят... не допросятся... Покажи-ка письмо своим товарищам. Много ли найдутся таковых родителей... да даже управителей. А ты еще гневаешься... Ну!.. так так-то, Ваничка... Так-то, милый друг. — А!.. так-то. — Ведь ты напишешь мне в ответ следующее:

Maman. — По 1-е генв<аря> 1839-го года оставалось у меня на прожиток — 000... да ты прислала 3000. — А теперь из всего этого на 1-е число февраля *dans ma gousset*^з — гамзы¹¹ в наличности. Когда бы я ни получила сие письмо — но!.. ты закончишь свой месяц. — Последнее число, как я говорю. — И поверь мне... поверь честному моему слову... упреку не получишь боле за прожиток. Сам рассчитывай, сам себе выговаривай. — А я не доведу, чтобы мой сын имел на меня негодование за деньги... Будут деньги — пришлю, не будут — скажу нету. — Те-

^е держать меня в курсе своих дел (франц.).

^ф Дорогая маменька (франц.).

^з в кошельке (франц.; очевидно, от *gousset* — жилетный карман).

перь, в начале года, я тебе скажу, что могу тебе дать. — Теперь посылаю 3000 — *январь-февраль-март-апрель*. — К 14-му маю получишь ты 4000 на *май-июнь-июль-август*. — К 10-му с[ентя]брю пришло еще 3000 последние — на сентябрь-[октябрь]-ноябрь-декабрь. [Ты меня] знаешь, [мое слово свято. Те]перь распорядись, как умеешь. — [Оставайся в Берлине или ступай в Италию, в [...]] — насчет денег *cela ne [me] regarde [plus.^h [...]]* душа моя — *à jamais.ⁱ* Твой друг искренний, верный, нежная и снисходительная мать благословляет тебя].

<На полях оборотной стороны первой страницы:>

[Ты] увидишь в моих письмах повторенья. — Я позволяю считать меня состаревшеюся, но! не по этим приметам, [а] *от старости и лет.¹²* — Я повторяю, пришли маршрут... я еду... я приеду... к тебе... Пришли Порфирия — и пр<о>ч. [...] тоже! — Увы! я по[хожа на того] несчаст[ного старика, который в при]вязанной лодке целые дни [...] [шедший на одном месте... К сыну, к сыну, взятому в морскую слу]жбу. Cher [George...^j твердил он [...] завтра опять садился в [...] в Берлин... в Берлин. О! — в Берлин].¹³

<На полях первой страницы:>

Не знаю, что за причина, что ты получаешь от меня по два письма вдруг. Это досадно. — А я пишу раз в неделю. Я прошу тебя не отговариваться, что нечего писать, два слова, что ты здоров, и я буду покойна. — Утешь меня, пиши.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 91. Л. 29–30 об.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб. 1915. С. 36–38; Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 226.*

Дата в начале письма — 31 декабря 1838 г. (12 января 1839 г.) — не соответствует указанному дню недели — «вторник», так как 31 декабря ст. ст. в 1838 г. произошло на субботу. По всей видимости, письмо было закончено в субботу, а отправлено позже — 3 (15) января, во вторник. Возможно, это было указано самой В. П. сразу же после первой даты в той части верхнего уголка письма, которая в настоящее время утрачена.

^h это меня больше не касается (*франц.*).

ⁱ навек (*франц.*).

^j Дорогой Жорж... (*франц.*).

¹ Это письмо В. П. неизвестно, поскольку предыдущее, датированное 16 (28) декабря (пятницей), было отправлено самое позднее во вторник — 20 декабря 1838 г. (1 января 1839 г.). Упомянутое же здесь В. П. письмо было отправлено накануне, во вторник — 27 декабря 1838 г. (8 января 1839 г.). Возможно, именно его Н. С. Тургенев переслал брату вместе со своим письмом от 17 января 1839 г.: «При сем я препровождаю тебе письмо — от мамыши, писанное к нам двум. Но так как оно огромно, то, чтобы не писать то же самое в другой раз, мамаша приказала к тебе его отправить» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 8).

² *Ремонт* — заготовка лошадей, пополнение ими полков по мере нужды; *ремонтёр* — офицер, отправленный из полка для закупки лошадей.

³ Речь идет о поездке для покупки лошадей на *Коренную ярмарку* — одну из крупнейших ярмарок страны, располагавшуюся в 30 км от Курска на территории, принадлежавшей мужскому монастырю Курская Коренная Рождества Пресвятой Богородицы пустынь. Красочное описание ярмарки, «составлявшей в то время самое замечательное годовое событие не для одних жителей средней России», оставил в своих воспоминаниях А. А. Фет: «В Коренной мы заняли один из множества домиков с широкими дворами с навесами для помещения лошадей и экипажей. Дома эти, построенные на скорую руку, в большинстве случаев отличались от крестьянской избы средней руки — разве отсутствием печей и дощатыми полами. Все они вереницей тянулись с одной стороны ярмарочной площади в конном бегу и предназначались для сдачи внаймы только на две недели ярмарочной поры. <...> После обедни мы с братом пустились осматривать ярмарку. Конечно внимание наше главным образом было привлечено конною площадью, по которой тянулся ряд невысоких столбов, обозначавших отдельные станки для приводных лошадей. Бесконечный ряд лоснящихся на солнце крупов всевозможных лошадей обращен был к дороге, на которую продавцы то и дело выводили напоказ лошадей. По другую сторону дороги в громадных загородах из крепких жердей находились степные, дикие лошади. <...> Ярмарочная площадь кончалась полуверстным бегом с ярмарочным павильоном посредине. Каждый вечер здесь происходили состязания рысаков, а иногда и лошадей, возящих тяжести. На следующее утро имена победителей становились общим предметом разговоров» (Фет. МВ. Ч. 1. С. 17–20).

⁴ Н. С. Тургенев был командирован «за ремонтom» почти на год, до 25 ноября 1839 г. (фактически он выехал в Петербург только в начале 1840 г.), о чем сообщал брату в упомянутом письме от 17 января 1839 г.: «Я отправляюсь на днях в деревню в Спасское за ремонтom. Что чрезвычайно мне неприятно, но что же делать <...>» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 6). В дальнейшем отношении В. П. к ремонту сына было резко отрицательным, поскольку он был сопряжен со значительными денежными затратами. О неблагоприятном исходе ремонта см.: *Кртова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический источник // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 43–45.

⁵ Речь идет о пожаре на пароходе «Николай I». См.: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 514.

⁶ В. П. намекает на путешествие по Германии и Швейцарии, которое И. С. предпринял перед приездом в Берлин, несмотря на большие издержки, вызванные пожаром. О письме, в котором она настоятельно советовала сыну направиться из Гамбурга сразу же в Берлин и которое не было получено И. С., см. также п. 7: Там же. С. 569.

⁷ По всей видимости, речь идет об И. Беневоленском. См. о нем примеч. 17 к п. 6: Там же. С. 567.

⁸ *Aquilegia Vulgaris* — водосбор обыкновенный — многолетнее растение семейства лютиковых, широко распространено в Западной Европе.

⁹ О переломе руки летом 1833 г. Тургенев упомянул в «Мемориале»: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 197. Еще раз он сломал руку накануне отъезда из Спасского в конце августа 1837 г., упав с дрожжек (см.: Там же. *Письма*. Т. 1. С. 137;

письмо к А. В. Никитенко от 13 (25) сентября 1837 г.). Возможно, именно этот случай описывает в своих воспоминаниях В. Н. Колонтаева: *Колонтаева*. С. 57.

¹⁰ По всей видимости, имеется в виду п. 8, написанное на бумаге зеленоватого цвета, или какое-то другое, не дошедшее до нас письмо.

¹¹ *Гамза* — деньги.

¹² Возможно, намек на «Шильонского узника» (1822) Байрона в переводе Жуковского:

Взгляните на меня: я сед,
Но не от хилости и лет.

¹³ Какое произведение имеет в виду В. П., установить не удалось.

1839

15

1 (13) января 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года $\frac{1-\text{го}}{13}$ января. С. Спасское.

Здравствуй. — Ваничка.

Здоров ли ты. Поздравляю тебя с новым наступившим [годом.] Написав эти строки, я рассмеялась. Это по-твоему гораз[до] писать поздравленья в самый тот день, чем придумыв[ать], [<чтобы?>] оне пришли — к тому дню. — Хотела отвечать тебе [<на?>] твое письмо, писанное от 4-го декабря¹ — да флюс... [<Бибишин?>] коклюш... братнино намеренья ремонтировать² — все [это] помешало.

Прекрасно пишешь ты — от 12-го декабря — прибавляя: «на сей год последнее». — От 12-го до 1-го — 19 дней. Прекрасно. А когда тебе точно нечего писать к матери, то при сем посылаю тебе братнино письмо на образец.³ — Я и тем довольна... Но!.. жить в Спасском, чтобы прив[одить] дела в такой порядок, чтобы детей можно было [со-дер]жать... одного в гвардии,⁴ другого в чужих краях [...], неделю мучась скукою, тоскою, счетами... в п[ятницу] в] награждение сказать опять дурака Левону Александрову.⁵ Дождаться опять пятницы... и опять не получить письма... О!.. vous êtes plus que cruel... ingrat... vous êtes un monstre!^а Вот тебе и еще распекательное письмецо. — Нет! Н[ет,] сударь. — *Не позволим* по-польску. — Извольте писать [хоть] через 2 недели. — И прямо в Спасское, куда письмо приходит через 26 дней. — Понимаете... А то, право... право. — Прогневаюсь. — На-счет писем *aigre-doux*^б — я, право, этого не понимаю. Это не в моем вкусе... Ты, верно, это по себе судишь, я не имею нужды брать этого тону с моими детьми. — О!.. это уже последний ресурс родителей

^а вы больше, чем жестоки... неблагодарны... вы чудовище! (*франц.*)

^б раздраженно-нежных (*франц.*)

с детьми, выбивающихся из послушанья. — А у меня такие правила: сказав, я делаю свой долг. — Сею семена — а взойдет ли?.. Воля божия. Я добрила землю, но!.. вороны, галки истребят семя, так богу угодно. — Вот тебе и притча во языще...⁶

Что касается до твоего откровенья с швейцарочкою в Берне... или ты глуп!.. или ты плут!.. — сказал помещик мужику. — Как тебе угодно, — отвечал мужик.

Я, подозревая, что ты не довольно экономен... да и зная, что и к страстишкам способен, — просила, *каково беда не мера*,* не таи... от своего друга. — И я скажу, как в «Коньке-Горбун[ке]», это не служба — службишка... служба будет впереди... Молись-де Богу... ложись-де спать, все будет исправно.⁷

[<Что ты?>] мне порешь дичь... Да как же ты, бывши у меня в Спасском [<юны?>]м ястребенком, прельстился на старую ворону на даче... [сде]лался старым коршуном и не умел заклевать голубки — [<как?>] Мазепа в Пушкине.⁸ — Экой ты «болван» — за неимением [дру]гого слова.

Ответ твой Рибопьеру,⁹ что ты очень занят науками, он мог быть фанфаронством студентика. — Ты мог не быть, а отвечать эдак... невежливо — посланнику. — Что ты не был у Озерова, у Мансурова¹⁰ — я понимаю. — На что ты им?.. а в свете это первая мысль... На что он мне?.. на что я ему?.. Итак, дитятко, учись... учись... а будешь ли ты кому... и для чего-нибудь нужен, это докажет время. — Самому умному... и ученому человеку... можно сказать, как швейцарка в Берне: *vous êtes une B...*^c Мы с тобою, кажется, всегда сядем верхом на стуло с катком и скотимся от стыда... со всеми нашими знаньями в латыни. И уступим место Теплому¹¹ — который в шараде *Ballon*^d [громки]м голосом прокричал последние слова...

[Ты] не был в Потсдаме...¹² в Шарлоттенбурге...¹³ Да ты, стало, не турист... Правда, теперь не сезон быть там.

За семена, присланные *Centaurea*^e — покорно тебя благодарю. — Но! только воля твоя, не американа — я этого нигде не нашла в моих ботанических книг<ах>.¹⁴ — Прошу тебя еще раз смешивать разные семечки [и] присылать — а я так в этом искусна, что разберу сама их по сортам. Пришли, пожалуйста, редисов, латуки, особенно поищи самый лучший *Romaine* Ромен,¹⁵ — тыквы — дыни. — По семечку все еще поспеет к сеянню.

Я очень сожалею, что ты до сих пор не читал «*Contes Fantastiques*»¹⁶ et «*Contes et Fantaisies*», par Hoffmann...^f ¹⁷ Я тебе дарю их на Новый год, купи на мой счет и, прочтя, брось. — Jean Bart...^g тебе полюбится¹⁸

* *Беда не мера* — русское слово, непонятное для тебя... Спроси растолкованье у тех, кто испытал беду не меру — или бедность в деньгах.

^c вы *д<урак?>* (возможно, от франц. «bête»).

^d *Мяч* (франц.).

^e *василек* (лат.).

^f «Фантастические истории» и «Сказки и фантазии» Гофмана (франц.).

^g Жан Бар... (франц.).

и «Soirée poétique»...^h ¹⁹ О, прелесть. — Вот это стихи, это ворочает и душу и сердце... это чувствуешь в крови. — Это не то, что любимые твои... *ямбы*... и еще как вы их называете. Мое дело темное, а читать вас тяжело и непонятно... Да где же рифма-то... ищешь, ищешь... а смысл... Тьфу... пропасть. — Непонятно. — Посылаю отрывок из комедии «Первый ярус».²⁰ — Насчет же рекомендованных мною тебе книг ты знаешь, Жан... ты знаешь, что ты не оттого их читаешь, что я рекомендовала... Нет! — Смело скажу, тебе полюбится отменно.

Ты хотел писать по-латыни ко мне комплимент. — Я замечаю, что все твои письма писаны ко мне по-русски. — «А русский мне язык, как *клян* во рту» — из... из... «Хвастуна» что ли.²¹ Пиши, по-каковски хочешь... хоть по-англистски... Ей богу, Ванино письмо все мило. — А *groros*,¹ а что английский язык? — Забыт.²² Цалую и благословляю тебя. — Наверное, переверное я зимую в Берлине. Ежели только буду жива — в сентябре я у тебя... я с тобою. *Верю*.

В. Т.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 1–1 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 106; Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 2. С. 227.

¹ О намерении «на будущей неделе» отвечать на письмо сына от 4 декабря В. П. сообщила в предыдущем письме (№ 14). Однако к этому времени, очевидно, было получено еще одно письмо от И. С. — от 12 декабря (см. ниже).

² О командировке Н. С. Тургенева за ремонтом см. п. 14, примеч. 4.

³ Письмо Н. С. неизвестно В письме к И. С. от 17 января 1839 г. он также сообщал о недовольстве В. П.: «Скажу тебе 1-е) мамаша ужасно на тебя сердита и, правду сказать, есть за что — ты не пишешь, что мамашу убивает, огрызаешься, *vous voulez* <вы желаете. — *франц.*> и пр. et vous savez pourtant que maman <но вы знаете, что маменька. — *франц.*> очень раздражительная и все берет к сердцу». Далее Н. С. в шутку добавлял, что употребляет больше бумаги «на корреспонденцию» из Петербурга, чем И. С. из Берлина (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 6).

⁴ Речь идет о Н. С. Тургеневе, служившем в Гвардейской конной артиллерии.

⁵ *Левон Александров* — почтмейстер.

⁶ Имеется в виду притча Иисуса Христа о сеятеле (Мф. 13: 1–23, Марк. 4: 1–25, Лук. 8: 4–15).

⁷ В. П. перефразирует слова из сказки в стихах П. П. Ершова «Конек-Горбунок» (1834):

Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А назавтра, утром рано <...>

^h «Поэтическая вечеринка»... (*франц.*).

ⁱ Кстати (*франц.*).

⁸ Надеясь, по всей видимости, на какое-то романтическое увлечение сына, В. П. вспоминает любовную интригу поэмы Пушкина «Полтава», в которой Кочубей, лелея мысли о мести за поруганную честь увезенной дочери, сравнивает Мазепу со «старым коршуном», заклевавшим голубку:

Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —
Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палатей,
В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полною наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..

Отмечено Л. А. Павловой: «Недаром я мать поэта...» (Жуковский и Пушкин в письмах В. П. Тургеневой к сыну) // Спасский вестник. 2009. Вып. 17. С. 117.

⁹ Речь идет о графе (с 1856 г.), обер-камергере, члене Гос. совета *Александре Ивановиче Рибопьере*, в это время посланнике при Прусском и Мекленбургском дворах. Замечательный портрет Рибопьера оставил А. А. Васильчиков, опубликовавший в 1877 г. его «Записки»: «Всякий, кто бывал лет 14 тому назад в петербургском обществе, помнит этого сановитого, изящного и любезного старца, бодро одолевшего свое осмидесятилетие и внезапно, почти без болезни, угасшего. Как забыть его живые речи, острые анекдоты, восторженную хвалу великой царице? Граф Рибопьер был в полном смысле то, что в блестящую эпоху Парижских салонов называлось un causeur <собеседник. — франц.>. И в самом деле, бывало, не заслушаешься рассказов его, и по мере того, как перед воображением проходили последние годы прошлого столетия, не чувствовалось, как летело время. Граф Рибопьер был типом изящного маркиза; в нем живы были все старинные предания учтивости и утонченности, и странное дело, под этою французскою наружностью сильно билось чисто-русское сердце, чутко относившееся ко всему родному; с этих уст, так красиво закрутивших французские фразы, потоком струилась живая русская речь, искрившаяся всею красою родных пословиц и поговорок» (Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Т. I. № 4. С. 460). См. о нем также примеч. 9 к п. 7: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. I. С. 574.

¹⁰ По всей видимости, речь идет об *Иване Петровиче Озерове* и *Александре Павловиче Мансурове*, состоявших при русской миссии в Берлине (см.: примеч. 14 и 15 к п. 10: Там же. С. 583).

¹¹ Сложно сказать, кого из *Тепловых*, родственников Тургеневых, В. П. имеет здесь в виду. Возможно, речь идет о двоюродном брате И. С. — *Алексее Николаевиче Теплове* (1816–1891), сыне Федосьи Николаевны (урожд. Тургеневой) и Николая Алексеевича Тепловых, служившем в кавалергардах (впоследствии полковник). По всей видимости, именно о нем с неодобрением сообщал в письме к брату от 16 декабря 1838 г. Н. С. Тургенев: «Я бываю у них <у Хитрово. — В. Л.> раз в неделю — а Тепл<ов> ежеминутно à la lettre <в буквальном смысле. — франц.>! <...> Ainsi va le monde et les choses! <Таков свет и таковы дела! — франц.> Корчит миллионера, а вчера занял у меня 160 р<убле> в 30 к. на — о! ужас! кавалерг<ардский> офицер — на лосинцы: *Ka ko go!*!! Поверь мне, il finira mal <он плохо кончит. — франц.>. <...> Сейчас получаю от него записку! Пришли мне еще 25 р<убле>в! Voici le jeune homme à la mode, le fashionable <Вот модный молодой че-

ловец, франт. — франц.>» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 4). О «молодом, красивом кавалергарде» А. Н. Теплове упоминает в своих воспоминаниях Колонтаева: *Колонтаева*. С. 59. О Тепловых см.: *Чернов*. С. 140–147.

¹² *Потсдам* — небольшой город, расположенный на юго-западной окраине Берлина, резиденция прусской королевской семьи (ныне столица земли Бранденбург), с большим количеством достопримечательностей, здесь в том числе находится Павлиний остров, посетить который, как и сам Потсдам, В. П. настоятельно советовала сыну в п. 10.

¹³ О Шарлоттенбурге см. примеч. 24 к п. 10: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 584.

¹⁴ И. С. прислал матери семена *Centaurea Americana* (американского василька), представляющего собой двулетнее травянистое растение из семейства астровых с цветками белого, бледно-сиреневого или пурпурного цвета.

¹⁵ Речь идет об одной из разновидностей салата-латука — салате ромен, или римском салате.

¹⁶ Ранее В. П. рекомендовала сыну прочесть сборник «Contes fantastiques et contes littéraires» Ж. Жанена, в частности особенно ей понравившуюся новеллу «La Soirée poétique». См. п. 10, примеч. 21: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 583–584.

¹⁷ Имеется в виду книга «Contes et fantaisies de E. T. A. Hoffmann, traduits de l'allemand et suivis de sa vie par M. Loève-Weimars», изданная в Брюсселе в 1834 г. Эта книга сохранилась в *Б-ке Тургенева*. По всей видимости, В. П. рекомендовала ее сыну в том самом письме, конец которого утрачен (см. п. 10, примеч. 19: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 583).

¹⁸ Упомянутый Жан Бар — это, очевидно, герой еще одной новеллы Ж. Жанена «Le Haut-de-chausses» («Штаны»), который должен был «полюбоваться» Тургеневу, по всей видимости, прежде всего за свой независимый, свободолобивый характер, а также за равнодушие к материальным благам. Как следует из новеллы, Жан Бар — моряк, командир королевской эскадры, оказывается в таверне «Два лебедя» после посещения королевского дворца. Вместо тяжелых, украшенных чистым золотом штанов и куртки, расцарапавших ему до крови тело, он надевает поношенные, залатанные штаны и чувствует себя совершенно счастливым. Пребывание во дворце, куда он попал на прием к королю, навяло на него тоску: королевская кошка его оцарапала, выругавшись от боли, он узнал, что во дворце нельзя ругаться, а также сидеть, курить, насвистывать и т. д. Уходя из дворца, Жан Бар взял с короля слово к следующему его посещению приказать привратнику не запрещать ему делать то, чему он «научился на королевской службе». Когда же король спросил, как ему удалось победить неприятельскую эскадру, Жан Бар показал это, начав теснить придворных, и вызвал у короля и маркизов смех.

¹⁹ В п. 10 В. П. послала сыну несколько стихотворений о любви, выписанных из новеллы «La Soirée poétique» (не сохр.). Среди них, возможно, было и стихотворение «Oh! c'est un noir plaisir, à cette heure funeste...», которое не раз еще станет предметом диалога матери и сына зимой и весной 1839 г. О других стихотворениях, которые могли понравиться В. П., см.: *Лукина В. А. Жюль Жанен в семейной переписке И. С. и В. П. Тургеневых // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балькова. Орел, 2010. С. 79–80.*

²⁰ Имеется в виду анекдот-водевиль П. А. Каратыгина (1805–1879) в двух картинах «Ложа 1-го яруса, или последний дебют Тальони» (СПб.: тип. А. Плюшара, 1838). Возможно, зная об увлечении обоих братьев М. Тальони, В. П. выписала для сына следующие строки:

Тальони прелесть, удивленье,
Так неподдельно хороша,
Что у нее в простом движенье
Заметна дивная душа...
Об ней не рассказать словами,
Не обсудить ее умом;
Что говорит она ногами,
Того не скажешь языком.

Этот водевиль был отмечен в первом номере «Московского телеграфа» за 1839 г. В. Г. Белинским: «Впрочем, этот водевильчик недурен и в чтении, как забавная шутка» (*Белинский*. Т. 3. С. 41).

²¹ Как установлено Л. А. Павловой, В. П. перефразирует здесь слова из комедии в стихах Я. Б. Княжнина, — но не «Хвастун», а «Чудаки» (1790), герой которой легкомысленный Ветромах, человек знатный, но бедный, пренебрежительно отзывается о русском языке, отдавая предпочтение французскому:

Считаю наш язык за подлинный jargon.
И экспримиловать на нем всего не можно
Чтоб мысль свою сыскать, замучишься безбожно
По нужде говорю я этим языком
С лакеем, с кучером, со всем простым народом,
Где думать нужды нет. А с нашим знатым родом,
Не зная французского, я был бы дураком.
Скажите, как бы мне влюбиться было можно?

<...>

Je vous jure <Клянусь. — франц.>, мадам! что русский мне язык
Как будто кляп во рту, притом же очень вреден.
Вы не поверите, я сколько с русским беден!

(Действие 2, явление 2; см.: *Княжнин Я. Б.* Избр. произведения / Вступит. ст., подготовка текстов и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 458 (Б-ка поэта)). См.: *Павлова Л. А.* Русские и зарубежные авторы в письмах В. П. Тургеневой // *Спасский вестник*. 2008. Вып. 15. С. 189. В Б-ке *Тургенева* сохранилось «Собрание сочинений Якова Княжнина» в пяти томах (М., 1802–1803), с многочисленными пометами, свидетельствующими «о работе над постановкой драматических пьес Княжнина на домашней сцене» (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 109–111).

²² Изучать английский язык Тургенев начал в детстве, хотя и позже, чем французский и немецкий. В 1830-е гг. он много читал по-английски, пробовал переводить.

16

16 (28) — 17 (29) января 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года $\frac{17}{29}$ ген[варя]
С. [Спасское.]

Mon cher Jean.^a

Ежели ты будешь судить мои письма по цвету бумажек, [<то?>] будешь ожидать читать письмо самое небесное¹ и очень грубо

^a Мой дорогой Иван (франц.).

[оши]бешься, потому что найдешь письмо самое земное... и все о том же... и все-таки *пекунияльное*, или денежное. Я вижу, что ты морщишь брови и хочешь мне напомнить [мое] обещанье прекратить эту материю. Но! вини ты в том не [меня], а судьбу в артиллерийском мундире в виде Ганичева.² — Т[ебе] это не ясно, так слушай же пояснения.

Планы мои и намеренья, которые так часто слышал и [уж] мог наизусть выучить, приведены были к исполнению сего [18<39-го года?>], т. е. именье разделено на четыре равные части.³ 1-я и 2-я на уплату казенных долгов — и на необходимые [<издержки?>], опять обращающиеся на домашний расход... по ко[нторе], жалованья управляющим и пр<о>ч... и пр<о>ч.

3-я — на содержание меня и дому — и

4-я — вам, мои вселюбезнейшие дети.

Весь наш доход состоит сего 1839-го года из 4-х [раз] 26 000, чего мне показалось довольно достаточно, я было [...] и расположила.

26 тысяч в уплату... 26 тысяч — жалованья и содерж[ание] огромного количества дворовых скотов.

26 тысяч — мне, смиренной рабе божией, вдове-полковнице и 26 тысяч — г-ну прапорщику конно-артиллерии 14 тыс<яч> асс., а 10 <тысяч> ассигн. блудному сыну — и кандидату,⁴ залетной и отлетной птице.

Смирно наняла домик во Мценске^b у такой же бедной вдовицы, как и сама, и, отвезя туда дров, муки и крупы, — хотела порхать из Спасского во Мценск, а там и опять в старинный приют. Хорошо сказка сказывается, да не так, друг, дело делается. Во Мценск я еще не ездила, привился к Бибише ужаснейший коклюш... Сижу и дрожу... да молю бога, чтобы бог ее помиловал. Бух, из Петербурга от прапорщика грамота. — Я-де *ремонтёр*.⁵ — Вот тебе, бабушка, Юрьев день... А!.. я уже была ремонтёрша... Я уже знаю, что такое ремонт ставить и доставить в полк.⁶ — И по тому расчету Николай Серг<еевич> не 12 тысяч употребит на расход сего 1839-го года. — Итак, милостивый государь, нам более неоткуда более взять, как всякий из своего положенного убавит. — Николай не мог отказаться от покупки ремонту, велено... и едет. — Ты можешь судить, что с моей части, что могу убавить, отдам... Теперь ты.

Мы послали тебе денег на треть, 3000 ассигн. Но! теперь мы сделать этого не можем и всякий из нас должен только то тратить, без чего он никак уже обойтись не может. — И потому я в последний раз тебе говорю суриозно, чтобы ты не говорил, что ты тратишь или истратишь, много ли мало ли мы тебе пришлем. Такой ответ доказывает мне справедливость слов дяди и брата, которые противились твоему отпуску за границу, говоря, что ты еще молод, сам собою не жывал и не справишься с хозяйственными делами, деньги будешь сорить, как попало и куда попало, не давая никому ни в чем отчету... Я виновата, не послушалась

^b во Мценске — *вписано над строкой*.

их. — Сказала, что, пока он научится, денег у него достанет. — А там поневоле будет беречь денежку, боясь — ну!.. как не пришлют, да не достанет.

Твоими письмами никто из нас, твоей семьи, не доволен, потому что ты не пишешь о том, что нас всех более всего интересует. — О!.. расходах своих. — Положим, что в дороге, путешествуя, вырвась из домашнего быту, ты этим заниматься не умел, потому что дома расходы ты свои сочинял, а прочим заведовал Михайла.⁷ До приезда твоего в Берлин я понимаю, что ты мог и не очень заниматься расходами по непривычке. — Но! с 10-го сентября ты живешь уже на месте, у тебя же есть еще помощник, вроде Михайлы.⁸ — Я его не для медицинских занятий отправила — а просто тебе в услуги — то мог он быть твоим казначеем. — И тебя бы это облегчило, а потом ты бы сам уже с помощью его увидел, что у вас в месяц à peu près^c выходит. Хотя ты ко мне и писал с первых пор, что тебе [<нужно?>] на квартиру... и на стол тебе и человеку. — Но!.. все [...] не ясно и не аккуратно. — Пришел октябрь... ни [...], точно властелин безотчетный... Ноябрь... Декабрь. В три месяца ты мог узнать, что тебе необходимо [ну]жно, без чего не можешь ты быть, как без воздуха, т. е. квартера, пища, освещение, отопление, тебе и [чело]веку. — После сего уже надобные расходы: одежда... и лекции и пр<о>ч... и пр<о>ч... Чего хотя нельзя уравновесить, [но] можно по примеру прошлого месяца счесть и текущий. Теперь ты видишь, mon cher Jean^d — что ты не прав и что ты мне можешь сказать теперь ясно и корот[ко], что тебе надо необходимо на твой прожиток с челов[еком]. Судя по 4-м прошедшим месяцам, а, получа это письмо, [по] прошедшему почти полугоду, — ты мне напишешь о[<тчет?>], так как я уже знаю, что место твоего пребывания [бу]дет до августа месяца все в Берлине. — Следственно [...] месяц на месте — где ты уже и жил, ознаком[ился], то уже не смотри на то письмо, что я прежде к [тебе] писала о присылке тебе мною денег.⁹ Обстоятельства [пе]ременились... и теперь уже не то надо знать, что я м[огу] прислать... Но!.. ты должен сказать, чего менее ты в Берлине до августа не проживешь вдвоем с человек[ом], чтобы я могла столько тебе денег приготовить выслать.

Я тебя предупреждаю загодя, что я уже тебе более денег не пришлю, потому что я не беспокоюсь, теперь у тебя деньги есть. Я тебя загодя предупредила, и потому рассчитывай сам, да не опаздывай, потому что я кладу около 80 дней для получения обратно ответа на письмо. Сие

письмо пойдет завтра $\frac{17\text{-го}}{29\text{-го}}$ января, $\frac{17\text{ февр}<аля>}{29\text{-го мар}<та>}$ придет в Берлин. —

Ты будешь отвечать $\frac{24\text{-го}}{8}$ февраля. — А я получу около 1-го апреля. — Суди сам, как это долго. А как я решительно тебе денег не пришлю, не получа на это письмо аккуратного и желаемого мною отве-

^c приблизительно (франц.).

^d мой дорогой Иван (франц.).

та, — то я, стало, тебе денег не могу выслать прежде конца апреля, а ты получишь в конце мая, — то так и рассчитывай. — Или выбирай любое. — Не угодно ли *цурик*,¹⁰ когда за столько мы не умеем по сей части с тобою уладить *à l'aimable*.^c [Хо]тя ты и далеко заехал, но!.. все еще нить твоей жизни пока [в] моих руках — т. е. деньги. — Без них, как без воздуху, жить [ни]где невозможно. — А как я уже теперь ясно вижу, что могу [ва]м дать сего напитоку... то и не прогневайтесь... на нет... и [су]да нет — русская пословица. — Я могу на счет твой сказать даже и по-латыни. — *Barbarus hic ego, quia non intellegor illis*^{f. 11} — или спеть Вадковской¹² песенку — Не хочешь ты меня понять.¹³ — А мне нужно в твоих письмах одно... Счет... счет... счет... без чего и без того мои расстроенные дела придут в совершенный упадок — и разоренье. — Тогда, по-моему, в Петербурге дорого жить... и в Москве дорого... и в Орле дорого... и во Мценске дорого уже... И так одно осталось Спасское, приют бесприютной... Холодно, скучно... а делать нечего, живу... зимую — потому что один из вас в гвардии, другой в чужих краев <sic>.

Ты пишешь к дяде: приготовьте маман, что она не увидит меня [до] будущего 1840-го года весны.¹⁴ — Погоди, батюшка, мною располагать. — [Я] *самовластна*, вы от меня пока зависите. — А я ни от кого. — Ты, конечно, мог бы меня удержать в России, но! не так ты взялся. [Когда] ты ехал, у меня спрашивали, поеду ли я в Берлин. — Не знаю — отвечала я. — Это будет зависеть от Ваниных писем — т. е. довольна ли я буду тобою... судя по письмам — или недовольна. [Я] не многого требовала от тебя, снабдя тебя сверх моей возможности. Во-первых, что когда ты потребуешь денег; то в тех, что ты истратил, дай мне понятие — куда. — *Итак*. — Стало, я недовольна твоим ответом: дайте, сколько можете, только отчету не требуйте. Этому время придет еще. — Когда ты ляжешь вдоль лавочки,¹⁵ т. е. будешь иметь свою собственность — и поступишь в службу царскую, т. е. станешь в ряд людей. — А теперь пока ты все еще мальчик, ученик, залетная голова, вся твоя казна у камердинера. — Обьедаешься... упиваешься... не смотришь *au fond de la bouteille*, а как в нее подливаю я — из моего собственного, — то надо, чтобы я сказала: стойте. — *Можно и меньше*. — Не над твоим поведением еду я наблюдать. — Но!.. быть твоею экономкой. — Вы будете пресыщаться, а я во всем себе отказывать, живя в Спасском. — Нет, господа, *ce n'est pas là mon compte*.^h — Вы понуждайтесь... вы молоды... а я взяла уже складку. — Мне трудно расправиться наизнанку. Насчет писем скажу тебе — и это не много, раз в неделю — *pour nous tenir au courant l'un de l'autre*ⁱ — в такой дали. А как пройдет две... три недели... то мы совсем раззнакоимся. Вот. — *И этим недо-*

^c полюбовно (франц.).

^f Здесь я варвар, так как они меня не понимают (лат.).

^g на дно бутылки (франц.).

^h не на то я рассчитывала (франц.).

ⁱ чтобы нам друг друга держать в курсе дел (франц.).

вольна. — Итак... до свиданья. В Берлине я буду. Пока благословляю тебя заочно. — Мать и друг

В. Т.

<На полях первой страницы:>

Я не в тебя, я стараюсь писать все, что тебя может интересовать о нас.

1-е тебе интересное — твой Наполь¹⁶ жив, здоров, умен, любит очень дядю, а я у него второе лицо. На отца очень похож.¹⁷

Лошадь англичанином поведена на продажу в Москву.¹⁸ 4 продано, прошевелили даже против назначения. Вороной, купленный, на дороге помер. Самый дорогой. Прочие все что-то нынешний год хворы. — На коров падеж. — У нас их нет в заводе.

<На полях оборотной стороны первой страницы:>

Фабрика все еще в надежде будущих благ.¹⁹ — Дядя прибавил ее — и потому и рук надо было прибавить. — Стало быть, учить. — Пока еще плохо ладится.

[Иван] Матвеев отослан. — Матусевич оказался и глуп и пьян.²⁰ — Дядя едет [...] [ло]вить на удочку — управителя и гувернантку. — Елизавета²¹ все более халда [...] [кого-нибудь [...] по франц]узскому и для Мавры. — Анета²² сносно [...].

<На полях второй страницы:>

Дядя здоров. — Я тоже. — У Биби коклюш.

Лагриява²³ на свадьбе, Володимирова наконец вышла замуж за генерала Белевцева.²⁴ Она все там, я ее не видала с моих именин.²⁵ — Колонтаева все тоже в фаворе.²⁶ Софья Дунаевская²⁷ — говорит все также навыворот — и катается из Орла и в Орел. Петровские старухи²⁸ и Васильевна²⁹ живы. — И весь дворовый и придворный штат.

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 795. № 92. Л. 2–3 об.

Датируется по содержанию: В. П. упоминает, что отправит письмо на следующий день — 17 (29) января, во вторник, следовательно, письмо было начато накануне, 16 (28) января.

¹ Письмо написано на бумаге голубоватого цвета (в настоящее время сильно выцветшей).

² Имеется в виду командир Гвардейской конной артиллерии — *Петр Яковлевич Гатичев*, командировавший Н. С. Тургенева за ремонтом. О нем см. примеч. 38 к п. 10 *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 585.

³ О планах разделить имение В. П. неоднократно писала сыновьям, однако речь шла лишь о распределении доходов, а не о фактическом разделе. См. также примеч. 13 к п. 4 Там же. С. 551–552.

⁴ Степень кандидата первого отделения философского факультета была присвоена Тургеневу 24 июня (6 июля) 1837 г. См.: *Летопись (1818–1858)*. С. 32.

⁵ О командировании Н. С. Тургенева, находившегося все еще в звании прапорщика, для закупки лошадей см. примеч. 4 к п. 14.

⁶ В. П. имеет в виду своего мужа, С. Н. Тургенева, который в 1817 г. был командирован от полка для закупки лошадей на 19 000 рублей (см.: *Чернов Н.* Спасско-Лутовиновская хроника (1813–1883). 1999. С. 12). По предположению Чернова, дорогостоящий полковой ремонт способствовал получению следующего звания штабс-ротмистра, присвоенного С. Н. 9 апреля 1817 г. (см.: *Чернов. С.* 45).

⁷ Имеется в виду *Михаил Филиппович Лобанов* (р. ок. 1802), служивший до этого в течение ряда лет камердинером С. Н. Тургенева. По всей видимости, в это время находился при Н. С. Тургеневе в Петербурге. Так, 17 января 1839 г. Н. С. сообщал брату: «Михайло Филлипов-плешивый тебе кланяется и благодарит тебя за память и за поклоны, которые ты ему посылаешь в твоих письмах ко мне» (*РНБ. Ф.* 795. № 90. Л. 7 об.). О М. Ф. Лобанове см.: *Чернов. С.* 91.

⁸ Речь идет о П. Т. Кудряшове.

⁹ О первоначальном намерении выделить сыну 10 тысяч ассигнациями В. П. сообщила в п. 14.

¹⁰ *Цурик* — очевидно, от нем. искаж. *zurück* — обратно, т. е. В. П. грозит вернуть сына домой.

¹¹ В. П. цитирует «Скорбные элегии» Овидия (Кн. V: X, 37).

¹² Возможно, имеется в виду жена (с 1820 г.) Н. И. Кривцова — *Екатерина Федоровна* (урожд. Вадковская; ?–1861), сестра декабристов Ф. Ф. и А. Ф. Вадковских. С. И. Кривцов, видевшийся с ней в 1836 г., писал брату Павлу, что «она сделалась рассудительнее, не утратив оригинальности и живости, которые составляют прелесть ее характера» (цит. по: *Гершензон М.* Декабрист Кривцов и его братья. С. 271). По воспоминаниям Б. Н. Чичерина, «Екатерина Федоровна была женщина, которая с высшим изяществом форм соединяла тонкий, живой, наблюдательный и несколько насмешливый ум, а вместе с тем и глубокие чувства. В молодости она была очаровательною собеседницей и всегда была искренним другом» (*Чичерин Б. Н.* Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н. И. Кривцова // *РА.* 1890. № 4. С. 507). Любопытно, что Е. Ф. Вадковской посвящена «Песня» («Минувших дней очарованье...») (1818) В. А. Жуковского. По признанию самого поэта, она «написана для Вадковской, которая и лицом, и голосом (когда поет) похожа на Анну Ивановну <Плещееву, тетю Е. Ф. Вадковской. — *В. Л.>*» (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. 2000. Т. 2. С. 516, коммент. О. Б. Лебедевой). Не исключено, что речь идет о ее старшей сестре *Софье Федоровне Вадковской* (в перв. браке Безобразова (до 1819), во втор. Тимирязева; 1799–1875). Обе сестры отличались красотой и незаурядным умом, имели знакомства в литературном мире, в частности, с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным и др.

¹³ Речь идет об одноименном популярном романсе на слова поэта, драматурга и переводчика Михаила Александровича Офросимова (1797–1868) (муз. Н. С. Титова, СПб., 1829):

Не хочешь ты меня понять,
Но где ж сыскать мне выраженье,
Коль каждый взор мой и движенье
Тебе о страсти говорят,
Когда без трепета не смею
Коснуться мыслью тебя!
Склонишь ли взор — я вне себя,
Услышу ль речь — благоговею.

Я в жизни много потерял,
Гонимый с юности судьбою,
И счастье обладать тобою
Не мне назначено в удел.

Богатства чуждый, я не знатен,
Далек вниманья твоего.
И вот, быть может, отчего
Язык любви моей невнятен.

Другой романс на слова этого поэта и музыку Н. А. Титова, двоюродного брата Н. С. Титова, — «Уединенная сосна» (СПб., 1820) — Тургенев приводит в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 194).

¹⁴ Это письмо И. С. явилось, по всей видимости, ответом на взволнованный запрос Н. Н. Тургенева от 14 ноября 1838 г.: «...одно еще меня ужасно беспокоит, что она <В. П.> собирается будущим летом к тебе в Берлин. Не знаю, какая будет польза, а быть может, большие неприятности, кроме денежных издержек, ущерб здоровья, в сем ее намерении я еще нисколько не противор[ечу]. Время еще достаточно обдумать <...> на сие письмо я бы желал твоего ответа, но! только не вздумай писать к мамаше, ты можешь ее очень огорчить, написавши, чтоб она к тебе не ездила. Я уже тебе сказал, что время достаточно успеть обдумать к лучшему, а тебя прошу особо ко мне написать, как ты собой располагаешь. Лекции продолжают несколько зимних месяцев, остальное время года чем же ты будешь занят, если намерен быть в Италии и еще где в других странах света, то в таком случае, где ж тебя отыщет мамаша, если же с нею тебе путешествовать, то недостанет денег на издержки. Все сие меня очень беспокоит и хотя предположительно, но! желал бы знать твое мнение. Но! прошу тебя быть осторожна в письмах к мамаше. Прежде времени не выводил ее из приятной мечты жить с тобой за границей. Она столь много вас обоих <т. е. Ивана и Николая. — В. Л.> любит, что никак не может себя преодолеть быть разо с вами, что весьма затруднительно исполнить, вот почему я и желаю знать твое суждение, притом ты уже на половине пути своего предприятия можешь почти безошибочно назначить, чему быть должно. Итак, не мешкав, пиши ко мне особо, чем премоно меня утешить» (*РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 2 об.—3).

¹⁵ Ср.: «Не учили, покуда попереk лавочки ложился, а во всю вытянулся — не научишь» (*Даль*). В Орловской губернии были распространены и другие варианты этой поговорки, напр.: «Учи, пока попереk лавки укладывается, а как вдоль станет ложиться — не выучишь» (указано Е. Н. Ашихминой). Ср. у Тургенева в «Часах»: «Тебя, любезный мой, — обратился он ко мне, — я выпорю непременно, но сомневайся, хоть ты попереk лавки уже не ложишься» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 10. С. 93).

¹⁶ О легавой собаке И. С. по кличке *Наполь* (Наполь 2-й) см. примеч. 35 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 527. Н. Н. Тургенев ранее также сообщал племяннику: «Наполь твой жив и здоров, егеря я на время отпустил, а до возвращения его я сам за ним имею присмотр, преумный пес и так ко мне привязан, что с глаз меня не спускает» (*РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 3 об.).

¹⁷ В. П. говорит о том, что Наполь 2-й был похож на своего отца — Наполя 1-го.

¹⁸ Речь идет об управляющем конным заводом в Спасском.

¹⁹ Имеется в виду бумажная фабрика, находившаяся под управлением Н. Н. Тургенева. О ней см. примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 524–525.

²⁰ В. П. выражает недовольство нанятыми управителями — Матусевичем и Иваном Матвеевым.

²¹ Гувернантка воспитанниц В. П. — Е. А. Сорокина. О ней см. примеч. 38 к п. 1: Там же. С. 527–528.

²² А. Я. Шварц. О ней см. примеч. 27 к п. 2: Там же. С. 538.

²³ Имеется в виду подруга В. П. *Авдотья Ивановна Лагровая*. См. о ней примеч. 24 к п. 1: Там же. С. 523–524.

²⁴ *Володимирова* (Владимирова) *Екатерина Семеновна* (в замуж. Белевцева; ок. 1816–1898) — дочь С. А. Володимирова, знакомого и соседа Тургеневых по Болховскому уезду; сестра Н. С. Володимирова. О Володимировых см.: *Жидкова С. Л.* Реальный комментарий к трем письмам И. С. Тургенева // Тургениана. Сб. ст. и материалы. Орел, 1999. Вып. 2–3. С. 104–109. Муж Е. С. Володимировой — *Белевцев* (Белевцов) *Дмитрий Николаевич* (1800–1883) — генерал от инфантерии, участник русско-турецкой войны

1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. (командовал одной из дружин курского ополчения, где особенно отличился в битве при р. Черной). В 1843–1849 гг. — курский уездный предводитель дворянства. В дальнейшем Тургенев бывал в их имении Однолуки Болховского уезда. Интересный факт, связанный с творческой историей «Хоря и Калиныча», приводит в своих воспоминаниях В. Н. Колонтаева: именно «на бале у генерала Белёвцева», по словам мемуаристки, она «указала Ивану Сергеевичу ту самую девицу», которой Н. А. Голофеев после неудачного сватовства прислал огромный поднос с кислыми персиками» (*Колонтаева*. С. 65). Этот эпизод, как известно, нашел отражение в характеристике Полулыкина, «страстного охотника и, следовательно, отличного человека»: «Водились за ним, правда, некоторые слабости: он, например, сватался за всех богатых невест в губернии и, получив отказ от руки и от дому, с сокрушенным сердцем доверял свое горе всем друзьям и знакомым, а родителям невест продолжал посылать в подарок кислые персики и другие сырые произведения своего сада <...>» (*ЛССиП(2)*. Соч. Т. 3. С. 8).

²⁵ Именины Варвары отмечались 4 декабря ст. ст.

²⁶ *Колонтаева Варвара Николаевна* (1820– после 1887) — соседка В. П. и А. И. Лагриной (принадлежавшее ее отцу Н. Л. Колонтаеву сельцо Колонтаево находилось в 4 верстах от принадлежавшего Лагриной сельца Лутовиново, Дичково тож, Болховского уезда; указано Р. М. Алексинной. Неподалеку от Дичкова Лагриных находилось также село Струково (Богородицкое тож) Володимировых), впоследствии компаньонка В. П. (см. примеч. 26 к п. 2: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 537–538).

²⁷ Речь идет о *Софье Александровне Дунаевской*, дальней родственнице Тургеневых. О ней см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

²⁸ В. П. подразумевает «старух», проживавших в богадельне в с. Петровском, находившемся в версте от Спасского. «В то время, — вспоминала В. Н. Житова, — маленький петровский домик уже давно был обращен в богадельню, где оканчивали свой век пять или шесть старушек разного звания» (*Житова*. С. 35). В этот дом, по свидетельству Житовой, В. П. отправилась после пожара в Спасском. О Петровском см.: *Валчихина В. П.* К истории Спасской богадельни // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года. Орел, 2010. С. 157–158.

²⁹ О няне В. П. *Наталье Васильевне* см. примеч. 4 к п. 13.

17

31 января (12 февраля) 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года.
31-го генваря.
С. Спасское.

Mon cher Jean.^a

27-го числа получила я твое письмо, писанное от $\frac{3\text{-го}}{15}$ генваря. —

Ты пишешь, что полагаешь, что я *наверное* знаю о твоей болезни. О болезни-то я знаю, но! не знаю *наверное*, какая же болезнь? — Потому что дядя от тебя по сию пору никакого письма не получал. — А недели две тому получил от Порфирия уведомленья, что ты недели две уже страдаешь болью при испущенья «urine». ^{b, 1} А как писал об этом Пор-

^a Мой дорогой Иван (*франц.*).

^b мочи (*франц.*).

фирий, то мы... т. е. дядя, большой беды в этом не видали.² — А подумали, что ты захватил *молодецкой* болезни и сам посовестился о сем написать, поручил Порфирию... Но!.. сердце матери и такой, как я, не могло быть покойно... Ох!.. эта болезнь... Да не отцова [ли?]³ — Вот что я твердила. Меня бранили, надо мною смеялись. Но!.. теперь, после твоего письма, и сами призадумываются. Что же у тебя за болезнь такая?.. Мы разочли, что ты болен с 1-го декабря, по письму Порфирия. — А ты писал 3-го. Поневоле задумаешься.

А потом и другая болезнь очень нас обеспокоила, *кошельковая*. Да по сколько же ты проживаешь на месяц?.. Ведь по нашему счету ты с 8-го октября^c получил 3000. А третьего генваря ты без копейки, с одним кредитом. — Non... mais vous plaisan[tez] peut-être.^d — В числе трех месяцев один ты не выходишь из [дому] сам друг с Порфирием. — Это для меня такая загадка, что я и разгадать не умею. — Я не удивлюсь, ежели тебя в тюрьму посадят... Можно видеть, что делается в луне посредством микроскопа, можно через телеграф скорые вести получать из одного края в другой, но!.. за столько верст нет возможности vous fournir du vivre!^e На маневры осенние заготавливают теперь уже фураж. И потому надо, чтобы и ты расчел дни с того числа, как напишешь требованье... Положил бы срок на сборы, которые не «тяп да ляп», да на отправленья. И потому-то и надо было, чтобы ты покорился (пока) абсолютному образу правленья — и *правителя* уведомлял ежемесячно: получил-де я от вас денег столько-то!.. коими расплотился, и имею на 1-е число столько-то. По этому я уже à peu près^f могу и расчесть. — А то почему же мне знать, я не свят дух! — Я и этого не пойму, что тут тяжелого, — деньги вынуть, пересчитать и написать: столько-то налицо. Ведь это упрямство, друг сердечный, которого я не умею понять и ни к чему не припишу. Есть много денег — проживу много... Дашь мало — мало проживу. — А отчету не спрашивай.

Ну! как я, боясь, чтобы ты не прожил более чем нужно, да pošлю мало. — А тебе случится нужда кровная... теперешняя. — Доктора да аптеки, а ты сиди да денег жди, которые и не думали высылать. — Ведь ты за честь материхватишь. — Ежели не посадят тебя в тюрьму — то ведь ты должен будешь просить у посланника.⁴ — А ведь это худой знак. — Знают, что я денег не жалею, даю достаточно. Припишут или моей женской беспечности, чего бы я не хотела, или твоему мотовству, что тоже не честь. — Эх!.. Иван!.. Иван!.. Дурно. — Опомнись. — С самого твоего отъезда я тобою недовольна. — А это нехорошо. — Я не люблю быть вами недовольной. — Насчет же Порфирия. — Я ему готовлю награжденье... Да и не ему, а семье его. — Оне еще в моих руках.⁵ — Правда, вы достойны похвалы, нечего сказать. — А еще жалу-

^c Было: декабря

^d Нет... но вы, возможно, шутите (франц.).

^e снабдить вас необходимым (франц.).

^f приблизительно (франц.).

ешься на *распекательные* письма. — Лучше попеть, да сберечь. А то, право, будет всем нам плохо.

Брату навязали ремонт. — 30 лошадей. — Что это будет стоить, из казны дают только по 275 рубл<ей>. — А лошадей надо купить по 1000, да брак — да провод. — Разоришься.⁶ — Ты!.. тратишь, не по приходу расходуешь. — Плохо, дети, ей богу, плохо.

Но! между прочим пришла беда — растворй ворота. — Уже денег не нажить нам — брату ремонт купим. — А тебе, блудная овца, — послали денег. 31-го декабря выслали 3000 — через Петербург — но!.. там вышла какая-то путаница. Письмо переводное... Разные глупости или скупости дяди. — А теперь охает. Вчера послали еще две. — Кажется, тебе будет достаточно. Докторам не жалей. Возьмешь дешевых — оне тебя испортют. Да как отец, и пропачкают сряду несколько лет! — Ты пригласи самых хороших на совет! — И что оне присудют, так и действуй, а нас уведоь загодя — чтобы мы могли взять свои меры загодя же.

Что до меня касается — то я не могу быть покойна, как ты меня о сем просишь. Мне не дают покою упреками, зачем-де отпустила ребенка... Он не умеет справиться, он ничем никогда не управлял и пр<о>ч... и пр<о>ч... Вот попался... вот и пропал. — Клянусь себя. — Зачем в самом деле отравила, нашел бы службу, служил бы препокойно в Петербурге и там бы выдержал экзамент на магистры.⁷ — Нет-де, Ваничка годится в *министры*. Залетела ворона в барские хоромы. — И убили ворону барские холопы. — Где нам высоко и далеко летать. — Ползли бы вместе за улитками.

Ты мне обещал писать еженедельно. — Но! скоро соскучился. Когда ты был здоров, мне было несносно получать письма через три и две недели, а теперь это будет нестерпимо. — Итак, любо ли... не любо вам — но! первый путек сухой я выезжаю из Спасского. — И, побыв недельку-другую в Мос[кве], отправляюсь сухопутным путем 7-го мая за границу. Где бы вы ни были, я вас отыщу — и обратно с вами возвращусь. Живую или мертвую вы привезете меня в Россию, живого или мертвого доставлю вас в семейство и отдам на руки брату. Et... adieu Monseigneur.⁸ — Более я не хочу мучиться светскими пустяками. — Пора, пора мне на смирение.

Я кладу на крест руку — и да будет мне по глаголу.

Аминь.

Теперь, вот тебе ответы на все, что ты знать хочешь.

Брат! не поручик еще, да и вряд ли по экзаменту когда и будет.⁸ — С чего отец посадил его не в свои сани, он тоже ворона, куды ему гоняться за ястребами. — Едет и прибудет на днях ремонт покупать на

⁸ И... прощайте, сударь (*франц.*).

матушкины денежки. — Своих положенных так же, как и тебе, не достанет. Года плохи, доходы малы, а расходует полными горстями.

Дядя постарел 20-ю годами и совсем оглупел. Не только свекловицу затевать да патоку, он свою фабрику пустил на картофельную тряпку⁹ — т. е. подмешивает выжимки. На тряпку денег не хватает, выжимки у Чапкина¹⁰ выброшенные подбирает — и дергает род некоей рожи.

Я. — Жила славно. — Бывало, день настанет, встану да поем. — День пройдет, и спать пойду. — А как эдак везде жить нетрудно, я было так угнездилась в Спасском. Тепло да сытно. — Вот в чем находила единственно свое блаженство. — Ни в Москву, ни в Орел. — А наняла лачужку во Мценске и желала туда изредка выезжать проветриться. — Теперь. — Все сие оставляю. — Мавру отдаю в пансион,¹¹ Лизету отправляю в Питер.¹² — А я, Биби — Анна,¹³ Дуняшка,¹⁴ Гаврила и Савелий в купленном третьегоднем корабле еду... еду... Путь далек. — Пока найду Ивана Цар... Дуралевича. — Трое чебот истопчу, три просвиры изгрызу... явлюсь перед тобой, как лист перед травой.¹⁵ Брат с помощью дяди и добрых людей останется до зимы — т. е. до декабря, ремонт покупать и полухозяйничать, полувалаться по свежему сену. — Вот и все тут.

О Протасовых¹⁶ я ничего не знаю. С Авдотьей Ив<ановой>¹⁷ почти не вижу никогда. — Дунаевская¹⁸ надоедает довольно часто. — Книжки твои в библиотеке давно, шкапы вновь наделаны, любо смотреть. Собака твоя, Наполь, чуть ли не умней самого хозяина. — От дяди не отходит.

Что ты, наконец, читал Jules Janin...³ или все еще моими выписками довольствуешься.¹⁹ — А я читаю, как ползают раки. — Книг много, да глаз нет! — Твержу наизусть «Les Salons» — par la duchesse d'Arbantesse.ⁱ ²⁰ — Так, кажется.

Все хорошо начиналось, да дурно ты кончил. — Все остановилось... цветы... певчие птицы... свекловица. — Прямая ты пареная репа. — Никуда <не> годная — вылить в траву — что прибыли. — Прости. — Еще месяц, еще месяц, еще два, а там — здравствуй, здорово живи. — Вот и свиданье бог даст. — Пока заочно прими мое благословение и негодующий поцелуй, негодное чадо. — Нежная мать

В. Тургенева.

<Рукою Н. Н. Тургенева:>

Милый друг, Ваня. Про письмо твое, писанное ко мне от 3-го ген<варя>, мамаша еще ничего не знает. Она в таком раздражительном положении, что я опасаясь ей объявить, к тому же жду от тебя подтверждения о твоей болезни, которая меня вовсе сокрушила. Едва таскаюсь в ожидании получить от тебя пагубного известия. Кто мог ожидать по-

³ Жюль Жанена (франц.).

ⁱ «Салонь» — герцогини д'Арбантес(франц.).

добного с тобой несчастья. — Жду на днях приезда брата из Петербурга. — Без него я от мамы буду скрывать о твоей болезни, ибо сам на себя не надеюсь перенести ужасное известие.²¹ — И какой могу я тебе дать совет. Ты пишешь, чтоб я был покоен, что ты ни в каком случае не пропадешь. Я считаю, что сие самонадеяние тогда только быть может хорошо, когда ты пользовался совершенным здоровьем, а больной, страждущий не в силах ручаться за всегдешнее присутствие здравого рассудка. Одна надежда на всемогущего создателя. От него ты должен просить всещедрую руку помощи, — а от меня польза быть может одна — высылать к тебе деньги, о коих мама с негодованьем к тебе пишет, что ты не исполняешь ее волю, не уведомляешь, куда именно проживаешь, что очень справедливо. Тебе необходимо и самому нужно знать, сколько тебе нужно на твой прожиток. Ответом твоим довольствоваться невозможно, пишешь: пришлете много или мало, все проживу. Сии твои слова непростительны благоразумному человеку. К тому же мама от тебя требовала не так, как от ребенка, который боится показать свой расход. — Ты сам днесь быть можешь хозяин своей собственности и будешь требовать отчет от своих подданных. — А к тому же в теперешнем твоём положении ты сам причиною, что без денег. Если б ты заблаговременно написал, что у тебя остается в наличности мало, тогда бы мы поспешили к тебе выслать. Опять ты не в России, где чрез несколько дней [*почта прин*]-осит известие, прежде двух месяцев ты от нас не получишь ответа.

Каково же тебе так долго быть без денег. Мамашино назначение к тебе высылать каждую треть по 3000 р. — а в последнюю треть прошлого года было к тебе выслано тысячу рублей лишнего против назначения, — и не имев от тебя никакого известия, полагали, что у тебя на генварь денег будет достаточно. Вот почему и опоздали выслать, а вдобавок деньги были адресованы в Петербург чрез купца, который умер и денег брата в свое время не получил. С прошедшей почтой выслал из Москвы 2000 р., да брат из Петербурга должен к тебе выслать 3000 р.²² Всех денег ты получить должен 5000 р., коими ты заблаговременно разочтешь, чтоб вперед не терпеть нужды.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 4–5 об.

Отрывки впервые опубликованы: *PM(1)*. С. 106–107.

¹ По всей видимости, это был первый серьезный приступ хронической болезни, о которой Тургенев впоследствии будет говорить как о «*catarrhe de vessie*», — термин, который именовались в то время боли и нарушения работы (любого происхождения) в области мочевого пузыря и мочеиспускательного канала. Как отмечает П. Уоддингтон, болезнь, регулярно доставлявшая И. С. немало мучений на протяжении всей дальнейшей жизни, началась в результате связи с женщиной в Берлине в ноябре 1838 г. и была правильно диагностирована только много лет спустя. Судя по симптомам и дальнейшему развитию, это, вероятней всего, был хламидиоз или неспецифический уретрит (см.: *Waddington P. Turgenyev's Mortal Illness from its origins to autopsy*. Pinchaven (New

Zealand), 1999. P. 4–5). Запись о болезни внесена в «Мемориал» за 1838 г.: «В конце года болезнь в пузыре (catarrhe)» (*ЛССУП(2). Соч. Т. 11. С. 198*).

² Как следует из письма Н. Н. Тургенева от 21 января 1839 г., незадолго до этого он получил от П. Т. Кудряшова краткое извещение о «стрехнедельной болезни» И. С., которое его сильно беспокоило. «...Судя по его <Порфирия. — В. Л.> глупому и невнятному письму, — писал Н. Н., — [ты] не так болен, чтоб сам не в силах был бы ко [мне] откровенное написать. — Письмо его в сих словах — *Барин мой третью неделю страдает воспалением мочевых путей и при испускании мочи чувствует сильные боли, к нам на дом ходит доктор Ашерсон, — и с помощью [Бо]жью должно ожидать скорого выздоровления*. Вот все [его] письмо». И далее: «Вникни, мой милый друг, сим, если бы [от] нас получил подобное уведомление, был бы ты оным [до]волен. Отчего же ты сам не мог совершенно откровенное [ко] мне написать, чем именно ты болен. — Судя по письму [Пор]фирия, быть может твоя болезнь очень скорезная — и очень легкая. [Ежел]и ты занемог от излишней шалости с девками, это [...], нужна только одна во всем осторожность <...>. Очень прошу тебя самим Богом в подобном случае не жалей денег, пригласи лучшего доктора и плоти им щедро, — особенно если ты занемог не от шалости, а от каких-либо других причин, о чем ужасаюсь и думать. — По сему неведению я вовсе лишился рассудка, воображаю, что ты болен и страдаешь, подобно твоему отцу, что у тебя камень, что ты без помощи и без надзора, ну! одним словом, я бы лучше желал смерти, чем быть в подобном неведении, а вдобавок ты вовсе не уважаешь моей просьбы — сколько раз я просил тебя писать каждую почту хотя несколько строк — и что за труд, я вовсе не понимаю» (*РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 5–5 об.* Здесь и далее в письмах Н. Н. в квадратных скобках по смыслу восстанавливаются утраченные фрагменты текста). Не располагая никакими подробностями о характере болезни племянника, Н. Н. остерегся поначалу сообщать о ней В. П.: «О болезни твоей я мамаше не сказывал, да и сам не знаю, что сказать. Она т[ак] слаба в своем здоровье, что не переживет, особенно двусмыслен[ное] известие. Боже сохрани и помилуй, если у тебя камень, ужасаюсь от одной мысли, а если мамаше сказать — то ее так убьешь, что ничем не поправишь» (Там же. Л. 5 об.). Несмотря на то что письмо датировано 21 января, отправлено оно, по всей видимости, было уже позже, вместе с п. 18. Об этом, в частности, свидетельствует приписки В. П. (см. примеч. 2 к п. 18).

³ С. Н. Тургенев страдал «каменной болезнью», для лечения которой предпринял несколько поездок за границу и в 1831 г. перенес мучительную операцию, не принесшую облегчения. См. примеч. 9 к п. 1 и примеч. 1 к п. 9: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 517, 550.

⁴ Имеется в виду гр. А. И. Рибопьер. См. о нем примеч. 9 к п. 15.

⁵ О семье крепостных Кудряшовых см. примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 521–522, а также: *Митракова Л. А. Дворовый Тургеневых П. Т. Кудряшов // Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 40–45; *Чернов*. С. 96–98. О подаренных матери Порфирия деньгах на новую избу см. п. 18.

⁶ О командировании Н. С. Тургенева от полка для закупки лошадей см. п. 14 и примеч. 4 к нему. Сам Н. С. 26 января писал брату: «...дела так меня измучили, что я решительно не знаю, куда приклонить голову, довольно, если я тебе скажу, что я завтра отправляюсь за ремонтом в Спасское. А потому ты легко можешь себе представить, как ужасно шпигован я со всех возможных сторон» (*РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 8*).

⁷ В это время Тургенев серьезно думал об ученой карьере и намеревался держать экзаме́н на степень магистра философии с тем, чтобы в дальнейшем преподавать в университете. Как известно, экзамены на степень магистра философии он выдержал в 1842 г., но в дальнейшем не любил вспоминать об этом. Сохранилось позднейшее высказывание И. С., записанное в 1880 г. М. И. Семевским: «Тогда у меня бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым. Но вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским, с Иваном Ивановичем Панаевым, начал писать стихи, а затем и прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены были в стороне: я всецело отдался русской литературе» (см.: Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Пе-

тербурге 4-го марта 1880 г. // *ПСЛ*. 1883. № 10. С. 206. Продиктовано Семевским стенографу по памяти на другой день после встречи с Тургеневым). См. также: *Егунов А. Н.* Письменные ответы на магистерском экзамене // *Т Сб.* Вып. 2. С. 91–92.

⁸ В. П. выражает недовольство тем, что Н. С. не продвигается по службе и через три года после окончания Артиллерийского училища остается прапорщиком. О неприятной истории в Конной артиллерии, затруднившей чиновничество, см.: *Чернов Н. М.* Источники трех повестей Тургенева: Альтернативные версии // *Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 74–75; *Кротова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический источник. С. 42–43.

⁹ В. П. имеет в виду бумажную фабрику, которой в это время управлял Н. Н. Тургенев. О фабрике см. примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 524–525.

¹⁰ Речь идет о *Чапкине Василии Никитиче*, владельце сахароваренного завода в Черномском уезде, с которым В. П. собиралась выращивать свекловичу. См. о нем п. 2 и примеч. 21 к нему: Там же. С. 537.

¹¹ Из-за пожара Спасского это намерение В. П. удалось осуществить только позднее. В конце 1839 — начале 1840 г. М. Т. Сливичка училась (на правах полупансионерки) в московском пансионе г-жи Кноль, а позднее была помещена в пансион г-жи Севенард в Москве на Старой Басманной.

¹² Имеется в виду Е. А. Сорокина. О ней см. примеч. 38 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 527–528.

¹³ Подразумевается А. Я. Шварц.

¹⁴ *Авдотья Кирилловна Тоболева* (в замуж. Лобанова; 1818?– после 1884) — любимая горничная В. П. См. о ней в воспоминаниях В. Н. Житовой, а также: *Понятовский А. И.* Тургенев и семья Лобановых // *Т Сб.* Вып. 1. С. 271–272.

¹⁵ В. П. намекает на русскую народную сказку «Сивка-бурка».

¹⁶ Скорее всего, речь идет о семье *Якова Петровича* (1781–1857) и *Александры Сергеевны* (урожд. Дохтуровой; ум. 1868) *Протасовых*, соседях по имению (принадлежавшее им село Катушищево Мценского уезда располагалось недалеко от Спасского) и близких знакомых Тургеневых. У Протасовых было три сына (Николай, Сергей, Петр) и пять дочерей (Варвара (в замуж. Гагарина; 1811–?), Александра (в замуж. Семенова; 1813–1896), Анна (в замуж. Мацнева), Анастасия (в замуж. Теплова) и Софья (в замуж. Зацепина)). Имена трех сестер Протасовых — Варвары, Александры и Анастасии — не раз упоминаются в письмах В. П. Неоднократно бывал Тургенев и в московском доме Протасовых. Так, имя Александры Протасовой внесено в «Мемориал» за 1835 г. Об отношениях Тургенева с Протасовыми см.: *Чернов Н.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 15–17; *ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 446 (коммент. Д. М. Климовой); *Новикова Е. Б.* 1) «Катушищенские барышни» // *Спасский вестник*. 2000. Вып. 7. С. 109–112; 2) И. С. Тургенев и семейство обер-прокурора Протасова // Там же. 2004. Вып. 11. С. 294–295.

¹⁷ Имеется в виду А. И. Лагрявая. См. о ней примеч. 24 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 523–524.

¹⁸ О С. А. Дунаевской см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

¹⁹ Книгу Ж. Жанена «Contes fantastiques et contes littéraires» В. П. рекомендовала читать сыну еще осенью 1838 г., выписав из нее несколько стихотворений о любви. См. п. 10, примеч. 20 и 21: Там же. С. 583–584, а также п. 15, примеч. 16, 18, 19, и п. 18, 22.

²⁰ Речь идет о книге: *Duchesse d'Abrantès. Histoire des salons de Paris. Tableaux et portraits du grand monde sous Louis XVI, le Directoire, le Consulat et l'Empire, la Restauration, et le règne de Louis-Philippe Ier. P., 1837–1838.*

²¹ Узнав от Н. Н. Тургенева о болезни И. С., Н. С. писал брату в Берлин: «Теперь, любезный Жан, скажи ты мне, пожалуйста — я решительно не знаю наверное и ничего не разберу. Говорят, ты болен? Правда ли? Скажи — что же тут — боятся будто бы венерий — или правда; так это неопасно — и нечего этим алармировать maman — <...>. Пустое, но важное, если хочешь? Кто же из молодых людей не был с всеми 4-мя honneur'ами <достоинствами; от франц. honneurs — фигуры, старшие карты (в карточной игре); в пе-

реносном смысле выражение *со всеми онёрами* — со всем, что полагается» Пустое — оно потому, что в XIX-м столетии вылечиться решительно ничего не значит. А лечиться необходимо нужно и хорошенько — радикально — сиречь совершенно. / Будь эта штука с тобою в Спасском — нехорошо и опасно — яко бо, поелику бо Беневоленский не может вылечить тебя. Это так — а в чужие края нарочито ездить лечиться — кстати, если ты уже там — да притом еще в Berolini — город мыслей, ума, проницательности-учености. / Чего же легче. — Я тут ничего не скажу ни дурного, ни хорошего. — А опять-таки повторяю — лечиться необходимо потребно. / Я еду в Спасское к мамаше сейчас же — а первым делом буду считать советовать не ездить к тебе. Коломенская ты верста, длинная-предлинная, если бы ты знал, как ты тамап тревожишь различными проказиями. Напр<имер>, сам не пишешь, а доносит о тебе Порфирородный и то пребестолково — и все полагают, ты что-либо скрываешь, а у тебя и в уме сего греха нет! — А тут все рехнулись с последнего рассудка». И далее передавал «слово в слово» наставление дяди: «Напиши ты к брату, чтобы он вел себя исправно — да из харчевни в харчевню денег не переносил бы, с большим трудом и потом доставляемых и добываемых! — Далее: чтобы занимался делом более как можно — меньше бы лежал пупом кнizu на диване, что ему знамо вредно» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 8 об.-9 об.; п. от 26 января).

²² В упомянутом выше письме Н. С. сообщал: «...при сем — препровождаю тебе *billet doux* <любовную записку; имеется в виду вексель. — *В. Л.*> от приятеля твоего Штигица в 3000 р<убле>, — который можешь получить во граде Берлине или Berolini, как ты пишешь — от вашего банкира Мендель Зона и С^с» (Там же. Л. 8).

18

7 (19) февраля 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года $\frac{7}{19}$ ген[варя]
С. Спасское.

Mon cher Jean.^a

Я думаю, что ты уверен уже, как больно мне знать о твоей болезни. Дядя скрывал твое письмо, пока не получил другого, в котором ты пишешь, что серебряный зонд не нашел камня. Это воскресило дядю. — Но!.. не меня. В первый раз, когда зондирова[ли] отца, также не нашли камня, но!.. камень вырос через 7 лет спустя.¹ — Сохрани тебя бог от сего несчастья. — Но!.. ежели уже назначено предопределением несчастье, то имей в виду твердость покойного отца — который 11 лет страдал, а умер мученик[ом] морально и физически. — Многое можно сказать... но! писать не должно. — Будь тверд духом, поверь мне, что страдать самому не так трудно, как мучиться страданиями мил[ых] нам людей. — С 23-го году я страдаю. — Вот скоро 20 лет, с самого возвращения из Парижа, и физически, и морально. — Страдания детей всего в мире мучительней матери. — Когда мать говорит дитяти своему: терпи, дитятко, так тебе, видно, бог велел, — она 1000 раз терпит более муче[нья], чем ее ребенок. — О! Мать — великое слово. — Но! —

^a Мой дорогой Иван (франц.).

я бед[ная] мать, все заключается у меня в вас двух. — Я не имею [ни] сестер, ни братьев, ни матери, ни тетки, никого... ни д[рузей]. Вы... вы... и вы с братом. — Я вас обеих люблю страстно. Но! различно. Ты мне особенно болен... Ежели я могу объяснить примером. — Ежели бы мне сжали руку — больно. — А ежели бы мне наступили на мозоль — нестерпимо. — Столько раз уже судьба наступала мне на мозоль... что я уже желаю, чтобы с меня голова с плеч скатилась, чтобы не ощущать то, что столько раз повторялось... И разможило нервы мои до неопи-санной чувствительности. — Ни физической, ни моральной боли я уже сносить не в состоянии. Я берегу себя от простуды, от расстройства желудка, не выезжаю, сижу в Спасском и всячески стараюсь удалить от себя всякие неприятности. Завидую скотам: пьют, едят и спят, как нынче, так и завтра. — Вот чего я единственно *j'ambitionne*^b — дожить до того... Но!.. нет. — Страдаю. — И, кажется, не доживу до покою. Тебя уговариваю терпеть, а сама ропщу. — *Не будь мой сын таков.*

Теперь хочу я тебе сказать мое решенье насчет моего вояжу. — Дядя прежде, нежели узнал о твоей болезни, написал к тебе преумное письмо. — Да недописал и не послал. Кажется, оно у него цело, и я прошу его послать к тебе, недописанное хотя; в нем изложены все наши планы и намеренья. — Рассужденья и предположенья.² — Не знаю, чем богу будет угодно решить твою болезнь. — Но! — Знаю одно, что мое непременное намеренье уже с тобою не расставаться по-прежнему. Я буду ждать твоего уведомления. — Не нахожу нужным ехать тебе в Италию. — Это не по деньгам нашим. — Нет! жертвы, какой бы я не сделала для твоего здоровья. Лечись, бери докторов лучших и сыпь золото, для здоровья ничего жалеть не надо. Поскупись заплотить хорошему доктору — ампирик³ испортит. — Но! без болезни, а на удовольствие тратить деньги сверх доходов будет безрассудно. И извини меня — я не могу этого позволить. — Надо беречь монету белую про черный день.⁴ — Дни твоей жизни все впереди. — Будет время на путешествия, когда будут способы. Я уже писала — ваше состояние и все наше, как на ладони. 10 тысяч ассигнациями — имеешь ты в год, ни копейки более. *C'est honnête... Mais ce n'est pas le Régou,*^c — как говорят французские мужики. — Ты поехал за границу... — А я — в Спасское. — Погорел ты, незачем было вояжировать.⁵ — Дай бог, чтобы достало на нужду — чтобы натянуть убылое. — Ты, не считая, деньги тратил. — А чтобы достало и тебе, и брату в гвардии, который, впрочем, очень бережлив, — я жила от мая до генваря в Спасском, где могу экономить более. — А от генваря... все-таки живу в Спасском — и — признаюсь... это жертва. Ты знаешь меня, Иван. — Я люблю и театр, и музыку, и литературу, и новости, и вистик, и городской воздух. — *Rien... Rien... Mais tout à fait rien...*^d За что же это. — Вы будете пить

^b я желаю (франц.).

^c Это прилично... Но не бог весть что (франц.).

^d И ничего... Ничего... Как есть ничего... (франц.).

ренвейн.⁶ — А я — и зодовой воды в деревне не имею. — Ежели уже чего невозможно — то уже вина не наша. — Например, брат: уже ему делать нечего, ремонт дали, израсходует и по неопытности, и по необходимости. — Он не виноват! — Но! — когда можно в общую кассу... ведь это эгоизм, Иван... *Был бы я сит.* Например, ты этого не знаешь, может быть, а брат тебе своих собственных послал 500, добавил к моим 500 — чтобы составить 1000. — Иван, я тебе уже начинаю, может быть, надоедать этим, но! — я не могу иначе — пока ты мне не скажешь: *Chère mère,*^с — чтобы я жил стерпимо, благородно и с Порфирием, я не могу проживать *того-то менее*. — Я тебе поверю. И тогда во всем себе откажу — но! — тебе присылать буду, думая: Иван мне сказал, что *менее этого нельзя*. — Но! ежели ты будешь мне писать: пришли много — много проживу, пришли мало — мало проживу, — ну!.. не прогневайся, душа моя, может случиться, и без денег насидишься — что очень неприятно и в своей зем[ле]. Помнишь ли Петербург — и письмо мое к дяде.⁷ — А уже в чужих-[то] краях — смерть. — Ты имеешь 10 тысяч на свой прожиток. Но! в это число не включается пожар... и прочие таковые непредвидимости! — Это уже я плочу, что и прошлого году я тебе послала. — Ежели наше несчастье так велико будет, что тебе надо будет ехать в Париж, то денег к тебе послано *пять тысяч*. О денег <sic!> в таком случае ни слова, и еще пошлем, и еще, пока ты будешь довольно снабжен. Ты уже нас не дожидай, а делай, что тебе посоветуют. Только одна моя просьба: как можно чаще о себе уведомляй. Ну! сколько можешь часто. — Все будет казаться редко. — Деньги на почту особенно приш[лю], вычтя, что она тебе стоит. — Почта на мой счет, чтобы одна [лень] была твое оправданье — а не до-роговизна.

Деньги мною, первые три тысячи, давно были отправлены — но!.. но!.. ты знаешь дядю. — Скупость. Переводное письмо... Пошло... не дош[ло,] вернулось... Я этого не знала. — А все фабрика... На фабрике совсем он помешан. — Я боюсь этого ужасно. Теперь кладет в тряпку карто[фель,] и хорошо сходит. — Ну!.. он там... и все кончено. — А потом сам сознался, что она его совсем от всего отвлекает и потому [*едет?*] в конце сей недели в Москву... *coûte que coûte*^г — берет к имению хорошего управителя — и уже, как говорит, на свое место.⁸ — Уже не Матусевича или подобного. — А сам удаляется восвояси, куда и сейчас опять уехал, т. е. в *Тургенево*. — Ну! совсем помешан тряпкой на тряпке — хотя еще не видим никакой прибыли...⁹ А все авось и небось — русское слово.

Мы ждем брата на днях с командой за ремонтом почти на год. Ежели ты, т. е. твоя болезнь обойдется без вояжу... в Париж или на воды — и прекрасно, приезжай к нам повидаться и меня возьми с собою или оставь, пока найдешь ненужным. — Ежели же ты по болезни обязан бу-

^с Дорогая матушка (*франц.*).

^г любой ценой (*франц.*).

дешь ехать на воды или в Париж, или хотя только на воды, — то на север тебе не езда, а ты оставайся в Берлине или как и где знаешь. — Но! уже тогда меня жди к себе. — Повидавшись, я могу и опять расстаться — а не видавшись, не могу остаться в России и не видеть тебя два года. Это сверх моих сил. — И не думай... и не говори. — Тогда я в августе отправляюсь. Итак, вот тебе последнее мое слово, и *быть по сему*. — Ну!.. этой матерье конец. — Теперь уведомяю тебя о наших новостях... о житье-бытье, о всем, что найду интересным для тебя. Слушай же.

Я не знаю только, с чего начать? — Да! Тебя очень интересуется знать, вышла ли замуж Новосильцева за Нарышкина. — Да!.. да, вышла, но! не Марья, Катенька.¹⁰ — Marie se meurt de dépit.⁸ — Продолжать ли о петербургских или брат пишет к тебе. — Ипполитушка Зыбин умирает... Бедная мать.¹¹ — Теплов волочится...¹² Таво... Надеются. — Ганичеву...^h Лихачев... Паф... Отнесли белой горячке.¹³ — Не провришь ты. Лиев женится и угнездывается в бывшем моем гнезде.¹⁴ — Левон Александров, дурак, женился и все ездит за письмами и получает от меня Паф...¹⁵ Наполь похож очень на отца и любит меня после дяди. — Но! воняет, отец не вонял.¹⁶ — Биби читает по-русски и очень кашляет, вот 2 месяца. — Волк ворвался во Мценск и перегрыз многих, мне сказывал Катачкин.¹⁷ Я наняла во Мценске домик для приезда — и отделала, как дачку. Была один раз часа на два. — Масленицу в Черни собрание, во Мценске маскарады. — Анета и Дунаевская¹⁸ блестят, как тухлые звезды, там и сям. — Лизеточка все грубит, все ворчит, все замуж хочет.¹⁹ — Авдотья Ив<ановна> у меня под гневом, занялась свадьбою Владимировой²⁰ и меня забыла... Я ее всю зиму не видала. — Она же боится ко мне приехать, Тришка у нас проявился вроде Пугачева²¹ — т. е. он в Смоленске, а мы трусим в Болхове. — Более-то я и не придумаю, что писать. Кажется, более новостей-то и нету. — Разве опять выписывать *extraits*ⁱ от нечего писать. Я бы желала знать твое мнение, да достал ли ты, наконец, я бы очень [жел]ала прочитать твой перевод «*Oh!.. c'est un noir plaisir...*»^j Так ли тебе это пондравилось, как мне!²² — Для меня это лучше Пушкина: «спящего врага толкнул»...²³ Пушкина волосы целы²⁴ — а что Jean Bart...^k А!.. Хорошо!²⁵ — Хоть бы ты мне спасибо сказал — ежели по вкусу. — Да напиши же, душенька, ведь это мне интересно. Я купила и положила в твой шкаф-библиотеку. Порфириеву мать я видала, подарила ей избу или денег на избу... да... да.²⁶ У меня по комнатам летают в память тебя птицы-синицы... и попевают и разбойничают. — А сверх того у меня кенарка, а в птичнике сныгирь — 4 чижа, из коих один кривой, 3 щегла, овсянка и зяблица. Чижи поют, щеглы забиячут. — А щегол ворчит.

⁸ Мария умирает с досады (франц.).

^h Было: Ганичев...

ⁱ отрывки (франц.).

^j «О!.. радость черная...» (франц.).

^k Жан Бар (франц.).

Крыс у нас завелось тьма — и так стали фамильярны, что перепугала Биби. Вскочила одна престрашная на стол, где она играла. Тут стоял стакан воды — она напилась, как лошадь. Бибичка всю ночь пробредила. Крыс отравили, оне померли, и вонь по всему дому. — Уф... Гадко, отвратительно. — Да вот и все, кажется. — Старухи все умирают и потом отживают, и все живы по сию пору.²⁷

Да... да... да... батюшка, что это за вздор пишешь ты к дяде!.. о Евпраксии.²⁸ — Такие ли мы люди... Я... я... я дама светская. — Ну! я стану мучить девку за то, что ты... что она... что вы... поганые, опоганили мою дачу. — Никогда ни минуты не была она под наказаньем. Я придралась отослать ее к отцу, чтобы Васька не женился. Ваську женила на твоей красавице-кружевнице, Матрющкиной дочери, от него беременную. — А Евпраксия живет да стареется беспечно. — Какой ты, какой же ты уморительный Иван. — Все еще не хромаешь...²⁹ Да за что же тут награждать и вольную давать старой девке, которая и прежде и после управляла ремесло свое, блед...ла — рожала. — Дать ей ассигнацию и полно. Мучить ее не за что, награждения не стоит, не девством своим она тебя подарила. — Вот мое мненье. — Впрочем, я об ней совершенно и забыла — да я ее и не знала. — Вины я не видала ни твоей, ни ее... Похоти физические — высс...лся — и полно. — Сердилась за дачу, да се n'est pas l'amour qui nous perd mais la manière de la faire. Греховодник ты, ввел ты меня в грех. Пишу на первой неделе поста, в понедельник, экой вздор. — Я бы должна imposer à mes enfants par mon autorité douce mais grave.³⁰ А я как старшая сестра, а не то что мать... И вспомнишь Варвару Ив<ановну> Хитрову.³⁰ Она мне говорила: «Vous n'imposez pas as[<sez?>] à vos enfants»...³¹ Пф.. и дунь, и плюнь... [Прости,] душа, будь здоров[ов и весел] [...] [Лю]би, люби ту, которая без ума любит вас и благословляет заочно. Друг и мать

В. Т.

А семечек-то, Иван, семечек — да преогромной тыквы одно — да laitue gomaine.³² [Когда] будешь присылать сем[ечек, то] [...] только хороших самых сортов.

Печатается по подлиннику: *РНБ. Ф. 795. № 92. Л. 6–7 об.*

Отрывок впервые опубликован: *Т Сб. 1915. С. 30.*

¹ В. П. имеет в виду путешествие за границу, предпринятое семьей Тургеневых в 1822–1823 гг. для консультации с европейскими врачами в связи с тяжелым состоянием здоровья С. Н. Тургенева. Именно тогда он, по всей видимости, и был в первый раз в Париже подвергнут зондированию, не выявившему камня. Камень был обнаружен во время следующей поездки в Париж, которую С. Н. Тургенев совершил без семьи в 1829–

¹ не любовь нас губит, а то, каким манером мы ее творим (*франц.*).

²⁸ наставлять своих детей своей нежной, но суровой властью (*франц.*).

²⁹ «Вы не довольно влияете на своих детей...» (*франц.*).

³⁰ салат ромен (*франц.*).

1830 г. Однако прежде чем подвергнуться тяжелой операции, С. Н. вернулся в Россию для устройства личных дел. Весной 1830 г. он вновь выехал в Париж, где настоял на операции, вопреки решению консилиума (см. письмо С. Н. Тургенева к А. И. Тургеневу от 14 (26) марта 1831 г.: *Громов В. А.* Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу // *Т Сб.* Вып. 3. С. 213).

² Речь, по всей видимости, идет о письме Н. Н. Тургенева, датированном 21 января. О том, что оно было отправлено позднее, говорит приписка В. П.: «[...] ты можешь судить, что это письмо писано очень давно, не получая [письма] Порфириева о твоей болезни. — Но! плану сего письма мы располагаем держаться — т. е. если мы будем так счастливы, что твоя болезнь пройдет совершенно — ты к нам осенью приедешь повидаться. — В противном случае 17-го августа я выезжаю в Берлин. Ты получишь сие мое письмо все еще великим постом. Утешь меня, друг мой, прошу тебя материнскую просьбу, причастись. — Ты это должен сделать во всяком случае или благодарить Бога, что он тебя исцелил. — Или просить подкрепить дух — не твой, а бедной твоей матери. — Утешь меня, сокровище. — Да будет над тобою мое благословение и пошлет Господь тебе свою благодать» (*РНЕ. Ф. 795. № 89. Л. 6–6 об.*). В том же письме Н. Н. настойчиво и обстоятельно советовал племяннику отказаться от путешествия по Италии и приехать на летние каникулы в Россию: «Ты описываешь план своего пребывания в Берлине. — Начну с того, что как цель твоего путешествия, и цель братниной службы, равно и цель мамино уединения в деревне — все сие составляет общ[ую] цель к достижению каждого к назначенному предприятию. — Например, ты отпущен за границу учиться в университете берлинском, достигая предприятия быть магистром и, определяясь на службу, быть полезным. — Но не путеш[ество]вать и не наслаждаться праздной бесполезной жизнью. <...> Брат твой тоже самое определен в военную службу с целью достигая чинов, почестей и быть полезным как себе, так и всему семейству! — Мамшино уединение в деревне и [меет] главную цель сберечь для вас же ее собственность, доставл[ять] вам обоим возможность достигая каждому своего предпр[ия]тия, и потому надо помышлять об общественной пользе, а не каждому особо. <...> Тебе известна неограниченная любовь к тебе матери, она, несмотря на свое слабое здоровье, несколько раз решалась схватить к тебе, что сопряжено, не говоря о больших издержках и о здоровье. Одним лишь спокойствием и телесным — мамаша существует. При малейшей тревоге она бывает так больна, что при всем семейном спокойствии едва переносит. — Кто же ее будет так покоить и беречь во время дороги и даже во время пребывания с тобой. Как ты сам пишешь, что ты так уже занят, что мамаша по целым дням тебя не увидит. — И потому прошу тебя обдумать [хо]рошенько — и принять все соображения к общей пользе. — Ты пишешь, что в июле кончится курс лекций, а в августе [ты] едешь наслаждаться в Италию, в Рим и так далее, [с] тем чтоб в октябре возвратиться в Берлин. Все [с]и было бы очень хорошо, если б ты был один на сем свете. [А как] у тебя есть нежная мать, есть друг и брат — да и я не [ме]нее люблю тебя — и потому по окончании курса мой [со]вет тебе возвратиться в Россию. На тот же самый [тер]мин, как бы ты уехал в Италию <...>. — В Италии еще всегда успеешь быть, [а на]м доставишь большое удовольствие, в особенности больной, [с]лабой мамаше. Ты ее можешь своим приездом воскресить, [сам] же ты ничего не потеряешь, к началу лекций ты опять [буде]шь в Берлине. Одно, что ты в 39 году не увидишь Италии, [но] сим можно пожертвовать к общему и даже полезному [удов]ольствию. — Насчет же денежных издержек — все тоже [подума]ть тебе стоит. — По Италии даром не возьмешь и не кормят, а если б ты даже и лишнее издержал — то не [твоя] беда, а наша. Мы во всем будем уметь тебе воз[нагр]адить. — Я уверен, что ты совершенно будешь согласен [с] моим мнением, даже и в том уверен, что и [сам] оного желает — особенно, когда еще протечет несколько [меся]цев твоего отсутствия, еще более будет для тебя [чувст]вительна разлука» (Там же. Л. 5 об.–6).

³ От *эмпирик* — тот, кто следует одному опыту, практике, отвергая науку. В этом значении слово употреблено, напр., А. А. Фетом в рассказе «Семейство Гольц» в описании барона Карла Федоровича Б...: «Строгий рационалист во всем остальном, он делался в области конного лазарета каким-то эмпириком, чуть не колдуном. Вполне доверялся об-

разованному и примерному молодому ветеринару, барон тут же из-под руки пичкал больным лошадям Бог знает откуда почерпнутые секретные средства, и, надо сказать правду, весьма часто с неожиданным успехом» (*Фет. Соч. и письма*. Т. 3. С. 99).

⁴ Возможно, В. П. намекает на следующие строки стихотворения Г. Р. Державина «Стрелюк» (1799):

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.
<...>

Но вечер вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

Существует также пословица: «Береги (паси) денежку про черный день» (*Даль*).

⁵ В. П. укоряет сына за то, что после пожара на пароходе «Николай I» он не поехал сразу же в Берлин, а отправился путешествовать по Германии и Швейцарии, потратив при этом значительную сумму денег.

⁶ В. Н. Колонтаева упоминает о том, что рейнвейн был любимым вином В. П. (*Колонтаева*. С. 53).

⁷ Очевидно, речь идет о периоде обучения И. С. в Петербургском университете после смерти отца, когда В. П. была за границей, а Н. Н. Тургенев был фактическим опекуном обоих братьев.

⁸ О нанятом в Москве новым управляющим голландце Шмидтене см. п. 20, а также п. Н. С. Тургенева к брату от 10 марта 1839 г.

⁹ В Тургеневе располагалась бумажная фабрика, которая находилась в ведении Н. Н. Тургенева (см. примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 524–525).

¹⁰ *Екатерина Николаевна Новосильцева* (1817–1869) — младшая дочь Екатерины Ивановны (урожд. гр. Апраксиной; ум. 1864) и Николая Петровича Новосильцевых (см. о них примеч. 10 к п. 5: Там же. С. 560–561), с семейством которых Тургеневы поддерживали соседские отношения. У Новосильцевых было четверо сыновей: Ардалион (1816–1878), Василий, Петр, Иван и две дочери — Мария и Екатерина. В ноябре 1838 г. Е. Н. Новосильцева вышла замуж за *Эммануила Дмитриевича Нарышкина* (1813–1901), впоследствии обер-камергера, известного тамбовского мецената. *Мария Николаевна Новосильцева* (1815–1865) — фрейлина.

¹¹ Речь идет об *Ипполите Афанасьевиче Зыбине* (ум. 1893), с 1837 г. корнете лейб-гвардии кирасирского полка, талантливом музыканте-виолончелисте, сыне Екатерины Ивановны Зыбиной (урожд. Рибопьер). См. также примеч. 9 к п. 7: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 574. В п. 20 В. П. сообщала о выздоровлении Зыбина.

¹² Возможно, А. Н. Теплов (о нем см. примеч. 11 к п. 15) ухаживал за одной из дочерей В. И. (урожд. Кривцовой) и Н. А. Хитрово (см. о них примеч. 9 к п. 4: Там же. С. 551).

¹³ Об оскорблении, нанесенном полковнику П. Я. Ганичеву поручиком *Аполлоном Федоровичем Лихачевым*, Н. С. Тургенев писал брату еще 17 января 1839 г.: «Честь имел уведомить тебя, Жеан, что 31-го декабря 1838-го года в 6 часов пополудни полковник [Ганичев] [по]лучил пощечину от поручика Лихачева 2-го. [Больше] ничего не говорю — а представляю тебе самому представить себе всю суматоху, которая теперь идет в конной артиллерии. Это ужас! что [...] надо же было этой чепухе случиться ровно во время мое-

Е. И. Новосильцева с детьми
Портрет К. И. Барду (?).
1830-е гг.
(Музей Тургенева, Орел)

го отправления за ремонтом». И далее также просил быть осторожным и никому не рассказывать об этом происшествии: «Но прошу никому о том ни слова не говорить. Это болтовня может быть ужасная беда. Что больше всего нас, офицеров, поразило, так это то, что эту выходку сделал [...] добро бы первый <Ростислав Лихачев, брат Аполлона. — В. Л.>, он вспыльчивый — а этот Аполлон Бельведерский, как мы его кликали — никак казался не способным к такому поступку <...>» (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 6 об.—7). Хотя подробности этой истории неизвестны, для А. Ф. Лихачева они, судя по всему, имели плачевные последствия: он был разжалован в солдаты. По мнению Н. М. Чернова, некоторые черты Лихачева нашли отражение в рассказе Тургенева «Стук...стук... стук!...» (1870). О Лихачевых см.: *Чернов Н. М.* Источники трех повестей Тургенева: Альтернативные версии. С. 74–75; *Кретова И. В.* Письма Н. С. Тургенева к брату как биографический документ. С. 42–43.

¹⁴ В. П. имеет в виду *Логина Ивановича Линева* (1811–1863) — штабс-ротмистра, сына полковника И. Л. Линева, дом которого на 2-й Итальянской улице (современный адрес: ул. Жуковского, дом 18) в Петербурге Тургеневы снимали после смерти С. Н. Тургенева (см. примеч. 15 к п. 4: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 552). Л. И. Лиев женился на художнице *Кисловской Марии Александровне* (1820–1863). См.: *Пиоттковская Ю. Е., Чичкова Е. В.* Воспоминания М. Н. Билибиной (1885–1942) как исторический источник в контексте региональных генеалогических исследований // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2008. Вып. 9. С. 113.

¹⁵ *Левон Александров* — почтмейстер.

¹⁶ О двух легавых собаках Тургенева по кличке Наполь см. примеч. 16 к п. 16. По воспоминаниям Житовой, «Варвара Петровна, не терпевшая собак, позволяла Наплю, предшественнику известной у нас Дианки, постоянно присутствовать на балконе, потому только, что это была Ваничкина собака, и даже удостоивала из своих рук кормить Наплю разными сладостями» (*Житова*. С. 56).

¹⁷ Лицо неустановленное.

¹⁸ Речь идет об А. Я. Шварц и С. А. Дунаевской.

¹⁹ Имеется в виду Е. А. Сорокина. В письме Н. Н. Тургенева к племяннику от 21 января 1839 г. имеется ее приписка:

«Милостивый государь! Иван Сергееч!

Очень мне было приятно слышать из письма А. Я., что я также нахожусь в вашей памяти, за которое приношу вам [мо]ю чувствительную благодарность, за память и за приписывание [мне] поклона, также и мне позвольте вам засвидетельствовать [мо]е усердное и низжайшее почтение и пожелать вам от искреннего сердца всех благ в мире; итак, в заключение сего письма желаю вам еще раз от души всякого благополучия, а более всего совершенного здоровья. [А за] тем остаюсь готовая к услугам

Л. Сорокина.

И далее следовала игривая приписка на немецком «насчет д<еви>и», по поводу которой В. П. сурово замечала: «Plus folle que jamais <Еще глупее, чем прежде. — франц.>, непременно сошло. — Совсем помешанная на закорючках <Имеется в виду готическая скоропись, которой написано письмо. — В. Л.>» (см.: РНБ. Ф. 795. № 89. Л. 6 об.).

²⁰ О том, что А. И. Лагрявива помогала в приготовлениях к свадьбе Е. С. Володимировой, В. П. сообщала сыну в п. 16.

²¹ Как отмечает А. Л. Гришунин, «легенда о благородном разбойнике Тришке имела хождение во многих местах, включая Мценскую округу» (см.: *Тургенев И. С. Записки охотника* / Изд. подготовили А. Л. Гришунин, В. А. Громов, Л. М. Долотова Л. Н. Смирнова. М., 1991. С. 612 (Лит. памятники); примеч. 5). Яркое воплощение она нашла в последствии в «Бежином луге», в рассказе мальчика Ильюши: «Тришка — это будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять крестьяне; выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет — так отведет им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острок его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по селам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек» (*ПССиП(2). Соч. Т. 3. С. 99–100*). О фольклорных истоках легенды см. также: *Громов В. Предания «Бежина луга»*. Тула, 1969. С. 40–47.

²² В. П. интересуется мнением сына о полюбившемся ей стихотворении из новеллы Ж. Жанена «La Soignée roétique». См. также п. 22, где она приведет его текст целиком. Как следует из дальнейших писем, И. С. выполнил желание матери и перевел это стихотворение, однако перевод остается неизвестным. См. также примеч. 23 и 25 к этому письму.

²³ В. П. сравнивает стихотворение Жанена с признанием Алеко (в «Цыганах» Пушкина), готового вонзить кинжал в сердце неблагодарной, коварной возлюбленной и отомстить более счастливому сопернику любой ценой:

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

²⁴ В. П. имеет в виду прядь волос Пушкина, которую Тургенев хранил в медальоне до конца своей жизни. Вместе с другой пушкинской реликвией — перстнем, полученным И. С. позднее от П. В. Жуковского, — прядь волос поэта была представлена на Пушкинской выставке в Петербурге в 1880 г. со следующей подписью Тургенева: «Клочок волос Пушкина был срезан при мне с головы покойника его камердинером 30 января 1837-го года, на другой день после кончины. Я заплатил камердинеру золотой» (*ЛССиП(2)*). Соч. Т. 12. С. 375; коммент. Л. Н. Назаровой: С. 696–698). Ныне прядь волос поэта представлена в экспозиции Музея-квартиры А. С. Пушкина в Петербурге (наб. Мойки, 12).

²⁵ О герое еще одной новеллы Жансна — Жане Барс см. п. 15, примеч. 18.

²⁶ Мать П. Т. Кудряшова — дворовая *Прасковья Григорьевна*. См. о ней примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 522, а также: *Чернов*. С. 96–97; *Митракова Л. А.* Дворовый Тургеневых П. Т. Кудряшов // *Спасский вестник*. 1997. Вып. 4. С. 41, 44.

²⁷ По всей видимости, речь идет о женщинах, находившихся в богадельне в Петровском. См. примеч. 28 к п. 16.

²⁸ О связи И. С. с крепостной Евпраксией (Апраксией) Ивановной Лобановой см. примеч. 21 к п. 6: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 567–568. См. также: *Мельник Е. Г.* Евпраксия. К прообразу Лукерьи в рассказе «Живые мощи» // *Тургеневский ежегодник 2008–2009 года* / Сост. и ред. Л. В. Дмитрихина, Л. А. Балыкова. Орел, 2010. С. 108–112.

²⁹ Возможно, В. П. намекает на басню И. И. Хемницера «Земля хромоногих и картавых» (1779), герой которой попадает в страну, где

...не было ни человека,
Который бы, по обычаю века,
Прихрамывая не ходил
И не картавя говорил <...>

Начав учить жителей, как правильно ходить и говорить, герой получает решительный отпор и терпит поражение:

Однако, как он ни старался,
Всяк при своем обычае остался;
И закричали все: «Тебе ли нас учить?
Что на него смотреть, робята, всё пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умеем мы ходить
И говорить,
Однако не ему уж нас перемудрить;
Да кстати ли теперь поверье отменить
Старинное такое?»

³⁰ О В. И. Хитрово (урожд. Кривцовой) см. примеч. 9 к п. 4: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 551.

25 февраля (9 марта) — 1 (13) марта 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года. 1-го марта.

С. Спасское.

Mon très cher fils et ami! Jean.^a

Вчера получила я письмо твое, писанное от $\frac{15}{3}$ -го февраля. — Я не [изба]лована еженедельными твоими письмами и потому я более испугалась, чем обрадовалась.¹ Твоя болезнь ужасно меня беспокоит. Ты просишь у м[еня] позволения ехать в Париж на 6-недельные наступающие вакансии, и ехать с Демидовым. — Признаюсь, мне была неприятна и прежде ваша поездка по Германии, и ежели бы ты где-нибудь дождался моего п[исьма], которые мне по сих пор возвращают, то увидел бы, как я не [была] довольна таким товариществом.² — Vous n'êtes pas si grand seigne[ur,] pour voyager en commun...^b В чем можно себе отказать одному... в [та]ком товариществе совестно. — Вот почему ты и протратил в вояже столько денег. — Конечно, ты немного прожил в Берлине — 3000. Но! я *total^c* считаю не с приезда твоего в Берлин, а с отъезду из Петербурга, что вышло из моего кармана. — Ты сам знаешь, что, кроме твоих карманных денег, было в кредитиве 7000 у тебя. В Любеке ты получил еще 2000. Это 9000, да от сентября до января 3000, итого 12000. Вычтя на погорелое 4000, 8000 осталось с ию[ня] до января, в 7 месяцев 8000. Теперь спрашиваю, как же ты будешь жить, имея на 12 месяцев 10000. — Счет кругл. — Покуп[ка] ли часов, лорнеток — что хочешь, а я взяла у себя 12000, да тыс[ячи] три ты мне стоишь до отъезду за границу. — И так 15000 мне тяжело было выдать, а чтобы не сделать опять на именье долгу, я заперлась в Спасское на все эти месяцы, и вот теперь и январь 1839-го году живу я в Спасском. — Спасское, которое, не прогневайся, гора[здо] скучнее вашего не хваленого тобою Берлина. — У нас нет ни книг, ни спектаклей, ни музыки, ни профессоров. У нас скука смертельная. — У нас смерть, не жизнь. Я писала к тебе стишки... Je dois mourir pour vivre...³ с'est-à-dire, pour vous faire vivre.^d — А как все это мне над[оело], то я... Это не новое, что тебе скажу. — Я разделилась — или отделилась от вас. — Я с братом тебе отдала все лутовиновское именье и ровно взяла себе доходу столько, сколько дала вам с братом, — по 30 тысяч монетою на брата.^e — Я не могла взять менее, пока жива. — Дай бог, чтобы недолго лишала я вас своей части. У вас и тогда будет не более, как по тридцати тысяч — но чистых, без долгу... C'est honnête mais... pas riche.^e — А теперь бра-

^a Мой драгоценный сын и друг! Иван (франц.).

^b Вы не такой важный барин, чтобы путешествовать в компании... (франц.).

^c итог (франц.).

^d Я должна умереть, чтобы жить... то есть чтобы вы могли жить (франц.).

^e Это прилично, но... не богато (франц.).

Милый друг мой!

Вчера получил от вас письмо и очень рад, что вы еще живы и здоровы. Я пишу вам, как всегда, от души. У нас в Москве все идет своим чередом. Дела в обществе не очень хороши, но мы стараемся делать свое дело. Я много думаю о вас и надеюсь, что скоро увидимся. Прощайте, мой друг, и будьте здоровы.

Ваш искренний друг,
И. С. Тургенев

X P. 2. 1839 г. 1 марта. Письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 25 февраля — 1 марта ст. ст. 1839 г. Первая страница.

Письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу
от 25 февраля — 1 марта ст. ст. 1839 г.
Первая страница

ту как гвардейцу, как ремонтеру нужно более, и потому ты с своего участка не получишь более 10000. Это не жалованье мое, слышишь ли. — Я не даю тебе жалованья. — Вы не наемники мои, вы дети и дети совершенных лет. — Я вас отделила. Мачеха не могла бы сделать иначе после смерти отца. — Я отделила — и сделала твоим опекуном, пока ты возвратишься, не дядю, а брата твоего и друга тебе. — Дяде отдала я его страсть — тряпку и фабрику, т. е. фабрика дает ему доходу, не знаю сколько или то есть не буду знать сколько.⁵ — А сами будем довольствоваться доходами с нее. — Что дядя пожалует — всем довольны. Ничего!.. и за то спасибо. — Видно дать будет нечего — в чем я и уверена. Но! для вас для всех, для дяди и для себя даже j'ai fait ce que j'ai pu.⁶ — Не прогневайтесь.

Что новые твои опекуны опоздали тебе присылкою денег — это тебя бы не должно удивить. — Ты знаешь, какой способ я употребляла в Петербурге, чтобы добиться присылки денег. — Он все тот же, и потому советую тебе поступать, как я писала в прошедших письмах. — Всякое 1-е число высыпать свой кошелек на стол — и, пересчитав гильдены, написать откровенно. — Например. — С 1-го генваря денег я от вас получил 5000, в генваре и феврале я тратил их. — И затем на апрель осталось в кошельке столько-то... Ежели же ты не будешь так уведомлять их аккуратно, то рискуешь жить и опять на кредите. — До 1-го июня денег тебе не пришлют, потому что и не будет их. — Барки пойдут в июне в Москву с хлебом. — К 1-му июлю je serais votre avoué,⁸ и ежели у них не будет, то я своих тебе пришлю пока за оставшуюся^с половину года — 5000. — С оными не только в Италию — но! поезжай хоть в Америку. — Но!.. более уже до будущего 1840-го года, до 1-го генваря — с имения своего не ожидай ни копейки.

Теперь стану я писать к тебе мнение брата твоего и мое насчет твоего вояжу. Боже меня избави отсоветовать лечиться, *la santé avant tout*,^h но! что ты успеешь в шесть недель и зачем же тебе тратиться в Париже, когда обещают тебя доктора берлинские вылечить. — Потерпи, друг мой... Отец твой несчастный 9 лет терпел. — Болезнь твоя не может быть сильна нестерпимо при помощи медицинской. — Придут вакансии, и ежели, чего боже избави, все еще ты будешь страдать, тогда поезжай с богом, у тебя будет в кармане 5000. Рибоьер⁶ увидит, что ты едешь не повеселиться в Париж — а полечиться, откажет ли он тебе. А ежели будет помощь на это моих друзей нужна, я поеду в Петербург и выхлопочу, уверяю тебя, позволение. — Тогда ты проживешь все время вакансий, ежели нужно, не спеша и излечившись совершенно, возвратишься. — И я тогда приеду к тебе, тоже не спеша, по осеннему первому пути. В августе поеду, буду в Вене, у Мальфатия...⁷ поживу в Вене, а к твоему приезду явлюсь в Берлин — *en petit train*ⁱ — я, моя

⁵ я сделала все, что могла (франц.).

⁶ я буду вашим поверенным (франц.).

^h здоровье прежде всего (франц.).

ⁱ с небольшим сопровождением (франц.).

Биби, моя немка,⁸ девка, повар и Гаврила. — Найму квартиру маленькую, уютную, даже особо от тебя, ежели нельзя будет иначе, подешевле да пониже. — Я не могу на лестницы таскаться. — А таковая большая дорогá. — Две-три комнатки... а ты наверху... а ты на одном дворе... Вечером ты будешь приходить en bonne fortune.^j Я привезу русский чай... русский самовар. — Ты будешь чай кушать да Бибинькины вздоры слушать, а она премилая девочка. — Скучно мне будет... Скучно, что ты это говоришь, Иван!.. Разве ты забыл Петербург... мою болезнь.⁹ — Разве ты думаешь, что мне в Спасском весело!.. О! нестерпимо скучно, уверяю тебя. — Иногда повезешь ты меня в театр. — Ты знаешь, что я тоже и люблю музыку, и понимаю ее. — Иногда в марте, в апреле поташу я тебя в Шарлотенбург, в Потсдам.¹⁰ — А весною, не дожидаясь конца курсов, повезу я тебя в Италию. — Полно учиться, повеселимся. — И из Италии мы поедем в Россию на службу. А ежели же бог будет так милостив и берлинские доктора так искусны, что до июля тебя вылечат, — не таскай ты меня, бедную старуху, с места... Я слаба. — Приезжай ты ко мне, из Берлина до Петербурга водою 8 дней езды. — Стыдно тебе трусить bateau à vapeur.^k — Скажи мне пример, кто потонул. Это такая редкость — ваше приключение.¹¹ — А где приключеньев не бывает. — У меня в Спасском был домовый доктор Беневоленский.¹² Все мы его полюбили более Берса,¹³ и весел, и мил, и шутив. Закашлялся, и дух вон в 32 года в одну минуту. — Ну! не хочешь — приезжай сухим путем на Киев. — Деньги свои спрячь за пазуху — а кати на мой счет. — Пробудь 6 недель с н[ами,] да и бог с тобою. — Я на тебя нагляжусь, и возвратись с богом. Все будем вместе: я, старик дядя, молодой хозяин брат, Биби-невеста, Лиза, Анна,¹⁴ Лагривые,¹⁵ Дунаевская,¹⁶ пожалуй, и баб[ушка] с семейством¹⁷ притащится недели на две, не беда. — И Наполь,¹⁸ и ружье, и рысак, и Саша Купфершмидт¹⁹ — и Иван Казаков. [...] И постреляем, — и поболтаем, и дам тебе спектакль [благо]родный. — И «Филатку»²⁰ 3 части люди разыгрывают, похочешь. А потом проводим тебя — переговора, как быть, как жить. — Ну!.. как ты думаешь. — Согласен ты с нашим мнением. — А я останусь сахар варить из свекловицы да денежек вам, деточки, наживать. — Дядя нанял 4-тысячного управлятеля.²¹

Покорно тебя благодарю за цветочные семечки, я их нынче сама разобрала по сортам! — Ты спрашиваешь, душа моя, каких мне надо цветочков. Все мне от тебя мило и приятно. Но! ты можешь там лучше это отнесть к самому продавцу семян — прося у него что-нибудь новенького, хорошенького, необыкновенного, что ты за деньги не стоишь. Теперь пришли тоже сальмигонд²² и семечков салат <sic!>, особенно laitue romaine.¹ У нас хороший ужасно трудно достать. Огурчиков разных сортов, — тыквы необыкновенные. Не все в одном письме, но! во

^j при удобном случае (франц.).

^k парохода (франц.).

¹ салата ромен (франц.).

всяком понемножку. Ты знаешь наше лето, оно очень поздно, и ты еще успеешь прислать, а мы успеем посеять, и ежели, даст бог, ты приедешь, то мы можем тебя этим потчевать. — Жаль, что ты, посылая книги... кому ты посылал, не сунул одну ботаническую на мое имя. — Флеромания у меня в Спасском более, нежели где-нибудь и когда-нибудь.²³

Я вся в цветах. Розы... резеда... желтофиоли — полная гостиняя. Это несколько удерживает мою скуку... Пишу, читаю, хлопочу. — И ежели бы ты был здоров, я не была бы совершенно несчастлива. — Я с нетерпением буду ожидать ответа на сие мое письмо. — Оно совершенно решит мою участь. Мне неприятно быть в неизвестности. Ты можешь легко вообразить мое положение — не видать тебя еще полтора года... Нет, я не в силах выдержать. — Да ты знаешь, что я не отпустила бы тебя, ежели бы могла только это вообразить. — Мы так условились. — Или я к тебе, или ты ко мне.

Насчет твоей бернской истории. — Я удивляюсь даже, что ты ко мне нашел нужным это написать. — А еще удивительнее, что ты повторяешь еще... Тут нет! для меня ничего ни забавного, ни интересного. — *Je croyais que j'impose à mes enfants par mon autorité... quoique douce, mais grave...*^m И что можно матери сказать... (проболтаться...), то писать некстати. — И это унижает мое достоинство матери. — Мне иногда кажется, будто пароходное приключение à *influer sur votre tête,*ⁿ и я боюсь... сурезно боюсь за тебя и от всего моего сердца раскаиваюсь, что не послушалась ни дяди, ни брата и отпустила тебя за границу. Слишком молод ты, слишком... слишком... и слишком.

Я и сама боюсь, что ты из одной крайности впал в другую. Насчет берлинской истории. — Я не знаю... знаешь ли ты или не знаешь, что отец в тот самый день, как переехал... Нет!.. в тот день, как сделался с ним удар вечером... тот день, волнуем предчувствиями, терзаем тоскою оставить вас сиротами, мальчиков, почти беспризорных никем, — в тот день родительская нежность, страх водили письмом его. О!.. боже, для чего я, отпуская тебя, не показала тебе этих строк, писанных *d'une main égarée avec les larmes!*^o

«Мой сын... — пишет он, не называя которого... — бойся заразить кровь свою, бойся почерпнуть le venin...^p в през<r>ительных тварях <?>». Так... или почти так пишет он... Он просит... плачет, умоляет тебя... Да!.. да!.. Кажется, он тебе хотел это сказать: беречь твою чистую кровь от заразы... Я боюсь, чтобы ты мне в один день, в день для тебя мучительный от раскаяния — не откусил мне ухо, как вор матери, которого вели на казнь,²⁴ — чтобы ты не упрекнул мне... Твоя-де любовь сгубила меня.

^m Я полагала, что наставляю своих детей своей властью... хотя и нежной, но суровой (франц.).

ⁿ сказалось на вашей голове (франц.).

^o дрожащей от слез рукой (франц.).

^p яда (франц.).

Ради бога, Иван!.. Что это я пишу... Да закроются глаза мои, прежде чем мой страх, происходящий от моей любви, будет основателен — au nom de Dieu pensez à moi... pensez avant que d'entreprendre quelque folie qui sans être mal honnête tuerais pourtant votre trop tendre mère qui vous bénit à jamais.⁴

Стихи твои мне напоминают некоторого Мерлина, ливенского помещика, которого я знала в Париже.²⁵ — Он был музыкант или считал себя таковым. Созовет, бывало, самых лучших виртуозов парижских и раздаст им свои сочиненья играть... Его Мерлин[а] сочиненья — Лафону... Буальдьё...²⁶ и заплотит за вечер по 200 рублей каждому. — Оне сами [это нам расск]азывали, [помирая со смеху].

Ты, мой друг, поешь глухой обедню. — Я совершенно не понимаю стихов, где нет вирш.²⁷ — Я уже к тебе писала и послала вырезанный печатный подобный листок из комедьи.²⁸ — Что-то лучше! — как — чи-чи-чи кричит сорока, прилетела издалека...²⁹ — или — Спит иль нет моя Людмила, помнит друга иль забыла.³⁰ — То-то же, не забывай друга и мать

В. Тургенева.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 92. Л. 8–9 об.

Отрывки впервые опубликованы: *РМ(1)*. С. 107.

Письмо датируется расширительно на следующих основаниях: В. П. упоминает о том, что получила письмо от И. С., датированное 3 (15) февраля, накануне; поскольку корреспонденция из-за границы получалась в пятницу, а 1 (13) марта в 1839 г. выпадало на среду, то ближайшая пятница, в которую могло быть получено письмо от И. С., приходится на 24 февраля (8 марта). Следовательно, письмо было начато в субботу, 25 февраля (9 марта). Это подтверждается и письмом Н. С. Тургенева к брату, также датированным 26 февраля (10 марта), в котором он писал: «Вчера получили мы твое письмо <...>» (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 10). См. также примеч. 1.

¹ Яркой иллюстрацией реакции на полученное от И. С. письмо служит ответ Н. С. Тургенева, во многом дополняющий письмо В. П. Приведем его целиком (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 10–11 об.):

26-го февраля 1839-го года. С. Спасское.

Любезный Jean!

Вчера получили мы твое письмо — и признаюсь, если бы меня не было при получении, твое письмецо убило бы мамашу совершенно. Что тебе сказать? Право, не знаю, потому что трудно понять тебя. Начну прямо с главного: что ты, Jean, в самом деле болен каменной болезнью — или хочешь ехать с Демидовым в Париж погулять на 10 или 12 дней. — Мое мнение вот какое. — 1-е) Если ты в самом деле болен — и у тебя мгновением искры сделался камень, положим — то скажи ты ради всего святого на свете, как же в премудром Берлине — не найдется ни один доктор порядочный — который мог бы тебе сказать: «Sie haben einen Stein im Magen! <У Вас камень в желудке! — нем.>».

⁴ ради бога, подумайте обо мне... подумайте, прежде чем совершить какую-либо глупость, которая, не будучи бесчестьем, убьет, однако же, вашу слишком нежную мать, которая благословляет вас постоянно (*франц.*).

Если так, то следовало бы тебе написать к мамаше: «Maman, j'ai la pierre et on me conseille d'aller à faire faire l'opération à Paris <Маменька, у меня камень, и врачи мне советуют ехать в Париж и делать операцию. — франц.>». — Ужасно это — это правда — но делать нечего. Ступай, сказали бы тебе, слава Богу, что болезнь открылась в чужих краях — кстати. А то как прикажешь это согласовать! «У меня камень — меня доктор посылает, куда мне *блажоусмотрится*, я на 6-инедельные вакации еду в Париж — вырезаваю камень и возвращаюсь опять потом в Берлин на лекции». — Что это такое?

Разве камень вырезать — на охоту сходить, да и на охоту — нельзя в обрез сказать час — когда возвращусь. — А то для операции, шуточное дело — так все окончить в 6 недель.

2-е) Теперь я полагаю 3-и вещи. — 1-е) если у тебя *точно камень, et l'accessoire avec, des douleurs atroces* <и при этом нестерпимые боли. — франц.> — ступай в Париж, да не на 6 недель, а брось всё и лечись — *la santé avant tout* <здоровье прежде всего. — франц.>. — 2-е) Если у тебя — как я наверное слышал, *венерий в сильном градусе* — *да может быть une petite gravelle* <небольшой камешек. — франц.> — то это пустяки — которыми пренебрегать не должно — но можно попробовать пользоваться в Берлине.

3-е) Я полагаю, что... — т. е. боюсь даже это и полагать, что тебе хочется подучиться в Париже — это грех ужасный будет с твоей стороны, Jean. Maman roug vous donner <Маменька, чтобы вам доставить. — франц.> 10 000 р-субле>в, умирает в Спасском от скуки — просто умирает — а ты трудовую копейку будешь проедать с Демидовым-богачом в чужих краях — это грех.

Положим еще, у тебя камень — как же ты с Грановским в театре кричишь и шутишь à tue-tête! <во все горло. — франц.> Лёве — Лёве <имеется в виду София Лёве (Löwe). — В. Л.> — и проч. Это горланство и восторги — суть признаки самого здорового человека.

И вдруг убивши — решительно убивши мамашу своим письмом, ты ее же спрашиваешь не согласишься лечить камень в Париже — а решения: «Ехать в Париж или в Италию. Cela passe remission <Помилуй. — франц.> — либо Париж от Италии в 2½ верстах — либо ты будешь летать на крыльях поэзии небесной?..

Что человек больной — едет лечиться в Париж — это понятно. — Скажи, пожалуйста, в Италию-то ты зачем хочешь — *qu'est-ce que vous-êtes, monsieur, roête* <кто же вы, сударь, поэт. — франц.> что ли. Я не понимаю! — А вот, что я очень хорошо понимаю. — После пожара осталось у тебя, кроме денег золота в кармане, еще кредитив в 7000, да прислали тебе 2000 р<убле>в еще — итого 9000, а ты путешествовал с ними 3-и месяца с июля по сентябрь; только — а в сентябре уже был в Берлине. — Тогда ты после пожара обмундировал себя и Порфирия — и теперь тоже ему фрак и пр. — А все путешествие с добрыми малыми — как Демидов, Розен... Итак, Jean — поезжай, куда ты хочешь — но денег более того, что получил, не получишь — неоткуда взять. Теперь послали к тебе 5000 р<убле>в, я 3-и да Кирилла 2000. — Будь здоров, пиши аккуратнее и не убивай нас всех беспорядочными письмами в Париже и в Италии — с чем же ехать.

Твой навсегда брат и друг

Н. Тургенев.

² Вместе с Александром Григорьевичем Демидовым (1802–1853), ротмистром лейб-гвардии гусарского полка, и бароном Д. Г. Розеном Тургенев путешествовал по Германии, прежде чем отправиться в Берлин, весной и летом 1838 г., что нашло отражение в «Мемориале»: «Путешествие по Германии. (Б<арон> Розен. Порфирий. Демидов.)» (см.: ПССИП(2). Соч. Т. 11. С. 198, 451; коммент. Д. М. Климовой). В своих письмах В. П. неоднократно упрекала сына за этот «вояж». См., напр., п. 5: Письма В. П. Тургеневой. Ч. 1. С. 557–559.

³ В. П. перефразирует последнюю строчку стихотворения г-жи де Жанлис «Et malade et souffrant, un malheureux auteur...», которое она выписала для сына в п. 11. См. также примеч. 4 к п. 11.

⁴ О разделении доходов см. п. 16 и примеч. 3 к нему.

⁵ Имеется в виду бумажная фабрика в с. Тургенево, полностью перешедшая в управление Н. Н. Тургенева. См. о ней примеч. 27 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 524–525.

⁶ Посланник при Прусском и Мекленбургском дворах А. И. Рибопьер. См. о нем примеч. 9 к п. 7: Там же. С. 574, а также примеч. 9 к п. 15.

⁷ Речь идет об известном венском враче итальянского происхождения *Иоганне* (Джованни) *Мальфатти ди Монтеггио* (Malfatti di Monteg[gi]o; 1775–1859), лечившем, в частности, Бетховена. См.: *Waddington P. Turgenev's Mortal Illness from its origins to the autopsy*. P. 5.

⁸ Очевидно, А. Я. Шварц.

⁹ По всей видимости, в середине — второй половине 1835 г. В. П. в Петербурге удалили полип. Запись об этой операции сохранилась в «Мемориале» Тургенева: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 11. С. 197, 446; коммент. Д. М. Климовой. По воспоминаниям Житовой, «когда Варваре Петровне сделали весьма серьезную операцию, я из уст очевидцев слышала, какими нежными заботами он <Тургенев. — В. Л.> окружал мать, как просиживал ночи у ее постели» (*Житова*. С. 27).

¹⁰ Об этих достопримечательностях см. п. 15, примеч. 12 и 13.

¹¹ В. П. имеет в виду пожар на пароходе «Николай I», на котором И. С. отправился в Германию. См. об этом примеч. 1 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 514–515.

¹² Об И. Беневоленском см. примеч. 17 к п. 6: Там же. С. 567.

¹³ Речь идет об Андрее Е. Берсе, см. примеч. 55 к п. 1: Там же. С. 530.

¹⁴ Имеются в виду Е. А. Сорокина и А. Я. Шварц.

¹⁵ Супруги А. И. и С. П. Лагривые. О них см. примеч. 24 к п. 1 и примеч. 5 к п. 6: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 523–524, 566.

¹⁶ О С. А. Дунаевской см. примеч. 4 к п. 1: Там же. С. 516.

¹⁷ Речь идет о *Елизавете Петровне Тургеневоу*, на попечении которой находились дети ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. о ней примеч. 32 к п. 2: Там же. С. 538–539.

¹⁸ О Наполе (2-м) см. примеч. 35 к п. 1: Там же. С. 527.

¹⁹ *Александр Михайлович Купфершмидт* (1805–1879) — музыкант, по словам Т. А. Кузминской «первая скрипка Большого театра» (см.: *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. Калининград, 2003. С. 72), страстный охотник, приятель Тургенева. Подробнее о нем см.: *Филлюшкина О. В.* К вопросу о происхождении «Записок охотника» // *Спасский вестник*. 2002. Вып. 19. С. 135.

²⁰ Речь идет о постановке комической оперы А. Я. Княжнина «Девушник, или Филаткина свадьба, следствие Яма и посиделок» (муз. А. Н. Титова), издание которой (СПб.: Тип. А. Смирдина, 1826) сохранилось в *Б-ке Тургенева* (см.: *Каталог Б-ки Т. С.* 109). Как отмечает Е. В. Проц, к концу 1830-х гг. Спасский театр достиг «особого расцвета»: «...у Варвары Петровны в вечер шли и „благородные спектакли“, как она выражалась (трагедии, драмы), и комедии, водевили, комические оперы» (*Проц Е. В.* *Театральные записки в Спасском* // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 178).

²¹ О нанятом в Москве новым управляющим голландце Шмидтене см. п. 20 и примеч. 11 к нему.

²² *Сальмигонд* — смесь, от франц. искаж. *salmigondis*.

²³ О страстном увлечении В. П. садоводством см. примеч. 36 к п. 2: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 539, а также сообщение В. А. Макешниной в наст. томе.

²⁴ В. П. намекает на сюжет басни Эзопа «Мальчик-вор и его мать». В *Б-ке Тургенева* сохранилось издание: Басни Эзопы. Переведенные с греческого Иваном Мартыновым. СПб., 1823, — в которое включена и эта басня (здесь же приведен и текст басни на др.-греч.). «Мальчик, укравши в школе у своего соученика книгу, принес матери. За это она его не только не наказала, но еще похвалила; мальчик, подросши, начал красть и важ-

нейшие вещи. Однажды поймали его на самом воровстве и повели на смерть. И как шла за ним и мать его, рыдаячи, то он просил палачей позволить ему несколько слов сказать ей на ухо. Мать тотчас поднесла ухо ко рту сына; и он откусил его зубами. Мать и другие стали его осуждать, что он не только вор, но даже и с матерью поступил злодейским образом. На это он сказал: мать виною моей гибели. Если бы она, когда я украл книгу, меня наказала, то бы я не дошел до того, чтоб ныне вели меня на смерть.

Басня учит, что кого сначала не наказывают, тот со временем навькнет злым делам» (С. 57). Ср. с п. 7, примеч. 19, где пропущены последние строки: *Письма В. П. Тургенева*. Ч. 1. С. 574–575.

²⁵ Кто именно из Мерлинов имеется в виду, установить не удалось.

²⁶ *Лафон* (Lafont; 1781–1839) *Шарль Филипп* — знаменитый французский скрипач-виртуоз; в 1808–1815 гг. — придворный солист-скрипач в Петербурге; с 1815 г. первый скрипач королевской придворной капеллы в Париже; автор 7 скрипичных концертов, многочисленных фантазий, рондо, вариаций и др., а также около 200 романсов и 2 опер. Виднейший представитель французской скрипичной школы первой половины XIX в., игра которого отличалась классической завершенностью и элегантностью стиля, певучестью, виртуозным блеском. В 1816 г. в Милане состоялось состязание между ним и Н. Паганини (победил Паганини, который отметил, однако, в игре Лафона красоту тона). *Буальдьё* (Boieldieu; 1775–1834) *Франсуа Адриен* — французский музыкант и композитор, автор многочисленных комических опер и романсов; в 1803–1810 гг. — капельмейстер придворной французской оперной труппы в Петербурге, с 1820 г. профессор Парижской консерватории. И Буальдьё, и Лафон были очень популярны в России.

²⁷ Можно предположить, что В. П. откликается здесь на присланное ей стихотворение самого И. С. Так, известно, что в это время им были написаны «Грустно мне, но не приходят слезы...» и «Малейший шум замолкнет в мирной [тени]...», черновые автографы которых хранятся в *ОГЛИМТ* (записаны на одном сдвоенном листе). Под текстом первого стихотворения сохранилась авторская помета: «Писано 29-го декабря 1838 года. Один в моей квартире, в грустном и тяжелом расположении духа. Страдал жестоко от болезни пузыря». На втором листе автографа имеется еще одна примечательная запись, характеризующая настроение И. С. во время болезни: «В двадцать лет иметь болезнь, которая обещает быть хронической, болезнь самого неприятного разряда — не очень весело». И ниже: «Souffrir?!!!!! <страдать. — франц.>». См.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 1. С. 534.

²⁸ По всей видимости, В. П. имеет в виду отрывок из комедии «Ложа 1-го яруса, или последний дебют Тальони», который она послала сыну с письмом 15 (см. также примеч. 20).

²⁹ В. П. приводит строки из стихотворения И. Пожарского «Червонный колпак» (*БдЧ*. 1836. Т. 16. Отд. 1. С. 164). Как отмечает В. В. Виноградов, «в 30-х годах выступают в светлое поле литературной жизни новые стили русского книжного языка, представляющие сложную систему взаимодействий между формами литературно-дворянской речи и разновидностями буржуазного письменного и устно-бытового языка». Этот процесс неоднозначно воспринимался в литературном и журнальном мире. Так, исследователь приводит высказывание И. И. Дмитриева в письме к П. П. Свиньину от 12 октября 1836 г.: «Я и сам желал бы „Современнику“ более журнальных свойств, более живости и разнообразия, более участия в движении нашей и всеобщей литературы. По крайней мере доволен тем, что читаю его не на площадном языке и не встречаю в нем, как в „Библиотеке для чтения“, гениальных несообразностей, подобных следующему <...>». Примечательно, что далее Дмитриев приводит две цитаты из «Червонного колпака», в том числе и «Чи, чи, чи! кричит сорока: / Прилетела издалека», добавляя: «Не правда ли, что эта гениальность самая варварская?» (см.: *Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка*. М.; Л., 1935. С. 322).

³⁰ В. П. цитирует строки из поэмы В. А. Жуковского «Людмила» (1808).

14 (26) марта 1839 г. Спасское-Лутовиново

1839-го года. 14/26 марта. С. Спасское.

В субботу $\frac{11}{23}$ марта послала к тебе пресердитое письмо¹ или, лучше сказать, возвратила твое... Три дня прошло, я все еще сердита. Ты причил меня получать от тебя письма через две недели, я и жду терпеливо... или нетерпеливо... Да, жду... и что же — привезут вечером, зажгу лампу, 5 свечей около себя поставлю, всю силу зренья напрягаю и... ничего не могу прочесть. Так связно, такие слова, что со мною делается истерики от нетерпенья. Возьми ты свое отосланное письмо и прочти фразу о своей болезни. Что ты тут напугал!.. Что ты хотел сказать, — здоров ты совсем или совсем нездоров. — Это 1-ое и главное. Теперь я и напишу тебе, за что я рассердилась насчет этого.

Ты пишешь, как я поняла, что ты не можешь еще сказать, что ты совсем здоров. — Поршка² твой пишет тут же: барин мой совсем здоров. Кому мне верить? — Конечно тебе, — тебе лучше знать, что ты чувствуешь. — Ты не совсем здоров. Опять *калека* в доме... То был несколько лет и мучил меня отец, отравил всю жизнь мою,³ то с рожденья брат урод,⁴ то вот уже 8-ой год я страдалица, — теперь ты. Ах!.. mon Dieu, поп... поп...⁵ Этот крест тяжелей, чем я могу снести. Ты сам упал, а ты — Господь. А я!.. О!.. я с ума сойду. Я похожа на тех несчастных сумасшедших, что все говорят путное и дельное, кроме того пункту, на чем помещаны... Это мой пункт — *больные*. В таком случае я из себя выхожу.

От сего-то и происходит уже весь мой гнев, а от оногo деньги... Что ты мне за путаницу городишь. — Ты все пишешь, что ты прожил в Берлине. А я тебе говорю и упрекаю, зачем ты на вояж много употребил. Зачем ты нигде не подождал моего письма, где я тебе говорила, что судьба переменяла план твой, что ты, погорев, не можешь вояжировать. Зачем ты поехал баричем в коляске с Розеном,⁵ а не пустился пешком, сделав себе вместо гардеробу самую необходимую одежду и посох в руки... и котомку. Поршка тоже, и ступай. Где принанял *ваген*⁶ что ли, а не дилижанс, да где купил кусочек сыру, где — хлеб с маслом. — Вот так, как вояжируют студенты, протягивая проезжающим шляпы. Это тебе не нужно, т. е. шляпы протягивать, а не бариться. Тогда бы ты не писал ко мне, что воротился назад, имея в кармане 150 р. *Vous avez monté trop haut votre instrument*,^b — и струна не выдержала, квинта⁷ лопнула. — Я согласна, что я тебе подарила 1000 на часы и удовольст-

^a Ах!.. Боже мой, нет... нет... (франц.).

^b Вы слишком высоко настроили свой инструмент (франц.).

вия... mais j'ai remboursé^c — не так, как ты считаешь. А что — я обязана была для того, чтобы ты барился и пил *виндеграв*,⁸ — жить в деревне, чтобы иметь возможность... Но! — нет, заняла 8000 тысяч, потому что ты один, кроме брата, стоишь мне, как я писала в письме перед этим,⁹ в 1838-м году — до 20 000 на монету. Да! да... да... вот счета лежат передо мной. От генваря до 1838-го 14 мая у тебя было в кредитиве, кроме карманных, 7 да послано 2000, да 2000, да 1000. Кроме в 1839-м — 5000, это особо. 12 000 — ассигн. да до отъезду издержано тобою, кроме дорожного костюма и пр. и пр. Что это за слово — подарено. Я не считаюсь с вами, все ваше, это одна проформа. Итак... так... так... до 20 тысяч на монету стоишь ты. 16 — брат. А по счету годовом оказалось вновь долгу 15 000. Сказано — передержки. В сем 1838-м году — 15 тысяч. — А... а чем эту дыру заткнуть? — И я напишу стихи, по-твоему, без рифмы, потому что позабыла рифму.

По милости твоей совсем я разможен,
За что такая злость? — кирпич сказал гвоздю.
Гвоздь отвечал: за то, что меня стучит в макушку *молот*
Вяземского.¹⁰

А молот-то — долг, и нужда, и скучное мое пребывание в Спасском, чтобы как-нибудь да натянуть. — Да нет! — Квинта моя тоже лопнула. А упреки-то, упреки-то дяди, который рад вину всю сложить на мое бабловство тебе. Зачем отпускала его... Бесчестного... Чай, везде валяется кошелек... Чай объедается... Чай... чай... чай — меня состарил. — А как приехал Шмидтен, новый управитель...¹¹ O! mon Dieu, oui... Madame... beaucoup de désordre... point de vaches, pas un cochon, votre respect... Pas de brébis... ni bâtiments <?>. O! mon Dieu. Oui... vos affaires ne sont pas en ordre. Il me faut de l'argent... O! mon Dieu. Oui... beaucoup d'argent, Madame, pour réparer tout cela... Touchez votre capitale, Madame... — Mon capitale, mais je n'ai que des dêtes, Monsieur, et je n'en fais pas d'autres... — Alors... Madame, ruine complète... O! mon Dieu. Oui, point d'argent... point de revenus... Pour recolter il faut semer... O!.. mon Dieu. Oui...^d

Итак, мой *кирпич*, не пеняй на твой гвоздь, что тебя мозжит. Макушка моя вся разможена *молотом*. — Je n'en puis plus.^e

Христос воскрес! — Нынче по-вашему 26-го марта — Светлое воскресенье. Христос воскрес! — и в другой раз чок твой портрет, друг друга обнимем. А кто старое вспомнит — тому глаз вон — русская по-

^c но я возместила расходы (*франц.*).

^d O! Боже мой. Да... Сударыня... большой беспорядок... коров совсем нет, ни одной свиньи, ваша милость... Нет ни овец, ни построек <?>. O! Боже мой. Да... ваши дела в беспорядке. Мне потребуются деньги... O! Боже мой. Да... много денег, сударыня, чтобы поправить дела... Готовьте деньги, сударыня. — Мои деньги, но у меня ничего нет, кроме долгов, сударь, и я делаю новые... — Тогда... сударыня, полное разорение... O! Боже мой. Да, нет денег — нет доходов... Чтобы собирать урожай нужно сеять... O!.. Боже мой. Да... (*франц.*).

^e Я больше не могу (*франц.*).

словица. Ни слова уже не услышишь ты от меня более о прошедшем 1838-м годе. Теперь 1839-й год. Ты это письмо читаешь около $\frac{11}{23}$ апреля. Итак, у нас еще есть время на наши летние планы.

Итак, вот мое мнение, а ты мне отвечай на сие, обдумав хорошенько, — так ли я пишу по заочности. Да не спеши, обдумай хорошо и аккуратно и Поршку позови на совет. Все сие клонится к твоему здоровью. Eh!.. bien.^f

Мы послали тебе денег 3000. Ты получил их 17-го февраля, и за расплатою долгу у тебя еще осталось.

Мы послали вслед за этими деньгами вслед 2000. Но! это деньги пока мои собственные. Ты их не трогай, пока со мною спишешься, т. е. ответ на это письмо пришьлешь, или пока решишь, что делать, и меня уведомишь.

Вот тебе наш общий совет: по получении сего письма, чему пройдет месяц, ежели ты все будешь себя чувствовать здоровым *не совершенно*, то ты перестань учиться, примись хорошенько *лечиться*, пока будешь чувствовать, что ты *здоров совершенно*. Болезнь отца меня смертельно напугала, и я боюсь тебя видеть больным. Нет, нет!.. я и не вынесу.

Оставь все, возьми ты все деньги и ступай в Вену, посоветуйся с Мальфатием¹² или хоть в Берлине собери консилиум и поезжай на воды, куда тебе посоветуют доктора.

А потом? — Потом — mon cher Jean!^g — Бог не благословил нашего с тобою плана. Но! — были ли мы согласны с тобою! — Зачем ты поехал, зачем я тебя послала, по-русски ты учен довольно. — Но, может быть, наше вам воспитанье данное — или причиною отцова болезнь, а там моя, мой вояж¹³ или что другое. Мы не могли вам дать светскости, и вы с братом — умные, добрые, почтительные ко мне... вышли, не прогневайся, — *чудаками*. — Я не в осужденье говорю! Нет, вы мне милы, как вы есть. Но! — свет требует светскости... Брат военный, это еще не так его страннит, но! — ты, Иван, ты!.. Ах! я желала бы видеть в тебе все совершенство, по крайней мере уже то, что только от тебя зависит. Но! — однако я ничего не желаю более, что вижу в других. — *Soyez comme les autres!*^h *Хромай с хромыми*.¹⁴ — Никогда ты минуты не подумаешь, где ты! — Не посмотришь, что делается около тебя, чего требует пристойность! Например, почему могли заметить *на парохде* одни твои ламантации...¹⁵ Слухи всюду доходят! — и мне уже многие говорили к большому моему неудовольствию... *Ce gros monsieur Tourguéneff, qui se lamentait tant, qui disait mourir si jeune...*^{i, 16} — Какая-то Толстая... Какая-то Голицына... И еще, и еще... Веревкин¹⁷ [...] Там

^f Ну!.. хорошо (*франц.*).

^g мой дорогой Иван! (*франц.*)

^h Будьте, как другие!.. (*франц.*).

ⁱ Этот огромный господин Тургенев, который так причитал, который говорил: умереть таким молодым... (*франц.*)

дамы были, матери семейств. — Почему же о тебе рассказывают. Что ты *gros monsieur*¹ — не твоя вина, но! — что ты трусил, когда другие в тогдашнем страхе могли заметить... Это оставило на тебе пятно ежели не бесчестное, то *ридикюльное*.¹⁸ Согласись. — А я, по чести и совести тебе сказать, более тебя не за науками послала, а чтобы ты почерпнул пристойность. Вот почему и больно мне, что ты в Берлине не попал в те дома, где бы мог видеть русских порядочных... Но! — чего не сделалось, то уже поздно ловить. — Лови здоровье, лето употреби на это, т. е. курс вод. — Ты увидишь там порядочное общество. Старайся быть, как другие. Не ори в театрах, как ты хвастаешь. — И потом, окончив успешно свое лечение, приезжай ради Бога к нам.

Я пришло денег на это. Я сама, кажется, не в силах совершить такой вояж, — я слаба очень стала. Ваничка, вспомни наше условие: ежели не я к тебе, ты ко мне. — Теперь и брат за ремонтом, съедем[<ся?>] в первый, а может, в последний раз, подумаем, посоветуемся, что делать. И ежели ты необходимо найдешь нужным опять возвратиться в Берлин, я тебя удерживать не буду. — Дай мне взглянуть на тебя, и я умру покойно. — А ежели ты найдешь возможным, Ваничка, взять меня с собою в Берлин — возьмишь! Не найдешь нужным или удобным — оставь, не бери. Даю тебе мое честное, благородное слово, что я опять буду с твоей стороны и делать то, что ты найдешь к твоей пользе! Только приезжай, кончивши курс леченья. А ежели ты будешь здоров и на воды ехать тебе будет весною не нужно, то приезжай, как только начнутся вакансии, к Петрову дню, стрелять в Спасское. А собаки, охотники, товарищи, т. е. Берс <?>,¹⁹ Купфершм<идт>,²⁰ Ларион и все, сколько могу собрать, — будут готовы. Приезжай, а осенью, ежели будет нужно, и Бог с тобою.

Но! — пожалуйста, твой летний вояж, ежели вознамеришься ехать на воды, соверши скромнее. Порфирия отошли через пароход в Гамбург, а там он найдет дорогу в Петербург, где Михайла.²¹ Или уже как ты сам найдешь выгодней и дешевле. — Нынешний год трудно мне пережить — ремонт брата, ты за границей, управителю жалованья 4000, новые расходы на улучшение имения. Я все еще не на прочном месте, все еще без приюта. — Вот тебе все, что могла написать. — Отвечай мне на сие как можно скорее. Чем ты расположишься, так и я по твоему пути расположу и свои планы и намеренья. Моя жизнь от тебя зависит... Как нитка в иголке: куда иголка, туда и нитка.

Cher Jean.^k — Я иногда боюсь, чтобы тебя не слишком ожесточить своими упреками и наставленьями. — Но! — ты должен принять мое оправдание. Век мой имела я одних врагов, одних завистников. — Я должна была дорого платить за все блага, которые мне посылал Создатель. — *Богатство*... внушало зависть, хорошее супружество — и того более. Теперь — хорошие дети, воспитанные мною почти уже без

^j огромный господин (франц.).

^k Дорогой Иван (франц.).

отца, хорошего поведенья, почитающие меня. — О! какая это в свете вина. Ваничка, положи руку на сердце, ежели бы ты, сын мой, слышал о своей матери. *C'est une femme de très mauvais ton... Elle est ridicule... elle est babillarde, ennuyeuse...*¹ Ну! словом все, что говорится о женщинах моих лет и в моем положении. Ведь тебе неприятно бы было это слушать. — А ты не воспитал меня, на тебя не падает мое ничто. Я горжусь своим твореньем. О, как приятно мне слышать, когда вас хвалят! Зато уже и покор вам... смерть моя, особливо, ежели я чувствую, что точно вы бы могли быть иначе, ежели бы захотели. — Чего же вам недостает перед прочими? Хорошей фамилии, богаты, как думают, не безобразнее других. — На воспитание ваше я ничего не щадила. Чего же я требую? — *Ne soyez pas ridicule*^m — и только, и все тут. Неужели так трудно это исполнить? — Это же не для меня, для вас. Моя карьера кончилась, ваша только что начинается. — Прости, целую и благословляю тебя. Твой друг и нежная мать

В. Тургенева.

Дядя хочет писать.

<Рукою Н. Н. Тургенева:>

Милый друг Ваня, — давно я к тебе не писал, ездил в Москву, проездил 35-ть дней по различным делам, а главное, для продажи лошадей, коих продал изрядно. Всего денег выручил до 12 тысяч рублей. Вырученные деньги годятся брату в прибавок к ремонтной сумме на покупку лошадей. — Со всех сторон неожиданные денежные издержки, одним словом, — беда. А главная та беда — твое нездоровье. Хотя и пишет твой Порфирий, что ты совершенно здоров, а по твоему письму полагаю, что ты все еще болен, вследствие чего вот тебе мой дружеский совет: если ты действительно болен, то не теряй времени, отправляйся в Вену к Мальфат<и>ю как к известному доктору, и что он тебе скажет, то ты в точности обязан исполнить. Наверное, он тебя отправит к минеральным водам, кои в недалеком расстоянии от Вены. По окончании же курса вод, если болезнь твоя не оставит, тогда уже полагать надо, что у тебя есть камень, от коего, кроме операции, нет возможности избавиться. И потому ты должен будешь ехать в Париж, о чем ты должен будешь нас заблаговременно известить, чтобы мы могли бы взять меры к должному исполнению. Теперь противное предположение: если ты по окончании курса вод почувствуешь облегчение, тогда непременно обязан ты возвратиться в Россию. Видеть, быть может, в последний раз страждущую твою мать. Она час от часу становится слабее и сама не в силах к тебе ехать. Наверное, она не перенесет никакого путешествия, и потому ты во всяком случае обязан возвратиться в Россию всенепременно. Благословение родительское дороже всех почестей. — Если ты не будешь иметь надобности в лечении, то по окончании лекций вместо

¹ Это женщина очень дурно воспитанная... Она смешна... она болтлива, скучна... (франц.).

^m Не будьте смешны (франц.).

путешествия по Италии приезжай к матери повидаться, а быть может, и навсегда проститься. Она понапрасну [...].

<Рукой В. П. на полях первой страницы:>

Ради Бога, не забывай мне присылать семена. Ведь ты не поверишь, как мне приятно из такой дали иметь от тебя что-то полуживое. Да пришли огурчиков, хоть семечка два-три. Это еще приятнее, съестное... Вырастет, а мы будем кушать.

Кстати, о живом: мы все бережем, любим и ласкаем твоего Наполя. Однако он не так чист, как отец, воняет псиной. А ласков очень, умен, послушен и, говорят, хорош на охоте. Приезжай, сам его испытай.

Публикуется по копии: *Копия 1*. Л. 10–16. Местонахождение подлинника неизвестно.

Отрывки впервые опубликованы: *РМ(1)*. С. 101; *ТСб. 1915*. С. 28, 31–34.

¹ По всей видимости, речь идет о приписке В. П. в письме Н. С. Тургенева от 10 (22) марта, написанной сразу же по получении письма от И. С.: «Письмо от тебя от 14/24-го февраля получено. — В 1838-м году от 1-го января до 1839-го года 1-го января стоишь ты мне 15000. — Погорев, ты вожжировал. Зачем ты вожжировал!.. зачем черт тебя носил на галеру» (*РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 13 об. На л. 12 рукой В. П. также приписано: «Дяди нету, он в Москве»). Письмо Н. С. было отправлено в субботу, 11 (23) марта.

² Имеется в виду П. Т. Кудряшов. См. о нем примеч. 18 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 521–522.

³ О болезни С. Н. Тургенева см. примеч. 1 к п. 18, а также примеч. 1 к п. 4 (Там же. С. 550)

⁴ Младший брат И. С. — *Сергей Сергеевич Тургенев* (1821–1837) был подвержен, по всей видимости, приступам эпилепсии.

⁵ В течение всего 1838 г. В. П. не раз укоряла сына за затратное путешествие по Германии, предпринятое им после пожара парохода «Николай I» вместе с бароном Д. Г. Розеном (см. о нем статью Н. П. Генераловой для «Тургеневской энциклопедии»: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 373), А. Г. Демидовым и П. Т. Кудряшовым. См., напр., п. 3 и 5.

⁶ От нем. *Wagen* — зд. тележка. Ср. с п. 3: «Найми тележку, да возьми посох, да и ступай» (*Письма В. П. Тургеневоу*. Ч. 1. С. 541).

⁷ *Квишта* — зд. последняя, самая тонкая струна на смычковых инструментах.

⁸ Очевидно, от франц. *vin de Graves* — вина, получившие название Грав по названию одноименной винодельческой области Бордо.

⁹ Речь идет о п. 19.

¹⁰ В. П. вольно цитирует стихотворение П. А. Вяземского «Молоток и гвоздь» (1823):

— По милости твоей я весь насквозь расколот, —
Кирпич пенял гвоздю, — за что такая злость?
— За то, что в голову меня колотит молот, —
Сказал с досадой гвоздь.

¹¹ О нанятом Н. Н. Тургеневым в Москве новом управляющем — голландце *Андрияне Ивановиче Шмидтене* (Schmidten) 10 марта брату писал также Н. С. Тургенев, дав ему следующую выразительную характеристику: «Человек с большим запасом сведений по агрикультурной части — и к тому же сахарный заводчик — *avant tout* <прежде всего. — франц.>. Человек, который *a fait les ereuves* <зарекомендовал себя. — франц.> — жив-

ши почти 6-ь лет у Свербеева, у кн. Гагарина. — Все ближние деревни от Спасского он осмотрел — и многое нашел не так — многое хорошо. Одно, что он очень не хвалит, так это то, что нигде нет скота — et les terres ne sont pas fumées du tout <и земли совсем не обработаны. — франц.>; и то и дело говорит о коровах, о быках — об овцах — а когда говорит о свиньях, что очень часто бывает, то он всегда прибавляет: les cochons, votre respect, sont etc... <свиньи, ваша милость, и т. д. — франц.> и это votre respect <ваша милость. — франц.> говорит часто — скороговоркою, впрочем, все это не мешает ему быть хорошим хозяином — надо будет приступить ко многим реформам — и даст Бог, всё уладится понемногу. N'est-ce pas Mr Schmidten que cela pourra se faire petit à petit <Не правда ли, г-н Шмидтен, все это потихоньку наладится. — франц.> — скажешь ему — он отвечает: Oh! mon Dieu — oui! <О! Боже мой — да! — франц.> — Чистейший иностранец» (РНБ. Ф. 795. № 90. Л. 12). В том же письме он сообщал, что отправляется вместе с А. И. Шмидтеном «визитировать деревни».

¹² Об *Иоганне Мальфатти ди Монтеггио* примеч. 7 к п. 19.

¹³ В. П. имеет в виду путешествие за границу, которое она предприняла одна в 1834–1835 гг. для поправки здоровья. См. примеч. 9 к п. 1: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 517–518.

¹⁴ Возможно, намек на басню И. И. Хемницера «Земля хромоногих и картавых» (1779). См. примеч. 29 к п. 18.

¹⁵ *Ламантации* — от франц. *lamentations* — сетования, жалобы.

¹⁶ В. П. имеет в виду слухи о недостойном поведении Тургенева во время пожара на пароходе «Николай I», которые распространились в Москве и Петербурге вскоре после катастрофы. В дальнейшем эти компрометирующие слухи преследовали И. С. на протяжении всей жизни и были зафиксированы в воспоминаниях ряда современников: А. Я. Панасовой, П. В. Анненкова, кн. П. В. Долгорукова. На последние, отрывок из которых был воспроизведен А. С. Сувориным в *СПбВед*, Тургенев вынужден был отвечать публично: «Я и прежде знал, что князю П. В. Долгорукову заблагорассудилось выкопать старый анекдот о том, как 30 лет тому назад (в мае 1838 года) я, находясь на „Николае I“, сгоревшем близ Травемюнде, кричал: „Спасите меня, я единственный сын у матери!“ (Острота тут должна состоять в том, что я назвал себя единственным сыном, тогда как у меня есть брат). Близость смерти могла смутить девятнадцатилетнего мальчика — и я не намерен уверять читателя, что я глядел на нее равнодушно, но означенных слов, сочиненных на другой же день одним остроумным князем (не Долгоруковым), я не произнес. Видно, князю Долгорукову, желавшему сделать мне оскорбление, нечего было сказать про меня, если он решился повторить такую старую и вздорную сплетню» (*ПССиП(1)*). Соч. Т. 15. С. 147, 368–369; коммент. Е. И. Кийко). См. также: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 11. С. 520–523; коммент. Л. М. Долотовой). В. П. не в первый раз укоряла сына за это «приключенье» (см. п. 5 и примеч. 5 к нему, а также примеч. 1 к п. 1).

¹⁷ О *Владимире Петровиче Вевекине*, который вместе с Тургеневым оказался на пароходе «Николай I», см. примеч. 29 к п. 5: *Письма В. П. Тургеневой*. Ч. 1. С. 562.

¹⁸ *Ридикольный* — от франц. *ridicule* — смешной, нелепый.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду Андрей Е. Берс, также страстный охотник, см. о нем примеч. 55 к п. 1: Там же. С. 530.

²⁰ Об А. М. Купрфершмидте см. примеч. 19 к п. 19.

²¹ В. П. имеет в виду М. Ф. Лобанова, см. примеч. 7 к п. 16

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

- Анненков. Письма* — Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).
- БдЧ* — журнал «Библиотека для чтения».
- Белинский* — Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953–1959.
- ВЕ* — журнал «Вестник Европы».
- ВЛ* — журнал «Вопросы литературы».
- ГАОО* — Государственный архив Орловской области (Орел).
- Герцен* — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.
- ГЛМ* — Государственный Литературный музей (Москва).
- Даль* — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка; В 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (Репринт 1978 г.).
- Добролюбов* — Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961–1964.
- Достоевский* — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- ИВ* — журнал «Исторический вестник».
- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Летопись* — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева: В 5 кн. СПб., 1995. Кн. 1: 1818–1858 / Сост. Н. С. Никитина; СПб., 1997. Кн. 3: 1867–1870 / Сост. Н. Н. Мостовская; СПб., 1998. Кн. 4: 1871–1875 / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская; СПб., 2005. Кн. 5: 1876–1883 / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская (Изд. продолжается).
- ЛН* — Литературное наследство. М., 1931–2008. Т. 1–103 (Изд. продолжается).
- Мвед* — газета «Московские ведомости».
- НВр* — газета «Новое время».
- ОГЛМТ* — Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева (Орел).
- ОЗ* — журнал «Отечественные записки».
- ПССиП(1)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1961–1968.
- ПССиП(2)* — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–2003 (Изд. продолжается).
- РА* — журнал «Русский архив».
- РВ* — журнал «Русский вестник».
- РГАЛИ* — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ* — Российская государственная библиотека (Москва).
- РЛ* — журнал «Русская литература».
- РМысль* — журнал «Русская мысль».
- РНБ* — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
- РСт* — журнал «Русская старина».

* В настоящий список сокращений не включены сокращения, принятые в «Тургеневской энциклопедии».

РусВед — газета «Русские ведомости».

Русские писатели — Русские писатели. 1800–1917. М., 1989–2007 (Изд. продолжается).

СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

T 1 — Тетрадь автографов А. А. Фета (1854–1859). Рукописный отдел ИРЛИ (№ 14166).

T 2 — Тетрадь автографов А. А. Фета (1859–1885). Рукописный отдел ИРЛИ (№ 14167).

T Сб — Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1–2. Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3–5.

Фет. МВ. — *Фет А.* Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.

Фет. Соч. и письма — *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002–2007. Т. 1–4 (Изд. продолжается).

Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953.

Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977.

BN — Bibliothèque Nationale de la France (Paris).

Cahiers — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977–2003. N 1–27 (Изд. продолжается).

Lettres inéd. — *Tourguénev I.* Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille / Publiées et annotées par H. Granjard et A. Zviguilsky. Lausanne, 1972.

Nouv. corr. inéd. — *Tourguénev I.* Nouvelle correspondance inédite / Texte recueillis, annotés et précédés d'une introduction par A. Zviguilsky. Paris, 1971–1972. Т. 1–2.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтисписе — М. П. Алексеев. Фотография. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 26 — *Nodier Ch. Stella, ou Les proscrits* (Стелла, или изгнанники). 2-me éd. Paris, 1830. Фронтиспис и титул. лист. На титул. листе — автограф В. П. Тургенева: «*Barbe de Tourguénev*». Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.

С. 27 — Серафима, или Первая любовь. Из воспоминаний о юности Карла Нордье // Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 3. С. 382. Первая страница повести. Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.

С. 28 — Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 3. Фронтиспис и титул. лист журнала. Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.

С. 47 — *Correspondance Ivan Tourguéniév — Louis Viardot: Sous le sceau de la fraternité* (Переписка Ивана Тургенева и Луи Виардо: Под знаком братства). Paris, 1910. Обложка книги. На обложке — портреты И. С. Тургенева и Л. Виардо работы А. А. Харламова. Масло. 1875 г. Оригиналы хранятся в Государственном Русском музее (Петербург) и в Публичной библиотеке Дижона.

С. 50 — Полина Виардо. Портрет работы А. А. Харламова. Масло. 1875 г. Оригинал хранится в частном собрании.

С. 70 — Ночной Париж. Бульвары. Литография с гравюры на стали по рисунку Э. Лами. 1843 г.

С. 71 — Театр Амбигю-Комик. С гравюры на стали ателье Fenner, Sears & C°. по рисунку Дж. Нэша. Париж, 1831 г.

С. 72 — Театр Водевиль в 1832 г. С гравюры на стали. Париж, нач. 1830-х гг.
Театр Фюнамбюль. С гравюры на стали А. Берту по рисунку А. Тестара. Париж, нач. 1830-х гг.

С. 73 — Ю.-Д.-М. Буффэ в роли Гранде в «Дочери скупого» (Театр Варьете).

С. 75 — Ж.-Ш. Одри.

С. 76 — Театр Порт Сен-Мартен. С гравюры на стали Ш.-Н. Рансоннета по рисунку Бауха. Париж, 1831 г.

Иллюстрации на с. 70–76, а также на с. 78, 79 воспроизводятся по: Paris de 1800 à 1900. D'après les estampes du temps / Publié sous la direction de Charles Simond. Paris, 1900. Т. 2.

С. 77 — Робер Макэр — биржевой игрок. Литография О. Домье. 1837 г.

Робер Макэр — основатель акционерного общества. Литография О. Домье. 1836 г.

С. 78 — Фредерик-Леметр в «Постоялом дворе Адре». С литографии Жиро.

Фредерик-Леметр. Фотография Э. Каржа. 1876 г.

С. 79 — Театр Фоли-Драматик. Литография с гравюры на стали. Париж, нач. 1830-х.

- С. 80 — Робер Макэр и его последователи. Гравюра на дереве О. Домье.
Робер Макэр-адвокат. Гравюра на дереве О. Домье.
Воскресающий Макэр. Гравюра на дереве О. Домье. 1842 г.
- С. 84 — И.-К. Лафатер. Литография. Воспроизводится по: *Galerie berühmter Schweizer der Neuzeit in Bildern von Fr. und H. Hasler. Mit biographischem Text von Alfred Hartmann. Baden (Aargau), 1868. Bd 1.*
- С. 85 — «Лафатеровские профили». Воспроизводится по: *Lavater J.-C. Essai sur la physiognomonie, destinée à faire connoître l'homme et à le faire aimer / Traduit d'allemand par Mme de la Fite, M. M. Caillard et H. Renfner. 1781–1803.*
- С. 87 — Ж.-П.-К. де Флориан. Литография Я. Манго. Ок. 1800 г.
- С. 89 — *Florian de. Œuvres* (Сочинения). Paris, 1805. Т. 7: *Fables et pièces diverses*. Фронтиспис и титул. лист. Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.
- С. 91 — Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Гравюра А. Тайхеля. Берлин, 1867 г. Литературный музей *ИРЛИ*.
- С. 145 — Н. В. Гоголь. Литография М. Барышева с портрета А. А. Иванова (1841). 1850-е гг. Литературный музей *ИРЛИ*.
- С. 152 — Гоголь на смертном одре. Рисунок неизв. художника. Москва, 1852 г. Из альбома М. П. Боткиной, Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 160 — Полина Виардо. Фотография ателье Тиссье. Париж, 1861 г. Литературный музей *ИРЛИ* (Из собрания А. Ф. (Отто) Онегина).
- С. 176 — Нотная запись и автограф Полины Виардо в альбоме А. Ф. (Отто) Онегина, с датой: «15 Oct. 97». Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 181 — Полина Виардо. Рисунок карандашом неизв. художника. Баден-Баден, 1865 г. Из альбома Е. Н. Опочинина, Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 191 — Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенные на русский язык И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа. СПб., 1871. Титул. лист альбома.
- С. 197 — А. А. Фет. Литография А. Жанена по рис. Э.-А. Руссо. 1857 г. Литературный музей *ИРЛИ*.
- С. 199 — И. С. Тургенев. Фотография ателье Тиссье. Париж, 1861 г. Литературный музей *ИРЛИ* (Из собрания А. Ф. (Отто) Онегина).
- С. 201 — Стихотворение А. А. Фета «Ответ Тургеневу» («Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...»). 1856 г. Автограф в *T 1*. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 203 — Эпиграмма А. А. Фета «Поэт, пророк, орловский знатный барин...». 1856 г. Автограф в *T 1*. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 207 — Стихотворение А. А. Фета «Под небом Франции среди столицы света...». 1856 г. Автограф в *T 1*. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 209. — Стихотворение А. А. Фета «Ура! наш архангел отвинчен...» и эпиграмма «Понятен зов твой сердобольный...» (на одном листе). 1876–1877 гг. (?). Автографы в *T 2*. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 219 — Стихотворное послание Тургенева А. А. Фету «Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...». Куртавнель, 16 (28) июля 1859 г. Первая страница. Автограф. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 223 — Стихотворение А. А. Фета «Тургеневу» («Из мачт и паруса, что честно так служил...»). 1864 г. Автограф в *T 2*. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 227 — Стихотворение А. А. Фета «Хотя по-прежнему зеваю...». 1869 г. Автограф в *T 2*. Рукописный отдел *ИРЛИ*.
- С. 243 — *Молчапов А.* Не для меня! // *БдЧ*. 1839. Т. 33. Май. Отд. I (Русская словесность). С. 65. Начало стихотворения.
- С. 245 — Любимые песни московских цыган. М.: у А. Гутхейля, 1877. Титул. лист альбома.
- С. 246 — Ноты романса «Не для меня придет весна...» (переложение Я. Ф. Пригожего) в альбоме «Любимые песни московских цыган» (№ 70). Первая страница романса.

С. 250–251 — *Максимович-Амбодик Н. М.* Эмблемы и символы избранные, на русский, латинский, французский, немецкий и английский языки переложены... СПб., 1809. Страницы с изображением эмблемы и толкованием символа «Тюльпан цветущий». Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.

С. 253 — *Liger Le Jardinier fleuriste, ou La Culture universelle des fleurs, arbres, arbustes, arbrisseaux fervent à l'embellissement des jardins* (Садовник-цветовод, или Всеобщая культура разведения цветов, деревьев, кустов, кустарников, предназначенный к украшению садов). Rouen, 1787. Авантитул и титул. лист книги. На авантителе дарительная надпись братьев Николая и Ивана Тургеневых В. П. Тургеневой на французском языке: «L'an 1825 le 4 de décembre à maman par ses enfants Nicolas et Jean» («Год 1825, 4 декабря — маменьке от ее детей Николая и Ивана»). Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.

С. 256–257 — *Максимович-Амбодик Н. М.* Эмблемы и символы избранные, на русский, латинский, французский, немецкий и английский языки переложены... СПб., 1809. Страницы с изображением эмблемы и толкованием символа «Белая лилия». Мемориальная библиотека Тургенева, *ОГЛМТ*.

С. 258 — Герань и гелиотроп из «Маменькиного садика». Фотография. *ОГЛМТ* (Орел), 2008 г. Из личного архива В. А. Макешиной.

С. 262 — Е. Н. Ахматова. Фотография К. Бергамаско. Петербург, 1877. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 265 — Н. А. Белоголовый. Фотография. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 269 — М. В. Белинская (урожд. Орлова) с дочерью Ольгой и сестрой А. В. Орловой. Фотография. 1860-е гг.

С. 276 — В. П. Боткин. Фотография Захарьина. Петербург, 1860-е гг. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 279 — К. А. Варламов. Фотография Везенберга и К°. Петербург. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 296 — М. А. Загуляев. Фотография А. Рентца и Ф. Шрадера. Петербург, 1898 г. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 298 — Е. П. Кадмина в «Африканке» Дж. Мейербера. Фотография. Петербург, 1880 г. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 308 — Октав Мирбо. 1888 г. Воспроизводится по: *Cahiers*. N 22 (1998). P. 91.

С. 316 — А. Ф. Федотов. Гравюра В. К. Зейпеля с фотографии К. А. Шапиро. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 317 — Г. Н. Федотова. Фотография И. Дьяговченко. Москва, 1880-е гг. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 321 — А. С. Суворин. Фотография А. И. Денъера. Петербург, 1878 г. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 328 — Б. М. Маркевич. Фотография ателье Dresden Photographic Society. Петербург. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 338 — Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина). СПб., 1875. Кн. 1. Обложка книги. Библиотека *ИРЛИ*.

С. 353 — К. Ю. Давыдов. Гравюра Гельштейна. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 362 — Е. И. Апрелева (урожд. Бларамберг). Фотография Д. С. Здобнова. Петербург, 1902 г. Литературный музей *ИРЛИ*.

С. 364 — Письмо Марианны Дювернуа к Е. И. Бларамберг от 6 апреля 1883 г. Первая страница. Отдел рукописных фондов *ГЛМ*.

С. 367 — Марсель Мопуаль (урожд. Шамро). Фотография. Ок. 1905 г. Воспроизводится по: *Cahiers*. N 4 (1980). P. 30.

С. 369 — Полина Виардо в окружении дочерей — Марианны и Клоды. Фотография. Баден-Баден, 1870 г. Из коллекции Ж. Гупий (Jeanne Goupille).

С. 372 — М. М. Стасюлевич. Фотография. 1908 г. Воспроизводится по: *ВЕ*. 1909. № 1 (Январь) (фронтиспис журнала).

- С. 376 — Письмо Марианны Дювернуа к Е. И. Бларамберг от 4 февраля 1909 г. Первая страница. Отдел рукописных фондов ГЛМ.
- С. 378 — Митрополит Серафим (Чичагов).
- С. 380 — *Серафим, епископ Орловский и Севский (Чичагов)*. Слово пред панихидою по И. С. Тургеневу // Орловская епархия в 1906–1908 гг. при преосвященном епископе Серафиме (Чичагове). С приложением его речей и докладов. Кишинев, 1914. Первая страница речи.
- С. 399 — Л. Н. Назарова и Т. П. Ден. Фотография. Ленинград, 1955 г. Из личного архива Н. П. Генераловой.
- С. 445 — Записная книжка В. П. Тургеневой («голубая тетрадь»). 1823–1832 гг. Первая страница. Рукописный отдел ИРЛИ.
- С. 447 — Английская набережная в Петербурге (пароход «Ижора» на Неве). Литография Иванова с рисунка В. С. Садовникова. Нач. 1830-х гг.
- С. 451 — Письмо Н. Н. Тургенева к И. С. Тургеневу от 10 декабря 1838 г. Первая страница. Отдел рукописей РНБ.
- С. 457 — *Karr A. Einerley*. Paris, s. a. (Сер. «Romans populaires illustrés»). Первая страница с предисловием автора и началом романа. Библиотека ИРЛИ.
- С. 464 — Водосбор обыкновенный (*Aquilegia Vulgaris*). Хромолитография. Воспроизводится по: *Lindman Carl Axel Magnus. Bilder ur Nordens Flora*. Stockholm, 1901–1905.
- С. 468 — Василек американский (*Centaurea Americana*). Хромолитография с акварели А. Люнцера (Lunzer). 1880 г. Воспроизводится по: *Meehan Th. The Native Flowers and Ferns of the United States*. 1879–1880.
- С. 491 — Е. И. Новосильцева с детьми. Портрет К. И. Барду (?). 1830-е гг. ОГЛИМТ (Орел).
- С. 495 — Письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 25 февраля — 1 марта 1839 г. Первая страница. Отдел рукописей РНБ.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И. С. ТУРГЕНЕВА

- «Автобиография» — 289, 290
«Андрей» — 67
«Ася» («Annouchka, souvenirs du bords du Rhin») — 17, 35, 128, 132, 134, 254–255, 311
«Безденежье (Сцены из петербургской жизни молодого дворянина)» — 267, 268
«Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...», *стих.* — 214, 217–219
«Брошюра по поводу либеральных демонстраций 1879 г.» — *неосуществл. замысел* — 277, 278
«Бирюку» — См. «Записки охотника»
«Бурмистр» — См. «Записки охотника»
«В ответ на возглас соловьиный...», *стих.* — 214
«Вечер в Сорренте» — 268
«Вешние воды» — 8, 17, 38, 133, 139, 182, 183, 307, 311, 330, 431
«Вильгельм Телль, драматическое представление в пяти действиях. Соч. Ф. Шиллера. Перевод Ф. Миллера», *рец.* — 282
«Вместо вступления» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Все эти похвалы едва ль ко мне придутся...», *экспромт* — 211, 212
«Встреча», *неизв. стих.* — 287
«Гамлет и Дон-Кихот», *статья* — 52, 131, 165, 228–233, 296, 388
«Где тонко, там и рвется» — 268
«Где-то, что-то вест, млст...», *стих. пародия* — 215, 216
«Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, и в стихах. СПб., Сочинение Нестора Кукольника», *рец.* — 340
«Грустно мне, но не приходят слезы...», *стих.* — 502
«Два поколения», *неосуществл. замысел* — 291, 303, 307
«Два приятеля» — 17
«Два слова о Грановском», *ст.* — 291
«Дворянское гнездо» — 12, 15, 18–20, 36 («шесть романов»), 58, 76, 77, 86, 126, 130, 134–138, 143, 144, 192, 276, 278, 294, 302, 379, 381, 431, 449
«Дневник лишнего человека» — 38, 247
«Довольно» — 67, 95, 98, 105, 116, 164, 276, 413, 414, 431
«Дым» — 13, 15, 20–23, 36 («шесть романов»), 37, 38, 53, 126, 127, 136, 141, 210, 215, 216, 255, 258, 276, 278, 284, 294, 347, 391, 392, 426, 431
«Живые мощи» — см. «Записки охотника»
«Записки охотника» («Mémoires d'un chasseur») — 35, 36, 42, 52, 54, 71, 88, 148, 229, 261, 263, 264, 268, 269, 273, 276, 278, 282, 284, 287, 288, 294, 339, 448, 501
«Бежин луг» — 149, 304, 492
«Бирюку» — 315, 336
«Бурмистр» — 306
«Гамлет Щигровского уезда» — 131
«Живые мощи» («Relique vivante») — 42
«Конец Чертопханова» — 330
«Контора» — 448
«Лес и степь» — 264
«Однодворец Овсянников» — 305
«Стучит!» — 330, 360
«Татьяна Борисовна и ее племянник» — 476
«Хорь и Калиныч» — 263, 282, 477
«И шепчут гор верхи...», *эпиграмма* — 213
«Из-за границы. Письмо первое» — 12, 16, 17
«Идеалист с широким пузом...», *эпиграмма* — 214
«Инфузория», *неосуществл. (?) замысел* — 104
«История лейтенанта Ергунова» — 98

- «К Венере Медициской», *стих.* — 182
 «Как снег вершин...» («Как снег с вершин...»), «Как с неба свет...» — 212–214
 «Клара Милич (После смерти)» — 298
 «Конец Чертопханова» — См. «Записки охотника»
 «Крылов и его басни», *ст.* — см. «Krilof and his Fables»
 «Литературные и житейские воспоминания» — 7, 8, 15, 20, 39, 146, 214, 283, 285, 458
 «Воспоминания о Белинском» — 109, 146, 159
 «Вместо вступления» — 7, 8, 15, 283, 284
 «Гоголь» — 146, 149, 150, 214
 «Литературный вечер у П. А. Плетнева» — 146
 «По поводу „Отцов и детей“» — 19–21, 324, 331
 «Посздка в Альбано и Фраскати» — 146, 426
 «Любезнейший Фет!..», *стих.* — 214
 «Людоед» — См. «L'Orgue»
 «Малейший шум замолкнет в мирной [те-ни]...», *стих.* — 502
 «Мемориал» — 234–237, 464, 482, 483, 500, 501
 «Месяц в деревне» — 279, 280, 297, 307, 317
 «Муму» — 35, 449
 «Нахлебник» — 71, 82, 413
 «Накануне» — 12, 13, 15, 36 («шесть романов»), 37 («Елена», «Елена»), 58, 112, 126, 133, 136, 182, 273, 276, 280, 281, 286, 291, 355, 391, 392
 «Нева» («Нет, никогда передо мной...») — 252
 «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» — 9–10, 112, 126, 136, 182
 «Несколько слов о Жорж Санд» — 42, 325, 347
 «Несчастная» — 38, 39
 «Новь» — 13, 14, 36 («шесть романов»), 38, 61, 83, 86–90, 92–94, 125, 126, 127, 136, 210, 263, 264, 292, 302, 310, 318, 330, 334, 337, 340, 391, 397
 «Образчик старинного крючкотворства» — 304
 «Отцы и дети» — 15, 18–20, 36 («шесть романов»), 38, 55–57, 111 («Базаров»), 112, 115–124, 126, 131, 136, 137, 139, 142–144, 206, 208, 210, 276, 320–322, 324, 326, 327, 330, 332, 341, 391, 393, 414, 418 («Базарова»), 420, 423, 427, 431–435, 438
 «Отчаянный» — 431 («Миша Полтсев»)

«Параша», *позма* — 216
 «Первая любовь» («Un premier amour») — 24, 27–33, 37, 38, 235, 253–255, 311, 409
 «Переписка» — 17, 431
 «Песнь торжествующей любви» — 98, 106, 184
 «Письма из Берлина» — 10
 «Письмо С. Т. Аксакову о прилете и улете дичи», *исосостав. замысел* — 270
 «Письмо из Петербурга <о смерти Н. В. Гоголя>» («некролог Гоголя») — 52, 150, 152, 214, 294, 342
 «Племянница. Роман, соч. Евгении Тур. 4 части. Москва, 1851», *рец.* — 290, 291
 «По поводу „Отцов и детей“» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
 «Посздка в Альбано и Фраскати» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
 «Посздка в Полесье» — 115, 164
 «Покинув град Петров, я в Баден поспешил...», *стих.* — 214
 «Последний колдун» — См. «Le Dernier Sorcier»
 «Постоялый двор» — 291, 307
 «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым. Москва, 1850», *рец.* — 291
 «Предисловие и послесловие к очерку И. Я. Павловского „En cellule. Impressions d'un nihiliste“ („В одиночном заключении. Впечатления нигилиста“»)» — 296
 «Предисловие <к переводу романа М. Дюкена „Утраченные силы“>» — 263
 «Предисловие к переводу „Украинских народных рассказов“ Марко Вовчка»> — 296
 «Призраки» — 95–98, 101–107, 182, 276
 «Провинциалка» — 315
 «Пунин и Бабурин» — 339, 342, 343
 «Рассказ отца Алексея» — 325
 «Решено! Ура! Виват!..», *стих.* — 214, 215
 «Рудин» — 10–12, 24, 36 («шесть романов»), 56, 61, 126–135, 137, 138, 143, 264
 «Слишком много жен», *либретто* — См. «Trop de femmes»
 «Смерть Ляпунова. Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Гедеонова. Санкт-Петербург, 1846», *рец.* — 267
 «Собака», *рас.* — 276, 321
 «Собственная господская контора» — 303
 «Современные заметки» — 283
 «Сон», *рас.* — 325
 «Стенной король Лир» — 330

«Стихотворения в прозе» («*Senilia*») — 49,
62–67, 105, 115, 274, 423, 424
«Два четверостишия» — 424
«К читателю» — 63, 274
«Как хороши, как свежи были розы...» — 65
«Конец света (Сон)» — 115
«Кубок» — 63, 64
«Нимфы» — 64–66
«Памяти Ю. П. Вревской» — 286
«Природа» — 164
«Русский язык» — 282
«Собака» — 115
«Старик» — 115
«Старуха» — 115
«Стой!» — 64, 65, 67, 68
«Череп» — 64
«Что я буду думать?..» — 115
«Стук... стук... стук!..» — 38, 491
«Стучит!..» — См. «Записки охотника»
«Три встречи» — 38, 182, 184, 252, 253, 311
«Три портрета» — 302, 304
«Фауст», *повесть* — 16, 35, 67, 69, 70, 276,
302
«Фауст, траг. Гёте. Перевод первой и из-
ложение второй части. М. Вронченко.
1844. Санкт-Петербург», *рец.* — 16, 33,
85, 299
«Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?..», *стих.* —
214
«Филиппо Стродзи», *поэма* — 182
«Холостяк» — 71, 82, 280
«Чась» — 49, 476
«Я долго стоял неподвижно...», *стих. наро-
дия* — 215
«Яков Пасынков» — 38, 254
«De la littérature russe contemporaine», *ста-
тья* — 153, 154, 300
«History of a town. Edited by M. E. Saltykoff.
(Istoria odnogo goroda.) St.-Petersburg,
1870», *рец.* — 333
«Krilof and his Fables. By W. R. S. Ralston.
Third edition, greatly enlarged», *ст.* — 300
«Le Dernier Sorcier», *либретто* — 171, 180,
181, 259
«L'Ogre», *либретто* — 180
«Trop de femmes», *либретто* — 181

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ГЕЙНЕ

«Стоит погода злая!..» («*Das ist ein schlechtes
Wetter...*») — 189, 190, 195, 196

ИЗ ГЁТЕ

«Перед судом» («*Vor Gericht*») — 178

ИЗ ГОГОЛЯ

«*Nouvelles russes de Nicolas Gogol*» («Рус-
ские повести»), *подпись Л. Виардо* — 53,
147, 148, 162

ИЗ ЛЕРМОНТОВА

«*Le Novice*» («Мицыри»), *при участии Л. Ви-
ардо и П. Мериме* — 53, 162

ИЗ МАРКО ВОВЧКА

«Украинские народные рассказы» — 296

ИЗ МЁРИКЕ

«Было счастье» («*Agnes*») — 189, 190, 195
«На заре» («*in der Frühe*») — 178
«Садовнику» («*Der Gärtner*») — 189, 190, 193,
194

ИЗ РИХАРДА ПОЛЯ

«Загубленная жизнь» («*Verfehltes Leben*») —
189, 192, 193
«Лесная тишь» («*Märchen*») — 189–192
«Ожидание» («*Allein*») — 189, 190, 194–195
«Разгадка» («*Räthsel*») — 178

ИЗ ПУШКИНА

«*Dobrovsky*» («Дубровский»), *подпись:
Л. Виардо* — 53, 162
«*Les poèmes dramatiques*» («Драматические
поэмы»), *при участии Л. Виардо* — 53,
162

ИЗ ЭДУАРДА ТЮРКЕТИ

«День и ночь» («*L'Ombre et le Jour*») — 169,
178

ИЗ ФЛОБЕРА

«Иродиада» («*Hérodiade*») — 42, 43, 184
«Легенда о Святом Юлиане Милостивом»
(«*La Légende de Saint Julien
Hospitalier*») — 42, 43, 184

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абу (About) Э. — 316
 Авдеев М. В. — 103, 330, 334
 Авенариус В. П. — 343
 Аверкиев Д. В. — 337, 340, 343
 Аврелий (Aurelius) Антоний Марк — 95, 318
 Азадовский М. К. — 112
 Айвазовский И. К. — 343
 Айзенштук И. Я. — 151
 Аксаков И. С. — 148, 151 («Аксаковы»), 343
 Аксаков К. С. — 151 («Аксаковы») — 151, 280,
 Аксаков С. Т. — 151 («Аксаковы»), 287
 Аксаковы, семья С. Т. и О. С. Аксаковых —
 151, 280,
 Алданов М. А. — 244
 Александр Казанский, свящ. — 260
 Александр Невский, князь новгород. и вла-
 димир. — 260, 261
 Александр I Павлович, российский имп. с
 1801 г. — 448 («вел. кн.»)
 Александр II Николаевич («государь»), росс.
 имп. с 1855 — 52, 205 («царя»), 260, 261,
 277, 329, 339, 345
 Александров (наст. фам. Крылов) В. А. —
 297, 317
 Александров В. Б. — 393
 Александров Левон — 465, 467, 487, 491
 Александрова-Кочетова А. Д. — 297
 Алексеев М. П. — 5, 6, 54, 99, 147, 148, 186,
 188—190, 229, 232, 274, 275, 281, 286,
 383—390, 394, 400, 433, 434
 Алексеева В. Н. — 273
 Алексеева Н. В. — 274, 275, 389
 Алексина Р. М. — 477
 Аленыцын В. Д. — 298
 Алпатов П. А. — 261
 Альбрехт (Albrecht) М. — 139
 Анакреон — 299
 англичанин, управляющий конным заводом в
 Спасском-Лутовинове — 441, 444, 447,
 474, 476
 Андреев Л. Н. — 282, 400
 Андреева А. А. — 97, 106
 Андресен Н. Г. — 393
 Анисимов Н. Н. — 287
 Анненков П. В. — 9, 18, 22, 23, 46, 47, 52, 73,
 74 («друга»), 76, 81, 96, 104, 130, 131,
 148, 155, 172, 186, 214, 263, 269, 276,
 277, 279, 286, 291, 296, 297, 307, 313,
 316, 318, 321, 325, 331, 335, 337, 340,
 342, 415, 509
 Анненский И. Ф. — 386
 Антокольский М. А. — 163
 Антон Григорьевич, крепостной В. П. Турге-
 невой — 443, 449
 Антонович М. А. — 107, 322, 330, 420
 Антье (Antier) Б. — 77, 79 («авторы») — 292
 Анциферов Н. П. — 292
 Аппеллес — 414
 Априлева Е. И. — См. Бларамберг Е. И.
 Апухтин А. Н. — 311
 Апухтин В. Р. — 449
 Арапетов И. П. — 214
 Аргамакова (ур. Чапкина) О. В. — 293, 295,
 447, 448
 Арен (Arène) П. — 278
 Ариосто (Ariosto) Л. — 30, 299
 Аристотель — 318, 406, 417
 Аристофан — 140
 Арним (Arnim; ур. Брентано) Б. фон — 10
 Арнхольдт (Arnholdt de Pimassens) Л. — 183,
 187
 Арсеньев А. Н. — 262
 Арсеньев В. М. — 262
 Арсеньев Н. В. — 262
 Арсеньев К. К. — 322, 336, 345, 347
 Архий (Archias) Авул Лициний — 318
 Атбек (Атабеков, Атабек, Атарбеков) Г. С. —
 235
 Ауэр Л. С. — 353
 Афонин Л. Н. — 400, 402
 Ахматова Е. Н. — 262, 263
 Ачкасов А. В. — 202
 Ашевский С. (наст. имя М. Н. Столяров) —
 288
 Ашерсон (Ascherson), нем. врач — 482
 Ашихмина Е. Н. — 476
 Аюпов С. М. — 139

- Басевский В. С. — 131
 Базунов А. Ф. — 327, 328, 333,
 Байар (Bayard) Ж.-Ф.-А. — 73–75
 Баймаков Ф. П. — 324, 328, 329, 333, 334, 350
 Байрон (Byron) Дж.-Г. — 282, 465
 Бакарев В. А. — 305, 306
 Бакунин Алексей А. — 287
 Бакунин М. А. — 8, 52, 130, 248
 Бакунина Л. А. — 69
 Балакирев М. А. — 175
 Балашов Н. И. — 275
 Балашова Г. — 249
 Бальзак (Balsac) О. де — 20, 99, 101
 Балькова Л. А. — 16, 24, 26, 99, 275, 300,
 305, 306, 309, 316, 446, 447, 449, 456, 469,
 493
 Барасва-Успенская А. В. — 360
 Баратынский Е. А. — 231, 427
 Барду К. И. (Карл Вильгельм) — 491 (?)
 Барро (Barrot) К.-Г.-О. — 278, 279
 Баргенов П. И. — 303, 304
 Баскаков В. Н. — 229
 Баталов Э. Я. — 110
 Батюто А. И. — 24, 95, 99, 109, 111, 112, 125,
 126, 403, 431–438
 Батюто С. А. — 403
 Батюшков К. Н. — 90, 285
 Батюшков Ф. Д. — 263, 264
 Бах (Bach) И.-С. — 358
 Бахрушин С. А. — 308
 Бахтин М. М. — 24, 127, 391, 393
 Бачелис Т. И. — 110
 Бегров И. П. — 272
 Белевцев (Белевцов) Д. Н. — 474, 476, 477
 Белинский (в зам. Бензис) О. В. — 269
 Белинский В. Г. — 25, 109, 130, 147, 149, 155,
 159, 216, 269, 273, 275, 277, 283, 291, 398,
 403–406, 408–411, 413–430, 482
 Беллини (Bellini) В. — 76
 Белоголовый Н. А. — 265–267, 331
 Беляев Ю. Д. — 264, 280
 Беневоленский И. — 461 («доктор»), 464,
 484, 497, 501
 Бенедиктов В. Г. — 421, 424–426, 429
 Беннет (Bennett) А. — 55, 57, 58, 61,
 Беранже (Béranger) П.-Ж. — 170
 Берзер А. С. — 394
 Беринг (Baring) М. — 55–58, 60
 Бернар (Bernard; наст. имя Г.-Р. Бернар) Са-
 ра — 350
 Бернарден де Сен Пьер (Berbardin de Saint-
 Pierre) Ж.-А. — 30
 Берне (Börne) Л. — 157, 158
 Берс А. А. — 270
 Берс Александр. Е. — 269, 270
 Берс Андрей Е. — 270, 271, 497, 501, 506, 509
 Берс (в перв. браке Павленкова) Е. А. — 270,
 271
 Берс (ур. Иславина) Л. А. — 270, 271
 Берсы, семья Андр. Е. Берса — 271
 Бертран (Bertrand) А. — 62–65, 67, 275
 Бертю (Berthoud) А. — 72
 Берх А. М. — 269
 Бессонов П. А. — 280
 Беттина — См. Арним Б. фон
 Бетховен (Beethoven) Л. ван — 357, 501
 Безр А. Д. — 236, 237
 Бёк (Boeckh) Ф.-А. — 289
 Биби — См. Житова В. Н.
 Бизе (Bizet) Ж. — 185, 186
 Билибина М. Н. — 491
 Бильбоа К. П. — 175
 Битюгова И. А. — 263, 267
 Благоволина Ю. П. — 174
 Благой Д. Д. — 198
 Бланшар (Blanchard) Э.-Т. — 53, 271, 272
 Бларамберг (в зам. Апрелева; псевд. Е. Ар-
 дов) Е. И. — 272, 273, 312, 362–377
 Блок Г. П. — 213
 Блюмель (Blumel) А. — 387
 Боборыкин П. Д. — 322, 323
 Бобчев Н. — 273
 Бобчев Стефан С. — 273
 Бовуар (Beauvois) С. — 110
 Богданов Б. В. — 16, 304–306, 431, 432
 Богданович И. Ф. — 273, 274
 Богданович Н. — 275
 Богословский Н. В. — 396
 Боград В. Э. — 332
 Боденштедт (Bodenstedt) Ф. — 172–174, 177,
 178
 Бодлер (Baudelaire) Ш. — 63, 101, 274, 395
 Бок (Bock) Г. — 179
 Боккаччо (Boccaccio) Дж. — 299
 Бокова В. М. — 212
 Болье (Beaulieu; ур. Дювернуа) Анри, дочь
 М. Виадро — 384
 Болье (Beaulieu) М. — 46, 162, 183
 Большакова Н. В. — 312
 Боннье де ла Шапель (Bonnicr de la
 Chapelle) К. — 385
 Борисов И. П. — 208, 218, 227, 244, 319
 Борисова (урожд. Шеншина) Н. А. — 218
 («сестра»)
 Боровиковский А. Л. — 327, 331, 342
 Боровиковский В. Л. — 448
 Борроу (Borrow) Дж.-Г. — 388
 Борщевский С. С. — 393
 Боте (Vote) Э. — 179
 Боткин В. П. — 85, 98, 146, 151, 154–158,
 174, 200, 202, 204, 208, 269, 275, 276,
 388, 407–409, 418, 419, 448
 Боткин М. П. — 448
 Боткин С. П. — 265
 Боткина (Фет, Шеншина) М. П. — 152, 218
 («Супруге Вашей»), 227
 Боткины, семья В. П. и С. П. Боткиных —
 265, 275
 Бочаров С. Г. — 391
 Брайннина Б. Я. — 286

- Брамс (Brahms) И. — 185
Брандуков А. А. — 357
Брейткопф (Breitkopf) Б. К. — 172, 178, 179, 184
Бриггс (Briggs) Э. — 185, 186
Бризе (Brizeux) О. — 167
Бриссо (Brissot) Ж.-П. — 314
Бродский Н. Л. — 102, 151, 282, 392
Бронь Т. И. — 277
Бруштейн А. Я. — 280
Брюкнер (Brückner) А. — 55
Брюллов К. П. — 424–426
Брюэр (Bruère) Г. — 50 («будущий претендент»)
Буало (Boileau) Н. де — 185
Буальдьё (Boicldieu) Ф.-А. — 499, 502
Бубеннов М. С. — 438
Буданова Н. Ф. — 24, 334, 437
Буйле (Bouilhet) Л. — 35
Булахов П. П. — 175
Булгаков, капитан — 304
Булгарин Ф. В. — 147, 203, 205, 206, 325 («нечто болгаринское»)
Бунин И. А. — 244, 282, 400, 402
Буренин В. П. — 330, 336, 337, 340, 345, 347
Буслаев Ф. И. — 18, 91
Буслаева, мать Ф. И. Буслаева — 91
Буйффе (Buffé) Ю.-Д.-М. — 73–75
Бухштаб Б. Я. — 198, 203, 205, 206, 210–212, 222, 224, 225, 227
Буш В. В. — 360
Бьевилль (Biéville) Ш.-А.-Э.-Э. Денуайе де — 73
Бюрти (Burdy) Ф. — 278
Бюффе (Buffet) Л.-Ж. — 278, 279
Бюхнер (Büchner) Ф.-К.-К.-Л. — 423
Бялый Г. А. — 95, 112, 133
- Вагнер (Wagner) Р.** — 274
Вадковская А. Ф. — 475
Вадковская (в перв. браке Безобразова, во втор. Тимирязева) С. Ф. — 473 (?), 475
Вадковский Ф. Ф. — 475
Вакри (Vacquerie) О. — 42
Ваксель Л. Н. — 279
Ваксель П. Л. — 279
Валлес (Vallès) Ж. — 344, 346
Вальтер Х.-Ф. (Федор Андреевич) — 140
Варенцова Е. М. — 362
Варламов А. Е. — 279
Варламов К. А. — 279, 280
Варнеке Б. В. — 268
Василевский И. Ф. (Буква) — 85
Василенко-Левитон М. Л. — 357
Васильев С. В. — 280
Васильева Е. Н. — 280
Васильева Н. В. — 279
Васильева (в зам. Танеева) Н. С. — 280
Васильчиков А. А. — 468
Васильчиков П. А. — 145, 146
- Ватсон Э. К. — 336
Векслер И. И. — 111
Великовский С. — 110
Велчев В. П. — 273, 286
Венгров С. А. — 107, 344, 345, 347
Венелин (наст. фам. Хуца) Ю. И. — 280, 281
Воняевский (Wicniawski) Г. (Г. И.) — 353, 357
Вера Алексеевна — См. Зайцева В. А.
Вережкин В. П. — 505, 509
Верещагин В. В. — 278
Вергилий (Virgile) Публий Марон — 104, 241
Вердер (Werder) К. — 10
Верди (Verdi) Дж. — 298
Верн (Verne) Ж. — 262
Верне (Vernet) Ш. — 75
Виардо (Viardot) Клоди (в зам. Шамро) — 48, 51, 166, 171, 183 («младшие дочери»), 187, 363, 365, 367–370
Виардо (Viardot) Леон — 50
Виардо (Viardot) Луи — 42, 46–53, 88, 147, 160–165, 167, 182, 183, 185–187, 204, 229, 313, 358, 360, 366–369, 386
Виардо (Viardot; в зам. де ла Тур) Луиза — 50, 161, 186, 187, 272
Виардо (Viardot; в зам. Дювернуа) Марианна — 183, 187, 272, 362–377, 384
Виардо (Viardot) Полина — 6, 35, 37, 46, 47, 50–52, 70, 71, 73–75, 77, 80, 81, 88, 104, 111, 114, 145, 153, 160–196, 204, 218 («Здешняя хозяйка»), 229, 236, 272, 292, 300, 312, 314, 356–358, 360–371, 384, 386, 389, 390, 431
Виардо (Viardot) Поль, сын Л. и П. Виардо — 40, 41, 51, 187, 313, 360, 361
Виардо (Viardot), дети — дети Л. и П. Виардо — 50, 51, 187
Виардо (Viardot), ссмыя Л. и П. Виардо — 161, 164–166, 171, 173, 174, 178, 179, 182, 183, 185–187, 204 («близких друзей»), 218, 294, 313, 357, 361, 363, 365–375
Вигель Ф. Ф. — 87
Виельгорский Матв. Ю. — 167–169, 353, 357
Винникова И. А. — 112
Виноградов В. В. — 101, 267, 268, 502
Виньи (Vigny) А.-В. де — 313
Витали И. П. — 283
Во (Waugh) И. — 61
Воейков А. Ф. — 284, 285
Воейков Н. П. — 285
Володимиров Н. С. — 476
Володимиров С. А. — 476
Володимирова (Владимирова; в зам. Белевцева) Е. С. — 474, 476, 487, 492
Володимировы, соседи Тургеневых — 476, 477
Володин А. М. — 244
Володина Н. В. — 7
Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) М. А. — 42

- Волчихина В. П. — 477
 Вольтер (Voltaire) Ф.-М.-А. — 16, 44, 95, 96, 302, 303, 441, 446, 447
 Вольф А. И. — 175
 Вордсворт (Wordsworth) У. — 100
 Вревская (ур. Варпаховская) Ю. П., баронесса — 285–287
 Вревский И. А., барон — 286
 Вронченко М. П. — 16, 33, 85
 Вулф (Woolf) В. — 59–61
 Вяземский П. А. — 322, 504, 508
 Вялкинский К. И. — 287
 Гаврила, дворовый В. П. Тургеневой — 480, 497
 Гагарин, лицо неуст. — 509
 Гаевский В. П. — 262, 326, 328, 334, 341, 342, 348, 349
 Гайнцева Э. Г. — 151
 Галаган Г. Я. — 332
 Галахов А. Д. — 212–214, 269, 291
 Галахова (ур. Шеншина) О. В. — 448
 Галлер (Haller), издатель — 347
 Гальдос Перес (Péres Galdós) Б. — 388
 Гальперин-Каминский И. Д. — 347, 371
 Гальцова Е. Д. — 110
 Гамбетта (Gambetta) Л.-М. — 279, 346
 Ганжулович Т. Я. — 287, 288
 Ганничев П. Я. — 471, 474, 487, 490
 Ганс (Hans) Э. — 288, 289
 Гарибальди (Garibaldi) Дж. — 182, 295
 Гарнет (Garnett) Э. — 55–57, 60
 Гарнет (Garnett) К. — 57, 60 «женой»
 Гарсиа (García) М. дель Пополо Висенте, отец П. Виардо — 171 («отец»), 182
 Гарсиа (García) М.-П.-Р., брат П. Виардо — 182
 Гарсиа (García; ур. Сичес) Х., мать П. Виардо — 165
 Гаршин В. М. — 289, 290
 Гаршин Е. М. — 260, 281, 289, 290
 Гаршина Е. С. (ур. Акимова), мать В. М. и Е. М. Гаршиных — 289 («мать»)
 Гаспаров М. Л. — 198
 Гауптман (Hauptmann) М. — 352
 Гебель (Gebbel; Hebbel) К.-Ф. — 337, 341
 Гогель (Hogel) Г.-Ф.-В. — 288, 392, 404, 410, 411
 Геденов С. А. — 267, 298
 Гейбель (Geibel) Э. — 172
 Гейзе (Heyse) П. — 125
 Гейне (Heine) Г. — 172, 176, 189–191, 193, 196, 313
 Геллер М. Я. — 311
 Гельштейн, гравёр — 357
 Гендель (Haendel) Г.-Ф. — 167, 185
 Генералова Н. П. — 5, 21, 24, 48, 141, 142, 147, 153, 162, 197, 214, 297, 310, 313, 314, 398, 403, 434, 508
 Георгиевский А. И. — 328, 334
 Герашко Л. В. — 352, 359
 Гербель Н. В. — 341
 Гервер (Herwegh) Г. — 157, 158
 Гердер (Herder) И.-Г. — 86
 Гертель (Härtel) Г.-К. — 172, 178, 179, 184
 Герцен А. И. — 7, 84, 95, 98, 100, 131 («Бельтова»), 265, 415, 416 («Бельтов»)»
 Гершензон М. О. — 28, 112, 238, 287, 354, 355, 455, 475
 Гесснер (Gessner) С. — 88
 Гёте (Goethe) И.-В. — 16, 19, 53, 67, 70, 85, 95, 143, 158, 168–172, 176, 178, 179, 299–301, 306, 417 («Фаусту»), 427
 Геттманн (Gettmann) Розл.-А. — 54
 Гинзбург Л. Я. — 130, 131, 133, 193
 Гинзбург С. Л. — 352
 Гинцбург У. де, барон — 47
 Гиппиус З. Н. — 28
 Гитлиц Е. А. — 213, 214
 Гладкова Т. Л. — 311
 Глинка (ур. Голенищева-Кутузова) А. П. — 310
 Глинка М. И. — 298, 356
 Глинка Ф. Н. — 310
 Глюк (Gluck) К.-В. — 166–169, 171
 Гнедич П. П. — 268
 Гоголь Н. В. — 6, 52, 53, 56, 95, 99–102, 142, 144–159, 162, 214, 267, 268, 275, 283, 290, 294, 300, 327, 332, 339, 342, 392, 404, 413 («Акакий Акакиевич»), 414, 415, 417–420, 428–430, 438, 446
 Гозенпуд А. А. — 388
 Голенищев-Кутузов А. А., граф — 105, 106
 Голицина, лицо неуст. — 505
 Голованова Т. П. — 224, 333, 355
 Головин К. Ф. — 335
 Голофеев Н. А. — 477
 Голсуорси (Galsworthy) Дж. — 57, 61
 Гомер — 139, 140, 173, 307
 Гонкур (Goncourt) Ж. де — 278, 346
 Гонкур (Goncourt) Э. де — 186, 346
 Гонкуры (Goncourt), братья Ж. и Э. де — 40, 140, 344, 346
 Гончаров И. А. — 125, 134, 155, 276, 306, 337, 340, 344, 348, 350, 415, 420
 Гончаров Н. С. — 335
 Гончарова, жена Н. С. Гончарова — 329, 335
 Гораций Квинт Флакк (Quintus Horatius Flaccus) — 139–141, 198, 299, 318
 Горький М. (наст. имя А. М. Пешков) — 287
 Готье (Gautier) Т. — 101, 106, 271
 Гофман (Hoffmann) Э.-Т.-А. — 95, 100, 466, 469
 Гоцци (Gozzi) К. — 310
 Гранжар (Granjard) А. — 365–388
 Гранжар (Granjard) З. А., жена А. Гранжара — 388
 Грановский Т. Н. — 8, 13, 290, 291, 500
 Грассини (Grassini) Дж. — 102
 Гревс И. М. — 160, 161, 182, 292

- Грвс М. М. — 292 («отца»)
 Грефе Х.-Ф. (Федор Богданович) — 140, 141
 Греч Н. И. — 99, 147, 203, 205
 Гриб В. Р. — 393
 Грибачев Н. М. — 438
 Грибоедов А. С. — 131 («Чацкого»), 134 («Чацкий»)
 Григорович Д. В. — 100, 155, 310, 315, 350
 Григорьев А. А. — 84, 135, 302, 403
 Григорьев А. Л. — 54
 Григорьев В. В. — 329, 344, 346
 Гринберг И. Л. — 393
 Гринвальд (ур. Курсель) А.-Х. — 293
 Гринвальд Е. И. — 293
 Гринвальд Р. Е. — 293
 Гришунин А. Л. — 492
 Громов В. А. — 147, 261, 264, 265, 278, 282, 288, 290–292, 431–433, 489, 492
 Гроссман Вас. (наст. имя И. С. Гроссман) — 394, 438
 Гроссман Л. П. — 99, 268
 Грот К. Я. — 294
 Грушевая А. В. — 358
 Грюбель (Grübel) Р. — 28, 32, 33
 Грюцмахер (Grutzmacher) Ф.-В.-Л. — 352
 Гудзий Н. К. — 393
 Гуковский Г. А. — 396, 397
 Гумбольдт (Humboldt) А. — 255
 Гуно (Gounod) Ш. — 170, 185, 270, 358
 Гупий (Гупи; Goupille) Ж. — 369, 386
 Гусевич Е. — 393
 Гутур В. П. — 352, 359
 Гутьяр Н. М. — 277, 294, 302, 304, 370, 371
 Гюго (Hugo) В. — 81, 262, 295
- Д'Абрантес, герцогиня — См. Жюно Л.
 Давид (David) Ф.-С. — 352
 Давыдов А. Л. — 359
 Давыдов А. Ю. — 352
 Давыдов В. Н. — 280
 Давыдов Д. В. — 354, 355
 Давыдов (Давидов; Davidoff) К. Ю. — 352–361
 Давыдов О. — 352, 361
 Давыдов Ю. П. — 352
 Давыдова (ур. Горожанская) А. А. — 353, 358–361
 Давыдова (ур. Михайлович) Д. М. (Доротея-Амалия) — 352
 Давыдова Л. — 352, 361
 Дагрон (Dağron) Ж. — 385
 Д'Акарепи Стоян С.-Ж. (Занмов Стоян) — 286
 Даль В. И. — 476, 490
 Данилов С. С. — 268
 Данте (Dante) Алигьери — 104, 183, 313, 402
 Дантон (Danton) Ж.-Ж. — 314
 Даргомыжский А. С. — 175, 177
 Де Пуле М. Ф. — 322
 Де-Роберти Е. В. — 336, 345, 347
- Девитте Н. П. — 242
 Дежасе (Déjaset) В. — 75
 Декарт (Descartes) Р. — 83
 Деляво (Delaveau) А.-И. — 35
 Делакруа (Delacroix) Э. — 274, 278
 Делессер (Delessert; ур. Де Лаборд) В. — 385
 Дельвиг А. И. — 333
 Делянов И. Д. — 141
 Демерт Н. А. — 335
 Демидов А. Г. — 494, 499, 500, 508
 Демосфен — 141
 Демулен (Desmoulins) К. — 314
 Ден Т. П. — 282, 399
 Дервиз П. Г. фон — 312
 Державин Г. Р. — 90, 301–304, 306
 Державин К. Н. — 232, 490
 Дестунис Г. С. — 318
 Джанилиев Г. А. — 266
 Джеймс (James) Г. — 54, 173, 347
 Джеррольд (Jerrold) С. — 309
 Дидро (Diderot; Дидерот) Д. — 84
 Диккенс (Dickens) Ч. — 400
 Дильк (Dilke) Ч. — 277
 Динерштейн Е. А. — 320, 321, 326, 346
 Дмитренко С. Ф. — 332
 Дмитриев И. И. — 90, 91, 299, 455, 502
 Дмитриев М. А. — 91
 Дмитриев С. С. — 291
 Дмитриев-Оренбургский Н. Д. — 47, 48
 Дмитрихина Л. В. — 449, 469, 493
 Добродеев, прапорщик — 305
 Добролюбов Н. А. — 134, 135, 157, 394, 403, 404, 406, 412, 414, 418, 420–424, 427–430, 432
 Доватур А. И. — 140
 Доде (Daudet) А. — 40, 42, 308, 344, 346
 Дойль (Doyle) А. Конан — 100
 Долганов Н. А. — 360
 Долгоруков П. В. — 509
 Долотова Л. М. — 146, 492, 509
 Доманский В. А. — 188
 Домье (Domicr) О. — 71, 77, 80
 Дора (Dorat, Daurat) К.-Ж. — 90
 Достоевский Ф. М. — 15, 24, 52, 54–59, 96, 99–101, 109, 125, 135, 263, 276, 306, 315, 320, 323, 327, 332, 344, 350, 403, 404, 406, 412, 413, 418, 420, 421, 423, 424, 427–429, 431, 435–438
 Достоевская (ур. Сниткина) А. Г. — 332
 Достоевские М. М. и Ф. М., братья — 96
 Драгоманов М. П. — 292
 Дрейфус (Dreyfus) А. — 308
 Дризен Н. В. — 294, 342
 Дрогавцева Е. В. — 449
 Дружинин А. В. — 154–159, 202, 214, 262, 263, 277, 310, 418, 419
 Дудинцев В. Д. — 438
 Дудышкин С. С. — 155
 Дукор И. С. — 393

- Дунаевская (ур. Скуратова) С. А. — 441, 446, 474, 477, 480, 483, 487, 491, 501
- Дунин А. — 294
- Дьяконова Н. Я. — 99, 106
- Дювернуа (Duvernoy) А. — 187, 363, 365
- Дювернуа (Duvernoy) Ж. — 187, 363, 365, Дювернуа М. — См. Винардо М.
- Дювернуа (Duvernoy; в зам. Болье) С. — 363, 365–367
- Дюкан (Du Camp) М. — 263
- Дюма (отец) (Dumas-père) А. — 20
- Дюма (сын) (Dumas-fils) А. — 42, 81, 298
- Дюпон (Dupont), владелец парижского отеля — 359
- Дягилева (ур. Панаева) Е. В. — 311, 312
- Евнина Е. М. — 110
- Еврипид — 168
- Егорка, лакей — 443
- Егоров Б. Ф. — 135, 155, 276, 277, 388
- Егунов А. Н. — 483
- Екатерина II Алексеевна, рос. имп. с 1762 г. — 301, 468 («великой царице»)
- Елксеев Г. З. — 265, 326, 331
- Емельянов Б. С. — 393
- Ермилов В. В. — 437, 438
- Еропкин М. Н. — 294
- Еропкина Н. М. — 294
- Ершов П. П. — 466 («Конек-Горбунок»), 467
- Есин Б. И. — 346
- Есипова А. Н. — 357–360
- Ефремов А. П. — 248, 290
- Жакку (Jaccoud) Ф.-С. — 265
- Жансн (Janin) Ж.-Г. — 445, 466 («Jean Barb»), 467 («Soignée roétique»), 469, 483, 487 (цит.), 492, 493
- Жанлис (Genlis; ур. С.-Ф. Дюкре де Сент-Обен) де, гр. — 440 (цитата), 445, 446, 494 (цит.), 500
- Жантлева Д. Г. — 54, 55
- Жданов В. В. — 155
- Жекулин (Žekulin) Н. Г. — 46, 139, 140, 160, 162, 165, 179, 182, 183
- Жемчужников А. М. — 307
- Жемчужников Л. М. — 307, 308
- Жерар (Жирар; Gérard) — 169, 172, 183, 184
- Жидкова С. Л. — 69, 83, 240, 273, 274, 285, 289, 302, 304, 313, 439, 449, 476
- Жиликова Э. М. — 139
- Жиро (Giraud) Э. — 78
- Житова (ур. Богданович-Лутовинова) В. Н. («Биби») — 140, 270, 291, 293, 306, 444, 447–449, 454, 455, 458, 459, 461, 465, 471, 474, 477, 480, 483, 487, 488, 491, 497, 501
- Житомирская С. В. — 149
- Жохов А. Ф. — 329, 335, 336
- Жуковский В. А. — 84, 85, 91, 146, 285, 401, 415, 454, 458, 465, 468, 475, 499 (цит.), 502
- Жуковский П. В. — 493
- Журавков М. Г. — 110
- Журавлев Д. Н. — 295
- Журавлева Л. С. — 234, 235, 291
- Жюно (Junot) Лора, герцогиня д'Абрантес (d'Abantès, ур. Мартен де Пермон Л.) — 480 (искаж.), 483
- Заборов П. Р. — 272, 383
- Заборова Р. Б. — 189, 193, 269
- Завадовский П. В. — 271
- Завацкая А. И. — 295
- Завацкая Г. И. — 295
- Завацкая Е. И. — 295
- Завацкая Е. С. — 295
- Завацкая М. Н. — 295
- Завацкая О. И. — 295
- Завацкий Алекс. И. — 295
- Завацкий Арк. И. — 295
- Завацкий В. И. — 295
- Завацкий И. Г. — 295
- Завацкий Н. И. — 295
- Завацкий М. Н. — 295
- Завацкие, семья И. Г. и М. Н. Завацких — 293, 295
- Загоскин М. Н. — 146, 409
- Загуляев М. А. — 295–297
- Зайтц (Seitz), муз. издатель — 178
- Зайцев Б. К. — 286, 398–402
- Зайцева (ур. Орешникова; в перв. браке Смирнова) В. А., жена Б. К. Зайцева — 401, 402
- Зайцева-Соллогуб Н. Б. — 400, 402
- Захер-Мазох (Сахср-Мазох; Sachsr-Masoch) Л.-Р. фон — 344, 347
- Звигильская Т. А. — 287, 390
- Звигильский (Zviguilsky) А. — 35, 36, 46, 47, 162, 229, 359, 388, 389
- Здобнов Д. С. — 362
- Зедельмейер — 278
- Зейдельманн (Seydelmann) К. — 70
- Зильберг Ю. Г. — 433
- Зильберштейн И. С. — 278
- Зограф Н. Г. — 280, 297, 317
- Золотницкий Н. Ф. — 249
- Золя (Zola) Э. — 40, 42, 44, 308, 312, 315, 316, 324, 343–347
- Зубова М. Н. — 386
- Зыбин И. А. — 487, 490
- Зыбина (ур. Рыбольшер) Е. И. — 487, 490
- Иванов Г. В. — 332
- Иванов Г. К. — 175
- Иванов И. А. — 447
- Иванов П. — 301
- Идельсон Н. И. — 232
- Иконников-Галицкий А. А. — 342

- Иловайская (ур. Сомова) Е. С. — 294
 Изгоев (наст. фам. Ланде) А. С. — 322
 Измайлов А. А. — 264
 Измайлов А. Е. — 87
 Измайлов В. В. — 88
 Измайлов Н. В. — 151, 277
 Ильинская (наст. фам. Мазурина) М. В. — 297
 Иогансен А. Ф. — 169, 171, 172, 175, 177–179, 184, 189
 Ипатова С. А. — 5, 95, 100, 306, 320
 Ирлин А. Г. — 272
 Иславина (в зам. Берс) Л. А. — См. Берс Л. А.
 Исленьев А. М. — 270, 271
 Исленьевы, семья А. М. Исленьева и С. П. Козловской — 271
 Иссерлин Е. М. — 126, 391
 Истомина В. К. — 213
- К. Р. (наст. имя всл. кн. Константин Константинович) — 199, 212, 222, 227
 Кабанель (Cabanell) А. — 271
 Кавелин К. Д. — 269
 Кавелина Е. П. — 263
 Каган М. И. — 393
 Кадмина Е. П. — 297–299
 Казакевич Э. Г. — 438
 Казаков И. — 497
 Казанский А. — 260
 Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca) П. — 71, 80, 165, 166
 Камю (Camus) А. — 110
 Кант (Kant) И. — 300
 Кантор В. К. — 7, 11
 Кара С. С. — 280
 Каракозов Д. В. — 322
 Карамзин Н. М. — 17, 84, 86, 90, 91, 284, 285, 300, 318
 Каратыгин В. А. — 424–426
 Каратыгин П. А. — 467 («Первый ярус»), 469, 470 («водевиль»), 502
 Карл (Charles) I, англ. король с 1625 г. — 108
 Карпов А. А. — 397
 Карпов Д. И. — 238, 239
 Карпова (в замуж. Шеншина) Е. Д. — 234, 236–238
 Карпова (ур. Жданова) М. М. — 234–236, 238, 239
 Карпова Н. Д. — 237 («Натали»), 238 («Наташа»)
 Карр (Karr) Ж.-А. — 453, 454, 456, 457
 Карр (Carr) Э. — 57
 Каррик Г. В. — 290
 Катачкин — 487
 Катков М. Н. — 322, 328, 334, 351
 Катранов Н. Д. — 273
 Кафанова О. Б. — 34, 84
 Кашперов В. Н. — 354, 355
 Каштанова Е. В. — 455
 Квинси (Quincey) Т. де — 95–102, 106–108
- Кетчер Н. Х. — 317
 Кёрл (Curle) Р. — 59
 Кийко Е. И. — 96, 102, 277, 284, 291, 509
 Кириевский И. В. — 7, 23, 306 («братья»)
 Кириевский П. В. — 306 («братья»)
 Кисловская (в зам. Линева) М. А. — 491
 Киссель М. А. — 110
 Клареси (Кларети; Кларти; Claretie) Ж. — 316, 344
 Клаттон-Брок (Clutton-Brock) А. — 55, 57
 Клеман М. К. — 42, 43, 215, 324, 326, 345, 395, 396
 Климова Д. М. — 234, 236, 483, 500, 501
 Клингер (Klinger) Ф.-М. — 300, 301
 Кнабе Г. С. — 139, 142
 Кноль, г-жа, владелица пансиона в Москве — 483
 Княжнин Я. Б. — 467 («Хвастуна»), 470, 497 («Филатку»), 501
 Ковалевский М. М. — 273
 Козловская (ур. Завадовская) С. П. — 271
 Кок (Kock) П.-Ш. де — 20
 Коллинз (Collins) У. — 262
 Колпакова Н. П. — 198
 Колбасин Е. Я. — 285
 Коломб (Колумб; Colombo) Х. — 409
 Колонтаев Н. Л. — 477
 Колонтаева В. Н. — 448, 465, 469, 474, 477, 490
 Кольридж (Coleridge) С.-Т. — 100, 315
 Кольцов А. В. — 171, 172, 188
 Комаров В. В. — 336, 337, 340
 Комаров Т. И. — 329, 336
 Комманвиль (Commanville; ур. Амар; во втор. браке Франклсн-Гру) К. де — 41, 388
 Кони А. Ф. — 292, 342
 Кони Ф. А. — 267
 Конобеевская И. Н. — 18, 73
 Корконосенко К. С. — 228
 Коробков В. — 282
 Корш В. Ф. — 320–323, 328, 330, 333, 334, 337, 340
 Костомаров Н. И. — 336, 340
 Котельников В. А. — 7, 21
 Коттен (Cottin) М.-С.-Р. — 30
 Коцебу (Kotzebue) А.-Ф.-Ф. фон — 73
 Кошелев В. А. — 198, 206
 Краевский А. А. — 155, 214, 262, 321, 346, 353–355
 Красовский А. И. — 341 («Красовских»)
 Крестова Л. В. — 305, 306
 Кретьева И. В. — 464, 483, 491
 Кривина Т. М. — 54
 Кривцов Н. И. — 475
 Кривцов П. И. — 452, 455, 458, 475
 Кривцов С. И. — 238, 475
 Кривцова А. И. — 455
 Кривцова (ур. Карпова) В. И. — 238, 239, 452, 455

- Кривцова (ур. Вадковская) Е. Ф. — 473 (?), 475
- Кроо (Kroó) К. — 24, 139, 165
- Крупин В. Н. — 247
- Крылов В. А. — 266
- Крылов И. А. — 146, 294, 299, 300, 327
- Кудряшов Порфирий Т. («Порфирий», «Поршка») — 450, 451, 454, 460, 461, 463, 472 («помощник»), 475, 477, 478, 482, 484 («Порфирородный»), 486, 487, 489, 493, 500, 503, 505, 506, 508
- Кудряшова П. Г. — 487, 493
- Кудряшова, семья П. Т. Кудряшова — 478, 482
- Кузминская (ур. Берс) Т. А. — 213, 270, 501
- Кузнецов В. А. — 139
- Кузнецов В. Н. — 110
- Кузнецова Н. В. — 335
- Кузьмина Л. И. — 283
- Куинджи А. И. — 278
- Кукольник Н. В. — 337, 340, 424, 426, 429
- Кулакова Л. И. — 470
- Куприна-Иорданская М. К. — 361
- Купфершmidt А. М. — 497, 501, 506, 509
- Курдюмов С. П. — 235
- Курляндская Г. Б. — 431, 432
- Курочкин В. С. — 322
- Курочкин Н. С. — 322, 360
- Куррьер (Courrière) С. — 336, 337, 340
- Кушелев И. Е. — 244
- Кюи Ц. А. — 175
- Лаврецкий А. (наст. имя И. М. Френкель) — 394
- Лаврин (Lavrin) Я. — 59
- Лавров В. Я. — 450
- Лавров Н. В. — 444, 450
- Лаврова А. В. — 444, 450
- Лавров П. Л. — 322, 350
- Лаврова А. С. — 329, 336
- Лавуазье (Lavoisier) А.-Л. — 30
- Лагарп (La Harpe) Ж.-Ф. де — 39, 90
- Лагрява (ур. Губарева) А. И. — 444, 450, 474, 476, 477, 480, 483, 487, 492
- Лагрявий С. П. — 444, 450
- Лагрявые С. П. и А. И. — 444, 450, 477, 497, 501
- Ладария М. Г. — 24
- Лалло (Лало; Lalo) Э. — 358
- Ламберт (урожд. Канкрин) Е. Е. — 112, 115, 292
- Ланский Л. Р. — 25, 291, 308, 309
- Ларендьер (Larenaudière) Г. де — 167, 169
- Ларион, лицо неуст. — 506
- Ларокка (Larocca) Дж. — 391
- Ласунский О. Г. — 311
- Лафатер (Lavater) И.-К. — 83–87
- Лафон (Lafont) Ш.-Ф. — 499, 502
- Лафонтен (La Fontaine) Ж. де — 90, 299, 300
- Лебедев А. М. — 102
- Лобсдева О. Б. — 475
- Левенгайн А. Е. — 455
- Левин Ю. Д. — 54
- Левитан И. И. — 420
- Левитов А. И. — 344, 346
- Легуве (Legouvé) Г.-М.-Ж.-Б. — 298
- Леже (Léger) Л. — 228–233
- Лейкин Н. А. — 332
- Ленин (Ульянов) В. И. — 403 («ленинская мысль»)
- Ленский Д. Т. — 75
- Ленц (Lenz) Я.-М.-Р. — 300, 301
- Леонар (Léonard; ур. Сичес ди Менди) А. — 358
- Леонар А. — 335
- Леонтьев К. Н. — 155, 284, 291, 354, 355
- Леонтьевский Н. А. — 229
- Лермонтов М. Ю. — 20, 53, 143, 146, 157, 159, 162, 171, 172, 174, 175, 177, 178, 188, 231, 293, 318, 398, 404, 410, 416 («Печорин»), 422, 425, 427, 455
- Ле Сен (Le Cesne) А. — 46
- Ле-Сен-Виардо (Le Cesne-Viardot) О. — 46
- Лесков А. Н. — 335
- Лесков Н. С. — 262, 282, 322, 324, 335, 346
- Лёве (Löwe) С. — 500
- Лиже (Liger) Л. — 249, 253
- Лизипп — 414
- Линев И. Л. — 293, 491
- Линев Л. И. — 487, 491
- Линков В. Я. — 117, 122
- Липгарт Э. К. — 279
- Липкин С. И. — 394
- Литаврина М. Г. — 54
- Лихачев А. Ф. — 487, 490, 491
- Лихачев В. И. — 324
- Лихачев Р. Ф. — 491
- Лихачева Е. И. — 336
- Лобанов В. И. — 442, 448
- Лобанов И. Ф., отец А. И. Лобановой — 488
- Лобанов Л. И. — 448
- Лобанов М. Ф. («Михайла») — 472, 473 («камердинер»), 475, 506, 509
- Лобанов Ф. И. — 442 («дворецкий»), 448
- Лобанова (ур. Тоболева) А. К. («Дуняша», «Дуняшка») — 442, 443, 447, 480, 483
- Лобанова Апраксия (Евпраксия) И. — 488, 493
- Лобановы, семья дворовых В. П. Тургеневой — 448, 483
- Лобковская Е. М. — 268, 269
- Лозинская Т. Б. — 292
- Ломоносов М. В. — 421
- Лонгинов М. Н. — 199, 327 («Лонгиновъ»), 328, 329, 331, 334, 335, 346
- Лопатин Г. А. — 360
- Лотман Л. М. — 267, 268
- Лорис-Меликов М. Т. — 265
- Лукач (Lukacs) Г. — 393
- Лукин В. И. — 268

- Лукина В. А. — 5, 48, 69, 145, 162, 292, 318, 403, 439, 469
- Лутовинов Алексей И., двоюрод. дед Т. — 301–305, 446
- Лутовинов И. А., прадед Т. — 301 («отец»), 304 («отец»)
- Лутовинов И. И., двоюрод. дед Т. — 295, 301–304, 446, 451
- Лутовинов П. И., дед Т. — 301, 304–306, 451
- Лутовинова (в зам. Сергеева) Анна И. — 451
- Лутовинова (ур. Лаврова; во втор. браке Сомова) Ек. И., бабка Т. — 302, 305, 451 («капитанши вдовы»)
- Лутовиновы, семья И. А. и М. И. Лутовиновых — 302, 449
- Льюис (Lewis) С. — 393
- Любшин С. А. — 244
- Людовик (Louis) XIII, франц. король с 1610 г. — 224
- Людовик (Louis) XIV, франц. король с 1643 г. — 71
- Лясковский В. Н. — 306
- Мабли (Mably) Г.-Б. де — 303
- Мавра, Мавруша — См. М. Т. Сливницкая
- Мазон (Mazon) А. — 215, 234, 384–386
- Майков А. Н. — 416, 421
- Майков Л. Н. — 291, 299
- Макарова О. Е. — 336
- Макашин С. А. — 333
- Макшина В. А. — 248, 501
- Маккарт (Макарт; Makart) Г. — 344, 347
- Маковский К. Е. — 312
- Макогоненко Г. П. — 302, 306, 397
- Максимович-Амбодик Н. М. — 248–251, 255–257, 259
- Малевский Ф. — 27
- Малибран (Malibran; ур. Гарсиа) Мария — 229, 389
- Мальфатий — См. Мальфатти ди Монтеггио И.
- Мальфатти ди Монтеггио (Malfatti di Monteggio; Мальфатий) И. (Джованни) — 496, 501, 505, 507, 509
- Мальшова Н. М. — 294
- Мамардашвили М. К. — 110
- Манин (Manin) Д. — 313
- Мансуров А. П. — 466, 468
- Мансуров Б. П. — 329
- Мануйлов В. А. — 398, 400
- Мань (Magny), ресторатор — 35, 49
- Марат (Marat) Ж.-П. — 314
- Маргейнеке (Marheineke) Ф.-К. — 289
- Маричева Л. М. — 319
- Мария Федоровна, имп. — 90
- Марксвич Б. М. — 328, 330, 333, 334, 342, 350
- Марко Вовчок — См. Маркович М. А.
- Маркович В. М. — 11, 17, 112, 117, 128, 130, 137, 143, 397, 434
- Маркович (Марко Вовчок; ур. Вилинская; во втор. браке Лобач-Жученко) М. А. — 295, 296, 385
- Марлинский (наст. фам. Бестужев) А. А. — 417, 424–426, 429
- Мармье (Marmier) К. — 386
- Маро (Marot) К. — 299
- Мартынов А. Е. — 70, 75, 81
- Мартынов И. И. — 501
- Маслов И. И. — 260, 269, 317
- Массон (Masson) М. — 73
- Матвеев И., управитель В. П. Тургеневой — 474, 476
- Матвеев П. А. — 236
- Матвеева (ур. Львова; псевд. О.Телешовская) Е. В. — 308
- Матусевич, управитель В. П. Тургеневой — 474, 476, 486
- Медведев П. М. — 298
- Мей Л. А. — 176
- Мельник Е. Г. — 493
- Мендельсон А. — 484
- Мендельсон-Бартольди (Mendelssohn-Bartholdy) Я.-Л.-Ф. — 74, 352
- Мену (Menou) Ж.-К. — 390
- Менцель (Mentzel) А. — 162, 163
- Меншиков А. С. — 281
- Меншиков В. А. — 281
- Мерзляков А. Ф. — 285
- Мерзляков С. — 260
- Мериме (Mérimée) П. — 153, 155, 186, 385
- Мерлин, ливенский помещик — 499
- Мерлины, ливенские помещики — 502
- Мерло-Понти (Merlo-Ponty) М. — 110
- Метастазιο (Metastasio) П.-А.-Д. — 90, 91
- Метнер Н. К. — 175
- Метьюрин (Maturin; Maturin) Ч.-Р. — 99–101
- Мёрике (Moerike) Э. — 172, 175, 178, 179, 189–191, 193–195
- Миллер О. Ф. — 340
- Миллер (ур. Бахметева; во втор. браке Толстая) С. А. — 166, 222, 306–308
- Миллер Ф. Б. — 282
- Милонов М. В. — 90
- Мялотица М. А. — 175
- Минаев Д. Д. — 322, 328, 335, 337, 340
- Миндыбаева Л. В. — 281, 293, 295, 315
- Мирбо (Mirbeau) О. — 308, 309
- Мирабо (Mirabeau) В. Р. — 288
- Митракова Л. А. — 482, 493
- Митрофаній Воронежский, святитель — 441, 447
- Михайла — См. Лобанов М. Ф.
- Михайлов А. Д. — 153
- Михайлова А. Т. — 395, 397
- Михайловский Н. К. — 335, 360
- Михалков Н. С. — 244
- Михаловский Д. Л. — 202
- Михневич В. О. — 342

- Мишле (Michlet) Ж. — 25, 26
 Модзалевский Б. Л. — 100
 Моисеев Л. Ю. — 282
 Молозева А. Т. — 305, 306
 Молчанов А. — 241–243
 Мольер (Molière; наст. имя Ж.-Б. Поклен) — 304, 449
 Монрено-Бранш (Montreynaud-Branche) Ф. — 386
 Монтень (Montaigne) М. — 30, 36, 162
 Мопассан (Maupassant) Ги де — 42, 389
 Мопуаль (Maupoil; ур. Шапро) М. — 46, 187 («deux petites», «двух малюток»), 363 («bébé»), 365 («малышка»), 366 («mes deux pièces»), 367 («мои две племянницы»),
 Мор (More) Т. — 49
 Морё Ф. — См. Морсук Ф.
 Мориак (Mauriac) Ф. — 123
 Морозов М. М. — 393
 Моруа (Maurois) А. — 392
 Мостовская Н. Н. — 46, 321
 Моцарт (Mozart) В.-А. — 26, 167, 182, 402
 Мошелез (Moscheles) И. — 352
 Мунье (Mounier) Э. — 111
 Мур (Moore) Дж. — 58, 61
 Муратов А. Б. — 95, 96, 112, 347, 436
 Мурье (Mourier) Ж. — 448
 Мысливченко А. Г. — 110
 Мюссе (Musset) А. де — 101
- Надар (Nadar; наст. фам. Турнашон) Г.-Ф.** — 309
 Надеждин Н. И. — 417
 Назарова Л. Н. — 5, 146, 235, 236, 273, 282, 286, 287, 291, 294, 295, 308, 311, 312, 315, 387, 398–402, 455, 493
 Найдич Э. Э. — 279
 Наполеон (Napoléon) I Бонапарт, франц. имп. с 1804 по 1814 гг. — 26, 71, 289
 Наполеон (Napoléon) III (Шарль-Луи Наполеон Бонапарт), франц. имп. с 1852 по 1870 гг. — 41, 106, 278, 309
 Нарочницкая Л. И. — 287
 Нарышкин Э. Д. — 487, 490
 Наталья Васильевна («Васильевна») — 453, 455, 474, 477
 Нахимов П. С. — 241
 Нсклюдов С. — 336
 Неверов Я. М. — 288, 289, 451
 Неслов, управляющий И. Л. Шаховского — 453, 455
 Некрасов Н. А. — 147, 155, 204, 214, 263, 265, 266, 269, 276, 294, 312, 324, 346, 350, 407–409, 413
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. — 83, 90–94
 Нелидова (Маклакова) Л. Ф. — 298
 Неплюева Е. И. — 303
 Нечаева В. С. — 269
 Никанор — 26
- Никитенко А. В. — 151, 262, 263, 331, 333, 335, 341, 465
 Никитин И. С. — 422
 Никитин Н. Н. — 394
 Никитина Н. С. — 229, 277, 278, 285, 287, 293, 306, 313
 Николаев Н. И. — 126, 391, 392, 396, 397
 Николаев П. А. — 435
 Николаева Л. А. — 336
 Никольский Б. В. — 203, 206, 210, 212, 222, 224, 225, 227
 Никольский Ю. А. — 198
 Никонова (Лалицкая) Т. А. — 334
 Нильский А. А. — 268
 Новикова Е. Б. — 483
 Новосельцев А. П. — 247
 Новосильцев Ардалион Н. — 490
 Новосильцев В. Н. — 490
 Новосильцев И. Н. — 490
 Новосильцев Н. П. — 490
 Новосильцев П. Н. — 490
 Новосильцев П. И. — 448
 Новосильцева (ур. Торсукова) Е. А. — 443, 448, 449
 Новосильцева (ур. Апраксина) Е. И. — 490, 491
 Новосильцева (в зам. Нарышкина) Е. Н. — 487, 490
 Новосильцева (в зам. Яковлева) Е. П. — 448
 Новосильцева М. Н. — 490
 Новосильцевы, семья П. И. и Е. А. Новосильцевых — 448
 Новосильцевы, семья Н. П. и Е. А. Новосильцевых — 490
 Нодье (Nodier) Ш. — 24–33, 101
 Нодье (Nodier), отец Ш. Нодье — 29
 Ножан-Сен-Лоран (Nogent-Saint-Laurens) Э.-Ж.-Ж.-Ж.-А. — 309, 310
 Нориак (Noriac; наст. имя К.-А.-Ж. Керрон) Ж. — 310
 Ньютон (Newton) И. — 263
- Ободовский К. П.** — 286
 Овидий Публий Назон (Publius Ovidius Naso) — 139, 252, 299, 473 (шт.), 475
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. — 264
 Овсянников С. Т. — 339, 342
 Огарев Н. П. — 76, 98, 100
 Одинокое В. Г. — 125, 126
 Одоевский В. Ф. — 100, 102
 Одри (Odry) Ж.-Ш. — 75–77
 Ожье (Augier) Э. — 170
 Озеров И. П. — 466, 468
 Ойзерман Т. И. — 110
 Оксман Ю. Г. — 354, 355
 Олдингтон (Aldington) Р. — 61
 Оляшек Б. — 14
 Оман (Haumant) Э. — 55
 Онегин А. Ф. — 174, 176, 310
 Опочинин Н. М. — 181

- Орлов А. С. — 102
 Орлов Н. А. — 296, 297, 360
 Орлова А. В. — 269
 Орлова (ур. Куликова) П. И. — 310
 Осадченко В. М. — 101
 Осоргин (наст. фам. Ильин) М. А. — 310, 311
 Осоргина (ур. Бакунина) Т. А. — 311
 Островский, моск. домовладелец — 337
 Островский А. Н. — 276, 298, 314, 430
 Остроухов И. С. — 211
 Офросимов М. А. — 473 («Не хочешь ты меня понять»), 475, 476
 Оффенбах (Offenbach) Ж. — 42
 Очановский М. — 455
- Павел I Петрович, рос. имп. с 1796 г. — 83, 84, 90
- Павленков (Павленко) Г. Е. — 270
 Павлова Г. Н. — 378
 Павлова Л. А. — 468, 470
 Паганини (Paganini) Н. — 502
 Панаев В. А. — 100, 312
 Панаев И. И. — 150, 151, 155, 420, 482
 Панаева (в зам. Карцова) А. В. — 311, 312
 Панаева (урожд. Брянская; во втор. браке Головачева) А. Я. — 204, 342, 509
 Пантелеев Л. Ф. — 333
 Пантслеймонов Б. Г. — 244
 Панчулидзе С. А. — 293
 Пармени (Parménie, наст. фам. Бурда) А. — 385
 Парторье (Parturier) М. — 385
 Пауфлер К. Г. — 175
 Паскаль (Pascal) Б. — 95, 434
 Перлина Н. М. — 315
 Перминов Г. Ф. — 321
 Перро (Perrot) Ж. — 347
 Петр I (Великий) Алексеевич, рос. имп. с 1689 г. — 145, 146, 153
 Петраш Е. Г. — 5, 109
 Петров О. А. — 390
 Петров С. М. — 402
 Петрова (ур. Воробьева) А. Я., жена О. А. Петрова — 390
 Печерин В. С. — 140, 141
 Пещуровы, бр. А. Н. и ? Н. — 87
 Пиа (Puat) Ф. — 81
 Пиксанов Н. К. — 102, 104, 105, 107, 234
 Пинковский В. И. — 62
 Пионтковская Ю. Е. — 491
 Пирогов Н. И. — 262
 Писарев Д. И. — 322, 324, 330, 394, 414, 418, 434
 Писемский А. Ф. — 155, 271, 272, 276, 314, 339, 343, 344, 434, 438
 Пич (Pietsch) Л. — 48, 163, 347
 Плавский З. И. — 388
 Плавьё (Plaviev) А. — 81
 Платон — 418
 Плетнев П. А. — 283, 285
- Плещеева А. И. — 475
 Плуш П. И. — 286
 Плутарх — 30, 314
 Плюшар А. А. — 469
 Пнин И. П. — 92
 По (Рос) Э.-А. — 274, 298, 393
 Погодин М. П. — 148
 Погорельская Е. И. — 362
 Поджо А. В. — 265
 Подолинский А. И. — 354, 355
 Пожарский И. — 499 (цит.), 502
 Полевой Н. А. — 27, 99, 417
 Полевой П. Н. — 323, 339, 341, 342, 348
 Поленов В. Д. — 335
 Поленова Н. В. — 335
 Полиант — 77, 79 («авторы»)
- Половцев А. В. — 103
 Полозюкова С. А. — См. Ипатова С. А.
 Полонская (ур. Устюжская) Е. В. — 312, 313
 Полонская (ур. Рюльман) Ж. А. — 264, 289
 Полонский А. Я. — 359
 Полонский А. Я., сын Я. П. Полонского — 261, 290
 Полонский И. Я. — 296
 Полонский Я. П. — 48, 260, 264, 271, 286, 292, 296, 297, 306, 312, 313, 323, 327, 328, 331, 333, 336
- Полонские, семья Я. П. и Ж. А. Полонских — 289
- Полонские, дети — дети Я. П. и Ж. А. Полонских — 264
- Поль (Pohl) Р. — 172, 178, 179, 183, 189–195
 Полякова Л. Е. — 54
 Поме (Pomey) Л. — 81, 172
 Понятовский А. И. — 483
 Попов П. С. — 155, 202
- Порфирий — См. Кудряшов П. Т.
 Потапов А. Л. — 328, 329, 334
 Прево (Prévost d'Exiles; Прево д'Эжиль) А.-Ф. — 71 («Манон Леско»)
- Пригожий Я. Ф. — 244
 Притчет (Pritchett) В. — 61
 Проскуровская Ю. И. — 287
 Протасов — 235
 Протасов А. С. — 281
 Протасов Н. Я. — 483
 Протасов П. Я. — 483
 Протасов С. А. — 281
 Протасов С. Я. — 483
 Протасов Я. П. — 237, 483
 Протасова А. А. — 281
 Протасова А. М. — 281
 Протасова (ур. Дохтурова) А. С. — 483
 Протасова (в замуж. Семенова) Александра Я. — 235, 237 («четыре дочери»), 483
 Протасова (в зам. Теплова) Анастасия Я. — 237 («четыре дочери»), 483
 Протасова (в зам. Машнева) Анна Я. — 237 («четыре дочери»), 483

- Протасова (в зам. Гагарина) В. Я. — 237
(«четыре дочери»), 483
- Протасова (в зам. Зацепина) С. Я. — 483
- Протасовы, семья Я. П. и А. С. Протасовых — 480, 483
- Проц Е. В. — 69, 280, 297, 299, 315–317, 501
- Пруст (Proust) М. — 393
- Пруцков Н. И. — 277
- Пугачев Е. И. — 387
- Пузин Н. П. — 213
- Пумпянский Л. В. — 126, 130, 133, 275, 391–397
- Пустовойт П. Г. — 433–438
- Путинцев А. М. — 261
- Пушкин А. С. — 5, 30, 32, 53, 84, 91, 100, 143, 149, 154, 156–159, 162, 171–175, 177, 179, 185, 186, 188, 228, 231, 293, 306, 315, 392, 398, 401, 402, 410, 414–424, 427–430, 455, 456, 466, 468, 475, 487, 492, 493, 502
- Пушкин В. Л. — 90
- Пыпин А. Н. — 332
- Рабле (Rabelais) Ф. — 299
- Рагозин Е. И. — 336
- Радзивилл А. — Г. — 70
- Разин С. Т. — 105, 106
- Рамм Е. Р. — 394, 396, 397
- Ранвье (Ranvier) Г. — 53
- Ранк (Rank) А. — 344, 346
- Ранке (Ranke) Л. — 289
- Раппопорт М. Я. — 336, 340
- Расин (Racine) Ж.-Б. — 456
- Распутин В. Г. — 247
- Растопчин Ф. В. — 304
- Ратисбон (Ratisbonne) Л.-Ф.-Г. — 313
- Рафаэль Санги (Raffaello Santi) — 26, 83, 402
- Ребель Г. М. — 14, 15, 125
- Рейфилд Д. — 336
- Рельштаб (Reilstab) Л. — 356
- Ремарк (Remarque) Э.-М. — 393
- Рембрандт (Rembrandt) Х. Ван Рейн — 163
- Репнина (в зам. Кривцова) Е. Н. — 455
- Рибопьер А. П., гр. — 466, 468, 478, 482, 496, 501
- Римский-Корсаков Н. А. — 175
- Риттер (Ritter) К. — 289
- Рихтер (Richter) Ж.-П. — 307
- Риц (Rietz) Ю. — 164, 165, 173, 183, 185
- Робеспьер (Robespierre) М. — 313–315
- Родионов — 305
- Розанов А. С. — 167, 174, 312
- Розанов И. Н. — 458
- Розен Д. Г. — 500, 503, 508
- Ролан (Roland; ур. Флипон; наст. имя Ролан де ла Платьер) М.-Ж., г-жа — 313, 314
- Ролан де ла Платьер (Roland de la Platière) Ж.-М. — 314
- Рольстон (Ralston) У. — 300, 331
- Ромберг (Romberg) Б.-Г. — 353
- Ромм (ур. Гурсвич) С. Е. — 176
- Роскина Н. А. — 336
- Россини (Rossini) Дж. — 74, 75, 161, 167
- Ростопчина (ур. Сушкова) Е. П. — 348
- Рубинштейн А. Г. — 353, 357
- Руссо (Rousscau) Ж.-Ж. — 16, 313, 314
- Рутцен К. Ф. (Карл Эдуард) фон — 446
- Рыбина М. С. — 62
- Рында И. Ф. — 261
- Рюччи П. И. — 319
- Сабатье (Sabatier), г-н — 387
- Савелий, дворовый В. П. Тургеневой — 480
- Савина М. Г. — 264, 265, 273, 374, 279, 280, 297, 298, 315–317
- Савицкая Е. В. — 329, 335, 339
- Савицкая (в зам. Батгезатул) Н. В. — 314, 315
- Савицкий К. А. — 329, 335, 339
- Садовников В. С. — 447
- Сайтов В. И. — 293
- Салаев Ф. И. — 330
- Салаевы, бр. И. Г. и А. Г. — 330
- Салиас де Тургнемир Е. А., гр. — 328, 329, 333–335
- Салиас де Тургнемир (ур. Сухово-Кобылина; псевд. Е. Тур) Е. В., гр. — 290, 320–322, 346
- Салим А. — 111, 112
- Салтыков (псевд. Н. Щедрин) М. Е. — 134, 265, 279, 324, 327, 331, 332, 337, 340, 342, 344, 346
- Самарин И. В. — 297, 316
- Санд (Sand) Жорж (наст. имя Аврора Дюпен; в зам. Людеван) — 20, 34, 36, 39, 41–45, 149, 158, 183, 185, 188, 262, 350, 392, 395
- Сантини (Santini) Ф. — 185
- Сарду (Sardou) В. — 42
- Сароли (Sarolea) Ч. — 56
- Сартр (Sartre) Ж.-П. — 110–124
- Саути (Southey) Р. — 100, 315
- Сафонова О. Ю. — 262, 270, 271
- Сахарова Е. В. — 335
- Свербеев Д. Н. — 509
- Светоний (Suetonius) Гай Тринквилл — 95
- Свешникова Е. Т. — 274
- Свиньин П. П. — 502
- Свифт (Swift) Дж. — 44, 333
- Свєснард, г-жа, владелица пансиона в Москве — 483
- Семанова М. Л. — 322
- Семевский М. И. — 263, 482, 483
- Семенко И. М. — 90
- Семенов (Séménoff; наст. имя М. С. Коган) Е. П. — 269
- Сен-Санс (Saint-Saëns) Ш.-К. — 358
- Сендецкий А. Н. — 241
- Сенека (Seneca) Младший, Луций Анней — 30, 318
- Сенковский О. И. — 262

- Сент-Аман (Saint-Amand) Ж.-А. — 77, 79
(«авторы»)
- Сент-Бев (Sainte-Beuve) Ш.-О. — 39, 148
- Сервантес де Сааведра (Servantes de Saavedra) М. де — 30, 52, 132, 144 («Дон-Кихот»), 230–232
- Сергиевский И. В. — 394
- Серебряков Н. Н. — 442, 448
- Серебряков Н. Я. — 443, 448
- Серно-Соловьевич А. А. — 98
- Серов А. Н. — 272
- Сетов И. Я. — 298
- Симеон Полоцкий (в миру С. Г. Петровский-Ситнянович) — 421
- Симеонова С. Д. — 273, 280, 281, 301
- Симон (Simon) Ж. — 279
- Симинов Л. Н. — 309
- Сионский А. А. — 401, 402
- Сичес (Sitchès) П., дядя П. Виардо — 165
- Сичес (Sitchès) М., тетя П. Виардо — 165
- Скальковский К. А. — 213, 329, 335
- Скатов Н. Н. — 21, 154
- Скотт (Scott) В. — 409
- Скриб (Scribe) Э. — 20, 73, 74, 298
- Скуратовы, предки И. С. Тургенева — 455
- Славягинский Н. А. — 42, 43
- Славутинский С. Т. — 428
- Слсцов В. А. — 322
- Сливницкая (в зам. Артохова) М. Т. («Мавра», «Мавруша») — 441, 444, 446, 461, 474, 480, 483
- Случевский К. К. — 144, 276
- Смирдин А. Ф. — 501
- Смирнова (ур. Россет) А. О. — 148, 149
- Смирнова Л. Н. — 492
- Соболевский В. М. — 370
- Соболевский Н. И. — 42
- Соколов И. — 304
- Сократ — 83, 141, 306
- Соллогуб В. А. — 173 («писателя»)
- Соллогуб Л. А. — 173
- Соллогуб М. А., сын А. В. Соллогуба и Н. Б. Зайцевой-Соллогуб — 400 («детьми»)
- Соллогуб П. А., сын А. В. Соллогуба и Н. Б. Зайцевой-Соллогуб — 400 («детьми»)
- Соловьев А. К. — 277
- Соловьев Вл. С. — 306
- Соловьев С. М. — 322, 337, 340
- Соловьев Э. Ю. — 110
- Сологуб С. С. — 319
- Сомов С. А. — 445
- Сорокин В. Н. — 287
- Сорокина Е. А. («Лиза», «Лизета») — 441, 443, 446, 474, 476, 480, 483, 487, 491, 492, 497, 501
- Софокл — 140, 144, 168, 414
- Спасович В. Д. — 336
- Станкевич А. В. — 69
- Станкевич Н. В. — 8, 69, 108, 130, 275, 290, 291
- Старчевский А. В. — 263
- Стасов В. В. — 105, 106, 262, 341, 358
- Стасов Д. В. — 262
- Стасюлевич М. М. — 43, 52, 172, 184, 272, 277, 298, 323–326, 332, 341, 348–350, 370–375, 377
- Стендаль (Stendhal; наст. имя А.-М. Бейль) — 29
- Степанов В. П. — 302, 306
- Стеффенс (Steffens) Г. — 10
- Страдивари (Stradivari) А. — 353
- Страхов Н. Н. — 21, 199, 212, 222, 227, 403
- Строев В. М. — 71, 100
- Суворин А. С. — 41, 320–351, 509
- Суворина (ур. Баранова) А. И. — 329, 336, 339
- Суворина (ур. Орфанова) А. И. — 315
- Сумароков А. П. — 299
- Сухарев С. Л. — 99
- Сухих И. Н. — 22
- Сушков Д. И. — 345, 348
- Сушков С. И. — 345, 348
- Сэв Л. — 110
- Сю (Sue) Э. — 20
- Тавризян Г. М. — 110
- Тальони (Taglioni) М. — 469, 470
- Тамарченко Н. Д. — 62
- Тассо (Tasso) Т. — 314
- Тацит — 140
- Тевекели В. — 393
- Теккерей (Thackeray) У. — 262
- Телепнев — 235
- Тенирс (Teniers) Д. — 65
- Теокрит — 88
- Теолон (Théaulon de Lambert) Э.-Г. — 75
- Теплов А. Н. — 466 (?), 468, 469, 487, 490
- Теплов Н. А. — 468
- Теплова (ур. Тургенева) Ф. Н. — 468, 469
- Тепловы, родственники С. Н. и В. П. Тургеневых — 468
- Терье (Theuriet) А. — 315, 316
- Тестар (Testard) А. — 72
- Тигри (Tigri) Дж. — 184
- Тимашев А. Е. — 328, 329, 334, 344
- Тиссье — 199
- Титов А. Н. — 501
- Титов Н. А. — 476
- Титов Н. С. — 475, 476
- Тоболеев Д. К. — 442 («Митька»), 448
- Толстая, лицо неуст. — 505
- Толстая М. Н. — 218 («Сестре сго») — 270, 271
- Толстая (ур. Берс) С. А. — 270, 271
- Толстая С. А. — См. Миллер С. А.
- Толстой А. К. — 222, 306–308
- Толстой Д. А. — 141, 334, 335, 344
- Толстой Л. Н. — 54–59, 109, 126, 155, 177, 197, 199, 204, 205, 210, 211, 213, 215,

- 216, 218, 262, 265, 270, 271, 276, 278, 294, 309, 313, 316, 320, 324, 329, 337, 338 («его»), 340–342, 344, 346, 349, 388, 402, 449
- Толстой Н. Н. — 218
Толстой С. Л. — 271
Томашевский Б. В. — 398
Топоров А. В. — 172, 177, 272, 282, 317, 323, 326, 330, 334, 343, 351
Торсуков А. А. — 448
Тресфорт (Тресфурт) А. Л. — 156
Трискорни (Triscorni) А. — 283
Троллоп (Trollope) А. — 263
Тур Е. — См. Салиас де Тургнемир Е. В.
Тургенев А. И. — 489
Тургенев А. М. — 294
Тургенев А. Н. («дядя») — 444 («в отца»), 448, 449, 501
Тургенев Жан, внук Т. — 51
Тургенев М. А., сын А. Н. и Е. М. Тургеньевых — 449
Тургенев Н. А., сын А. Н. и Е. М. Тургеньевых — 449
Тургенев Н. Н. («дядя») — 25, 216, 235, 262, 441, 443–445, 450, 451, 454, 458, 461, 462, 471, 473, 474, 476, 478–487, 489–491, 496–498, 500, 504, 507, 508
Тургенев Н. С. («брат») — 26, 50, 96, 210, 237 («того артиллериста»), 238, 253, 272, 293, 442, 443 («детям»), 447, 448, 451, 452, 456, 458–460, 462, 464, 465, 467, 468, 471, 473–476, 479–487, 489–491, 494, 496–500, 504–509
Тургенев С. Н. («отец») — 239, 270, 293, 441, 442, 446, 447, 450, 453, 454, 461 («отцовом»), 475, 478 («отцова»), 479 («отец»), 482, 484, 488, 489, 491, 496, 498, 503, 505, 507
Тургенев С. С. («брат») — 503, 508
Тургенева (в зам. Арсеньева) В. Н. — 262
Тургенева (ур. Лутовнинова) В. П. («маменька») — 6, 25, 69, 70 («матери»), 140 («матери»), 162 («матери»), 235, 237–242, 244, 247–249, 252, 253, 270, 285, 289, 293, 295, 299, 302–304, 306 («дочери»), 439–509
Тургенева (в зам. Хрущева) Е. А., дочь А. Н. и Е. М. Тургеньевых — 449
Тургенева (ур. Апухтина) Е. П. («бабушка») — 443, 444, 448, 449, 454, 458, 497, 501
Тургенева (ур. Брюэр) Жанна, внучка Т. — 51, 385
Тургенева (в зам. Сомова) О. А. — 294
Тургенева (в зам. Брюэр) П. И. (Полинетта), дочь Т. — 49–51, 204, 277, 385
Тургенева (ур. Литке) П. Х. — 294 («мать»)
Тургеневы — семья С. Н. и В. П. Тургеньевых — 25, 87, 293, 295, 447, 449, 455, 488
Тургеневы, братья И. С. и Н. С. Тургеньевы — 284, 444 («мои дети»)
Тургеньевы, дети А. Н. и Е. М. Тургеньевых (Михаил, Николай, Елизавета) («дети») — 443, 444, 448, 449, 454, 497, 501
Турьян М. А. — 346, 355
Тьерри (Thierry) О. — 337, 340
Тэн (Taine) И. — 39, 44
Тюпа В. И. — 62, 67
Тюркети (Тюркести; Turquety) Э. — 169, 172, 178
Тютчев Н. Н. — 269
Тютчев Ф. И. — 106, 135, 139, 171, 172, 188, 211
Тютчева (ур. гр. Ботмер; в перв. браке Петерсон) Эл. Ф. — 453 («т-те Т...ф»), 456
Тютчевы, семья Н. Н. и А. П. Тютчевых — 432
Уайльд (Wilde) О. — 58, 61
Уваров С. С. — 284, 285
Уланд (Uhland) Л. — 171
Унамуну (Unamuno) М. де — 111
Уоддингтон (Waddington) П. — 54, 101, 108, 164, 171, 179, 184, 267, 432, 481, 501
Услар (в перв. браке Фролова, во втор. Богданова) Е. К. — 236, 237
Успенская А. В. — 139
Успенский Г. И. — 360
Успенский Н. В. — 413
Успенский Э. Н. — 247
Устюжский В. — 312
Уссе (Houssaye) А. — 274
Утин Е. И. — 335, 336
Феваль (Féval) П. — 20
Федосов И. А. — 141
Федотов А. Ф. — 316
Федотов Г. П. — 14
Федотова Г. Н. — 316, 317
Фелр — 299
Фейсрбах (Feuerbach) Л. — 275
Фенелон (Fénelon) Ф. де Салиньяк, маркиз де ля Мот — 314
Фену Н. О. — 326, 330
Феокистов Е. М. — 151, 152, 290, 291, 318, 321, 328, 334
Феокистова (ур. Беклемишева) С. А. — 321
Фервиль (Ferville) Л.-Б. — 73–75,
Фет (Шеншин) А. А. — 6, 142, 144, 171–175, 177, 188, 197–227, 275–277, 282, 294, 306, 318, 319, 422, 423 («Шенот, робкое дыханье...»), 424, 449, 464, 489, 490
Фигнер В. Н. — 331
Фигнер (в зам. Стахович) Л. Н. — 331
Филюшкина О. В. — 501
Финкельштейн Е. Л. — 71, 76, 78, 81
Фирмен (Firmin), наст. имя Ж.-Ф. Бекерель — 78, 79
Фишер (Fischer) К. — 410

- Флобер (Flaubert) Г. — 28, 34–46, 81, 126, 173, 184, 271, 274, 275, 316, 346, 350, 388, 391–393, 395
- Флориан Ж.-П.-К. де — 83, 87–89
- Фомснко И. В. — 67
- Фомин А. А. — 288
- Форбс (Forbes) Н. — 56
- Фори Б. — 229
- Фрайтаг Ф. К. — 140, 318
- Фрейтаг А. И. — 341
- Фрейтаг (Freitag) Г. — 393
- Фредерик-Леметр (Frédéric Lemaître; наст. имя А.-Л.-П. Леметр) — 71–81
- Фридендер Г. М. — 393, 403, 437
- Фридлянд В. Г. — 273
- Фридрих (Friedrich) I Великий, король Пруссии с 1701 г. — 162, 163
- Фролов Н. Г. — 290
- Фролова (ур. Галахова) Е. П. — 290
- Хаксли (Huxley) О. — 61
- Халабаев К. И. — 212, 215, 354
- Ханенко А. Игн. — 88, 89
- Ханьков Н. В. — 289
- Харламов А. А. — 47, 48, 50
- Харькова И. Н. — 244
- Хвостов А. Н. — 448
- Хейгель (Heugel) Г. — 175, 184
- Хемницер И. И. — 299, 493, 509
- Херасков М. М. — 299, 339
- Хитрово, одна из трех дочерей Н. А. и В. И. Хитрово — 490
- Хитрово (ур. Кривцова) В. И. — 488, 490, 493
- Хитрово Н. А. — 490
- Хитрово, семья Н. А. и В. И. Хитрово — 468, 490
- Хмелевская Е. М. — 244
- Хмыров М. Д. — 289
- Хомяков А. С. — 20, 306, 421
- Христофоров А. Х. — 265
- Цвастаса М. И. — 129
- Цезарь (Caesar) Гай Юлий — 53, 105, 108, 318
- Цейтлин А. Г. — 125
- Цинциннат (Cincinnatus) Луций Квинций — 73
- Цицерон (Cicero) Марк Туллий — 141, 318
- Цицианов П. Д. — 304
- Цумпт (Zumpt) К.-Г. — 289
- Чаадаев П. Я. — 21
- Чайковский П. И. — 175–177, 298, 311, 352
- Чанцев А. В. — 346
- Чапкин В. Н. — 455, 480, 483
- Черкасов П. И. — 454, 458
- Чернов Н. М. — 28, 235–238, 302, 304, 305, 434, 448, 449, 455, 469, 475, 482, 483, 491, 493
- Чернышевский Н. Г. — 13, 156, 157, 159, 275, 322, 403–421, 423, 424, 427, 429, 430, 432
- Черняев М. Г. — 350
- Чертова Н. В. — 393
- Чесноков П. Г. — 175
- Четунова Н. В. — 394
- Чехов А. П. — 54, 57, 59, 133, 315, 320
- Чивилев Б. А. — 309
- Чистова И. С. — 175
- Чичагов Л. М. (проев. Серафим) — 378, 379
- Чичерин А. В. — 126, 134
- Чичерин Б. Н. — 475
- Чичкова Е. В. — 491
- Чудаков А. П. — 126
- Чуковский Н. К. — 391
- Чулков М. Д. — 300
- Шаванн (Chavannes) Э. — 86
- Шаликов П. И. — 87
- Шамро (Chamerot) Жанна-Эдме — 187 («deux petites», «двух малюток»), 366 («mes deux piéces»), 367 («мои две племнницы»)
- Шамро (Chamerot) Жорж — 183, 187, 363 («таги»), 365 («муж»), 367, 386
- Шамро (Chamerot) М. — См. Мопуаль М.
- Шанцер (Schanzer) Дж. — 228
- Шапочка В. В. — 265
- Шалошиников, сержант — 305
- Шаталов С. Е. — 432
- Шаховская (в замуж. Владимирова) Е. Л. — 235
- Шаховская (ур. гр. Мусина-Пушкина) С. А. — 455
- Шаховские И. Л. и С. А. — 455
- Шаховской А. А. — 450
- Шаховской И. Л. — 453, 455
- Шашков — 344
- Шварц (в зам. Тургенева) А. Я. («Анета») — 441 («немка»), 443, 446, 474, 476, 480, 483, 487, 491, 492 («А. Я.»), 497 («моя немка») (?), 501
- Швириц (Scgwitz) Г. — 188
- Швырев В. С. — 110
- Шекспир (Shakespeare) У. — 16, 30, 52 («шекспировскому герою»), 131, 132, 144 («Гамлет»), 165, 166, 173, 177, 202, 217, 231, 232, 233 («Гамлет»), 275, 296, 298, 306, 407–409, 425 («Гамлет»), 429
- Шелгуновы, семья Н. В. и Л. П. Шелгуновых — 312
- Шеллинг (Schelling) Ф.-В.-Й. — 10, 275
- Шен-Рене (Schoen-René) А. Е. — 185
- Шенье (Chénier) А. — 202
- Шеншин В. А. — 318, 319
- Шеншин Н. Н. — 236–238
- Шеншина (в зам. Сологуб) М. В. — 319
- Шеншина (в зам. Рюччи) В. В. — 319
- Шеншина М. П. — См. Боткина М. П.
- Шербюлье (Cherbuliez) В. — 316

- Шервинский С. В. — 252
 Шеренберг (Scherenberg) Г. — 309
 Шерешевская М. А. — 54
 Шидловский М. Р. — 331
 Шиллер (Schiller) Ф. — 16, 19, 26, 30, 282, 403
 Шишманова И. — 286
 Шкловская Б. И. — 6
 Шкловский В. Б. — 393, 394
 Шмидт А. И. (Генрих) — 352
 Шмидт (Schmidt) Ю. — 41, 81, 103, 272
 Шмидтен (Schmidten) А. И. («управитель») — 486, 490, 497, 501, 504, 506, 508, 509
 Шнейдерман И. И. — 265
 Шопенгауэр (Schopenhauer) А. — 95, 392
 Шоу (Shaw) Б. — 61
 Шрёдер (Schroder) М. — 175
 Штакеншнейдер А. И. — 312
 Штакеншнейдер Е. А. — 295, 310, 312
 Шталь (Stahl) Ф.-Ю. — 10
 Штиглиц А. Л. — 484
 Штих (Schlich) К. — 70
 Шуберт А. И. — 352
 Шуберт (ур. Куликова, во втор. браке Яновская) А. И. — 310
 Шуман (Schumann) Р. — 171
 Шумский С. В. — 268

 Щепкин М. А. — 148
 Щепкин М. С. — 70, 82, 148, 149, 297, 316, 317,
 Щепкин Н. А. — 260, 290
 Шукин В. Г. — 16, 125

 Эзоп — 299, 498 (цит.), 501, 502 (цит.)
 Эйхенбаум Б. М. — 125, 212, 215, 354, 355, 393
 Эйхенгольц М. Д. — 42
 Элиот (Eliot; наст. имя М.-Э. Эванс) Дж. — 262
 Эльзон М. Д. — 279
 Энгельс (Engels) Ф. — 275
 Этцель (Hetzl) Ж. — 278, 385

 Юргенсон Э. П. — 279
 Юшневский А. П. — 265

 Яблочкин А. А. — 268
 Яголим Б. С. — 299
 Языков М. А. — 155
 Яковлева Г. В. — 99
 Ямпольский И. Г. — 212–215, 308, 335, 393, 432, 433
 Ярмолинский (Yarmolinsky) А. — 57, 60
 Ярошевский Т. — 110

 Adam A. — 318
 Andreoli R. — 184

 Andrew J. — 186
 Astre G. — 99

 Brang P. — 27

 Cadot M. — 162
 Chopin F. — 185
 Collin P. — 175
 Contat M. — 119

 Didot F. — 299
 Didot L'Ainé P. — 299

 Ivanov A. — 182

 Galigniani A. and W. — 315
 Gettmann R. A. — См. Геттман
 Gevaert A. — 185

 Haendel — См. Гендель Г.-Ф.
 Héritt de la Tour L. — 161
 Harris H.-T. — 185
 Hofmann M.-R. — 28

 Jacobs A. — 34

 Kauchschischwili N. — 180

 Malibrán M. — См. Малибран М.
 Marix-Spire Th. — 183, 188
 Mazon A. — См. Мазон А.
 Meyerbeer J. — 185
 Miran G. — 171, 184
 Moreux F. — 99
 Mourier J. — См. Мурье Ж.

 Nebe A. — 84

 Offord D. — 186

 Paris G. — 185
 Peace R. — 186
 Phelps G. — 54

 Reid R. — 186
 Rybalka M. — 119

 Sergl A. — 99
 Schwirtz G. — 188

 Tommasco N. — 184
 Torop P. — 139, 165
 Troupenas E. — 171

 Waddington P. — См. Уоддингтон П.
 Wilder V. — 175

 Zviguilsky A. — См. Звигильский А.
 Zviguilsky T. — См. Звигильская Т. А.
 Žekulin N. G. — См. Жекулин Н. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

СТАТЬИ

<i>Н. В. Володина.</i> Русский европеец в творчестве Тургенева	7
<i>Л. А. Балыкова.</i> Тургенев и Шарль Нодье: Две повести о первой любви	24
<i>О. Б. Кафанова.</i> Тургенев и Флобер: Творческие дискурсы	34
<i>А. Звигильский (Франция).</i> Иван Тургенев в переписке с Луи Виардо	46
<i>Т. М. Кривина.</i> Дискуссия о Тургеневе в британской литературной среде в начале XX века	54
<i>М. С. Рыбина.</i> Поэтика «остановленного мгновения» в «Гаспаре из тьмы» А. Бертрана и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева	62
<i>Е. В. Проц.</i> Тургенев и актеры французских бульваров	69
<i>С. Л. Жидкова.</i> Периодические издания из мемориальной библиотеки Тургенева в романе «Новь»	83
<i>С. А. Ипатов.</i> Тургенев и Томас Де Квинси (К вопросу о композиции «Призраков»)	95
<i>Е. Г. Петраш.</i> Предэкзистенциальные мотивы в творчестве Тургенева	109
<i>Г. М. Ребель.</i> Жанровая идентификация тургеневского романа	125
<i>А. В. Успенская.</i> Тургенев и античность	139

К 200-ЛЕТИЮ Н. В. ГОГОЛЯ

<i>В. А. Лукина.</i> Кому «жал» башмак Гоголя?	145
--	-----

К 100-ЛЕТИЮ СМЕРТИ ПОЛИНЫ ВИАРДО

<i>Н. Жекулин (Канада).</i> Духовно-интеллектуальные взаимоотношения Тургенева и Полины Виардо	160
<i>В. А. Доманский.</i> Тургенев — соавтор «исмского альбома» Полины Виардо	188

К 190-ЛЕТИЮ А. А. ФЕТА

<i>Н. П. Генералова.</i> Поэтические послания Тургенева и Фета как предмет текстологии	197
--	-----

СООБЩЕНИЯ

<i>К. С. Корконосенко.</i> О первом переводе статьи «Гамлет и Дон-Кихот» на испанский язык	228
--	-----

<i>Д. М. Климова.</i> Карпова или Карпова? Об одной записи в «Мемориале» Тургенев. . .	234
<i>С. Л. Жидкова.</i> Музыкальный комментарий к одному письму Варвары Петровны Тургеневой.	240
<i>В. А. Макешина.</i> Флористические образы и символы в творчестве Тургенев.	248

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

<i>Александровская часовня, Алпатов П. А. (В. А. Громов), Арсеньев Н. В. (О. Ю. Сафонова), Ахматова Е. Н. (И. А. Битюгова), Батюшков Ф. Д., Беговые дрожки (В. А. Громов), Белоголовый Н. А. (И. А. Битюгова), «Безденежье», Белинская О. В. (Е. М. Лобковская), Берс Ал-др Е., Берс Андрей Е., Берс Е. А., Берс Л. А. (О. Ю. Сафонова), Бланшар Э.-Т. (А. Г. Ирли), Бларамберг Е. И. (Л. Н. Назарова), Бобчев С. С. (С. Д. Симеонова), Богданович И. Ф. (С. Л. Жидкова), Бодлер Ш. (Л. А. Балыкова), Боткин В. П. (Е. И. Кийко), Бронь Т. И., <Брошюра по поводу либеральных демонстраций 1879 г.> (Н. С. Никитина), Бюрти Ф. (Л. А. Балыкова), Бюффе Л.-Ж. (Н. В. Васильева), Ваксель П. Л. (М. Д. Эльзон), Варламов К. А., Васильева Н. С. (Е. В. Проц), Венелин Ю. И. (С. Д. Симеонова), Верхняя Зароща (Л. В. Миндыбаева), ж. «Вешние воды» (В. А. Громов), рец. «Вильгельм Телль, драматическое представление в пяти действиях. Соч. Шиллера. Перевод Ф. Миллера...» (Л. Н. Назарова), Витали И. П. (Л. И. Кузьмина), оч. «Вместо вступления» (Е. И. Кийко), Воейков А. Ф. (С. Л. Жидкова), Воейков Н. П. (Н. С. Никитина), Вревская Ю. П. (Л. Н. Назарова), «Встреча» (Н. С. Никитина), Вялкинский К. И. (Л. Н. Назарова), Ганжулевич Т. Я. (В. А. Громов), Ганс Э. (С. Л. Жидкова), Гаршин Е. М. (В. А. Громов), Грановский Т. Н. (Л. Н. Назарова), Гревс И. М. (В. А. Громов), Гринвальд Р. Е. (Н. С. Никитина), Губарево (Л. В. Миндыбаева), Гутьяр Н. М. (Н. М. Малышева), Еропкина Н. М., Журавлев Д. Н. (Л. Н. Назарова), Завадцке (Л. В. Миндыбаева), Загуляев М. А. (Н. П. Генералова), Ильинская М. В., Калмина Е. П. (Е. В. Проц), Лафонтен Ж. де (Л. А. Балыкова), Ленц Я.-М.-Р. (С. Д. Симеонова), Лутовинов А. И., Лутовинов И. И., Лутовинов П. И. (С. Л. Жидкова), Лясковский В. Н. (Н. С. Никитина), Миллер С. А. (Л. Н. Назарова), Мирбо О., Надар Г.-Ф. (Л. А. Балыкова), Ножан-Сен-Лоран Э.-Ж.-Ж.-Ж.-А., Норнак Ж., Орлова П. И. (Н. П. Генералова), Осоргин М. А., Панаева А. В. (Л. Н. Назарова), Полонская Е. В. (С. Л. Жидкова, Н. С. Никитина), Ратисбон Л.-Ф.-Г., Ролан г-жа (Н. П. Генералова), Савицкая Н. В. (Е. В. Проц), Саути Р. (Л. В. Миндыбаева), Суворина А. И. (Л. Н. Назарова), Терье А. (Л. А. Балыкова), Федотов А. Ф., Федотова Г. Н. (Е. В. Проц), Цицерон (В. А. Лукина), Шеншин В. А. (Л. М. Маричева) . . . . .</i>	260
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875–1876). Публикация С. А. Ипатовой . . .	320
Тургенев и К. Ю. Давыдов: Новые материалы (Дополнения к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева). Публикация Л. В. Герашко	352
Письма М. Дювернуа к Е. И. Апрельской (Бларамберг) и «инцидент» с ними связанный. Публикация Е. М. Варенцовой	362
Преосвященный Серафим (Л. М. Чичагов). Слово пред панихидою по И. С. Тургеневу. Публикация Г. Н. Павловой	378

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ

<i>П. Р. Заборов. М. П. Алексеев и французские тургеневеды</i>	383
<i>Л. В. Пумпянский — тургеневед. Переписка с редакцией журнала «Литературный критик». Публикация Дж. Ларокка (Италия)</i>	391
<i>Из архива Л. Н. Назаровой (1910–2005). Два черновика писем к Б. К. Зайцеву. Публикация Н. П. Генераловой</i>	398
<i>Из архива А. И. Батюто (1920–1991). Публикация С. А. Батюто</i>	
1. <i>А. И. Батюто. Белинский, Чернышевский, Добролюбов и другие (Эстетические разногласия и разночтения)</i>	403
2. <i>Письма к А. И. Батюто: Б. В. Богданов, В. А. Громов, П. Г. Пустовойт</i>	430

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

<i>Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Часть II (29 ноября (11 декабря) 1838 — 14 (26) марта 1839). Публикация С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной</i>	439
<i>Список сокращений</i>	510
<i>Список иллюстраций</i>	512
<i>Указатель произведений и замыслов Тургенева</i>	516
<i>Указатель имен</i>	519

И. С. ТУРГЕНЕВ
Новые исследования и материалы. II

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук*

Издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Редактор *В. Н. Илюшенко*
Корректор *Д. В. Васильева*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Подписано к печати 10.12.10.
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 34. Уч.-изд. л. 40.
Тираж 800 экз. Заказ № 3.

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс: в Москве (499) 165-31-87;
в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано в ООО «Контраст»
192007, Санкт-Петербург, ул. Воронежская, дом 27.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЬЯНС-АРХЕО»

в 2010 г. ВЫШЛИ В СВЕТ:

Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII–XVI вв. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 640 с., ил., пер.

Книга посвящена истории и культуре Великого Новгорода XII–XVI вв. и двум самым известным историческим лицам — Варлааму Хутынскому, удостоившемуся местного, а затем и общероссийского почитания, и архиепископу Антонию (в миру Добрыне Ядрейковичу), активному участнику церковно-политической жизни Новгорода начала XIII в., путешественнику, свидетелю разорения Константинополя крестоносцами, писателю и богослову.

Изучение известных, малоизученных и вновь открытых источников позволило автору представить реконструкцию жизни Великого Новгорода XIII в.: летописи, жития, устные предания, богослужебные сочинения, миниатюры рукописей, ювелирные изделия и шитье, храмы, созданные при Варлааме и Антонии или посвященные их памяти, выстраивают рельефную картину жизни их современников. Особую ценность в книге представляет первое фототипическое воспроизведение рукописи XVII в. (из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории РАН), сохранившей особую редакцию Житие Варлаама Хутынского.

Книга написана живым языком и предназначена не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Ядрышников В. А. Архитектура Старой Руссы XII — начала XX века. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 408 с., ил., пер.

Монография представляет собой первое научное исследование архитектуры одного из древнейших городов Новгородской земли. Автор использует весь комплекс известных и вновь выявленных источников — письменных (включая не введенные еще в научный оборот документы XVI–XVII вв.), иконографических, археологических, топографических, реставрационных. В книге дан подробный исторический и архитектурный анализ всех сохранившихся памятников (более 50), прослежена их строительная биография, методика реставрации, определено их место в истории русского зодчества. Анализируются также утраченные памятники церковного зодчества (более 30).

Издание включает богатый иллюстративный материал и адресована широкому кругу читателей.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 560 с., ил., пер.

Монография посвящена деятельности выдающегося русского книжника XVII в. Сергия Шелонина. Постриженник Соловецкого монастыря, инок-священник Сергей посвятил жизнь книжным занятиям: несколько десятилетий изучал в богатой библиотеке своей обители богословские, исторические, грамматические труды, создавал собственные сочинения, прославляющие русских святых и православные традиции. В 1640-х гг. Сергей работал в Москве под руководством патриарха Иосифа и готовил к печати новаторские компендиумы и компиляции из популярных в Древней Руси сочинений. При жизни книжника был издан только один его труд, в XVIII в. отредактированные им книги публиковали старообрядцы. В монографии рассматривается состав келейной библиотеки Сергия, сохранившейся практически полностью, представлены основные на-правления его деятельности, обусловленные политикой русской церкви середины XVII в., вводится в научный оборот целый ряд биографических фактов и рукописей. На основе анализа творческого наследия соловецкого инока-эрудита автор определяет его позицию по отношению к реформам патриарха Никона. Фундаментальная деятельность Сергия не получила дальнейшего развития в связи с изменением церковной политики в 1650-х гг. и разгромом Соловецкого восстания (1676 г.), однако, она является ярким примером высочайшего уровня русской культуры середины XVII в.

Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 680 с.

Монография посвящена одной из важнейших богослужебных книг Средневековья — Псалтири, которая рассматривается с точки зрения ее печатной истории в Московском государстве в XVI–XVII вв., т. е. от начала книгопечатания в Москве и до времени петровских реформ. На основе изучения сохранившихся изданий простой Псалтири в монографии прослеживается история изменения формы и содержания книги, история исправления ее текста. Исследование сопровождается рядом приложений, в которых приведены описания московских изданий Псалтири указанного периода, а также материалы, касающиеся надписаний псалмов и разделения текста псалмов и библейских песней на стихи. Для исследователей древнерусской литературы и культуры, библиистов и всех, интересующихся историей отечественного книгопечатания.

Художники Победы. Живопись, графика, скульптура из фондов музеев Ленинградской области. Каталог: К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 236 с., пер., илл.

Издание включает первое научное описание и публикацию произведений живописи, графики и скульптуры, созданных в период Великой Отечественной войны или посвященных событиям 1941–1945 гг., хранящихся в фондах Музеев Ленинградской области. В Альбоме представлены работы художников и скульпторов, принимавших непосредственное участие в боевых действиях или находившихся в осажденном Ленинграде.

Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010 / Ред. О. Л. Новикова. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 320 с., ил., пер.

Издание включает новейшие исследования по истории хронографии и русского летописания начала XV–XVII вв., историографии отечественного летописеведения, а также публикации материалов XV–XVI в.

Среди авторов сборника: О. В. Творогов, Т. В. Анисимова, Н. И. Милютенко, С. Н. Кистерев, О. Л. Новикова, М. А. Шибаев, А. С. Усачев, А. В. Сиринов, М. А. Савинов, Я. Г. Солодкин.

Сиринов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 460 с.

Монография посвящена выдающемуся памятнику русской исторической мысли середины XVI в. — Книге Степенной царского родословия. Рассмотрены историко-культурный контекст и обстоятельства ее создания, а также ее восприятие в разные эпохи — от царствования Ивана Грозного до Века Просвещения. Особое внимание уделено случаям использования Степенной книги в идеологических концепциях XVII–XVIII вв.

Книга адресована историкам, филологам, а также всем, интересующимся историей русской культуры.

Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого и церковно-общественного деятеля. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 960 с., пер., ил.

В центре книги жизнь и труды члена-корреспондента Императорской и Болгарской Академий наук, заслуженного профессора Санкт-Петербургской академии Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937). Книга снабжена солидным справочным аппаратом и большим количеством приложений документального характера, построена на богатом фактическом материале с привлечением документов отечественных и зарубежных архивов и адресована всем, интересующимся историей России конца XIX — первой трети XX века.

Еремин Ю. Г. На семи холмах. Сборник стихов. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 636 с.

В книгу избранных стихотворений действительного члена Русского географического общества Юрия Григорьевича Еремина включены стихотворения 1961–2009 годов. В книге отражены основные вехи жизни автора — филолога, поэта, геолога.

Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века / Сост. А. И. Комиссаренко (отв. сост.), Н. Ю. Болотина, А. Ю. Кононова. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 438 с.

В сборник вошел обширный писцовый комплекс дворцовых вотчин Нижегородского края.

Это тексты отписной книги дворцового села Сергач с деревнями 1667 г. и переписной книги, составленной в 1679 г. Сборник включает также писцовую книгу села Лысково и Лысковского уезда 1680–1681 гг. Она является ценным источником изучения села Лысково как крупного центра торговли и предпринимательства Нижегородского Поволжья XVII в. Книга включает уникальные по полноте сведения о церквях и монастырях села Лысково и Лысковского уезда. В сборник вошла также ландратская книга Лысково 1716–1717 гг., являющаяся ценнейшим источником изучения жизни села в эпоху грандиозных Петровских преобразований первой четверти XVIII в. Данные публикуемого писцового комплекса предоставляют возможность изучения движения населения в крупнейших дворцовых селах в конце XVII — начале XVIII вв. Писцовый комплекс включает ценные сведения о производстве поташа в селе Сергач. Материалы писцового делопроизводства — уникальный источник о социально-экономическом развитии Нижегородского края, городском и церковном строительстве, жизни простых людей в дворцовых вотчинах.

Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / Сост. З. В. Дмитриева. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 624 с.

Издание включает приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря за 1601–1637 гг. Их публикация расширит наши представления о социально-экономической истории России XVII в.: о доходах и покупательной способности монастырей в период Смуты, о ценах на товары и их колебаниях, видах платежей крестьян и их эволюции, размерах денежных вкладов в монастыри и т. д. Будучи своеобразной энциклопедией повседневной хозяйственной жизни монастырей, приходо-расходные книги знакомят читателя с бытом и ремесленными занятиями братии, слуг и служебников.

В издании помещен альбом филигранных, составленный на основе хозяйственных рукописей Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XVI — первой трети XVII в. Книга предназначена историкам, искусствоведам, лингвистам и всем читателям, интересующимся отечественной историей.

Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. / Вступ. статья и подгот. текста Л. А. Тимошиной. Т. 3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с., ил., пер.

Третий том материалов архива крупных купцов и предпринимателей Русского государства XVII — начала XVIII в. является продолжением публикации материалов из личного собрания Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Том включает в себя документы уголовно-судебных и административно-судебных дел членов семьи Панкратьевых с представителями различных социальных групп Русского государства указанного периода — гостями и торговыми людьми гостиного сотни, «именитыми людьми» Строгановыми, духовными корпорациями (Соловецкий монастырь, Голубинская пустынь), черносошными крестьянами, посадским населением Вологды, Устюга Великого, Яренска.

Очерки феодальной России. Вып. 14 / Ред. С. Н. Кистерев. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 704 с., ил., пер.

Предметом изучения в трудах, печатаемых в выпусках Очерков, являются общие проблемы и частные вопросы истории России того хронологического периода, который характеризуется существованием на ее территории феодального общества, начиная со времени его формирования и до начала XVIII века, когда начавшийся в предыдущем столетии новый период отечественной истории ознаменовался глобальными изменениями во всей общественной жизни страны.

Экономика и политика, материальная и духовная культура, общественная мысль и внешние связи, включая как межгосударственные, так и межэтнические контакты означенного хронологического периода, — предмет рассмотрения в статьях, помещаемых в Очерках.

Среди авторов сборника С. Н. Кистерев, М. В. Корогодина, О. Ю. Куц, О. Л. Новикова, Я. Г. Солодкин, Л. А. Тимошина, Б. Л. Фонкич, А. А. Фролов, М. С. Черкасова, О. В. Чумичева, Ю. Э. Шустова.